

Annotation

Это сага, которая завоевала сердца миллионов читателей во всем мире. Это сага о великой любви Клэр Рэндолл и Джейми Фрэзера - любви, которой не страшны пространство и время. Это сага о женщине, которая, оказавшись в совершенно непостижимой ситуации, нашла в себе силы и мужество противостоять обстоятельствам. Целых двадцать лет Клэр Рэндолл хранила свою тайну. Но теперь она возвращается в Шотландию, страну величественных гор, окутанных туманом. Она хочет выяснить правду, столь же ошеломительную, как и события, ее породившие. Правду о загадке древнего каменного круга, способного перебросить человека на много лет назад, и о Джеймсе Фрезере, шотландском воине XVIII века, чья храбрость и любовь защищали Клэр от опасностей той бурной эпохи. А ее повзрослевшей дочери, медноволосой Брианне, предстоит узнать правду о ее настоящем отце.

- [Диана Гэблдон](#)
 - [Пролог](#)
 - [Часть первая](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Часть вторая](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)

- [Часть третья](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Часть четвертая](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
-

Диана Гэблдон
Стрекоза в янтаре. Книга 1

*Моему мужу, Дагу Уоткинсу, с благодарностью за
помощь в сборе материала*

Пролог

Я просыпалась три раза в темный предрассветный час. Сперва в печали, потом в радостном волнении и, наконец, с чувством одиночества. Слезы глубоко переживаемой утраты пробуждали меня, омывая лицо утешительным прикосновением, словно влажная ткань в чьих-то любящих руках. Я вжалась лицом в мокрую подушку, и соленая река слез унесла меня в скорбные провалы воспоминаний, в таинственные глубины сна.

И я проснулась с ощущением безумной радости, тело изогнулось дугой в судорогах физического слияния, кожа чувствовала свежесть его прикосновений, разбегавшуюся по нервам и сладкой дрожью замирающую где-то в самой глубине тела. Я отогнала от себя пробуждение, повернулась, ища забвения в остром теплом аромате удовлетворенного мужского желания, в утешительных объятиях моего возлюбленного.

На третий раз я проснулась одна, ощущая себя свободной от любви и печали. Вид тех каменных столбов был еще свеж в памяти. Маленький круг, камни, окаймлявшие гребень крутого зеленого склона. Название этого холма Крэг-на-Дун — холм фей. Одни говорят, что холм этот заколдован, другие — что над ним тяготеет проклятие. И те и другие правы. Но никто не знает, каково предназначение и смысл этих камней...

Никто, кроме меня.

Часть первая
В ЗАЗЕРКАЛЬЕ, В ТЕМНОТЕ
Инвернесс, 1968

Глава 1

СПИСОК ЛИЧНОГО СОСТАВА

Роджер Уэйкфилд стоял посередине комнаты и чувствовал, что окружен со всех сторон. Основания к тому были у него самые веские. Он и на самом деле был окружен — столами с разными безделушками и сувенирами, тяжелой викторианской мебелью, укрытой какими-то салфеточками, плюшевыми накидками, афганскими коврами. Паркетный пол застилали крошечные вышитые коврики, готовые заскользить под чьей-то неосторожной ногой. Он был окружен двенадцатью комнатами, забитыми мебелью, одеждой и бумагами. И книгами, о, Бог мой, эти книги!..

Три стены кабинета, где он теперь находился, сплошь занимали битком набитые книжные полки. Перед томами, переплетенными в телячью кожу, высились стопы детективов в ярких бумажных обложках, между ними были втиснуты более изысканные образчики полиграфии, удовлетворяющие вкусам любого, даже самого придирчивого члена клуба книголюбов; торчали корешки старинных книг, украденных в свое время из гибнущих библиотек, а также тысячи и тысячи брошюр, записных книжек и рукописей. Та же обстановка наблюдалась и в остальных помещениях. Книги и бумаги занимали все горизонтальные поверхности, шкафы и кладовки трещали по швам. Его покойный отчим прожил долгую плодотворную жизнь, на десять лет дольше положенных по Библии семидесяти. Доживший до восьмидесяти мистер Реджиналд Уэйкфилд никогда ничего не выбрасывал.

Роджер с трудом подавил желание выбежать из дома, вскочить в свой «моррис майнор» и вернуться в Оксфорд, оставив особняк и все, что в нем имелось, на растерзание стихии и вандалов. Успокойся, сказал он себе и глубоко вздохнул. Со всем этим вполне можно справиться. С книгами проще всего: просто их надо рассортировать, а потом позвонить, чтоб приехали и забрали. Понадобится грузовик размером с товарный вагон, но и это преодолимо. Одежда — с ней вообще нет проблем. Оксфэм^[1] все заберет.

Он не совсем понимал, что будет делать Оксфэм с целой кучей черных саржевых костюмов покроя 1948 года, но, возможно, бедняки не слишком разборчивы. Ему стало легче дышать. Он специально взял месячный отпуск на кафедре истории Оксфордского университета, чтобы привести в

порядок имущество и дела его преподобия. Что ж, в этот срок вполне можно уложиться. Правда, порой его охватывало отчаяние, и тогда казалось, что эту работу не переделать и за годы.

Он подошел к одному из столов и взял с него маленькое фарфоровое блюдо. В нем лежали небольшие металлические прямоугольнички — свинцовые «габерлунзы», специальные бляхи, которые в XVIII веке служили приходским нищим как бы свидетельством того, что они имеют лицензию на это ремесло. У лампы стояла коллекция каменных бутылей, рядом с ними — табакерка из рога, отделанная серебром. Сдать их в музей? Весь дом был битком набит разными якобитскими поделками, его преподобие был любителем истории, а его излюбленным объектом исследований был XVIII век.

Пальцы инстинктивно потянулись к табакерке, погладили ее поверхность, пробежали по вырезанным на ней черным буквам — имена и даты жизни «дьяконов и казначеев гильдии портных Кэнонгейта, Эдинбург, 1726 год». Может, все же стоит сохранить несколько раритетов из коллекции его преподобия? Но он тут же решительно отверг эту мысль.

— Ни в коем случае, приятель, — произнес он вслух. — Иначе можно рехнуться.

Или превратиться в кладовую крысу. Стоит только начать с нескольких вещей, и вскоре счет пойдет на тысячи. Тут же возникнет искушение поселиться в этом чудовищном доме среди завалов из всякой дребедени.

— И беседовать с самим собой вслух, — добавил он.

Мысль о завалах из дребедени напомнила ему о гараже, и колени у него подогнулись. Его преподобие, приходившийся на деле Роджеру двоюродным дедушкой, усыновил мальчика в возрасте пяти лет, после того как родители его погибли во время Второй мировой войны: мать — во время бомбежки, отец — в темных водах Ла-Манша. Следуя своей обычной скопидомской манере, священник сохранил все вещи родителей Роджера — уложенные в сундуки и коробки, они хранились в гараже. Роджер знал, что за последние лет двадцать к ним не прикасалась рука человека.

При мысли, что ему предстоит рыться в родительских вещах, Роджер испустил тяжкий вздох.

— Господи, — взмолился он, — что угодно, только не это!

Слова эти мало походили на молитву, однако, словно в ответ на них, брякнул дверной колокольчик, что заставило Роджера прикусить от неожиданности язык.

В сырую погоду входная дверь в особняке имела привычку разбухать, отчего отворить ее было непросто. Наконец, издав скрип, она подалась, и

Роджер увидел на пороге женщину.

— Чем могу быть полезен?

Женщина была среднего роста и весьма миловидна. Вот общее впечатление, создавшееся у него: тонкие черты лица, белая льняная блузка, копна вьющихся каштановых волос, напоминающая слегка развившийся шиньон. А в центре — пара ярких янтарных глаз, цвета хорошо выдержанного шерри.

Глаза обежали его фигуру, возвышавшуюся над ней на фут, начиная с парусиновых туфель одиннадцатого размера, и остановились на лице. Легкая улыбка еще шире раздвинула губы.

— Не хотелось бы начинать с банальностей, — сказала она, — но, Бог мой, как же вы выросли, молодой Роджер!

Роджер почувствовал, что краснеет. Женщина рассмеялась и протянула руку:

— Вы ведь Роджер, не так ли? А я — Клэр Рэндолл, старая приятельница его преподобия. Но когда мы виделись последний раз, вам было не больше пяти.

— Э... Так вы дружили с моим отцом? Тогда вы, должно быть, знаете...

Улыбка исчезла, ее сменило скорбное выражение.

— Да. Очень печально было узнать эту новость. Сердечный приступ, не так ли?

— Гм, да. Он умер совершенно внезапно. Я только что приехал из Оксфорда, чтоб как-то распорядиться имуществом. — И он повел рукой вокруг себя.

— Насколько я помню библиотеку вашего отца, это занятие вполне может затянуться до самого Рождества, — заметила Клэр.

— В таком случае не будем отнимать у вас время, — раздался за ее спиной голос с американским акцентом.

— О, совсем забыла, — Клэр отступила и обернулась к девушке, стоявшей слева от нее, так, что Роджеру не было ее видно. — Роджер Уэйкфилд, моя дочь Брианна.

Брианна Рэндолл шагнула вперед с застенчивой улыбкой на лице. На секунду Роджер растерялся, затем вспомнил о манерах. Отступил на шаг, пошире распахнул дверь, судорожно вспоминая при этом, когда последний раз менял рубашку.

— Что вы, что вы, вы мне нисколько не помешали! — Он говорил совершенно искренне. — Как раз собирался передохнуть. Входите, прошу!

Он провел гостей через холл в кабинет викария, бегло отметив при

этом, что Брианна, помимо того что довольно хорошенькая, была одной из самых высоких девиц, которых ему когда-либо доводилось видеть вблизи. Футов шести росту, не меньше, подумал он, заметив, как она чуть пригнула голову, проходя под аркой в холле. И тут же бессознательно выпрямился, следуя за ней, до полных своих шести футов и трех дюймов. И лишь в последний миг, проходя вслед за гостями в комнату, пригнулся, чтоб не удариться головой о притолоку.

— Хотела приехать раньше, — сказала Клэр, усаживаясь в огромное вращающееся кресло. Четвертую стену в кабинете священника занимали высокие, от пола до потолка, окна, и солнце высветило в ее светло-каштановых волосах седину. Локоны начали развиваться, особенно один, возле уха, который она рассеянно теребила. — Уж совсем было собралась приехать в прошлом году, но тут в нашем госпитале, в Бостоне, возникли какие-то непредвиденные обстоятельства. Я... я, знаете ли, врач, — объяснила она, немного кривя рот, словно в ответ на удивление, отразившееся на лице Роджера вопреки всем его стараниям. — И теперь страшно жалею об этом. Что не пришлось повидаться с вашим отцом...

Интересно, подумал Роджер, зачем тогда она заявила теперь, зная, что священник умер. Но спросить не осмелился, это было бы невежливо. И вместо этого сказал:

— Решили полюбоваться окрестностями?

— Да, мы ехали на машине из Лондона, — ответила Клэр и улыбнулась дочери. — Я хотела, чтобы Бри посмотрела страну. По ее акценту не скажешь, но, знаете ли, она у нас чистокровная англичанка, как и я, хотя никогда не жила в Англии.

— Вот как? — Роджер взглянул на Брианну. Мало походит на англичанку, подумал он. Слишком высокая, густые рыжие волосы небрежно спадают на плечи, черты лица четкие, жестко очерчены, нос прямой, длинный, пожалуй, даже чуть длинней, чем следует.

— Я родилась в Америке, — объяснила Брианна. — Но мама и папа... Он у меня тоже был англичанин.

— Был?

— Муж умер два года назад, — объяснила Клэр. — Думаю, вы о нем слышали. Фрэнк Рэндолл...

— Фрэнк Рэндолл?! Ну конечно! — Роджер хлопнул себя по лбу и почувствовал, что щеки у него вспыхнули — так громко рассмеялась Брианна. — Нет, я, должно быть, выгляжу полным идиотом! Только сейчас понял, кто вы.

Это имя говорило о многом. Фрэнк Рэндолл был выдающимся

историком и добрым другом его преподобия; в течение многих лет обменивались они крупицами новых сведений о якобитах, хотя со времени последнего визита Фрэнка Рэндолла в дом прошло, наверное, не меньше десяти лет.

— Так вы решили посетить исторические места в окрестностях Инвернесса? — осведомился Роджер. — В Каллодене уже побывали?

— Еще нет, — ответила Брианна. — Думаем посетить его позже, в конце недели. — Улыбка ее была вежливой, но никаких эмоций не выражала.

— Сегодня мы записались на экскурсию в Лох-Несс, — сказала Клэр. — А завтра, наверное, поедem в Форт-Уильям или просто погуляем по Инвернессу. Тут так все изменилось за последнее время...

— А когда вы были здесь последний раз? — Роджер никак не мог решить, стоит ли предлагать дамам свои услуги в качестве экскурсовода. Времени у него на это не было, но, с другой стороны, Рэндоллы являлись действительно близкими друзьями священника. Кроме того, поездка в Форт-Уильям в компании двух таких очаровательных дам представляла собой куда более приятную перспективу, нежели разборка вещей в гараже, которую он запланировал на завтра.

— О, давно! Лет двадцать назад... — В голосе Клэр он уловил какие-то странные нотки, однако, подняв на нее глаза, увидел, что она улыбается.

— Что ж, — предложил он, — если я могу быть чем-то полезен, пока вы здесь, в Шотландии...

Клэр все еще улыбалась, но выражение лица ее переменялось. Казалось, она чего-то ждет.

— Поскольку уж вы сами заговорили об этом... — начала она и заулыбалась уже во весь рот.

— О, мама! — одернула ее Брианна и выпрямилась в кресле. — Стоит ли утруждать мистера Уэйкфилда! У него же непочатый край работы. — Она обвела рукой кабинет, заваленный коробками, ящиками и заставленный бесконечными рядами книг.

— Что вы, какое беспокойство! — возразил Роджер. — Э... а чем, собственно, я могу...

Клэр жестом успокоила дочь.

— Я вовсе не собираюсь оглушить его ударом по голове и вытащить отсюда, — несколько раздраженно заметила она. — Но, возможно, Роджер знает кого-то, кто может помочь. Я провожу одно небольшое историческое исследование, — пояснила она, — и мне нужен человек, сведущий в движении якобитов восемнадцатого века. Знающий о Красивом принце

Чарли^[2] и прочих...

Роджер подался вперед, явно заинтересованный.

— Яcobиты? — переспросил он. — Нет, в этой области я не специалист, хотя кое-что знаю. Что и неудивительно, поскольку прожил столько лет неподалеку от Каллодена. Ведь именно здесь произошла последняя битва, — объяснил он Брианне. — Люди Красивого принца Чарли двинулись против герцога Камберленда и были перебиты.

— Верно, — кивнула Клэр. — Именно это меня и интересует. — Она потянулась к сумочке и достала из нее сложенный пополам листок бумаги.

Роджер развернул его и быстро пробежал глазами. Это был список имен, человек тридцать, все мужчины. Предварял его заголовок: «Восстание яcobитов, 1745 год. Каллоден».

— О, так это тысяча семьсот сорок пятый? — спросил Роджер. — Эти люди сражались при Каллодене?

— Да, — ответила Клэр. — Мне хотелось бы выяснить, сколько их уцелело после битвы.

Роджер, потирая подбородок, рассматривал список.

— Вроде бы простой вопрос, — сказал он. — Но получить на него ответ будет сложно. В этой битве погибло столько сторонников принца Чарли, что по отдельности их не хоронили. Их зарывали в братских могилах, а сверху клали камень, где не было имен, только название рода.

— Знаю, — кивнула Клэр. — Брианна здесь никогда не была, но я... мне доводилось, хотя и очень давно...

Ему показалось, что в глазах ее промелькнула какая-то тень, но она тут же наклонилась к сумочке. Впрочем, ничего удивительного тут нет, подумал он. Каллоденское поле битвы — трогательное место, у многих, кто там бывал, на глаза наворачивались слезы при виде этой огромной, поросшей вереском пустоши и воспоминании о благородных и мужественных шотландцах, которые спят теперь здесь вечным сном под высокой травой.

Она развернула и протянула ему еще несколько отпечатанных на машинке листков. Длинный белый палец скользил по страницам сверху вниз. Красивые у нее руки, отметил про себя Роджер. Изящные, ухоженные, на каждой — по кольцу. Серебряное на левой — особенно эффектное: в виде яcobитской ленты традиционного шотландского плетения, украшенной цветками чертополоха.

— Тут имена жен, насколько я знаю. Возможно, это как-то поможет. Ведь раз их мужья погибли при Каллодене, некоторые из этих женщин наверняка снова вышли замуж или уехали. В церковных книгах должны

были остаться записи. Все они из одного прихода: церковь была в Брех Мордха, это недалеко, к югу отсюда.

— Да, неплохая идея, — согласился Роджер, слегка удивленный. — Такое могло прийти в голову только историку.

— О, меня вряд ли можно причислить к историкам, — суховати ответила Клэр Рэндолл. — С другой стороны, когда долго живешь с историком, начинаешь смотреть на многие вещи несколько иначе.

. — Конечно. — Тут Роджер вспомнил о своем положении хозяина и поднялся. — Из меня никудышный хозяин! Позвольте предложить вам выпить, а потом продолжим беседу. Возможно, я и сам смогу вам помочь.

Несмотря на царивший в доме беспорядок, он знал, где находятся бокалы, и быстро принес виски. Брианне он щедро подлил содовой, но заметил, что, отпив, она поморщилась, словно то был некий антимуравьиный спрей, а не лучшее шотландское виски из отборного ячменя. Клэр, попросившая вовсе не добавлять ей содовой, похоже, пила с удовольствием.

— Что ж, — заметил Роджер, снова усевшись, и взял в руки список, — проблема интересная, с исторической точки зрения, разумеется. Вы сказали, что все эти люди были из одного прихода? Тогда, должно быть, они принадлежали и одному роду, или клану. Я вижу, некоторые из них носили фамилию Фрэзер?

Клэр кивнула:

— Да, все они выходцы из одного места. Небольшой шотландской фермы под названием Брех Туарах. Известна больше под местным названием Лаллиброх. И, действительно, принадлежали клану Фрэзеров, хотя никогда не признавали лорда Ловата главой рода. Эти люди присоединились к восстанию на самом раннем этапе. Они принимали участие в битве при Престоне^[3]. Люди же Ловата присоединились к ним только при Каллодене.

— Вот как? Интересно. Обычно в восемнадцатом веке все мелкие фермеры умирали там, где прожили всю жизнь. И хоронили их на сельских кладбищах, предварительно сделав запись в церковной книге. Однако похоже, что Красивый Принц Чарли, попытавшийся в тысяча семьсот сорок пятом году завладеть шотландским тронном, нарушил привычный порядок вещей. Во время голода, последовавшего за битвой при Каллодене, многие шотландцы эмигрировали в Новый Свет, другие двинулись с пустошей в города в поисках еды и работы. Остались лишь немногие, верные своей земле и традициям.

— Это материал для потрясающей статьи, — сказал Роджер,

размышляя вслух. — Проследить за судьбой нескольких человек и на их примере выяснить, что же произошло с целым народом. Жаль, если все они действительно погибли при Каллодене, однако всегда есть шанс, что хоть несколько человек да уцелело. — Он бы наверняка занялся этой проблемой, если бы Клэр Рэндолл его попросила. — Да, думаю, что смогу помочь вам, — заключил он и был вознагражден ее теплой улыбкой.

— Правда? Но это же просто замечательно! — воскликнула она.

— С радостью, — ответил Роджер. Сложил листки и опустил на стол. — Займусь безотлагательно. Однако расскажите, как прошло ваше путешествие из Лондона.

Беседа перешла на более общие темы, Рэндоллы рассказывали ему о своей поездке, о том, как плыли через океан, о том, как добирались из Лондона. Но Роджер слушал не слишком внимательно. Мысли его были поглощены предстоящим исследованием. И одновременно он испытывал чувство вины — за то, что хочет заняться делом, времени на которое у него просто нет. С другой стороны, проблема страшно интересная. Вполне возможно, что ему удастся сочетать работу над ней с разборкой рукописей его преподобия. Он знал, что в гараже хранятся сорок восемь коробок с надписью на каждой: «Якобиты. Разное». При воспоминании о них он снова почувствовал слабость в коленях.

Усилием воли он отогнал мысль о гараже и внезапно заметил, что разговор принял совсем иное направление.

— Друиды? — удивленно и растерянно заметил Роджер. И подозрительно уставился в свой бокал. Возможно, он просто забыл добавить себе содовой?..

— Разве вы о них не слышали? — несколько разочарованно спросила Клэр. — Но ваш отец, то есть его преподобие... он довольно много знал о друидах, хотя, возможно, не слишком афишировал свои знания. Вероятно, он счел, что вам рассказывать о них не стоит.

Роджер задумчиво почесал в затылке, ероша густые черные волосы, — Нет, не припоминаю. Вы, вероятно, правы, он не принимал все эти рассказы всерьез.

— Не уверена. — Клэр положила ногу на ногу. Луч солнца нежно освещивал на чулке, подчеркивая изящество длинной стройной икры. — Когда я была здесь последний раз с Фрэнком... Боже, с тех пор прошло целых двадцать три года!.. Так вот, тогда его преподобие говорил ему, что обнаружил местную группу... гм... современных друид, если так можно выразиться. Уж не знаю, насколько они были настоящие... Вполне вероятно, что нет. — Брианна вся подалась вперед и слушала с интересом,

совсем позабыв про бокал виски, зажатый в руке. — Конечно, священник не заявлял о них официально. Его обвинили бы в язычестве и прочее. Но его экономка миссис Грэхем входила в эту группу и намекнула Фрэнку, что они собираются проводить какую-то очередную церемонию накануне Белтейна, то есть первого мая.

Роджер кивнул, пытаясь совместить образ пожилой миссис Грэхем, весьма строгой и приличной дамы, с обликом ведьмы, принимающей участие в языческом ритуале и пляшущей на рассвете у круга из каменных столбов. Что касается самой церемонии, то он мог припомнить только, что во время проведения некоторых из них сжигались жертвенные животные в плетеных корзинах, что делало еще более сомнительным участие в этих ритуалах прихожанки пресвитерианской церкви столь почтенного возраста.

— Где-то здесь, совсем рядом, на гребне одного из холмов выложен круг из камней. И вот однажды, на рассвете, мы отправились туда, проследить за друидами, — продолжала Клэр, виновато поеживаясь. — Вы же знаете, что это за люди, ученые. Для них нет преград, когда речь заходит о предмете изысканий. Они способны на самые сомнительные поступки. — Роджер слегка поморщился, однако кивнул в знак согласия. — И друиды действительно были там, — говорила Клэр. — И миссис Грэхем тоже. Завернувшись в простыни, они напевали что-то и танцевали внутри каменного круга. Фрэнк был совершенно заморожен этим зрелищем, — добавила она с улыбкой. — Оно действительно впечатляло, даже меня.

На секунду она умолкла, задумчиво глядя на Роджера:

— Я слышала, что миссис Грэхем скончалась несколько лет назад. Но интересно... было бы узнать, остался ли кто в живых из членов ее семьи. Ведь членство в подобных группах носит, насколько мне известно, наследственный характер. Возможно, у нее была дочь или внучка, которая могла бы рассказать мне об этом?..

— Гм... — медленно начал Роджер. — Да, у нее есть внучка, по имени Фиона. Фиона Грэхем. Более того, она после смерти бабушки заменила ее. Его преподобие был слишком стар, чтобы самому управляться с хозяйством.

Если что-то и могло затмить в его сознании образ миссис Грэхем, пляшущей у каменных столбов, то только воспоминание о девятнадцатилетней Фионе, носительнице древнего мистического знания. Но Роджер решительно отмел его и продолжил:

— Правда, сейчас, к сожалению, ее здесь нет. А то бы я, конечно, пригласил ее поговорить с вами.

Клэр махнула изящной кистью:

— Не стоит беспокоиться. Как-нибудь в другой раз. Мы и так отняли у вас много времени.

К смущению Роджера, она поставила пустой бокал на столик между креслами, Брианна почти тут же поставила свой, почти нетронутый, рядом. Он заметил, что Брианна Рэндолл грызет ногти. Это маленькое несовершенство придало ему храбрости. Она заинтриговала его, ему не хотелось, чтобы сейчас она вот так, раз и навсегда исчезла из его жизни.

— Кстати, об этих каменных столбах, — торопливо заметил он. — Мне кажется, я знаю те, что вы упоминали. Там очень красиво и от города недалеко. — Он улыбнулся Брианне, попутно отметив про себя, что на одной щеке у нее красуются три рыжие веснушки. — И я думаю, можно начать наши исследования с небольшого путешествия в Брех Туарах. Это как раз по пути к камням... так что, может быть, вы... ах!

Своей объемистой сумкой Клэр Рэндолл задела бокалы и столкнула их со столика, залив содержимым брюки Роджера.

— Ох, простите ради Бога! — извинилась она. Наклонилась и начала подбирать осколки хрусталя, несмотря на неуклюжие попытки Роджера остановить ее.

Схватив с буфета несколько льняных салфеток, Брианна пришла на помощь со словами:

— Не представляю, мама, какой из тебя хирург! Ты такая неловкая! Смотри, у него все туфли насквозь промокли от виски! — Она опустила на колени и начала подбирать осколки и промокать лужицы. — И брюки тоже...

Взяв сухую салфетку, она тщательно протерла туфли Роджера, рыжая грива волос свесилась ему на колени. Затем, подняв голову, начала энергично тереть пятна на вельветовых брюках. Роджер закрыл глаза и заставил себя думать о жутких автомобильных катастрофах, налогах на годовые доходы и нашествиях из космоса — о чем угодно, лишь бы не опозориться полностью, чувствуя горячее дыхание Брианны Рэндолл на мокрых брюках.

— Э... может, с остальным справитесь сами? — Голос прозвучал где-то у самого его носа. Он открыл глаза, и они тут же встретились с парой глубоких синих глаз, смотревших на него с нежной усмешкой. Ослабевшей рукой он взял протянутую ему салфетку, тяжело дыша при этом, словно догонял поезд.

Перед тем как опустить голову и приняться за дело, он поймал на себе взгляд Клэр. В нем читалась насмешка и сочувствие одновременно. Больше ничего. Ничего похожего на тень, снова промелькнувшую в ее глазах перед

тем, как разлилось виски. А может, ему просто показалось? К чему было ей нарочно разливать виски?..

— С каких это пор ты интересуешься друидами, мама? — Казалось, Брианна была склонна усматривать в этом нечто смешное, я заметила, как она втягивала щеки, пока я болтала с Роджером Уэйкфилдом, и с трудом сдерживала смех. — Ты что, тоже собираешься обрядиться в белые простыни и плясать на холме?

— Ну, уж во всяком случае это куда занятнее, чем совещания медперсонала в больнице по четвергам, — ответила я. — Хотя, наверное, там сквозняки... — Она так и покатилась со смеху, спугнув с дорожки двух синиц. — Нет, — продолжила я после паузы уже более серьезным тоном, — меня куда больше интересуют не друиды. Просто хотела отыскать в Шотландии одну женщину, которую некогда знала. У меня нет ее адреса, я не виделась с ней более двадцати лет. Она в свое время интересовалась разными необычными вещами, фольклором и прочее... Когда жила в этих краях. Вот я и подумала, что если она еще здесь, то наверняка вхожа в эту группу.

— А как ее зовут?

Я покачала головой и подхватила заколку, соскользнувшую с волос. Но выронила ее, и заколка упала в густую траву на обочине.

— Черт! — воскликнула я и стала искать заколку, шаря среди густых стеблей. Мне стоило немалого труда отыскать ее, покрытую влагой от росистой травы. Одно упоминание о Джейлисс Дункан совершенно выводило меня из равновесия, даже теперь. — Не знаю, — ответила я, отбросив пряди волос с покрасневшегося лица. — Я хочу сказать, прошло так много времени, что у нее теперь наверняка другое имя. Она была вдовой. Наверняка снова вышла замуж или живет под девичьим именем.

— О... — Брианна потеряла интерес к теме, и какое-то время мы шли молча. Вдруг она спросила: — Как тебе показался Роджер Уэйкфилд, мама?

Я искоса взглянула на нее. Щеки у девочки покраснелись, должно быть, просто от ветра.

— Похоже, очень славный молодой человек, — осторожно заметила я. — Определенно неглуп. Он ведь один из самых молодых профессоров Оксфорда. — Впрочем, ум — это еще далеко не все, важно, есть ли у него воображение. У ученых оно зачастую начисто отсутствует. Воображение, вот что могло бы мне помочь...

— У него такие глубокие глаза... — мечтательно произнесла Брианна, полностью игнорируя вопрос интеллекта. — Зеленые-презеленые... Ты когда-нибудь видела такие?

— Да, глаза красивые, — согласилась я. — Всегда были такие. Я обратила на них внимание еще тогда, когда он был совсем крошкой...

Брианна, нахмурившись, смотрела на меня сверху вниз:

— Да уж, мама! Ну скажи, неужели нужно было говорить ему: «Ой, как вы выросли!», не успел человек отворить дверь. Ты его совершенно смутила!

Я рассмеялась:

— Когда ты последний раз видела человека, едва достающего тебе до пупка, а потом вдруг оказывается, что смотришь на него снизу вверх, — пыталась оправдаться я, — не можешь не отметить разницы.

— Мама! — укоризненно воскликнула она и тут же прыснула со смеху.

— Да он и в нижней части вполне ничего, — продолжила я, чтобы еще больше развеселить ее. — Заметила, когда, он наклонился вытереть виски.

— Мама!!! Они же тебя услышат!

Мы уже дошли до автобусной остановки. Там стояли две или три женщины и пожилой джентльмен в твидовом пиджаке. Они обернулись и во все глаза уставились на нас.

— Отсюда отправляется автобус на Лох-Несс? — спросила я, оглядывая объявления, развешанные на доске.

— Да, да, — добродушно закивала одна из дам. — Автобус придет минут через десять. — Она задержала взгляд на Брианне, выглядевшей типичной американкой в голубых джинсах и белой ветровке. Лицо ее покраснелось, она едва сдерживала смех. — Собираетесь повидать Лох-Несс? Наверное, в первый раз?

Я улыбнулась ей:

— Плавала по этому озеру еще лет двадцать назад, вместе с мужем. Но моя дочь в Шотландии прежде никогда не была.

— О, вот как! — Это восклицание привлекло внимание, других дам, и они, окружив нас, стали чрезвычайно дружелюбны и буквально засыпали нас советами и вопросами, пока наконец из-за поворота не показался большой пыхтящий желтый автобус.

Перед тем как подняться по ступенькам, Брианна остановилась, любуясь прекрасным видом. Зеленые луга окаймляли ярко-синее озеро, по берегам его поднимались высокие темные сосны.

— Здорово! — воскликнула она, смеясь. — Как думаешь, а мы чудовище увидим?

— Как знать... — ответила я.

Всю оставшуюся часть дня Роджер провел, в рассеянности бродя по дому и хватаясь то за одно дело, то за другое. Несколько коробок были

битком набиты книжками для безвозмездной передачи в Общество охраны древностей. Старенький фургон священника, доверху груженный, был выведен из гаража, а чашка с недопитым чаем и сливками стояла возле его локтя, пока он тупо следил за первыми каплями дождя, начавшегося к вечеру.

Основная работа была еще впереди, еще предстояло разобрать бумаги в кабинете. Не книги, с ними все обстояло куда проще. Надо было просто решить, какие передать в Общество охраны древностей, какие в библиотеку колледжа его преподобия. Нет, рано или поздно придется заняться огромным письменным столом, каждый ящик которого был до краев набит бумагами, торчавшими из щелей. Мало того, предстояло еще разобрать груды рукописей, сваленных на полках у одной стены, — задача, способная устроить самое отважное сердце.

Помимо вполне понятного и естественного нежелания начинать эту скучную и утомительную работу, у Роджера была еще одна причина. Ему просто не хотелось заниматься этим, а хотелось немедленно приступить к изысканиям для Клэр Рэндолл и проследить за судьбой членов клана из Каллодена.

По-своему довольно интересное занятие, хотя и не слишком научное. Нет, дело даже и не в том, думал он, если уж быть до конца честным с самим собой. Больше всего на свете ему хотелось бы прийти в пансион миссис Томас и выложить на стол перед Брианной результаты своих трудов, как рыцари выкладывали перед своими возлюбленными головы драконов. И даже если он не преуспеет в этом деле, ему все равно нужен повод снова увидеть ее и поговорить с ней.

Она напоминает даму с полотен Бронзино, решил он. Ее облик и облик ее матери создавали странное впечатление: будто некая рука очертила их фигуры и лица энергичными живыми мазками, не забывая при этом и об изящных деталях и подробностях. Они выделялись на общем фоне столь выразительно и четко, словно кто-то выгравировал эти прелестные образы. Брианне к тому же была придана еще и яркая расцветка, отчего облик ее отличался невероятной живостью, что опять же напоминало натурщиц Бронзино — казалось, они так и провожают вас глазами, того гляди заговорят в своих рамах... Правда, он никогда прежде не видел, чтобы натурщицы Бронзино кривились от виски, но если бы видел, тогда уж они были бы совершенно точной копией Брианны Рэндолл!

— Черт побери! — заметил он вслух. — Не так уж много займет это времени, просмотреть завтра книги записей, верно? А вы, — обратился он к бумагам, наваленным на столе, — можете и подождать денек. И вы

тоже, — добавил он, обращаясь к полкам, и выдернул наугад с одной из них приключенческий роман. Окинул вызывающим взглядом мебель и прочие предметы, как бы ожидая возражений, но не услышал ни звука, кроме тихого жужжания электрокамина. Выключил его и вышел из кабинета с книгой под мышкой, погасив за собой свет.

Секунду спустя он вернулся, пересек в темноте комнату и взял со стола листок бумаги со списком.

— Тысяча чертей! — буркнул он и сунул бумагу в карман рубашки. — А то бы утром точно забыл... — И он похлопал по карману, услышал, как тихонько хрустнула бумага у сердца, и направился в спальню.

Мы вернулись с Лох-Несса, насквозь промокшие под дождем, и продрогшие на ветру, в тепло и уют пансиона, где нас ждали горячий ужин и огонь в камине. Брианна совсем разомлела над яйцами всмятку и вскоре извинилась и отправилась принимать ванну. Я еще немного посидела внизу, поболтала с миссис Томас, хозяйкой, и лишь около десяти пошла наверх.

Брианна была по натуре жаворонком — рано вставала и рано ложилась; открыв дверь в спальню, я услышала ее ровное дыхание. Она не только рано засыпала, но и очень крепко спала. Я осторожно двигалась по комнате, развешивая одежду и убирая вещи на место, но можно было не стараться — разбудить ее не так-то просто. В доме все стихло, и я принялась за работу, в наступившей тишине каждое мое движение, каждый шорох казались громкими.

Я привезла с собой несколько книг Фрэнка, собираясь отдать их в местную библиотеку. Они были аккуратно уложены на дно чемодана, образуя как бы фундамент для более легких предметов, и я стала вынимать их одну за одной и раскладывать на постели. Пять томов в твердых обложках и глянцевитых суперках. Красивые, солидные книги по 500-600 страниц каждая, не считая указателей и иллюстраций.

Полное собрание сочинений моего покойного мужа, с анонсами. На внутренних сторонах обложек помещались восторженные отзывы, комментарии буквально всех до единого признанных специалистов в этой области. Труд жизни, подумала я, не такой уж плохой результат. Есть чем гордиться. Солидное, внушительное, можно сказать, роскошное издание.

Я аккуратно выложила книги на столик рядом с сумкой, чтоб не забыть их утром. Названия на корешках были разные, но я сложила их так, чтобы одинаковые на всех томах надписи «Фрэнк У. Рэндолл» располагались одна над другой. Буквы отливали золотом в маленьком круге света от настольной лампы.

В доме стояла тишина. Сезон отпусков еще не начался, а все

находившиеся в нем постояльцы давным-давно спали. Брианна издала слабый стон и повернулась на другой бок. Пряди рыжих волос разметались по лицу. Одна длинная босая нога высунулась из-под одеяла, и я осторожно прикрыла ее.

Желание прикоснуться к спящему ребенку с возрастом не угасает. И не важно, что ребенок уже вырос, перерос мать, превратился в женщину, пусть и очень молодую, но настоящую женщину. Я убрала волосы с ее лица и нежно погладила по голове. Она улыбнулась во сне, счастливая улыбка мелькнула и тут же исчезла. Я же продолжала улыбаться, любуясь Брианной, а потом прошептала в сонное ушко, как делала много раз:

— Боже, до чего же ты похожа на него!..

Потом проглотила нарастающий в горле ком — и это тоже стало уже почти привычкой — и взяла халат со спинки стула. Апрельские ночи в Шотландии страшно холодные, а влезать в теплую постель я пока не собиралась.

Я упростила хозяйку оставить в камине огонь, клятвенно обещав, что затушу его перед тем, как уйти. Затем притворила за собой дверь, бросив последний взгляд на длинные, широко раскинутые ноги и отливающие бронзой пряди, разметавшиеся по голубому стеганому одеялу.

— Труд моей жизни... Тоже не так уж плохо, — прошептала я, стоя в темном коридоре. — Возможно, не столь солидное, но не менее роскошное издание.

В гостиной царил уютный полумрак, огонь мягко мерцал на длинных обгорелых поленьях. Я пододвинула к камину маленькое кресло, уселась и поставила ноги на решетку. Дом был полон тихих, но вполне отчетливых звуков: где-то внизу мерно гудел холодильник, рокотала и булькала вода в трубах отопления, что делало огонь в камине хоть и приятным, но все же излишеством чисто декоративного характера; изредка с шорохом проносилась за окном машина.

Но над всеми этими звуками господствовала тишина шотландской ночи. Я тоже сидела тихо, словно погружаясь в нее. Лет двадцать миновало с тех пор, как довелось испытать это ощущение. Но и теперь, спустя многие годы, утешительная власть ночи снизошла ко мне, спустившись с горных вершин.

Я сунула руку в карман халата и извлекла сложенную пополам бумажку — копию того списка, что отдала Роджеру Уэйкфилду. Читать у камина было нельзя — слишком темно, но мне и не нужно было видеть эти имена. Я расправила листок на коленях и просто смотрела на неразборчивые темные строчки. Потом медленно провела по ним пальцем,

тихо, словно молитву, произнося каждое имя Они в большей степени принадлежали этой холодной апрельской ночи, нежели я. И я продолжала всматриваться в тусклые язычки пламени в ожидании, что они угаснут придет тьма и заполнит собой пустоту внутри меня.

И вот, твердя каждое имя точно заклинание, я сделала свой первый шаг назад, в пустое темное пространство, где ждали они...

Глава 2

ЗАДАЧА ОСЛОЖНЯЕТСЯ

На следующее утро Роджер вышел из каллоденского прихода со списком на двенадцати страницах и ощущением полной беспомощности. То, что сперва казалось простым делом, самой легкой частью исследования, внезапно осложнилось, на этот счет сейчас у него не было никаких сомнений.

В записях об умерших жителях Каллодена он обнаружил всего три имени из списка Клэр. И это не удивительно — в армии Карла Стюарта не велось тщательного учета прибывших и выбывших, поскольку многие члены кланов зачастую присоединялись к Красивому Принцу случайно и выходили вполне беспричинно до того, как их имена бывали внесены в официальные реестры. Учет в шотландской армии вообще велся слабо, а к концу войны совершенно прекратился, да и какой смысл был во всех этих списках, если платить все равно нечем?

Роджер медленно сложился пополам и влез в старенький «моррис», автоматически пригнувшись, чтоб не стукнуться головой. Вынув папку из-под мышки, раскрыл ее и хмуро уставился на страницы, переписанные им с оригиналов. Вот что действительно странно, так это то, что почти все люди из списка Клэр оказались в списке другой армии.

Члены клана, служившие в одном полку, вполне могли дезертировать, предвидя надвигающуюся беду, — в этом нет ничего необычного. Нет, удивительным было совсем другое. То, что имена из списка Клэр вдруг оказались все, полностью, в списке полка Ловата, посланном им позднее в ответ на обещание оказать поддержку сторонникам Стюартов самим лордом Ловатом, Саймоном Фрэзером.

Однако Клэр со всей определенностью заявила — и первый же взгляд на ее список подтверждал это, — что все до одного люди эти были выходцами из маленького местечка под названием Брок Туарах, находившегося к юго-западу от земель Фрэзера, на границе с землями клана Макензи. Более того, она утверждала, что люди эти входили в шотландскую армию с момента битвы при Престонпансе^[4], которая произошла в самом начале кампании.

Роджер покачал головой. Концы с концами явно не сходились. Разумеется, Клэр могла ошибиться в отношении времени, она же сама говорила, что не историк. Что же касается всего прочего... И как могли

люди из местечка Брех Туарах, никогда не дававшие клятву верности вождю клана Фрэзеров, оказаться затем в подчинении Саймона Фрэзера? Верно, что лорд Ловат был прозван Старым Лисом, и не без оснований, но Роджер сомневался, чтоб даже такой ловкач, как старый герцог, мог исхитриться и выкинуть подобный трюк.

Хмурясь, Роджер завел мотор и выехал со стоянки. Архивы, хранящиеся в Каллодене, удручающе скудны; по большей части они состояли из пространных писем лорда Джорджа Муррея, почти целиком сводившимся к проблемам военных поставок, а также обычных для всех краеведческих музеев экспонатов для туристов. Ему было этого недостаточно.

— Не вешать носа, приятель! — сказал он себе, покосившись в боковое зеркальце на повороте. — Ты должен выяснить, что случилось с теми, кто не погиб в Каллодене. Совсем не важно, как они попали туда, раз все равно все до единого покинули поле боя!

И все же это не давало ему покоя. Странные обстоятельства... С именами всегда возникала путаница, особенно в Шотландии, где половина населения в каждый данный момент могла носить одно и то же имя — к примеру, Александр. А потому, чтоб не было путаницы, людей различали по названиям мест, откуда они родом, а также по названиям кланов или прозвищам. Так Лочиэля, одного из самых выдающихся военачальников якобитов, звали на самом деле Дональд Камерон из Лочиэля, что помогало отличить его от доброй сотни других Камеронов по имени Дональд.

Всех же прочих шотландцев, кто не был наречен Дональдом или Алеком, называли Джонами. Из тех трех имен, что он нашел в списке павших и которые совпадали со списком Клэр, одного звали Дональдом Мурреем, другого Александром Макензи Фрэзером и третьего — Джоном Грэхемом Фрэзером. И обозначены они были без указания, откуда родом эти люди — просто имя с фамилией и полк, к которому были приписаны. Полк господина Ловата, полк Фрэзера.

Но если нет названия места, то как можно быть уверенным, что это люди из списка Клэр? В списке павших значилось по меньшей мере шестеро Джонов Фрэзеров. И даже он мог оказаться неполным — англичане народ не слишком педантичный, большинство списков составлялись уже задним числом вождями кланов, пересчитывающими свое «поголовье» после того, как люди вернулись с войны. Зачастую и сами вожди не возвращались, что еще более запутывало дело.

Он с силой провел пальцами по волосам, словно этот массаж мог стимулировать мысль. Но если эти трое вовсе не те люди, тайна

усугублялась. Ведь в сражении при Каллодене перебита добрая половина войска Карла Стюарта. А солдаты Ловата находились в самой гуще, в самом пекле сражения. Вряд ли группа из тридцати человек могла уцелеть в подобных обстоятельствах. Люди Ловата присоединились к восставшим позже других; в то время, как в остальных полках дезертирство стало нормой — более опытные вояки уже сообразили, чем может кончиться дело, — сторонники Фрэзера оставались преданными ему, а потому неминуемо должны были поплатиться за свою верность.

Громкий гудок, раздавшийся сзади, вывел Роджера из задумчивости, и он съехал к краю дороги, чтоб пропустить огромный грохочущий грузовик. Нет, вождение никак не совместимо с размышлениями, решил он. Иначе он неминуемо разобьется.

Какое-то время он сидел неподвижно, пытаясь сообразить, как действовать дальше. Его так и подмывало поехать в пансион миссис Томас и сообщить Клэр о результатах своих изысканий. Особенно соблазнительной казалась перспектива провести хотя бы несколько минут в обществе Брианны Рэндолл.

С другой стороны, инстинкт историка подсказывал, что этих данных совсем недостаточно. И он вовсе не уверен, что здесь Клэр может ему помочь. Он вообще не понимал, что заставило ее заняться этими изысканиями, к тому же дама явно снабдила его неточной информацией. В этой затее не было смысла, однако Клэр Рэндолл производила впечатление вполне разумной особы.

И потом, эта история с виски... При одном воспоминании о ней щеки у него начинали гореть. Он был уверен, что она сделала это нарочно. А поскольку вовсе не походила на человека, склонного к подобного рода выходкам, напрашивался один-единственный вывод: она сделала это, чтоб он не смог пригласить Брианну в Брок Туарах. Почему?.. То ли она не хотела, чтоб он посещал это место, то ли была против, чтоб он оказался там с Брианной? Чем дольше он размышлял об этом инциденте, тем больше склонялся к мысли, что Клэр Рэндолл что-то утаивает от дочери, но что именно, понять не мог. Еще более смутно представлял он себе причину, по которой Клэр обратилась за помощью именно к нему.

Он бы ни за что не стал заниматься этим, если б не два обстоятельства — Брианна и простое любопытство. Хотелось все же понять, что происходит, и, черт возьми, он это выяснит, обязательно.

Он мягко стукнул кулаком по рулю, не обращая внимания на шум пролетающих мимо автомобилей. Наконец решение было принято. Он завел мотор и выехал на дорогу. На ближайшей развилке развернулся и

направился к центру Инвернесса, где находился железнодорожный вокзал.

До Эдинбурга можно добраться скорым за три часа. Архивом Стюарта заведовал близкий друг священника, который наверняка поможет ему. Из списка, где упоминались имена сторонников Ловата, явствовало, что эти тридцать человек находились под командованием капитана Джеймса Фрэзера из Брох Туараха. По всей видимости, этот человек являлся единственным связующим звеном между Брох Туарахом и Фрэзерами Ловата. Интересно, подумал он, почему же Джеймс Фрэзер не попал в список Клэр?

Показалось солнце — редкое явление для середины апреля в этих краях, и Роджер инстинктивно подставил лицо под яркие лучи, проникавшие сквозь боковое окошко машины.

Ему пришлось заночевать в Эдинбурге, и вернулся он лишь на следующий день поздно вечером, настолько уставший после долгого путешествия, что заниматься ничем не мог, лишь съел горячий ужин, приготовленный Фионой, и лег спать. Но сегодня он проснулся полный сил и решимости отправиться на машине в маленькую деревушку Брох Мордха, расположенную неподалеку от Брох Туараха. Если Клэр не желает, чтоб дочь ее ездила в Брох Туарах, то уж ему-то никто и ничто не может помешать посетить это место.

Он нашел это место сам, вернее, понял, что это оно и есть, по груде камней, окружавших развалины одной из древних круглых «брохов», или башен, которые в прошлом использовались людьми как жилье и как своеобразная крепость. Он был достаточно сведущ в гэльском, чтобы понять: название это переводится как «башня, глядящая на север», и лишь слегка недоумевал — каким образом башня может глядеть только на север, если она круглая.

И главное строение, и более мелкие постройки также лежали в руинах, но кое-что сохранилось. У въезда во двор красовалась табличка с именем агента по продаже недвижимости, буквы, стертые дождями и ветрами, были едва различимы. Роджер остановил машину и огляделся по сторонам. Судя по первым впечатлениям, здесь не было ничего такого, что могло бы объяснить нежелание Клэр пускать сюда свою дочь.

Он запарковал «моррис» у ворот и вышел. Красивое место, но с печатью запустения. Ему понадобилось минут сорок пять осторожного маневрирования по совершенно разбитой дороге, чтобы добраться сюда, не повредив масляный бак.

В дом он не пойдет — совершенно очевидно, что он необитаем, к тому же это опасно. На дверной перемычке было вырезано имя «Фрэзер», то же

имя красовалось на большинстве могильных плит во дворе. Должно быть, семейное кладбище, подумал он. Нет, ни на одной из плит не было имен, значившихся в списке Клэр. Надо было ехать не сюда, а дальше, по главной дороге, к деревне Брох Мордха в трех милях отсюда, если карта не врет.

Его опасения подтвердились: маленькая деревенская церковь давным-давно бездействовала и была заколочена. Настойчивый стук в двери вызвал лишь недоумение и подозрительные взгляды местных жителей, пока наконец какой-то пожилой фермер не высказал робкого предположения, что все приходские документы переданы в музей в Форт-Уильяме или же в Инвернесс — там вроде бы живет священник, собирающий подобную ерунду.

Усталый, весь в пыли, однако не утративший решимости, Роджер поплелся назад, к машине, оставленной на лужайке у паба. Подобного рода начало слишком часто сопутствует историческим изысканиям, так что он уже привык к этому. Быстренько выпить пинту пива, а может, и две — почему бы нет, день такой удивительно теплый — и дальше, в путь, в Форт-Уильям.

И поделом тебе, мрачно размышлял он, если эти записи действительно окажутся в архивах его преподобия. Так всегда случается с теми, кто, пренебрегая делом, пускается в разные сомнительные авантюры, лишь бы произвести впечатление на девчонку. Путешествие в Эдинбург имело лишь тот результат, что из списка пришлось вычеркнуть еще три имени, почерпнутых им из каллоденских архивов, — все эти люди принадлежали разным полкам и не входили в группу из Брох Туараха.

Архивы Стюарта занимали целых три комнаты, а также бесчисленные коробки в подвале музея, на тщательное их исследование рассчитывать не приходилось. Тем не менее ему удалось обнаружить дубликат списка, хранившегося в муниципалитете Каллодена, где были перечислены люди, составлявшие часть полка под командованием Ловата, сына Старого Лиса по прозвищу Молодой Саймон. Вот хитрый старый мерзавец, думал Роджер, — послал своего наследника сражаться за Стюартов, а сам отсиживался дома, оправдывая это тем, что является верным и преданным слугой короля Джеймса. Много ли это принесло ему добра?..

В документе был упомянут Саймон Фрэзер Младший командир, однако о Джеймсе Фрэзере не было ни слова. Некий Джеймс Фрэзер упоминался в ряде армейских депеш и других документов. Если это один и тот же человек то, похоже, он был очень активен. Но лишь по одному имени, Джеймс Фрэзер, невозможно было установить происходил ли он родом из Брох Туараха. Джеймс — столь же распространенное у

шотландцев имя, как Дункан или Роберт.

Он раздраженно отмахнулся от налетевшей неведомо откуда мошкары. Да на то, чтобы как следует разобраться в этих бумагах, потребуются годы! И нырнул в прохладный, пахнувший дрожжами и пивом полумрак паба, оставив за порогом растерянню вьющееся облачко назойливых мошек.

Потягивая холодный горьковатый эль, он мысленно оценивал предпринятые им шаги, чтобы решить, как действовать дальше. Успеть сегодня в Форт-Уильям можно, хотя это означает, что в Инвернесс он вернется поздно. А если и в музее Форт-Уильяма не окажется ничего достойного внимания, тогда разбор архивов его преподобия, как это ни прискорбно, неизбежен.

Ну а дальше? Он допил последние горькие капли и жестом попросил налить ему еще. Что ж, тогда придется обследовать каждую церковь и каждое надгробье в округе, в окрестностях Брех Туараха. Сомнительно, правда, чтоб Рэндоллы задержались здесь в ожидании результатов на два или три года...

Он нащупал в кармане блокнот — неременный спутник всех историков. Перед тем как уехать из Брех Мордва, стоит все же хоть краем глаза взглянуть, что стало со старым кладбищем. Никогда не знаешь, что на этих кладбищах можно обнаружить. Тогда, по крайней мере, не придется еще раз заезжать сюда специально с этой целью.

На следующий день Роджер пригласил Рэндоллов к себе на чай и представил отчет о проделанной им работе.

— Мне попало несколько имен из вашего списка, — сказал он Клэр, провожая ее в гостиную. — Но, как ни странно, не нашел среди них ни одного, кто наверняка погиб в Каллодене. Сперва думал, что трех все же обнаружил, но то оказались совсем другие люди с другими именами. — Он взглянул на доктора Рэндолл, она стояла с отрешенным видом, вцепившись пальцами в спинку кресла, словно забыла, где находится. — Э-э... не присядете ли?.. — поспешно продолжил Роджер. Она слегка вздрогнула, кивнула и резко опустилась на край кресла. Роджер покосился на нее с любопытством, потом все же взял папку и протянул ей.

— Как я уже говорил, это очень странно. Конечно, мне не удалось проверить все имена, для этого пришлось бы перекопать все церковные архивы и обследовать все кладбища в окрестностях Брех Туараха. Большинство записей я обнаружил в бумагах отца. И обнаружил всего два Или три имени, которые с уверенностью можно причислить к павшим на поле битвы, что само по себе удивительно. Особенно если учесть, что, судя по вашим словам, они принадлежали к полку Фрэзера, а этот полк оказался

в самой гуще сражения, в самом его пекле.

— Знаю. — В голосе ее прозвучали нотки, заставившие Роджера удивленно взглянуть на свою гостью, но она опустила голову, погрузившись в чтение бумаг. Большинство из них были копии, сделанные самим Роджером, поскольку ксеро — и фотокопирование было в архивах в ту пору делом почти невиданным, но здесь же находилось и несколько оригиналов, обнаруженных в бумагах священника Уэйкфилда. Она осторожно листала хрупкие шуршащие страницы, словно боялась повредить их.

— Вы правы, это странно. — Голос ее звучал взволнованно и одновременно — с оттенком удовлетворения и даже облегчения. Она в какой-то степени ожидала этого или надеялась, и надежды ее оправдались. — Скажите, — она немного замялась, — эти имена, что вы обнаружили... Что могло произойти с этими людьми, если они не погибли при Каллодене?

Его немного удивила ее реакция — слишком уж эмоциональная, — однако он покорно раскрыл свою папку.

— Двое из них оказались в списке пассажиров некоего корабля, они иммигрировали в Америку вскоре после Каллодена. Четверо умерли своей смертью примерно год спустя. Что неудивительно, ведь в ту пору разразился страшный голод и в Шотландии погибло много людей. И еще одно я отыскал в приходской книге, только не в том приходе, которому принадлежал этот человек. И тем не менее я совершенно уверен, что он из нашего списка, Вся ее поза, казалось, говорила о том, что с души ее свалился камень.

— Вы по-прежнему хотите, чтобы я искал остальных? — спросил он, надеясь, что ответом будет «да». Краем глаза он наблюдал за Брианной, стоявшей у матери за спиной. Она делала вид, что все это мало ее интересует, однако он заметил крошечную вертикальную морщинку, залегшую у нее между бровей.

Возможно, она ощущает то же, что и он — некую ауру с трудом скрываемого волнения или возбуждения, исходившую от Клэр, и пронзавшую словно электрическим разрядом. Он почувствовал это с той секунды, как только Клэр шагнула в комнату. Казалось, стоит дотронуться до нее, и ударит током.

Мысли его прервал стук в дверь. Она отворилась, и вошла Фиона Грэхем, толкая перед собой столик-тележку с чайником, чашками, салфетками, тремя видами сэндвичей, пирожными с кремом, бисквитами, тартинками с джемом и трубочками со взбитыми сливками.

— Вот это да! — воскликнула Брианна. — Это все нам или вы ожидаете еще человек десять гостей?

Клэр Рэндолл с улыбкой оглядела столик. Напряжение еще ощущалось, однако она старалась подавить его усилием воли. Роджер заметил, что одной рукой она так крепко сжимает складку на юбке, что край кольца глубоко врезался в палец.

— Но этого чая хватит, чтобы потом поститься целую неделю! — сказала она. — И как все красиво!

Фиона расцвела в улыбке. Это была низенькая, пухленькая, довольно миловидная девушка, напоминавшая коричневую курочку. Роджер вздохнул. Он вовсе не собирался пускать своим гостям пыль в глаза, угощать их было удовольствием прежде всего для него самого. Девятнадцатилетняя же Фиона преследовала в этой жизни лишь одну цель. Стать женой и домохозяйкой. Лучше всего — женой профессора. Неделю назад, едва увидев Роджера, она решила, что ассистент профессора на кафедре истории — это как раз то, что надо. Особенно если учесть скудный выбор женихов в Инвернесе.

С этого момента в него начали впихивать разные вкусности, словно откармливали рождественского гуся; ботинки его сияли, перины были взбиты, пальто и пиджаки тщательно чистились щеточкой, вечерние газеты подавались на подносе, шею массировали, стоило ему просидеть за письменным столом несколько часов кряду. Ему также задавались бесконечные вопросы о душевном и физическом самочувствии в данный момент и общем состоянии здоровья. Никогда прежде он не был окружен столь настырной и неутомимой заботой.

Короче, Фиона просто бесила его. И то, что он часто бродил по дому небритым, было своеобразным актом протеста, ответом на ее неустанную приторную заботливость, неряшливостью, в которую порой счастливы погрузиться мужчины, чтобы хоть на время ощутить себя свободными от обязанностей перед окружающими и обществом в целом.

При мысли, что его с Фионой могут когда-либо соединить священные узы брака, сердце Роджера холодело от ненависти. Да ровно через год она сведет его с ума своим квохтаньем. Он заметил, как Брианна Рэндолл задумчиво созерцает тележку с угощением, словно решая, с чего начать.

Он решил, что сегодня целиком сосредоточит свое внимание на Клэр и ее исследованиях, и избегал смотреть на Брианну. Клэр выглядела прелестно — эти тонкие черты, нежная, словно светящаяся кожа, с такой кожей и в шестьдесят будешь выглядеть на двадцать. Но при каждом беглом взгляде на Брианну сердце у него замирало. Какая гордая осанка,

прямо как у королевы... Она не сутулилась, подобно большинству высоких девушек. Унаследовала от матери прямую спину и грацию в движениях. Но не высокий рост прежде всего привлекает внимание, а каскад длинных, до пояса волос, отливающих то золотом, то медью, порой с янтарным, порой с лимонным оттенком. Они обрамляли лицо и спадали с плеч, подобно мантии. Глаза такие темно-синие, что порой кажутся черными. Не слишком крупный, но выразительный рот, слегка припухшая нижняя губка, — казалось, она так и просит поцелуя или нежного покусывания в миг любовных утех. Эти черты она, должно быть, унаследовала от отца.

Роджер в целом был даже рад, что отца ее здесь нет, иначе бы тот наверняка прочитал его мысли. А этого он боялся больше всего на свете.

— Позвольте налить вам чаю? — любезно осведомился он и продолжал: — Великолепно, все просто чудесно! Печенье выглядит очень аппетитно, Фиона. Я... гм... не думаю, что нам понадобится что-либо еще...

Однако Фиона проигнорировала этот достаточно прозрачный намек и осталась. Добродушно кивая в ответ на комплименты гостей ее кулинарному искусству, она разложила салфетки, ловко расставила чашки и блюдца, налила чай, обнесла всех блюдом с пирожными и, похоже, вознамерилась торчать здесь и дальше в качестве хозяйки дома.

— Вы бы намазали кремом рожок, Родж, ой, то есть, я хотела сказать, мистер Уэйкфилд, — прощепетала она и, не дождавшись ответа, добавила: — Вы такой худышка, вам надо подкормиться! — Она бросила на Брианну заговорщицкий взгляд. — Вы же знаете, каковы мужчины! Никогда толком не поедят, если женщина о них не позаботится!

— Мистеру Роджеру очень повезло, что вы проявляете такую заботу, — вежливо заметила Брианна.

Роджер глубоко вздохнул и несколько раз хрустнул пальцами, пока желание немедленно вышвырнуть Фиону вон не улеглось.

— Фиона, — сказал он. — Вы... э-э... не могли бы оказать мне одну маленькую услугу?

Лицо ее осветилось изнутри, словно фонариком, рот растянулся в услужливой улыбке.

— Конечно, Родж, то есть это... мистер Уэйкфилд. Все, что пожелаете!

Роджеру стало немного стыдно. Но в конце концов он поступает так ради ее же блага. Если она не уйдет, и немедленно, он может выйти из себя, наругать ей, а потом оба они будут об этом сожалеть.

— О, спасибо, Фиона! Дело в том, что я... ну, в общем, заказал... заказал, — он судорожно старался припомнить имя хозяина сельской

лавки, — заказал табак у мистера Бучана, на Хай-стрит. Так не могли бы вы сходить и взять этот табак? Я бы с таким удовольствием выкурил трубочку после этого замечательного чая...

Фиона уже снимала фартук — нарядный, с кружевными оборками, как мрачно отметил Роджер. И с облегчением закрыл глаза, когда дверь за ней затворилась. Тот факт, что он вообще не курит, пока не всплыл. И он возобновил разговор со своими гостями.

— Вы просили, хочу ли я, чтоб вы продолжили искать другие имена из моего списка? — сказала Клэр. У Роджера возникло странное ощущение, что она тоже испытывает облегчение после ухода Фионы. — Да, хотела бы. Если, разумеется, это вас не слишком затруднит.

— О, нет, нет! Нисколько, — заверил Роджер лишь с небольшой запинкой. — С радостью займусь этим.

Какое-то время рука Роджера неуверенно парила над яствами на чайном столике, затем опустилась на хрустальный графинчик с виски «Мюр Брим» двенадцатилетней выдержки. Он чувствовал — ему совершенно необходимо выпить после этой истории с Фионой.

— Желаете капельку? — вежливо спросил он дам. И, заметив отвращение на лице Брианны, торопливо добавил: — Или чай?

— Чай! — твердо ответила Брианна.

— Ты не понимаешь, от чего отказываешься, — заметила Клэр дочери, явно наслаждаясь ароматом виски.

— Отчего же, прекрасно понимаю, — ответила Брианна. — Поэтому и отказываюсь. — Она передернулась и подмигнула Роджеру.

— А в Массачусетсе придется дожидаться, пока тебе не стукнет двадцать один год, прежде чем будешь иметь право употреблять спиртные напитки. — Клэр говорила это скорее для Роджера. — Бри надо ждать этого еще восемь месяцев. Она действительно не привыкла пить виски.

— Ты так говоришь, словно не любить виски — преступление! — возразила Брианна, улыбаясь Роджеру над чашкой.

Он приподнял брови.

— Но, моя дорогая! — строгим тоном заметил он. — Здесь Шотландия. И нелюбовь к виски — конечно же преступление!

— О, вот как?! — воскликнула Брианна, имитируя шотландский акцент. — Остается лишь надеяться, что за это не предусмотрена смертная казнь!

Роджер рассмеялся и подавился виски. Кашляя и колотя себя кулаком в грудь, взглянул на Клэр — разделяет ли она шутку? На губах ее застыла вымученная улыбка, лицо побледнело. Затем веки ее дрогнули, улыбка

стала более естественной, напряжение спало.

Роджер удивлялся, как легко и непринужденно чувствует он себя в компании дам. Они болтали о разных пустяках, говорили и об исследовании Клэр. Брианну явно интересовала работа отца, и о якобитах она знала куда больше, чем мать.

— Удивительно, что они вообще добрались до Каллодена, — сказала она. — Известно ли вам, что шотландцы выиграли битву при Престонансе силами всего в две тысячи человек, в то время как англичан было восемь тысяч? Поразительно!

— Да, и битва в Форкерке велась примерно в тех же условиях, — подхватил Роджер. — Казалось бы, уступая в численности, плохо вооруженные, пешие, они никак не могли победить и... тем не менее победили!

— Угу, — кивнула Клэр и отпила глоток виски. — Именно.

— Я тут подумал, — нарочито небрежным тоном обратился Роджер к Брианне, — возможно, вы согласитесь посетить со мной одно из этих мест, поле битвы, что-то в этом роде?.. Там очень интересно, к тому же уверен: вы сможете оказать мне большую помощь.

Брианна рассмеялась и откинула назад волосы:

— Не знаю, как насчет помощи, но поехать мне очень хочется.

— Замечательно! — Обрадованный ее согласием, он потянулся за графином и едва не опрокинул его. Выручила Клэр — подхватила и налила ему стаканчик.

— Чтоб не разлилось, как в прошлый раз, — заметила она и улыбнулась, а он рассыпался в благодарностях.

Глядя на нее, такую спокойную и веселую, Роджер усомнился в своих подозрениях. Возможно, она разбила бокалы просто случайно, но прочитав что-либо определенное на этом холодном и красивом лице не удалось.

Через полчаса тарелки почти опустели. Графинчик — тоже, и все трое сидели сытые и довольные. Затем Брианна, поерзав немного в кресле, взглянула на Роджера и осведомилась, где находятся «удобства».

— О, ватерклозет? Конечно, сию минуту. — И он с трудом поднялся, чувствуя, как пирожные и кексы тяжелым грузом осели в желудке. Если не избавиться от Фионы в самом скором времени, то к возвращению в Оксфорд он будет весить добрые триста фунтов.

— Заведение несколько старомодное, — объяснил он, Указывая через холл на дверь в ванную. — Бачок под потолком и ручка на цепочке.

— Видела такие в Британском музее, — кивнула Брианна. — Но не в

качестве экспонатов, а внизу, в дамской комнате. — Помолчав немного, она застенчиво спросила: — Надеюсь, у вас не тот сорт туалетной бумаги, что используют в Британском музее? Потому что если тот, то у меня с собой в косметичке «клинекс».

Роджер сощурил один глаз и скосил на нее другой.

— Или же мне показалось, — пробормотал он, — или же я выпил больше, чем думал. — На деле он с Клэр вполне оценили «Мюр Брим», а Брианна пила только чай.

Клэр рассмеялась. Она слышала этот разговор. Встала и протянула Брианне несколько косметических салфеток из своей сумки.

— Это не какая-нибудь там воощеная бумага, где внизу стоит штамп «Собственность правительства Ее Величества», как в музее, однако не думаю, что намного лучше, — сказала она дочери. — Британская туалетная бумага вообще отличается жесткостью.

— Спасибо. — Брианна взяла салфетки и направилась было к двери, но затем обернулась: — И к чему это, скажите на милость, люди, словно специально, производят туалетную бумагу, похожую больше на фольгу?

— Сердца наших людей тверды как камень, — насмешливо подхватил Роджер. — Ну а зады из нержавеющей стали. Думаю, это способствует формированию национального характера.

— В таком случае, наверное, шотландцы вообще лишены нервных окончаний, — со смехом добавила Клэр. — У людей, способных скакать верхом в юбках, кожа на задах не уступает по прочности той, из которой делают седла!

Брианна так и покатилась со смеху:

— Тогда на то, что они используют в качестве туалетной бумаги, должно быть, просто смотреть страшно!

— А вот и нет, — возразила Клэр. — Листья коровьяка вполне ничего, ничуть не хуже двуслойной туалетной бумаги. А зимой или в домашних условиях это обычно клочок влажной ткани. Не слишком гигиенично, зато достаточно удобно...

Роджер и Брианна с удивлением уставились на нее.

— Я... э-э... вычитала это в одной книге, — объяснила Клэр и немного покраснела от смущения.

Брианна, все еще хихикая, отправилась на поиски «удобств». Клэр осталась стоять у двери.

— Вы очень любезны — устроили нам такой роскошный прием, — с улыбкой заметила Клэр. Минутная неловкость прошла, к ней вернулись обычные спокойствие и самоуверенность. — И огромное вам спасибо за то,

что удалось выяснить интересующие меня детали, касающиеся этих людей.

— Сущие пустяки, — ответил Роджер. — Приятно было отвлечься от паутины и нафталиновых шариков. Как только удастся выяснить о якобитах что-то еще, тут же дам вам знать.

— Спасибо. — Немного помолчав, Клэр глянула через его плечо и, понизив голос, добавила: — Пользуясь тем, что Бри вышла... я хотела бы кое о чем попросить вас. Но только между нами.

Роджер откашлялся и поправил галстук, который нацепил по случаю прихода гостей.

— Прошу, говорите, — произнес он бодро, чувствуя, что чаепитие удалось как нельзя лучше. — Всегда счастлив выслушать вас.

— Вы пригласили Бри сопровождать вас в поездке... Там есть одно место, которое... Я не хотела бы, чтобы она посещала его... Если вы, конечно, не против.

Сигнал тревоги снова зазвучал в голове Роджера. Чего она боится? Что я узнаю какой-то секрет о Брех Туарахе?

— Каменные столбы... они называют его «Крэг-на-Дун». — Лицо Клэр приняло серьезное, озабоченное выражение, и она придвинулась еще ближе. — Причина очень веская, иначе бы я не просила... Я хочу отвести Брианну туда сама. И боюсь, что сейчас не смогу сказать вам, почему именно. Настанет время, и вы все узнаете. Только не теперь. Обещаете?

Мысли Роджера смешались. Так, значит, вовсе не в Брех Туарах не хочет Клэр пускать дочь. Одна загадка разъяснилась, но на смену ей пришла другая, еще более таинственная.

— Как скажете, — ответил он после паузы. — Конечно.

— Благодарю. — Она легонько прикоснулась к его руке и тут же отошла. Ее силуэт, вырисовывавшийся на фоне окон, напомнил ему кое о чем. Возможно, не самый удобный момент задавать этот вопрос, но ведь он вполне невинный.

— О, доктор Рэндолл... Клэр...

Клэр обернулась. Сейчас, когда в комнате не было Брианны, он с особой остротой вдруг почувствовал, сколь красива на свой лад Клэр. Лицо ее размягчилось от виски, а глаза приобрели необычный золотисто-коричневый оттенок и напоминали отполированный янтарь.

— Во всех документах, что я просматривал в связи с этими людьми, — начал Роджер, осторожно подбирая слова, — упоминается некий капитан Джеймс Фрэзер, похоже, он был их командиром. Но в вашем списке его имя отсутствует. И я просто хотел спросить, что вам о нем известно.

На секунду она словно окаменела. И стояла совершенно неподвижно,

что напомнило ему несколько странное ее поведение во время первой их встречи. Затем слегка пожала плечами и ответила нарочито спокойным тоном:

— Да... Я о нем знаю. — Голос звучал ровно, но краска отхлынула от лица, и Роджер заметил, как на шее у нее дрожит и бьется маленькая жилка. — Я не внесла его в список потому, что и без того знаю, что с ним произошло. Джеймс Фрэзер погиб при Каллодене.

— Вы уверены?

Словно собираясь выбежать из комнаты, Клэр Рэндолл нервно схватила сумку и бросила взгляд в коридор, откуда донесся звук поворачивающейся дверной ручки, что означало, что Брианна вот-вот выйдет.

— Да, — ответила она не оборачиваясь. — Совершенно уверена. О, мистер Уэйкфилд... то есть Роджер... — Она отпрянула, не сводя с него странных золотистых глаз. При этом освещении они кажутся почти желтыми, подумал он, глаза большой кошки или леопарда. — Прошу вас, пожалуйста, только не упоминайте этого имени, Джеймс Фрэзер, в присутствии моей дочери!..

Было уже довольно поздно, и, хотя ему следовало бы давно находиться в постели, Роджер не спал, просто не мог уснуть. То ли Фиона вывела его из равновесия, то ли противоречивое поведение Клэр. То ли так взволновала перспектива отправиться вместе с Брианной Рэндолл в поездку, но сон все не приходил и, похоже, не собирался прийти вовсе. И вот, вместо того чтоб вертеться в постели с боку на бок или считать, он решил употребить бессонницу себе на пользу и заняться разбором бумаг его преподобия. Возможно, это скучное занятие все же нагонит сон...

Свет в комнате Фионы, находившейся в другом конце коридора, все еще горел, и он на цыпочках поднялся вверх, стараясь ее не беспокоить. Включил свет в кабинете и секунду стоял в задумчивости, пытаясь оценить масштаб предстоящей ему работы.

Размещение книг, бумаг и прочих предметов в комнате отражало склад характера священника Уэйкфилда. Часть помещения занимал огромный, размером двадцать на двенадцать футов, стеллаж. Впрочем, самого стеллажа не было видно, все было завалено кипами бумаг, фотографий, листками ксерокопий, счетами, рецептами, птичьими перьями, обрывками конвертов с наклеенными на них интересными марками, визитками с адресами, связками ключей, открытками, резинками и прочими мелочами, громоздящимися друг на друге или висящими в низках. Мелочей этих были горы, тем не менее его преподобие всегда безошибочно знал, куда

следует запускать руку, чтобы извлечь нужный ему предмет. Роджеру пришло на ум, что вся эта свалка была не случайным скопищем вещей, а хранилищем, организованным в соответствии с неким научным принципом, настолько хитроумным и сложным, что даже ученые из НАСА не смогли бы приблизиться к его разгадке, пусть даже чисто теоретически.

Он с робостью озирает этот айсберг. Разве можно понять, откуда лучше начать? Вытянул наугад ксерокопию расписания заседаний Генеральной ассамблеи — такие рассылала епископальная служба, и тут же его внимание привлек находившийся под ней карандашный рисунок. Дракон с картинными клубами дыма, вырывающимися из раздутых ноздрей, с зелеными языками пламени, изрыгаемого широко разинутой пастью.

Внизу неровными печатными буквами было выведено «Роджер». И он вдруг вспомнил, как объяснял кому-то и: взрослых, почему огонь из пасти дракона зеленый. Потому что тот питается одним только шпинатом... Он сунул расписание заседаний ООН обратно в кучу и отвернулся, Нет, этим он займется позже.

Гигантский дубовый письменный стол — бюро с убирающейся крышкой и минимум пятью десятками ящиков и ячеек, битком набитых и напоминающих слоеный пирог. Со вздохом Роджер придвинул к столу расшатанное старое кресло и сел, решив сперва разобрать документы, которые его преподобие считал достойными хранения.

В одном — стопка неоплаченных счетов... В другом — какие-то деловые бумаги... Документы на автомобили, отчеты, акты о приемке строительных объектов. Еще один заполнен историческими записями и документами. Отдельно были сложены бумаги, связанные с ведением домашнего хозяйства. И наконец, еще в одном, самом вместительном ящике, хранилась всякая ерунда.

Целиком погрузившись в свое занятие, он не услышал, как дверь за спиной скрипнула и раздались шаги. Внезапно на столе перед ним возник большой чайник.

— Что? — Он вздрогнул и выпрямился.

— Вот, подумала, может, вы чайку захотите, мистер Уэйк... то есть Роджер. — И Фиона поставила рядом с чайником маленький поднос с чашкой, блюдцем и тарелочкой с бисквитами.

— О, спасибо... — Он и в самом деле проголодался и одарил Фиону дружеской улыбкой, отчего ее круглые щеки зарозовели. Ободренная такой реакцией, она осталась и, присев на уголок стола, стала наблюдать, как он, продолжая просматривать бумаги, поедает шоколадные бисквиты.

Смутно понимая, что следует как-то реагировать на ее присутствие,

Роджер приподнял в руке надкусанный ломтик бисквита и заметил:

— Вкусно!

— Правда? Сама испекла. — Фиона еще гуще покраснела. А вообще-то она довольно симпатичная девушка, эта Фиона... Маленькая, кругленькая, с темными кудряшками и широко расставленными карими глазами. Он вдруг поймал себя на мысли, что Брианна вряд ли умеет готовить, и встряхнул головой, чтоб отогнать ее образ.

Приняв этот его жест за выражение сомнения, Фиона пододвинулась поближе.

— Нет, правда, — сказала она. — Это еще бабушкин рецепт. Она всегда говорила, что священник просто обожает этот кекс. — Карие глаза слегка затуманились. — Она оставила мне все свои рецепты, кулинарные книги и все такое прочее... Я ведь единственная внучка, понимаете?

— Очень печально, что ваша бабушка умерла, — вполне искренне заметил Роджер. — Надеюсь, она не слишком страдала?

Фиона скорбно кивнула:

— О нет. Прямо как гром среди ясного неба... Только поужинала и говорит: «Что-то я устала...» И пошла в спальню. — Девушка беспомощно пожала плечами. — Легла, заснула и больше не проснулась.

— Что ж, это хороший конец, — сказал Роджер. — Я рад, что она не мучилась...

Миссис Грэхем поселилась в доме задолго до того, как там впервые появился Роджер, робкий, только что осиротевший мальчуган пяти лет. Уже тогда она была пожилой дамой, вдовой со взрослыми детьми, и обильно изливала на Роджера материнскую, хоть и не лишенную строгости любовь, когда тот приезжал гостить на каникулы. Она с его преподобием являли собой довольно странную парочку, впрочем, им удавалось создать в этом старом особняке по-настоящему домашнюю, теплую и уютную атмосферу.

Растроганный воспоминаниями, Роджер легонько сжал руку Фионы в своей. Она ответила тем же; карие ее глаза внезапно приобрели томное выражение. Маленький, напоминающий бутон розы, ротик приоткрылся, и она всем телом подалась вперед, так что Роджер ощутил на щеке ее теплое дыхание.

— Спасибо вам, — пробормотал он и выдернул руку из ее горячей ладони. — Огромное спасибо. За э-э... чай... и все остальное. Все было так хорошо, просто чудесно... Да, чудесно. Спасибо. — Он отвернулся и торопливо потянулся за новыми бумагами, желая скрыть замешательство. Схватил наугад торчавшую из одного из ящичков пачку газет.

Развернул пожелтевшие страницы и разложил их перед собой на столе,

прижимая ладонями. Приняв сосредоточенный вид, нахмурился и склонился над побледневшим от времени текстом. Через минуту Фиона с глубоким вздохом поднялась, он услышал, что она идет к двери. Но не поднял головы.

Затем в свою очередь испустил глубокий вздох облегчения, прикрыл глаза и возблагодарил Бога за избавление. Да, Фиона привлекательная женщина. Да, она, несомненно, прекрасная кухарка. Но она любопытна, настырна, действует на нервы и, по всему видно, твердо настроена на замужество. Стоит ему еще раз прикоснуться к этой розовой плоти, и через месяц придется оглашать в церкви имена брачующихся. Но уж если оглашать, то именем, стоящим в приходской книге рядом с Роджером Уэйкфилдом, будет Брианна Рэндолл, если, конечно, он, Роджер, не имеет ничего против...

Интересно, как это он может быть против? С этой мыслью Роджер открыл глаза и тут же растерянно заморгал. Потому что перед ним, в газете, было то самое имя, которое только что пригрезилось ему на страницах брачного контракта. Рэндолл... Нет, конечно, не Брианна Рэндолл Клэр Рэндолл. А вверху заголовок: «Возвращение из мертвых». А под ним — фотография Клэр, только лет на двадцать моложе. Впрочем, на ней она не сильно отличалась от нынешней Клэр, если не считать выражения лица. Она сидела в больничной постели, волосы взъерошены и развеваются, как знамена, тонкие губы сжаты в плотную линию, удивительные глаза сверкают и смотрят прямо в объектив.

Совершенно потрясенный, Роджер начал торопливо перебирать вырезки, затем стал читать. Хотя газетчики явно старались раздуть из этой истории целую сенсацию, фактов было мало.

Клэр Рэндолл, жена известного историка доктора Франклина У. Рэндолла, пропала в Шотландии во время своего отпуска. Случилось это в Инвернесе, в конце весны 1945 года. Машину ее нашли, но сама женщина бесследно исчезла. Все поиски оказались напрасными, наконец полиция и отчаявшийся муж пришли к печальному выводу, что Клэр Рэндолл, должно быть, погибла от руки какого-то бродяги, а тело ее спрятали среди скал и камней.

И вот в 1948 году, через три года после исчезновения, Клэр Рэндолл объявилась. Ее обнаружили, грязную, оборванную, в каких-то лохмотьях, бродившей вблизи того места, где она пропала. Она была цела и невредима, хотя и сильно истощена, однако, похоже, плохо осознавала, что с ней и где она находится. Речь Клэр была бессвязной.

Мысль о том, что Клэр Рэндолл может бессвязно выражаться,

заставила Роджера удивленно приподнять брови, и он продолжил просматривать вырезки. Но помимо информации, что миссис Рэндолл поместили в местный госпиталь оправляться от потрясения, он мало что извлек из них. Попались фотографии мужа, который был «вне себя от радости». Впрочем, на них он скорее выглядел тоже потрясенным. Да и можно ли было упрекнуть его в этом, подумал Роджер.

Он с любопытством рассматривал фотографии. Фрэнк Рэндолл, стройный, красивый, аристократической внешности мужчина. Темноволосый, с щеголеватой грацией, читавшейся в каждом изгибе тела, он стоял у входа в госпиталь, застигнутый репортером в тот момент, когда собирался навестить свою вновь обретенную жену.

Роджер внимательно разглядывал длинный, четко очерченный подбородок, наклон головы и внезапно осознал, что ищет сходства Брианны с отцом. Заинтригованный этой мыслью, он поднялся и взял с полки одну из книг Фрэнка Рэндолла. Там, на задней стороне обложки, нашел более четкую фотографию. Нет, волосы у него не рыжие, а темно-каштановые. Должно быть, она унаследовала эту сверкающую гриву от бабушки или дедушки, и темно-синие глаза с кошачьим разрезом — тоже. У матери ее красивые глаза, но совсем другие. И у отца тоже другие. Сколько он ни старался уловить хоть малейшее сходство этой рыжеволосой богини со знаменитым историком, ему это не удалось.

Со вздохом он отложил книгу и собрал газетные вырезки. Хватит заниматься всякой ерундой, пора и за дело, иначе придется заниматься разборкой бумаг не меньше года.

Он уже складывал вырезки в папку, как вдруг на глаза ему попался заголовок: «Похищена феями?» И не столько сам заголовок, сколько дата под ним: «6 мая 1948 года».

Роджер осторожно опустил на стол вырезку, словно то была бомба, готовая взорваться в руках. Закрыв глаза и припомнил сегодняшнюю беседу. «А в Массачусетсе придется дожидаться, пока тебе не стукнет двадцать один год, — сказала Клэр. — Брианне ждать еще восемь месяцев». Выходит, ей двадцать? Брианне Рэндолл двадцать...

Быстро отсчитать назад в уме пресловутые девять месяцев он не смог. Подошел к «вечному» календарю, которым пользовался викарий, он был припилен к стенке там, где нашлось свободное место. Отыскал дату и замер с пальцем, прижатым к календарю, лицо его побледнело.

Клэр Рэндолл вернулась после своего таинственного исчезновения оборванной и истощенной, бормочущей бессвязно какие-то слова и... беременной.

В конце концов Роджеру удалось заснуть, но сказалась ночь, проведенная в бдении, и проснулся он поздно и с тяжелой головой. Не помогли ни холодный душ, ни щебет Фионы за завтраком.

Он чувствовал себя так скверно, что отложил работу и решил прогуляться. Моросил мелкий дождик, но свежий воздух сделал свое дело — головная боль почти прошла. Правда, это возымело и отрицательный эффект: мысли его прояснились и он снова начал размышлять о своем ночном открытии.

Брианна ничего не знает. Это совершенно очевидно, судя хотя бы по тому, как она говорит о своем покойном отце, вернее, о человеке, которого считает отцом. О Фрэнке Рэндолле. И очевидно, что Клэр не хочет, чтоб дочь знала, иначе бы давно рассказала ей обо всем. Или же их нынешнее путешествие в Шотландию должно послужить прелюдией к разговору? Ее настоящим отцом был, вероятно, какой-нибудь шотландец, ведь Клэр исчезла, а потом появилась именно в Шотландии. Интересно, он все еще здесь?..

Поразительная мысль!.. Неужели Клэр привезла дочь в Шотландию специально, чтоб познакомить с настоящим отцом? Роджер с сомнением покачал головой. Нет, это чертовски рискованно — делать такие эксперименты. Это посеет в душе Брианны лишь боль и смятение, да и в душе самой Клэр тоже. И потом, может ли тот человек занять место покойного? Ведь девушка была очень привязана к Фрэнку, это очевидно. Как она поведет себя, узнав, что человек, которого так любила и идеализировала всю свою сознательную жизнь, вовсе ей не отец?

Роджер ощутил острое чувство жалости к ней и к себе тоже. Не стоило ему влезать во все это, лучше было остаться в счастливом неведении. Ему нравилась Клэр Рэндолл, очень нравилась, и просто претила мысль о том, что она могла изменить мужу. Впрочем, он тут же укорил себя за столь старомодную сентиментальность. Как знать, возможно, она была несчастна с Фрэнком Рэндаллом?.. Возможно, у нее имелись все основания сбежать с другим мужчиной? Но почему же она тогда вернулась?..

Вспотевший и мрачный Роджер побрел обратно к дому. Повесил пиджак в прихожей и отправился в ванную. Иногда ванна очень помогала успокоиться, а он так нуждался в успокоении.

Он провел рукой по ряду вешалок в гардеробе в поисках своего изрядно поношенного махрового халата. Затем, после секундного колебания, полез в дальний угол, расталкивая вешалки, пока не нащупал то, что искал. С нежностью глядел он на потрепанный домашний халат. Желтый шелк подкладки выцвел, но разноцветные павлины были по-

прежнему великолепно — величественно расправив свои красочные хвосты, они смотрели на него маленькими глазками, напоминавшими черные бусинки. Он поднес мягкую ткань к носу и глубоко вздохнул, прикрыв глаза. Слабый аромат «Боркум Рифф» и пролитого виски так живо напомнил ему преподобного Уэйкфилда, как никакой другой предмет.

Сколько раз вдыхал он этот умиротворяющий запах с оттенком одеколона «Олд Спайс», прижимаясь лицом к гладкому и скользкому шелку, а полные руки священника обнимали его, словно защищая от всех бед и суля надежное прибежище! Всю остальную одежду священника он отдал Оксфэму, но с халатом расстаться не смог.

Действуя чисто импульсивно, он накинул халат на голые плечи, дивясь его легкости и теплоте. Ткань ласкала кожу, словно нежные пальцы. Он слегка подвигал плечами, наслаждаясь этим ощущением, затем плотнее запахнул на себе халат и завязал пояс небрежным узлом.

Настороженно озираясь, не видно ли поблизости Фионы, он прошел через холл в ванную. Газовая колонка размещалась наверху, в изголовье ванной, словно страж и хранитель священной воды, надежный, приземистый и вечный. Снова вспомнилось детство — боязнь поднести спичку к горелке, чтобы включить газ и нагреть воду. Над головой с угрожающим шипеньем и свистом выходил газ, руки не слушались, потные и скользкие от страха, что в любой момент газ взорвется и тогда смерть неминуема. Он чиркал одной спичкой за другой по металлической поверхности.

Уже давно загадочные внутренности колонки подверглись реконструкции, и она действовала теперь автоматически, мирно бурчащая горелка была надежно упрятана под металлическим кожухом. Роджер до отказа повернул треснутый кран горячей воды, до половины открыл кран холодной, затем в ожидании, пока наполнится ванна, принялся изучать себя в зеркале.

Вроде бы и не так плох собой, подумал он, втягивая живот и выпрямляясь перед высоким, в человеческий рост зеркалом, вставленным в дверь. Крепкий. Стройный. Длинноногий, но не долговязый. Возможно, чуточку костляв в плечах. Он критически прищурился и изогнулся всем телом.

Провел рукой по жестким черным волосам, торчавшим на затылке, как щетина кисточки для бритья, пытаюсь представить себя с бородой и длинными волосами, как ходят теперь некоторые из его студентов. Пойдет ли это ему или, напротив, состарит?.. А может, вставить в ухо серьгу? Тогда он станет похожим на пирата, как Эдвард Тич или Генри Морган. Он грозно

свел брови и оскалил зубы...

— Гр-р-р, — сказал он отражению.

— Мистер Уэйкфилд? — ответило отражение.

Роджер испуганно отпрянул и пребольно ушиб палец ноги о выступ ножки ванной в виде когтистой лапы.

— Ой!..

— Вы в порядке, мистер Уэйкфилд? — спросило зеркало. Фарфоровая ручка двери задержалась.

— Конечно в порядке! — рявкнул он злобно. — Уходите, Фиона! Я принимаю ванну.

Из-за двери послышался смешок:

— Да, по два раза на дню! Не пижонство ли это, а? Может, хотите мыло с лавровишней? Оно там, в шкафчике.

— Нет, не хочу! — огрызнулся он. Вода уже заполнила ванну до половины, и он завернул краны. Настала умиротворяющая тишина, и он глубоко вдохнул пар в легкие. Слегка морщась, ступил в горячую воду и медленно погрузился в нее, чувствуя, как на лице выступили мелкие капельки пота.

— Мистер Уэйкфилд? — Голос вернулся снова. Она ворковала за дверью, словно малиновка.

— Уйди, Фиона, — буркнул он, вытягиваясь в полный рост. Горячая вода омывала тело, ласкала кожу, словно руки возлюбленной. — У меня все есть!

— Нет, нету.

— Нет, есть! — Взгляд скользнул по целому строю бутылочек, банок и прочих принадлежностей, расставленных на полке. Шампунь трех видов. Кондиционер для волос. Крем для бритья. Бритва. Мыло для тела. Мыло для лица. Лосьон после бритья. Одеколон. Дезодорант... — Мне ничего больше не нужно, Фиона!

— А полотенца? — нежно спросил голос.

В отчаянии он принялся озираться в поисках полотенец, но не обнаружил ни одного. Закрыв глаза, стиснул зубы и начал считать до десяти. Этого оказалось недостаточно. Пришлось считать до двадцати. Наконец бешенство, охватившее его, немного улеглось, и он произнес как можно спокойнее:

— Хорошо, Фиона. Принесите и положите у двери. И пожалуйста... пожалуйста, прошу вас, Фиона, уходите!

Шорох за дверью сменился звуком удаляющихся шагов. С облегчением вздохнув, Роджер полностью отдался радостям уединения.

Тишина... Покой... Фионы нет.

Теперь, размышляя уже более хладнокровно о своем удивительном открытии, он вдруг понял, что ему страшно хочется знать, кем же он был, этот таинственный настоящий отец Брианны. Судя по внешности девушки, человек этот обладал редкостными физическими данными и привлекательностью. Но было ли этого достаточно, чтоб соблазнить такую женщину, как Клэр Рэндолл?..

Был ли он шотландцем, настоящий отец Брианны? Жил ли — а может, и теперь живет — в Инвернесе? Возможно, именно присутствием этого человека где-то поблизости объясняется нервозность Клэр и ее таинственность. Но как это соотносится с ее странной просьбой? Ведь она просила его не брать Брианну на Крэг-на-Дун, не упоминать имени капитана из Брех Туараха в ее присутствии. Почему?..

Следующая мысль настолько поразила его, что он резко сел, расплескивая воду. А что, если ее интересовал вовсе не воин-якобит XVIII века, а лишь его имя? Что, если человека, являющегося настоящим отцом ее дочери, тоже звали Джеймсом Фрэзером? Это ведь довольно распространенное в Шотландии имя.

Да, решил он, это все объясняет. Что же касается стремления Клэр самой показать дочери круг из каменных столбов, то, возможно, это также каким-то образом связано с тайной происхождения девушки. Может, именно там встретила Клэр этого человека, именно там была зачата Брианна Рэндолл? Он знал, что у каменных столбов принято назначать свидания. Он и сам, будучи старшеклассником, не раз встречался там с девушками в надежде, что некая аура языческих таинств заставит их держаться более раскованно. И надо сказать, что расчет этот срабатывал безотказно.

Он вдруг с необычайной отчетливостью представил себе красивые белые ноги Клэр Рэндолл, в дикой судороге страсти обхватившие обнаженное мускулистое тело рыжеволосого мужчины. Тела, скользкие от дождя, в стеблях травы, извивающиеся в экстазе... Видение это настолько потрясло его, что он вдруг почувствовал, что весь дрожит, а по груди струйками стекает пот, смешиваясь с горячей водой в ванной.

Господи!.. Как же он посмотрит теперь в глаза Клэр Рэндолл, когда они встретятся в следующий раз? Что он скажет Брианне при этой встрече? «Читали последнее время что-нибудь интересное? Видели какой-нибудь хороший фильм? Известно ли вам, что вы — незаконнорожденная?»

Он покачал головой, пытаясь отогнать эти мысли. Суть в том, что он не знает, как быть дальше. Так все запуталось!.. Ему вовсе не хочется

участвовать во всем этом, и однако, он участвует. Ему нравится Клэр Рэндолл, нравится Брианна Рэндолл — нет, больше, чем просто нравится, это следует признать. Ему хотелось защитить ее, уберечь от боли. Но как это сделать, он не знал. Все, что ему оставалось, — это держать рот на замке, пока Клэр Рэндолл не осуществит то, что задумала. А потом начать подбирать осколки...

Глава 3

МАТЕРИ И ДОЧЕРИ

Интересно, сколько же в Инвернесе маленьких уютных лавок и магазинчиков? По обе стороны Хай-стрит, насколько хватал глаз, тянулись бесчисленные кафе и лавочки, торгующие сувенирами для туристов. С тех пор как королева Виктория сделала Шотландию безопасной для туристов, они потоком хлынули на север и количество их с каждым годом возрастало. Шотландцы, не ожидавшие со стороны юга ничего, кроме военного или политического вмешательства, достойно встретили это нашествие.

Буквально на каждом шагу на главной улице любого шотландского городка попадались магазины и киоски, торгующие песочным печеньем, эдинбургской карамелью, платочками с вышитыми на них трилистниками, игрушечными волынками, клановыми кокардами из алюминия, открывалками в виде палашей, кошельками для мелочи в форме шотландских сумок — отделанных мехом, а иногда еще и украшенных брелоками в виде миниатюрной фигурки шотландца, а также разнообразнейшими клетчатыми тканями и изготовленными из них предметами — от кепи, галстуков и салфеток до мужских панталон «бьюкэнен» совершенно чудовищного желтого цвета.

Разглядывая горы чайных полотенец с примитивным изображением лохнесского чудовища, распевającego «Auld Lang Syne»^[5], я подумала, что Виктория за многое должна ответить.

Брианна медленно шла по узкому проходу в лавке и, запрокинув голову, с изумлением разглядывала висящие перед глазами сувениры.

— Как думаешь, они настоящие? — спросила она, указывая на рога горного оленя, торчащие среди целого леса басовых трубок волынок.

— Рога? О да, разумеется. Не думаю, что местная технология изготовления пластиковых, изделий достигла таких высот, — ответила я. — И потом, взгляни на цену! Все, что стоит свыше сотни фунтов, имеет право претендовать на подлинность.

Глаза Брианны расширились, она опустила голову:

— Господи... Слушай, может, тогда купить Джейн вместо них отрез шотландки на юбку?

— Настоящая шерстяная шотландка стоит не меньше, — сухомерно заметила я. — Правда, удобнее будет везти домой в самолете. Давай заглянем в магазин готовых юбок, там всегда продавались вещи лучшего

качества.

Начался дождь, как же в Шотландии без него... Мы сунули свои пакеты в оберточной бумаге под дождевики. Как хорошо, что я настояла захватить их. Неожиданно Брианна приснула:

— Мы так привыкли называть эти штуки «мак»^[6], что уже забыли, как они называются на самом деле! Нисколько не удивляюсь, что это шотландское изобретение, — добавила она, глядя, как с края капюшона стекает вода. — Здесь что, все время идет дождь?

— Ну, не все время, но очень часто, — ответила я, всматриваясь, не видно ли приближающихся машин. — Хотя всегда подозревала, что этот мистер Макинтош был изрядным неженкой. Большинство шотландцев — это я точно знаю — вполне терпимы к дождю... — Тут я прикусила губу, но Брианна, похоже, не заметила обмолвки. Она смотрела на бурный поток воды, бегущий вдоль обочины и с грохотом исчезающий в сточной канаве.

— Слушай, мам, давай лучше пойдем к переходу. Здесь нам не перебраться...

Кивнув в знак согласия, я последовала за ней по улице. Сердце тревожно билось. «Боже, доколе же это будет продолжаться? — спрашивала я себя. — Сколько можно следить за своей речью, спохватываясь, замолкать на полуслове? Почему бы не сказать ей прямо сейчас?»

Еще не время, твердила я себе. Я не трусиха. А если даже и трусиха — плевать! Но еще не время. Пусть сперва посмотрит Шотландию. И не эту ерунду — мы как раз проходили мимо витрины, где были выставлены детские туфельки из клетчатой ткани, — на окрестности, природу... Больше всего на свете мне хотелось бы поведать ей, чем закончилась история. Но для этого мне необходим Роджер Уэйкфилд...

Тут мысли мои словно материализовались, внимание привлек старенький «моррис», с оранжевым верхом, на стоянке, слева от нас, яркий, словно цветок мака на сером туманном фоне.

Брианна тоже заметила его — в Инвернесе не так много автомобилей столь специфического цвета и в таком плачевном состоянии — и, указав на него, воскликнула:

— Гляди, мам, а это машина не Роджера Уэйкфилда?

— Да, кажется, — ответила я. Справа находилось кафе, откуда доносился аромат свежее испеченных ячменных лепешек, горячих тостов и кофе, растворявшийся в пропитанном влагой воздухе. Я схватила Брианну за руку и направилась к кафе.

— Знаешь, я что-то проголодалась, — заметила я. — Давай выпьем

какао с бисквитами.

Любого ребенка можно соблазнить сладким, к тому же они голодны почти все время. Бри спорить не стала и, войдя в кафе, села и взяла со стола закапанный чаем листок бумаги, служивший меню.

Не то чтобы мне так хотелось какао. Просто нужно было время немного подумать, сосредоточиться. На бетонной стене автостоянки красовалась надпись: «Парковка машин только для отъезжающих с вокзала», ниже перечислялось, что грозит владельцам транспортных средств, осмелившихся оставить здесь свою машину и не имевших при этом билета на поезд. Или Роджер больше знал о порядках и законах в Инвернесе, чем я, или же действительно сел на поезд. Да, похоже, он всерьез вознамерился заняться этим исследованием, бедный мальчик...

Сами мы прибыли поездом из Эдинбурга. Я пыталась вспомнить расписание, но безрезультатно.

— Интересно, вернется ли Роджер вечерним поездом? — сказала Брианна, словно прочитав мои мысли, отчего я едва не подавилась какао. Тот факт, что ее заботит приезд Роджера, заставляет подозревать мою девочку в некотором равнодушии к молодому человеку.

А может, даже больше, чем просто равнодушии?..

— Я тут подумала, — небрежно продолжила она, — наверное, надо купить Роджеру какой-нибудь подарок, раз уж мы все равно ходим по магазинам? В благодарность за помощь.

— Неплохая идея, — ответила я. — А как думаешь, что бы ему понравилось?

Она, задумчиво хмуря брови, уставилась в чашку, словно хотела отыскать там ответ.

— Не знаю. Что-нибудь хорошее... Ведь похоже на то, что ему придется изрядно повозиться с этими исследованиями. — Вдруг она подняла на меня глаза. — Почему ты попросила об этом именно его? Есть специальные службы, которые занимаются поиском людей, генеалогией и прочим. Папа обращался в компанию «Скот — Серч», когда ему надо было установить чью-то генеалогию, а времени заняться этим самому не было.

— Не знаю, — ответила я и глубоко вздохнула. Мы ступили на скользкую почву. — Это исследование... отец придавал ему большое значение. Это он хотел, чтоб Роджер Уэйкфилд занялся им.

— О-о... — Она помолчала немного, следя за жемчужными каплями дождя, сползающими по оконному стеклу. — Ты скучаешь по папе? — спросила она вдруг и снова наклонилась к чашке: ресницы опущены, глаза избегают моего взгляда.

— Да, — ответила я. Провела пальцем по ободку своей чашки, вытирая следы какао. — Мы не всегда с ним ладили, знаешь ли, но в целом... Да, мы уважали друг друга, а это уже очень много. И любили друг друга, несмотря ни на что. Да, я по нему скучаю.

Она, не произнося ни слова, кивнула, накрыла мою руку ладонью и легонько стиснула. Я обхватила ее длинные теплые пальцы, и с минуту мы сидели вот так, в молчании, попивая какао.

— Знаешь, — сказала я наконец и отодвинула скрипнувший по линолеуму металлический стул. — Я совсем забыла. Хотела отправить письмо в клинику. Собиралась, когда мы выходили, а потом просто вылетело из головы. Думаю, если побегу прямо сейчас, то успею до закрытия. А ты тем временем сходила бы в магазин юбок, это недалеко отсюда, на той стороне улицы. Я же только загляну на почту — и тут же к тебе.

Похоже, Бри была немного удивлена, однако с готовностью кивнула:

— О'кей. А почта далеко отсюда? Ты ведь промокнешь!

— Не волнуйся. Возьму такси. — Я оставила на столе фунтовую бумажку, расплатиться за еду, и вошла в макинтош.

В большинстве городов таксистов отличает манера исчезать с улиц вместе со своими машинами, как только начинается дождь. Но в Инвернесе такие экземпляры попадаются редко. Не успела я пройти и квартала, как обнаружила приткнувшиеся возле отеля два приземистых черных таксомотора и скользнула в теплое, пропахшее табаком нутро одного из них с радостным чувством узнавания. Мало того, что в здешних такси больше места, чтоб вытянуть ноги, и удобнее, чем в американских, в них и пахнет совсем по-другому. Я сама не понимала, как соскучилась по ним за эти двадцать лет.

— Номер шестьдесят четвертый? Такой старый дом? — Несмотря на то что печка в машине работала, водитель был в теплой куртке, укутан шарфом до ушей, а голову прикрывало от сквозняков плоское кепи. Да, современные шотландцы превратились в настоящих неженков, подумала я, совсем не то, что прежнее поколение, здоровяки. Те могли спать хоть на земле, поросшей вереском, в одной рубашке, прикрывшись пледом. С другой стороны, самой мне, например, вовсе не улыбается перспектива спать в вереске под сырым пледом. Я кивнула водителю, и машина, со всплеском врезаясь в лужи, отъехала от тротуара. Конечно, это не очень красиво — влезать в чужой дом в отсутствие хозяина, чтоб побеседовать с экономкой. И к тому же обманывать Брианну. Но объяснить всем им, чем я занимаюсь, так трудно, почти невозможно... Я еще не решила, когда и как

скажу им все то, что должна сказать, однако сейчас еще не время.

Пальцы нащупали во внутреннем кармане макинтоша твердый уголок конверта из «Скот — Серч». Не слишком внимательно следя за работой Фрэнка, я тем не менее знала о существовании этой фирмы, где работало с полдюжины экспертов-профессионалов, специализирующихся на генеалогии шотландцев. «Скот — Серч» вовсе не походила на контору, где вам выдавали рисунок генеалогического древа, демонстрирующего степень вашего родства с Робертом Брюсом^[7], и считали при этом свой долг выполненным.

Они провели свои, как всегда тщательные и конспиративные, исследования по Роджеру Уэйкфилду. Теперь я знала, кто были его родители и прародители до седьмого, а то и восьмого колена. Но я еще не знала, из какого материала сделан этот молодой человек. Время покажет...

Я расплатилась с таксистом и прошлепала по лужам ко входу в дом священника. На крыльце было сухо, и я успела отряхнуться, прежде чем на мой звонок отворилась дверь.

Фиона расцвела в приветливой улыбке, у нее было круглое веселое личико. На таких улыбка всегда как нельзя кстати. Наряжена она была в джинсы и фартук с оборками, от складок его так и веяло ароматом лимонной мастики для натирки полов и свежей выпечкой.

— Ой, миссис Рэндолл! — воскликнула она. — Уж не знаю, чем могу вам помочь, но...

— Я подумала, что можете, Фиона, — ответила я. — Мне хотелось бы поговорить о вашей бабушке.

— Ты уверена, что в порядке, мама? Может, позвонить Роджеру и попросить его приехать завтра, а я останусь с тобой? — Брианна стояла в дверях спальни, озабоченно хмурясь. Одета она была для прогулки — сапоги, джинсы, свитер, однако добавила к этому наряду яркий оранжево-синий шелковый шарф, который Фрэнк привез ей из Парижа за два года до своей смерти.

— Прямо под цвет твоих глаз, маленькая красotka, — сказал он тогда и, улыбаясь, накинул шарф ей на плечи. — Оранжевый!

Это прозвище, «маленькая красotka», стало домашней шуткой, с тех пор как в пятнадцать Брианна обогнала в росте отца с его скромными пятью футами. Впрочем, он часто называл ее так еще в детстве, а теперь с нежностью обращался к дочери, приподнимаясь на цыпочки, чтоб дотянуться до кончика ее носа.

Шарф, в синей своей части, действительно был под цвет глаз Брианны — цвет шотландских озер и летнего неба, оттенок туманной синевы

далеких гор. Я знала, что она очень бережет этот шарф, и тот факт, что она надела его сегодня, свидетельствовал, что к Роджеру Уэйкфилду интерес проявляется нешуточный.

— Да нет, все в порядке, мне ничего не нужно, — ответила я и указала на столик возле кровати, где стоял чайник, заботливо прикрытый вязаным чехольчиком, чтобы не остыл, и тостер, где, тоже в тепле, хранились тосты. — Миссис Томас принесла мне чай с тостами, чуть позже перекушу, а сейчас что-то не хочется. — Я надеялась, что Брианна не слышит голодного урчания моего желудка под одеялом, что могло вызвать сомнения в искренности моего высказывания.

— Ну, тогда ладно. — Она нехотя направилась к двери. — Думаю, надолго в Каллодене мы не задержимся.

— Из-за меня можете не спешить! — крикнула я ей вслед.

Я подождала, пока не захлопнется за ней внизу входная дверь, и только тогда полезла в ящик туалетного столика и извлекла оттуда плитку шоколада «Херши» с миндалем, которую припрятала накануне вечером.

Удовлетворив потребности желудка, я откинулась на подушки, рассеянно следя, как сереет небо за окном. В стекло стучала ветка липы с набухшими почками, поднимался ветер. В спальне было тепло, у изножья кровати журчала батарея центрального отопления, но меня вдруг пробрал озноб. Как, должно быть, холодно на Каллоденском поле...

Наверное, так же холодно, как тогда, в апреле 1746-го, когда Красивый принц Чарли вывел своих людей на это поле, навстречу дождю со снегом и оглушительному грохоту канонады. Исторические хроники утверждали, что стужа в тот день стояла страшная, и раненые шотландцы лежали вперемешку с убитыми, насквозь промокшие от крови и дождя, в ожидании милосердия со стороны английских победителей. Но герцог Кумберлендский, командующий английской армией, раненых не пощадил.

Мертвецов сгребали, точно поленья, и сжигали, чтобы предотвратить распространение заразы. История свидетельствует, что и многих раненых постигла та же участь, им было отказано даже в такой милости, как последняя пуля в лоб. И все они покоятся теперь на Каллоденском поле, под зеленой травой, безразличные к войнам, непогоде, безразличные ко всему.

Я видела это место однажды, лет тридцать назад, когда мы с Фрэнком ездили в свадебное путешествие. Теперь Фрэнка тоже нет в живых, и я привезла в Шотландию дочь. Я хотела, чтоб Брианна увидела Каллоден, но никакая сила в мире не заставила бы меня вновь ступить на эту страшную, поросшую вереском землю.

И вот я решила остаться в постели под предлогом внезапного недомогания, чтоб не сопровождать Брианну с Роджером в этой поездке. Стоит только встать и заказать ленч, и миссис Томас наверняка проболтается. Я заглянула в ящик. Еще целых три плитки шоколада и развлекательный роман. Будем надеяться, этого хватит на весь день.

Роман оказался довольно любопытным, но шум ветра за окном навевал дремоту, а в постели было так тепло и уютно. И я мирно погрузилась в сон, и мне снились шотландцы в клетчатых юбках и неспешное журчанье их разговора у костра, напоминавшее тихое жужжанье пчел в улье.

Глава 4

КАЛЛОДЕН

— Какая мерзкая свиньячья физиономия! — Брианна слегка склонилась, совершенно завороченная видом манекена в красном мундире, возвышавшегося в углу фойе каллоденского Центра по туризму. Росту в нем было пять футов и несколько дюймов, напудренный парик воинственно съехал до бровей, из-под него торчали отвислые ярко-розовые щеки.

— Да, маленький толстячок, — с улыбкой кивнул Роджер. — Однако он был чертовски крутым генералом, особенно в сравнении с его элегантным кузенком. — Он махнул рукой в сторону высокой фигуры Карла Стюарта, стоявшего по другую сторону. Карл надменно смотрел куда-то вдаль из-под голубой бархатной шляпы, презрительно игнорируя герцога Кумберлендского. — Ему дали прозвище Мясник Билли, — сказал Роджер, указывая на герцога в белых панталонах до колен и расшитом золотом камзоле. — И не без оснований. Не считая того, что они натворили здесь, — он жестом указал на покрытую весенней зеленью пустошь за окном, — именно люди кумберлендца ответственны за жесточайший террор, развязанный Англией в Шотландии. Они охотились за уцелевшими в битве, загоняя их в горы, сжигая и разрушая все на своем пути. Женщины и дети голодали, мужчин убивали прямо на месте, даже не утрудившись выяснить, сражались они на стороне Чарли или нет. Один из современников герцога высказался о нем так: «Он сотворил пустыню и назвал ее миром». Боюсь, что герцог Кумберлендский до сих пор фигура не слишком популярная в этих краях.

Это было действительно так; куратор музея для туристов, приятель Роджера, рассказывал ему, что если к изображению Красивого Принца публика относилась с должным уважением, то фигура герцога постоянно служила объектом грубых шуток, а пуговицы с его камзола постоянно обрывали.

— Он рассказывал, что как-то утром пришел пораньше, включил свет и вдруг увидел, что из живота его светлости торчит настоящий шотландский кинжал, — сказал Роджер, кивком указывая на фигуру толстяка. — Говорил, что жутко тогда перепугался.

— Да уж, — пробормотала Брианна, глядя на герцога и удивленно приподняв брови. — Неужели люди до сих пор воспринимают все это так серьезно?

— О да! У шотландцев хорошая память. Они не склонны так легко прощать.

— Вот как? — Она с любопытством взглянула на него. — А вы сами шотландец, Роджер? Уэйкфилд — не слишком похоже на шотландскую фамилию. Судя по фамилии, нет, но то, как вы говорили о герцоге Кумберлендском... — Губы ее начали складываться в улыбку, и он не понимал, дразнит ли она его или говорит серьезно. Однако ответил со всей серьезностью:

— О да. — Он улыбнулся. — Я шотландец. Уэйкфилд — не настоящая моя фамилия. Ее дал мне священник, после усыновления. Матери он приходился дядей. И когда во время войны родители погибли, взял меня на воспитание. Настоящая моя фамилия — Макензи. А что касается герцога Кумберлендского... — Он взглянул через зеркальные окна на монументы каллоденской битвы, едва различимые вдаль, — то вон там есть наше семейное надгробье и на нем выбито имя «Макензи». Там похоронены наши многочисленные родственники.

Он протянул руку и коснулся золотого эполета.

— Я не так пристрастен, как некоторые, однако не забыл... — Он подал ей руку. — Идемте?

На улице было холодно, налетающий порывами ветер трепал полотнища флагов на длинных древках, установленных на поле боя. Один желтый, другой красный — они отмечали позиции, на которых за спинами у своих солдат стояли командиры противных сторон в ожидании сигнала к бою.

— Неплохо укрылись, как я погляжу, — сухо заметила Брианна. — Здесь может настичь разве что шальная пуля, да и то сомнительно.

Роджер заметил, что она вся дрожит, взял ее под руку и плотнее прижал к себе. Ему показалось, что сердце у него того гляди разорвется от счастья прикосновения к ней. Спеша скрыть свои чувства, он разразился настоящим монологом на исторические темы:

— Да, именно так вели себя тогдашние генералы. Командовали оттуда, из тыла. Особенно отличился Чарли, к концу боя он с такой поспешностью бросился наутек, что растерял свой драгоценный серебряный прибор для пикников.

— Прибор для пикников? Он явился на поле боя с посудой?

— О да! — Роджер вдруг обнаружил, что ему нравится выглядеть в глазах Брианны шотландцем. Обычно он старался говорить с безликим оксфордским акцентом, что, надо сказать, стоило ему немалых усилий, однако теперь несколько ослабил поводья ради улыбки, которая появлялась

на ее лице, стоило слышать эту речь. — А знаете, почему его прозвали Принцем Чарли? — спросил он. — Англичане почему-то всегда считали, что это уменьшительное имя, показывающее, как народ любит его.

— А что, разве нет?

Роджер покачал головой:

— Ничего подобного. Его называли принц Тчарлах, — он отчетливо выговорил все буквы, — что по-гэльски соответствует Карлу. «Тчарлах мак Симус» — «Карл, сын Джеймса». Официальное и в высшей степени уважительное обращение. И весь фокус в том, что в их произношении Тчарлах чертовски напоминало английское Чарли.

Брианна усмехнулась:

— Так, выходит, на самом деле он вовсе не был Красивым Принцем Чарли?

— Нет, тогда нет. — Роджер пожал плечами. — Теперь, конечно, да. Одна из тех маленьких исторических ошибок, что порой превращаются в факт. Таких примеров много.

— Значит, вы настоящий историк? — поддразнила его Брианна.

Роджер сдержанно улыбнулся:

— Насколько я понимаю, да.

Они медленно шли через поле битвы по выложенным гравием дорожкам. Роджер показывал, где стоял какой полк, объяснял ход сражения, вспоминал разные анекдоты о командирах.

Ветер стих, на поле опустилась тишина. Постепенно их беседа тоже стихла, они переговаривались лишь изредка, приглушенными голосами, почти шепотом. Облака тянулись через все небо до самого горизонта, все под его куполом, казалось, застыло, лишь шелестела трава, словно то были голоса людей, уснувших под ней вечным сном.

— Это место называют Родником Смерти. — Роджер склонился над маленьким ручейком. Он вытекал из-под камня, образуя крошечный, площадью не более фута, водоем с темной водой. — Здесь погиб один из шотландских вождей. Товарищи омыли кровь с его лица водой из этого родника. А вон там, дальше, находятся клановые захоронения.

Кладбищенские плиты представляли собой огромные куски серого гранита, поросшие вереском и лишайниками. Они высились среди травы и располагались по краю огромной пустоши. На каждом выбито одно имя, буквы стерлись и порой были едва различимы: Макджилливрей, Макдональд, Фрэзер, Грант, Чихолм, Макензи...

— Смотрите, — сказала Брианна почти шепотом и указала на один из камней. Возле него лежала небольшая кучка серо-зеленых веточек, на них

— несколько первых весенних цветков.

— Вереск, — объяснил Роджер. — Он более обычен здесь летом, в пору цветения, тогда можно увидеть вереск у каждого камня. Пурпурный, реже встречаются веточки с белыми цветками. Белый — цвет удачи и власти. Он был эмблемой принца Чарли. Белая роза — тоже.

— А кто приносит их сюда? — Брианна, перебежав через тропинку, осторожно коснулась веточки пальцем.

— Посетители. — Роджер последовал за ней. Увидел полустертые буквы на камне: «Фрэзер». — Обычно это потомки тех, кто здесь погиб. Или просто люди, которые не хотят забывать их.

Она взглянула на него, длинные волосы разметались по лицу.

— А вы приносили?

Он опустил глаза:

— Да. Наверное, это выглядит несколько сентиментально, но приносил...

Брианна повернулась и стала рассматривать растения, окаймлявшие тропу.

— Покажите мне, где вереск, — попросила она.

На обратном пути меланхолия, навеянная посещением Каллодена, несколько развеялась, но чувство близости, возникшее у камня, осталось, и они болтали и смеялись, как старые добрые друзья.

— Жаль, что мама не могла поехать с нами, — сказала Брианна, когда они свернули на улицу, где располагался пансион.

Несмотря на симпатию, испытываемую к Клэр, Роджер в глубине души не мог согласиться с девушкой. Трое, подумал он, это уже целая толпа. Однако пробормотал что-то в знак согласия и через минуту спросил:

— А как она себя чувствует? Надеюсь, ничего серьезного?

— О нет, небольшое расстройство желудка, так она, по крайней мере, сказала. — Брианна немного нахмурилась, затем обернулась к Роджеру и положила руку ему на колено. Он ощутил, как по ноге пробежала дрожь, и с трудом мог сосредоточиться на том, что говорила Брианна. Она же продолжала говорить о матери:

— Думаю, что она в порядке. — Девушка тряхнула головой, даже в полумраке, царившем в машине, было видно, как отливают медью волны ее волос. — Не знаю, но она выглядит какой-то озабоченной. Не больной, нет, но, похоже, какая-то мысль ее терзает...

Сердце у Роджера екнуло.

— Гм... — буркнул он. — Может, просто тревожится, как там без нее на работе?.. Все будет в порядке, уверен. — Брианна благодарно

улыбнулась ему. Машина притормозила у маленького каменного дома миссис Томас.

— Все было замечательно, Роджер, — сказала она, легонько дотронувшись до его плеча. — Хотя это мало чем может помочь маме в ее исследованиях. Может, вы хотите, чтоб я помогла вам, хотя бы в черновой работе?

Воспрянувший духом Роджер улыбнулся девушке:

— Думаю, это возможно. Хотите, приходите завтра, по смотрим, что там в гараже? Там полно грязи, так что в черной работе недостатка не будет. Надо разобрать кое-какие бумаги...

— Замечательно! — Она стояла, опираясь рукой на машину, и с улыбкой смотрела на него сквозь боковое стекло. — Возможно, и мама захочет присоединиться.

Он почувствовал, что лицо его каменеет, и с трудом сохранил вежливую улыбку.

— Правильно, — ответил он. — Это было бы просто здорово!

Но случилось так, что назавтра Брианна явилась в особняк одна.

— Мама отправилась в публичную библиотеку, — объяснила она. — Порыться в каких-то старых телефонных справочниках. Хочет отыскать кого-то из прежних знакомых.

Сердце Роджера забилося чуть быстрее. Накануне вечером он сам просматривал старые телефонные книги священника. Там оказалось три Джеймса Фрэзера и еще два с другими именами и стоящими перед фамилией инициалами «Дж.».

— Что ж, остается надеяться, что она разыщет этого человека, — небрежным тоном заметил он. — Вы и вправду уверены, что хотите мне помогать? Это очень скучная, грязная работа. — Он с сомнением посмотрел на Брианну, однако та с готовностью кивнула, похоже, ничуть не смущенная этой перспективой.

— Знаю. Иногда я помогала папе. Разбирала старые документы, искала записи. И потом — это ведь нужно маме и помочь вам просто мой долг.

— Хорошо. — Роджер взглянул на свою белую рубашку. — Сейчас переоденусь, и пойдем.

Дверь гаража скрипнула, застонала и наконец, подавшись, распахнулась внутрь, обрывая густую паутину и поднимая тучи пыли. Брианна замахала руками перед лицом и закашлялась.

— Боже! — воскликнула она. — Когда последний раз сюда ступала нога человека?

— Целую вечность назад, полагаю, — рассеянно ответил Роджер. И

посветил фонариком в глубину гаража, вырвав из мрака горы картонных коробок, деревянных ящиков, старых сундуков с наклейками и еще какие-то бесформенные брезентовые тюки. Среди всего этого хлама, словно скелеты динозавров, торчали там и сям ножки от мебели.

Посредине имелся едва заметный узкий проход. Роджер втиснулся в него и тут же исчез в туннеле, среди пыли и каких-то размытых теней. За продвижением его можно было проследить по бледному пятнышку света от карманного фонаря, время от времени скользившему по потолку. Наконец, издав победный клич, он ухватился за шнур, свисающий с потолка, и гараж озарился ярким светом большой лампы.

— Сюда! — крикнул Роджер, неожиданно возникший рядом, и схватил Брианну за руку. — Там, в задней части, есть небольшое свободное пространство.

У стены стоял древний стол. Некогда служивший главным предметом столового гарнитура его преподобия, он затем потерпел ряд понижений в чине и использовался последовательно в качестве кухонного стола, затем верстака, потом подставки для окраски различных предметов, пока, наконец, не был удален на покой в это насквозь пропыленное убежище. Над ним находилось затянутое паутиной окошко, мутный дневной свет, просачивающийся сквозь него, позволял видеть исцарапанную, забрызганную краской поверхность.

— Можно работать здесь, — сказал Роджер, выдергивая из груды хлама стул и обтирая его большим носовым платком. — Присаживайтесь, а я пока посмотрю, можно ли открыть это оконце. Иначе мы здесь просто задохнемся.

Брианна кивнула, но вместо того, чтобы сесть, начала с любопытством разглядывать горы рухляди. Роджер с силой дергал перекосившуюся оконную раму и слышал, как девушка передвигается у него за спиной, читая вслух надписи на коробках.

— Тысяча девятьсот тридцатый — тридцать третий годы, — бормотала она. — А здесь сорок второй — сорок шестой. А тут что?

— Дневники, — ответил Роджер и уперся локтем в грязный подоконник. — Мой отец, священник я имею в виду, постоянно вел дневник. Делал записи каждый вечер, после ужина.

— Похоже, ему было о чем писать. — Брианна сняла несколько коробок и поставила их в сторону, чтоб обозреть следующий слой. — Ой, а тут целая куча коробок с какими-то именами. Керс, Ливингстон, Бэлнейм... Это что, его прихожане?

— Нет. Местные жители. — На секунду Роджер прервал свое занятие.

Он запыхался. Вытер лоб, оставив на рукаве полоску грязи. Хорошо еще, что оба они переоделись в старое тряпье. — Там записки об истории разных шотландских деревень. Содержимое некоторых из этих коробок превратилось в книги, их продают в магазинах для туристов по всей Шотландии.

Он повернулся к доске, на которой были развешаны старые инструменты, и выбрал большую отвертку для следующей атаки на окно.

— Вы поищите там коробку с надписью «Приходские книги», — добавил он. — Или с именами деревенских жителей в окрестностях Брех Туараха.

— А откуда мне знать, те это деревни или нет? — спросила Брианна.

— Ах да, совсем вылетело из головы. — Роджер воткнул отвертку в щель между рамой и стеной, отдирая слои старой краски. — Поищите названия Брех Мордха... гм... Ма-рианнан и... уф!.. Сент-Килда. Есть и другие, но в этих, насколько мне известно, были самые большие в округе церкви, которые затем были закрыты или разрушены.

— О'кей. — Отвернув край брезента, Брианна вдруг отскочила с резким испуганным вскриком.

— Что? Что такое? — Роджер отошел от окна, держа отвертку наготове.

— Не знаю. Я только дотронулась, а оттуда как кто-то выскочит! — Брианна указала пальцем, откуда именно, и Роджер опустил свое оружие.

— А-а... это. Наверное, мышь. Или крыса.

— Крыса?! Так у вас здесь крысы? — Брианна не на шутку испугалась.

— Будем надеяться, что нет. Иначе они давно сожрали бы нужные нам бумаги, — ответил Роджер и протянул ей фонарик. — Вот, посветите сперва в темное место, тогда, по крайней мере, не будет неожиданностей.

— Большое спасибо. — Брианна взяла фонарик, все еще с опаской косясь на коробки.

— Ну, что же вы? Не бойтесь, — ободрил ее Роджер. — Или вы хотите, чтоб я с ходу сочинил для вас крысиную сатиру?

Лицо Брианны расплылось в улыбке.

— Крысиную сатиру? А что это такое?

Роджер, снова занявшись окном, медлил с ответом. Он дергал и толкал раму, пока не заняли мышцы. Наконец с противным скрипом она подалась, через щель шириной дюймов в шесть хлынули волны свежего воздуха.

— Вот так-то лучше. — Он обмахивался в изнеможении и улыбался Брианне. — Ну что, продолжим?

Она протянула ему фонарик и отступила:

— Давайте так. Вы будете искать коробки и подавать их мне, а я просматривать содержимое... И все же, что такое крысиная сатира?

— Трусишка, — заметил он, наклонился и начал шарить под брезентом. — Крысиная сатира — это старый шотландский обычай. Если в доме или амбаре заводятся крысы или мыши, их можно заставить уйти, сочинив маленькое стихотворение или песенку. Где говорится, как скучно с едой в доме и советуют им убраться куда-нибудь еще. Только обязательно надо сказать куда, и в результате, если стихотворение получилось удачное, крысы обязательно уходят.

Он поднял картонный ящик с надписью «Якобиты. Разное» и понес его к столу, напевая:

Эй, крысы, вас так много!
Пошли своей дорогой!
Тут нечего вам есть.
Ступайте к Бернсам в огород,
Где точит когти серый кот
И зреют кочаны.
Ступайте, наедайтесь!
Назад не возвращайтесь,
Для вас тут нет еды!

Брианна одобрительно усмехнулась:

— Вы что, это сами сочинили?

— Конечно. — Роджер торжественно водрузил на стол еще одну коробку. — Если хочешь, чтобы крысиная сатира подействовала, непременно надо сочинить ее самому. — Он бросил взгляд на поредевшие ряды коробок. — Будем надеяться, что теперь крысы станут обходить гараж за милую.

— Ну и прекрасно. — Брианна достала из кармана складной нож и перерезала бечевку на верхней коробке. — Вы обязательно должны заглянуть к нам в пансион. Мама уверяет, что видела в ванной мышь. Кто-то грыз ее мыльницу.

— Бог его знает, можно ли избавиться от мыши, способной питаться мылом. Боюсь, это выше моих слабых сил и способностей. — С шаткой кучи старых энциклопедий он снял потрепанную круглую подушечку, которую священник подкладывал под колени во время молитвы, положил

ее на пол и сел рядом с Брианной. — Вот. Вы займетесь приходскими книгами, их легче читать.

Они в полном согласии проработали так все утро, обнаружили немало интересных бумаг, старое столовое серебро и залежи пыли. Однако ничего, представляющего интерес для исследований Клэр, найти не удалось.

— Пора бы сделать перерыв на ленч, — сказал наконец Роджер. Ему страшно не хотелось идти в дом и снова зависеть от милостей Фионы, но он чувствовал, что девушка тоже проголодалась.

— О'кей. Поедим и поработаем еще, если вы, конечно, не слишком устали. — Брианна встала и потянулась, поднятые вверх кулаки почти доставали до потолка старого гаража. Затем вытерла ладони о джинсы и нырнула в проход между коробками. — Эй! — Внезапно она резко остановилась у самой двери. Роджер, идущий следом, едва не налетел на нее.

— Что такое? — спросил он. — Еще одна крыса? — И с восхищением отметил, как солнечный луч высветил одну прядь из копны ее волос, засиявшую бронзой и золотом. Золотистый нимб пыли, вихрящейся над головой, и четкий профиль с длинным носом на фоне ясного неба — все это делало ее похожей на средневековую даму. Наша Леди Архивов...

— Нет! Смотрите, Роджер! — Она указала на картонный ящик в середине кучи. На одной из его сторон крупным четким почерком его преподобия было выведено всего лишь одно слово: «Рэндолл».

Роджер ощутил одновременно и радость, и возбуждение. Брианна же — только последнее.

— Может, это именно то, что мы ищем? — воскликнула она. — Мама говорила, что отец интересовался этими материалами. Кажется, он даже спрашивал о них священника.

— Возможно, — ответил Роджер. Его вдруг охватила тревога при виде этого четко выведенного на картоне имени. Он опустился на колени и вытащил коробку. — Давайте отнесем ее в дом, а после ленча поглядим, что там.

В кабинете священника коробку открыли и обнаружили там весьма странный набор предметов. Там находились старые фотокопии приходских книг, несколько списков личного армейского состава, несколько писем и документов, тоненькая записная книжка в сером картонном переплете, пакет с какими-то старыми снимками, загнутыми по краям. И папка с именем «Рэндолл», напечатанным на обложке.

Брианна раскрыла папку.

— Ой, здесь же генеалогическое древо папы! — воскликнула она. —

Смотрите. — Она передала папку Роджеру. Внутри лежали два листа толстого пергамента, разрисованные схемами со стрелками. Начало датировалось 1633 годом; последняя запись внизу второй страницы гласила:

«Фрэнк Уолвертон Рэндолл. ж. Клэр Элизабет, Бьючэмп, 1937 год».

— Вас тогда еще на свете не было, — пробормотал Роджер. Брианна, перегнувшись через его плечо, следила, как палец Роджера медленно скользит по линиям схемы.

— Я видела это раньше. У папы в кабинете хранилась копия. И он часто ее мне показывал. И записал мое имя, в самом низу. Так что эти, должно быть, сделаны раньше.

— Вероятно, отец проводил для Фрэнка какие-то исследования. — Роджер вернул Брианне папку и взял со стола одну из бумаг. — А это ваш, фамильный. — Он указал на герб в верхнем углу страницы. — Письмо призывнику в армию, подписано его величеством королем Георгом II^[8].

— Георгом II? Господи, он же правил еще до Американской революции!

— Да, задолго до нее. Датировано тысяча семьсот тридцать пятым годом. Послано на имя Джонатана Уолвертона Рэндолла. Вам знакомо это имя?

— Да. — Брианна кивнула, пряди волос упали на лоб. Она небрежным жестом отбросила их назад и взяла письмо. — Папа рассказывал мне о нем, это один из немногих предков, о котором он знал. Служил капитаном в армии, которая вступила в схватку с войсками Красивого Чарли при Каллодене... — Она подняла на Роджера глаза. — Думаю, он погиб в этом сражении. Но тогда его здесь не хоронили бы, верно?

Роджер покачал головой:

— Не думаю. Именно англичане расчищали поле после битвы. Они собрали всех своих погибших и отправили хоронить на родину. Во всяком случае, офицеров уж точно.

Он замолчал — в дверях появилась Фиона с метелочкой из перьев для смахивания пыли, которую держала словно копье.

— Мистер Уэйкфилд! — заявила она. — Там пришел человек забрать грузовик священника. Только он никак его не заведет. Спрашивает, может, вы подсобите.

Роджер выглядел виновато. Он сам вынул из мотора аккумулятор, проверить, и он до сих пор лежал на заднем сиденье «морриса». Неудивительно, что грузовик не заводится.

— Придется пойти помочь, — сказал он Брианне. — Боюсь, что

проводжусь долго.

— Ничего. — Она улыбнулась, сощурив синие глаза. — Мне тоже пора. Мама уже, наверное, вернулась, мы с ней хотели еще заглянуть в «Клава Кейрнс», если успеем, конечно. Спасибо за ленч.

— Не за что. Не мне спасибо, а Фионе. — Роджеру хотелось пойти с ней, но дело есть дело. Он взглянул на бумаги, разбросанные по столу, собрал их и сунул в коробку. — Вот, — сказал он, — тут все ваши семейные документы. Возьмите, надеюсь, вашей маме будет интересно.

— Правда? О, спасибо, Роджер. Вы уверены, что они вам не нужны?

— Совершенно, — ответил он и аккуратно уложил поверх бумаг папку. — О, погодите-ка! Я заметил тут одну вещь... — Из-под письма выглядывал уголок серого блокнота, он вытащил его. — По всей вероятности, это дневник его преподобия. Ума не приложу, почему он оказался здесь, надо положить его ко всем остальным дневникам. — Историческое общество уже заинтересовалось ими.

— Да, конечно! — Брианна подняла коробку и прижала ее к груди, затем после паузы спросила: — А вы... вы хотите, чтоб я пришла еще?

Роджер улыбнулся. В волосах у нее запутались паутинки, на носу виднелась полоска грязи.

— Ни о чем другом и не мечтаю, — ответил он. — Тогда до завтра?

Мысль о дневнике священника не покидала Роджера ни на миг, пока он возился с допотопным грузовичком, пытаясь завести его, и позднее, когда явился оценщик, чтоб отделить ценные антикварные вещи от старого хлама и составить список мебели для аукциона.

Вся эта возня со старыми вещами навевала на Роджера меланхолию. Словно кто-то, теперь уже раз и навсегда, отнимал у него юность вместе с этими бесполезными вещами и безделушками. Усевшись наконец после обеда с дневником священника в кабинете, он не мог с уверенностью сказать, что движет им — желание побольше узнать о Рэндоллах или стремление как-то восстановить хрупкую нить, связывающую его с человеком, который на протяжении многих лет был ему отцом.

Дневники велись методично, ровные чернильные строки повествовали о всех главных событиях в жизни прихода и общины, частью которой его преподобие мистер Уэйкфилд являлся долгие годы. При виде этого простого серого блокнота и аккуратно исписанных страниц перед Роджером тут же возник образ священника: в свете настольной лампы поблескивает лысина, а он старательно записывает события минувшего дня.

— Дисциплина, — объяснил он как-то Роджеру, — регулярные

занятия, особенно умственные, приносят огромную пользу. Католические монахи отправляли службу ежедневно, в определенные часы, у священников был требник. Боюсь, не могу похвастаться тут особым усердием, но регулярное записывание того, что произошло за день, очищает голову. И после этого я могу с чистым сердцем произнести молитву.

С чистым сердцем... Роджеру хотелось бы и самому испытать это ощущение, подобное состояние нечасто посещало его, особенно с тех пор, как он нашел эти вырезки в столе священника.

Он наугад раскрыл дневник и стал медленно перелистывать страницы: не промелькнет ли где-нибудь имя «Рэндолл»? Заметки датировались январем — июнем 1948 года. Он не солгал Брианне насчет Исторического общества, но то была не единственная причина, по которой он не отдал ей дневник. В мае 1948-го Клэр Рэндолл возвратилась после своего таинственного исчезновения. Священник был хорошо знаком с Рэндоллами, это событие наверняка должно быть упомянуто в дневнике.

Вот оно, запись от 7 мая.

«Сегодня вечером навещал ж. Фрэнка Рэндолла после этой истории. Ужасно! Видел ее вчера — такая худенькая, одни глаза. Они просто не давали мне сидеть спокойно. Бедняжка... Впрочем, изъяснялась она вполне разумно.

То, что она пережила, любого может свести с ума, что бы это ни было. Ходят ужасные слухи. Как неосмотрительно поступил д-р Бартоломео, сообщив, что она беременна. Какой страшный удар для Фрэнка и для нее тоже! Сердце мое разрывается от жалости к ним.

Миссис Грэхем вот уже неделю болеет. Не могла выбрать более подходящего времени — на следующей неделе благотворительная распродажа, а в сундуках у нас полно старой одежды...»

Роджер торопливо перелистывал страницы, выискивая, где еще упоминается имя «Рэндолл», и вскоре нашел. Запись относилась к концу недели.

«10 мая. На обед приходил Фрэнк Рэндолл. Из всех сил стараюсь выяснить, что же произошло с его женой. Почти каждый день просиживаю у нее часами в надежде прекратить распространение этих нелепых слухов. Люди болтают Бог знает что. Что она сошла с ума и прочее. Зная Клэр Рэндолл, вовсе не уверен, что ее в той же степени не оскорбляет эта нелепица, равно как и утверждение, что она совершенно аморальна. Тут или то, или другое...

Несколько раз пытался заговорить с ней о случившемся. Но она

молчит. Говорит о чем угодно, только не об этом. И мне кажется, что мысли ее витают где-то далеко-далеко.

Не забыть бы упомянуть в воскресной проповеди о вреде, который наносят злые сплетни. Хотя с другой стороны, акцентировать внимание на этом прискорбном происшествии... Как бы не вышло хуже.

12 мая. Никак не удастся побороть ощущение, что Клэр Рэндолл вовсе не безумна. До нее, разумеется, дошли все эти слухи. Однако в поведении ее не вижу ничего ненормального. Хотя и чувствую, что ее мучает какая-то тайна, которую она вовсе не намерена раскрывать. Осторожно, как только мог, расспрашивал об этом Фрэнк. Но он молчит, хотя и убежден, что кое-что она ему все же рассказала. Попытаюсь выяснить, чтоб помочь им, чем смогу.

14 мая. Заходил Фрэнк Рэндолл. Весьма встревоженный. Просил моей помощи, хотя я и так делаю все возможное. Похоже, это для него очень важно. Он старается держать себя в руках, но, боюсь, того гляди взорвется.

Клэр уже достаточно окрепла, чтоб перенести переезд. На этой неделе он собирается забрать ее в Лондон. Уверил его, что сообщу о любых результатах в письме на его университетский адрес. О жене — ни слова.

Выяснил кое-какие интересные моменты о Джонатане Рэндолле, хотя не пойму, какую роль может играть предок Фрэнка во всей этой истории. О Джеймсе Фрэзере, как я уже говорил Фрэнку, пока ничего...»

Сплошная тайна, подумал Роджер. И даже скорее всего не одна, а несколько. О чем просил священника Фрэнк Рэндолл? Очевидно, узнать как можно больше о Джонатане Рэндолле и Джеймсе Фрэзере. Выходит, Клэр говорила с мужем о Джеймсе Фрэзере. Что-то сказала ему о нем, если не все...

Но какая может существовать связь между капитаном английской армии, погибшем при Каллодене в 1746-м, и человеком, чье имя было неразрывно связано с тайной исчезновения Клэр в 1945-м и последующей тайной — рождением Брианны?

Все остальные записи в дневнике повествовали о рутинных событиях в жизни прихода. О хроническом пьянстве некоего Дерека Гоувена, которое в конце мая кончилось тем, что тело его, словно бревно, извлекли из реки Несс; о свадьбе Мэгги Браун и Уильяма Данди за месяц до рождения их дочурки в июне; о том, что миссис Грэхем вырезали аппендицит, в результате чего его преподобию пришлось в одиночку отбиваться от щедрых прихожанок, потоком посылающих в дом различные яства, в том

числе и горячие блюда под крышкой, от чего больше других выгадал Герберт, тогдашний пес священника.

Перелистывая страницы, Роджер вдруг обнаружил, что улыбается, — в строках, записанных рукой старого священника, словно оживала перед ним жизнь прихожан. Он настолько увлекся, что едва не пропустил последнюю запись, касающуюся просьбы Фрэнка Рэндолла.

«18 июня. Получил короткое послание от Фрэнка Рэндолла. Его беспокоит здоровье жены. Беременность протекает с осложнениями. Он просит помолиться за них.

Ответил ему, что все время молюсь о нем и его жене и желаю им всяческого благополучия. Сообщил также интересующую его информацию. Уж не знаю, сочтет ли он ее полезной, о том судить ему самому. Написал также о своей удивительной находке — могиле Джонатана Рэндолла в Сент-Килде; спросил, хочет ли он, чтоб я сфотографировал надгробье».

И все. Больше никаких упоминаний о Рэндоллах или Джеймсе Фрэзере. Роджер отложил дневник и потер виски. От чтения этих мелких, бегущих строк у него немного разболелась голова.

Если не считать подозрения, что человек по имени Джеймс Фрэзер как-то причастен ко всей этой истории, во всем остальном она оставалась столь же недоступной пониманию. При чем здесь, скажите на милость, Джонатан Рэндолл и почему он похоронен в Сент-Килде? Ведь в patente на офицерский чин ясно говорилось, что место рождения Рэндолла — Суссекс. Каким же образом останки его оказались похороненными на заброшенном кладбище в Шотландии? Правда, это не слишком далеко от Каллодена, но почему тело не переправили на родину, в Суссекс?..

— Вам что-нибудь сегодня еще понадобится, мистер Уэйкфилд? — прервал его бесплодные размышления голос Фионы. Он выпрямился, растерянно моргая, и увидел, что она держит в руках щетку и тряпку для натирки полов.

— Что? Ах нет. Нет, спасибо, Фиона. Однако чем это вы заняты? Неужели в столь позднее время надо натирать полы?

— Да это все дамы из церкви, — объяснила Фиона. — Помните, вы сами говорили, что они могут приходить раз в месяц, проводить тут свои встречи. Вот я и решила прибратся маленько.

Дамы из церкви? При мысли о том, что в дом заявятся человек сорок домашних хозяек, источающих соблезнования и разодетых в двойки из твида и искусственно выращиваемые жемчуга, Роджер содрогнулся.

— А чай вы с ними будете пить? — спросила Фиона. — Его преподобие всегда пил.

Мысль о том, что завтра ему придется одновременно развлекать Брианну Рэндолл и местных прихожанок, совершенно вывела Роджера из равновесия.

— Э-э... нет! — твердо ответил он. — Я... у меня на завтра назначена встреча. — Рука его уже лежала на телефоне, наполовину погребенном под грудой бумаг. — Прошу прощения, Фиона, но я должен позвонить.

Брианна вошла, улыбаясь каким-то своим мыслям.

— Роджер звонил? — осведомилась я.

— Откуда ты знаешь? — Изумление, отразившееся на ее лице, быстро сменилось улыбкой, она скинула халат. — Ну конечно! Он ведь единственный знакомый мне человек в городе!

— Да уж, не думаю, чтоб твои бостонские приятели стали звонить тебе сюда, — ответила я и взглянула на часы. — Во всяком случае, не в этот час. В Америке они сейчас все на футболе.

Брианна, игнорируя эту ремарку, вошла с ногами под покрывало.

— Завтра Роджер приглашает нас в Сент-Килду. Говорит, что там интересная церковь.

— Да, слышала, — зевнув, ответила я. — Ладно, почему бы нет? Возьму с собой решетку для гербария, вдруг попадется королевская вика. Обещала привезти образчик доктору Эббернети, для его исследований. Но если вы собираетесь весь день шататься по кладбищу, читая надгробные надписи, то я, пожалуй, лучше останусь. Копанье в прошлом — довольно утомительное занятие.

В глазах Брианны вспыхнул насмешливый огонек. Мне показалось, что она хочет что-то сказать, но девушка лишь кивнула с хитроватой улыбкой, застывшей в уголках губ, и погасила свет.

Я лежала в темноте, прислушиваясь, как она тихо ворочается в постели, затем — к мерному сонному дыханию. Так, значит, Сент-Килда... Никогда там не была, но слышала об этом месте. Там действительно стояла старая церковь, давным-давно заброшенная. Туристы туда не заглядывали, лишь изредка появлялся какой-нибудь изыскатель-одиночка. Возможно, именно там предоставится мне удобный случай, которого я так ждала?

Там будут и Роджер, и Брианна, и больше никого. Никто не помешает. Самое подходящее место, чтобы сказать им... Там, среди давным-давно ушедших из жизни прихожан местечка. Роджер еще не установил местонахождения остальных людей из Лаллиброха, но похоже, что по крайней мере в Каллоденской битве они уцелели, а именно это мне и надо было знать. Тогда я смогу рассказать Бри, чем все закончилось.

При мысли о предстоящем разговоре во рту у меня пересохло. Какие

найти слова? Я пыталась представить, как это будет, что скажу я и что могут ответить они, но воображение подвело. Более чем когда-либо я сожалела об обещании, данном Фрэнку, — не писать отцу Уэйкфилду. Если б я написала, Роджер бы уже знал. А может, и нет. Священник бы мне просто не поверил.

Я беспокойно ворочалась в постели, терзаемая сомнениями, но навалилась усталость, и в конце концов я сдалась — легла на спину и закрыла в темноте глаза. Воспоминание словно вызвало дух священника, в сонном моем сознании прозвучала цитата из Библии: «Для всякого дня достаточно зла его». Ее бормотал, словно издали, голос его преподобия. «Для всякого дня достаточно зла его...» И я уснула.

Я проснулась в сгустившейся тьме, пальцы впивались в покрывало, сердце колотилось так бешено, что казалось, кожа моя гудит, как барабан.

— Господи!.. — воскликнула я.

Шелк ночной рубашки жарко лип к телу; открыв глаза, я увидела, как просвечивают через ткань соски, твердые, как мрамор. Спазмы сводили руки и бедра, я вся дрожала. Интересно, кричала ли я? Вероятно, все же нет, с другого конца комнаты доносилось ровное дыхание Брианны. Я откинулась на подушки, испытывая страшную слабость, лицо почему-то было горячее и влажное.

— Господи Боже ты мой милостивый! — взмолилась я, глубоко втягивая воздух, пока биение сердца не пришло в норму.

Одно из последствий нарушенного сна заключается в том, что тебе перестают сниться связные сны. Первые годы материнства, переезды, ночные дежурства в клинике привели к тому, что я научилась проваливаться в забытие тотчас же, едва успевала прилечь, и виденные при этом сны являлись какими-то несвязными фрагментами, они вспыхивали в темноте, подобно ракетам, выпущенным наугад, как бы в противовес тяготам дня, который неминуемо наступал очень скоро.

В последние годы, с переходом к более нормальному режиму, я снова стала видеть сны. Обычные сны, кошмары или, напротив, приятные — длинная череда образов, блуждающих в подсознании, точно в лесу. И с подобного рода снами мне пришлось свыкнуться: они приходили ко мне в периоды растерянности или депрессии.

Обычно они наплывали из тьмы, ненавязчивые и нежные, как прикосновение шелковых простыней, а если и будили, то я тотчас же снова проваливалась в забвение с мыслью, что до утра все обязательно забуду.

Но этот был не похож на все остальные. И не то чтобы я очень хорошо его помнила. Осталось лишь ощущение рук, что сжимали меня, крепкие и

властные, казалось, они не ласкают, но стремятся подчинить. И голос, почти крик, он до сих пор звучит в самой глубине тела, рядом с биением моего сердца.

Я положила руку на грудь, чувствуя эти толчки и округлую мягкость плоти под шелком. Брианна слегка всхрипнула, потом снова начала тихо и мерно дышать. Сколько раз, когда она была маленькой, я прислушивалась к этому звуку: тихому, ровному успокаивающему ритму ее дыхания в темноте детской. Казалось, я слышу даже, как бьется ее сердечко.

Биение моего сердца понемногу успокаивалось под рукой, под шелком цвета розы, цвета раскрасневшейся щеки спящего младенца. Когда вы ласково прижимаете голову младенца к груди, очертания ее в точности повторяют изгиб груди, словно этот новый человечек отражает плоть, из которой вышел.

Младенцы такие мягкие... Стоит посмотреть на них, и каждый видит, как нежна и тонка кожа, шелковистость ее сравнима разве что с лепестком розы — так и тянет дотронуться пальцем. Но когда вы живете с ребенком, любите его, вы чувствуете, как эта мягкость проникает в плоть. Округлые щечки — точно крем, нежны и податливы, крохотные ручонки, похоже, безкостны. Конечности — словно резиновые, и даже если вы крепко-крепко, со всей страстью целуете его, губы ваши погружаются глубоко и, кажется, никогда не почувствуют кости. Прижимая младенца к себе, вы словно таете, и он тоже тает и растворяется вместе с вами — того гляди вернется назад, в давнее ему жизнь тело.

Но даже с самых первых дней в каждом младенце есть маленький стальной стержень. Он говорит: «Я есть», он формирует ядро личности.

На второй год кости твердеют и дитя становится на ноги; лобик широкий и твердый, подобно шлему, защищающему мягкую плоть под ним. И это «Я есть» тоже растет. Стоит взглянуть на него, и кажется, так и видишь этот стержень, твердый и гибкий, словно ветка дерева, просвечивающий через плоть.

Косточки на лице проступают к шести, а душа — к семи годам. Процесс продолжается, пока не достигнет своего пика — сияющей оболочки отрочества, когда вся мягкость скрывается под перламутровыми слоями многочисленных и разнообразных личин, которые примеривает к себе подросток, чтоб защититься.

В следующие несколько лет жесткость распространяется изнутри, пока человек не заполнит все ячейки души этим «Я есть», и оно проявится в полной мере и со всей четкостью, словно насекомое в янтаре.

Я полагала, что давно миновала эту стадию, потеряла последние

намеки на мягкость и вступила в средний возраст, когда весь человек точно из нержавеющей стали. Но теперь мне кажется, что смерть Фрэнка пробила в этой оболочке изрядную брешь. И трещина эта все расширялась, и от этого невозможно было отмахнуться. Я привезла в Шотландию свою дочь, чьи косточки тверды, словно хребты далеких гор, в надежде, что здесь раковина ее окрепнет, не даст ей распасться никогда и при этом «Я есть», расположенное в самой сердцевине, тоже будет достижимо.

А моя сердцевина, мое «Я есть» не могло больше вынести одиночества, и не было у него защиты от мягкости, надвигающейся извне. Я больше не понимала, что я есть или что будет с ней, знала лишь то, что должна была сделать.

Ибо я вернулась и здесь, в прохладной тиши шотландской ночи, снова увидела сон. Голос из этого сна до сих пор звенел в ушах и сердце и эхом отдавался в сонном дыхании Брианны.

— Ты моя! — говорил он. — Моя! И я уже не отпущу тебя!..

Глава 5

ЛЮБИМАЯ ЖЕНА

Кладбище в Сент-Килде дремало под лучами солнца. Располагалось оно не на совсем ровном месте, занимая площадку, образовавшуюся на склоне холма после сдвига горных пород. Земля изгибалась и горбатилась, часть надгробий пряталась в неглубоких расселинах, часть торчала на гребне холма. Сдвиги пород, видимо, продолжались, многие памятники стояли покосившись, точно пьяненькие, другие вообще рухнули и лежали разбитые среди высокой густой травы.

— Нельзя сказать, чтобы здесь поддерживали порядок, — виновато заметил Роджер. Они остановились в воротах, разглядывая небольшую коллекцию древних камней, затерянных под сенью давно переросших их гигантских тисов, посаженных здесь в незапамятные времена, дабы защитить кладбище от штормов и бурь, налетающих с северного моря. Вдали, у горизонта, громоздились облака, но солнце над холмом сияло и день стоял безветренный и теплый. — Раз или два в год отец сколачивал команду из прихожан, и они шли сюда наводить порядок. Но последнее время, боюсь, все здесь пришло в изрядное запустение. — Он наугад толкнул дверь в покойницкую, она держалась на одной петле, а задвижка — на одном гвозде.

— Красивое тихое место. — Брианна осторожно прошла через разбитые ворота. — Это ведь очень старое кладбище, верно?

— О да! Отец полагал, что часовня была построена на месте старой церкви или еще более древней башни. Этим и объясняется столь необычное ее расположение. Один из его оксфордских друзей часто грозился приехать и произвести здесь раскопки, но, как и следовало ожидать, ему не удалось получить разрешения от церковных властей. И это несмотря на то, что кладбище заброшено вот уже многие годы.

— До чего же высоко! — Брианна стояла, обмахиваясь путеводителем, раскрасневшиеся от подъема щеки понемногу начали бледнеть. — Но красиво... — Она с восхищением глядела на фасад церквушки. Церквушка была встроена в естественную нишу в скале, все камни и балки были выложены вручную, а щели законопачены торфом, смешанным с глиной, казалось, что она сама по себе выросла тут из земли и представляла собой часть пейзажа. Дверь и оконные рамы украшала старинная резьба, в которой легко угадывались как христианские символы, так и знаки более

древнего происхождения.

— А что, могила Джонатана Рэндолла действительно здесь? — Она махнула рукой в сторону кладбища, видневшегося за воротами! — Вот мама удивится!

— Да, полагаю, что да. Сам, правда, еще не видел. — Он надеялся, что сюрприз будет приятным. Когда вчера в телефонном разговоре с Брианной он упомянул об этой могиле, она вдруг разволновалась.

— Я знаю о Джонатане Рэндолле, — сказала она Роджеру. — Папа всегда им восхищался, говорил, что он — один из самых замечательных в нашей семье людей. Догадываюсь, что и воякой он был неплохим. У папы хранились разные благодарности от армейского начальства и прочие вещи.

— Правда? — Роджер обернулся, ища глазами Клэр. — Может, вашей маме надо помочь с этим ее гербарием?

Брианна отрицательно покачала головой:

— Нет. Она только что обнаружила у тропинки одно растение и не могла устоять. Через минуту подойдет.

Вокруг стояла тишина. Даже птицы затихли к полудню, а темные хвойные деревья, обрамлявшие площадку, неподвижно застыли — ни малейшего дуновения ветерка. Если не считать двух свежих могил, напоминавших незатянувшиеся раны на поверхности земли, да нескольких венков из пластиковых цветов — свидетельство недавно пережитого горя, — кладбище, похоже, являлось пристанищем давно умерших. Борьба за существование и связанные с ней тяготы остались для них позади, лишь скромные холмики говорили о том, что люди эти некогда бродили по земле. В этом пустынном заброшенном месте они служили единственным достоверным свидетельством человеческого существования.

Трое наших посетителей не спешили, они медленно бродили по кладбищу. Роджер с Брианной то и дело останавливались — прочесть вслух едва различимую надпись на выветрившихся от непогоды надгробьях. Клэр шла чуть поодаль и время от времени нагибалась сорвать веточку или стебель цветущего растения.

Наклонившись над одной из плит, Роджер усмехнулся и подозвал к себе Брианну. Она прочитала:

Сняв шляпу, подожди, смирившись с этим фактом,
Уильям Уотсон Б. уснул тут вечным сном.
Он славился умом, и мудростью, и тактом,
И был в питье весьма умерен, но силен.

Лицо ее порозовело от смеха.

— А даты нет. Интересно, когда же этот самый Уильям Уотсон Б. жил?

— По всей вероятности, в восемнадцатом веке, — ответил Роджер. — Надгробья семнадцатого настолько разрушены ветром и дождем, что прочесть на них уже ничего невозможно. К тому же вот уже лет двести здесь почти никого не хоронят, а церковь закрылась в тысяча восьмисотом.

Минуту спустя Брианна еле слышно ахнула.

— Вот он! — Она живо обернулась в сторону Клэр, которая, стоя в дальнем конце кладбища, сосредоточенно разглядывала какое-то растение, которое держала в руке. — Мама! Иди сюда! Ты только посмотри!

Клэр помахала рукой в ответ и, осторожно обходя могилы, приблизилась к молодым людям, стоявшим у плоского квадратного камня.

— Что там? — спросила она. — Нашли интересную могилу?

— Да. Кажется, да. Вам ничего не говорит это имя? — Роджер отступил, давая ей возможность увидеть надпись.

— Господи Боже ты мой милостивый!

Немного удивленный такой реакцией, Роджер взглянул на Клэр — лицо ее сделалось бледным как мел. Она смотрела на замшелый камень, нервно сглатывая подкативший к горлу комок. И так крепко сжимала в ладони сорванное ею растение, что почти раздавила его.

— Доктор Рэндолл... Клэр, с вами все в порядке?

Янтарные глаза обрели невидящее выражение, казалось, она не слышит или не понимает его слов. Затем, встряхнув головой, она подняла на него глаза. Она все еще была бледна, но, похоже, взяла себя в руки и постепенно начала успокаиваться.

— Все в порядке, — произнесла она безжизненным тоном и провела пальцами по полустершимся буквам, словно читая методом Брейля. — «Джонатан Уолвертон Рэндолл... — тихо пробормотала она. — 1705-1746». Я же говорила вам! Черт возьми, я же вам говорила!.. — Голос ее обрел силу, и в нем отчетливо слышалась с трудом сдерживаемая ярость.

— Мама! Что с тобой? — Брианна, явно встревоженная, потянула ее за рукав.

Роджеру казалось, что перед глазами Клэр опустилась какая-то завеса. Чувства, отражавшиеся в них, внезапно угасли, как только она осознала, что рядом стоят и с ужасом смотрят на нее двое молодых людей. Она заставила себя улыбнуться.

— Нет, нет, ничего. Все чудесно. — Пальцы ее разжались, на землю упал безжизненный зеленый стебелек.

— Я думала, ты обрадуешься. — Брианна с тревогой смотрела на

мать. — Это же один из папиных предков, верно? Солдат, погибший при Каллодене?

Клэр глянула вниз, на могильную плиту.

— Да, да, так оно и есть, — сказала она. — И он умер. Не правда ли?

Роджер с Брианной молча обменялись взглядами. Чувствуя, что он невольно чем-то огорчил Клэр, Роджер дотронулся до ее плеча.

— Что-то жарковато сегодня, — произнес он как можно более небрежным тоном. — Может, зайдём в церковь, в тенёк? Там, на фронте, очень интересная резьба, стоит посмотреть.

Клэр ответила ему улыбкой. На этот раз то была настоящая искренняя улыбка вполне здорового и владеющего собой человека.

— Вы сходите. — Кивком головы она указала на Брианну. — А мне надо подышать свежим воздухом. Побуду здесь ещё немножко.

— Я останусь с тобой. — Брианна явно опасалась оставлять мать одну, но Клэр, похоже, уже обрела обычную свою самоуверенность и спокойствие.

— Ерунда! — отрывисто ответила она. — Я в полном порядке. Посижу вон там, в тенике, под деревьями, а вы ступайте. Мне надо немного побыть одной, — добавила она, видя, что Роджер собирается возразить.

Не сказав больше ни слова, она направилась к темным тисам, отмечавшим границу кладбища в западной его стороне. Брианна, глядя ей вслед, явно колебалась, но тут Роджер взял ее за руку и повел к церкви.

— Лучше оставить ее на время, — пробормотал он. — В конце концов, она ведь врач, верно? И знает, когда она в порядке, а когда нет.

— Да, наверное... — Бросив в сторону Клэр последний встревоженный взгляд, Брианна позволила Роджеру увести себя.

Внутри церковь представляла собой комнату средних размеров с деревянным полом. В ней сохранилась лишь купель — видимо, потому, что ее невозможно было вынести, поскольку это было углубление, вырубленное в уступе каменной стены. Над купелью было выгравировано изображение святой Килды — ее равнодушный взгляд устремлен в потолок.

— По всей вероятности, одна из первых языческих богинь, — сказал Роджер, проводя пальцем по каменным складкам платья. — Заметно, что покрывало и апостольник добавили позже, не говоря уже о глазах.

— Похожи на вареные яйца, — заметила Брианна и, имитируя статую, тоже закатила глаза. — А это что за резьба? Вот там? Напоминает пиктские камни^[9] в окрестностях Клавы.

Вдыхая пыльный воздух, они обошли церковь. Разглядывали древнюю

резьбу на стенах, читали надписи на маленьких деревянных табличках, прибитых прихожанами в память о своих давно умерших предках. Они переговаривались приглушенными голосами, прислушиваясь, не раздастся ли с кладбища какой-нибудь звук, но все было тихо, и вскоре они успокоились.

Роджер последовал за Брианной к фронтому, любуясь завитками рыжих волос, выбившихся из косы и прилипших к влажной от пота шее.

От фронтона только и осталось, что простой деревянный выступ над углублением, где прежде находился алтарь. Стоя рядом с Брианной и рассматривая то место, где он некогда находился, Роджер вдруг ощутил, как по спине у него пробежал холодок.

Чувство его было столь глубоко и интенсивно, что, казалось, откликнулось эхом в этом пустом замкнутом пространстве. Одна надежда, что она не услышит этого. Ведь они знакомы едва неделю и почти не беседовали на личные темы. Она наверняка возмутилась бы или растерялась, зная, что он сейчас чувствует.

И все же он украдкой бросил на нее взгляд и увидел, что лицо ее спокойно и сосредоточенно. Она тоже подняла на него глаза — именно эта глубокая синева и заставила Роджера бессознательно потянуться к ней.

Поцелуй был коротким и нежным, больше всего он напоминал тот формальный поцелуй, которым обмениваются новобрачные во время свадьбы, однако по воздействию был наделен не меньшим смыслом, чем во время брачного обета.

Роджер немедленно опустил руки, но в них, да и во всем теле до сих пор ощущалась ее теплота, казалось, он вовсе не разжимал объятий. Они простояли так с минуту, едва соприкасаясь телами и вдыхая дыхание друг друга.

Внезапно тишина церкви взорвалась от леденящего душу крика, донесшегося снаружи, от него взвихрились в воздухе пылинки. Роджер, не раздумывая, выбежал из церкви и помчался, не разбирая дороги и спотыкаясь о камни, к темной полосе тисов. Он расталкивал руками разросшиеся ветви, даже не потрудившись придержать их для Брианны, бегущей за ним следом.

В тени этих ветвей он увидел бледное лицо Клэр Рэндолл. Совершенно лишенное краски, оно на фоне темной зелени напоминало лицо призрака. Она стояла пошатываясь, затем вдруг упала на колени в траву, словно ноги отказывались служить ей.

— Мама! — Брианна тоже бросилась на колени рядом со скорчившейся фигуркой, схватила мать за безжизненно повисшую руку. —

Мама, что случилось? Тебе плохо? Давай, давай, приляг...

Но Клэр воспротивилась настойчивым попыткам дочери уложить ее и подняла голову на стройной шее.

— Не хочу ложиться... — выдохнула она. — я хочу... о, Боже, Боже ты мой милостивый! — Стоя на коленях в высокой траве, она протянула дрожащую руку к камню. Это была простая надгробная плита, высеченная из гранита.

— Доктор Рэндолл! Э-э... Клэр! — Роджер опустился на колени по другую сторону от женщины, поддерживая ее под руку. Его всерьез испугал ее вид. На висках выступили мелкие бисеринки пота, а взгляд был затуманен, словно она вот-вот потеряет сознание. — Клэр... — повторил он, тщетно пытаясь вывести ее из транса. — В чем дело? Знакомое вам имя?

Недавно произнесенные им слова эхом отдавались в ушах: «С восемнадцатого века здесь никого не хоронят, — сказал он тогда Брианне. — Вот уже лет двести, как никого не хоронят».

Пальцы Клэр стряхнули его руку и прикоснулись к плите ласкающим жестом, словно гладили живую плоть, пробежали по буквам, стертым, но все же еще различимым.

— Джеймс Александр Малкольм Макензи Фрэзер, — произнесла она. — Да, я его знаю. — Рука опустилась ниже, раздвигая густую траву, затенявшую маленькие буквы внизу. — «Возлюбленный муж Клэр...» — прочитала она. — Да, я знала его, — повторила она так глухо, что Роджер едва расслышал эти слова. — Я — Клэр. А он был моим мужем. — Подняв голову, она увидела бледное потрясенное лицо дочери. — И твоим отцом...

Роджер и Брианна в молчании смотрели на нее. На кладбище стояла тишина, если не считать легкого шелеста веток над головой.

— Нет! — сердито воскликнула я. — В пятый раз повторяю — нет! Я не хочу воды. Я не сидела под солнцем. Это не обморок. И я не больна. И не сошла с ума: хотя понимаю, у вас есть все основания думать именно так!

Роджер с Брианной обменялись взглядами, показывающими, что именно это они и думали. Они вывели меня с кладбища и усадили в машину. Я отказалась ехать в больницу, и мы направились к дому священника. Там Роджер налил мне виски — с чисто медицинской целью, оправиться от шока, однако то и дело косился на телефон, видимо размышляя, не следует ли вызвать «скорую». Психиатрическую, насколько я поняла.

— Мама... — нежно произнесла Брианна и протянула руку, убрать мне волосы со лба. — Ты так расстроилась...

— Конечно, расстроилась! — огрызнулась я и, глубоко втянув воздух, сжала губы в плотную линию. Надо постараться взять себя в руки, говорить спокойнее. — Конечно, расстроена, — повторила я. — Но вовсе не сошла с ума. — Я замолкла, собираясь с духом. Нет, совсем не так и не при таких обстоятельствах планировала я провести этот разговор. Правда, как именно — я толком не представляла, но что не так, это уж точно. Выкладывай всю правду с ходу, даже не имея возможности собраться с мыслями... Эта проклятая могила совершенно вывела меня из равновесия и расстроила все планы. — Черт бы тебя побрал, Джеймс Фрэзер! — в ярости воскликнула я. — Хотела бы я знать, как тебя занесло туда, за мили от Каллоденского поля!

Глаза Брианны, казалось, того гляди выскочат из орбит, рука Роджера снова потянулась к телефону. Я замолкла, пытаюсь успокоиться.

Успокойся, ну же, тихо твердила я себе. Дыши глубоко... Раз... два... еще раз. Так... Все совершенно ясно. Просто надо сказать им всю правду, как она есть. Разве не для этого приехала ты в Шотландию?

Я открыла рот, но из него не вышло ни звука. Закрыла рот и глаза в надежде, что ко мне вернется самообладание, если я не буду видеть эти пепельные от страха лица, с тревогой вззирающие на меня. Позволь... только позволь мне сказать... правду, молилась я про себя, толком не понимая, к кому обращаюсь. Возможно, к Джейми...

Но ведь я и раньше говорила правду. Однако ничего хорошего из этого не вышло.

Еще плотней смежила веки. Ощутила запах карболки, присущий больнице, жесткое прикосновение накрахмаленной наволочки к щеке... Из коридора доносился сдавленный от ярости голос Фрэнка: «Что вы имеете в виду, не давить на нее? Давить на нее! Моя жена отсутствовала три года! Потом вернулась, грязная, оборванная и беременная! И я еще, оказывается, не смею задавать вопросы?!»

И голос доктора, бормочущий какие-то успокоительные слова. Я разобрала лишь несколько: «галлюцинации», «травматическое состояние» и «надо подождать, старина, хотя бы немного».

И снова голос Фрэнка, возмущенный и настойчивый, он замирает в конце коридора. Такой знакомый голос, он снова поднял в душе целую бурю печали, гнева и страха.

Я клубком свернулась в постели, защитным жестом прижала к груди подушку, впилась в нее зубами, вгрызаясь все глубже и глубже, пока не почувствовала, что ткань подалась и под зубами скрипят шелковистые перышки.

Кажется, они скрипят до сих пор. Я разжала зубы и открыла глаза.

— Вот что, — произнесла я как можно спокойнее, — простите, я понимаю, насколько дико все это звучит. Но тем не менее это правда, тут уж ничего не поделаешь.

Однако эта фраза ничуть не успокоила Брианну, она только еще ближе придвинулась к Роджеру. Сам же Роджер, похоже, немного пришел в себя, и на смену болезненной настороженности явилось сдержанное любопытство. Неужели у него достанет воображения понять и оценить всю правду?

Обрадованная этим его выражением, я разжала кулаки.

— Проклятые камни, — пробормотала я. — Вы ведь знаете этот круг из камней, на холме фей, к западу отсюда?

— Крэг-на-Дун? — переспросил Роджер. — Вы это имеете в виду?

— Да, именно! — радостно воскликнула я. — И вам наверняка известны легенды, связанные с этим местом? О людях, которые пропадали там, среди скал, а потом вдруг возвращались через двести лет?

Тут Брианна перепугалась уже не на шутку.

— Мама, я серьезно думаю, что тебе надо лечь, — сказала она и привстала с кресла. — Я позову Фиону и...

Роджер положил ей руку на запястье.

— Не надо, подождите, — сказал он, продолжая глядеть на меня с тем сдержанным любопытством, которое отличает ученого, собравшегося разглядывать под микроскопом некий новый образчик. — Говорите же!

— Спасибо, — сухо ответила я. — Не бойтесь. Я вовсе не собираюсь потчевать вас небылицами о феях. Просто подумала, что вам будет интересно узнать, есть ли реальная подоплека у этих легенд. Не имею ни малейшего понятия, как и почему это происходит, но факт есть факт... — Я набрала побольше воздуха в грудь. — И он заключается в том, что, ступив в этот треклятый круг между камнями в тысяча девятьсот сорок пятом, я оказалась в тысяча семьсот сорок третьем году...

Именно это я и сказала тогда Фрэнку. С минуту он гневно смотрел на меня, потом схватил с тумбочки вазу с цветами и грохнул ее об пол.

Роджер же смотрел на меня, как смотрит ученый на нового открытого им микроба. Интересно почему? Но мне было некогда размышлять об этом, хотелось подобрать адекватные слова для своего последующего рассказа.

— Первый человек, на которого я там наткнулась, был английский драгун в полном обмундировании, — продолжила я. — Уже это натолкнуло меня на мысль, что со мной что-то не так...

Лицо Роджера вдруг озарила улыбка, Брианна продолжала смотреть мрачно и испуганно.

— Что ж, это вполне могло случиться, — заметил он.

— И трудность заключалась в том, что я никак не могла вернуться, — говорила я, решив обращаться теперь только к Роджеру, — тот по крайней мере был расположен слушать вне зависимости от того, верит он мне или нет. — Дело в том, что даже в те времена люди не гуляли в таком месте без сопровождения, а если и гуляли, то уж точно не носили ситцевых платьев и оксфордских туфелек типа мокасин, — объяснила я. — Каждый, кого я встречала на своем пути, в том числе и драгун, взирали на меня с изумлением, не в силах сообразить, что не так. Да и можно ли было в этом их винить? И объяснить им все лучше, чем сейчас, я не могла... Да и дома для сумасшедших были в ту пору намного менее приятным местом, чем теперь. Это вам не фунт изюма, — попыталась пошутить я. Но шутка не имела успеха: Брианна лишь скривилась и выглядела еще более встревоженной. — Итак, этот драгун, — продолжила я и слегка содрогнулась при воспоминании о Джонатане Уолвертоне Рэндолле, капитане ее величества драгунского полка. — Сперва мне показалось, что он — не более чем галлюцинация, потому что этот человек был страшно похож на Фрэнка. При первом взгляде на него я даже подумала, что это он и есть. — Я взглянула на стол, где лежала одна из книг Фрэнка с фотографией на обложке. Темноволосый, с красивым худощавым лицом мужчина...

— Да, интересное совпадение, — заметил Роджер, не сводя с меня внимательных, настороженных глаз.

— И да и нет, — ответила я, с трудом отводя взгляд от книги. — Знаете, он оказался предком Фрэнка. Все мужчины из его рода обладают большим сходством, по крайней мере физическим, — добавила я, размышляя о не менее поразительных нефизических различиях.

— А... а как он выглядел? — Похоже, Брианна начала выходить из ступора.

— Как мерзкий грязный развратник, — ответила я. Две пары глаз расширились — молодые люди с ужасом переглянулись. — Тут нечему удивляться, — заметила я. — Вы что же думаете, в восемнадцатом веке не было разврата? О, ничто не ново под луной! Просто в те времена он был еще хуже, хотя бы в том смысле, что всем было плевать, лишь бы внешне все выглядело пристойно. А Черный Джек Рэндолл был солдатом, командовал гарнизоном в Шотландии. Задачей его было держать под контролем местные кланы, и его огромные полномочия были санкционированы официально. — Я отпила из бокала виски, чтобы немного приободриться. — Ему нравилось издеваться над людьми, —

добавила я. — Очень нравилось...

— Он... и над вами издевался? — осторожно спросил Роджер, выдержав приличную паузу. Бри, похоже, снова ушла в себя, кожа на скулах туго натянулась.

— Да нет, не совсем. Вернее, не слишком, — покачала я головой, чувствуя, как в животе у меня словно что-то перевернулось. Именно в живот ударил меня однажды Джек Рэндолл. Воспоминание об этом походило на боль в давно затянувшейся ране.

— У него были довольно противоречивые вкусы. Но хотел он только... Джейми. — Ни при каких обстоятельствах не употребила бы я слова «любил». Горло сдавило, и я проглотила последние капли виски. Роджер, подняв графинчик, вопросительно взглянул на меня, я кивнула и протянула бокал.

— Джейми? Это Джеймс Фрэзер? И он был...

— Был моим мужем, — ответила я.

Брианна затрясла головой, точно лошадь, отгоняющая мух.

— Но ведь у тебя был муж! — воскликнула она. — Ты не могла... Даже если... просто... Я не имею в виду... ты просто не могла!..

— Пришлось, — коротко ответила я. — В конечном счете я поступила так не предумышленно.

— Но, мама, как же можно выходить замуж за первого встречного?! — Брианна окончательно утратила манеры заботливой сиделки у постели душевнобольной. Что ж, может, это и к лучшему, пусть даже альтернативой будет гнев.

— Ну, нельзя сказать, что за первого встречного, — ответила я. — Просто у меня не было выбора. Иначе я попала бы в лапы Джеку Рэндоллу. Джейми женился на мне, чтоб защитить от него, что было очень благородно с его стороны, — закончила я, глядя на Бри поверх бокала. — Он вовсе не был обязан делать это, однако сделал.

Вспомнилась наша первая брачная ночь. Он оказался девственником, при прикосновении ко мне руки его дрожали. Я тоже боялась, но по иным причинам. Тогда, на рассвете он держал меня в объятиях, прижимаясь обнаженной грудью к моей спине. Я чувствовала крепкие теплые бедра, касающиеся моих ног, а он бормотал мне в облако волос: «Не бойся, теперь нас двое...»

— Дело в том, — я снова обращалась к Роджеру, — что я никак не могла вернуться. Мне пришлось бежать от капитана Рэндолла, когда шотландцы нашли меня. Это была группа погонщиков скота. Джейми оказался с ними, все они были родственниками его матери, Макензи из

Леоха. Они не знали, что со мной делать, и взяли с собой как пленницу. И я снова не могла бежать.

Я вспомнила свои бесплодные попытки бежать из замка Леох. И тот день, когда я сказала Джейми правду, в которую он поверил не больше, чем Фрэнк, но по крайней мере вел себя так, будто поверил. И он отвез меня обратно к тем камням.

— Возможно, он считал меня ведьмой, — говорила я с закрытыми глазами, улыбаясь этой мысли. — Теперь считают сумасшедшей, а тогда — ведьмой. Таковы нравы и влияние культуры, — добавила я и открыла глаза. — Теперь это называют физиологией, а тогда — магией. Разница не столь уж велика. — Роджер кивнул, немного растерянно. — Меня судили за колдовство, — продолжала я. — В деревне Крэйнсмуир, неподалеку от замка. Джейми спас меня, и тогда я все ему рассказала. И он отвез меня к камням и велел возвращаться. Назад, к Фрэнку. — Я замолкла, потом, глубоко вздохнув, вспомнила октябрьский день, когда судьба моя снова оказалась в моих руках и мне предстояло сделать выбор.

«Возвращайся, — сказал он тогда. — Здесь тебя ничего не ждет, кроме опасности».

«Неужели ничего?» — спросила я. Будучи слишком благородным по натуре, чтоб говорить на эту тему, он тем не менее ответил, и я сделала свой выбор.

— Было слишком поздно, — сказала я, разглядывая свои руки, лежащие на коленях. Небо потемнело, собирался дождь, но два моих обручальных кольца, золотое и серебряное, все еще отливало блеском на пальцах. Выходя за Джейми, я не сняла с левой руки золотого кольца Фрэнка, а серебряное, подаренное Джейми, носила на четвертом пальце правой в течение вот уже двадцати с лишним лет. — Я любила Фрэнка, — тихо произнесла я, не поднимая на Бри глаз, — очень любила. Но к тому времени сердце мое уже целиком принадлежало Джейми, сердце и каждая клеточка тела. Я не могла его бросить, просто не могла... — Ища поддержки, я подняла глаза на Бри. Она смотрела на меня с каменным выражением лица.

Я снова опустила глаза на руки и продолжила:

— Он отвез меня к себе домой, в Лаллиброх, так называлось это очень красивое место... — Я прикрыла глаза, чтоб не видеть больше этого выражения на лице Брианны, всеми силами вызывая в памяти образ Брех Туараха, тогдашнего Лаллиброха. Прелестная шотландская ферма, лесами и ручьями. Тут был даже клочок плодородной земли — явление для этих краев редкое. Очаровательный тихий уголок, надежно защищенный

высокими холмами, горными перевалами от бурь и невзгод, сотрясавших Шотландию. Но даже Лаллиброх мог служить лишь временным убежищем. — Джейми был объявлен вне закона, — объяснила я, и перед глазами предстали шрамы, следы порки, которые англичане оставили на его спине. Целая сеть тоненьких белых линий, покрывавшая широкие плечи точно паутина. — За его голову было обещано вознаграждение. Выдал его англичанам один из арендаторов. Те схватили его и отвезли в тюрьму в Уэнтуорте, чтобы там повесить.

Роджер громко присвистнул.

— Жуткое место! — заметил он. — Вы там были? Стены, должно быть, футов в десять толщиной.

Я открыла глаза.

— Да, так оно и есть. Я была в этих стенах. Но даже самые толстые стены имеют двери. — В груди я вновь ощутила холодноватый огонек, смесь храбрости с отчаянием, — именно эти чувства завели меня тогда в Уэнтуортскую тюрьму в поисках моего возлюбленного. «Если я тогда могла сделать это для тебя, — мысленно обратилась я к Джейми, — то смогу и сейчас. Только помоги мне хоть немного, чертов шотландец, помоги!» — Я вытащила его оттуда, — сказала я и глубоко вздохнула. — Вернее, то, что от него осталось. Джек Рэндолл командовал гарнизоном в Уэнтуорте. — Мне страшно не хотелось, чтоб в памяти моей вновь всплыли те образы, но остановить их не могла. Обнаженный, окровавленный, Джейми лежит на полу... Поместье Эдбридж, где мы нашли убежище...

«Я не позволю им забрать меня назад, Саксоночка», — сказал он мне сквозь стиснутые от боли зубы, пока я вправляла вывихнутые кости его руки и промывала раны. «Саксоночка»... Так он называл меня с самого начала; имя, производное от гэльского «сэсинак», обозначающего «чужестранка, незнакомка». Так еще называли англичан. Сперва он выговаривал это прозвище насмешливо, затем с нежностью.

И я не позволила им забрать его, спрятала с помощью его родственника, маленького шотландца по имени Муртаг Фрэзер. И переправила Джейми через пролив во Францию, где мы нашли приют в аббатстве Святой Анны де Боупре. Там служил аббатом один из его дядьев. Но, оказавшись там, я вдруг обнаружила, что спасение его жизни — не единственная стоящая передо мной задача.

То, что сотворил с ним Джек Рэндолл, оставило в его душе не менее глубокие незаживающие раны, чем бич, которым его хлестали по спине. Я до сих пор толком не понимаю, как мне удалось справиться тогда с

демонами, терзавшими его душу, причем справиться в одиночку; когда речь заходит о подобного рода исцелениях, разница между медициной и колдовством действительно не так уж велика.

Я до сих пор ощущаю тяжесть холодного камня, сковавшего мне душу, всю силу ярости, исходившей от него, прикосновение рук, обхвативших меня за шею; вижу объятые пламенем существо, преследующее меня во мраке ночи.

— И я вылечила его, — тихо произнесла я. — Он вернулся ко мне...

Брианна, совершенно потрясенная, медленно качала головой, в каждом движении ее угадывалось столь хорошо знакомое мне упрямство. «Грэхемы глупы, Кемпбеллы способны на предательство, Макензи — славные люди, однако хитрецы, а все до единого Фрэзеры — упрямы», — сказал мне однажды Джейми, характеризуя членов своего клана. Он не был слишком далек от истины. Все Фрэзеры были действительно крайне упрямы, в том числе и Бри. И он тоже.

— Я в это не верю, — коротко заметила она. Выпрямилась и устремила на меня пронзительно-испытующий взгляд. — Ты слишком много размышляла об этих людях из Каллодена. И потом, последнее время пришлось немало пережить. Смерть папы...

— Фрэнк не был тебе отцом, — заметила я.

— Нет, был! — огрызнулась она, да так резко, что напугала нас обоих.

Тогда Фрэнку пришлось смириться с настойчивыми уговорами врачей, сводящимися к тому, что «навязывание реальности силой, как выразился один из них, может повредить нормальному течению беременности». После долгих перешептываний, а порой и криков в больничных коридорах он наконец оставил меня в покое, перестал помогать «правды». И я, чувствуя себя слабой и расстроенной, тоже перестала навязывать ему эту правду.

Но на этот раз сдаваться я не собиралась.

— Я обещала Фрэнку, — сказала я. — Двадцать лет назад, когда ты родилась. Я хотела уйти от него, но он меня не отпускал. Он любил тебя. — При взгляде на Брианну, голос мой слегка смягчился. — Он не мог смириться с этой правдой, но, разумеется, понимал, что не отец тебе. И просил не рассказывать тебе об этом, позволить считаться твоим отцом, пока жив. «Вот после моей смерти, — говорил он, — можешь поступать, как тебе заблагорассудится». — Я проглотила ком в горле и облизала пересохшие губы. — И я обещала ему это, потому что он действительно любил тебя. Но теперь Фрэнка нет, и ты имеешь право знать, кто твой настоящий отец. А если сомневаешься, — добавила я, — ступай в

Национальную портретную галерею. Там есть портрет Элен Макензи, матери Джейми. Она носила вот этот жемчуг. — Я сняла с шеи нитку. — Нитку речного жемчуга, нанизанного попеременно с кругляшками золота. Джейми подарил мне в день свадьбы.

Я взглянула на Брианну: она сидела в напряженной позе, с окаменевшим лицом.

— Возьми с собой зеркальце, — сказала я. — Как следует посмотри на портрет, а потом на свое отражение. Не скажу, что копия, но ты очень похожа на свою бабушку.

Роджер уставился на Брианну, словно видел ее впервые в жизни. Он переводил взгляд с нее на меня, будто решая что-то, потом вдруг расправил плечи и поднялся с дивана, где сидел рядом с ней.

— Хочу кое-что показать вам, — решительным тоном заявил он и, подойдя к старенькому бюро его преподобия, выдернул из ящика пачку пожелтевших газетных вырезок, перетянутую резинкой. — Вот, почитайте и обратите внимание на даты, — сказал он, протягивая вырезки Брианне. Затем, все еще стоя, обернулся ко мне и одарил долгим холодным и пристальным взглядом ученого, подвергающего сомнению любую реальность. Он все еще до конца не верил мне, хотя воображение подсказывало, что все это могло оказаться правдой. — Тысяча семьсот сорок третий, — произнес он и покачал головой, словно удивляясь про себя. — А я почему-то думал, что это был человек, с которым вы встретились в тысяча девятьсот сорок пятом. Господи, мне бы и в голову не пришло! Да и как такое могло прийти!..

Я удивилась:

— Так вы знали? Об отце Брианны?

Он кивком указал на вырезку, которую Брианна держала в руке. Она еще не читала ее, просто смотрела на Роджера, сердито и одновременно растерянно. Я видела, что глаза ее потемнели, словно перед бурей. Роджер, похоже, тоже заметил это. Он быстро отвел от нее взгляд и повернулся ко мне:

— Тогда получается, что люди, имена которых вы дали мне, те, кто сражался при Каллодене... выходит, вы знали их?

Я немного расслабилась.

— Да, знала. — На востоке прогремел гром, по стеклам высоких, от пола до потолка, окон ударили капли дождя. Брианна углубилась в чтение вырезок. Крылья волос затеняли лицо, виднелся лишь кончик изрядно покрасневшего носа. Джейми всегда краснел, когда сердился или огорчался. Мне слишком хорошо было знакомо, как выглядят Фрэзеры,

готовые взорваться.

— И вы были во Франции, — пробормотал Роджер, словно разговаривал сам с собой. Он по-прежнему не сводил с меня изучающего взора. Удивление на лице постепенно сменилось любопытством, затем возбуждением. — Тогда, наверное, вы должны были знать...

— Да, знала, — ответила я. — Именно поэтому мы и отправились в Париж. Я рассказала Джейми о Каллодене, о том, что там должно было случиться в тысяча семьсот сорок пятом. И мы отправились в Париж, чтоб попытаться остановить Карла Стюарта.

Часть вторая

ПРЕТЕНДЕНТЫ

Гавр, Франция, февраль 1744 года

Глава 6

ПОДНИМАЯ ВОЛНЫ

— Хлеба, — жалобно простонала я, держа глаза плотно закрытыми. От крупного теплого субъекта, находившегося бок о бок со мной, ответа не последовало: было слышно лишь тихое дыхание. — Хлеба, — повторила я чуть громче. И тут же почувствовала, как с меня сдергивают одеяло. Я, напрягая все мышцы, вцепилась в его край.

С другого края постели донеслись какие-то приглушенные звуки. Затем послышался скрип выдвигаемого ящика, сдавленный возглас на гэльском, по половицам прошлепали чьи-то босые ступни, потом матрац просел под грузным телом.

— Вот, Саксоночка, — произнес встревоженный голос, и я почувствовала, как к губам моим поднесли краюшку черствого хлеба. Я схватила ее и стала жадно жевать, с трудом проталкивая плохо разжеванные куски в горло. Не догадалась попросить вместе с хлебом и воды.

Постепенно комочки хлеба нашли свой путь и осели в желудке тяжким грузом. Тошнотворное бурчание в животе прекратилось. Я открыла глаза и увидела склонившееся надо мной в нескольких дюймах встревоженное лицо Джейми Фрэзера.

— Ик! — Я вздрогнула и икнула.

— Все в порядке? — спросил он. Кивнув, я медленно попыталась привстать, а он, обняв меня за плечи, помогал. Потом, усевшись рядом на край жесткой гостиничной постели, нежно притянул меня к себе и погладил по спутавшимся во сне волосам. — Бедняжка! — произнес он. — Может, дать тебе капельку винца? У меня в седельной сумке есть фляга рейнвейна.

— Нет. Нет, спасибо. — Я слегка содрогнулась — казалось, при одном упоминании о рейнвейне в нос ударил густой специфический запах — и выпрямилась в постели. — Через минуту буду в порядке, — с вымученной веселостью уверила я его. — Не волнуйся, это вполне нормально, если беременную тошнит по утрам.

Не сводя с меня встревоженных глаз, Джейми поднялся и пошел взять свою одежду со стула, стоявшего у окна. В феврале во Франции бывает чертовски холодно. Пузырчатые стекла окон были затянуты толстым слоем инея.

Он был совершенно голый, от холода на спине и плечах появились

мурашки, золотисто-рыжие волосы на руках стали торчком. Впрочем, к холоду он был привычен, не дрожал, натягивая чулки и рубашку. Затем вдруг перестал одеваться, подошел к постели и обнял меня.

— Давай ложись, — сказал он. — Я прикажу горничной развести огонь. Ты поела, может, теперь отдохнешь? Как, не тошнит больше?

Я не слишком уверенно кивнула в ответ.

— Нет, ничего. — Я бросила взгляд на постель: белье, что обычно для постоялых дворов, было не слишком чистое. И все же серебро в кошельке Джейми обеспечило нам лучшую в доме комнату, где узкий матрац был набит настоящим гусиным пером, а не какой-нибудь там соломой или шерстью. — Впрочем, прилягу, пожалуй, — пробормотала я, подняла ноги с ледяного пола и сунула их под одеяла, где еще сохранилось тепло. Желудок, похоже, успокоился настолько, что можно было позволить себе и глоток воды, и я плеснула немного в чашку из треснутого гостиничного кувшина, стоявшего у постели.

— Ты что это расхаживаешь босиком? — спросила я Джейми, медленно потягивая воду. — Тут, должно быть, пауков полно.

Застегивая килт^[10] на талии, Джейми покачал головой.

— Да нет... — протянул он и кивком указал на стол. — Тут только крысы. За хлебом приходили.

Взглянув на пол, я увидела безжизненное серое тельце на морде блестящей капельки крови. Меня тут же вывернуло наизнанку, еще слава Богу, что не на постель.

— Ничего, все в порядке, — немного отдышавшись, произнесла я. — Тут особенно и рвать было нечем.

— Прополощи рот, Саксоночка, но только, ради Бога, не глотай. — Джейми протянул мне чашку и вытер рот краем полотенца, словно маленькому беспомощному ребенку. Затем приподнял и бережно уложил головой на подушки. Склонился, с тревогой всмотрелся мне в лицо.

— Пожалуй, будет лучше, если я останусь, — сказал он. — Пошлю записку...

— Нет, нет, я в порядке, — поспешила уверить я его. И не слишком погрешила против истины. Рвота мучила меня лишь по утрам, весь остальной день проходил относительно спокойно. И чувствовала я себя вполне прилично, если не считать кисловатого привкуса во рту и легкого покалывания в нижней части живота. Я отбросила одеяла и демонстративно встала:

— Видишь? Я чувствую себя просто превосходно. А ты поезжай. Неудобно заставлять кузена ждать.

Я действительно чувствовала себя гораздо лучше, несмотря на сквозняк, тянувший из-под двери и проникавший под складки моей ночной сорочки. Джейми все еще колебался: ему не хотелось оставлять меня. Тогда я подошла к нему и крепко обняла, отчасти для того, чтоб успокоить, отчасти — чтоб ощутить восхитительное тепло, исходящее от его тела.

— Б-р-р, — сказала я. — Как это ты умудряешься оставаться горячим, точно булочка, в одной лишь юбке?

— На мне еще и рубашка, — заметил он и улыбнулся, глядя на меня сверху вниз.

Так мы стояли, прижавшись друг к другу и наслаждаясь теплом. В коридоре слышалось шарканье веника, горничная приближалась к нашей двери.

Джейми слегка вздрогнул и прижался ко мне еще плотней. Путешествовать зимой трудно, на то, чтобы добраться от аббатства Святой Анны де Бопре до Гавра потребовалась целая неделя. В постоялые дворы мы попадали поздно вечером, промокшие, грязные и дрожащие от холода и усталости, по утрам меня тошнило, а потому мы практически не прикасались друг к другу со времени последней ночи, проведенной в аббатстве.

— Идешь со мной в постель? — тихо спросила я.

Он колебался. Сила его желания была очевидна, я ощущала это сквозь ткань килта, но он так и не обнял меня.

— Гм... — нерешительно буркнул он.

— Ты ведь хочешь, верно? — спросила я и просунула холодную руку под килт, чтоб убедиться.

— О!.. Э-э... да... Да, хочу. — Рука получила бесспорное доказательство. Он тихо застонал, рука скользнула чуть ниже, между ног. — О, Боже... Не надо, Саксоночка. Иначе я от тебя никогда не оторвусь.

Он крепко обхватил меня длинными руками, а я вжалась лицом в складки его белоснежной рубахи, слабо пахнувшей крахмалом, который брат Альфонс из аббатства использовал при стирке.

— А зачем отрываться? — пробормотала я. — У тебя же есть еще чуточку времени, правда? До доков совсем недалеко...

— Да дело не в том, — ответил он, поглаживая меня по растрепанным волосам.

— Я что, слишком толстая? — На деле живот у меня оставался таким же плоским, как и прежде, я была даже худее из-за тошноты.

— Нет, — сказал он, улыбаясь. — Больно уж много ты говоришь. —

Он поцеловал меня, потом сел и притянул к себе на колени. Я легла и обняла его. — Нет, Клэр! — воспротивился он, когда я начала расстегивать килт.

Я удивленно взглянула на него:

— Почему нет?

— Ну, из-за... — Он слегка покраснел. — Из-за ребенка... Не хочу повредить ему.

Я рассмеялась:

— Джейми, ты не повредишь! Он же не больше, чем кончик моего пальца! — Для наглядности я выставила палец и медленно провела им по пухлой, четко очерченной губе Джейми. Он перехватил мою руку, наклонился и крепко и быстро поцеловал.

— Ты уверена? Я хочу сказать... Я все время думаю, ему не понравится, если кто-то будет его толкать...

— Да он и не заметит, — уверила я его и снова занялась пряжкой на поясе.

— Ну, ладно. Раз ты так считаешь...

В дверь властно постучали, она отворилась, и вошла служанка с охапкой поленьев, расталкивая ими створки. Судя по царапинам на панели и на полу, то был обычный для нее способ проникать в комнату.

— Bonjour, месье, мадам, — буркнула она, коротко кивнув в сторону постели, и шмыгнула к камину. Да, ее поведение было красноречивее всяких слов. Нр я уже привыкла к безразличию, с которым слуги постоянных дворов относятся к постояльцам, даже в дезабилье, и, буркнув в ответ: «Bonjour, мадемуазель», не стала обращать на нее особого внимания, лишь оставила пряжку Джейми в покое и, скользнув под одеяло, натянула его повыше, чтоб не было видно раскрасневшихся щек.

Обладавший еще большим, чем я, хладнокровием, Джейми положил на колени валик, вынутый из-под подушки, уперся в него локтями, опустил на ладони подбородок и завел со служанкой светский разговор, нахваливая кухню.

— А откуда получаете вино, мадемуазель? — вежливо осведомился он.

— Когда как. — Ловко набрасывая растопку на более крупные поленья, она пожала плечами. — Там, где дешевле. — Круглощекое лицо женщины слегка сморщилось, когда она искоса взглянула на Джейми.

— Ну, это я понял, — сказал он и усмехнулся. Она ответила коротким смешком. — Держу пари, что смогу достать почти по той же цене, только вдвое лучше. Скажи своей хозяйке, — предложил он.

Она скептически приподняла бровь.

— И какова же будет цена, месье?

Он ответил ей типично гэльским жестом, обозначающим отрицание.

— Пока еще точно не знаю, мадемуазель. Просто собираюсь повидаться с одним земляком, он торгует вином. Могу потолковать с ним — может, он захочет заключить с вами сделку. Почему бы нет?

Она кивнула в знак согласия и, кряхтя, поднялась с колен:

— Хорошо, месье. Поговорю с хозяйкой.

Дверь за ней захлопнулась. Отложив в сторону валик, Джейми встал и начал застегивать пряжку.

— Куда это ты? — запротестовала я.

Он взглянул на меня, губы растянулись в улыбке.

— О!.. Ты уверена, что хочешь, Саксоночка?

— Я хочу, если только ты хочешь, — ответила я, не в силах противиться желанию.

Он бросил на меня суровый, испытующий взгляд.

— Ну, раз так, то я тут как тут, — сказал он. — Я слышал, что будущим матерям перечить не стоит. — Он позволил юбке упасть на пол и присел рядом со мной, постель жалобно скрипнула под его тяжестью.

Он откинул одеяло и расстегнул ворот моей рубашки, обнажив груди. Склонив голову, поцеловал каждую, осторожно прикасаясь к соску кончиком языка. Тот, словно по волшебству, поднялся и затвердел, темно-розовый на фоне белой кожи.

— Боже, до чего ж красивые... — пробормотал он и начал целовать снова. Затем взял обе груди в ладони и легонько сжал, любясь ими. — Тяжелые, тяжелей, чем прежде... — сказал он, — самую малость. И соски, они стали темнее. — Он нежно дотронулся пальцем до одинокого волоска, что рос рядом и казался серебристым в свете морозного утра.

Приподняв край одеяла, он прилег рядом, я обняла его, потом провела рукой по твердым буграм мышц на спине, затем по округлым крепким ягодицам. Кожа его покрылась мурашками от холода, но под теплым прикосновением моих рук они постепенно исчезли.

Я хотела, чтоб он вошел в меня сразу же, но он, нежно воспротивившись, опустил меня на подушку, легонько покусывая шею и уши. Одна рука скользнула по бедру, сминая и собирая складками рубашку.

Голова его нырнула под одеяло, руки нежно раздвинула мне бедра. Я содрогнулась — холодный воздух коснулся обнаженного тела, затем полностью расслабилась под настойчивой лаской его губ.

Волосы у него не были собраны, он еще не успел завязать их сзади... Мягкие, рыжие, шелковистые, я чувствовала их на бедрах. Он навалился на

меня всей тяжестью, широкие ладони сжимали ягодицы.

— М-м-м? — вопросительно мурлыкнул он. В ответ я слегка изогнула спину.

Руки его стали еще настойчивей, я целиком растворилась в его ласках, а изнутри нарастала и распространялась по всему телу сладкая дрожь и через секунды привела меня к разрядке: тело вяло и разнеженно вытянулось, губы жадно хватали воздух, а голова Джейми опустилась мне на бедро. Он выждал минуту, лаская изгиб моей икры, затем начал снова, уже с целью удовлетворить себя. Я, откинув со лба встрепанные рыжие волосы, ласкала его уши, такие неожиданно маленькие и изящные для крупного мужчины. Верхний изгиб раковины отсвечивал розовым и был почти прозрачен. Я водила пальцем по этому изгибу.

— А они у тебя заостренные на концах, — заметила я. — Самую чуточку. Как у фавна.

— Правда? — На секунду он прервал свое занятие. — Ты, наверное, хочешь сказать, как у маленького оленя? Или как у тех тварей с козлиными ногами, что преследуют женщин на старинных рисунках?

Я подняла голову и увидела над валиком одеял и сбившейся ночной сорочки темно-синие кошачьего разреза глаза, сверкающие из-под потемневших от пота кудрей.

— Если туфля впору, — сказала я, — носи ее. — И, услышав в ответ сдавленный смешок, откинула голову на подушку, он вибрацией отозвался во всем моем теле. — О-о-о... — протянула я и попыталась приподняться. — О, Джейми, иди ко мне!

— Еще нет, — ответил он и коснулся меня кончиком языка, на что все тело отозвалось сладостной дрожью.

— Нет, сейчас! — настаивала я.

Он не ответил, а у меня не хватало дыхания спорить дальше.

— О-о... — пробормотала я чуть позже. — Это...

— М-м-м?

— Это хорошо... Давай сейчас.

— Нет, я еще не готов. — Лица его не было видно за спутанной гривой кудрей цвета корицы. — Хочешь, я...

— Джейми, — сказала я. — Я хочу тебя! Иди ко мне!

Вздохнув, он поднялся на колени и, опершись на локти, устроился на мне сверху — живот к животу, губы к губам. Открыл было рот, пробормотать что-то в знак протеста, но я начала целовать его, и он, почти против своей воли, вошел в меня, не сдержав при этом сладострастного стоны. Все мышцы его напрялись, руки крепко держали меня за плечи.

Он двигался медленно и осторожно, время от времени останавливался и крепко целовал меня, затем, уступая моей настойчивости, начинал двигаться снова. Я нежно гладила изгиб его спины, стараясь не слишком нажимать на свежие шрамы. Длинная твердая мышца бедра слегка дрожала, касаясь моей ноги, но он все время сдерживался, опасаясь убыстрять темп.

Я сдвинулась ниже, чтоб он вошел в меня еще глубже. Он закрыл глаза, сосредоточенно свел брови. Рот был приоткрыт, из него вырывалось учащенное дыхание.

— Я не могу... — начал он. — О Господи, не в силах больше держаться! — Ягодицы его напряглись и дрогнули, твердые под прикосновением моих рук.

Я удовлетворенно вздохнула и, высвободившись из-под него, разлеглась рядом.

— Ты в порядке? — спросил он несколько мгновений спустя.

— Да вроде ничего не сломалось, как видишь, — с улыбкой ответила я.

Он хрипло рассмеялся:

— Ты, может, и нет, Саксоночка, а вот я могу сломаться. — Он притянул меня к себе поближе, уткнулся щекой в волосы. Я натянула одеяло, укутала им его плечи, подоткнула по бокам, чтоб сохранить тепло. Жар от огня еще не достиг постели, но лед на окнах начал таять, осколки инея превратились в сверкающие алмазы.

Какое-то время мы лежали молча, прислушиваясь к треску яблоневых поленьев в камине и слабым звукам пробуждения постояльцев. Во внутреннем дворе люди перекликались с балконов, оттуда же доносилось шарканье метлы по плитам и взвизгивания снизу, там, где за кухней, в сарайчике хозяйка держала поросят.

— Это уж слишком по-французски, верно? — спросила я, прислушиваясь к искаженным голосам, доносившимся из комнаты снизу, где хозяйка дружески бранилась с местным виноторговцем.

— Шлюхин сын, чума на твою голову, жулик проклятый! — вопил женский голос. — Бренди, что доставили на той неделе, воняло лошадиной мочой!

— С чего вы взяли, мадам? После шестого стаканчика все на вкус одинаково, что ни пей...

Постель затряслась — это Джейми засмеялся вместе со мной. Потом он приподнял голову и с аппетитом начал принюхиваться к запаху жареной ветчины, что просачивался сквозь щели в полу.

— Да, такова Франция, — кивнул он. — Еда, вино и женщины. — Он похлопал меня по голой ляжке, потом натянул на нее измятую сорочку.

— Джейми, — тихо начала я. — А ты рад? Рад ребенку? — Там, в Шотландии, не имея возможности жить в родном доме, с весьма туманной перспективой нашего устройства во Франции, он без особого энтузиазма воспринимал дополнительные обязательства, которые вскоре должны были свалиться ему на плечи.

Минуту он молчал, лишь еще крепче обнял меня, потом вздохнул и ответил:

— Э-э, Саксоночка... — Рука его скользнула вниз, нежно поглаживая мне живот. — Конечно, рад. И горд, словно жеребец. Но я боюсь...

— Родов? Ничего, я справлюсь. — Его опасения были мне понятны — мать Джейми умерла родами. В те времена роды и осложнения после них были самой частой причиной преждевременной смерти женщин. Однако как-никак, но я в этих делах немного смыслила и вовсе не собиралась обращаться за так называемой медицинской помощью здесь.

— Э-э, этого и вообще всего, — тихо ответил он. — Я хочу защитить тебя, Саксоночка, раскинуть над тобой свои крылья и защитить тебя и дите собственным телом. — Голос его звучал хрипловато и нежно. — Я ради тебя на все готов. И все же... Что я могу? Ничего! Тут не имеет значения, силен я или слаб, хочу я того или не хочу. Я не могу отправиться с тобой туда, куда ты должна отправиться... даже помочь тебе в этом не могу. Стоит только подумать, что может с тобой случиться и что я бессилен хоть как-то тебе помочь... Да, я боюсь, Саксоночка... И все же... — добавил он после паузы и нежно опустил руку мне на грудь, — когда я представляю себе, как ты сидишь и кормишь грудью мое дитя... в груди у меня все тает, я ощущаю себя легким и пустым, точно мыльный пузырь — того гляди лопну от радости.

Он крепко прижал меня к себе, а я обняла его.

— О, Клэр, ты мне сердце разобьешь... так я люблю тебя.

Я спала, и разбудил меня звон церковного колокола, доносящийся с площади. Уклад жизни в аббатстве Святой Анны был еще жив в памяти, весь ежедневный распорядок подчинялся там звону колоколов, и я, по привычке глянув в окно, пыталась определить, который теперь час. Ясный день, яркое солнце, инея на стеклах нет. Колокола сзывали к полуденной мессе. Значит, полдень.

Я потянулась, наслаждаясь мыслью, что сразу вставать мне не обязательно. Беременность на ранних сроках утомляет, к тому же долгое путешествие совершенно вымотало меня, а потому отдых казался еще

желаннее.

Во время нашего пути на всем побережье Франции бушевали штормы, шел то дождь, то снег. Впрочем, могло быть и хуже. Вообще-то мы сначала собирались в Рим, а не в Гавр, но это означало еще две, а то и три недели путешествия при ужасной погоде.

Поскольку и за границей надо было чем-то зарабатывать на жизнь, Джейми получил рекомендации для устройства переводчиком к Джеймсу Фрэнсису Эдуарду Стюарту, ссыльному королю Шотландии, известному также под именем шевалье Сент-Джордж, Претендент на престол — называйте, как вам больше нравится, — и мы собирались обосноваться при его дворе в окрестностях Рима.

Перспектива казалась вполне реальной, мы уже должны были отправляться в Италию, как вдруг дядюшка Джейми, Александр, аббат, у которого мы остановились, вызвал нас к себе в кабинет.

— Я получил известие от его величества, — сообщил он без долгих предисловий.

— Какого именно? — спросил Джейми. Не слишком большое фамильное сходство между двумя мужчинами усугублялось их позами — оба сидели в креслах прямо, расправив плечи. Что касается аббата, то подобная осанка полагалась ему по роду службы. Джейми же не хотел прикасаться только что зажившими ранами к спинке кресла.

— Его величества короля Джеймса, — ответил дядя, слегка хмурясь, и покосился в мою сторону. Я старалась сохранять безразличное выражение лица; приглашение в кабинет к аббату было знаком доверия, и мне не хотелось обмануть ожидания этого человека. Он знал меня всего недель шесть, с Рождества, когда мы с Джейми появились у его ворот и муж мой был еле жив после перенесенных им в тюрьме мучений и пыток. Понаблюдав за мной какое-то время, аббат проникся ко мне доверием. С другой стороны, я была англичанкой. И английским королем был вовсе не Джеймс, а Георг.

— О! Так что, ему уже не нужен переводчик? — Джейми, все еще очень худой, много работал на воздухе вместе с братьями из аббатства, и лицо его начало приобретать нормальный здоровый цвет.

— Ему нужен преданный слуга и... друг. — Аббат Александр побарабанил пальцами по лежавшему перед ним на столе письму. Потом поджал губы и перевел взгляд с меня на племянника, затем снова на меня. — То, что я скажу, должно остаться между нами, — строгим тоном произнес он. — Скоро и так все об этом узнают, но пока еще не время. — Я попыталась нацепить на лицо маску человека, умеющего хранить тайны,

которому можно доверять, Джейми же лишь коротко кивнул. — Его высочество принц Карл Эдуард выехал из Рима и будет во Франции через неделю, — продолжал аббат, слегка подавшись вперед, словно для того, чтоб подчеркнуть важность сказанного.

И это действительно было важно. В 1715-м Джеймс Стюарт предпринял неудачную попытку вернуться на трон — военная операция была задумана бездарно, ожидаемой поддержки не получила и провалилась, едва успев начаться. С тех пор, по словам отца Александра, ссыльный Джеймс Шотландский трудился не покладая рук, рассылал письма монархам дружественных стран; особенно часто писал он своему кузену, французскому королю Людовику, обосновывая претензии на трон Шотландии и Англии, как свои, так и своего сына, принца Карла, которого считал законным наследником этого трона.

— Его двоюродный брат Людовик, к сожалению, остался глух к этим вполне внятным и законным обоснованиям, — сказал аббат, хмуро глядя на письмо, словно то был сам Людовик, а не клочок бумаги. — Если теперь он наконец осознает свою ответственность в данном деле, есть повод к объединению всех, кому дорого священное право монархии.

Сторонниками Джеймса были якобиты, а среди них самым ярым — аббат Александр из аббатства Святой Анны де Бопре, урожденный Александр Фрэзер Шотландский. Джейми рассказывал мне, что чаще всего ссыльный король писал именно Александру, а тот, в свою очередь, поддерживал связь со всеми сторонниками Стюартов.

— Положение у него в этом смысле удобное, — объяснял мне Джейми. Папская почта через посыльных функционировала на территории Италии, Франции и Испании быстрее и эффективнее, чем какая-либо другая. Против этих посыльных почти бессильна таможенная служба, поэтому письма, которые они доставляют, редко подвергаются досмотру.

Большую поддержку Джеймсу Шотландскому, сосланному в Рим, оказывал Папа, крайне заинтересованный в том, чтобы в Англии и Шотландии снова пришла к власти католическая монархия. Поэтому большую часть частной корреспонденции доставляли именно папские посыльные, а передавалась она по назначению через посредство надежных и преданных церковных сторонников, каким и являлся отец Александр из аббатства Святой Анны де Бопре. Он, в свою очередь, поддерживал связь со сторонниками короля в Шотландии, в чем было меньше риска, нежели в открытой отправке почты из Рима в Эдинбург и другие шотландские города.

Я с интересом наблюдала за отцом Александром, пока он расписывал

всю важность визита принца Карла во Францию. Полноватый темноволосый мужчина примерно моего роста, значительно ниже своего племянника, лишь в глазах угадывалось сходство — слегка раскосые, они светились умом и умением разгадывать самые скрытые намерения, что вообще было отличительной чертой всех Фрэзеров, с которыми мне доводилось встречаться.

— Однако, — закончил он, поглаживая густую темно-каштановую бородку, — не могу с полной уверенностью сказать, прибыл ли его высочество во Францию по приглашению Людовика или же без того, просто от имени отца.

— Но это существенная разница, — заметил Джейми, скептически приподняв бровь.

Дядя кивнул, в гуще бороды промелькнула кривая улыбка.

— Верно, парень, — сказал он. В обычно безукоризненном английском звучали нотки шотландского акцента. — Истинная правда. И вот в этом ты и твоя жена как раз и сможете помочь, если, конечно, захотите.

Предложение сводилось к следующему: его величество король Джеймс согласен оплатить расходы на дорогу, а также выплачивать небольшое жалованье племяннику его самого верного и преданного друга отца Александра, если тот поедет в Париж, где будет помогать его сыну и наследнику принцу Карлу Эдуарду в меру своих сил и способностей.

Я была удивлена. Ведь мы с самого начала планировали отправиться в Рим — самое подходящее, как нам казалось, место для того, чтобы попытаться предотвратить второе восстание якобитов 1745 года. Я изучала историю и знала, что это восстание, финансируемое из Франции и возглавляемое Карлом Эдуардом, оказалось более успешным, нежели предпринятая в 1715 году попытка захвата власти его отцом, однако и оно в целом закончилось поражением. И если не вмешаться в ход событий, то войска под командованием принца Карла потерпят сокрушительное поражение при Каллодене в 1746-м и шотландскому народу еще на протяжении двух столетий предстоит пожирать горькие плоды этого поражения.

Теперь же, в 1744 году, принц Карл, по всей видимости, начинает искать поддержку во Франции. И есть ли лучший способ остановить смуту, чем попытаться повлиять на ее вдохновителя и зачинщика. Я взглянула на Джейми — тот смотрел через плечо своего дядюшки на маленькую раку на стене. Глаза его остановились на позолоченной фигурке святой Анны и пучке оранжерейных цветов у ее ног, а мысли, похоже, витали где-то далеко. Наконец он тряхнул головой и улыбнулся дяде.

— А какого рода помощь может понадобиться его высочеству? Впрочем, — добавил он тихо, — думаю, что в любом случае смогу оказать ее. Мы согласны. Едем.

И мы поехали. Однако вместо того, чтобы отправиться напрямик в Париж, мы вдоль побережья добрались сперва до Гавра, чтобы встретиться там с двоюродным братом Джейми Джаредом Фрэзером.

Богатый шотландский эмигрант, Джаред был импортером вин и более крепких спиртных напитков, имел небольшой склад и большой жилой дом в Париже, а здесь, в Гавре, находился у него огромный склад, где он и назначил встречу Джейми после того, как тот написал, что мы будем в городе проездом.

Я хорошо отдохнула и вдруг почувствовала, что проголодалась. На столе служанка оставила еду — видимо, Джейми попросил ее об этом, пока я спала.

Халата у меня не было, зато оказалось под рукой тяжелое бархатное дорожное пальто; я накинула его, ощутив на плечах приятную тяжесть, затем поднялась, подбросила поленьев в огонь и села за поздний завтрак.

Я с удовольствием жевала черствые рогалики с жареной ветчиной, запивая их молоком из кувшина. Оставалось надеяться, что Джейми тоже хорошо накормят, он уверял, что Джаред — добрый его друг, однако более близкое знакомство с родственниками мужа заставляло сомневаться в их гостеприимстве. Впрочем, аббат Александр принял нас очень радушно, насколько это возможно для человека в его положении, привечающего в доме беглеца племянника с подозрительной женой, свалившихся как снег на голову. Однако же осенью прошлого года родственники Джейми со стороны матери, Макензи из Леоха, едва не убили меня, когда меня арестовали и судили как ведьму.

— Меня утешает, что этот твой Джаред из рода Фрэзеров, — сказала я Джейми, — они не такие бешеные, как Макензи. А ты с ним вообще когда-нибудь встречался?

— Жил с ним какое-то время, когда мне было восемнадцать, — ответил он, снял комочек оплавленного воска со свечи и вдавил в него обручальное кольцо своего отца: в зеленовато-серой бляшке остался отпечаток рубина-кабошона, с выгравированным на нем девизом Фрэзеров: «Je suis prest»^[11]. — Он настоял, чтоб я остановился у него, когда я приехал в Париж, завершать образование. И был добр ко мне, да и с отцом они очень дружили. И потом, никто не знает парижского общества лучше, чем человек, торгующий спиртным, — добавил он, очищая кольцо от воска. — Я хочу переговорить с кузеном прежде, чем окажусь при дворе Людовика в

качестве сторонника Карла Стюарта. Хочу быть уверенным, что мы сможем удрать отсюда в случае чего.

— Но почему? Ты считаешь, что нас ждут какие-то неприятности? — спросила я. — Какой бы помощи ни ждал от нас его высочество, его положение, как мне кажется, обеспечивает защиту.

Он успокоил меня улыбкой:

— Да нет, не думаю, что нас ждут неприятности. Как там говорится в Библии, Саксоночка? «Не верь сильным мира сего»? — Он поднялся и поцеловал меня в лоб, потом убрал кольцо обратно в сумку. — А кто я такой, чтоб подвергать сомнению слово Божье?..

День я провела за чтением травника, которым в качестве прощального подарка снабдил меня брат Амброзии, затем чинила одежду. Одежды у нас было совсем мало — в путешествии налегке есть свои преимущества, но и недостаток тоже есть: дырявые носки и платки с оторвавшейся каймой надо штопать и чинить немедленно. Я как зеницу ока берегла коробочку для шитья, а также сундучок, где лежали лекарства и травы.

Игла сновала по ткани, поблескивая в свете солнца, льющегося из окна. Интересно, как прошла встреча Джейми с кузеном? Еще любопытней было бы знать, каков он, этот принц Карл. Ведь он должен стать первой известной исторической личностью, с которой мне предстоит познакомиться. К тому же согласно легендам, которые о нем распространились (вернее, распространятся, тут же поправила я себя), личностью он был довольно загадочной. Судьба восстания 1745 года почти целиком зависела от этого молодого человека, его провала или успеха. А состоится ли оно вообще, зависит теперь от усилий другого молодого человека, Джеймса Фрэзера. И меня...

Я сидела, целиком погрузившись в работу и свои мысли, как вдруг из забытья меня вывели чьи-то тяжелые шаги по коридору. Я очнулась и поняла, что день уже на исходе. За окном капало — значит, на улице потеплело, заходящее солнце отсвечивало в сосульках, свисающих с крыши. Дверь отворилась, вошел Джейми.

Бегло улыбнувшись мне, он подошел к столу и замер с сосредоточенным выражением на лице, словно пытался вспомнить что-то важное. Затем снял плащ, сложил его и аккуратно повесил на спинку кровати. Выпрямился, подошел к стулу, опустил на него и закрыл глаза.

Я сидела неподвижно, с забытым на коленях шитьем и с интересом наблюдала за этим представлением. Через минуту он открыл глаза и улыбнулся мне, однако не произнес ни слова. Потом, подавшись вперед, начал внимательно изучать мое лицо, точно мы не виделись несколько

недель. А после с видом человека, сделавшего какое-то важное открытие, расслабился, опустил плечи и уперся локтями в колени.

— Виски... — довольным тоном произнес он.

— Это я вижу, — осторожно заметила я. — Причем много виски.

Он медленно покачал головой, словно она была у него тяжелая-претяжелая. Казалось, было слышно, как в нем плещется это виски.

— Да не я, — отчетливо выговорил он. — Ты.

— Я?! — Возмущению моему не было предела.

— Твои глаза, — сказал он. И с трудом выдавил улыбку. У самого у него глаза были томные и затуманенные, как поверхность пруда под дождем.

— Мои глаза? Но при чем тут мои глаза?

— Они цвета о-о-очень хорошего виски, когда солнце светит вот так, сбоку. Сегодня утром я думал, они цвета шерри. Видишь, ошибся. Не шерри. И не бренди. Виски... Это я тебе говорю. — Выражение лица у него было при этом такое довольное, что я невольно расхохоталась.

— Джейми, ты же в стельку пьян! Чем ты занимался?

Он слегка нахмурился:

— Я не пьяный.

— Ах нет? — Я отложила шитье, подошла и опустила ему руку на лоб. Он был холодный и влажный, а лицо розовело румянцем. Он тут же обхватил меня за талию, и притянув к себе, ласково уткнулся носом в грудь. Запах спиртного, исходивший от него, был так силен, что казался почти осязаемым, он окутывал его словно туман.

— Иди ко мне, Саксоночка, — пробормотал он, — моя девочка с глазками цвета виски, моя любовь... Давай я отнесу тебя в постельку...

Скорее тебя надо отнести в постельку, подумала я, однако спорить не стала. В любом случае уложить его надо. Наклонившись, я подставила ему плечо, но он отстранился и величественно распрямился во весь свой огромный рост.

— Нечего мне помогать, — сказал он и дернул шнур, стягивающий ворот его рубахи. — Я же сказал: я не пьяный...

— Ты прав, — согласилась я. — Пьяный — это слишком мягко сказано. Ты в полной отключке, Джейми.

Он перевел взгляд с рубашки на юбку, затем взглянул на пол, потом — на меня.

— Ничего подобного, — надменно пробормотал он и сделал ко мне шаг. — Иди сюда, Саксоночка... Я готов...

Про себя я подумала, что «готов» — самое подходящее для него сейчас

определение. Впрочем, рубашку он расстегнул только до пояса, и она сползла с плеч, однако снимать ее совсем он, видно, не собирался.

Широкая грудь была обнажена, в центре живота виднелась уютная ямочка, уткнувшись в которую подбородком я так любила лежать, вокруг сосков вилась поросль коротких курчавых волос. Заметив, что я разглядываю его, он взял меня за руку и положил ее к себе на грудь. Он был такой упоительно теплый, что я тут же прильнула к нему. Он обнял меня другой рукой и наклонился поцеловать. У меня голова закружилась от запаха спиртного, исходящего от него.

— Ладно, — засмеялась я, — раз ты готов, то и я тоже. Только позволь прежде раздеть тебя, хоть я и наработалась сегодня.

Пока я раздевала его, он не сделал ни малейшего движения, стоял совершенно неподвижно. Не шелохнулся и тогда, когда я сняла с себя верхнюю одежду и повернулась к постели.

Я влезла в нее и обернулась — он стоял посреди комнаты, величественный и розовый в последних отсветах солнца. И напоминал греческую статую: длинный прямой нос, высокие скулы — такие профили выбивали на римских монетах. Крупный, но нежно очерченный рот слегка растянулся в улыбке, раскосые глаза мечтательно смотрели куда-то вдаль. Стоял и не двигался с места.

Я заволновалась.

— Джейми! — окликнула я его. — Скажи-ка, как ты определяешь, пьяный ты или нет.

Выведенный из транса звуками моего голоса, он слегка пошатнулся и уцепился за угол каминной доски. Глаза его блуждали по комнате, потом остановились на мне. Туманная пелена исчезла, они прояснились и вновь сверкали умом и живостью.

— Да очень просто, Саксоночка. Раз можешь стоять, значит, не пьяный. — Он отпустил каминную доску, шагнул ко мне и медленно осел на пол — глаза пустые, широко раскрыты, и мечтательная улыбка на губах.

— О-о!.. — только и смогла произнести я.

Тирольские трели петухов во дворе и стук горшков снизу, в кухне, разбудили меня на рассвете. Фигура, лежавшая рядом, дернулась. Джейми пробудился мгновенно, сразу и сморщился — от боли в голове.

Я, опершись на локоть, созерцала эти бранные останки. Могло быть и хуже. Глаза плотно зажмурены, чтобы не раздражал солнечный свет, волосы торчат в разные стороны, как иглы у ежа, но кожа бледная и чистая и пальцы, сжимающие край покрывала, почти не дрожат.

Я осторожно приоткрыла пальцем одно зажмуренное веко, заглянула

под него и шутливо спросила:

— Есть кто дома?

Тут и второй глаз, близнец первого, медленно приоткрылся. Я убрала руку и встретила его взгляд улыбкой:

— Доброе утро!

— Это как посмотреть, Саксоночка, — ответил он и снова закрыл глаза.

— Ты хоть имеешь представление, сколько в тебе весу? — спросила я как бы между прочим.

— Нет.

Сам тон ответа подсказывал, что он не только не знает, но и вообще никогда не задумывался об этом. Однако я не сдавалась.

— Думаю, стоунов^[12] пятнадцать, около того. Вес кабана приличных размеров. К сожалению, у меня нет помощника, который подвесил бы тебя к шесту вверх ногами и отнес к дымящемуся очагу.

Один глаз приоткрылся снова и с тревогой уставился на меня, затем он перевел взгляд на выложенный плиткой пол у камина в дальнем конце комнаты, и губы раздвинула робкая улыбка.

— Как это ты умудрилась втащить меня на кровать?

— А я и не тащила. Поднять тебя я все равно не смогла бы, а потому оставила лежать там, только прикрыла одеялом. Потом, где-то в середине ночи, ты немного очухался и приполз сюда.

Он, похоже, был удивлен и открыл уже оба глаза:

— Правда?

Я кивнула и попыталась пригладить рыжие волосы, торчавшие над левым ухом.

— О да! Ты действовал очень целеустремленно.

— Целеустремленно? — нахмурившись и обхватив голову руками, он на мгновение задумался, потом произнес: — Да нет, я не мог.

— Очень даже мог. Со второй попытки.

Он недоверчиво оглядел свои руки, грудь и ноги, словно сомневаясь в способности своего тела проделать такие действия, затем снова перевел взгляд на меня.

— Правда? Слушай, это же нечестно! Я ничегошеньки об этом не помню! — Секунду он молчал и выглядел пристыженным. — Скажи, а я... это... не натворил никаких глупостей?

— Нет. Глупостью это вряд ли можно назвать. К тому же ты был не слишком разговорчив.

— Слава Господу и на этом, — сказал он, и из груди его вырвался

тихий смешок.

— Гм... Ты только и твердил: «Я люблю тебя».

Он снова усмехнулся, на этот раз громче:

— Ах, вон оно как... Могло быть и хуже.

Он набрал в грудь воздуха, потом вдруг замер. Повернул голову и начал принюхиваться к пучку мягких рыжеватых волос под приподнятой рукой.

— Боже! — воскликнул он и сделал движение — отстранить меня. — Не вздумай принюхиваться ко мне, Саксоночка. От меня воняет, как от старого вепря, который сдох вот уже как неделю.

— И был потом замаринован в бренди, — добавила я и придвинулась ближе. — Как это, скажи на милость, ты умудрился так нализаться?

— Пресловутое гостеприимство Джареда. — С глубоким вздохом он откинулся на подушки и обнял меня за плечи. — Он повел показывать свой склад в доках. Показал и кладовую, где хранятся самые редкие вина, португальский бренди и ямайский ром. — Он слегка поморщился при этом воспоминании. — Пришлось попробовать. Вино оказалось неплохим, особенно если сперва набрать в рот, а потом выплюнуть, как делают знатоки, но разве могли мы поступить таким образом с бренди? Кроме того, Джаред уверяет, что оно должно медленно стекать по горлу, только так можно по-настоящему оценить качество бренди.

— Ну и сколько же вы его оценили? — с любопытством осведомилась я.

— Потерял счет уже на второй бутылке. — Тут за окном зазвенел колокол, сзывающий к утренней мессе. Джейми выпрямился и уставился в окно, через которое в комнату врывались яркие лучи солнца. — Господи, Сак-соночка! А который теперь час?

— Думаю, около шести, — ответила я. — А что?

— О, ну тогда еще ничего. Я уж испугался, что звонят к полуденной мессе. Потерял всякое представление о времени.

— Да уж. А впрочем, разве это имеет значение?

Он энергично откинул одеяла и встал. Слегка пошатнулся, но сохранил равновесие. Прижал обе ладони к голове, словно желая убедиться, что она на месте.

— Знаешь, — вздохнул он, — сегодня мы с Джаредом договорились встретиться в доках, у него на складе.

— Вот как? — Я вылезла из кровати и нашарила под ней ночной горшок. — Если он планирует довести начатое до конца, то ему вряд ли нужен свидетель.

— Что довести до конца?

— Да вот что. Почти все твои родственники только и мечтают прикончить тебя или меня. Почему бы и не Джаред тоже? Одну попытку он уже предпринял, отравил тебя алкоголем.

— Ужасно смешно, Саксоночка! — сухо парировал он. — Лучше скажи: есть у тебя какой-нибудь приличный наряд?

В дороге я была одета в серое саржевое платье, приобретенное в аббатстве через надежных людей на распродаже, однако я все же захватила с собой платье, в котором бежала из Шотландии — подарок леди Аннабель Макрэннох, — красивое, бархатное, зеленого цвета, оно немного бледнило меня, но выглядело очень нарядным.

— Думаю, да, если только оно не пострадало от морской воды.

Я опустилась на колени у маленького дорожного сундучка, достала и развернула платье. Опустившись со мной рядом, Джейми поднял крышку аптечки и начал изучать ряды склянок, пузырьков, коробочек и пакетиков с травами.

— А у тебя есть здесь что-нибудь от сильной головной боли, Саксоночка?

Глянув через его плечо, я дотронулась до одного пузырька:

— Шандра помогает, хотя это и не лучшее средство. Вот чай из коры ивы с фенхелем очень хорош, но нужно время, чтоб настоялся. Вот что, дам-ка я тебе печеночницу. Тут же снимает всякую головную боль.

Он подозрительно косился на меня синие глаза:

— От одного названия тошно...

— Да, — весело согласилась я. — Но средство замечательное. Вырвет, и тут же станет легче.

— М-м-м... — Он встал и придвинул мне ногой ночной горшок. — Рвота по утрам — это по твоей части, Саксоночка. Давай собирайся, одевайся. Я уж как-нибудь справлюсь с головной болью сам.

Джаред Мунро Фрэзер оказался маленьким, щупленьким человечком с живыми черными глазами, он был очень похож на своего дальнего родственника Муртага, члена клана Фрэзеров, который сопровождал нас до Гавра. Когда я увидела Джареда, важно стоявшего в раскрытых воротах склада, так что веренице грузчиков с бочками приходилось огибать его, сходство настолько поразило, что я заморгала и протерла глаза. Муртаг, насколько мне было известно, остался на постоялом дворе — лечить охромевшую лошадь.

У Джареда были точь-в-точь такие же длинные темные волосы и пронзительные глаза, такая же жилистая обезьянья фигурка. Но на этом и

кончалось сходство, и когда мы подошли поближе — причем Джейми галантно расчищал мне дорогу, проталкиваясь через толпу локтями и плечами, — я увидела и различия. Лицо у Джареда было скорее вытянутое, нежели в форме сердечка, с задорным курносый носом, от чего тут же разрушалось впечатление важности и напыщенности, которое возникало от его позы и подчеркивалось отлично сшитым платьем и гордой осанкой.

Удачливый купец, а не скотопромышленник, он, в отличие от Муртага, умел улыбаться; у того на лице, казалось, навеки застыло настороженное и суровое выражение, Джаред же, едва завидя нас, расцвел в широкой приветливой улыбке.

— Дорогая! — воскликнул он и, подхватив меня под руку, оттащил в сторону: на нас надвигались два гиганта грузчика, катившие перед собой огромную бочку. — Счастлив наконец познакомиться с вами! — Бочка с грохотом вкатилась на деревянный настил, и я расслышала, как булькает внутри ее содержимое. — С ромом можно так обращаться, — заметил Джаред, следя за ее перемещением. — С ромом — да, но только не с портвейном. Им я всегда занимаюсь сам, как и винами, разлитыми в бутылки. Кстати, я как раз собирался пойти взглянуть на партию, прибывшую из Бель Руж. Не желаете ли сопровождать меня?

Я взглянула на Джейми, тот кивнул, и мы тут же последовали за Джаредом, уворачиваясь от катившихся бочек, тележек и тачек, а также мужчин и мальчишек самой живописной наружности, тащивших на спине рулоны тканей, ящики с зерном и продуктами, свернутые в трубку рулоны меди, мешки с мукой и прочий товар, который обычно перевозится морем.

Гавр являлся в ту пору важным торговым портом, а сердцем города были доки. Вдоль гавани более чем на четверть мили тянулся причал с выступающими из него пирсами, возле которых стояли на якоре трехмачтовые барки и бригантины, рыбацкие плоскодонки и небольшие галеры — все виды судов, снабжавшие Францию провиантом и другого рода товарами.

Джейми крепко держал меня под локоть, чтобы уберечь от столкновения с ручными тележками, катящимися бочками и крикливыми торговцами и матросами, которые, похоже, вовсе не глядели, куда идут, а просто толклись на причале повсюду.

Джаред шел с другой стороны и кричал мне в ухо, указывая на заслуживающие интереса предметы, мимо которых мы проходили, и бодрым и несвязным стакатто давая пояснения о каждом корабле и его владельце. Оказывается, «Арианна», которую мы вскоре должны были увидеть, принадлежала Джареду. Вообще суда здесь принадлежали или

частному владельцу, или же в большинстве своем — группе торговцев, являясь коллективной их собственностью. А иногда — капитану, который нанимал команду и сдавал корабль в аренду купцам. Увидев, что в личном владении находится куда меньше кораблей, чем в коллективном, я поняла, что Джаред — действительно состоятельный человек.

«Арианна» оказалась где-то в середине ряда стоявших на якоре кораблей, прямо напротив большого склада с выведенными на двускатной крыше мелом крупными буквами: «Фрэзер». Увидев это имя здесь, я ощутила легкое волнение и гордость за то, что ношу его; оно давало чувство принадлежности к роду, уверенности в себе.

«Арианна» была трехмачтовым судном примерно шестидесяти футов в длину, с широким носом, у борта, обращенного к берегу, виднелись две пушки — наверное, на случай встречи в море с пиратами-грабителями, подумала я. По палубе сновали люди — насколько я понимала, не бесцельно, хотя с виду все это походило на разворошенный муравейник.

Все паруса были спущены и закреплены, но начавшийся прилив слегка раскачивал судно, оно словно кивало нам бушпритом. Нос украшал вырезанный из дерева бюст дамы с довольно мрачным выражением лица, огромные обнаженные груди и спутанные локоны были покрыты солью, дама смотрела так, словно ей вовсе не нравится море.

— Красотка, правда? — спросил Джаред, махнув рукой. Я поняла, что он имеет в виду «Арианну», а вовсе не деревянное изваяние дамы.

— Да, хороша, — вежливо откликнулся Джейми. Я заметила, как он с тревогой взглянул на ватерлинию, туда, где маленькие волны лизали темно-серый корпус корабля. Очевидно, он опасался, что нам придется подниматься на борт. Храбрейший воин, отчаянный и напористый на поле брани, Джейми Фрэзер был по натуре человеком сугубо сухопутным.

Он вовсе не принадлежал к распространенному в Шотландии племени заядлых морских волков, охотившихся на китов у Тарвати или совершающих кругосветные плавания в поисках богатства. На воде он страдал от морской болезни, причем в такой острой форме, что едва не погиб в декабре, когда мы переправлялись через пролив. Правда, тогда он был ослаблен тюремным заточением и пытками. К тому же последствия вчерашней оргии с Джаредом тоже не слишком располагали к морским прогулкам. Я заметила, как лицо его омрачили воспоминания, а кузен тем временем превозносил прочность и скорость «Арианны», тогда я, придвинувшись к Джейми поближе, шепнула ему на ухо:

— Ну не полезем же мы на палубу, раз она на якоре.

— Не знаю, Саксоночка, — ответил он, и во взгляде его на корабль

читались одновременно отвращение и решимость. — Скоро выясним. — Джаред уже дошел до половины трапа, громкими криками приветствуя команду. — Если вдруг увидишь, что я позеленел, притворись, что падаешь в обморок, или еще что-нибудь придумай. Иначе меня стошнит прямо на башмаки родственнику, а такие выходы, знаешь ли, производят дурное впечатление.

Я похлопала его по руке:

— Не волнуйся. Я в тебя верю.

— Да при чем тут я, — ответил он, бросая последний тоскливый взгляд на твердую землю. — Это мой желудок...

Палуба тихонько покачивалась под ногами, но Джейми и его желудок держались молодцом — возможно, тут сыграло свою роль бренди, которым щедро угощал нас капитан.

— Славная штука, — сказал Джейми, поднеся стаканчик к носу, и, прикрыв глаза, одобрительно вдохнул густой аромат. — Португальский, верно?

Джаред одобрительно рассмеялся и подтолкнул капитана локтем:

— Видал, Портис? Я же говорил тебе: у него нюх на спиртное! А ведь он пробовал такой только раз!

Я прикусила губу и избегала смотреть Джейми в глаза. Капитан, огромного роста неряшливый мужчина, выглядел утомленным, однако скроил приветливую гримасу и улыбнулся Джейми, обнажив три золотых зуба. Этот человек явно вознамерился держать свое богатство при себе.

— Угу, — буркнул он. — Так это тот парень, которого ты хотел нанять осушать твои трюмы?

Джаред на секунду смутился, на обветренном лице вспыхнул румянец. Я заметила, что одно ухо у него проколото для серьги. Интересно, на чем же он начал сколачивать свое состояние?

— А-а, ладно, — протянул он, и впервые в его речи был отчетливо различим шотландский акцент. — Там видно будет. Но сдается мне, — тут он бросил взгляд в сторону порта, где по-прежнему кипела жизнь, потом скосил глаза на стакан, поданный капитаном, и осушил его в три глотка. — Вот что, Портис, ты не позволишь ненадолго занять твою каюту? Хочу спокойно поболтать с племянником и его женой, а там у вас на корме, похоже, какая-то заваруха, шум да гвалт. — Этого замечания оказалось достаточно, чтоб капитан Портис вылетел из каюты, словно разъяренный вепрь, и вскоре с кормы донесся его хриплый голос. Орал он на смеси испанского с французским, — к счастью, я не понимала почти ни слова.

Джаред подошел к двери и плотно притворил ее, отчего крики

капитана почти заглохли. Потом возвратился к маленькому столику и церемонно наполнил наши стаканы. Взглянул на Джейми, потом на меня и снова смущенно улыбнулся.

— Я действительно собирался кое-что предложить тебе, — начал он, — но мой старый добрый капитан перехватил инициативу. Дело в том, — тут он приподнял свой стакан, и в портвейне засияли солнечные лучи, отбрасывая блики по каюте, — дело в том, что мне и вправду нужен человек, — он поднес стакан к губам и начал пить, — хороший человек, — добавил он и опустил стакан. — Видите ли, дорогая, — обратился он уже ко мне, — у меня появилась редкая возможность вложить деньги в новый винный завод в Мозеле. Ни одному из подчиненных доверить организацию этого дела я не могу, мне нужно видеть и пощупать все самому. Чтобы наладить там производство, понадобится несколько месяцев.

Он задумчиво смотрел в стакан, слегка взбалтывая ароматную коричневую жидкость, пока запах этот, казалось, не проник в каждую щелку каюты. Я отпила из своего стакана всего несколько капель, но вдруг почувствовала, что голова у меня кружится. Скорее от возбуждения, чем от спиртного.

— Такая возможность выпадает не часто, и упускать ее не стоит, — продолжил Джаред. — К тому же можно заключить несколько очень выгодных контрактов с винодельческими заводами, расположенными у Роны, вина у них отличные, но в Париже известны мало. Господи, да у здешней знати они пойдут нарасхват, как снега летом не сыщешь! — Хитрые карие глазки жадно сверкнули при мысли о доходах, которые можно будет при этом извлечь, затем снова засветились добродушием, он перевел взгляд на меня. — Но...

— Но, — закончила я за него, — вы не можете оставить дело здесь без присмотра.

— Ум, красота, обаяние!.. Я поздравляю тебя, кузен, — склонив аккуратно причесанную голову, он бросил одобрительно-хитроватый взгляд на Джейми. — Признаюсь, я и сам не вполне понимаю, как все это лучше организовать, — сказал он, ставя стакан на маленький столик с видом человека, который, оставив всякую фриivolность, решил перейти к серьезному разговору. — И когда вы написали мне из аббатства о своем намерении посетить Париж... — Он на секунду замолк, потом, улыбнувшись Джейми, радостно всплеснул руками. — Я ведь помню, мой мальчик! Голова у тебя на цифры варит, просто Бог услышал мои молитвы! И все же я решил, что надо предварительно встретиться и возобновить

дружбу, прежде чем предлагать тебе что-то определенное.

Просто хотел посмотреть, насколько я презентабельна, подумала я про себя, но тем не менее одарила Джаредом самой приветливой улыбкой. И тут же поймала на себе вопросительный взгляд Джейми, он удивленно приподнял бровь. Да, нынешняя неделя удивительно богата на разного рода предложения. Похоже, что на услуги лишенного всяких прав изгоя и подозреваемой в шпионаже англичанки здесь большой спрос.

Условия, предложенные Джаредом, были более чем щедрыми: за то, что Джейми будет в течение полугода возглавлять его бизнес во Франции, он собирался не только выплачивать ему зарплату, но и предоставить в полное распоряжение свой дом в Париже со всей прислугой.

— Что ты, что ты, это же сущие пустяки! — остановил он Джейми, когда тот собрался было возразить по поводу этого последнего пункта. Потом, приложив палец к кончику носа, одарил меня очаровательной улыбкой. — Хорошенькая женщина в качестве хозяйки дома на разных приемах — это только способствует бизнесу, кузен. Ты не представляешь, как ходко идет торговля вином, если покупатель сперва пробует товар! — Он решительно тряхнул головой. — Нет, ты окажешь мне огромную услугу, если твоя супруга возьмет на себя труд развлекать моих гостей.

Перспектива развлекать сливки парижского общества на обедах и ужинах немного пугала. Джейми вопросительно взглянул на меня, но я улыбнулась в ответ и кивнула. Предложение выглядело заманчиво. Если сам Джейми готов возглавить столь сложное и важное дело, то уж и я как-нибудь справлюсь. Буду устраивать званые обеды и совершенствовать свой разговорный французский.

— Сущие пустяки, — пробормотала я, и Джаред, посчитав мой ответ само собой разумеющимся, перевел пристальный взгляд маленьких черных глазок на Джейми.

— И потом, я подумал, что для осуществления целей, с которыми вы прибыли в Париж, обзавестись кое-какими связями не помешает.

Джейми весело улыбнулся, в ответ на что Джаред, издав короткий довольный смешок, снова потянулся к своему стаканчику. Перед каждым из нас стояло по бокалу с водой, чтоб можно было прополоскать рот между глотками, и он схватил тот, что был ближе.

— Итак, тост! — провозгласил он. — За наше сотрудничество, кузен, и за его величество! — Он салютовал стаканчиком, затем провел им над бокалом с водой и поднес к губам.

Я с удивлением наблюдала за этими столь странными манипуляциями. Очевидно, значение их было понятно Джейми, и он, улыбнувшись

Джареду, в свою очередь Поднял стаканчик и провел им над водой.

— За его величество! — повторил он. Затем, заметив мое недоумение, объяснил с улыбкой: — За господство его величества на суше и на море, Саксоночка!

— О-о... — понимающе протянула я. Король на суше и на море — это же король Джеймс. Это отчасти объясняло неожиданное желание многих видеть меня и Джейми в Париже.

Если Джаред тоже якобит, тогда его переписка с аббатом Александром — не просто совпадение... Вполне вероятно, что письмо Джейми, сообщавшее о нашем прибытии, пришло вместе с еще одним, от аббата, где он упоминал о поручении от короля Джеймса. И если наше присутствие в Париже совпадает с планами самого Джареда — что ж, тем лучше. Приятно удивленная четкой работой связи между якобитами, я поднесла свой стаканчик к губам и тоже выпила за господство его величества на суше и на море, а также за наше сотрудничество с Джаредом.

Затем Джаред с Джейми, склонившись над густо исписанными чернилами листами бумаги, пустились обсуждать детали бизнеса. Крошечная каюта насквозь пропиталась запахом табака, спиртных паров и немытого тела, и меня опять начало слегка подташнивать. Понимая, что сейчас мужчинам не до меня, я тихонько поднялась и вышла на палубу.

Стараясь держаться как можно дальше от все еще бранившихся где-то под палубой моряков, я пробралась через свернутые кольцом канаты и сложенные паруса в тихий уголок на носу, откуда открывался прекрасный вид на гавань.

Усевшись на сундук, я с наслаждением вдохнула соленый воздух с привкусом дегтя и рыбы — запах морских странствий, запах гавани. Было по-прежнему прохладно, но я лишь плотней запахнула на себе плащ и не слишком мерзла. Корабль медленно покачивался на мелких волнах прилива, я видела, как шевелятся на сваях причала длинные, похожие на растрепанную бороду водоросли, под которыми сверкали черные раковины мидий.

Их вид напомнил мне вчерашний обед — жареные мидии с маслом, и я вдруг почувствовала, что страшно проголодалась. Похоже, эта беременность сделала меня полной рабой своего желудка: теперь я знала лишь два состояния — омерзительной тошноты или зверского голода. Воспоминание о еде напомнило рассуждение Джареда о приемах и обедах, на которых мне предстоит развлекать гостей. Обеды?.. Гм... Немного странно, конечно, начинать спасение Шотландии именно со званых обедов, но, похоже, на данный момент другого выбора нет.

По крайней мере, если Карл Стюарт будет сидеть за столом напротив, я смогу за ним наблюдать. Глаз не спущу! Я улыбнулась этой мысли. Если вдруг ему придет в голову прыгнуть на корабль и отправиться в Шотландию, возможно, успею подсыпать ему чего-нибудь в суп...

И вообще, вероятно, это вовсе не так уж смешно, как кажется. Я вспомнила о Джейлис Дункан, и улыбка на лице увяла. Жена сборщика налогов из Крэйнсмуира, она убила своего мужа, подсыпав ему в еду во время банкета цианистый калий. Вскоре ее обвинили в колдовстве и арестовали — как раз в то время я находилась в тюрьме. Потом был суд, именно во время суда Джейми и спас меня. Воспоминания о тех нескольких днях, проведенных в промозглых и сумрачных подвалах тюрьмы в Крэйнсмуире, были все еще слишком свежи в памяти, и мне вдруг стало страшно холодно.

Я вздрогнула, но не только от холода. Просто я не могла думать о Джейлис Дункан без содрогания. И даже не из-за ее поступка, а из-за того, кем эта женщина была. Да, она тоже была якобиткой, принадлежала к тому разряду сторонников Стюартов, у которых преданность делу граничит почти с безумием. Хуже того, мы с ней были одного поля ягоды — она тоже явилась из каменного круга.

Я не знала, попала ли она в прошлое случайно, подобно мне, или же совершила это путешествие во времени преднамеренно. Не знала и откуда именно она явилась. Но отчетливо помню, какой видела эту женщину последний раз: высокая, светловолосая, она выкрикивает проклятия в адрес судей, а на левой руке, у предплечья, блестит пресловутая круглая отметина прививки. Я непроизвольно нащупала пятнышко загрубевшей кожи у предплечья, под мягкими складками ткани, и содрогнулась.

От этих грустных воспоминаний меня отвлек шум, доносившийся с соседнего причала. Там, у корабельного трапа, собралась целая толпа людей, они громко кричали и толкались. Нет, не драка... Я пригляделась, прикрывая глаза от солнца ладонью, но не заметила, чтоб они обменивались ударами. Несколько человек пытались пробить себе дорогу к дверям большого склада у края причала. Толпа упрямо противостояла этим усилиям, оттесняя их назад.

Внезапно за моей спиной возник Джейми, следом шел Джаред, оба они тоже стали наблюдать за этой сценой. Оглушенная криками толпы, я не слышала, как они подошли.

— Что это там? — Я встала и почувствовала его запах: сегодня утром в гостинице Джейми выкупался и пах свежестью и теплом, тонкий аромат со слабой примесью запаха пыли и солнца. Обостренное обоняние — еще

один побочный эффект беременности: я бы различила его запах среди мириады других так же отчетливо, как слух позволяет выделить чей-то высокий голос из шума и крика толпы на улице.

— Не знаю. Похоже, какая-то заваруха на соседнем корабле. — Он успокаивающим жестом положил руку мне на локоть. Джаред обернулся и рявкнул одному из матросов с косичкой какую-то команду на своем гортанном французском. Матрос послушно перешагнул через перила и съехал на берег по канату. Мы с палубы наблюдали, как он подошел к толпе, толкнул какого-то моряка под ребра, получил ответный удар, сопровождавшийся выразительной жестикуляцией.

Джаред, хмурясь, выслушал, что сказал ему матрос с косичкой, подойдя к краю причала. Говорил он на жаргонном французском, и я не поняла смысла сказанного. Затем Джаред отвернулся и, подойдя ко мне, стал рядом, опустив руки на поручни.

— Говорят, что на борту «Патагонии» какая-то болезнь.

— Что за болезнь? — Я не догадалась захватить с собой аптечку, а потому помочь ничем не могла, но меня разбирало любопытство. Джаред выглядел встревоженным.

— Боятся, что оспа, но точно не знают. Послали за инспектором порта и начальником гавани.

— Может, мне взглянуть? — предложила я. — Уж по крайней мере смогу разобраться, заразная это болезнь или нет.

Темные брови Джареда удивленно поползли вверх и скрылись под темной челкой. Джейми смутился.

— Моя жена — известная целительница, кузен, — объяснил он, затем, повернувшись ко мне, отрицательно покачал головой. — Нет, Саксоночка, это опасно.

Я отчетливо видела, что творится у борта «Патагонии»: толпа внезапно отшатнулась, люди толкались и наступали друг другу на ноги. С палубы шагнули на трап два матроса, они несли кусок парусины, приспособленный под носилки. Белая грубая ткань прогибалась под тяжестью человека, с самодельных носилок свешивалась обнаженная загорелая рука.

Рты и носы матросов прикрывали тряпичные повязки, они усердно отворачивались от носилок и, переругиваясь, тащили свою ношу по причалу под настороженными взглядами толпы. Вот они подошли к складу и скрылись за дверью.

Решение было принято. Я повернулась и направилась к трапу «Арианны».

— Не волнуйся, — сказала я Джейми через плечо: — Если это

действительно оспа, я не заражусь. — Один из моряков, расслышав эти слова, уставился на меня разинув рот, но я лишь улыбнулась и прошла мимо.

Толпа теперь стояла неподвижно, и пройти сквозь нее не составляло труда. Матросы лишь хмурились и провожали меня удивленными взглядами. Складом давно не пользовались, в огромном помещении было пусто — ни бочек, ни мешков, но запахи некогда хранившихся здесь товаров, пиленого дерева, копченого мяса и рыбы еще остались и четко превалировали над всеми остальными. Больного свалили на землю прямо у двери, на кучу упаковочной соломы. Выполнившие свою миссию моряки торопливо двинулись мимо меня к выходу.

Я осторожно приблизилась и остановилась в нескольких футах от больного. Лицо его покраснелось от лихорадки, кожа приобрела странный темный оттенок и была густо усыпана нарывами. Он стонал, голова его металась из стороны в сторону, пересохший рот был искажен гримасой.

— Добудьте мне воды, — сказала я одному из матросов, оказавшемуся поблизости. Матрос, плотный и мускулистый коротышка с торчавшей в разные стороны хвостиками бородой уставился на меня с таким изумлением, словно заговорила рыба.

Отвернувшись от него, я опустилась на колени возле больного и растегнула грязную рубашку. Пахло от него просто чудовищно — видимо, из боязни заразиться товарищи вообще не приближались к нему, и несчастный ходил под себя. Руки были относительно чистые, но грудь и живот густо покрывали нарывы, а кожа на ощупь была горячей.

Пока я осматривала его, в склад вошел Джейми, а следом за ним — Джаред. Их сопровождал маленький человечек с грушеобразной фигурой, в изукрашенном золотым шитьем мундире, а также еще двое мужчин, один из них, судя по платью, был знатного происхождения, а возможно — богатый буржуа, второй — высокий тощий тип с обветренным лицом. По всей видимости, это был капитан зараженного оспой судна, если я, разумеется, не ошиблась в диагнозе.

Похоже, то действительно была оспа. Я перевидала немало больных оспой в отдаленных от цивилизации уголках мира, куда в юности возил меня мой дядя, мистер Лэмб, известный археолог. Этот парень не мочился кровью, как иногда бывает, когда болезнь разрушает почки, но все остальные симптомы были классическими.

— Боюсь, это оспа, — сказала я.

Капитан «Патагонии», сердито вскрикнув что-то, шагнул ко мне — лицо искажено гневом, руки сжаты в кулаки, того гляди ударит.

— Нет! — воскликнул он. — Глупая женщина! Ты что, хочешь меня разорить?

Последние его слова захлебнулись в сдавленном вскрике — это Джейми схватил его за горло. Другой рукой он сгреб рубашку на груди капитана, отчего тот привстал на цыпочки.

— Советую вам обращаться к моей жене с должным почтением, месье, — довольно мирным тоном произнес Джейми. Капитан, лицо которого побагровело, мог лишь коротко кивнуть в ответ, и Джейми отпустил его. Моряк отступил и, с трудом переводя дух и потирая гордо, спрятался за спинами других.

Кругленький низенький чиновник опасливо склонился над больным, придерживая у носа большой серебряный шарик на цепочке с ароматическими веществами — старинное средство от заразы. Толпа вновь отхлынула от дверей, в помещение внесли еще одни парусиновые носилки.

Больной, лежавший доселе почти неподвижно, вдруг резко сел, до смерти перепугав склонившегося над ним чиновника. Обвел диким взором стены склада, затем глаза его закатились, и он безжизненно рухнул на солому, словно человек, которому отрубили голову. Голова была на месте, но исход тот же.

— Он умер, — сказала я, что было и без того понятно.

Чиновник, не расстававшийся со своим шариком, обрел присутствие духа и снова шагнул вперед. Внимательно осмотрел тело, выпрямился и объявил:

— Оспа. Дама права. Извините, господин граф, но вам, как и прочим, хорошо известны законы.

Человек, к которому он обращался, нетерпеливо вздохнул. Хмурясь, взглянул на меня, потом перевел взгляд на чиновника.

— Уверен, все можно устроить наилучшим образом, месье Памплемюс. Позвольте вас на пару слов. — Он сделал жест в сторону маленькой хижины для начальника склада, довольно странного на вид реликтового сооружения внутри большого помещения. Принадлежавший, судя по платью и титулу, к высшей парижской знати, граф был элегантным стройным мужчиной с густыми бровями и тонкими губами. Все его манеры говорили о том, что человек этот привык повелевать.

Однако маленький чиновник отстранился, выставив вперед, словно для защиты, пухлые ручки.

— Нет, господин граф, — сказал он. — Очень сожалею, но это невозможно. Никак нельзя. Слишком много людей уже знают об этом. Новость наверняка разлетелась по всем докам. — Он беспомощно

оглянулся на Джейми и Джареда, затем махнул ручкой в сторону входа, где в дверях, на фоне уже клонившегося к закату солнца вырисовывались силуэты молчаливо наблюдавших за происходящим зевак. — Нет, — повторил он, и в упитанной его фигурке читалась теперь решимость. — Прошу прощения... месье, мадам... — добавил он, словно только что заметил меня. — Очень сожалею, но мне следует идти отдать соответствующие распоряжения об уничтожении корабля.

Капитан, испустив невнятное проклятие, схватил его за рукав, но чиновник вырвался и торопливо направился к выходу.

Напряжение после его ухода не спало. Граф и капитан злобно глядели на меня, Джейми грозно косился в их сторону, а мертвец, лежавший на полу, уставился в потолок невидящим взглядом.

Граф шагнул ко мне, глаза его сверкали.

— Вы хоть понимаете, что натворили?! — рявкнул он. — Предупреждаю, мадам, вы еще мне за это заплатите!

Джейми уже двинулся было к графу, но его опередил Джаред. Крепко ухватив Джейми за рукав, он одновременно подтолкнул меня к двери и пробормотал что-то неразборчивое капитану, который в ответ лишь мрачно покачал головой.

— Вот педераст несчастный! Тьфу! — воскликнул Джаред уже на улице, удрученно качая головой. На причале было прохладно, дул сильный ветер, он раскачивал стоявшие на якоре корабли, но Джаред отер пот с лица огромным красным носовым платком, выдернутым из кармана пальто. — Идемте, ребятки, найдем таверну. Мне просто необходимо выпить.

Благополучно добравшись до одной из портовых таверн, Джаред поднялся на второй этаж, подошел к столу, где стоял кувшин вина, плюхнулся на стул и, тяжело отдуваясь, начал обмахиваться платком.

— Боже, ну и везуха! — Он плеснул вина в глиняную чашку, сполоснул ее, выплеснул, налил снова. Перехватив мой удивленный взгляд, усмехнулся и протянул мне кувшин. — Тут вино, девочка, — объяснил он, — жидкость, которую мы пьем, чтобы смыть грязь и пыль. Быстро глотай, прежде чем распробуешь, а уж оно свою работу сделает. — И, последовав собственному совету, поспешно осушил чашку и снова потянулся за кувшином. Я начинала понимать, что произошло с Джейми накануне.

— Так удача или нет? — с любопытством спросила я Джареда. Я ожидала ответа «нет», но радостно-приподнятое состояние духа, в котором пребывал маленький торговец, нельзя было объяснить лишь воздействием красного вина, кстати, сильно напоминавшего по вкусу кислоту для

автомобильного аккумулятора. Я отставила чашку в надежде, что оно еще не успело окончательно разрушить зубную эмаль.

— Для меня удача, для Сент-Жермена — нет, — лаконично ответил он. Поднялся со стула и выглянул в окно. — Прекрасно, — заметил он после паузы. — К вечеру они выгрузят вино с корабля целым и невредимым.

Джейми, откинувшись на спинку стула, наблюдал за кузеном с легкой улыбкой на губах.

— Правильно ли я понял, кузен, что на корабле графа Сент-Жермена тоже было вино?

В ответ Джаред расплылся в улыбке до ушей, обнажив в нижней челюсти два золотых зуба, что делало его еще больше похожим на пирата.

— Самый выдержанный, самый лучший портвейн из Пиньяо, — радостно подтвердил он. — Стоил ему целое состояние. Здесь половина урожая с виноградников в Но-валье, в этом году больше уже не будет.

— А вторая половина, как я понимаю, разгружается на склад нашего родственника? — Теперь я догадалась об истинной причине его восторга.

— Правильно, девочка, умница моя! Правильно! — Джаред испустил сдвленный смешок. — А знаешь ли ты, по какой теперь цене оно пойдет в Париже? — спросил он, подавшись вперед, и со стуком поставил чашку на стол. — Учитывая, что поставки ограничены и я в некотором роде монополист? Господи, да я одним махом получил годовой доход!

Я поднялась и тоже выглянула из окна. «Арианна» стояла на якоре, вода сильно поднялась, из-за ограждения на верхней палубе, осторожно, бутылку за бутылкой, вынимали вино и перегружали на тележки, в которых оно должно было начать свое путешествие на склад.

— Что ж, подобное состояние дел вполне можно назвать удачей, — несколько неуверенно заметила я. — Так вы говорите, вторая половина урожая поступила оттуда же, откуда и груз Сент-Жермена?

— Ну да. — Джаред стал рядом со мной, наблюдая за процессией грузчиков внизу. — В Новале производится лучший в Испании и Португалии портвейн. Я бы с удовольствием закупил всю партию, да денег не хватило. А что?

— Да то, что если эти два корабля пришли из одного места, есть шанс, что кто-то из вашей команды тоже подхватил оспу, — сказала я.

При мысли об этом краска отхлынула у Джареда от лица, и он снова потянулся к кувшину, взбодриться.

— Господи, что за идея!.. — пробормотал он и опустил чашку на стол. — Хотя уверен, у нас все в порядке! — добавил он, словно успокаивая сам себя. — Половину портвейна уже выгрузили. Все же,

пожалуй, стоит переговорить с капитаном... — Он нахмурился. — Заставлю его рассчитаться с матросами, как только разгрузка будет закончена. И если кто-то из них выглядит скверно, пусть берет свои денежки и проваливает на все четыре стороны! — С этими словами он развернулся и бросился вон из комнаты. У двери задержался, чтобы сказать нам: — А вы пока закажите ужин! — И он сбежал вниз по лестнице, топая, словно целое стадо слонов.

Я взглянула на Джейми — он сидел, растерянно уставившись в чашку с вином.

— Он не смеет этого делать! — воскликнула я. — Если на борту оспа, один человек, отпущенный с корабля, может перезаразить весь город!

Джейми медленно кивнул.

— Тогда остается лишь уповать на то, что у них никто не заболел, — тихо заметил он.

Я неуверенно направилась к двери.

— Но... разве мы не должны что-то предпринять? Я могу пойти и осмотреть его людей. Потом надо объяснить, как поступить с телами тех, умерших на складе.

— Саксоночка... — Низкий голос звучал мягко, но в нем отчетливо угадывалось предостережение.

— Что? — Я обернулась и увидела, как он, весь подавшись вперед и подняв глаза над чашкой, изучающе смотрел на меня. Так он смотрел и молчал, наверное, с минуту, потом заговорил:

— Как ты считаешь, Саксоночка, задача, которую мы себе поставили, важна или нет?

Рука моя соскользнула с дверной ручки.

— Остановить Стюартов? Не дать им поднять восстание в Шотландии? Да, конечно. Но почему ты спрашиваешь?

Он кивнул, нетерпеливый, словно учитель, втолковывающий что-то непонятливому ученику.

— Вот именно. А потому, раз ты так считаешь, садись, пей вино и жди, пока не вернется Джаред. А если не послушаешься, — он сделал паузу и с силой выдохнул воздух, отчего надо лбом его взлетела волна красноватых волос, — если заупрямишься, тогда ступай в гавань, где полно моряков и торговцев, твердо убежденных, что женщина на корабле и возле него приносит несчастье, и которые уже распустили слухи, что именно ты наслала проклятие на корабль Сент-Жермена. Ступай и скажи им, что они должны делать. Если повезет, они побоятся изнасиловать тебя прежде, чем перерезать горло и швырнуть твоё тело в воду, а потом точно таким же

образом расправятся и со мной. Если только прежде сам Сент-Жермен тебя не удушит. Ты заметила, как он смотрел на тебя?

Я вернулась к столу и села. Колени слегка дрожали.

— Заметила... — пробормотала я. — Но не может же он... не смеет...

Джейми приподнял брови и придвинул ко мне чашку с вином.

— Очень даже смеет и именно так и поступит при любом удобном случае. Господи, Саксоночка, неужели непонятно, что этот человек лишился по твоей милости целого состояния? А он не из тех, кто воспринимает подобную потерю с философским спокойствием. Разве не ты во всеуслышанье заявила начальнику порта, что это оспа, при свидетелях? И если бы не это твое заявление, он вполне мог бы уладить дело с помощью взятки. И почему, как ты думаешь, Джаред столь поспешно увел нас сюда попробовать и оценить это вино?

Губы мои жгло, словно я хлебнула купороса.

— Так ты хочешь сказать... мы в опасности?

Он кивнул.

— Ну вот, наконец-то дошло, — добродушно заметил он. — Не думаю, что Джаред сознательно хотел напугать тебя. Наверняка он старается сейчас организовать для нас какую-то охрану, а заодно проверить и свою команду. Уверен, что сам он в безопасности, его все знают, а рядом — команда и грузчики.

Я растерла плечи — кожа покрылась мурашками. В камине весело пылал огонь, и в комнате было тепло и дымно, но меня пробирала дрожь.

— Откуда ты знаешь, что граф Сент-Жермен способен на такое? — Я не то чтобы не верила Джейми, прекрасно помня налитый злобой взгляд черных глаз, устремленный на меня, просто хотелось понять, насколько он хорошо знает этого человека.

Джейми отпил маленький глоток вина, скривился и отставил чашку.

— Ну, с одной стороны, у него довольно скверная репутация, а с другой... Я кое-что слышал о графе и раньше, когда жил в Париже, хотя, к счастью, никогда не сталкивался с ним. Кроме того, не далее как вчера Джаред предупреждал меня о нем. Граф — главный конкурент Джареда по бизнесу в Париже.

Опершись локтями на стол, я уткнулась подбородком в скрещенные руки.

— Да, натворила я тут дел... Напортила, наверное, и тебе. — Голос мой звучал печально.

Он улыбнулся, потом встал, подошел ко мне сзади, наклонился и обнял. И мне, наконец разволновавшейся от этих откровений, сразу стало

спокойнее. А он поцеловал меня в макушку.

— Не тревожься, Саксоночка, — сказал он. — О себе я всегда могу позаботиться. И о тебе тоже, если, конечно, позволишь... — Голос звучал вопросительно, и я кивнула. А потом закинула голову и прижалась к его груди.

— Позволю, — ответила я. — И пусть теперь судьба оберегает жителей Гавра от оспы...

Джаред вернулся примерно через час. Уши его покраснелись от холода, но воротник был распахнут, словно он задышался от жары. Увидев его, я обрадовалась.

— Все в порядке! — объявил он, сияя улыбкой. — Ничего, кроме цинги, простуды и самого заурядного расстройства желудка, на борту обнаружить не удалось. — Он, потирая руки, оглядел комнату. — А где же ужин?

С покрасневшими от ветра щеками он выглядел бодрым и довольным собой. Очевидно, схватки с конкурента-Ми, готовыми перерезать сопернику глотку, лишь раззадоривали его. А почему бы нет, цинично подумала я. В конце концов, он ведь шотландец.

Словно в подтверждение этой моей мысли Джаред заказал ужин и отличное вино к нему, за которым пришлось послать человека на собственный склад; затем, плотно перекусив, пустился объяснять Джейми тонкости своего ремесла, посвящая в нюансы общения с французскими дельцами.

— Бандиты, — охарактеризовал он их, — все до одного! Не успеешь оглянуться, а он уже вонзил нож тебе в спину. Грязные воры! Не верь им ни на йоту! Половина суммы авансом, вторая — по доставке товара. И никаких кредитов для знати!

Несмотря на уверения Джареда, что внизу он оставил на страже двух верных людей, я все же немного нервничала и после ужина под села к окну, откуда было видно, что происходит на пирсе. Не думаю, что от моих наблюдений было много пользы — каждый второй проходивший мимо человек казался мне убийцей.

Над морем собирались облака — похоже, ночью опять пойдет снег. Спущенные паруса трещали на ветру, шум, производимый при этом, почти заглушал громкие голоса грузчиков. На несколько секунд гавань озарилась призрачным зеленоватым светом, словно под давлением облаков солнце погрузилось в воду.

Стемнело, и суета на пирсе начала утихать, грузчики с тележками разошлись по улицам, моряки скрывались за освещенными дверьми

заведений, подобных тому, в каком находились мы. Однако нельзя было сказать, чтоб пристань опустела полностью — у несчастной «Патагонии» все еще толпилась кучка людей. Мужчины в униформе образовали нечто вроде кордона у подножия трапа — несомненно для того, чтоб никто не мог проникнуть на корабль, а также сойти с него. Джаред объяснил, что здоровым членам команды разрешат сойти на берег, однако не позволят при этом брать с собой какие-либо вещи, кроме, разумеется, одежды, которая была на них.

— Это еще по-божески, не то что у голландцев, — заметил он, почесывая выступившую на подбородке густую черную щетину. — Там, если корабль приходит из зараженного оспой места, эти проклятые голландцы заставляют бедняг моряков плыть к берегу нагишом.

— А что же они надевают, добравшись до берега? — с любопытством спросила я.

— Не знаю, — рассеянно ответил Джаред. — Но поскольку, едва ступив на сушу, они тут же умудряются найти бордель, не думаю, чтоб это было для них проблемой. Вы уж извините, дорогая, — торопливо добавил он, вспомнив, что беседует с дамой.

Впрочем, он быстро преодолел смущение, поднялся, подошел ко мне и тоже выглянул из окна.

— Ага! Они уже собираются поджечь корабль. Зная, что в нем находится, им лучше отвести «Патагонию» подальше от порта.

К обреченной «Патагонии» привязали канаты, наготове выстроился целый ряд весельных шлюпок с гребцами, ожидавшими команды. Ее отдал начальник порта, чьи золотые нашивки были едва различимы в сгустившихся сумерках. Он прокричал что-то и начал медленно размахивать руками, поднятыми над головой, точно семафор.

На его команду откликнулись капитаны гребных шлюпок и галер. И вот канаты неспешно поднялись и натянулись, струи воды стекали с пеньки, шум их был отчетливо слышен во внезапно наступившей на берегу тишине. Крики гребцов были единственным звуком, нарушавшим эту тишину. Темный корпус обреченного судна скрипнул, дрогнул и развернулся по ветру, ванты стонали. И «Патагония» отправилась в свой последний недолгий путь.

Они остановили ее в середине гавани, на безопасном расстоянии от других кораблей. Палубы залили маслом, канаты перерезали, шлюпки отошли, с банки небольшого ялика поднялась плотная приземистая фигурка начальника порта. Он наклонился, что-то сказал одному из сидящих, затем выпрямился, и в руке у него оказался пылающий факел.

Гребец, сидевший за его спиной, отпрянул — чиновник широко размахнулся и метнул факел. Тяжелая палка с намотанными на одном конце тряпками, пропитанными маслом, кувыркаясь взлетела в воздух, огонь засветился голубоватым оттенком, и вот она исчезла за поручнями. Начальник порта не собирался дожидаться, пока его действия возымеют эффект. Он тут же сел, отчаянно жестикулируя гребцам, те налегли на весла, и маленькая лодчонка стала ходко удаляться от корабля.

Довольно долго «Патагония» безмолвно стояла окутанная тьмой. Но толпа на берегу замерла в ожидании, оттуда доносился приглушенный ропот. В темном стекле у меня над головой плыло бледное отражение лица Джейми. Стекло было холодным и быстро запотело от нашего дыхания, я протерла его краем рукава.

— Вот оно... — тихо произнес Джейми. За поручнями вспыхнул огонь, он пробежал по палубе, оставляя за собой узенькую голубоватую дорожку. Затем более сильная вспышка — и к небу взметнулись высокие оранжево-красные языки. Они танцевали по пропитанным маслом доскам, вот занялся и, с треском рассыпая искры, сгорел один парус.

Менее чем за минуту мачты окутались клубами дыма, верхний грот-брамсель вдруг развернулся и превратился в охваченное огнем, летящее по ветру полотнище. Огонь распространялся так быстро, что невозможно было уследить, — казалось, все вспыхнуло разом.

— Сейчас! — воскликнул Джаред. — Давайте вниз, быстро! Самый удобный момент сматываться, зеваки слишком поглощены зрелищем. Нас никто не заметит.

Он оказался прав. Не успели мы осторожно выбраться из таверны, как по обе стороны от дверей материализовались две фигуры — матросы Джареда, вооруженные пистолями и кинжалами. Но никто кроме них не заметил нас. Внимание всех было приковано к гавани, где в отдалении зиял чернотой на фоне бушующего пламени остров «Патагонии». Последовала целая серия хлопков, они звучали так громко, что напомнили мне стрельбу из автомата, а затем прогремел чудовищной силы взрыв и к облакам взметнулся фонтан искр и обломков горящего дерева.

— Идем. — Джейми крепко взял меня за руку, и я не сопротивлялась. Следуя за Джаредом в сопровождении матросов, мы торопливо покинули порт, словно поджог этот был делом наших рук.

Глава 7

АУДИЕНЦИЯ У КОРОЛЯ

Парижский особняк Джареда располагался на Рю Тремолин. Это был район, где жили богачи: на улицу, напирая друг на друга, смотрели фасады трех-, четырех-, а то и пятиэтажных зданий. Там и сям один какой-нибудь особенно роскошный дом стоял особняком, в собственном парке. Однако по большей части любой достаточно ловкий вор-домушник мог без особого труда перепрыгнуть с крыши на крышу.

— М-м-м... — Это был единственный комментарий Муртага в ответ на предложение переехать в дом Джареда. — Уж как-нибудь сам подберу себе жилье.

— Не нравится ночевать в приличном помещении — можешь поселиться на конюшне, — заметил Джейми и усмехнулся, глядя сверху вниз на своего сурового низкорослого крестного. — А лакей будет приносить тебе туда кашу на серебряном подносе.

Внутренняя обстановка отличалась комфортом и элегантностью, но, как мне вскоре предстояло убедиться, казалось спартанской в сравнении с другими домами знати и богатых буржуа. Возможно, отчасти это объяснялось отсутствием в доме хозяйки: Джаред никогда не был женат и, похоже, нисколько не страдал от отсутствия супруги.

— Ну, разумеется, у него есть любовница, — заметил Джейми, когда я пустилась в рассуждения о личной жизни его кузена.

— Ну да, наверное, — пробормотала я в ответ.

— Но она замужем. Как-то Джаред говорил мне, что деловой человек не должен связываться с незамужними женщинами, слишком уж много расходов и времени они требуют. А стоит на такой жениться — и она наверняка запустит лапку в твои денежки, и ты окончишь дни свои бедняком.

— Замечательное представление о женах, — язвительно заметила я. — Что же, интересно, тогда он думает о твоём браке?

Джейми расхохотался.

— Ну, начнем с того, что денег у меня вообще нет, так что и разорение не грозит. К тому же он считает тебя очень привлекательной, хотя и твердит, что я обязательно должен купить тебе новое платье.

Я расправила на коленях яблочно-зеленую бархатную юбку, уже изрядно истрепавшуюся.

— Думаю, да, — согласилась я. — Иначе придется выходить к гостям, завернувшись в простыню, это платье уже тесно в талии.

— И в других местах тоже, — сказал он с улыбкой, окинув меня взглядом. — Что, вернулся аппетит, а, Саксоночка?

— Глупенький, — холодно парировала я. — Тебе прекрасно известно, что Аннабель Макрэннох, например, фигурой и размерами в точности напоминает ручку от лопаты, в то время как я — нет.

— Да, ты нет... — согласился он, окидывая меня одобрительным взглядом. — И слава Богу. — И он фамильярно похлопал меня по задку. — Сегодня утром встречаюсь с Джаредом, на складе. Должны посмотреть с ним гроссбухи, потом он хочет представить меня некоторым своим клиентам. Ты не будешь скучать, а?

— Конечно нет, — ответила я. — Осмотрю дом, познакомлюсь со слугами. — Вчера вечером, сразу по прибытии, я видела всех слуг разом, но потом, поскольку мы обедали у себя в комнате, уже ни одного, кроме лакея, подававшего к столу, и горничной, которая пришла рано утром поднять шторы и разжечь огонь в камине, а также вынести ночной горшок. Меня немного страшила мысль о том, что предстоит командовать целым штатом прислуги, но затем я успокоила себя, решив, что ничего страшного тут нет — ведь в больнице я довольно успешно отдавала распоряжения медсестрам и няням, а еще раньше, в 1943 году, во Франции сама служила медсестрой.

После ухода Джейми я решила привести себя в порядок насколько это возможно, имея под рукой лишь расческу и воду — единственные доступные здесь предметы гигиены. И потом, если Джаред действительно хочет, чтобы я давала званые обеды, следует всерьез задуматься о новом платье.

В боковом кармашке моей аптечки лежали высушенные веточки ивы, с помощью которых я чистила зубы. Я достала одну и принялась за дело, размышляя о превратностях судьбы, которая завела нас сюда.

Путь назад, в Шотландию, был нам заказан, а потому предстояло искать себе новое прибежище или в Европе, или же иммигрировав в Америку. Зная об отношении Джейми к морским путешествиям, я ничуть не удивлялась, что он с самого начала решил остановиться на Франции.

Фрэзеры всегда имели самые тесные связи с Францией; многие из них, подобно аббату Александру и Джареду, обосновались здесь, и редко кто ездил или возвращался затем на родину. Кроме того, как сказал мне Джейми, среди них было много якобитов, тех, кто последовал за своим королем в ссылку — все они жили теперь во Франции или Италии в

ожидании его возвращения на престол.

— Об этом только и говорят, — сказал он мне, — но по большей части дома, а не в тавернах. Вот почему до сих пор нет никакого результата. Если бы такие разговоры начались в тавернах, это означало бы, что дело приняло серьезный оборот.

— Скажи, — спросила я Джейми, глядя, как он отряхивает пыль с одежды, — все шотландцы прирожденные политики или только ты?

Он рассмеялся, но тут же посерьезнел и, раскрыв дверцы огромного гардероба, повесил туда свой камзол. Он выглядел таким поношенным и жалким в этом пустом, просторном, пахнущем кедром пространстве.

— Вот что я скажу тебе, Саксоночка. Пока не знаю. Но принадлежность к таким двум кланам, как Фрэзеры и Макензи, не позволяет особенно выбирать. И потом, год жизни во Франции и два года службы в армии научили меня, что между тем, что сказано вслух, и тем, что имеется в виду, — две большие разницы. В наши времена я не один такой, в Шотландии нет ни одного помещика или батрака, который остался бы в стороне от этих событий.

— Событий? А что, собственно, должно случиться? — спросила я. Что случится, если все наши усилия не принесут плодов и грянет вооруженное восстание, предпринятое с целью восстановить монархию Стюартов, восстание, возглавляемое принцем Карлом Эдуардом Казимиром Мария Сильвестром Стюартом, сыном ссыльного короля?.. — Красивый Принц Чарли... — тихо произнесла я, глядя на свое отражение в высоком трюмо. Он здесь, в этом городе, возможно, совсем недалеко отсюда... Интересно, как он выглядит? Я имела представление о его внешности лишь по известному старинному портрету, на котором был изображен красивый, немного женственный юноша лет шестнадцати или около того, с нежным розовым ртом и напудренными, согласно тогдашней моде, волосами. Видела я и другие картины, уже вымышленные, а не с натуры, где мужественного вида молодой человек выходил из лодки на берег Шотландии, воинственно размахивая широкой шпагой.

На берег Шотландии, которую он разрушит и погубит в попытке восстановить свою власть и власть своего отца. Обреченный на поражение, он сумел набрать достаточно сторонников, чтобы расколоть страну и пройти вместе с ними через гражданские войны к бесславному кровавому концу в битве при Каллодене. Оттуда он побежит искать спасения во Франции, а враг его обрушит, возмездие на головы тех, кого он оставил на родине.

Именно для того, чтоб предотвратить эту беду, мы и пришли сюда. В

доме Джареда нас окружал такой комфорт и покой, что грядущие несчастья казались невероятными. Как же предотвратить восстание? Ну, раз его подогревают разговоры в тавернах, можно попробовать начать со званых обедов. Я пожала плечами и улыбнулась своему отражению в зеркале, потом сдула упавший на лицо локон и пошла вниз, морочить голову кухарке.

Прислуга, вначале воспринявшая меня с испуганной настороженностью, вскоре сообразила, что я вовсе не собираюсь вмешиваться в их работу, расслабилась и пустилась исполнять свои обязанности со сдержанным усердием. При первом знакомстве, когда все слуги стояли в холле, выстроившись в ряд, мне показалось, что их дюжина. На деле их оказалось шестнадцать, в том числе лакей, мальчик-конюшенный и еще один мальчик, исполнявший на кухне обязанности резальщика — в первый момент в общей суете я их вовсе не заметила. Я еще лучше поняла секрет процветания Джареда, когда узнала, насколько мало платит он своим слугам; так, например, лакей получал в год пару новых башмаков и два ливра; горничные и посудомойки — и того меньше. Чуть больше платили таким важным персонам, как мадам Вионе, кухарке и дворецкому Магнусу.

Изучая организацию домашнего хозяйства, я по крохам собирала информацию, пользуясь в основном сплетнями горничных. Джейми каждый день уходил с Джаредом встречаться с клиентами и прочими нужными людьми, готовя себя к службе его величеству и обзаводясь разными полезными связями, которые могли пригодиться принцу. Именно среди приглашенных в дом гостей рассчитывали мы найти союзников.

— Сент-Жермен? — переспросила я, услышав в болтовне Маргериты, полирующей паркет, знакомое имя. — Граф Сент-Жермен?

— Да, мадам. — Это была низенькая толстушка со странно плоским лицом и выпуклыми глазами, что делало ее похожей на рыбу тюрбо, однако несколько не мешало быть приветливой и услужливой. Она сложила губки в маленький кружок, явно приготовившись выдать какую-то скандальную информацию. Я, насколько это возможно, приободрила ее взглядом.

— У этого графа, мадам, очень скверная репутация, — многозначительно произнесла она.

Поскольку точно так же, если верить Маргерите, можно было охарактеризовать и всех остальных гостей, приходивших к нам на обеды, я приподняла бровь и приготовилась выслушать подробности.

— Он продал душу дьяволу, — заявила она, понизив голос, и обвела комнату настороженным взглядом, словно этот джентльмен мог

неожиданно выпрыгнуть вдруг откуда-нибудь, скажем, из камина. — Он посещает черные мессы, где разные подлецы и развратники пьют кровь и едят плоть невинных младенцев.

Да, чудный персонаж выбрала ты себе в качестве противника, подумала я.

— Да это каждый знает, мадам! — уверила меня Маргерита. — Но на женщин это не влияет, они все от него без ума. Куда бы он ни шел, они так и падают перед ним! Наверное, потому, что очень уж он богат... — Очевидно, это достоинство, по разумению Маргериты, вполне перевешивало даже факт поедания плоти и питья крови невинных младенцев.

— Как интересно! — заметила я. — Мне всегда казалось, что месье граф — конкурент вашему Джареду, ведь он тоже импортирует вина, разве нет? Почему же тогда месье Джаред приглашает его в дом?

Маргерита подняла глаза от паркета и рассмеялась:

— Почему, мадам? Да потому, что месье Джаред может подать за обедом лучшее вино и сказать месье графу, что только что приобрел десять бочек такого, а потом, после обеда, вручить ему бутылочку, с собой.

— Понимаю, — ответила я и усмехнулась. — А месье Джареда тоже приглашают на обеды к графу?

Она кивнула, белый фартук снова навис над бутылкой с мастикой и тряпкой.

— О да, мадам! Но не слишком часто.

К счастью, на сегодняшний вечер граф Сент-Жермен приглашения не получил. Мы обедали в тесном семейном кругу, и Джаред посвящал Джейми в последние детали и дела перед отъездом. Из них важнейшим был прием, который король давал в Версале.

Приглашение в Версаль, по словам Джареда, расценивалось как знак благоволения со стороны власть имущих.

— Это не к тебе относится, дружок, — добродушно заметил он, ткнув в сторону Джейми вилкой. — Ко мне. Король хочет убедиться, что я вернусь из Германии. А если не он, так Дюверни, министр финансов, уж точно. Последнее повышение налогов крепко ударило по купцам, и многие из них, иностранцы, уехали. Надеюсь, понимаешь, как это отразилось на королевской казне. — При мысли о налогах он скроил гримасу и бросил хмурый взгляд на надетого на вилку крошечного угря. — Собираюсь отправиться в понедельник. Жду только сообщения о благополучном прибытии в Калас «Вильгельмины», и тут же в путь. — Джаред откусил еще кусочек угря и кивнул Джейми. — Оставляю дело в надежных руках,

парень, тут мне беспокоиться не о чем. Хотя есть еще кое-какие детали, которые следовало бы обсудить. Есть договоренность с графом Маришалем вместе сходить на Монмартр через пару дней. Тебе следует засвидетельствовать свое почтение его высочеству принцу Карлу.

Сердце у меня взволнованно екнуло, и мы с Джейми обменялись быстрыми взглядами. Он кивнул Джареду с таким видом, словно в предложении кузена не было ничего особенного, однако я заметила, как яростно сверкнули при этом его глаза. Итак, началось...

— Его высочество ведет здесь очень уединенный образ жизни, — говорил Джаред, подцепляя на вилку последнего скользкого от масла угря. — Он не может позволить себе появляться в обществе до тех пор, пока король не примет его официально. А потому редко выходит из дому и видится с крайне ограниченным кругом людей, за исключением, разумеется, сторонников отца, которые приходят засвидетельствовать свое почтение.

— А я слышала совсем обратное, — решила вмешаться я.

— Вот как? — На меня удивленно уставились две пары глаз, а Джаред даже отложил вилку, предоставив последнего угря самому себе.

Джейми приподнял бровь.

— Что же ты слышала, Саксоночка, и от кого?

— От слуг, — ответила я и занялась своим угрем. Увидев, как помрачнел Джаред, я вдруг впервые поняла, что сплетничать с горничными — занятие для дамы не слишком достойное. Ну и черт с ним, с некоторой долей злорадства подумала я. А что еще остается делать? — Горничная сказала, что его высочество принц Карл часто посещает принцессу Луизу де ла Тур де Рохан, — сказала я, подцепив угря на вилку, и стала медленно жевать. Изумительно изысканное блюдо, однако я всегда относилась к угрям с некоторым недоверием, они казались мне живыми. Разжевала, проглотила... Нет, вроде бы ничего, все в порядке. — В отсутствие ее мужа, разумеется, — добавила я.

Джейми, похоже, позабавила эта сплетня, Джаред же смотрел на меня с ужасом.

— Принцессу? — переспросил он. — Мари Луизу Генриетту Жанну де ла Тур д'Оверн? Но семья ее мужа — приближенные короля. — Он задумчиво провел ладонью по губам, отчего на ней остался жирный след. — Это очень опасно... — пробормотал он, словно разговаривая сам с собой. — Интересно, этот ничтожный дурак... Но нет, он все же не настолько глуп... Должно быть, это просто по неопытности, он не так часто бывает в обществе, и потом, в Риме все по-другому. И все же... — Он

замолк и вопросительно взглянул на Джейми. — Вот тебе первое задание, друг мой. Ты почти одного возраста с его высочеством, но у тебя есть опыт жизни в Париже и, смею польстить себе, моя выучка тоже не прошла даром. — Он бегло улыбнулся Джейми. — Ты можешь подружиться с его высочеством, помочь ему наладить отношения с полезными людьми. Большинство из них тебе уже знакомы. А также объяснить его высочеству, как можно тактичнее, что ухаживание за этой дамой может нанести огромный вред и помешать осуществлению целей его отца.

Джейми рассеянно кивнул, мысли его были где-то далеко.

— А как наша горничная узнала о похождениях его высочества, Саксоночка? — спросил он. — Она ведь выходит из дому не чаще чем раз в неделю, и то только в церковь, верно?

Я покачала головой и поспешно проглотила очередной кусок, прежде чем ответить:

— Насколько я поняла, посудомойке рассказал это поваренок с кухни, который, в свою очередь, слышал это от конюшенного, а тот — от лакея соседей. Не знаю, сколько еще людей посвящено в эту тайну, но семья де ла Тур живет всего в трех домах от нас. Полагаю, что и принцесса о нас все знает, — весело добавила я. — По крайней мере, если любит судачить со своими посудомойками.

— Дамы не вступают в беседу с посудомойками, — холодно заметил Джаред. И многозначительно сузил глаза, давая Джейми понять, что тот должен призвать свою жену к порядку. Я заметила, как дрогнул уголок губ у Джейми, но он лишь отпил еще глоток мантра и, сменив тему, начал обсуждать последнюю сделку Джареда — поставку рома кораблем с Ямайки.

Когда Джаред позвонил, чтобы убрали посуду и принесли бренди, я извинилась и встала из-за стола. Джаред имел привычку курить за бренди длинные черные сигары с обрезанными концами, и у меня возникло подозрение, что как бы тщательно ни пережевывала я угрей, они непременно попросятся обратно, стоит мне вдохнуть вонючий густой дым.

Лежа в постели, я, без особого, впрочем, успеха, старалась выбросить из головы угрей. Закрыла глаза и стала думать о Ямайке — о чудесных белых пляжах, залитых тропическим солнцем. Но мысли о Ямайке навели на мысль о «Вильгельмине», потом — о кораблях и море, и перед глазами снова неотвратимо возникли огромные угри, они корчились и извивались в зеленых водорослях. А потому я с облегчением приветствовала появление в спальне Джейми и даже радостно привстала в постели.

— Фу! — Он облокотился спиной о запертую дверь, обмахиваясь

кружевным концом своего жабо. — Чувствую себя копченой сосиской. Я очень люблю Джареда, но тем не менее буду счастлив, когда он увезет свои вонючие сигары в Германию.

— Раз от тебя пахнет сигарой, ко мне не подходи, — сказала я. — Угри не выносят дыма.

— Можно ли винить их в этом! — Он снял сюртук и расстегнул рубашку. — А знаешь, у меня появилась идея, — признался он, косясь на дверь и стаскивая рубашку. — А на мысль натолкнули пчелы.

— Пчелы?!

— Знаешь, как переносят ульи с пчелами? — спросил он, распахивая окно и вешая рубашку на крючок возле него. — Берешь трубку самого что ни на есть крепкого табака, втыкаешь ее в улей и вдуваешь туда дым. Пчелы так и валятся, одурманенные, и ты можешь переносить их куда угодно. Думаю, примерно то же делает со своими клиентами Джаред: одурманивает их дымом, и они не глядя подписывают заказы на втрое большие поставки вина, чем собирались прежде, не успев очухаться.

Я хихикнула, а он усмехнулся в ответ и приложил палец к губам — в коридоре послышались шаги Джареда, он шел к себе в спальню.

Когда опасность миновала, Джейми подошел и растянулся рядом со мной, в одном килте и чулках.

— Не слишком воняет? — спросил он. — А то могу пойти спать в гардеробную. Или высунуть голову в окно, чтоб выветрился запах.

Я принялась — рыжеватые пряди слабо пахли табаком. Отблеск свечи придавал им золотистый оттенок, и я начала теревить его шевелюру пальцами, ощущая их нежность и шелковистость и твердость кости черепа.

— Да нет, не так уж и страшно, не волнуйся. Тебя не тревожит, что Джаред скоро уедет?

Он поцеловал меня в лоб и уперся головой в валик под подушкой, потом улыбнулся:

— Нет. Я перезнакомился со всеми главными его клиентами и с капитанами, знаю всех складских рабочих и портовых чиновников. У меня есть перечень цен, а список инвентаря я затвердил назубок. Пора перейти к практике. Джареду уже нечему меня учить.

— А принц Карл?

Он полузакрыв глаза и тихонько хмыкнул.

— О да. Но тут следует скорее полагаться на милость Божью, а не на Джареда. Потом мне кажется, будет лучше, если Джаред уедет и не увидит, какие шаги мы предпринимаем.

— А какие шаги? — спросила я. — У тебя уже есть какая-нибудь идея,

Джейми?

Я ощущала на лице его теплое дыхание, пахнущее бренди, и, приподняв голову, поцеловала его. Мягкие губы раскрылись под моими, и целую минуту, прежде чем ответить, он наслаждался этим поцелуем.

— О, есть, — со вздохом ответил он и откинул голову. — Не знаю, к чему они приведут, но идеи имеются.

— Расскажи.

— М-м-м... — Он устроился поудобнее, лег на спину и, обняв меня одной рукой, заставил положить голову ему на плечо. — Ну, — начал он, — насколько я понимаю, это прежде всего вопрос денег, Саксоночка.

— Денег? — Самой мне казалось, что это прежде всего вопрос политики, а не денег. — Разве не потому французы хотят восстановления на троне Джеймса, что это нанесет удар Англии? Насколько я понимаю, Людовик хотел, вернее, захочет, — поправила я, — отвлечь внимание короля Георга с помощью Карла Стюарта от того, что он, Людовик, намерен совершить в Брюсселе?

— Это верно, — ответил Джейми, — но для возвращения на престол короля требуются деньги. А их у Людовика не так много, чтоб одновременно вести войну с Брюсселем и финансировать вторжение в Англию. Слышала, что говорил о королевской казне и налогах Джаред?

— Да, но...

— Нет, тут все зависит не от Людовика, — заметил он поучительным тоном. — Хотя, конечно, и он может сказать свое слово. Существуют и другие источники денег, к которым хотят подобраться Джеймс и Карл. Это французские банкиры, Ватикан и испанский королевский двор.

— Тогда, наверное, Джеймс обхаживает Ватикан и испанцев, а Карл — французских банкиров? Ты как считаешь?

Он кивнул, не сводя глаз с резных панелей потолка. Сделанные из орехового дерева, они в свете свечей отливали мягким светло-коричневым блеском, а по углам их украшали более темные по цвету розетки и ленты, тоже из дерева.

— Да. Дядя Алекс показывал мне письма от его величества короля Джеймса. Судя по ним, он больше всего рассчитывает на испанцев. Папа был вынужден поддерживать Джеймса, поскольку тот католик, Папа Клемент вообще поддерживал его много лет, и теперь, после его смерти, это продолжает Папа Бенедикт, но уже на более скромном уровне. А Филипп Испанский и Людовик приходятся Джеймсу кузенами; это их долг — помогать Бурбону. — Он искоса взглянул на меня и слегка улыбнулся. — Однако жизненный опыт подсказывает мне, Саксоночка, что, когда речь

заходит о деньгах, зов крови ослабевает.

Приподняв по очереди ноги, он одной рукой стащил чулки и швырнул их на стул, рядом с постелью.

— Джеймс получил деньги от испанцев тридцать лет назад, — заметил он, — а также небольшой флот и людей. И результат — восстание в тысяча семьсот пятнадцатом. Но ему не повезло, войска потерпели поражение при Шерифсмуире еще до того, как сам Джеймс прибыл туда. А потому, думаю, испанцы не слишком стремятся финансировать вторую попытку реставрации Стюартов, во всяком случае, пока не убедятся, что она будет успешной.

— Поэтому Карл и прибыл в Париж обрабатывать Людовика и банкиров, — заключила я. — И, насколько мне известно из истории, он в этом преуспеет. Что же тогда остается делать нам?

Джейми отпустил мое плечо, потянулся. Матрац прогнулся под его весом.

— Мне остается лишь торговать вином, Саксоночка, — зевнув, сказал он. — А тебе — сплетничать с горничными. И если удастся выдуть много дыма, пчелы будут одурманены.

Накануне отъезда Джаред отвез Джейми в небольшой особняк на Монмартре, где в ожидании, предпримет или не предпримет Людовик какие-либо действия в поддержку притязаний своего бедствующего кузена на трон, томился его высочество принц Карл Эдуард Казимир и так далее.

Я проводила их, одетых в лучшие платья, а в ожидании возвращения пыталась вообразить, как прошла встреча.

— Ну как? — спросила я Джейми, как только мы оказались наедине. — Каков он из себя?

Джейми задумчиво поскреб в затылке.

— Ну... — пробормотал он, — у него болят зубы...

— Что?

— Так он сказал. И было видно, что бедняга мучается, щека распухла, все лицо перекошено. Уж не знаю, может, он вообще молчун или это из-за зубов, но говорил он очень мало.

Обменявшись положенными приветствиями и представив Джейми, Джаред, граф Маришаль и некий болезненного вида персонаж, которого все называли «Balhaldy», отошли в сторонку и начали обсуждать шотландскую политику, предоставив его высочество и моего мужа самим себе.

— Выпили по чарке вина, — признался Джейми под моим давлением. — Ну, и я спросил его, как ему нравится Париж, а он ответил,

что находит его довольно скучным, потому как не может выезжать на охоту. И тогда мы поговорили об охоте. Он сказал, что предпочитает охотиться с собаками, а не с загонщиками, я сказал, что тоже. Тут он начал рассказывать, сколько фазанов подстрелил, пока был в Италии. И говорил об Италии до тех пор, пока от холодного сквозняка из окна у него вконец не разболелись зубы... Следует заметить, домишко у него неважнецкий, так, маленькая вилла. Тогда мы выпили еще, чтоб снять зубную боль, а я рассказал ему об охоте на оленей в Шотландии, и он сказал, что хотел бы попробовать, и спросил, хорошо ли я стреляю из лука. Ну и я сказал, что да, прилично, и тогда он сказал, что надеется как-нибудь пригласить меня на охоту в Шотландии. Тут вдруг Джаред спохватился, что по дороге домой нам нужно еще заскочить на склад, и тогда его высочество протянул мне руку, я поцеловал ее, и мы расстались.

— Гм... — скептически буркнула я. Хотя разум и подсказывал, что все знаменитости, бывшие или будущие, точно такие же люди, как и остальные, и мало чем отличаются от них в поведении, отчет о визите к Красивому Принцу все же немного разочаровал. Правда, Джейми пригласили заходить еще. Самый важный этап пройден, сказал он. Его представили принцу, теперь лишь остается неусыпно следить за его планами. Интересно, подумала я, неужели король Франции такой же скучный персонаж?..

Чтоб выяснить это, ждать особенно долго не пришлось. Неделью спустя Джейми поднялся еще затемно и начал одеваться, готовясь к долгому путешествию в Версаль, чтобы присутствовать на почетной церемонии утреннего одевания короля.

Людовик имел привычку подниматься рано, в шесть утра. К этому раннему часу в зале перед спальней собирались несколько приближенных с тем, чтобы иметь счастье лицезреть утренний туалет короля. Они присоединялись к целой процессии слуг и придворных, готовых помочь его величеству приветствовать наступление нового дня.

Разбуженный дворецким Магнусом, Джейми сонно выкарабкался из постели и стал одеваться, позевывая и чертыхаясь. Организм мой вел себя в эти часы прилично, и я наслаждалась восхитительным чувством умиротворения, которое нисходит на нашу душу при созерцании ближнего своего, вынужденного делать что-то неприятное, от чего судьба тебя освободила.

— Смотри, держи ухо востро! — сквозь сон пробормотала я. — Чтоб потом все мне рассказал.

Буркнув что-то в знак согласия, он наклонился, поцеловал меня и

вышел со свечой в руке, проверить, как будут седлать его лошадь. Последнее, что я услышала перед тем, как снова погрузиться в сладкую дремоту, был голос Джейми, доносившийся снизу: в ночном прохладном воздухе он звучал удивительно громко и отчетливо. Муж прощался со своим лакеем.

Зная, что до Версаля путь неблизок, а также учитывая возможность — об этом, кстати, предупреждал Джаред, — что мужа могут пригласить на ленч, я не слишком волновелась, видя, что он не вернулся к полудню. Однако меня так и разбирало любопытство, и я с нарастающим нетерпением ждала его приезда. И дождалась как раз к чаю.

— Ну как прошел визит к королю? — спросила я, помогая Джейми снять камзол. На нем были плотные перчатки из свиной кожи, обязательные при дворе, и ему никак не удавалось расстегнуть фигурные серебряные пуговицы, украшающие скользкий бархат.

— Ну, вот, так-то лучше, — сказал он, с облегчением расправляя широкие плечи. Камзол был немного узковат в плечах, и, стягивая его, он извивался точно угорь. — Очень интересно, Саксоночка, — ответил он, — по крайней мере, первый час или около того.

Процессия, состоящая из знати и придворных, вошла в королевскую опочивальню, каждый нес свой церемониальный предмет — полотенце, бритву, чашу для полоскания, королевскую печать и так далее. Придворный, прислуживающий в спальнях покоях, раздвинул тяжелые шторы на окне, затем балдахин над огромной королевской кроватью, и лик короля Людовика предстал любопытному взору восходящего солнца.

Затем короля приподняли и усадили на край кровати, где он сидел какое-то время, зевая и почесывая подбородок, пока слуги накидывали на королевские плечи шелковую мантию, тяжелую от золотого и серебряного шитья, потом, опустившись на колени, стащили с ног толстые чулки, в которых король спал, и вместо них натянули тончайшие шелковые, а затем надели мягкие шлепанцы с оторочкой из кроличьего меха.

Придворные по очереди подходили, падали на колени у ног своего властелина и, почтительно приветствуя его, спрашивали, как его величество изволил почивать.

— Не слишком хорошо, как я понял, — заметил Джейми. — Выглядел так, словно спал всего час или два и видел при этом дурные сны.

Однако, несмотря на покрасневшие заспанные глаза и отвисшие щеки, его величество любезно кивал своим придворным, затем поднялся на ноги и раскланялся с почетными гостями, собравшимися в покоях. Ленивым взмахом руки он подозвал прислуживающего в спальнях покоях, тот

подвел его величество к креслу, в которое король и уселся, и, полуприкрыв глаза, наслаждался суетой вокруг него, а герцог Орлеанский подводил к нему по одному визитеров. Те падали на колени и бормотали слова приветствия. Официальные петиции подавались чуть позже, когда Людовик уже окончательно проснулся и мог выслушать их.

— У самого у меня никаких просьб не было, я пришел лишь засвидетельствовать королю свое почтение, — объяснил Джейми, — а потому просто опустился на колени и сказал: «Доброе утро, ваше величество», а герцог тем временем объяснил королю, кто я такой.

— А король что-нибудь ответил? — спросила я.

Джейми улыбнулся и, заложив руки за голову, потянулся всем телом.

— О да! Открыл один глаз и посмотрел на меня так, словно не верит тому, что видит. По-прежнему одним глазом Людовик с мрачноватым интересом обозрел меня, затем заметил: «Ну и здоровяк же ты, не так ли?» А я ответил: «Да, ваше величество», — продолжал Джейми. — А он вдруг и спрашивает: «Танцевать умеете?» Я сказал, что умею. Тогда он снова закрыл глаза, и герцог сделал мне знак отойти.

По завершении представления гостей придворные и приближенные из знати перешли к церемонии умывания и одевания короля. Пока она продолжалась, посетители через герцога Орлеанского передавали королю свои просьбы, которые тот шептал ему на ухо, а его величество поворачивал голову с боку на бок, подставляя бритве то одну щеку, то другую, потом наклонился, чтоб ему надели парик.

— О! А тебе случайно не выпала честь вытирать его величеству нос? — спросила я.

Джейми усмехнулся и потянулся с такой силой, что затрещали суставы.

— Слава Богу, нет. Я вжался спиной в гардероб, стараясь слиться с мебелью, а все эти виконты и герцоги так опасливо косились на меня, словно боялись подхватить какую-нибудь заразу.

— Хорошо, что ты высокий. И тебе было все видно.

— Ага. Особенно повезло, что увидел, как он облегчается в свой ночной горшок.

— Неужели он и в самом деле?.. На глазах у всех?! — Я была потрясена. Конечно, мне доводилось читать об этом, и все равно верилось с трудом.

— Ну да. А все вели себя так, словно ничего особенного не происходит. Да и потом тоже, когда он умывался и сморкался. На долю герцога де Нев выпала небывалая честь, — с иронией добавил он, —

вытереть задницу его величеству. Не заметил, правда, что они сделали потом с полотенцем. Наверняка унесли куда-то и украсили испачканное место позолотой. А впрочем, там было довольно скучно, — добавил он и начал разминать мышцы ног. — Главное впечатление, которое я вынес, — человек этот похож на сову.

— На сову? — Меня позабавило это сравнение. — Чем же? Склонность к запорам?

— Ну, в каком-то смысле. И неудивительно, когда смотришь, что они там едят, при дворе. Сплошные сливки и масло. Да ему каждое утро кашку на завтрак надо есть, очень хорошо для желудка, ты же знаешь.

Если шотландцы и были в чем-то упрямы — а вообще они проявляют упрямство по очень многим поводам, — так это в прославлении полезности овсянки на завтрак. Жизнь из века в век на скудной, малопродуктивной земле не оставила им большого выбора, зато овса было всегда вдоволь, и они, как это часто случается, превратили недостаток в добродетель и даже уверяли, что овсянка очень вкусна.

Джейми тем временем улегся на пол и начал делать серию упражнений, специально разработанных для ВВС, которые я ему рекомендовала для укрепления мышц спины.

— Но почему ты сравнил его с совой? Я слышала, так называют людей, склонных к пьянству, но при чем тут запоры? Разве совы ими страдают?

Окончив упражнения, он перевернулся на спину и лежал теперь на ковре, тяжело дыша.

— Ну да. — Он глубоко вдохнул, потом медленно выпустил воздух. Сел и откинул волосы со лба. — Уж не знаю, правда это или нет, но так говорят в народе. Говорят, что у сов нет дырочки в заднице и неоткуда выпускать переваренную пищу, мышей, к примеру. Поэтому они превращают их косточки и шерсть в такие малюсенькие шарики и выблевают, так как не могут выпустить с другого конца.

— Правда?

— Ну да, правда, так они делают. И по этому признаку можно отыскать дерево, на котором живет сова. Стоит только глянуть под него, и увидишь шарики. Смотреть тошно, что они вытворяют, эти совы, — добавил он и распахнул ворот рубашки пошире. — И все же дырочка у них имеется. Раз сбил одну с дерева рогаткой и специально посмотрел.

— А ты, оказывается, любознательный мальчик! — рассмеялась я.

— Ясное дело, Саксоночка. — Он усмехнулся. — И выпускают они из этих дырочек что положено. Однажды целый день проторчал с Яном под

деревом, чтоб убедиться.

— Да, это уже более, чем обычное любопытство, — заметила я.

— Просто интересно было знать. Ян никак не хотел сидеть спокойно, а потому пришлось врезать ему маленько, чтоб не рыпался. — При этом воспоминании Джейми улыбнулся. — И потом мы с ним сидели тихо и дождались, и тогда он схватил пригоршню этих самых какашек, сунул мне за ворот рубахи — и наутек! Господи, он мчался как ветер! — Воспоминание о быстроногом друге юности вызвало печальные ассоциации, лицо его помрачнело, он вспомнил своего зятя, ковыляющего на деревянной култышке. Несчастный потерял ногу в бою.

— Вообще у него, должно быть, просто ужасная жизнь, — заметила я, желая отвлечь Джейми от грустных мыслей. — Я не сов имею в виду, а короля. Ни секунды уединения, даже в туалете.

— Да уж, себе такого не пожелаешь, — согласился Джейми. — Но он как-никак король!

— Гм... А мне кажется, что за роскошь, власть и все такое прочее приходится слишком дорого платить.

Он пожал плечами:

— Да. Так или иначе, но это судьба. Бог повелел ему быть королем, и выбора у него не оставалось. — Он поднял плед, накинул на плечи, один край засунул за пояс и перекинул через плечо.

— Позволь мне. — Я взяла из его рук серебряную застёжку в виде кольца и скрепила края пледа у плеча. Он расправил складки, разглаживая яркую шерстяную ткань пальцами.

— У каждого своя судьба, Саксоночка, у меня тоже, — тихо добавил он, не сводя с меня глаз, и улыбнулся. — Хотя, видит Бог, я рад, что мне не надо приглашать Яна вытирать мне задницу. Но я был рожден помещиком. Хозяином земли и людей на этой земле, и я должен стараться как можно лучше исполнять свое предназначение.

Он протянул руку и легко коснулся моих волос.

— А потому я обрадовался, когда ты сказала, что мы должны постараться сделать все, что в наших силах. Хотя больше всего на свете мне хотелось бы забрать тебя и ребенка и уехать далеко-далеко и жить где-нибудь, работая на полях и охотясь на зверя. А вечерами приходить домой и укладываться рядом с тобой спать.

Темно-синие глаза мечтательно затуманились, рука теребила складки пледа, поглаживая яркие клетки с еле заметной белой полоской — знак отличия и принадлежности к клану Фрэзеров из Лаллиброха.

— Но если бы я поступил так, — продолжал он, как бы рассуждая про

себя, — то та, другая сторона моей души мучилась бы и страдала. Думаю, я чувствовал бы себя предателем. И все время слышал бы голоса своих людей, которых бросил на произвол судьбы.

Я положила руку ему на плечо, он поднял глаза, на губах появилась красивая улыбка.

— Думаю, что да, Джейми, — ответила я. — И знаешь, что бы ни случилось... как бы мы ни старались... — Я умолкла, подыскивая слова. И, как часто бывало прежде, грандиозность задачи, стоявшей перед нами, потрясла и лишила дара речи. Да кто мы такие, чтоб вмешиваться в ход истории, изменять не свои судьбы, но судьбы принцев и крестьян, всего шотландского народа.

Джейми взял меня за руку и ласково сжал:

— Мы сделаем все, что в наших силах, Саксоночка. И если все же прольется кровь, по крайней мере сможем с чистым сердцем сказать, что она не на нашей совести. А пока будем молиться Богу, чтоб до этого не дошло.

Я подумала об одиноких серых надгробьях на Каллоденском поле, о солдатах Шотландии, что будут лежать под ними, если мы не справимся со своей задачей.

— Да, молиться Богу, — откликнулась я.

Глава 8

РАЗГУЛЯВШИЕСЯ ПРИВИДЕНИЯ И КРОКОДИЛЫ

Разрываясь между аудиенциями у короля и повседневной суетой, связанной с ведением дел Джареда, Джейми, похоже, был вполне доволен жизнью. По утрам, едва успев позавтракать, он исчезал с Муртагом. Шел проверять новые поставки, вести переучет товаров, посещал доки на Сене, а также обследовал торговые точки, которые, судя по его описанию, являлись не чем иным, как самыми отвратительными тавернами и забегаловками.

— Хорошо хоть Муртаг с тобой, — заметила я, утешаясь этим фактом. — Вдвоем меньше шансов вляпаться среди бела дня в какую-нибудь неприятную историю. — На вид этот маленький тщедушный человечек грозного впечатления не производил, но некогда я проскакала с Муртагом пол-Шотландии, выручая Джейми из тюрьмы в Уэнтуорте, и не было человека в мире, которому я бы с большей готовностью вверила заботу о сохранности и благополучии мужа.

После ленча Джейми наносил визиты — светские и деловые, их с каждым днем становилось все больше, а затем возвращался в свой кабинет, где просиживал час или два за грессбухами, до самого обеда. Он был очень занят.

О себе я этого сказать не могла. После нескольких дней вежливых перепалок с мадам Вионе, кухаркой, у меня не осталось сомнений насчет того, кто истинная хозяйка в этом доме. Ясно, что не я. Каждое утро мадам заглядывала ко мне в будуар — советоваться относительно меню на день и представить мне список затрат на покупку продуктов: фрукты, овощи, молоко и масло покупали на пригородной ферме, оттуда по утрам доставляли все самое свежее; рыбу, выловленную в Сене, продавали с тележек на улице, там же торговали свежими мидиями — сверкающими черными раковинами среди гор увядающих водорослей. Я проглядывала список и все одобряла. Потом благодарила за вчерашний обед, и на этом наше общение кончалось. Иногда у меня просили ключи из связки — открыть буфет со столовым бельем, винный погреб, подвал или кладовую. Все остальное время я была предоставлена самой себе, пока не наступал час переодеваться к обеду.

Светская жизнь в доме с отъездом Джареда продолжалась, как и прежде. Правда, я еще не осмеливалась принимать на широкую ногу, однако каждый вечер устраивала маленькие обеды, на которые приходили знать и кавалеры с дамами, а также бедствующие ссыльные якобиты и богатые купцы с женами.

Впрочем, вскоре я обнаружила, что поглощать еду и напитки, а также потчевать ими гостей мне скучно, и посетовала на это Джейми. Он предложил мне вести его гроссбухи.

— Уж лучше этим заняться, чем изводить себя, — заметил он, критически глядя на мои обкусанные ногти. — Кроме того, и почерк у тебя четче, чем у наших клерков. Итак, я оказалась в кабинете и долгие часы просиживала, сгорбившись над огромными гроссбухами. И вот однажды где-то к концу дня зашел мистер Сайлас Хоукинс, заказать две тонны фламандского бренди. Мистер Хоукинс был господином солидным и процветающим; подобно Джареду, он тоже эмигрировал, но только из Англии, и занимался экспортом французских коньяков на родину.

Мне всегда казалось, что купец, похожий на трезвенника, должен испытывать затруднения в торговле вином и другими, более крепкими спиртными напитками, тем более — в таких количествах. Но Хоукинсу в этом смысле повезло. Природа наделила его вечно румяными щеками и лучезарной улыбкой завязатого весельчака, хотя Джейми и утверждал, что человек этот ни разу не попробовал своих товаров, да и вообще редко пил что-либо, кроме грубого эля, однако о пристрастии его плотно поесть в городских тавернах слагались легенды. И лишь в самой глубине светло-коричневых глазок просвечивал жесткий и трезвый расчет, что никак не сочеталось с внешностью простака и добряка.

— Лучшие мои поставщики, доложу я вам, — заметил он с улыбкой, подписывая заказной бланк. — Всегда можно положиться, и товар отменного качества. Мне будет страшно не хватать вашего кузена, — кланяясь, сказал он Джейми. — Но выбор он во всех отношениях сделал верный. Правильно поступил, что доверил дело человеку из семьи, тоже шотландцу.

Маленькие блестящие глазки остановились на килте Джейми, яркая клетчатая расцветка клана Фрэзеров отчетливо выделялась на фоне темных деревянных панелей, которыми была отделана гостиная.

— Недавно из Шотландии? — как бы между прочим спросил Хоукинс и запустил руку во внутренний карман.

— Нет. Какое-то время жил во Франции, — уклончиво ответил Джейми, избегая прямого ответа. Он взял из рук Хоукинса птичье перо, но,

сочтя его немного притупившимся, отложил, достал из небольшого стеклянного кувшина на столе одно из длинных гусиных перьев и приготовился обмакнуть его в чернильницу.

— Вот оно как... По одежде сразу видно, что вы — настоящий шотландец. Я уж было подумал, что вы сможете дать мне совет относительно разного рода настроений, что существуют в этой стране. Ходят, знаете ли, такие слухи... — Повинуясь жесту Джейми, мистер Хоукинс опустился в кресло и склонил круглое розовое лицо к толстому кожаному кошельку, извлеченному из кармана.

— Что касается слухов, то они в Шотландии явление довольно распространенное, — заметил Джейми, затачивая и без того острое перо. — Но настроения? Вы, наверное, имеете в виду политику? Боюсь, должен разочаровать вас: совершенно не интересуюсь политикой. — Маленький перочинный нож издал резкий щелчок, от толстого перьевого стержня откололась стружка.

Мистер Хоукинс извлек из кошелька несколько серебряных монет и присоединил их к аккуратному столбику, выстроившемуся на столе между двумя мужчинами.

— Вот как? — рассеянно заметил он. — Ну, если это действительно так, тогда вы первый в моей жизни шотландец, который ею не интересуется.

Джейми закончил затачивать перо и поднял его кончиком вверх, оценивая проделанную работу.

— М-м?.. — буркнул он. — Ну, мне, по правде сказать, просто не до этого. Дела отнимают слишком много времени. Вам это знакомо, уверен.

— Это верно. — Мистер Хоукинс пересчитал монеты в столбике, потом убрал одну и заменил ее двумя, помельче. — А я тут слышал, что Карл Стюарт недавно прибыл в Париж. — Мягкое круглое лицо отражало лишь сдержанное любопытство, но маленькие глазки в толстых складках жира смотрели настороженно.

— А-а-а... — протянул Джейми неопределенно. По тону не было ясно, признает ли он этот факт или проявляет вежливое свое к нему равнодушие. Перед ним лежали на столе бланки заказа, и он аккуратно подписывал бумаги, любовно вырисовывая каждую букву, вместо того чтобы расписаться лихим росчерком, как он это обычно делал. Его, прирожденного левшу, с детства учили писать правой рукой, однако до сих пор искусство письма давалось ему с трудом, и он крайне редко проявлял такое тщание.

— Так вы не разделяете симпатий вашего кузена в этом плане? —

Хоукинс откинулся на спинку стула и сощурился смотрел на склоненную голову Джейми.

— А почему это вас так интересует, сэр? — Подняв голову, Джейми устремил на Хоукинса взгляд пронзительно синих глаз. Секунду толстяк его выдержал, затем отвел глаза и отмахнулся пухлой ручкой.

— Да ничуть не интересует! — ответил он. — Просто предметом изучения вашего кузена всегда были якобиты, он... вовсе не делает из этого секрета. Ну я и подумал: интересно, все ли шотландцы единодушны во мнении, что Стюартам принадлежит право на престол?

— Если уж вас так волнуют шотландские горцы, — сухо заметил Джейми, протягивая ему копию заказа, — тогда следовало бы знать, что в тех краях трудно отыскать двух человек, придерживающихся одинаковых взглядов на что-либо, кроме, пожалуй, цвета неба над головой. Да и по этому поводу порой разгораются споры.

Мистер Хоукинс расхохотался, под жилетом мягко заколыхалось круглое брюшко, и сунул свернутый листок во внутренний карман. Видя, что Джейми надоели эти расспросы, я позволила себе вмешаться и предложила гостю мадеры с бисквитами.

Секунду мистер Хоукинс колебался, затем с сожалением покачал головой и, отодвинув кресло, поднялся:

— Нет, нет, благодарю, миледи, но нет. Сегодня в порт приходит «Арабелла», я должен встретить ее в Каласе. А до отъезда еще куча дел. — Он скроил гримасу, глядя на целую кипу бумаг, извлеченных из кармана, затем присоединил к ней подписанный Джейми бланк и убрал в большой кожаный бумажник. — Правда, — лицо его оживилось, — часть дел можно проверить и по пути в Калас, заскакивая в таверны и пабы.

— Если заглядывать во все встречающиеся по пути таверны и пабы, то вы попадете в Калас не раньше чем через месяц, — заметил Джейми. Достал кожаную сумку, отделанную мехом, и убрал туда столбик серебряных монет.

— Верно, милорд, — согласился Хоукинс и нахмурился. — Думаю, пару-другую придется пропустить, заскочу туда на обратном пути.

— Но раз у вас так туго со временем, может быть, стоит послать в Калас кого-нибудь еще? — спросила я.

Он выразительно закатил глаза и попытался сложить губы скорбным бантиком.

— Хотел бы, чтоб такое оказалось возможным, миледи, но — увы! На борту «Арабеллы» груз, который я не могу доверить никому другому. Моя племянница, Мэри, — объяснил он, — направляется, как принято говорить,

к берегам Франции. Ей всего пятнадцать, и прежде она никогда не покидала родного дома. А потому разве я могу допустить, чтоб девочка в одиночестве добиралась до Парижа?

имя, оно никак не ассоциировалось у меня ни с кем. Я все еще размышляла над этим, когда Джейми поднялся — проводить Хоукинса до дверей.

— Надеюсь, путешествие вашей племянницы будет приятным, — говорил он. — Она, вероятно, приезжает сюда учиться? Или просто навестить родственников?

— Нет, выйти замуж, — гордо ответил торговец. — Моему брату удалось найти для девочки блестящую партию, французского аристократа. — Казалось, он того гляди лопнет от гордости, а золотые пуговицы на туго натянувшемся жилете отлетят. — Видите ли, мой старший брат — баронет.

— А ваша племянница, она... э-э-э... давно знакома со своим женихом? — спросила я.

— Вообще в глаза не видела. Суть в том, — тут мистер Хоукинс придвинулся поближе и понизил голос, — что она вообще еще не знает о свадьбе. Переговоры еще не завершены.

Я удивилась и приоткрыла было рот, но Джейми предостерегающе дернул меня за рукав.

— Ну, раз жених ее принадлежит к знатному сословию, мы наверняка увидим вашу племянницу при дворе, — заметил он, подталкивая меня к двери, словно бульдозер. Мистер Хоукинс, продолжая болтать, посторонился и пропустил меня вперед.

— Конечно увидите, милорд Брок Туарах! Сочту за честь познакомить племянницу с вами и вашей супругой! Уверен, она будет счастлива обрести здесь друга в лице соотечественницы, — добавил он и улыбнулся мне. — Я, знаете ли, не слишком полагаюсь в этом плане на чисто деловые знакомства.

Черта с два ты не полагаешься, раздраженно подумала я. Да ты на все пойдешь, лишь бы приобщиться к французской знати. Ты даже готов выдать свою племянницу за... за...

— Э-э... а кто же жених вашей племянницы? — без обиняков спросила я.

Лицо мистера Хоукинса приобрело хитрющее выражение, и, придвинувшись еще ближе, он прошептал мне на ухо:

— Не следовало бы говорить, пока брачный контракт не подписан, но, зная вас как даму благородную... могу сказать одно: этот человек — член

дома гасконцев. И очень высокопоставленное лицо, заметьте!

— Заметила, — ответила я.

Мистер Хоукинс ушел, потирая ручки в радостном предвкушении, а я обернулась к Джейми:

— Гасконцев!.. Но не имеет же он в виду... Нет, это просто невозможно! Неужели это та старая, отвратительная обезьяна, тот тип с пятнами жевательного табака на подбородке, который приходил к нам на обед на прошлой неделе?

— Виконт Мариньи? — сказал Джейми, улыбнувшись моему описанию. — Да, вполне возможно. Он, насколько мне известно, вдовец и единственный наследник состояния. Впрочем, не думаю, чтоб то были пятна табака, просто это борода так у него растет. Слегка потрачен молью, — признал он, — но если его побрить и свести бородавки...

— Но как же можно выдавать пятнадцатилетнюю девочку за... за это!.. И даже не спросив ее согласия!

— Почему нет? Очень даже можно, — ответил Джейми с подчеркнутым спокойствием. — Как бы там ни было, Саксоночка, это не твое дело. — Он взял меня за обе руки и легонько встряхнул. — Ты слышишь? Знаю, тебе это кажется диким, но именно так обстоят дела. В конечном счете, — длинный рот его слегка искривился, — ты ведь тоже вышла замуж против своей воли. И, как видишь, смирилась с судьбой. Или нет?

— Иногда мне кажется, что нет! — огрызнулась я и попыталась вырваться, но он удержал меня и, смеясь, поцеловал. Через мгновение я прекратила сопротивление и затихла в его объятиях, признавая поражение, пусть и временное. Я еще встречу с Мэри Хоукинс, подумала я, тогда и узнаем, что она думает об этом своем браке. И если девушка не захочет видеть в брачном контракте свое имя рядом с именем виконта Мариньи, то... Внезапно я замерла, потом вдруг резко вырвалась из объятий Джейми.

— Что такое? — встревоженно спросил он. — Тебе плохо, девочка? Ты вся побелела.

И неудивительно. Ибо я вдруг вспомнила, где видела имя Мэри Хоукинс. Джейми ошибался. Это именно мое дело! А имя девушки, выведенное каллиграфическим почерком, я видела в самом верху генеалогической таблицы. Чернила со временем побледнели и приобрели коричневый оттенок. Мэри Хоукинс должна была стать женой вовсе не дряхлого виконта Мариньи. Нет, она должна была выйти замуж за Джонатана Рэндолла в 1745 году от рождества Христова.

— Но как она могла? Это же невозможно! — воскликнул Джейми. —

Ведь Джек Рэндолл мертв.

Он налил бренди и протянул мне. Рука твердо держала бокал за хрустальную ножку, но уголки рта были опущены, а в тоне, каким он произнес слово «мертв», не угадывалось сомнений насчет судьбы Джека.

— Приляг как следует, Саксоночка, — сказал он, — ты все еще такая бледная.

Повинуясь его жесту, я послушно подобрала ноги и вытянулась на диване. Джейми сел в изголовье и положил мне руку на плечо, пальцы, такие сильные и теплые, осторожно массировали ямочку над ключицей.

— Маркус Макраннох говорил мне, что собственными глазами видел, как Рэндолла насмерть затоптал скот в подземной темнице Уэнтурта, — повторил он, словно убеждая сам себя. — Он походил на тряпичную куклу, плавающую в луже крови. Именно так сказал Маркус. И был в этом вполне уверен.

— Да. — Я потягивала бренди, чувствуя, как приятное тепло разливается по телу. — И мне он то же самое говорил. Нет, конечно, ты прав! Капитан Рэндолл мертв. И во всем виноваты мои воспоминания о Мэри Хоукинс. Это из-за Фрэнка... — Я взглянула на левую руку, прижатую к животу. В камине пылал огонь, отблески пламени плясали на золоте моего первого обручального кольца. Кольцо Джейми из шотландского серебра я носила на четвертом пальце левой руки.

— О... — Рука Джейми застыла. Голова его была опущена, но он поднял глаза и встретился со мной взглядом.

С тех пор как я вытащила Джейми из Уэнтуртской тюрьмы, мы с ним ни разу не говорили о Фрэнке, не упоминали и о смерти Джонатана Рэндолла. В то время все это казалось неважным, самое главное, что от него опасность нам уже более не угрожала. И с тех пор мне не очень хотелось напоминать Джейми об Уэнтурте.

— Ты ведь знаешь, что он мертв, разве нет, mo duinne^[13]? — Джейми говорил еле слышно, пальцы крепко сжимали мое запястье, и я поняла, что он имеет в виду Фрэнка, а не Джонатана.

— Может, и нет, — ответила я, не сводя глаз с кольца. Потом подняла руку, чтоб увидеть, как сверкнет металл в угасающем свете дня. — Если он мертв, Джейми, если его не существует больше, да к тому же и Джонатан погиб, тогда к чему мне хранить его кольцо?

Он уставился на кольцо, я заметила, как нервно задергался у него уголок рта. И еще он страшно побледнел. Я не ожидала, что всякое упоминание о Джонатане Рэндолле будет для него столь болезненным.

— Ты уверена, что Рэндолл не оставил детей? — спросил он. — Это

бы объяснило все.

— Да, конечно, — согласилась я, — но нет, уверена, что нет. Фрэнк... — Голос у меня дрогнул. — Фрэнку достаточно хорошо известны трагические обстоятельства гибели Джонатана Рэндолла. Он уверял, что он, то есть Джек Рэндолл, погиб в Каллоденской битве, а его сын, прапрапрадедушка Фрэнка, родился через несколько месяцев после смерти отца. А потом, через несколько лет, вдова снова вышла замуж.

Джейми задумчиво наморщил лоб, между бровей залегла тонкая вертикальная морщинка.

— Тогда, может, это вовсе и не Рэндолла ребенок? А твой Фрэнк мог принадлежать к линии Мэри Хоукинс, она-то, как мы знаем, еще жива?

Я отрицательно покачала головой:

— Не вижу, каким образом. И если б ты знал Фрэнка... Нет, кажется, об этом я еще тебе не говорила. Когда я впервые увидела Джека Рэндолла, мне сперва на секунду показалось, что это Фрэнк. Не то чтобы одно лицо, но... поразительное сходство. Нет, конечно же, предком Фрэнка был именно Джек Рэндолл!

— Понятно. — Пальцы Джейми вспотели, и он убрал руку с моего запястья и вытер ладонь о килт. — Тогда... возможно, это кольцо действительно ничего для тебя не значит, *mo dhuinne*?

— Может, и нет. — Я коснулась теплого обруча на пальце, затем бессильно опустила руку. — О, Джейми! Не знаю! Я уже ничего не понимаю!

Он протер глаза тыльной стороной ладони.

— Я тоже, Саксоночка. — Он попытался улыбнуться мне. — Тут есть один интересный момент. Ты говорила, что именно Фрэнк рассказывал тебе о том, что Рэндолл погиб при Каллодене?

— Да. Честно признаться, я предупредила Джека Рэндолла об этом, чтоб припугнуть. В Уэнтурте, когда он вытащил меня и бросил в снег. Перед тем... перед тем, как заняться тобой. — Веки и губы у него задержались, и я, встревоженная, спустила ноги с дивана. — Джейми, ты в порядке? — Я хотела положить ему руку на голову, но он отстранился, встал и подошел к окну.

— Нет. Да... Все в порядке, Саксоночка. Все утро писал эти письма, и голова просто раскалывается. Не волнуйся. — Он прижался лбом к прохладной оконной раме, глаза были плотно закрыты. — Тогда, если вы с Фрэнком знали, что Джек Рэндолл погиб при Каллодене, а мы знаем, что этого не случилось... тогда, выходит, это вполне возможно, Клэр.

— Что возможно? — с тревогой и недоумением спросила я, желая ему

помочь, но не зная, как это сделать.

— Тогда можно предотвратить то, что, ты знаешь, должно случиться. — Он оторвал лицо от окна и устало улыбнулся мне. Лицо оставалось бледным, но гримаса, искажавшая его, исчезла. — Джек Рэндолл умер раньше, чем было предназначено ему судьбой, и Мэри Хоукинс выйдет замуж за другого человека. И даже если это означает, что твой Фрэнк так никогда и не родится... или родится, но от кого-то другого, — добавил он в виде утешения, — это также означает, что у нас есть шанс осуществить то, что мы задумали. Возможно, Джек Рэндолл вовсе не погибнет в битве при Каллодене, потому что эта битва так никогда и не состоится.

Я заметила, как, сделав над собой усилие, он поборол волнение, подошел ко мне и обнял. Потом, склонив голову, уперся лбом мне в волосы.

— Знаю, это должно огорчить тебя, mo duinne. Но разве не утешает мысль, скольких бед можно при этом избежать?

— Да, — прошептала я после паузы в складки его рубашки. Потом осторожно высвободилась из объятий и погладила его по щеке. Морщинка между бровями стала глубже, глаза смотрели рассеянно, но он улыбнулся мне. — Джейми, — сказала я, — иди приляг. А я пошлю записку д'Арбанвиллям, что мы сегодня не придем.

— О нет, — возразил он. — Я чувствую себя прекрасно. Это просто головная боль, Саксоночка, от чтения и письма. Подремя часок, и все пройдет. Ну, так я пошел? — Он было направился к двери, затем остановился и обернулся с улыбкой на лице. — И если я буду кричать во сне, Саксоночка, положи мне руку на голову и скажи просто: «Джек Рэндолл мертв». И я сразу успокоюсь.

И стол, и общество в доме д'Арбанвиллей были просто превосходны. Мы вернулись поздно, и, едва коснувшись головой подушки, я тут же заснула. Спала спокойно и крепко, но в середине ночи вдруг проснулась, чувствуя, что что-то не так.

Ночь стояла холодная, и нижнее одеяло по своей подлой привычке свалилось на пол, на мне осталось лишь шерстяное покрывало. Я перекатилась на другой бок и потянулась к Джейми, в поисках тепла. Его не было.

Я села в постели, озираясь по сторонам, и увидела его почти сразу же — он сидел на подоконнике, обхватив голову руками.

— Джейми! Что случилось? Снова голова разболелась? — Я схватила свечу, намереваясь раскрыть аптечку, но что-то в его позе остановило меня, и я подошла к окну.

Он дышал тяжело, с хрипом, словно после бега, и, несмотря на холод, был весь в поту. Я прикоснулась к его плечу — оно было холодным и твердым, как у металлической статуи.

При этом прикосновении он вздрогнул и вскочил на ноги — расширенные глаза казались совсем темными.

— Прости, не хотела тебя пугать, — сказала я. — С тобой все в порядке?

А может, он просто в состоянии лунатического транса, подумала я. Выражение его лица совсем не изменилось, он смотрел словно сквозь меня, и ему явно не нравилось то, что он видел.

— Джейми! — резко окликнула его я. — Джейми, проснись!

Он заморгал и вдруг увидел меня. Хотя на лице оставалось все то же выражение — загнанного зверя.

— Все в порядке, — ответил он. — Я не сплю, — произнес он это таким тоном, словно убеждал сам себя.

— Но что случилось? Тебе привиделся кошмар?

— Сон. Да, я видел сон...

Шагнув вперед, я положила руку ему на плечо:

— Расскажи. Он не будет тебя больше мучить, если расскажешь.

Он крепко сжал мои руки, словно ища опоры. В окно смотрела полная луна, и я отчетливо видела, как напряжена каждая мышца его тела. Он был тверд и неподвижен, как камень, но внутри таилась скрытая энергия, готовая вырваться наружу.

— Нет, — ответил он все еще каким-то потусторонним голосом.

— Да, — настаивала я. — Скажи мне. Скажи, что ты видел.

— Я не могу... видеть ничего... Я ничего не вижу...

Я развернула его лицом к яркому лунному свету, льющемуся из окна. Похоже, свет помог, дыхание стало спокойнее, и он, останавливаясь, запинаясь, начал рассказывать.

Ему приснились каменные стены Уэнтуортской тюрьмы. И пока он рассказывал, в комнату вошло привидение Джонатана Рэндолла. И оно, абсолютно голое, улеглось на кровать, поверх моего шерстяного покрывала.

За его спиной слышалось хриплое дыхание, влажная, покрытая потом кожа касалась его тела. Человек скрипел зубами от отчаяния, призрак почувствовал легкое его движение за спиной и рассмеялся.

— О, у нас есть еще время. Прежде чем мы повесим тебя, мой мальчик, — прошептал он. — Много времени. Достаточно, чтобы получить удовольствие. — Рэндолл дернулся и непроизвольно издал сдавленный

стон.

Рука Рэндолла откинула Джейми волосы со лба, убрала их за уши. У самого своего уха Джейми ощущал его горячее дыхание и отвернулся, чтоб избежать этого, но со свистом вырывающиеся изо рта слова продолжали преследовать его.

— А ты когда-нибудь видел, как вешают человека, а, Фрэзер? — Слова звенели в ушах. Не дожидаясь ответа, длинная тонкая рука обвилась вокруг талии, стала поглаживать по животу, опускаясь все ниже. — Ну конечно видел! Ты ведь был во Франции, наверняка видел, как там вешают дезертиров... А знаешь, что висельник опорожняет при этом кишечник? По мере того, как петля все туже затягивается на горле? — Рука гладила, легонько щекотала, теребила, снова начинала гладить. Он вцепился здоровой рукой в край койки и изо всех сил вжался лицом в кусачее одеяло, но слова все равно доставали его. — Вот что случится с тобой, Фрэзер. Еще каких-то несколько часов — и почуеть петлю на своей шее. — Рэндолл самодовольно рассмеялся. — И ты пойдешь на смерть, а задницу твою будет жечь от моих ласк, а потом из тебя начнет выходить дерьмо и стекать по ногам, а вместе с дерьмом — следы моей страсти, и капать на землю, под виселицей...

Он не издал ни звука. Он ощущал свой запах, вонь грязи и нечистот темницы, с кисловатым привкусом пота от страха и ярости. А от человека за его спиной воняло животным, и этот запах перекрывал нежный аромат лавандовой туалетной воды.

— Одеяло... — сказал он. Глаза его были закрыты, лицо, освещенное луной, искажено. — Оно было такое жесткое и колючее, и я ничего не видел, кроме каменной кладки тюремной стены. Не на чем было остановиться глазу и мысли... Я ничего не видел. А потому не открывал глаз и думал только об одеяле под щекой. Это все, что я чувствовал... Кроме боли... и его. Я вцепился в это одеяло...

— Джейми, позволь, я обниму тебя. — Я говорила нарочито спокойно, стараясь унять kloкотавшую в нем ярость. Он так крепко вцепился в мои руки, что они онемели. Но придвинуться к себе он не позволял, держал на расстоянии, словно боялся прикинуть ко мне.

Внезапно он отпустил руки, отшатнулся и повернулся к залитому лунным светом окну. И стоял, весь напряженный и дрожащий, точно туго натянутая тетива, однако голос звучал уже спокойнее:

— Нет, девочка. Не для того я с тобой встретился. Ты не должна... быть замешана в этом.

Я сделала к нему шаг, но он быстрым жестом остановил меня. И снова

повернулся лицом к окну, уже совсем спокойный, с пустым, ничего не выражающим лицом, словно стекло, через которое смотрел.

— Ступай ложись, девочка. Мне надо немного побыть одному. Все хорошо, все в порядке. Просто тебе нельзя волноваться.

И, раскинув руки, обнял оконную раму и всем телом заслонил лунный свет. Плечи его напряглись от усилия, и я поняла, что он изо всех своих сил вжимается в эту раму.

— Это всего лишь сон... Джек Рэндолл мертв.

В конце концов я заснула, а Джейми все стоял у окна, всматриваясь в лик луны. Пробудившись на рассвете, я увидела, что он, завернутый в плед, спит, скорчившись, на подоконнике.

Мои движения разбудили его, и он вновь был самим собой — уравновешенным и веселым, каким обычно бывал по утрам. Но веселость эта пугала меня, я помнила, что произошло ночью, и после завтрака стала рыться в аптечке.

К несчастью, чтоб приготовить превосходную микстуру от бессонницы, мне не хватало нескольких трав. Но тут я вспомнила, что Маргерита рассказывала мне об одном человеке. Раймон, торговец травами, проживал на улице де Варенн. Колдун — так обозвала она его. Как раз то, что мне нужно. Так, все утро Джейми будет на складах. В моем распоряжении карета и кучер. Решено, я еду к Раймону.

По обе стороны от входа тянулся чистый деревянный прилавок, а за ним на высоту, вдвое превышающую средний рост человека, поднимались полки. Некоторые из них были застеклены, очевидно, там хранились самые редкие и дорогие лекарства. Углы шкафов украшали толстые позолоченные купидоны в развевающихся одеяниях, дующие в рожки. Выглядели они довольно лихо и даже развязно, словно вдоволь попользовались спиртными напитками, выставленными на прилавках.

— Могу я видеть местье Раймона? — спросила я молодую женщину, стоявшую за прилавком.

— Метра Раймона, — поправила она меня. Потом простецким жестом вытерла красный нос о рукав и указала в дальний конец помещения, где из-за перегородки зловеще выплывали густые клубы коричневатого дыма.

Являлся ли колдуном Раймон или нет — неизвестно, но обстановка у него была соответствующая. Из черной плиты, сложенной из шифера, выплывал дым и кольцами уходил наверх, под низкие потолочные балки. Над огнем было укреплено нечто вроде столика из камня с углублениями, откуда торчали стеклянные перегонные кубы и медные «пеликаны» — так называют металлические сосуды с длинными носиками, из которых капала

в чашки какая-то подозрительного вида жидкость — небольшой, но вполне удобный дистиллятор. Я осторожно принялась. Над всеми запахами превалировал густой спиртной дух, исходивший от огня. На буфете выстроился аккуратный ряд чисто вымытых бутылок, что лишь усилило мои подозрения: помимо торговли амулетами и приворотными зельями, метр Раймон, по всей очевидности, делал немалые деньги на производстве высококачественного шерри-бренди.

Сам алкогольных дел мастер склонился над огнем, подбрасывая в печь уголь. Услышав, что кто-то вошел, он выпрямился и приветствовал меня радушной улыбкой.

— Как поживаете? — вежливо осведомилась я.

Впечатление, что я оказалась в хижине колдуна, было столь сильным, что я ни чуточки не удивилась бы, услышав в ответ кваканье.

Ибо больше всего на свете метр Раймон напоминал огромную добродушную лягушку ростом чуть выше четырех футов, с бочкообразной грудью и кривыми ножками. Он обладал также толстой и липкой на вид кожей исконного обитателя болот и слегка выпученными, дружелюбно смотрящими черными глазками. Разве что не зеленый и без бородавок, а так — самая настоящая лягушка, по всем статьям.

— Мадонна! — Лицо его расплылось в улыбке. — Чем имею счастье служить вам? — Оказалось, что у него совершенно нет зубов, что еще больше усиливало сходство с лягушкой, и я смотрела ему в рот, словно замороженная. — Мадонна? — повторил он, вопросительно глядя на меня.

Поняв, насколько мое поведение кажется странным, я покраснела и неожиданно для себя спросила:

— Я просто задумалась: целовала ли вас когда-нибудь красивая молоденькая девушка?

Он так и покатился со смеху, и я покраснела еще больше. Потом, широко, во весь рот ухмыльнувшись, ответил:

— Много раз, мадонна! Но, увы, не помогает. Как видите.

Тут мы уже оба рассмеялись, чем привлекли внимание девушки за прилавком — она с любопытством заглянула за перегородку. Метр Раймон прогнал ее жестом, затем, кашляя и держась за горло, проковылял к окну и распахнул створки, чтобы немного проветрить помещение от дыма.

— Ну, так лучше? — спросил он, глубоко вдыхая прохладный весенний воздух. Затем, отбрасывая с плеч длинные седые пряди, добавил: — Ну-с, мадонна, поскольку теперь мы друзья, может, подождете немного? Мне тут надо срочно закончить одно дельце.

Я тут же согласилась, и он вернулся к печи, все еще похохатывая и

держась за бока, и начал наполнять канистру дистиллятора. Я же тем временем расхаживала по комнате, разглядывая набор самых разнообразных и удивительных предметов.

С потолка свисал внушительных размеров крокодил, по всей видимости, чучело. Я глазела на его желтое брюхо, твердое и блестящее, точно восковое.

— Настоящий? — спросила я, присаживаясь за исцарапанный дубовый стол.

Метр Раймон поднял на меня глаза и улыбнулся:

— Мой крокодил? Ну разумеется, мадонна. Придает клиентам чувство уверенности, что они попали по адресу. — Он кивнул в сторону полки, тянувшейся вдоль стены на уровне глаз. Она была уставлена белыми керамическими сосудами с причудливой позолотой на каждом. Там были изображены цветы и звери, и к каждому прикреплена бирка с рецептом. На трех ближайших ко мне сосудах красовались бирки с надписями по-латыни, и я с некоторым трудом, но все же перевела: крокодиля кровь, печень и желчь того же зверя.

Я взяла один из сосудов, вынула пробку и осторожно принялась.

— Горчица, — сморщив нос, заметила я, — и чебрец. Но как это вы умудрились придать снадобью столь омерзительный вид? — Я слегка наклонила сосуд, разглядывая жирную черную жидкость внутри.

— О, так, выходит, этот хорошенький носик, мадонна, у вас не просто для украшения! — На жабьем лице расплылась широкая улыбка, обнажая крепкие голубоватые десны. — Эта черная жидкость — перегнившая мякоть тыквы, — сознался он и, понизив голос, добавил: — А что касается запаха... так это настоящая кровь.

— Но не крокодиля же! — Я подняла глаза к потолку.

— Сколько цинизма у такого нежного создания! — скорбно заметил Раймон. — Дамы и господа, состоящие при дворе, куда доверчивее по природе, на свой, аристократический лад, разумеется. Нет, если честно, это кровь свиньи, мадонна. Свиньи куда более доступный материал, нежели крокодилы.

— Да, конечно, — согласилась я. — Этот, должно быть, стоил вам недорого.

— Нет, мне повезло. Я получил его в наследство, как и почти все остальное в этой лавке. От предшествующего владельца. — Мне показалось, что в глубине добрых черных глаз мелькнуло беспокойство. Но за последнее время я стала слишком подозрительна, привыкнув читать различные оттенки выражения на лицах присутствующих на званых обедах

в надежде, что это может как-то помочь Джейми, а потому тут же отбросила эту мысль.

Маленький толстый колдун придвинулся поближе и доверительным жестом взял меня за руку.

— Профессионалка, не так ли? — спросил он. — Должен отметить, вы ничуть не похожи.

Первым порывом было отбросить эту руку, но ее прикосновение, вопреки ожиданиям, оказалось приятным — бесстрастным и одновременно утешительным. Я взглянула на окна — края стекол покрывал слой инея — и поняла, откуда возникло это ощущение: его руки без перчаток были на удивление теплыми.

— Все зависит от того, какой смысл вы вкладываете в этот термин «профессионалка», — усмехнулась я. — Я — целительница.

— Ах целительница? — Он откинулся в кресле, с интересом разглядывая меня. — Да, наверное, так и есть. А еще? Предсказания судьбы, приворотные зелья?

Я с содроганием вспомнила наши с Муртагом скитания по дорогам Шотландии, когда мы искали Джейми. Тогда, чтоб заработать на кусок хлеба, мы, словно пара цыган, предсказывали судьбу и пели.

— О нет, ничего подобного! — слегка покраснев, ответила я.

— Ну, что вы не профессиональная лгунья, это очевидно, — заметил он, весело глядя на меня. — А жаль. Однако же чем могу служить вам, мадонна?

Я объяснила, что мне нужно, он слушал, глубокомысленно кивая головой, длинные седые волосы спадали с плеч. Парика он, во всяком случае в лавке, не носил и волосы не пудрил. Просто зачесывал их назад с высокого и широкого лба, и они прямыми как палки прядями спадали на плечи, а на концах были ровно подрезаны.

Говорить с ним было легко, он очень хорошо знал травы и ботанику. Он начал снимать с полок разные склянки и сосуды, вытряхивать из них какие-то порошки, смешивал их, растирал в ладонях какие-то травы, давал мне понюхать или попробовать.

Нашу беседу прервали голоса, доносившиеся из магазина. Там, облокотившись о прилавок, стоял щеголевато одетый лакей и что-то говорил продавщице. Вернее, пытался что-то сказать. Его робкие попытки успешно парировали трескущие тирады на провансальском. Понимала я далеко не все, но общий смысл был ясен. Речь шла о капусте и каких-то колбасках, причем и о том и другом отзывалась девушка далеко не лестно.

Я начала было размышлять об уникальной способности французов

сводить любую дискуссию к еде, как вдруг дверь в лавке резко распахнулась. К лакею прибыло подкрепление в лице наруганной и пышно разодетой дамы.

— Ага, — пробормотал Раймон, с интересом наблюдая из-под моей руки за драмой, разворачивающейся у прилавка. — Виконтесса де Рамбо!

— Вы ее знаете? — Продавщица, очевидно, знала, поскольку перестала нападать на лакея и шмыгнула за застекленный шкаф, где хранились слабительные.

— Да, мадонна, — кивнул Раймон. — Эта дамочка обходится мне довольно дорого.

Я поняла, что он имеет в виду, когда увидела, как дама, подняв в руке маленькую баночку, содержащую по виду некое замаринованное растение — предмет перебранки, — с удивительной силой и точностью метнула ее прямо в застекленную дверь шкафчика.

Грохот стекла, затем настала тишина. Виконтесса ткнула длинным костлявым пальцем в девушку.

— Ты, — прошипела она голосом, напоминавшим скрежет металлической стружки, — подай мне черного зелья! Немедленно!

Девушка открыла было рот возразить что-то, но, заметив, что виконтесса потянулась за очередным снарядом, тут же закрыла и выбежала в заднюю комнату.

Предвидя ее бегство, Раймон решительно протянул руку и достал с полки над головой пузырек, который и сунул ей в руки, едва она возникла в дверях..

— Вот, отдашь ей, — сказал он. — А то все здесь переколотит.

Девушка робко направилась к прилавку, а он повернулся ко мне и соорудил гримасу.

— Яд для соперницы, — объяснил он. — Или... По крайней мере, она так думает.

— О! — воскликнула я. — А что же там на самом деле? Горький жостер?

Он взглянул на меня с удивлением и уважением.

— А вы здорово разбираетесь, — заметил он. — Природный дар или же учились?.. Ладно, не так уж это важно... — Он взмахнул пухлой лапкой. — Да, правильно, жостер. Завтра соперница заболеет, а виконтесса будет наслаждаться зрелищем ее страданий. Жажда мести будет удовлетворена. К тому же она убедится, что не напрасно потратила деньги. А когда соперница выздоровеет, без особого ущерба организму, виконтесса припишет это вмешательству священника или же противоядию, которое дал

жертве нанятый ею знахарь... Ничего, все утрясется, — спокойно заметил он. — Ну а через месяц, когда она явится ко мне за средством для прерывания беременности, я сдеру с нее сумму не только покрывающую стоимость испорченного имущества, нет, — достаточную для того, чтобы купить целых три новых шкафа. И она спорить не станет, выложит денежки как миленькая. — Он бегло улыбнулся, но улыбка была лишена обычного добродушия. — Так что всему свое время.

Я заметила, как черные бусинки глаз испытующе окинули мою фигуру. Живота видно не было, но я поняла, что он знает.

— А что, средство, которое вы через месяц пропишете виконтессе, сработает? — осведомилась я.

— Все зависит от срока, — ответил он и задумчиво склонил голову к плечу. — Если на ранней стадии, то да. Но особенно тянуть не стоит.

В голосе его отчетливо звучало предупреждение, и я улыбнулась.

— Я не для себя спрашиваю, — заметила я. — Просто интересно.

Он снова расслабился:

— Ага... А я уж было подумал...

Грохот колес с улицы подсказал, что голубая с серебром карета виконтессы отъехала от дома. Лакей, стоя на запятках, размахивал руками и криком предупреждал прохожих, они разбегались и прятались за дверьми или же в боковых улочках, опасаясь быть раздавленными.

— Все ясно, — тихо пробормотала я. Происходившие последнее время события не часто позволяли смотреть на будущее с должным оптимизмом, но это был как раз тот редкий случай, исключение из правил. — Не спрашивайте, по ком звонит колокол, — сказала я Раймону. — Иначе окажется, что он звонит по тебе.

Он, похоже, был удивлен:

— Вот как... Ладно. Кстати, вы вроде бы говорили, что черная бетоница хорошо помогает от запоров? Сам я использую белую.

— Правда? Но почему?

И, не упоминая больше о виконтессе, мы пустились обсуждать различные профессиональные тонкости.

Глава 9

ВЕЛИКОЛЕПИЕ ВЕРСАЛЯ

Я тихонько притворила за собой дверь в кабинет и постояла немного, собираясь с духом. Затем глубоко вдохнула воздух, но из-за плотно стягивающего грудь корсета из китового уса получился звук, напоминавший сдавленный писк.

Джейми, сидевший над грудой бумаг, поднял голову и замер с широко раскрытыми глазами. Приоткрыл было рот, но не издал ни звука.

— Ну и как тебе? — Придерживая шлейф, я бодро шагнула в комнату и прошлась, слегка покачивая бедрами, как учила меня портниха, чтоб показать край плиссировки из прозрачного шелка, которая украшала нижнюю юбку.

Джейми закрыл рот и заморгал.

— Это... оно... Красное, да? — пробормотал он.

— Ну, почти. Называется «Кровь Христа», если уж быть точным. Самый модный в сезоне цвет, так мне, во всяком случае, сказали.

— Не каждая женщина осмелится надеть такое, мадам, — заявила мне портниха сквозь булавки, зажатые во рту. — Но вы, с вашим цветом кожи! Бог мой, да мужчины будут просто ползать у ваших ног!

— Пусть только попробуют, сразу пальцы отдавлю, — сурово ответила я. Я вовсе не собиралась шить столь вызывающий наряд, хотя, конечно, хотелось, чтоб на меня обратили внимание. Джейми велел мне заказать такое платье, в котором бы я выделялась в толпе. Невзирая на утреннюю сонливость, король, оказывается, запомнил Джейми, и мы получили приглашение на бал в Версаль.

— Мне надо заручиться поддержкой денежных людей, — объяснял Джейми чуть раньше, делаясь своими планами. — А поскольку ни положения, ни настоящей власти у меня нет, надо сделать так, чтоб они сами искали нашего общества. — И он, глубоко вздохнув, поднял глаза на меня, далеко не блистающую очарованием в неуклюжем ночном халате. — Боюсь, что в Париже нам придется часто бывать в обществе. Даже, если получится, появляться при дворе. Они узнают, что я шотландец, начнутся расспросы о принце Карле, о том, действительно ли у меня на родине хотят возвращения Стюартов. Тогда я косвенным образом дам им понять, что большинство шотландцев готовы хорошо заплатить, лишь бы не видеть на троне Стюартов, пусть даже и погрешу при этом против истины.

— Да, лучше не выдавать своих истинных намерений, — согласилась я. — Иначе в следующий раз Красивый Принц спустит на тебя всех собак. — С тем, чтобы держаться в курсе планов Карла, Джейми еженедельно наносил визиты в маленький особняк на Монмартре.

Он слегка усмехнулся:

— Ну, что касается его высочества и сторонников якобитов, то я полностью лоялен Стюартам. А поскольку Карла Стюарта при дворе не принимают, а меня — да, то шансы узнать, о чем я там болтаю, у него невелики. Все парижские якобиты, как правило, живут очень замкнуто. Одна из причин: им просто не хватает денег, чтоб появляться в высшем обществе. Спасибо Джареду: у нас деньги имеются.

Джаред был полностью согласен с кузеном, что круг знакомств и развлечений следует расширять, с тем чтобы французская знать, а также члены богатых семейств проложили себе дорогу к нашему дому, где их услаждали бы и соблазняли рейнскими винами, занимательной беседой, изысканными развлечениями и настоящим шотландским виски в невероятных количествах. Именно поэтому бедный Муртаг последние две недели только и знал, что курсировал между портом и нашими подвалами.

— Им всегда подавай что-нибудь новенькое, — говорил Джейми, набрасывая какой-то рисунок на обратной стороне листа, где была напечатана поэма, в деталях описывающая непристойную любовную связь между графом де Севиньи и супругой министра сельского хозяйства. — И вообще, знать обращает внимание прежде всего на внешность. Так что для начала нам надо предоставить им что-нибудь необыкновенное, на чем можно будет остановить взор.

Судя по его потрясенному виду, я для начала в этом преуспела. Я немного покружилась по комнате, отчего громадная юбка закачалась, как колокол.

— Неплохо, правда? — спросила я. — Во всяком случае, заметно.

Он наконец обрел дар речи.

— Заметно? — хрипло пробормотал он. — Заметно! Еще бы, да ты вся просвечиваешь насквозь!

Я глянула вниз:

— Ну, скажешь тоже! И вовсе это не я, а кружева, а под ними — подкладка из белого шелка.

— Да? А как похоже на твое тело! — Он встал и подошел поближе, потом наклонился, разглядывая лиф платья. Заглянул за корсаж. — Господи, да тебя до самого пупка видеть! Неужели ты всерьез собираешься выйти в этом на люди?

Я слегка оцетинилась. Я и сама чувствовала себя несколько неловко в столь откровенном туалете, несмотря на полное его соответствие модным рисункам, которые показывала мне портниха. Но реакция Джейми заставила занять оборону, и я, чувствуя шаткость своих позиций, стала агрессивнее.

— Ты же сам велел мне выглядеть заметнее! — напомнила я. — И вообще, это еще ничто по сравнению с последней придворной модой. Поверь, я еще выбрала самое скромное, не то что платья мадам де Периньон и герцогини Руанской. — Я подбоченилась и с вызовом заглянула ему в глаза. — Или ты хочешь, чтоб я появилась при дворе в своем старом зеленом бархатном?

Джейми отвел глаза от декольте и поджал губы.

— М-м-м, — буркнул он. И выглядел в этот момент типичным шотландцем.

Настало время немного утешить мужа. Я подошла и положила руку ему на плечо.

— Ладно, перестань, — сказала я. — Ты ведь бывал при дворе и видел, как там одеты дамы. И прекрасно знаешь, что по их понятиям ничего особенно вызывающего в этом платье нет.

Он снова оглядел меня с головы до ног и улыбнулся, слегка пристыженный.

— Да-а, — протянул он. — Да... это, конечно, верно. И все же... Ты ведь мне жена, Саксоночка. И я не хочу, чтоб другие мужчины смотрели на тебя и видели то, что я видел у этих дамочек.

Рассмеявшись, я обняла его за шею, притянула к себе и поцеловала. Он положил мне руку на талию, пальцы бессознательно гладили скользкий красный шелк. Затем поползли вверх, к шее. Другая рука легла на грудь, там, где она мягко и округло выступала из узкого и жесткого корсажа — роскошно и соблазнительно свободная, прикрытая лишь одним слоем тончайшего и прозрачайшего шелка. Наконец он отпустил меня и выпрямился, удрученно качая головой:

— Ладно. Никуда не денешься, придется, видно, тебе его надеть, Саксоночка! Но только умоляю, будь осторожней!

— Осторожней? Но чего мне бояться?

Губы его скривились в горестной усмешке.

— Послушай, женщина, ты имеешь представление, как выглядишь в этом платье? Глядя на него, так и хочется тебя изнасиловать, прямо с ходу. А эти лягушатники, разве они обладают моей выдержкой? — Он слегка нахмурился. — А ты не могла бы... чем-нибудь прикрыться сверху? — Он

махнул рукой в сторону своего камзола с кружевным жабо, сколотым булавкой с рубином. — Ну, шарфиком там или платочком.

— Вы, мужчины, — заявила я ему, — не имеете ни малейшего представления о моде! Ладно, не беспокойся. Портниха объяснила мне, для чего существует веер. — И я жестом, который разучивала минут пятнадцать, раскрыла веер из кружев в тон платью и, обмахиваясь им, кокетливо прикрыла бюст.

Джейми задумчиво взирал на это представление, затем достал из гардероба мой плащ.

— Сделай мне одно одолжение, Саксоночка, — сказал он, накидывая тяжелый бархат мне на плечи. — Возьми веер побольше.

В плане привлечения всеобщего внимания платье имело несравненный успех. Что же касается кровавого давления Джейми, то тут эффект был скорее отрицательным.

Он все время держался поблизости, бросая яростные взоры на любого мужчину, осмеливавшегося взглянуть в мою сторону, пока Аннализ де Марийяк не углядела нас с другого конца залы и не поплыла навстречу, тонкие черты лица сморщены в приветливой улыбке. Улыбка на моих губах тут же застыла. Аннализ де Марийяк была, по словам Джейми, его старой «знакомой», он знал ее еще со времени первого приезда в Париж. К тому же она была красива, обаятельна и на удивление хрупка.

— Мой маленький дикарь! — приветствовала она Джейми. — Хочу вас кое с кем познакомить. Вернее, сразу с несколькими людьми. — Словно фарфоровая куколка, она качнула головой в сторону группы мужчин, собравшихся в углу возле столика для игры в шахматы. Они яростно о чем-то спорили. Я узнала герцога Орлеанского и Жерара Гоблена, известного банкира. Судя по всему, там действительно собрались влиятельные люди. — Идемте, сыграете с ними в шахматы, — настаивала Аннализ, положив на руку Джейми свою крошечную белую ручку. — К тому же там очень удобное место для встречи с его величеством, он появится чуть позже.

Король должен был появиться после ужина, примерно через час или два. В ожидании его гости бродили по дворцу, болтали, разглядывали живопись на стенах, флиртовали, прикрываясь веерами, поглощали сладости, тарталетки и вино и время от времени исчезали в небольших занавешенных альковах. Альковы были так ловко вделаны в стены, что казались незаметными, пока, приблизившись, вы не слышали доносившиеся оттуда голоса.

Джейми колебался, и Аннализ потянула его за руку.

— Идемте же! — настаивала она. — А за свою даму не волнуйтесь, — она окинула мой туалет одобрительным взором, — в одиночестве ей долго скучать не придется.

— Этого я и боюсь, — пробормотал Джейми еле слышно. — Ну, так и быть, разве что на минутку. — На миг ему удалось высвободиться из цепких рук Аннализ, и он шепнул мне на ухо: — Если найду тебя в одном из этих альковов, Саксоночка, мужчина, с которым ты там будешь, считай — покойник. А что касается тебя... — Рука его бессознательно потянулась к шпаге, висевшей на поясе.

— О нет, не выйдет, — возразила я. — Ты ведь на своем кинжале поклялся, что никогда больше не будешь меня бить. Какова же тогда цена твоим клятвам, а?

Он через силу усмехнулся:

— Нет. Бить я тебя не буду, во всяком случае — не так, как бы мне хотелось.

— Вот и хорошо. А что тогда ты со мной сделаешь? — продолжала дразнить я его.

— Что-нибудь да придумаю, — мрачно ответил он. — Еще не знаю, что именно, но тебе вряд ли понравится.

И, окинув напоследок присутствующих испепеляющим взором и сжав мое плечо жестом собственника, он позволил Аннализ увести себя, словно маленькому, но бойкому буксиру, толкающему огромную баржу.

Аннализ оказалась права. Не защищенная более внушительным присутствием мужа, я тотчас же оказалась в окружении джентльменов, налетевших на меня, как стая попугаев на спелый плод страсти.

Мне многократно целовали и жали ручку, осыпали цветистыми комплиментами, подносили бессчетное число чаш с вином, приправленным пряностями. Через полчаса заныли ноги. И лицо тоже — от улыбок. И руки — от непрерывного обмахивания веером.

За смену веера я даже испытывала к Джейми нечто похожее на чувство благодарности. Идя навстречу его пожеланиям, я взяла с собой самый большой из имевшихся вееров, гигантское сооружение не менее фута в длину, на котором были изображены, по всей видимости, горные олени, продирающиеся сквозь вересковые заросли. Джейми критически отозвался об олених, но размеры одобрил. Грациозно отмахнувшись от назойливых приставаний некоего чрезмерно пылкого юнца в красном, я опустила веер чуть ниже, к подбородку, чтоб уберечь платье от крошек тоста с семгой, который жевала. И не только от крошек. Джейми был выше меня на добрый фут и божился, что видел всю, до пупка, однако же эта часть моего

организма была недоступна взорам французских придворных, большинство из которых были ниже меня. Но с другой стороны...

Я очень любила лежать, уткнувшись носом Джейми в грудь, вернее — в маленькую ямочку в центре. Похоже, что некоторые из здешних моих малорослых обожателей разделяли эту страсть, и вот я не покладая рук бешено обмахивалась веером, сдувая им кудри с лица или же, если это не помогало, с треском захлопывала веер и довольно чувствительно шлепала им по напудренным головам.

А потому настоящим облегчением было услышать, как лакей, стоявший у двери, вдруг вытянулся и выкрикнул:

— Его величество король Людовик!

Поднимался король на рассвете, но расцветал, очевидно, к ночи. Он вошел в зал, неся себя с таким достоинством и изяществом, что казался куда выше своих пяти футов и шести дюймов, бросая налево и направо приветливые взгляды, величественными кивками отвечая на грациозные поклоны своих придворных.

То, что я видела, вполне соответствовало моим представлениям о том, как должен выглядеть монарх. Не слишком красивый, он держался так, словно был писанным красавцем; впечатление это усиливала не только роскошь наряда, но и поведение окружающих. На нем был парик с зачесанными назад по последней моде волосами, камзол из бархата, расшитый сотнями пестрых шелковых бабочек. В середине, в глубоком вырезе, виднелся жилет из соблазнительного кремового шелка с бриллиантовыми пуговицами, туфли украшали широкие пряжки в виде бабочек.

Темные, полуприкрытые веками глаза шныряли по толпе, надменный типично бурбонский нос принюхивался, словно выискивая нечто заслуживающее интереса.

Джейми, одетый в килт, но при этом еще и в камзол и жилет из плотного желтого шелка, с огненными кудрями, падавшими на плечи, с пледом, перекинутым через плечо, и маленькой косичкой сбоку, согласно старинной шотландской моде, безусловно заслуживал этого интереса. По крайней мере именно он, как мне показалось, привлек внимание короля Людовика, раз тот вдруг изменил направление и двинулся прямо к нам, раздвигая толпу, которая отхлынула в разные стороны, словно волны Красного моря. Мадам Несл де ла Турель — я как-то видела ее на одном из приемов — следовала за ним, точно ялик в фарватере большого судна.

Я позабыла о красном платье: его величество остановился прямо против меня и отвесил изящный поклон.

— Chere Madam! — сказал он. — Мы очарованы!

Я слышала, как глубоко вздохнул Джейми. Затем он выступил вперед и поклонился королю:

— Позвольте представить вам мою жену, ваше величество, миледи Брех Туарах!

Король выпрямился и отступил на шаг. Я тупо смотрела на него, затем по быстрому взмаху руки Джейми поняла, что он требует, чтоб я поздоровалась с королем.

Я автоматически присела в глубоком реверансе, стараясь не поднимать глаз от пола и не думать, как буду выглядеть, когда выпрямлюсь. Мадам Несл де ла Турель стояла совсем рядом с Людовиком, наблюдая за представлением со скучающей миной на лице. Ходили слухи, что она в данное время является его фавориткой. Согласно последней моде, она была одета в платье с вырезом ниже груди, которые прикрывал лишь клочок сверхпрозрачного газа, скорее для украшения, чем для защиты от холода или слишком любопытных взглядов.

Однако вовсе не платье и не прелести, которые оно обнажало, впечатлили меня, хотя справедливости ради следует отметить, что грудки у мадам де ла Турель были достаточно округлые, приятных очертаний и украшены крупными коричневатыми сосками, которые, в свою очередь, украшало довольно замысловатое сооружение из драгоценных камней, чуть прикрывая, но и не пряча совсем от глаз. Пара инкрустированных алмазами лебедей с рубиновыми глазками тянули шеи друг к другу, они небрежно свисали с двух золотых колечек. Ювелирная работа поражала мастерством, да и камни были отменные, но, заметив, что золотые колечки были продеты в соски, я едва не потеряла сознание. Соски были не на шутку изуродованы, но этот факт скрывали огромные жемчужины, по одной над каждым, свисающие на тонюсеньких золотых цепочках с золотых колец и, словно маятники, раскачивающиеся из стороны в сторону.

Я поднялась, покраснев и кашляя, извинилась и, прижав ко рту платок, отступила в сторону, едва не столкнувшись с Джейми. Тот, совершенно позабыв о приличиях, пялился на любовницу короля во все глаза.

— Она говорила Мари д'Арбанвиль, что соски ей прокалывал метр Раймон, — шепнула я мужу. Он по-прежнему не сводил с грудок мадам де ла Турель замороженного взгляда. — Хочешь, и я запишусь на очередь? — спросила я его. — Полагаю, что мне он сделает это бесплатно, в обмен на рецепт тоника из тмина.

Наконец Джейми перевел глаза на меня. Потом, взяв под локоть, подтолкнул к одному из альковов.

— Если еще хоть раз услышу об этом метре Раймоне, — прошипел он уголком рта, — я сам их тебе проколю, зубами.

Тем временем король направился к залу Аполлона, свободный проход, оставшийся за ним, быстро заполнялся гостями, выходящими после ужина. Видя, что Джейми остановился и заговорил с месье Жене, главой процветающей корабельной компании, я стала искать укромное местечко, где можно было бы присесть и хоть на минуту скинуть туфли.

Один из альковов, что поблизости, оказался свободным. Я отослала настырного обожателя за вином, затем, озираясь по сторонам, торопливо скользнула за штору.

Обстановка алькова располагала к интиму — кушетка, маленький столик и пара хрупких стульев, пригодных разве для того, чтоб бросить на них снятую одежду, а вовсе не сидеть. Тем не менее я уселась на один из них, скинула туфли и со вздохом облегчения положила ноги на второй.

Легкое позвякивание колец шторы за спиной подсказало, что исчезновение мое не осталось незамеченным.

— Мадам! Ну, наконец-то мы одни!

— Да, к сожалению, — вздохнула я. Наверное, один из этих бесчисленных графов. Но нет, то оказался виконт, кто-то представил мне его чуть раньше. Виконт де Рамбо, коротышка. Я вспомнила, как вождельно заглядывали его маленькие, похожие на бусинки глазки за вырез моего декольте.

Не теряя времени даром, он проворно уселся на соседний стул и положил мою ногу себе на колени, страстно прижав обтянутую шелковым чулком ступню к паху.

— О, моя маленькая! Сколько изящества! Ваша красота совершенно смутила мою душу!

Про себя я подумала, что насчет моих ног он, пожалуй, заблуждается — слишком изящными их вряд ли можно было назвать. Поднеся ступню к губам, он начал нежно покусывать мои пальцы.

— Вот какая маленькая свинка поселилась в городе, вот какая свинка...

Я выдернула ногу из цепких пальцев и торопливо, насколько позволяли громоздкие юбки, поднялась.

— Уж если говорить о свиньях, которые населяют этот город, — нервно начала я, — не думаю, что мой муж будет в восторге, обнаружив вас здесь.

— Ваш муж! Фу! — Он отмахнулся. — Уверен: какое-то время он будет занят. А пока кошки нет... Иди же ко мне, моя маленькая мышка.

Позволь услышать твой нежный писк!

Очевидно, с целью взбодриться виконт достал из кармана эмалевую табакерку с нюхательным табаком, ловко вытряс несколько темных крошек на тыльную сторону ладони и изысканным жестом поднес к ноздрям.

Он глубоко втянул воздух, глазки-бусинки светились радостным предвкушением, затем запрокинул голову, но тут со звоном медных колец внезапно распахнулась штора. Рука виконта дрогнула, и он громко чихнул, сдувая крошки табака прямо мне на грудь.

Я взвизгнула.

— Вы, отвратительное маленькое ничтожество! — воскликнула я и залепила ему пощечину сложенным веером.

Виконт отпрянул, глаза его наполнились слезами. Затем, споткнувшись о мои туфли девятого размера, валявшиеся на полу, вылетел из алькова и напрямик угодил в объятия Джейми.

— Да уж, наделал ты шуму, — заметила я.

— Ба! — Он отмахнулся. — Пусть еще спасибо скажет, подонок, что я не оторвал ему поганую голову и не заставил ее сожрать!

— Да, занимательное было бы зрелище, — сухо ответила я. — Однако искупать его в фонтане тоже была недурная идея.

Он поднял на меня синие глаза, на хмуром лице возникло подобие улыбки.

— Э-э, ладно, что там говорить. Слава Богу, что еще не утопил.

— Полагаю, виконт оценил твою сдержанность.

Джейми фыркнул. Он стоял в центре гостиной, входившей в небольшие дворцовые апартаменты, куда король, отсмеявшись, распорядился отвести нас, мотивируя тем, что в такое позднее время домой возвращаться не стоит.

— И потом, *mon chevalier*, — заметил он, оглядывая мощную фигуру Джейми, с которого капала на пол вода, — нам не хотелось бы подвергать риску ваше здоровье. Вы можете простудиться, и тогда двор лишится немалой толики развлечений, а мадам мне этого никогда не простит. Не правда ли, дорогая? — Он протянул руку и игриво ущипнул мадам де ла Турель за сосок... Любовница, похоже, была раздражена этой фривольностью, однако с готовностью улыбнулась. Впрочем, я заметила, что всякий раз, когда король отвлекался, она бросала зазывные взоры на Джейми. И неудивительно. Следует признать, он действительно производил впечатление, стоя на террасе, под лучами света направленного на него фонаря, в мокрой одежде, прилипшей к телу. Понять я ее могла, однако была далеко не в восторге от этих взглядов.

Он сорвал с себя мокрую рубашку и бросил на пол. Без нее он был еще красивее.

— Что же касается тебя, — зловеще начал он, — разве я не предупреждал, чтоб ты держалась подальше от альковов?

— Да. Но забудем об этом на секунду, мистер Линкольн. Как вам понравилась игра? — вежливо осведомилась я.

— Что? — Он уставился на меня, как на сумасшедшую.

— Да ничего, это я просто так, к слову. Просто хотелось узнать: ты, наверное, встретил какого-то очень полезного человека, раз вместо того, чтоб защищать свои супружеские права, просидел с ним столько времени, не обращая на меня ни малейшего внимания?

Он яростно растер волосы полотенцем, взятым с умывальника.

— Ну, да... Сыграл партию в шахматы с месье Дюверни. Кстати, разделал его в пух и прах. Он страшно разозлился.

— О-о, звучит многообещающе. А кто он такой, этот месье Дюверни?

Он кинул мне полотенце и усмехнулся:

— Министр финансов Франции, Саксоночка.

— О! И ты радуешься, что рассердил его?

— Да он сам на себя обозлился за то, что проиграл, Саксоночка. Теперь не успокоится, пока не выиграет у меня хотя бы партию. Так что в воскресенье придет к нам, будем опять играть.

— Неплохо, — заметила я. — И во время игры ты постарайся внушить ему, что перспективы Стюартов весьма туманны, и убедить в том, что Людовик не намерен оказывать им финансовую поддержку, невзирая на родство?

Он кивнул, расчесывая волосы пальцами. Огонь в камине еще не разожгли, и он немного дрожал.

— А где же ты научился играть в шахматы? — с любопытством спросила я. — Я и не подозревала, что ты умеешь.

— Колам Макензи научил, — ответил он. — Мне было шестнадцать, и я целый год жил в замке Леох. Ко мне приходили учителя, учить французскому, немецкому, математике и прочему. Но каждый вечер я на часок забегал к Ко-ламу играть. Правда, он справлялся со мной меньше чем за час, — сердито добавил он.

— Не удивительно, что теперь ты такой замечательный игрок, — сказала я. Дядюшка Джейми, Колам, перенес какую-то болезнь и был прикован к креслу, но неподвижность свою компенсировал умом, способным посрамить самого Макиавелли.

Джейми встал, расстегнул пояс со шпагой и сузил глаза.

— Не думай, что я не понимаю, куда ты гнешь, Саксоночка. Сменила тему и льстишь, точно куртизанка. Разве я не предупреждал тебя насчет этих альковов?

— Но ты же обещал не бить меня, — напомнила я и на всякий случай немного отодвинулась вместе с креслом.

Он снова фыркнул, бросил пояс на сундук, а килт — на пол, на промокшую рубашку.

— Неужели я похож на человека, который будет бить беременную женщину? — спросил он.

Я с сомнением окинула его взглядом. Абсолютно голый, с белыми шрамами, покрывающими тело, и мокрыми темно-рыжими кустиками волос, он походил сейчас на викинга, сошедшего с корабля и готового насиловать и грабить.

— Если честно, то похож на типа, способного на все, — ответила я. — А что касается алькова... Да, предупреждал. Наверное, мне следовало снять туфли где-нибудь в зале, прямо на людях. Откуда мне было знать, что этот кретин попрутся за мной и будет лизать мне пятки?.. Ну, если не бить, то что же ты все-таки будешь со мной делать? — И я вцепилась в ручки кресла.

Он лег на постель и усмехнулся:

— Сними это шлюхино платье, Саксоночка, и иди ко мне.

— Что?

— Раз уж нельзя отлупить тебя или искупать в фонтане... — Он пожал плечами. — Ты заслужила хорошей трепки, но что-то у меня глаза прямо слипаются. — Он широко зевнул и снова усмехнулся. — Слушай, напомнишь, чтоб я сделал это утром, когда проснемся, идет?

— Ну, что, получше? — Темно-синие глаза Джейми глядели на меня с тревогой. — Неужели это нормально, когда так сильно тошнит, а, Саксоночка?

Я откинула волосы с потного лба и накрыла лицо влажным полотенцем.

— Не знаю, нормально или нет, — голос мой звучал слабо, — остается лишь надеяться, что да. Некоторых женщин тошнит до самого конца. — Перспектива выглядела малоприятной.

Чтобы определить время, Джейми по своей привычке взглянул не на расписные каминные часы, но в окно, на солнце.

— А ты сможешь спуститься к завтраку, Саксоночка? Или попросить служанку принести что-нибудь сюда?

— Нет, не надо, мне уже лучше. — Я не лгала. Как ни странно, но если

не считать выматывающих приступов утренней тошноты, чувствовала я себя в целом прекрасно. — Дай только рот прополощу.

Только я склонилась над тазиком и стала плескать в лицо холодную воду, как в дверь постучали. Очевидно, слуга, которого мы послали в наш парижский дом за сменой одежды.

Но, к моему удивлению, то оказался придворный с запиской. Нас приглашали на ленч.

— Его величество обедает сегодня с английскими аристократами, — объяснил он, — они только что прибыли в Париж. А перед тем решил пригласить на ленч видных английских торговцев, его высочество герцога и нескольких его соотечественников. И кто-то подсказал его величеству, что ваша супруга — англичанка, настоящая английская леди, а потому он просит быть также и вас.

— Хорошо, — ответил Джейми, бросив на меня быстрый взгляд. — Можете передать его величеству, что мы почтем за честь.

Вскоре после этого приехал Муртаг, как всегда мрачный и сосредоточенный, с огромным свертком одежды и моей аптечкой, которую я тоже просила доставить. Джейми отвел его в гостиную, где начал отдавать различные деловые распоряжения, я же тем временем торопливо переоделась в свежее белье и платье, впервые пожалев о том, что отказалась от услуг горничной. После ночи, проведенной в объятиях огромного промокшего шотландца, волосы мои были в страшном беспорядке — пряди торчали в разные стороны, и укротить их с помощью лишь расчески и щетки казалось невозможным.

Наконец я кое-как привела голову в порядок и появилась на пороге, раскрасневшаяся и сердитая от усилий. Джейми, глянув на меня, пробормотал что-то насчет ежей, но я в ответ обожгла его таким укоризненным взглядом, что у него хватило ума не продолжать.

Прогулка среди террас и фонтанов дворцового сада значительно улучшила мое самочувствие. Листва на большинстве деревьев еще не распустилась, но день для конца марта выдался на удивление теплый, а набухающие на ветках почки пахли свежо и пряно. Казалось, слышно, как бегут соки в стволах высоких каштанов и тополей, обрамляющих тропинки и скрывающихся под сенью своих ветвей мраморные статуи.

Я прошла мимо статуи полуодетого мужчины с виноградной гроздью в кудрях и поднесенной к губам флейтой. Огромный козел с шелковистой шерстью жадно тянулся к другим гроздьям, спадающим с мраморных складок плаща.

— Кто это? — спросила я. — Пан?^[14]

Джейми усмехнулся и покачал головой. На нем был старый килт и старый камзол. Но даже в этом одеянии он был куда красивее разодетых в пух и прах придворных, проходивших мимо нас щебечущими группками.

— Нет. Статуя Пана здесь тоже, кажется, есть, но это не он. Это один из четырех «соков» человека.

— Соков? — удивилась я. — Пожалуй... Во всяком случае, выглядит он довольно сочным. — Я покосилась на виноград.

Джейми улыбнулся:

— Да не в этом смысле! Ты ведь вроде бы врач, Саксоночка! Должна знать. Неужели ничего не слышала о четырех соках, из которых состоит организм человека? Вот это Кровь. — Он указал на мужчину, играющего на флейте, потом — по другую сторону аллеи. — А это Меланхолия. — Высокий человек в некоем подобии тоги держал в руке раскрытую книгу. — А вон там, — Джейми указал вперед, — там Желчь. — Голый мускулистый молодой человек сердито и без всякого сожаления взирал на мраморного льва, готового вцепиться зубами ему в ногу. — А вот это Флегма.

— Неужели? — Флегма, бородатый джентльмен в шляпе, стоял, скрестив руки на груди, у ног его сидела черепаха. — Гм...

— А что, врачам в ваши времена не объясняли, что такое соки?

— Нет, — ответила я. — Вместо этого нам объясняли, что такое микробы.

— Вот как? Микробы... — тихо пробормотал он, словно пробуя слово на вкус, перекатывая его на кончике языка с характерным шотландским рыком, отчего оно приобрело уже совсем злое звучание. — Мик-р-р-р-обы! А на что они похожи, эти микробы?

Я взглянула на статую Америки — достигшая брачного возраста дева в юбке и головном уборе из перьев, с крокодилом у ног.

— Ну, такую колоритную статую им не следовало бы здесь выставлять, — объяснила я.

Крокодил у ног Америки напомнил мне о метре Раймоне.

— Так ты не хочешь, чтоб я пошла к метру Раймону? — спросила я. — Прокалывать соски?

— Естественно не хочу... чтоб ты прокалывала соски, — решительно заявил он и, взяв меня под локоть, увлек вперед по аллее, видимо, опасаясь, что голые груди Америки вдохновляют меня на эту затею. — И вообще, нечего тебе ходить к этому метру Раймону. О нем ходят разные слухи.

— Обо всех в Париже ходят слухи, — заметила я. — И уверена, что метр Раймон слышит о них.

Джейми кивнул, волосы блеснули в бледном свете весеннего солнца.

— Да уж, наверняка. А я слышал, что о нем болтают в тавернах и гостиных. Метр Раймон является главой одного тайного общества, но это отнюдь не сторонники якобитов.

— Правда? Кто же тогда?

— Кабалисты, оккультисты. Возможно, колдуны.

— Надеюсь, Джейми, ты не принимаешь все эти сказки о колдунах и демонах всерьез?

Мы подошли к части сада, известной под названием «Зеленый ковер». Стояла ранняя весна, и лужайка еще только начинала зеленеть, но по ней бродили люди, радуясь на редкость ясной и теплой погоде.

— Нет, в колдунов не верю, — ответил он после паузы и, отыскав уютный уголок возле живой изгороди, сел на траву. — Разве что граф Сент-Жермен исключение.

Мне вспомнился взгляд черных глаз Сент-Жермена в Гавре, и я слегка вздрогнула, несмотря на солнце и шерстяную шаль, накинутую на плечи.

— Думаешь, он как-то связан с месье Раймоном?

Джейми пожал плечами:

— Не знаю. Но ведь ты сама пересказывала мне все эти слухи о Сент-Жермене. И если метр Раймон действительно член этого общества, думаю, Саксоночка, тебе надо держаться от него подальше. — Он криво усмехнулся. — В конце концов, не все же время мне спасать тебя от костра.

Тень под деревьями напомнила мне о мраке, царившем в каземате для воров в Крэйнсмуире, и я снова содрогнулась и придвинулась поближе к Джейми и солнечному свету.

В траве под цветущим кустарником ворковали голуби. Придворные дамы и господа занимались примерно тем же, расхаживая по аллеям, украшенным скульптурами. Разница состояла в том, что голуби производили куда меньше шума.

За нашими спинами возникло видение в шелковом одеянии цвета морской волны, громким голосом выражающее восторг по поводу вчерашней пьесы, показанной при дворе. Три сопровождавшие его дамы, хоть выглядели и не столь эффектно, но полностью разделяли его мнение.

— Великолепно! Просто великолепно! Какой голос у этой ла Куэль!

— Да, потрясающе! Прелесть!

— Восхитительно, просто восхитительно! Великолепно — вот самое точное слово.

— Да, великолепно!

Все четыре голоса звучали пронзительно и визгливо — такой звук издают гвозди, выдерживаемые из дерева. В отличие от них у голубя-

кавалера, бродившего в траве в нескольких футах от моих ног, голос отличался приятным сладкозвучным и низким тембром, он ворковал так нежно и выразительно, надувая грудь и беспрерывно раскланиваясь с таким видом, словно бросал свое сердце к ногам возлюбленной, на которую, впрочем, это не производило особого впечатления.

Я перевела взгляд с птиц на придворного «голубка» в аквамариновой шелке, который в этот момент бросился поднять с земли отделанный кружевом платочек, игриво оброненный одной из его спутниц, очевидно, не без тайного умысла.

— Дамы прозвали этого человека «Сосиской», — заметила я. — Интересно, почему?

Джейми сонно промычал что-то и приоткрыл один глаз — взглянуть на удаляющегося придворного.

— М-м? А, ну да, «Сосиска». Наверное, за длинный член, который он никак не может удержать в панталонах. Не пропускает никого. Гоняется за дамами, лакеями, куртизанками, пажами. Ходят слухи, что не брезгует даже маленькими собачками, — добавил он, глядя вслед удаляющемуся камзолу цвета морской волны. К обладателю его приближалась сейчас придворная дама, походившая на сверток белых воланов и кружев, которые она защитным жестом придерживала на пышной груди. — О, это опасно! Сам бы я ни за что не решился приблизиться к этой твякающей болонке.

— Не рискнул бы своим членом? — шутливо спросила я. — Кстати, слышала, как эту деталь вашего организма иногда называют Питер. А янки по каким-то известным только им причинам — Дик. Как-то раз я обозвала одного пациента, который меня все время поддразнивал, «Умным Диком», так у бедняги от смеха чуть швы не разошлись.

Джейми и сам засмеялся, а потом сладко потянулся под ласковыми лучами весеннего солнышка. Затем подмигнул мне и перекатился на живот.

— Знаешь, при одном взгляде на тебя, Саксоночка, с моим Диком такое творится! — сказал он. Я откинула ему волосы со лба и нежно поцеловала в переносицу.

— А зачем, как ты думаешь, мужчины дают эти прозвища? — спросила я. — Джон, Томас. Или тот же Роджер. Женщины так не делают.

— Разве? — Джейми был явно заинтригован.

— Конечно нет! Иначе бы я назвала какую-нибудь часть своего тела, скажем нос, Джейн.

Он снова расхохотался — грудь так и заходила ходуном. Я навалилась на него, с наслаждением ощущая под собой теплоту крепкого тела. Теснее прижалась к бедрам, но многочисленные нижние юбки делали этот жест

скорее символическим.

— Ну, уж во всяком случае, — рассудительно заметил Джейми, — ваши штучки не встают и не падают сами по себе, как бы вам того ни хотелось. Насколько мне известно, конечно, — добавил он и вопросительно приподнял бровь.

— Нет, слава Богу, нет. Кажется, я слышала, что французы называют свой член Пьер, — сказала я, глядя на проходившего мимо щеголя в зеленом муаровом камзоле, отделанном бархатом.

Джейми так громко расхохотался, что до смерти перепугал голубей в кустарнике. Они взлетели, возмущенно хлопая крыльями и разбрасывая мелкие серые перышки. Пушистая белая болонка, доселе спокойно сидевшая на руках своей хозяйки, тут же проснулась, вылетела из своего теплого гнездышка, словно пинг-понговый шарик, и пустилась вдогонку за голубями, оглашая окрестности бешеным лаем; вслед ей неслись не менее визгливые крики хозяйки.

— Не знаю, Саксоночка, — сказал Джейми, вытирая выступившие от смеха слезы. — Я только раз слышал, как один француз называл свой член Джорджем.

— Джордж! — повторила я так громко, что привлекла внимание проходившей мимо небольшой группы придворных. Один из них, невысокий, но очень подвижный субъект в эффектном черно-белом шелковом наряде, приостановился и низко поклонился мне, подметая землю у моих ног шляпой. Один глаз у него затек, на переносице краснел след от удара, но спутать его с кем-либо было невозможно.

— К вашим услугам, мадам, — сказал он.

Все бы ничего, если б не эти проклятые соловьи. В обеденном зале стояла страшная жара, было полно придворных и слуг, один из китовых усов моего корсета вылез и страшно колот в бок, стоило только поглубже вздохнуть, к тому же я страдала от новой напасти, сопровождавшей беременность, — через каждые несколько минут мне хотелось мочиться. Но я терпела. Было бы полнейшим неприличием встать из-за стола раньше короля, пусть даже это был самый непритязательный ленч по сравнению с пышными официальными приемами, устраиваемыми в Версале, — так мне, во всяком случае, дали понять. Обычный... Тоже довольно относительное понятие.

Да, действительно, подавали лишь три сорта пикулей со специями, а не восемь, как обычно. И один суп, не слишком густой прозрачный бульон. Оленина просто запеченная, а не на вертеле, рыба, вымоченная в вине, — кусочками, а не целиком, как заливное с креветками.

Впрочем, явно удрученный такой небывалой простотой, один из поваров расстарался и приготовил изумительную закуску — гнездышки, искусно сплетенные из полосок теста и украшенные веточками цветущей яблони. На конце каждой из веточек сидели по два соловья — ощипанные, поджаренные и фаршированные яблоком и корицей, а потом снова одетые в свои же перья. А в гнездышке находилось целое семейство птенцов с поджаренными, хрустящими на зубах крошечными крылышками и кожей, смазанной медом. Раскрытые клювики были набиты миндальной пастой.

После того, как блюдо торжественно обнесли вокруг стола, дабы каждый из гостей имел возможность восхититься этим произведением кулинарного искусства, причем сопровождалась эта церемония их восторженным ропотом, блюдо поставили перед королем, который, на секунду отвлекшись от беседы с мадам де ла Турель, схватил одно из гнездышек и сунул его в рот.

Хрум, хрум, с хрустом жевали челюсти короля. Словно замороженная следила я за каждым его глотком, и мне казалось, что это через мое горло проходят крошечные косточки. Коричневые от жира пальцы ухватили одного из птенцов...

Тут я сочла, что встать из-за стола прежде его величества — сущий пустяк по сравнению с тем, что может сейчас со мной произойти, вскочила и вылетела из зала.

Несколько минут спустя, поднявшись с колен среди кустарника в саду, я услышала за спиной какой-то звук. Ожидая увидеть справедливо разгневанный взгляд садовника, я встретила глазами с не менее разгневанным мужем.

— Черт подери, Клэр! Долго это будет еще продолжаться?! — воскликнул он.

— Наверное... да, — ответила я и в полном изнеможении присела на бортик декоративного фонтана. Руки у меня были влажные, и я вытерла их о юбку. — Думаешь, это я нарочно? — Голова кружилась, и я прикрыла глаза, стараясь не потерять равновесия и не свалиться в фонтан.

Внезапно я почувствовала на поясице чью-то руку и полуприслонилась-полуупала в объятия мужа. Он присел рядом и обнял меня:

— О Господи! Прости, mo duinne! Тебе как, получше, а, Клэр?

Я немного отстранилась, чтоб видеть его лицо, и ответила с улыбкой:

— Я в порядке. Только голова немного кружится. — Протянув руку, я пыталась разгладить морщинку озабоченности, залегшую между бровей. Он улыбнулся, но морщинка не исчезла — тонкая вертикальная черточка

между густыми песочного цвета изогнутыми бровями. Он окунул руку в фонтан и погладил меня по щеке. Должно быть, я была страшно бледна. — Прости, — добавила я, — но, честное слово, Джейми, я просто не могла удержаться.

Мокрая рука начала нежно и сильно поглаживать меня по шее. Мелкая водяная пыль, вылетающая из пасти дельфина с выпученными глазами, увлажняла волосы.

— О! И ты меня тоже прости, Саксоночка. Не обращай на мои слова внимания. Я не хотел обидеть тебя. А теперь, — он беспомощно взмахнул рукой, — чувствую себя просто тупоголовым кретином. Вижу, что тебе плохо, знаю, что сам виноват в том, что с тобой творится, а помочь ничем не могу. Вот и бешусь и рявкаю на тебя. Слышишь, Саксоночка, а почему бы тебе не послать меня к черту?

Я рассмеялась и смеялась так долго, что бока, стянутые тугим корсетом, заболели.

— Иди к черту, Джейми! — пролепетала я наконец, вытирая глаза. — Прямо в ад! «Да» и «нет» не говорите, черный-белый не берите! Ну что, доволен? Теперь тебе лучше?

— Ага, — ответил он, и лицо его просветлело. — Раз ты начала молоть всякую чепуху, значит, тебе получше. Тебе и вправду лучше, а, Саксоночка?

— Да, — ответила я. Выпрямилась и огляделась. Сады Версаля были открыты доступу публики, и по дорожкам и аллеям, странно контрастируя с придворными в разноцветных туалетах, прогуливались небольшие группки торговцев и мастеровых, радовавшихся теплой погоде.

Внезапно двери ближайшей террасы распахнулись, и в сад с веселым стрекотом высыпала целая толпа гостей. К ним тут же присоединились новые гости — они вышли из двух огромных карет, которые, как я заметила, тут же укатали к конюшням.

Это была большая группа мужчин и женщин, одетых, в отличие от придворных, довольно скромно. Однако внимание мое привлекла скорее не их внешность, но речь. Когда несколько человек болтают по-французски, издали звуки их речи напоминают кряканье уток или же перекличку гусей с характерным носовым прононсом. Английская же речь более плавная, медленная, без резких подъемов и спадов интонации. Доносящаяся издали, когда неразличимы отдельные голоса, она напоминает монотонный хрипловатый, но дружелюбный лай сторожевой собаки. И вот общий звуковой эффект, создаваемый этой группой, направлявшейся прямо к нам, был следующий: гогот гусей, которых гонит на базар стая собак.

Итак, хоть и с запозданием, гости из Англии все же прибыли. И

несомненно их вежливо провели сначала в сад, пока прислуга на кухне торопливо готовит для них новый обед и накрывает стол побольше.

Я с любопытством взидала на эту группу. Герцога Сандрингемского я, разумеется, знала: мы встречались с ним в Шотландии, в замке Леох. Его фигуру с бочкообразной грудью можно было различить издали, он бодро вышагивал рядом с Людовиком — модный парик слегка сдвинут набок, весь вежливое внимание.

Большинство из его сопровождавших были иностранцами, хотя мне показалось, что изысканно одетая дама средних лет есть не кто иная, как герцогиня Клейморская, которую, насколько мне было известно, ожидали во дворце. Ради этого случая даже доставили из загородного дома королеву, которая обычно проводила дни там, предоставленная самой себе. Она разговаривала с почетной гостьей, нежное ее лицо покраснелось от волнения — еще бы, для нее этот выход в свет целое событие!

Затем внимание мое привлекла молоденькая девушка, идущая следом за герцогиней. Довольно просто одетая, она тем не менее отличалась такой поразительной красотой, что резко выделялась в любой толпе. Небольшого роста, с хрупкой, однако не лишенной приятной округлости фигуркой, с темными блестящими ненапудренными волосами и поразительно белой кожей. Щеки горели румянцем, отчего лицо ее напоминало лепесток цветка.

Цвет ее лица напомнил мне о платье, которое некогда, в те, прежние времена, являлось любимым — легкое хлопковое платье с красными маками на светлом фоне. При мысли о нем вдруг с такой остротой вспомнился родной дом и прежняя жизнь, что я ухватила за край мраморной скамьи, а глаза защипало от слез. Наверное, причиной тому этот беглый, так знакомо звучащий английский, которого я не слышала за долгие месяцы скитаний по Шотландии, да и во Франции, разумеется, тоже. От этих визитеров пахло родным домом.

И тут я увидела его. Вся кровь отхлынула у меня от лица, пока глаза недоверчиво обегали точеные линии черепа с гладкой прической из темных волос, так резко выделявшейся на фоне напудренных париков. Казалось, в голове у меня тревожно зазвенел колокольчик, звон все разрастался и превратился в вой сирены, пока я боролась с собой, отказываясь верить тому, что вижу. Такая знакомая линия носа... Фрэнк, прошептала я себе, и все тело радостно подалось навстречу. Нет, не Фрэнк, секунду спустя сказал внутренний голос, доносящий из более рациональной и трезвой части сознания, и я застыла, укротив свой порыв и глядя на такую знакомую, слегка изогнутую в улыбке линию рта. Стояла и твердила про

себя: «Нет, это не Фрэнк», и ноги у меня словно онемели. А затем при виде высокого лба и надменного поворота головы меня вдруг охватила паника и заставила сжаться желудок и кулаки. Нет, это невероятно, просто невозможно. Это не может быть Фрэнк... А если нет, то тогда... тогда это не кто иной, как он...

— Джек Рэндолл. — Это был не мой голос. Это произнес Джейми каким-то странно спокойным, отвлеченным тоном. Мое поведение озадачило его и заставило взглянуть туда же, куда смотрела и я. И увидеть то, что видела я.

Он не двинулся с места. И даже охваченная паникой, я успела заметить, что он как будто и не дышал. Я смутно осознавала, как оказавшийся поблизости слуга с недоумением взирает снизу вверх на огромную, словно башня, фигуру шотландского воина, молчаливого и неподвижного, как статуя Марса. Вся моя тревога сосредоточилась на Джейми.

Он застыл. Как лев, слившийся с травой прерий, с горящими, немигающими, словно солнце глазами, готовыми сжечь все вокруг, и лишь в глубине этих глаз угадывалось какое-то едва уловимое движение — пресловутое мерцание зрачка кошки, вышедшей на охоту, легкое подрагивание кончика хвоста перед тем, как кинуться убивать.

Обнажить оружие в присутствии короля означало смерть. Муртаг находился где-то в другом конце парка и ничем не мог помочь. Рэндолл был уже в двух шагах. Его можно было достать шпагой. Я положила руку на плечо Джейми. Твердое и напряженное, как сталь шпаги. В глазах у меня помутилось.

— Джейми!.. — пролепетала я. — Джейми... — И потеряла сознание.

Глава 10

ДАМА С РОСКОШНО ВЬЮЩИМИСЯ КАШТАНОВЫМИ ВОЛОСАМИ

Я выплыла из мерцающего желтоватого тумана, состоявшего из пыли, солнечного света и осколков воспоминаний, чувствуя, что совершенно потеряна во времени и пространстве.

Надо мной склонился Фрэнк, лицо его было искажено тревогой. Он держал меня за руку. Нет, это не он. Это я держалась за чью-то руку, куда более крупную, чем у Фрэнка, пальцы мои ощущали жесткие волоски на запястье. Руки у Фрэнка были гладкие, точно у девушки.

— Как ты? — Голос Фрэнка, мягкий, интеллигентный.

— Клэр! — Голос куда более грубый и низкий, он вовсе не был голосом Фрэнка. И уж совсем не интеллигентный. И еще он был полон тревоги.

— Джейми... — Наконец-то я подобрала имя, соответствующее мысленному образу, к которому стремилась всей душой. — Джейми! Не надо!.. — Я села, дико озираясь по сторонам. Меня окружали любопытные лица придворных и среди них — лицо его величества. Склонившись, он разглядывал меня с сочувствием и интересом.

Двое людей стояли рядом на коленях, в пыли. Справа Джейми — глаза испуганно расширены, лицо бледное, точно цветок боярышника над головой. А слева...

— Вы в порядке, мадам? — Светло-карие, слегка встревоженные глаза, вопросительно изогнутые над ними тонкие черные брови. Нет, конечно, это не Фрэнк. И не Джонатан Рэндолл... Этот человек моложе капитана лет на десять, он почти одного возраста со мной. Лицо бледное, гладкое. Такой же четко очерченный рот, но в линиях его не угадывается жестокости.

— Вы... — прохрипела я, отстраняясь от него как можно дальше. — Вы...

— Александр Рэндолл, эсквайр, мадам, — быстро ответил он и вскинул руку, словно хотел дотронуться до шляпы, которой на голове у него не было. — Кажется, мы с вами прежде не встречались? — В голосе его звучало сомнение.

— Я... э-э... нет, не встречались, — ответила я и откинулась на руки Джейми. Они все еще были твердыми как железо, однако рука, сжимавшая

мою, слегка дрожала, и я спрятала ее в складки платья, чтоб остальные не заметили.

— Довольно необычный способ знакомства, миссис... о нет, леди Брох Туарах, не так ли? — Высокий пронзительный голос привлек мое внимание, и я, подняв голову, увидела над собой румяное и нежное, как у херувима, лицо герцога Сандрингема, он с любопытством выглядывал из-за спин графа де Савиньи и герцога Орлеанского. Затем он протолкнулся поближе и протянул мне руку — помочь подняться. Держа мою вспотевшую ладонь в своей, он кивком указал на Александра Рэндолла, эсквайра, тот, растерянно хмурясь, наблюдал за этой сценой. — Мистер Рэндолл служит у меня секретарем, леди Брох Туарах. Получить духовный сан — дело, конечно, почтенное, но слугам господним платят так скудно, не правда ли, Алекс? — Молодой человек слегка покраснел, однако вежливо кивнул, признавая правоту своего нанимателя. Только тут я заметила строгое черное платье с высоким белым воротником, что свидетельствовало о принадлежности мистера Рэндолла к низшему духовному рангу.

— Его светлость прав, миледи. А потому я с глубокой благодарностью принял его предложение. — Линия губ стала жестче, по-видимому, благодарность эта была не столь уж глубока, но говорил он вежливо. Я перевела взгляд на герцога — маленькие голубые глазки щурились от солнца, и прочитать в них что-либо было невозможно.

Эту маленькую сцену прервал король. Хлопнув в ладоши, он призвал двух лакеев, следуя его указаниям, они подхватили меня и чуть ли не силком усадили в портшез-носилки.

— Никаких возражений, мадам. — Он грациозным жестом отменил все мои протесты и благодарности. — Отправляйтесь домой и передохните, мы вовсе не желаем, чтоб вы пропустили завтрашний бал. — Большие карие глаза выразительно заглянули в мои, он поднес мою руку к губам. Затем, не отводя от меня взора, кивком попрощался с Джейми, который уже достаточно пришел в себя, чтобы рассыпаться в благодарностях и извинениях, и заметил: — Что ж, я готов принять вашу признательность, милорд, но с одним условием. Разрешите протанцевать один танец с вашей очаровательной супругой?

Губы Джейми дрогнули, однако он поклонился и ответил:

— Для жены, равно как и для меня, это огромная честь, ваше величество. — Он взглянул на меня. — Если она достаточно оправится, чтоб посетить завтрашний бал, уверен, она с нетерпением будет ожидать этого танца. — И, не дожидаясь ответа, он сделал знак носильщикам: —

Домой!

Дома, после долгого путешествия по улицам, пропахшим цветами и канализацией, я стянула тяжелое платье и громоздкий и неудобный кринолин и с облегчением переоделась в шелковый халат.

Я нашла Джейми у неразожженного камина — глаза закрыты, руки бессильно лежат на коленях. Лицо было бледно и сливалось с полотняной рубашкой, отчего в этом сумрачном освещении он походил на привидение.

— Матерь Божья, — пробормотал он, качая головой, — Боже милостивый и все пресвятые угодники, я ведь был буквально на волоске от того, чтобы убить этого человека. Ты понимаешь, Клэр? И если б ты не хлопнулась в обморок... Господи... Ведь я хотел убить его! — Он вздрогнул при этом воспоминании и замолк.

— Давай положи сюда ноги. — Я пододвинула к нему тяжелый резной табурет.

— Да нет, не надо, все в порядке. — Он отмахнулся. — Выходит, этот человек... брат Джека Рэндолла, что ли?

— Похоже на то, — суховати ответила я. — Кем же еще ему быть, как не братом?

— М-м... А ты знала, что он служит у Сандрингема?

Я отрицательно покачала головой:

— Нет. Ничего про него не знала, кроме имени и того, что он викарий. Фрэнк не очень-то им интересовался, он ведь не прямой его предок. — Легкая дрожь в голосе при упоминании имени Фрэнка выдала меня.

Джейми отложил фляжку и подошел ко мне. Остановился, поднял на руки и начал баюкать, крепко прижимая к груди. От складок его рубашки остро и свежо пахло садами Версаля. Потом он поцеловал меня в макушку и понес к постели.

— Давай приклони головку, Саксоночка, — с нежностью произнес он. — День выдался такой долгий и утомительный для нас обоих.

Я опасалась, что после встречи с Александром Рэндаллом Джейми снова начнут мучить кошмары. Это случалось, хотя и не часто. Я чувствовала, как он лежит бок о бок без сна, весь напряженный и настороженный, словно перед схваткой. Потом он вставал с постели и проводил остаток ночи у окна, словно оно было единственным выходом и убежищем, отвергая все мои утешения и мольбы. А к утру Джека Рэндолла и всех остальных демонов рассвет снова загонял в шкатулку, где они сидели, запертые под стальными замками воли Джейми, и все было хорошо.

Правда, засыпал Джейми быстро, все тяготы и неурядицы тут же

переставали терзать его, и лицо становилось спокойным и безмятежным. Я долго любовалась им, прежде чем задуть свечу.

Какое все же блаженство лежать вот так, неподвижно, чувствуя, как отогреваются холодные конечности, а ноющая спина, шея и колени цепенеют от сладкой дремы. Но мозг мой засыпал последним, и перед глазами в тысячный раз разворачивалась все та же сцена у дворца: мелькала темноволосая голова с высоким лбом, плотно прижатыми к черепу ушами и четко очерченным подбородком, снова и снова озаряла меня радостная вспышка узнавания и ощущение острой боли при этом. Фрэнк, подумала я тогда. Именно лицо Фрэнка стояло перед глазами, когда я наконец погружалась в сон.

Один из лекционных залов Лондонского университета, старинный деревянный потолок и современные полы, покрытые линолеумом, по которому неумоимо шаркают ноги. Старомодные голые скамьи — новых парт удостоились лишь классы для занятий точными науками. Для истории сойдет и исцарапанное шестидесятилетней давности дерево. В конце концов, ведь и предмет старый и не меняется — к чему какие-то новшества?

— Предметы искусства, — звучал голос Фрэнка, — и предметы быта... — Длинные его пальцы прикоснулись к ободку серебряного подсвечника, солнечный луч из окна сверкнул на металле, словно прикосновение было насыщено электричеством.

Предметы, позаимствованные из коллекции Британского музея, стояли выстроившись в ряд на столе. Студенты, сидящие в первом ряду, могли разглядеть крохотные трещинки на французской табакерке из желтой слоновой кости и коричневатые пятна от табака по краям белой глиняной трубки. Английский флакончик для духов в золотой оправе, бронзовая чернильница с крышкой, треснувшая ложка из рога и маленькие мраморные часы, украшенные двумя лебедями, пьющими воду. А за рядом этих предметов были разложены миниатюры, разглядеть изображенные на них лица мешал свет, отражающийся от поверхности.

Темноволосая голова Фрэнка сосредоточенно склонилась над этими вещами. Луч солнца высветил в волосах рыжевато-каштановую прядь. Бережно, точно яичную скорлупу, взял он в руки глиняную трубку.

— О некоторых периодах истории, — начал он, — у нас есть письменные свидетельства людей, живших в ту пору. О других мы знаем лишь по предметам, рассказывающим нам, как жили эти люди.

Он поднес трубку ко рту, сложил губы колечком, надул щеки, комично приподнял брови. В аудитории послышался сдавленный смешок, Фрэнк

улыбнулся и отложил трубку.

— Искусство и предметы искусства. — Он указал на ряд сверкающих миниатюр. — Их мы видим чаще всего, они всегда украшали и украшают жизнь человека. Да и почему бы нет? — Он говорил теперь, адресуясь исключительно к темноволосому юноше с умным интеллигентным лицом. Известный лекторский прием — выбирать себе в слушатели одного студента и говорить только ему, словно они наедине. Минуту спустя переключиться на другого. Тогда все будут с равным вниманием слушать. — Помимо всего прочего, это просто красивые вещи. — Палец коснулся лебедя на часах, провел по изгибу шеи. — Их стоит сохранять. Но кто станет хранить какой-нибудь старый и грязный чехол от чайника или истершуюся автомобильную шину? — На этот раз хорошенькая блондинка в очках улыбнулась и коротко кивнула в знак согласия. — Существуют предметы быта, о них, как правило, не пишут в мемуарах, их просто используют, а когда они ломаются, перестают быть нужными, так же просто, не задумываясь, выбрасывают. А ведь они могли бы рассказать нам, как жили простые люди. Вот эти трубки, к примеру, они могли бы рассказать, как часто и какой именно табак курили люди самых разных сословий, от высших, — палец похлопал по крышке эмаливой табакерки, — до низших, — палец бережно и нежно погладил длинный прямой ствол трубки.

Средних лет женщина торопливо строчила в блокноте, боясь пропустить хоть слово, а потому долго не замечала, что внимание лектора обращено на нее. Вокруг улыбчивых ореховых глаз залегли мелкие морщинки.

— Все записывать не обязательно, миссис Смит, — заметил Фрэнк. — Лекция длится целый час, вы весь карандаш испишете.

Женщина покраснела и бросила карандаш, однако все же улыбнулась в ответ на дружескую усмешку на худощавом загорелом лице Фрэнка. Теперь он уже завладел всеми ими — замороженные его мягким юмором, студенты внимали каждому слову. Они без колебаний и жалоб готовы были следовать за ним тропой неумолимой логики в самые дебри знаний. Напряжение, читавшееся в повороте темноволосой головы, спало, он чувствовал, что студенты неотрывно следят за ним и его мыслью.

— Казалось бы, лучший свидетель истории — человек. Мужчина... или женщина, — легкий кивок в сторону хорошенькой блондинки, — которые жили в ту или иную эпоху, верно? — Он улыбнулся и взял со стола треснувшую ложечку. — Что ж, может быть. В конечном счете это ведь вполне в характере человека — приукрашивать описываемые им события и

предметы, если он будет знать, что писания его прочтут. Люди пытаются сконцентрироваться на вещах, которые считают важными. И довольно часто приукрашивают их для публичного, так сказать, пользования. Попробуйте отыскать летописца, который бы с равным усердием описывал королевское шествие и то, как он ночью садится на горшок.

На этот раз смеялись уже все, и он, донельзя довольный собой, облокотился о стол, помахивая ложечкой.

— Ну и по аналогии люди чаще всего сохраняли именно красивые вещи, предметы искусства. Однако ночные горшки, ложки и дешевые глиняные трубки могут поведать нам об их хозяевах куда больше. Ну и потом, сами люди... Мы почему-то считаем, что исторические личности отличаются от нас, наделяем их некой мифологической аурой. Но ведь кто-то играл в эти шахматы? — Тонкий палец постучал по шкатулке. — Какая-то дама употребляла эти духи, — он коснулся флакончика, — наносила их капли за уши, на запястья, что вы еще там душиите, дамы? — Подняв голову, он улыбнулся пухленькой белокурой девушке, сидевшей в первом ряду. Та покраснела, хихикнула и коснулась V-образного выреза блузки. — Ах, ну да, конечно, здесь! И точно так же поступала владелица этого флакончика.

Все еще улыбаясь девушке, он откупорил его и поднес к носу.

— Что там, профессор? «Апреж»? — А он, оказывается, вовсе не такой уж скромник, этот студент. Темноволосый, как и Фрэнк, с дерзкими серыми глазами. Лектор закрыл глаза, глубоко втянул воздух, тонкие ноздри трепетали у горлышка флакона.

— Нет. Это «Л'Эр Бле». Мои любимые.

Он повернулся к столу, наклонился. Волосы упали на лоб, рука задумчиво застыла над рядом миниатюр.

— А это особый класс предметов. Портреты... С одной стороны, произведения искусства, с другой — на них изображены сами люди. Но насколько они для нас реальны?

Он взял крошечный овал, повернул его к аудитории, потом прочитал вслух надпись на бирке, прикрепленной к обратной стороне:

— «Дама», работы Натаниэля Плаймера, подписан инициалами, датируется тысяча семьсот восемьдесят шестым годом. Дама с вьющимися каштановыми волосами, уложенными в высокую прическу, в розовом платье с пышным воротником, на фоне облачного неба». — Он поднял лежавшую рядом миниатюру квадратной формы. — «Джентльмен», работы Горация Хоуна, подписан монограммой, датируется тысяча семьсот восьмидесятым годом. Господин с напудренными волосами, собранными в хвост, в коричневом сюртуке, синем жилете, с жабо и орденом, возможно,

Почетным орденом Бата».

На миниатюре был изображен круглолицый мужчина со сложенными бантиком губами — характерная мина для портретов XVIII века.

— Художники нам известны, — продолжал он, откладывая миниатюры. — Они или подписывали свои работы, или же оставляли какой-либо ключ в манере письма, сюжете рисунка, позволяющий определить авторство. Но что мы знаем о людях, которых они писали? Да, мы видим их, и однако же ничего о них не знаем. Странные прически, чудная одежда, они не похожи на известных вам людей, верно? А стиль письма, он делал их похожими друг на друга. Поэтому что мы можем о них сказать? Иногда, правда, встречаются исключения. — Рука парила над миниатюрами, потом выбрала одну, овальную. — «Джентльмен...»

Он поднял миниатюру. С нее из-под шапки огненных волос, в кои-то веки прибранных, заплетенных в косицу и завязанных ленточкой по тогдашней моде, смотрели синие глаза Джейми. Острый как нож нос едва не касался пышных кружев высокого воротника, крупный рот приоткрыт, уголок его приподнят — того гляди заговорит.

— Но ведь то были реальные люди, — настойчиво продолжал звенеть голос Фрэнка. — Они занимались тем же, что и вы, ну разве что не ходили в кино и не носились по автострадам. — Со стороны аудитории послышался одобрительный смешок. — Они заботились о своих детях, любили своих мужей и жен... Ну, иногда они... — Громкий смех. — «Дама», — продолжил он после паузы, бережно держа последнюю миниатюру в ладони. — «С каштановыми роскошно вьющимися волосами до плеч, в жемчужном ожерелье. Даты нет. Художник неизвестен».

Это было зеркало, а не миниатюра. Щеки у меня вспыхнули, губы задрожали — пальцы Фрэнка нежно коснулись подбородка, потом — изящной линии шеи. Слезы наполнили глаза и покатались по щекам, а в ушах все звучал поучительный голос. Потом он отложил миниатюру, и глаза мои уставились в деревянный потолок.

— Без даты... Неизвестен. Но ведь когда-то... она была живая.

Нечем стало дышать, сперва мне показалось, что из-за стекла, в которое была вставлена миниатюра. Но вот к моему носу прикоснулись чем-то мягким и влажным. Я отдернула голову и проснулась, чувствуя, что подушка под щекой мокра от слез. На плече лежала большая и теплая рука Джейми, он нежно тряс меня.

— Ш-ш-ш, девочка! Ну, тихо, тихо... Тебе просто приснился сон... Я здесь.

Повернув голову, я уткнулась носом в его обнаженное плечо. Я крепко

приникла к нему, а в уши медленно входили знакомые домашние шумы, вновь возвращая к жизни, которая была моей... Моей!

— Прости, — прошептала я. — Мне снилось... снилось, что...

Он похлопал меня по спине и полез под подушку за платком.

— Знаю. Ты назвала его имя. — Голос звучал печально.

Я снова уткнулась ему в плечо. От него пахло теплом, взъерошенными со сна волосами, и этот запах смешивался со слабым ароматом свежего постельного белья.

— Прости, — повторила я.

Он фыркнул, но на смех это походило мало.

— Сказать, что я ревную тебя к этому человеку, было бы ничего не сказать. Жутко ревную. Но возражать против того, чтоб он тебе снился... Или чтоб ты плакала из-за него, тут я бессилен. — Палец нежно провел по мокрому следу у меня на щеке, потом он промокнул его платком.

— Так ты не возражаешь?

Он криво улыбнулся в полумраке:

— Нет. Ты ведь его любила. Разве я могу обижаться на то, что ты его оплакиваешь? К тому же меня утешает одна мысль. — Он замолк, я протянула руку и откинула взъерошенные рыжие волосы со лба.

— Какая же?

— Что, в случае чего, ты и меня тоже будешь оплакивать, — еле слышно произнес он.

Я вжалась лицом в его грудь, слова звучали приглушенно.

— Я не буду оплакивать тебя потому, что не придется. Не собираюсь терять тебя, слышишь? — Тут меня осенила одна мысль, и я подняла на него глаза. — Ты ведь не думаешь, что я хочу вернуться, а? Не смей так думать только потому, что я иногда вспоминаю Фрэнка!

— Нет. — Он произнес это быстро и тихо и еще крепче сжал меня в объятиях. — Нет, — повторил он еще тише. — Мы принадлежим друг другу, ты и я, и ничто на свете не в силах нас разлучить. — Он погладил меня по волосам. — Помнишь, как я поклялся в день нашей свадьбы?

— Да, кажется. «Плоть от плоти моей, кровь от крови...»

— И я отдаю тебе свою плоть, чтоб мы могли стать единым целым, — закончил он. — Я собираюсь сдержать эту клятву, Саксоночка! И ты тоже. — Он бережно повернул меня к себе лицом, ладонь с нежностью опустил на слегка округлившийся живот. — Кровь от крови, — прошептал он, — и плоть от плоти. Ты носишь меня в себе, Саксоночка, и ты не можешь, не в силах оставить меня, что бы ни случилось. Ты моя, вся и навсегда, хочешь ты того или нет, хочешь ты меня или нет! Моя, и никуда

я тебя не отпущу.

Я положила руку поверх его ладони и сжала.

— Да... — тихо пробормотала я. — И ты меня не оставишь тоже.

— Нет. — Он улыбнулся. — Поскольку уж придется держать эту клятву до конца, до самого последнего ее слова. — Он обнял меня, склонил голову и прошептал в самое ухо в темноте, я ощущала на лице его теплое дыхание. — И мы будем вместе, пока не разлучит нас смерть!

Глава 11

ПОЛЕЗНЫЕ ЗАНЯТИЯ

— Кто этот странный маленький человечек? — с любопытством спросила я Джейми. Человек, о котором шла речь, медленно прокладывал себе дорогу среди гостей, собравшихся в главном зале особняка де Роханов. Останавливался на секунду-другую, окидывал группу гостей критическим взглядом, затем или пожимал худенькими плечиками и шел дальше, или подходил к мужчине или даме, что-то подносил им к лицу и выпаливал какую-то команду. Чем бы он там ни занимался, но, похоже, действия его очень веселили публику.

Прежде чем Джейми успел ответить, человечек, низенький, худенький и морщинистый, в сером саржевом костюме вдруг увидел нас, и лицо его просияло. Он накинулся на Джейми, как какая-нибудь маленькая хищная птичка кидается с высоты на крупного, но тем не менее испуганного кролика.

— Пойте! — скомандовал он.

— Что? — растерянно моргая, Джейми с удивлением глядел сверху вниз на крошечную фигурку.

— Я сказал: пойте, — терпеливо ответил человечек. И с восхищением ткнул Джейми в грудь морщинистым кулачком. — С такой грудной клеткой мы будем иметь такой резонанс! Какие объемы!..

— Да, объемы у нас имеются, — весело заметила я. — Стоит ему разозлиться, и голос слышен за три квартала.

Джейми сердито зыркнул на меня глазом, а человечек как и кружил возле, измеряя ширину спины, похлопывая по плечам и другим частям тела, словно дятел, долбящий высокое мощное дерево.

— Но я не умею петь, — запротестовал муж.

— Ерунда, ерунда! Конечно, умеете! Приятным бархатным баритоном, — с восхищением бормотал человечек. — Великолепно! Просто превосходно! Вы как раз то, что я ищу! Вот... Сейчас я помогу вам. Попробуйте повторить эту ноту.

С этими словами он проворно выхватил из кармана маленький камертон, стукнул им о колонну и поднес к уху Джейми.

Джейми закатил глаза к потолку, затем, пожав плечами, послушно пропел ноту. Человечек отпрянул, будто его подстрелили.

— Нет... — пробормотал он, словно ушам своим не веря.

— Боюсь, что да, — с сочувствием заметила я. — Он вам не врал. Он действительно совсем не умеет петь.

Человечек обиженно покосился на Джейми, затем снова стукнул камертоном и поднес к его уху.

— Попробуйте еще раз, — крикнул он. — Просто прислушайтесь, а потом выдайте тот же звук.

Мой терпеливый муж внимательно прислушался к ля, исходившему от камертона, затем пропел, изобразив нечто среднее между ми-бемоль и ре-диез.

— Нет, это невозможно! — воскликнул уже окончательно разочарованный человечек. — Так фальшивить нельзя даже нарочно!

— Как видите, можно, — весело ответил Джейми и вежливо поклонился человечку. К этому времени вокруг нас уже собралась небольшая кучка любопытных. Луиза де ла Тур славилась как превосходная хозяйка, и ее салон привлекал сливки парижского общества.

— Он может, — уверила я нашего собеседника. — Он абсолютно лишен слуха.

— Да, вижу. — Человечек был совершенно убит этим обстоятельством. Затем глаза его оживились — он начал присматриваться ко мне.

— Нет, только не я! — со смехом воскликнула я.

— Но не можете и вы, мадам, тоже страдать отсутствием слуха! — Глаза его сверкали, как у змеи, гипнотизирующей птичку. Он приближался ко мне, держа в руке камертон, который в этот момент больше всего походил на раздвоенное жало.

— Погодите! — Я, защищаясь, вытянула руку. — Позвольте сперва узнать, кто вы.

— Это герр Иоганн Гертсман, Саксоночка. — Джейми поклонился человечку. — Учитель пения его величества. Позвольте представить вам мою жену, герр Гертсман. Леди Брох Туарах. — К этому времени Джейми знал при дворе каждого человека, даже самого ничтожного.

Иоганн Гертсман... Ну конечно! Я различала еле уловимый акцент в его беглом аристократическом французском. Немец или австриец?..

— Я организую небольшой любительский хор, — объяснил учитель пения. — Голоса не обязательно должны быть хорошо поставленными, но сильными и искренними. — Он снова бросил разочарованный взгляд на Джейми. Тот ответил ему ухмылкой. Потом взял из рук Гертсмана камертон и поднес мне.

— Ну, так и быть, — согласилась я и пропела.

То, что все услышали, похоже, настолько взбодрило гер-ра Гертсмана, что он, убрав камертон, пристально уставился мне в лицо. Парик был ему великоват и слегка съехал на ухо. Он небрежно сдвинул его назад и сказал:

— Отличное звучание, мадам! Очень, очень недурно! Возможно, вам знакома эта мелодия из «Бабочки»? — Он пропел несколько тактов.

— Ну, по крайней мере, слышала, — осторожно ответила я. — Гм, мелодию, во всяком случае. А слов я не знаю.

— О! Нет проблем, мадам! Ведь в хоре вы просто...

Тут я обнаружила, что он крепко держит меня за запястье и тащит куда-то в дальнюю комнату, откуда доносятся звуки клавесина. При этом герр Гертсман неумолчно жужжал мне что-то в ухо, словно обезумевший шмель.

Я бросала беспомощные взгляды на Джейми, но тот только усмехнулся в ответ и прощальным жестом поднес к губам бокал, а затем вступил в беседу с месье Дюверни-младшим, сыном министра финансов.

Дом де ла Туров — если слово «дом» вообще пригодно для определения этого жилища — был освещен снаружи гирляндами ламп, протянутыми в саду и обрамлявшими террасу. Пока герр Гертсман волок меня по коридорам, я видела, как снуют вокруг слуги, накрывающие стол к обеду, который должен был начаться чуть позже. В большинстве «салонов», которые мы посещали, давались весьма скромные приемы, но у щедрой по натуре Луизы де ла Тур все было на широкую ногу.

Я познакомилась с принцессой неделей раньше, на другом приеме, и, увидев ее, была удивлена. Полненькая, довольно простоватая на вид, с круглым лицом и пухлым подбородком, бледно-голубыми глазами, напрочь лишенными ресниц, и маленькой мушкой в виде звездочки, которая мало соответствовала ее внешности. И эта дама умудрилась обворожить принца Карла, заставила его пренебречь общественными и моральными приличиями, думала я, приседая в глубоком реверансе.

Однако была в ней какая-то живость, шарм, к тому же природа наделила ее совершенно прелестным розовым ротиком, самой привлекательной и яркой чертой лица.

— Я очарована! — воскликнула она тогда, хватая меня за руку. — Очень рада наконец-то с вами познакомиться. Муж и отец без конца поют милорду Брох Туараху такие дифирамбы, а о его очаровательной жене не сказали ни слова! Я совершенно счастлива видеть вас наконец, моя дорогая миледи. Должна ли я называть вас Брох Туарах или достаточно просто леди Туарах? Страшно трудно запомнить, но с одним словом как-нибудь справлюсь, даже если оно и такое странное. Кстати, это шотландская

фамилия? Совершенно очаровательно!

Дословно Брех Туарах означает «башня, глядящая на север», но даже если б ей захотелось называть меня «леди, глядящая на север», я бы не возражала. Впрочем, она быстро оставила попытки запомнить это трудное для нее имя и стала называть меня просто «*ma chere* Клэр».

В музыкальном салоне среди певцов находилась и сама Луиза; она порхала от одного гостя к другому, болтала, смеялась. При виде меня простоватое ее личико озарилось радостью, и она побежала навстречу так быстро, насколько позволяли громоздкие юбки.

— Моя дорогая Клэр! — воскликнула она, безжалостно отрывая от меня герра Гертсмана. — Вы как нельзя более вовремя! Идемте, можете мне говорить с этим глупеньким английским ребенком!

«Глупеньким английским ребенком» на деле оказалась молоденькая, не старше пятнадцати, девушка с темными блестящими локонами и щеками настолько раскрасневшимися от смущения, что они напомнили мне полыхающие маки. Именно по щекам я и узнала ее: это была та самая девушка, которую я заметила в дворцовом парке как раз перед столь расстроившим меня появлением Александра Рэндолла.

— Мадам Фрэзер — тоже англичанка, — объясняла Луиза девушке. — Скоро она заставит вас чувствовать себя здесь как дома. Бедняжка так стесняется, — заметила она мне, не переводя дух. — Побеседуйте с ней, уговорите спеть вместе с нами. Уверена, у нее восхитительный голосок. Ну-с, дети мои, веселитесь! — И через секунду она оказалась уже в другом конце зала, где принялась громко выражать восторг по поводу платья только что прибывшей гостьи, затем остановилась приласкать перекормленного юношу, сидевшего за клавесином, и, рассеянно наматывая его кудряшки на палец, вступила в беседу с герцогом де Каstellоти.

— Наблюдать за ней — занятие довольно утомительное, не правда ли? — улыбнувшись, обратилась я к девушке по-английски. В ответ на ее лице возникла робкая улыбка, и она коротко кивнула, но не произнесла ни слова. Да, бедняжка совершенно растерялась, подумала я. И ничего удивительного — от этих приемов в доме Луизы у меня тоже всегда раскалывалась голова. А эта девочка-мак, она, должно быть, прямо со школьной скамьи... — Я — Клэр Фрэзер. Однако Луиза забыла назвать ваше имя. — Я сделала выжидательную паузу, но она снова не ответила, лишь еще больше покраснела и плотно поджала губы. Увидев это, я слегка встревожилась, но тут девочка наконец проявила желание заговорить. Она набрала воздуха в грудь и решительно вздернула подбородок. С таким видом, словно ей предстояло взойти на эшафот.

— М-м-меня зовут... М-м-м... — начала она, и я тут же догадалась, в чем причина ее молчания и болезненной застенчивости. Прикрыв глаза, она яростно кусала губы, затем предприняла вторую отчаянную попытку: — М-м-мэри Хоукинс, — выдавила она наконец. — И п-п-петь я не умею, — решительно добавила она.

Если до этого я глядела на нее с интересом, то теперь была совершенно заморожена. Так, значит, это и есть племянница Сайласа Хоукинса и дочь баронета, невеста виконта Мариньи! Нет, этот брак не для нее, это уж слишком! Я огляделась по сторонам, ища глазами виконта, и, к облегчению своему, убедилась, что его среди гостей нет.

— Ничего страшного, — сказала я и заслонила ее собой от толпы гостей, наполнивших залу. — Не хочется говорить — и не надо. Хотя, пожалуй, попробовать спеть что-нибудь было бы нелишне. — Тут меня осенила идея. — Я знала одного врача, он как раз специализировался по заиканию. Так вот, он уверял, что при пении заикание исчезает.

Глаза Мэри Хоукинс удивленно расширились. В этот миг я заметила поблизости альков, где за шторой виднелась уютная скамья.

— Сюда. — Я взяла ее за руку. — Можно отсидеться здесь, тут не надо будет говорить с людьми. А если захочется спеть, можете выйти и присоединиться, когда мы начнем. А нет — так сидите себе спокойно до самого конца приема. — С минуту она молча смотрела на меня, потом лицо ее озарила благодарная улыбка, и она нырнула в альков.

Я немного подежурила рядом, болтая с гостями и не давая любопытным слугам беспокоить Мэри в ее убежище.

— Вы так чудесно выглядите сегодня, *ma chere!* — Это была мадам де Рамаж, одна из фрейлин королевы, важная и очень достойная дама средних лет, она пару раз приходила к нам на ужин. Она тепло обняла меня, затем осмотрелась — нет ли кого поблизости. — Надеюсь встретить вас здесь, дорогая, — сказала она, приблизившись почти вплотную и понизив голос. — Хотела бы дать вам один совет. Остерегайтесь графа Сент-Жермена!

Проследив за ее взглядом, я увидела, что в зал входит тот самый мужчина с худощавым лицом, которого я видела в доках Гавра. Он вел под руку спутницу — молодую элегантно одетую даму. Очевидно, он меня не заметил, и я поспешно отвела глаза.

— Что... разве он... то есть... — пробормотала я, чувствуя, что краснею.

— Да, люди слышали, что он о вас говорил, — ответила мадам де Рамаж, помогая мне преодолеть замешательство. — Я так поняла, что

между вами в Гавре произошла какая-то размолвка?

— Да, что-то в этом роде, — ответила я. — Причина сводилась лишь к тому, что я обнаружила на его корабле заболевшего оспой. Правда, после этого корабль пришлось уничтожить... Ну и он был... не слишком доволен этим, — робко закончила я.

— Ах, так вот оно что... — Похоже, мадам де Рамаж удовлетворил мой ответ. Я полагала, что мое объяснение даст ей теперь преимущество во время светской болтовни и сплетен, из которых, собственно, и состояла светская жизнь в Париже. — А он тут уверял разных людей, что вы — ведьма! — заметила она с улыбкой и помахала рукой какому-то знакомому. — Прелестная история! Никто, разумеется, ему не поверил, — утешила она меня. — Каждый знает: если какой-нибудь скандал связан с именем Сент-Жермена, он сам тому виной!

— Вот как? — Я не совсем поняла, что она имеет в виду, но в этот момент в толпу, громко хлопая в ладоши, ворвался герр Герстман:

— Сюда, сюда, месье, мадам! Все в сборе, мы начинаем.

Хор торопливо выстроился возле клавесина, а я обернулась к алькову, где пряталась Мэри Хоукинс. Мне показалось, что занавеска дрогнула, но уверена я не была. А когда заиграла музыка и зал наполнился стройным пением, то показалось, что из алькова доносится чистый голос, высокое сопрано, но опять же уверена я не была.

— Очень мило, Саксоночка, — сказал Джейми, когда я, раскрасневшаяся и запыхавшаяся, присоединилась к нему после концерта. Усмехнулся и покровительственно похлопал меня по плечу.

— Откуда тебе знать? — сказала я, беря с подноса у проходившего мимо лакея бокал вина. — Ты же совсем не разбираешься в пении.

— Ну, во всяком случае, оно было достаточно громким, — невозмутимо ответил он. — Было слышно каждое слово. — Тут я заметила, как он весь напрягся, и обернулась посмотреть, кого же он там увидел.

Только что вошедшая дама была хрупка и мала ростом, она едва доставала Джейми до нижнего ребра. Ручки и ножки — словно кукольные, тонкие, как на китайских рисунках бровки над глубокими иссиня-черными глазами, напоминавшими ягоды можжевельника. И шаг у нее был легкий и немного подпрыгивающий, словно она не шла, а танцевала.

— Аннализ де Марийяк, — любуясь ею, сказала я. — Прелестное создание, не правда ли?

— О да. — Что-то в его голосе заставило меня поднять глаза. Мочки ушей у него порозовели.

— Именно над ней ты одерживал свои первые романтические победы

во Франции? — язвительно спросила я.

К моему удивлению, он рассмеялся. Услышав этот звук, дама обернулась, и при виде Джейми на лице ее засияла ослепительная улыбка. Она уже было направилась к нам, но тут ее внимание отвлек некий джентльмен в парике и нарядном шелковом камзоле цвета лаванды — он довольно нахально остановил ее за руку. Перед тем как обернуться к новому своему собеседнику, она кокетливым жестом махнула веером в сторону Джейми.

— Что тут смешного? — спросила я, видя, как он все еще улыбается, провожая глазами нежно колышущиеся кружевные юбки дамы.

Слова заставили его вспомнить о моем присутствии, и он снова улыбнулся — на этот раз мне.

— О, да ничего особенного, Саксоночка. Просто ты сказала о победах, и я вспомнил, что первая моя дуэль, да, по правде сказать, и последняя, состоялась именно из-за Аннализ де Марийяк. Мне было восемнадцать.

Голос его звучал немного мечтательно, и он следил глазами за темным париком с короткими завитками, мелькавшим в толпе. Перед ним склонялись напудренные головы и белоснежные локоны — среди этих пышных волн то здесь, то там мелькали парики с розоватым оттенком — последний крик моды.

— Дуэль? Но с кем? — спросила я, ища глазами возле китайской куколки господина, которому могло бы взбрести в голову продолжить старую ссору.

— О, его здесь нет, — ответил Джейми, заметив и верно истолковав мой взгляд. — Он умер.

— Ты убил его? — Взволнованная, я произнесла эти слова громче, чем следовало бы. Несколько голов с любопытством обернулись в нашу сторону. Джейми подхватил меня под локоть и торопливо отвел к стеклянной створчатой двери.

— Потихе, Саксоночка! Нет, я его не убивал. Хотел, — злобно добавил он, — но не убил. Он умер два года назад, от болезни горла. Джаред сказал.

Он вывел меня в сад, на аллею, освещенную фонарями. Их держали слуги, они стояли, словно швартовые тумбы, через каждые пять футов — от террасы до фонтана, которым заканчивалась аллея. В центре, над поблескивающей темной водой выступали туловища четырех дельфинов, поливающих струями довольно раздраженного на вид Тритона, пытавшегося отогнать их трезубцем, впрочем — безуспешно.

— Ну, не томи же меня! — настаивала я, когда мы удалились от

террасы на достаточное расстояние. — Что произошло?

— Ладно, так и быть. — Он вздохнул. — Ты, наверное, заметила, что эта Аннализ довольно хорошенькая?

— Правда? Ну, раз уж даже ты так считаешь, придется, видно, признать этот факт, — нарочито ласковым тоном заметила я. При этом глаза мои злобно сверкнули, а рот искривила ироническая усмешка.

— Да. Так вот... Я был в Париже не единственным кавалером, придерживающимся этого мнения. Я совершенно потерял голову. Бродил словно в тумане, караулил на улице, в надежде увидеть, как она выходит из дома и садится в карету. Джаред говорил, что камзол болтался на мне как на вешалке, и вообще я походил на воронье пугало с всклокоченными волосами. — Он бессознательно провел рукой по волосам, прикоснулся к безупречно аккуратному узелку, связанному синей ленточкой и лежащему на шее. — Забывал есть...

— Забывал есть? Господи, похоже, дела твои были действительно плохи, — заметила я.

Он усмехнулся.

— Да. Но стало еще хуже, когда она начала флиртовать с Шарлем Голуазом. Надо заметить, — честно признался он, — что она флиртовала с каждым первым встречным, что было, то было, но, на мой взгляд, слишком часто выбирала этого Шарля соседом по столу, слишком много с ним танцевала и... Ну, короче, Саксоночка, как-то раз поздно вечером я застиг их целующимися на террасе под луной и вызвал его на дуэль.

К этому времени мы уже дошли до фонтана. Джейми остановился, и мы присели на бортик, там, где водяная пыль из толстогубых пастей дельфинов нас не доставала. Джейми опустил руку в темную воду, затем поднял и задумчиво созерцал серебристые капли, стекающие с пальцев.

— Тогда в Париже дуэли были категорически запрещены, как, впрочем, и сейчас. Но удобное местечко всегда можно было отыскать. Выбирать должен был он. Он и нашел, в Булонском лесу. Поляну, рядом с дорогой Семи Святых, ее надежно укрывала от любопытных взоров дубовая рощица. Выбор оружия тоже принадлежал ему. Я предпочел бы пистолеты, но он выбрал шпаги.

— Но почему? Ты достал бы его с любого расстояния! — Я не была экспертом по этой части, но все же кое-что знала о стратегии и тактике фехтования. Раз в два-три дня Джейми с Муртагом упражнялись в саду: со звоном скрещивали они шпаги, парировали удары, прыгали, делали выпады — к вящему восторгу слуг обоего пола, которые высыпали на балкон полюбоваться.

— Почему он выбрал шпаги? Да потому, что владел этим оружием чертовски здорово. К тому же, как я до-гадываюсь, он опасался, что я могу застрелить его по чистой случайности. Он ведь понимал, что убивать его я не собираюсь, просто хочу унижить. Шарль знал, что я прекращу бой после первой же крови, — добавил он. — Нет, он был далеко не дурак, этот Шарль. — И Джейми печально покачал головой.

От влаги, исходившей от фонтана, выбившиеся из моей прически пряди закурчавились и обрамляли теперь лицо облаком мелких локонов. Я отбросила их назад и спросила:

— Ну и удалось тебе его унижить?

— Ранить по крайней мере удалось. — Уловив в его тоне нотку удовлетворения, я удивленно приподняла бровь. — Он обучался этому искусству у самого ле Жене, одного из лучших фехтовальщиков Франции, зацепить его было труднее, чем муху, тем более что я фехтовал правой. — Он снова провел рукой по волосам, словно проверяя, в порядке ли прическа. — Помню еще, волосы у меня растрепались, сломалась шпилька, а ветер дул прямо в лицо, и я видел перед собой просто белое пятно, Шарль был в белой рубашке. Пятно, делающее выпады и верткое, точно гольян. Ну а потом я все же его достал... Знаешь, как прокалывают рыбу острогом? Он так взвыл, словно я пронзил его насквозь, хотя я точно знал, что только задел по руке. Тут наконец я убрал волосы с лица и, обернувшись, увидел, что на краю лужайки стоит Аннализ. Глаза у нее были огромные и темные, как озера. — Он указал на отливающую серебром гладь воды. — Так вот, я убрал шпагу, откинул волосы и стоял, ожидая, что она бросится ко мне в объятия...

— Гм... — деликатно хмыкнула я. — Однако она, очевидно, не бросилась?

— Ах, что я тогда понимал в женщинах! — воскликнул он. — Нет! Она подбежала к нему, рухнула рядом на колени. — Он насмешливо и одновременно разочарованно фыркнул. — Месяц спустя они поженились. Вот так!.. — Он беспомощно пожал плечами, губы искривила горькая усмешка. — Итак, сердце мое было разбито. Я вернулся в Шотландию и предавался там скорби в течение нескольких недель, пока у отца окончательно не лопнуло терпение. — Он усмехнулся. — Знаешь, я даже подумывал уйти в монахи. Однажды за ужином сказал об этом отцу, думая где-то к весне перебраться в аббатство и стать послушником...

Я рассмеялась:

— Ну, со скудостью пищи ты еще как-нибудь смирился бы. Но что касается воздержания и повиновения... Что же ответил отец?

Он усмехнулся, в полутьме блеснули белые зубы.

— Как раз в этот момент он ел похлебку. Отложил ложку и с минуту смотрел на меня. Потом вздохнул, покачал головой и сказал: «День выдался такой тяжелый, Джейми». Взял ложку и снова принялся за еду, не промолвив больше ни слова.

Джейми взглянул на террасу, по которой в перерыве между танцами разгуливали пары, они потягивали вино, флиртовали, дамы кокетливо обмахивались веерами.

— Да, красивая была девочка, эта Аннализ де Марийяк! — ностальгически вздохнул Джейми. — Грациозная и легкая, как ветерок, и такая маленькая, что так и подмывало сунуть ее под рубашку и носить за пазухой, точно котенка.

Я молчала, вслушиваясь в звуки музыки, доносившейся из распахнутых дверей, потом перевела взгляд вниз, на свою туфлю девятого размера из блестящего шелка.

Через мгновение Джейми почувствовал, что что-то неладно.

— Что такое, Саксоночка? — спросил он и положил мне руку на плечо.

— О, ничего, — ответила я со вздохом. — Просто подумала, что, вспоминая обо мне, вряд ли кто-нибудь скажет: «грациозная, как ветерок».

— О-о... — Он сидел полуобернувшись, на фоне фонаря вырисовывался длинный прямой нос и четко очерченный подбородок. Потом повернулся ко мне, на губах его сияла улыбка. — Да, честно признаться, Саксоночка, «грациозная» — это не первое слово, что приходит на ум при мысли о тебе. — Он нежно обнял меня за талию и притянул к себе. — Но я говорю с тобой, как со своей душой. — Он заглянул мне в глаза, нежно коснулся ладонью щеки. — А твое личико, Саксоночка, это мое сердце...

Несколько мгновений спустя ветер переменялся и направил струи воды в нашу сторону. Мы торопливо и со смехом вскочили. Джейми указал на террасу и вопросительно взглянул на меня. Я кивнула.

— Итак, — заметила я, поднимаясь рядом с ним по широким ступеням в бальную залу, — теперь ты наверняка знаешь о женщинах больше?

— Самое важное, чему я научился, Саксоночка, это правильно выбрать женщину. — Отступив на шаг, он склонился в низком поклоне, потом указал на распахнутые двери, где сверкали огни и драгоценности и бал был в самом разгаре. — Вы не подарите мне этот танец, мадам?

Заехав на следующий день к д'Арбанвиллям, я снова встретила там с учителем пения. На этот раз у нас нашлось время для беседы, и вечером я

пересказывала ее Джейми.

— Ты... что? — Джейми недовольно покосился на меня, словно услышал неудачную шутку.

— Я же говорю: герр Гертсман сказал, что мне будет интересно познакомиться с его другом. Это мать Хильдегард, она заведует больницей «Обитель ангелов». Ну, ты знаешь, благотворительное заведение, то, что неподалеку от собора.

— Да, я знаю, где оно находится. — Особого энтузиазма в его тоне я не уловила.

— У него болело горло, и я стала давать ему разные советы. Разговорились о лекарствах, болезнях, слово за слово, ну, ты знаешь, как это бывает...

— Имею представление. С тобой только так и бывает, — иронично заметил он. Я, проигнорировав этот тон, продолжила:

— Так вот, завтра я иду в эту больницу. — Встав на цыпочки, я достала с полки аптечку. — Может, для первого раза ее и не стоит брать, — сказала я, задумчиво разглядывая содержимое. — Иначе еще подумают, что я навязываюсь. Как тебе кажется?

— Навязываешься? — Он удивился. — Так ты что, собираешься просто посетить это заведение или остаться там?

— Э-э, видишь ли, — осторожно начала я, — я тут подумала, что, возможно, могу работать там регулярно... Герр Гертсман сообщил мне, что все врачи и целители время от времени заглядывают туда и помогают. Бывать в больнице каждый день они, разумеется, не могут, но времени у меня много, и я могла бы...

— Много времени, говоришь?

— Перестань повторять мои слова, как попугай! — рассердилась я. — Да, много. Я понимаю, как это важно — посещать балы, приемы и прочее. Но в конце концов, это ведь только по вечерам, а все дни у меня свободны. И я могла бы...

— Саксоночка, ты носишь ребенка! Неужели это так необходимо — торчать там и нянчиться с разными попрошайками и преступниками? — Вид у него был страшно растерянный, как у человека, столкнувшегося с внезапно потерявшим рассудок безумцем.

— Я не забыла, — уверила я его. И прижала ладони к животу. — Пока еще незаметно. И не будет заметно еще какое-то время, если носить просторные платья. И чувствую я себя нормально, если не считать тошноты по утрам. Так что не вижу причин, почему бы мне пару месяцев не поработать.

— Причина только одна: я этого тебе не позволю! — Поскольку сегодня вечером гостей у нас не ожидалось, галстука на нем не было и ворот рубашки был распахнут. Я видела, как он медленно начинает краснеть, с шеи.

— Джейми, — начала я, пытаюсь апеллировать к здравому смыслу, — тебе известно, кто я?

— Моя жена.

— Да, и это тоже. — Я отмахнулась. — Но я еще и врач, Джейми. Целитель. Ты имел случай в этом убедиться.

Он жарко покраснел.

— Да, имел. И только потому, что ты подштопала мои дырки, я должен позволить тебе пойти туда и возиться с какими-то нищими и проститутками? Ты имеешь представление, Саксоночка, что за люди попадают в больницу «Обитель ангелов»? — Он с мольбой взглянул на меня, словно ожидая, что ко мне вот-вот вернется разум.

— Какая разница!

Он оглядел комнату, словно призывая в свидетели моего безрассудства портреты над камином.

— Но, Господи, ты же можешь заразиться дурной болезнью! Ладно, тебе плевать на меня, но хоть о ребенке могла бы подумать!

— Ну разумеется, я о нем думаю! Ты что, всерьез считаешь меня настолько безответственной и глупой?

— Нет. Но ты принадлежишь к тому типу женщин, которые могут бросить мужа и пойти забавляться с каким-то бродягой из канавы! — отрезал он. — Раз уж тебя так интересует мое мнение... — Он взъерошил рукой волосы, отчего они встали на затылке дыбом.

— Бросить тебя? С каких это пор сделать что-то полезное называется бросить? Вместо того чтобы торчать в салоне у д'Арбанвиллей, наблюдать, как Луиза де ла Тур наедается сладостей, слушать глупые стихи и плохую музыку? Я хочу приносить пользу!

— А заботиться о собственном доме... разве это не значит приносить пользу? Быть замужем, разве это для тебя ничто? — Лента, перехватывающая его волосы, лопнула, и они вырвались на свободу, обрамив пылающим ореолом лицо. Он глядел на меня, грозно сверкая глазами, и напоминал в этот миг ангела мести.

— Но разве быть моим мужем — достаточное для тебя занятие? — холодно парировала я. — Что-то незаметно, чтоб ты торчал дома весь день, окутывая меня обожанием! Какая чушь!

— Чушь? Что такое чушь?

— Ну, ерунда, бессмыслица. Дрянь. Одним словом — тьфу! Ладно, не смей меня. Мадам Вионе присматривает за всем в доме и делает это раз в десять лучше, чем я.

Это являлось столь неоспоримой истиной, что он на какое-то время затих. Только смотрел на меня, сверкая глазами и беззвучно шевеля губами.

— А... значит, так... А что, если я запрещаю тебе идти туда?

На мгновение я растерялась. Затем взяла себя в руки и оглядела его с головы до ног. Глаза у Джейми потемнели, крупные чувственные губы сжались в плотную линию. Плечи широкие, прямые, руки скрещены на груди. Прямо-таки чугунная статуя. «Запрет» — это слово как нельзя более ему подходило.

— Ты мне запрещаешь? — Напряжение нарастало. Я смотрела ему прямо в глаза. Мне страшно хотелось моргнуть, но чтоб доставлять ему такое удовольствие, отвести глаза первой?.. Нет, никогда! А что делать, если он действительно запретит? Тут в голове пронеслось сразу несколько вариантов: вонзить ему между ребер нож из слоновой кости для разрезания бумаг, поджечь дом, чтоб он сгорел вместе с ним. Лишь один выход я отвергала напрочь — подчиниться.

Он выдержал паузу, затем набрал в грудь побольше воздуха. Руки были сжаты в кулаки, и он медленно, с видимым усилием, начал разжимать их.

— Нет, — сказал он, — я не запрещаю... — Голос его слегка дрожал. — Но что, если я попрошу тебя?

Я опустила глаза и уставилась на его отражение на полированной поверхности письменного стола. Сначала идея посещения больницы казалась мне просто занятной, приятной альтернативой бесконечным сплетням и интригам парижской знати. Но теперь... Руки мои тоже непроизвольно сжались в кулаки. Теперь я не просто хотела работать, мне было это жизненно необходимо.

— Не знаю... — выдавила я наконец.

Он глубоко вздохнул.

— Ты все же подумай об этом, Клэр. — Я чувствовала на себе его взгляд. Прошла, казалось, вечность, прежде чем я кивнула:

— Подумаю.

— Ну и хорошо. — Напряжение спало, он резко отвернулся. И стал бродить по кабинету, беря в руки разные предметы и ставя их куда попало, наконец подошел к лестнице у книжных полок и привалился к ней. Начал разглядывать переплетенные в кожу корешки с названиями. Я осторожно приблизилась и положила ему руку на плечо:

— Джейми, я не хотела тебя огорчать.

Он взглянул на меня и криво усмехнулся:

— Да ладно! Мне тоже вовсе не хочется сражаться с тобой, Саксоночка. Наверное, просто я вспыльчив и чрезмерно чувствителен. — Он извиняющимся жестом похлопал меня по руке, затем отошел и устался на письменный стол.

— Ты слишком много работаешь, — с состраданием заметила я, следуя за ним.

— Дело не в этом. — Покачав головой, он начал перелистывать страницы огромного гроссбуха, лежавшего посередине. — Что касается бизнеса, то тут все в порядке. Да, работы много, но я справляюсь. Что же касается этого... — Он указал на пачку писем под алебастровым пресс-папье. Оно было сделано в форме белой розы — символа дома Стюартов. Там были письма от аббата Александра, от графа Мара и других известных якобитов, и в каждом — завуалированный вопрос, туманные намеки и обещания, противоречивые предположения... — Ощущение такое, будто я сражаюсь с ветряными мельницами! — с горечью воскликнул Джейми. — Другое дело настоящая схватка! Там, где могут пригодиться твои руки! А это... — Выхватив из ящика письменного стола пачку писем, он подкинул ее вверх. По комнате гуляли сквозняки, бумаги зигзагом порхали вокруг, залетали под мебель, оседали на ковер. — Тут совершенно не за что уцепиться, — беспомощно произнес он. — Я могу переговорить с тысячей людей, написать сотню писем, упиться с Карлом до чертиков, но так и не понять, сдвинулось дело с мертвой точки или нет.

Я решила оставить письма в покое — придет служанка и уберет их.

— Джейми, — как можно мягче произнесла я. — Что же еще нам остается делать? Только пытаться.

Он слабо улыбнулся и опустил руки на стол.

— Знаешь, я рад, что ты сказала «мы», Саксоночка. Иногда я чувствую себя таким страшно одиноким...

Я обняла его за плечи и прижалась лицом к спине:

— Ты же знаешь, я не позволю тебе чувствовать себя одиноким. И потом, именно я втянула тебя в эту историю...

Я почувствовала, как спина его затряслась от смеха.

— Да уж! Кто, как не ты... Но я не держу на тебя зла, Саксоночка. — Обернувшись, он нежно поцеловал меня в лоб. — Ты выглядишь усталой, то *duinne*. Ступай ложись. Я еще немного поработаю, а потом приду к тебе.

— Хорошо. — Я действительно чувствовала себя усталой, хотя хроническая сонливость, преследующая меня на ранних стадиях

беременности, исчезла и днем я так и кипела энергией и спать не хотелось вовсе.

Уже выходя, я остановилась у двери. Джейми стоял у стола, просматривая записи в грессбухе.

— Джейми! — окликнула я его.

— У-у?

— Джейми, я обещала, что подумаю насчет больницы. Ты тоже подумай, ладно?

Он обернулся ко мне, бровь настороженно приподнята. Потом улыбнулся и кивнул.

— Скоро приду к тебе, Саксоночка, — ответил он.

На улице снова стояла слякоть, сыпал дождь со снегом, мелкие его крупинки барабанили в окна и шипели в камине, когда порывы ночного ветра затягивали их в трубу. Ветер разбушевался не на шутку, он стонал и завывал в дымоходах, но от этого в спальне казалось еще уютнее. Постель, оазис тепла и комфорта, была покрыта одеялами на гусином пуху. А еще огромные пышные подушки и Джейми, посапывающий рядом и источающий тепло, словно электрообогреватель.

Большая рука нежно погладила меня по животу, ее тепло просачивалось сквозь шелк ночной рубашки.

— Не здесь. Нажми-ка тут, посильней. — Я взяла его руку и прижала к животу чуть ниже, там, где прощупывалось небольшое округлое затверждение размером чуть больше грейпфрута.

— Да, чувствую, — пробормотал он. — Он и вправду тут. — Уголки рта растянулись в довольной улыбке. — А он двигается уже или нет?

Я покачала головой:

— Пока нет. Но будет, примерно через месяц, если верить твоей сестре Дженни.

— М-м... — Он наклонился и поцеловал округлость. — А что ты думаешь насчет Далхузи, а, Саксоночка?

— Далхузи? В каком смысле? — удивилась я.

— Ну, в качестве имени. — Он похлопал меня по животу. — Ведь придется давать ему какое-то имя.

— Это верно, — заметила я. — Но с чего ты взял, что там мальчик? Это может быть и девочка.

— О!.. Ну да, в общем-то верно, — согласился он, словно мысль о такой возможности впервые пришла ему в голову. — И все же, почему бы не начать с мужских имен? Можно назвать его в честь дяди, который тебя воспитал.

— Гм... — Я нахмурилась, скосив глаза на живот. Сколь нежно я ни любила своего дядюшку Лэмба, мне все же не очень хотелось давать невинному младенцу имя Лэмберт или Квентин. — Нет, не думаю. С другой стороны, почему бы не назвать его в честь какого-нибудь твоего дяди?

Джейми задумчиво и рассеянно поглаживал меня по животу.

— А как звали твоего отца, Саксоночка? — спросил он.

Мне пришлось на секунду задуматься, чтобы вспомнить.

— Генри, — ответила я. — Генри Монморанси Бьючепм. Джейми, я не желаю, чтоб мой ребенок носил имя Монморанси Фрэзер, ни под каким видом! Да и Генри тоже мне что-то не очень нравится, хотя уж куда лучше, чем Лэмберт. А как насчет Уильяма? — предложила я. — В честь твоего брата? — Старший брат Джейми умер ребенком, но Джейми всегда вспоминал его с любовью и нежностью.

Он задумчиво нахмурил брови:

— Гм... А что, может быть. Кстати, а почему бы не назвать его, скажем...

— Джеймс, — произнес глухой замогильный голос из дымохода.

— Что?! — Я резко села в постели.

— Джеймс, — нетерпеливо повторили из камина. — Джеймс, Джеймс!..

— Господи Иисусе! — воскликнул Джейми, пялясь на языки пламени. Я почувствовала, как каждый волосок на его руке стал дыбом и походил теперь на жесткую проволоку. Какое-то время он сидел неподвижно, затем, словно осененный некой идеей, вскочил на ноги и подбежал к окну мансарды, даже не озабочась накинуть на плечи рубашку.

Он поднял раму, впустив в спальню струю холодного воздуха, и выглянул в ночь. Затем я услышала какой-то сдавленный возглас и скрежещущие по кровле звуки. Джейми, приподнявшись на цыпочки, высунулся уже почти весь, затем медленно вполз обратно в комнату, весь вымокший от дождя и кряхтящий от усилий. Он был не один. Красивый юноша в темном одеянии, тоже промокшем до нитки, обхватил его за шею. Одна рука у него была обмотана окровавленным клочком ткани.

Непрощенный гость встал на подоконник, потом неуклюже спрыгнул и растянулся на полу. Однако тут же вскочил на ноги и поклонился мне, сорвав с головы широкополую шляпу.

— Мадам. — По-французски он говорил с сильным акцентом. — Должен просить у вас прощения за столь бесцеремонное вторжение, но поверьте, обратиться к своему другу Джеймсу меня вынудили крайние

обстоятельства.

Это был крепко сложенный и миловидный юноша с густыми светло-каштановыми волосами, спадавшими на плечи длинными завитками, и розовым лицом — щеки у него так и пылали от холода и волнения. Из носа текло, и он, слегка поморщившись, вытер его тыльной стороной ладони.

Джейми вежливо поклонился гостю, хотя был явно смущен.

— Мой дом к вашим услугам, ваше высочество, — сказал он, обегая взглядом костюм визитера, который был в страшном беспорядке. Воротник рубашки разорван и свободно болтается на шее, пуговицы камзола отлетели, панталоны расстегнуты. Я заметила, как при виде этой последней детали Джейми нахмурился и шагнул к юноше, загородив его от моего взора. — Позвольте представить вам мою жену, ваше высочество. Клэр, миледи Брох Туарах. Клэр, а это его высочество принц Карл, сын короля Джеймса Шотландского.

— Да, я уже догадалась. Э-э... добрый вечер, ваше высочество. — Я грациозно кивнула, повыше натянув одеяло. Очевидно, в подобных обстоятельствах можно обойтись и без реверанса.

Принц, воспользовавшись церемонией представления, поспешно привел свои панталоны в порядок и ответил мне поклоном, преисполненным истинно королевского достоинства.

— Счастлив, мадам, — сказал он и снова отвесил поклон, еще более изысканный. Потом выпрямился и застыл посреди комнаты, не выпуская из рук шляпы и, видимо, не зная, что делать и говорить дальше. Джейми, босоногий, с полуобнаженным торсом, переводил взгляд с меня на принца, тоже, очевидно, не в силах подобрать нужные слова.

— Э-э... — начала я, желая нарушить неловкое молчание. — Вы, должно быть, попали в неприятную историю, ваше высочество? — И кивком указала на окровавленный платок, которым была обмотана у него рука, словно впервые увидев его.

— Да, — ответил он. — Гм... то есть нет. Я хочу сказать, это сущие пустяки, миледи. — Он еще больше покраснел, глядя на свою руку. Держался он как-то странно, в его поведении угадывались растерянность и гнев. Я видела, как расплзается по ткани красное пятно, и, спустив ноги с постели, потянулась за халатом.

— Позвольте мне взглянуть, что там такое, — сказала я.

Рана, которую принц продемонстрировал мне весьма неохотно, оказалась не серьезной, но выглядела как-то странно.

— Похоже на укус какого-то животного, — с удивлением заметила я, вглядываясь в полукруг мелких красных ранок между большим и

указательным пальцами. Принц Карл поморщился, стоило мне надавить на мякоть. Надо бы прочистить рану, вызвав дополнительное кровотечение.

— Да, — ответил он. — Укус обезьяны. Мерзкая бло-хастая тварь! — вдруг взорвался он. — Сколько раз я говорил, что от нее надо избавиться! К тому же животное наверняка заразное.

Я нашла аптечку и смазала рану тонким слоем мази от горечавки.

— Не думаю, что есть повод к беспокойству, — заметила я, целиком сосредоточившись на своем занятии. — В том случае, разумеется, если она не бешеная.

— Бешеная? — Принц побледнел. — Так вы считаете, это возможно? — По всей очевидности, он не имел ни малейшего понятия о том, что такое бешенство, однако не на шутку разволновался.

— Все возможно, — весело заметила я. Удивленная столь неожиданным его появлением, я только теперь вдруг поняла, что быстрая и внезапная его смерть могла бы избавить многих людей от больших неприятностей. И все же мне страшно не хотелось, чтоб у него развилась гангрена или, не дай Бог, проявились симптомы бешенства, а потому я аккуратно перевязала ему руку льняным бинтом.

Он улыбнулся, снова поклонился и очень цветисто и пространно начал выражать мне свою благодарность на смеси французского с итальянским. Несколько раз извинившись за свой неожиданный визит, он позволил Джейми увести себя вниз, в гостиную, выпить.

Чувствуя, как холодный воздух пробирается под халат, я заползла обратно в постель и натянула одеяло до самого подбородка. Так вот он каков, этот принц Карл! С виду вполне хорошенький и совсем молодой, гораздо моложе Джейми, хотя я знала, что на самом деле Джейми всего на год или два старше. И манеры у его высочества отменные, и держался он с таким достоинством, несмотря на беспорядок в платье. Но достаточно ли всего этого, чтоб отправиться в Шотландию и стать во главе армии, призванной сменить власть в стране? Размышления об этом навели на другую мысль: интересно, с какой это целью шастал наследник шотландского престола среди ночи по крышам парижских домов с рукой, укушенной обезьяной?..

Вопрос этот продолжал мучить меня, когда чуть позже Джейми вернулся и влез в постель и вывел меня из дремотного состояния, прижав оледеневшие ступни к моим теплым коленам.

— Ну что ты так раскричалась? — спросил он. — Слуг разбудишь.

— А чем это занимался принц Карл, бегая среди ночи по крышам вместе с обезьянами? — парировала я. — Немедленно отодвинь эти

ледышки от моих ног!

— Он навещал свою любовницу, — лаконично ответил Джейми. — Ну, ладно, будет тебе, перестань лягаться.

Он убрал ноги и обнял меня, стараясь согреться.

— Так у него любовница? Кто она? — Я уже окончательно проснулась.

— Луиза де ла Тур, — нехотя выдавил Джейми в ответ на мои настойчивые расспросы. Нос казался длиннее и заостреннее обычного, густые брови строго сошлись у переносицы. С точки зрения истового шотландского католика иметь любовницу грех, с другой стороны, должны же быть у членов королевского дома свои привилегии. Однако принцесса Луиза де ла Тур — замужняя женщина, а уж брать в любовницы замужнюю даму не к лицу даже королям.

— Ха! — с удовлетворением воскликнула я. — Так я и знала!

— Он уверяет, что любит ее, — добавил Джейми, поплотнее укутываясь в одеяла. — И она его тоже любит, так он, во всяком случае, утверждает. Говорит, что последние три года она ему верна. Тьфу!

— Да, случается на белом свете и такое, — философски заметила я. — Так он был у нее? Но как же он попал на крышу? Он тебе рассказал?

— Да, рассказал.

Карл, подкрепившись несколькими стаканчиками лучшего и выдержанного портвейна Джареда, окончательно разоткровенничался. По его словам, глубокое и искреннее чувство подверглось нешуточному испытанию, связанному с привязанностью его дамы сердца к своей любимице, весьма капризной и взбалмошной обезьяне, которая отвечала его высочеству полной взаимностью по части неприязни, однако же использовала куда более конкретные и изощренные средства для демонстрации этой неприязни, нежели возлюбленный ее хозяйки. Решив пошутить с животным, его высочество щелкнул пальцами у самого носа обезьяны, за что и был укушен, а затем на него обрушились словесные упреки любовницы. Ссора получилась такая бурная, что в конце концов Луиза де ла Тур велела Карлу убираться с глаз долой, в ответ на что он выразил самое откровенное желание уйти, и немедленно, как драматично подчеркнул он в разговоре с Джейми, с тем, чтоб не вернуться уже более никогда.

Но уход принца был осложнен следующим обстоятельством: оказывается, супруг принцессы вернулся домой после карточной игры раньше обычного и уютно устроился внизу, в приемной с бутылкой бренди.

— Таким образом, — продолжал Джейми, улыбаясь своим мыслям, — он не мог оставаться со своей девочкой, но и выйти через дверь тоже не

мог. Тогда он открыл окно и вылез на крышу. Он уже почти спустился на землю по водосточной трубе, как вдруг, если верить его словам, на улице появился ночной дозорный, и ему пришлось лезть обратно на крышу, чтоб не попасться ему на глаза. Какое-то время он ползал среди печных труб, оскальзываясь на мокрой от дождя крыше, пока наконец не вспомнил, что от нашего особняка его отделяют всего три дома, крыши которых примыкают так тесно одна к другой, что перескочить не составляет труда.

— М-м... — пробормотала я, чувствуя, как ноги мои снова отогрелись. — Ты отправил его домой в карете?

— Нет, он взял на конюшне одну из лошадей.

— Надеюсь, принц все же доберется до Монмартра, тем более что он пил портвейн Джареда, — заметила я. — Путь отсюда неблизкий.

— Да уж, путешествие не из приятных, холод, сырость, — ответил Джейми с самодовольным видом преисполненного добродетелей человека, который, вместо того чтобы шляться в такую скверную погоду по улицам, уютно лежит себе в постели рядом с законной женой. Затем он задул свечу и крепко прижал меня к груди. — А впрочем, поделом ему, — добавил он. — Мужчина должен быть женатым.

Уже с рассветом все наши слуги были на ногах и занимались подготовкой к приему месье Дюверни, который должен был сегодня пожаловать к нам на ужин в тесном семейном кругу.

— Не пойму, чего это они так суетятся, — сказала я Джейми, лежа в постели с закрытыми глазами и прислушиваясь к возне, доносившейся снизу. — Всего только и дел-то, что стереть пыль с шахматной коробки и поставить бутылку бренди. Остального он просто не заметит.

Джейми рассмеялся и поцеловал меня на прощание:

— Ты права. Но мне нужно плотно поужинать, иначе я не смогу обыграть его. — Он похлопал меня по плечу. — Иду на склад, Саксоночка. Приду домой поздно, только чтобы успеть переодеться.

С тем чтобы не путаться под ногами у слуг, я, в поисках какого-нибудь занятия, в конце концов попросила лакея сопроводить меня до дома де ла Туров. Наверняка Луиза жаждет утешения после разрыва с любовником. Нет, мной движет вовсе не какое-то там вульгарное любопытство, пыталась уверить я себя, ничего подобного...

Возвратившись домой к вечеру, я обнаружила Джейми в спальне. Он сидел развалясь в кресле, ноги на столе, ворот расстегнут, волосы растрепаны, и пялился в исписанные листки бумаги. Услышав, что дверь отворилась, он поднял глаза, и сосредоточенное лицо расплылось в широкой улыбке.

— Саксоночка, наконец-то! — Спустив ноги со стола, он подошел и обнял меня. Спрятал лицо в моих волосах, потерся о них носом и громко чихнул. Снова чихнул и, отпустив меня, полез в рукав за платком, который носил там на военный манер. — Чем это от тебя пахнет, Саксоночка? — спросил он, прижимая к носу квадратик льняной ткани, и снова громко чихнул.

Я сунула руку за вырез платья и извлекла оттуда крохотное саше, спрятанное между грудей.

— Жасмин, роза, гиацинт, ландыш. Ну и, очевидно, еще амброзия, — добавила я. Джейми опять чихнул и уткнулся в платок. — Ты в порядке? — Я обвела глазами комнату в поисках какого-нибудь средства и мимоходом опустила саше в шкатулку на моем столике, в дальнем углу комнаты.

— Угу, да... Так ты говоришь... гиа... гиа... апчхи!

— Господи! — Я торопливо распахнула окно и подозвала Джейми к себе. Он послушно высунул голову и плечи в дождь, вдыхая свежий, не пахнувший гиацинтом воздух.

— Уф! Так-то лучше, — с облегчением заметил он через некоторое время, втягивая голову обратно. Глаза его округлились. — Что это ты делаешь, Саксоночка?

— Моюсь, — ответила я, расстегивая застёжки на платье. — Вернее, собираюсь мыться. Я вся намазана этим гиацинтовым маслом. — Он смотрел на меня, недоуменно моргая. — И если не смыть, ты еще, пожалуй, лопнешь.

Он задумчиво почесал кончик носа и кивнул:

— Тут ты права, Саксоночка. Приказать лакею принести тебе горячей воды?

— Не беспокойся. Ополоснусь на скорую руку, и запах исчезнет, — уверила я его, торопливо расстегивая и расшнуровывая одежду. Потом подняла руки — собрать волосы в пучок. Тут Джейми весь подался вперед, схватил меня за запястье и вздернул руку в воздух.

— Что ты делаешь? — удивилась я.

— Нет, это ты что сделала, Саксоночка? — воскликнул он, заглядывая мне под мышку.

— Побрилась, — с гордостью ответила я. — Вернее, навощилась. К Луизе приходила сегодня утром ее *servante aux petits soins*^[15], ну, нечто вроде личной косметички. Она и меня заодно обработала.

— Навощилась?.. — Джейми в полном недоумении переводил взгляд со свечи в подсвечнике на меня и обратно. — Ты что же, совала воск себе под мышки?

— Да нет, не тот воск, что ты думаешь, — успокоила я его. — Ароматизированный воск из пчелиных ульев. Косметичка нагрела его, затем наложила вот сюда, пока он еще был горячим. А потом отодрала, как только он остыл. — Я слегка поморщилась при этом воспоминании. — И вот, полюбуюсь, лысенькая, что твой дядюшка Боб.

— Мой дядюшка Боб никогда бы не потерпел ничего подобного, — сурово заметил Джейми. — И вообще, на кой черт тебе это понадобилось? — Он всматривался мне в подмышку, все еще не отпуская руку. — Ведь больно... было... навер... апчхи! — Он отпустил руку и отскочил. — Я говорю, больно, небось было? — спросил он, поднося платок к носу.

— Ну, немножко, — призналась я. — Однако результат того стоит, не правда ли? — Я подняла обе руки и повертелась перед ним, как балерина. — Впервые за долгие месяцы чувствую себя абсолютно чистой.

— Стоит? — Он все еще пребывал в недоумении. — Но при чем здесь чистота?

Лишь с запозданием до меня дошло, что ни одна из шотландок, с которыми мне доводилось встречаться, не использовала депиляторий. К тому же Джейми никогда не вступал в достаточно тесный контакт с парижанками из высшего общества, чтобы заметить эту тонкость.

— Ну, — начала я, в этот миг с особой отчетливостью представив себе, с какими, должно быть, трудностями сталкиваются антропологи, пытающиеся истолковать обычаи какого-нибудь первобытного племени, — так, по крайней мере, меньше пахнет.

— А что плохого в том, что ты пахнешь собой? — осведомился он. — Пахнешь женщиной, а не какой-то там цветочной клумбой? Я ведь мужчина, а не пчела, Саксоночка. Ну что, будешь мыться или нет? Иначе я к тебе и на десять футов не подойду.

Я взяла губку и начала протирать тело. Мадам Лассер, косметичка Луизы, намазала меня всю с головы до ног ароматизированным маслом, — одна надежда, что оно легко смывается. Все же это страшно угнетает — видеть, как он бродит вокруг кругами, настороженно приносясь и сверкая глазами, словно волк, кружащий в поисках добычи.

Окунув мочалку в таз, я бросила через плечо:

— Эй, я и ноги тоже обработала.

Осторожно покосилась в его сторону. На смену удивлению пришла полная растерянность.

— Ну, уж ноги-то у тебя ничем не пахнут, — заметил он. — Разве что будешь ходить по колено в коровьем навозе.

Я повернулась и, подобрав юбку до колен, оттянула носок ступни, демонстрируя изящный изгиб икры и лодыжки.

— Смотри, насколько они стали красивее! — сказала я. — Гладкие, стройные, не то, что какая-нибудь обезьянья лапа!

Он перевел взгляд на свои волосатые коленки, уязвленный до глубины души.

— Так, выходит, я, по-твоему, похож на обезьяну?

— Да не ты! — Я уже начала терять терпение.

— Но ноги-то у меня всегда были куда волосатее, чем твои!

— Естественно, ты же мужчина.

Он было собрался ответить что-то, но лишь покачал головой и пробормотал под нос фразу по-гэльски. Затем уселся в кресло, откинулся на спинку и, сощутив глаза, начал наблюдать за мной, время от времени бормоча что-то под нос. Я не стала требовать от него перевода.

К тому времени, когда я уже почти отмылась, атмосфера накалилась настолько, что я решила предпринять попытку к примирению.

— Знаешь, могло быть и хуже, — заметила я, намыливая внутреннюю сторону бедра. — Луиза удалила вообще все волосы с тела.

Это заявление настолько потрясло его, что он снова перешел на английский, по крайней мере на время:

— Что? И даже со своего горшочка с медом?

— Гм... — буркнула я в ответ, довольная уже тем, что эта сенсационная новость отвлекла его от рассуждений на тему моего поведения. — Да, все волосы. До единого. Мадам Лассер повывергивала их без всякой жалости.

— О, Дева Мария, мать Пресвятая Богородица! — Он зажмурился, словно отвергая саму мысль о случившемся.

Чуть позже открыл глаза и уставился на меня сверкающим взглядом.

— И на кой же черт ей понадобилось быть лысой, как шар?

— Она говорит, — осторожно начала я, — что мужчины находят это сексуальным.

Густые рыжие брови поползли вверх и почти скрылись под волосами, спадающими на лоб — нелегкий трюк для мужчины с высоким лбом.

— Да перестань бормотать, наконец! — прикрикнула я на него, бросая полотенце на спинку стула. — Я не разбираю ни слова.

— Ну и слава Богу, что не разбираешь, Саксоночка, — ответил он.

Глава 12

«ОБИТЕЛЬ АНГЕЛОВ»

— Ладно, так и быть, — решил вдруг Джейми за завтраком, ткнув в мою сторону ложкой. — Можешь идти. Но только кроме лакея возьмешь в провожатые Муртага. Там, возле этого собора, район, который пользуется дурной славой.

— Но к чему мне провожатый? — Я отодвинула тарелку с овсянкой, на которую взирала без всякого энтузиазма. — Джейми! Ты что, хочешь сказать, что не возражаешь, если я пойду в «Обитель ангелов»?

— Сам не знаю, что именно я хочу сказать, — ответил он, деловито ковыряя в своей овсянке. — Но думаю, что не возражаю. Уж лучше работать в больнице, чем проводить время у Луизы де ла Тур. Полагаю, что на свете есть худшие вещи, чем общение с нищими и преступниками, — мрачно добавил он. — Уж по крайней мере вряд ли ты явишься оттуда с выщипанным причинным местом.

— На этот счет можешь быть спокоен, — обещала я.

В свое время мне пришлось перевидать немало хороших больничных сестер и всего лишь несколько отличных, которые умудрились превратить свой нелегкий труд в праздник. Что касается матери Хильдегард, то это был как раз обратный случай, и результаты впечатляли.

Трудно было вообразить более подходящую персону для руководства заведением, подобным «Обители ангелов», чем матушка Хильдегард. Огромная, ростом около шести футов, с сухой ширококостной фигурой, завернутой в ярды черной шерстяной ткани, она парила над няньками и сестрами, как воронье пугало, надетое на палку и охраняющее тыквенное поле. Привратники, сестры, пациенты, санитары, послушники, посетители, аптекари — их всех точно ветром сдувало при ее появлении, или же они сбивались в компактные группки, которыми матушка Хильдегард могла легко управлять.

Господь наделил ее не только внушительным ростом, но и лицом, таким уродливым, что это почти граничило с гротеском, а потому не удивительно, что она посвятила свою жизнь служению Господу, — Иисус был, пожалуй, единственным мужчиной, от которого она могла бы ожидать взаимности. Голос у нее был низкий и звучный, с характерным носовым гасконским акцентом, он гремел в больничных коридорах, словно отголосок церковного колокола. Сначала было только слышно ее, уже

потом — видно. При ее приближении холл наполнялся звуками ее голоса, затем появлялась она сама и направлялась к своему кабинету, где ее ожидали придворные дамы, в том числе и я, пытавшаяся укрыться за спиной герра Гертсмана, как пытаются укрыться от урагана обитатели какого-нибудь островка, ищущие спасения за хрупкой перегородкой.

Она заполнила собой дверной проем с шуршанием одежд, напоминающим шелест крыльев летучих мышей, и обрушилась на герра Гертсмана с хищным криком, звучно целуя его в щеки:

— Мой дорогой друг! Вот неожиданная радость! Тем более приятная, что неожиданная! Что привело вас ко мне?

Выпрямившись, она обернулась к нам с широкой улыбкой на лице. Улыбка оставалась таковой, пока герр Гертсман объяснял ей цель нашего визита, однако еще менее опытная, чем я, предсказательница судеб могла бы заметить, как затвердевают у нее скулы и улыбка из искренней превращается в вымученную.

— Мы очень ценим ваши идеи и благородный порыв, mesdames. — Глубокий звучный голос продолжал рассыпаться в благодарностях, однако я заметила, как маленькие умные глазки изучают, оценивают, взвешивают, — видимо, она решала, как лучше распорядиться этой помехой, нарушившей привычный ход вещей, да еще умудриться выбить из этих набожных дамочек побольше денег, с которыми они были готовы охотно расстаться ради спасения собственной души.

Наконец, видимо приняв какое-то решение, она громко хлопнула в ладоши. В дверях, как чертик из шкатулки, возникла коротышка монахиня.

— Сестра Анжелика, будьте так добры, сопроводите этих дам в лабораторию. Выдайте им соответствующую одежду, а потом покажите палаты. Пусть они помогут при раздаче больным еды, раз уж проявляют такое желание. — Длинный широкий рот слегка искривила гримаса, показывающая, что мать Хильдегард сильно сомневается в желании дам посетить палаты.

Мать Хильдегард была великим знатоком человеческих душ. Три дамы, посетившие первую палату, где лежали больные золотухой, чесоткой, экземой и вонючей пиемией, тут же сочли, что вполне могут удовлетворить свою склонность к благотворительности, ограничившись пожертвованием определенных сумм на больничные нужды, и вихрем умчались обратно в лабораторию — скидывать грубые холщовые халаты, которые им там предоставили.

В центре следующей палаты долговязый мужчина в темном балахоне довольно умело проводил ампутацию ноги; умелость усугублялась еще и

тем фактом, что никакого обезболивания при этом не применялось, а держали несчастного два дюжих мускулистых санитаров и плотного сложения монахиня, усевшаяся на него верхом; к счастью, развевающиеся складки ее сутаны скрывали от меня лицо больного.

Одна из дам, следовавшая прямо за мной, тихо ахнула; обернувшись, я заметила спины двух других добрых самаритянок, улепетывающих по коридору; они столкнулись в тесном проходе, ведущем к лаборатории, то есть к свободе. За последним отчаянным рывком послышался треск рвущегося шелка, они прорвались и полетели по плохо освещенному коридору, едва не сбив с ног попавшегося на пути санитаров с подносом, на котором лежали стопки салфеток и хирургические инструменты.

Обернувшись, я с удивлением обнаружила, что Мэри Хоукинс все еще рядом. Лицо ее было блее полотняной салфетки — следует заметить, что здесь, в больнице, белье было сероватого оттенка, — а вокруг рта и подбородка залегли голубоватые тени, однако она все же была рядом.

— Давайте живо, поторопитесь! — властно воскликнул хирург, адресуясь, по-видимому, к едва не сбитому с ног санитару, который, торопливо поставив поднос, подбежал к нему, держащему наготове пилу, с целью отпилить отделенную от плоти бедренную кость. Санитар наклонился наложить второй жгут над надрезом, пила задвигалась с неописуемым скрипучим звуком, и я предусмотрительно развернула Мэри Хоукинс спиной к этой сцене. Я ощущала, как дрожит ее рука, а розовые губки побелели и сморщились, точно побитые морозом лепестки цветка.

— Хотите уйти? — участливо спросила я. — Уверена, матушка Хильдегард закажет для вас карету. — Обернувшись, я взгляделась в полумрак холла. — Боюсь, что графиня и мадам Ламберт уже отбыли.

Мэри шумно втянула воздух, потом с самым решительным видом сжала губы.

— Н-н-нет, — пробормотала она. — Если вы остаетесь, то и я тоже.

Я твердо вознамерилась остаться — любопытство и стремление разузнать как можно больше об операциях, проводимых в этой больнице, оказались сильнее желания пощадить чувства Мэри.

Наконец и сестра Анжелика соизволила заметить, что мы остались. Вернувшись, она встала рядом и с еле заметной улыбкой на пухлом лице терпеливо ждала, когда мы, подобно остальным, ударимся в бегство. Я склонилась над койкой в углу комнаты. Под тоненьким одеялом тихо лежала страшно исхудавшая женщина. Глаза рассеянно блуждали по сторонам, казалось, она не замечает ничего вокруг. Но не сама женщина привлекла мое внимание, а странной формы стеклянный сосуд,

установленный на полу рядом с койкой.

Он был до краев заполнен желтой жидкостью — вне всякого сомнения, то была моча. Я удивилась: что пользы было собирать мочу, когда в те времена не существовало ни методов химического анализа, ни даже лакмусовой бумаги? Но тут меня осенило.

Я осторожно приподняла сосуд, не обращая внимания на протестующий возглас сестры Анжелики. Принюхалась... Да, так и есть: помимо характерного кисловатого запаха испарений аммиака, жидкость отчетливо отдавала чем-то сладким, так пах прокисший мед. Секунду я колебалась, но другого способа проверки не существовало. С гримасой отвращения я обмакнула кончик пальца в жидкость и лизнула языком.

Мэри, наблюдавшая за моими манипуляциями с расширенными от удивления глазами, даже закашлялась, однако сестра Анжелика впервые за все время взглянула на меня с интересом. Я положила руку на лоб женщины — он был прохладным, жара или лихорадки у нее не наблюдалось.

— Хочется пить, да, мадам? — спросила я больную. Ответ я знала заранее, заметив возле изголовья пустой графин.

— Все время, мадам, — ответила она. — И еще я все время голодна. Сколько ни ем, а сплошные кожа да кости. — Она приподняла тоненькую, словно веточка, руку, демонстрируя костлявое запястье, затем бессильно уронила ее.

Я нежно похлопала по этой худенькой руке и пробормотала какие-то слова утешения. Диагноз мой оказался верным, но малоутешительным — в те времена еще не научились лечить диабет. Несчастливая была обречена.

Опечаленная, я присоединилась к сестре Анжелике, которая, перебирая коротенькими ножками, едва поспевала за мной.

— Откуда вы узнали, чем она страдает, мадам? — с любопытством спросила меня монахиня. — Только по моче?

— Нет, не только, — ответила я. — У нее диа... — Как это у них называется?.. — Сахарная болезнь. Еда, которую она ест, не насыщает, все время хочется пить. И как следствие, выделяется моча в огромных количествах.

Сестра Анжелика кивнула, полное лицо так и светилось любопытством.

— Как вы считаете, мадам, она поправится?

— Нет, она обречена, — прямо ответила я. — Болезнь зашла слишком далеко, ей не протянуть и месяца.

— О-о... — Светлые бровки приподнялись, она глядела на меня уже не

столько с любопытством, сколько с уважением. — То же самое говорит и месье Парнель.

— А кто он такой, этот месье Парнель? — небрежно осведомилась я.

Толстушка растерянно нахмурилась:

— Ну, вообще-то он изготавливает бандажи, еще ювелирным делом занимается. А когда приходит сюда, работает уринологом.

Брови мои поползли вверх.

— Уринологом? — недоверчиво переспросила я. — У вас существуют такие вещи?

— Qui, мадам. И он слово в слово говорил то же, что и вы, об этой несчастной худенькой женщине. Впервые вижу даму, которая так хорошо разбирается в медицине. — Сестра Анжелика глядела на меня словно замороженная.

— На земле и в небесах существует еще немало вещей, неподвластных разуму человеческому, сестра, — скромно ответила я. Она кивнула с таким серьезным видом, что тут же заставила меня устыдиться своего пафоса.

— Это верно, мадам. Желаете взглянуть на господина на последней койке? Он жалуется на печень.

Мы переходили от одной койки к другой и наконец завершили обход огромной палаты. Я видела людей, страдающих от болезней, о которых знала только из учебников; видела пострадавших от самых разных травм — от раненного в голову при пьяной драке до ломового извозчика, грудь которого была практически расплюсчена катящейся бочкой с вином.

У некоторых коек я останавливалась, задавая вопросы тем больным, которые были способны отвечать. За спиной своей я слышала дыхание Мэри, но не оборачивалась, а потому не видела, зажимает она нос или нет.

В завершение обхода сестра Анжелика обратилась ко мне с иронической улыбкой:

— Ну-с, мадам? Не передумали ли вы служить Господу Богу, помогая этим несчастным?

Я уже закатывала рукава халата.

— Принесите-ка мне таз с горячей водой, сестра, — ответила я. — И кусок мыла.

— Ну, как там все было, Саксоночка? — спросил меня Джейми.

— Ужасно, — ответила я, широко улыбаясь.

Он приподнял бровь и вопросительно взглянул на меня, затем устало растянулся в шезлонге.

— Получила удовольствие?

— О, Джейми, если б ты знал, как это приятно — вновь чувствовать

себя полезной! Я мыла полы и кормила больных жидкой овсянкой, а потом, пока сестра Анжелика не смотрела, успела сменить пару грязных рубашек и вскрыть нарыв.

— Превосходно! — заметил он. — Ну а сама-то поесть не забыла или слишком увлеклась?

— Э-э... честно сказать, забыла, — виновато созналась я. — С другой стороны, совершенно забыла и о тошноте. — Тут, едва стоило мне вспомнить об этом, желудок отозвался спазмами. Я прижала кулак к животу. — Думаю, стоит перекусить.

— Да уж, наверное, да, — мрачно согласился он и потянулся к колокольчику.

Он смотрел, как я жую мясной пирог и сыр, и слушал мой рассказ о больнице в перерыве между глотками.

— Многие палаты переполнены, больные лежат по двое-трое в одной кровати, что, конечно, ужасно, но... Хочешь кусочек? — спросила я. — Очень вкусно!

Он взглянул на кусок пирожного, который я протягивала ему.

— Если ты хотя бы на время перестанешь расписывать гангренозные нагноения под ногтями, то, пожалуй, съем.

Лишь с запозданием я заметила, как побледнели у него щеки и ноздри слегка дрожат. Налив в чашку вина, я подала ему и только после этого вновь принялась за еду.

— Ну а как ты провел день, дорогой? — нежно промурлыкала я.

«Обитель ангелов» стала для меня настоящим убежищем. Простота и бесхитростность, отличавшая монахинь и больных, являла собой приятный контраст трескучей болтовне и интригам придворных дам и господ. Я также была уверена, что лицо мое всякий раз обретало в больнице нормальное выражение, а мышцы его приятно расслаблялись, иначе бы на нем так и застыла навеки жеманная и скучающая мина.

Убедившись, что дело я свое знаю и ничего, кроме бинтов и свежего белья от них не требую, монахини быстро смирились с моим присутствием, а преодолев первоначальный шок от моего имени и титула, больные тоже. Социальные предрассудки обычно очень сильны, но разлетаются в прах при наличии доброй воли и умения делать свое дело, тем более если в этом умении есть такая нужда.

Несмотря на свою занятость, матушка Хильдегард начала уделять мне внимание. Сперва она вообще со мной не разговаривала, ограничиваясь лишь «Bonjour, мадам», когда проходила мимо, однако я все чаще стала чувствовать на своей спине взгляд ее внимательных и умных глазок всякий

раз, когда останавливалась возле постели какого-нибудь пожилого больного, страдающего опоясывающим лишаем, или смазывала маслом алоэ ожоги ребенку, пострадавшему при пожаре, — в ту пору в бедняцких кварталах города пожары были частым бедствием.

Казалось, она никогда никуда не торопится, однако за день ей приходилось проходить немалые расстояния крупными, длиной в ярд, шагами по больничным полам из серого камня, причем следом за ней все время поспешал ее любимец — маленький белый пес по кличке Бутон.

Совершенно непохожий на лохматых болонок — самую популярную у придворных дам породу, — Бутон отдаленно напоминал помесь пуделя с таксой. Природа наделила его жесткой курчавой шерстью с длинной бахромой вокруг толстого живота и коротких кривых лап. Концы лап с крепкими черными когтями громко цокали по каменному полу, когда он трусил за матушкой Хильдегард, почти касаясь своей заостренной мордой развевающихся складок ее сутаны.

— Это что, собака? — с изумлением спросила я одного из санитаров, впервые увидев Бутона, семенившего за своей хозяйкой.

Перестав подметать пол, санитар глянул вслед пушистому закрученному калачиком хвосту, тут же скрывшемуся за дверью операционной палаты.

— Э-э... — протянул он нерешительно, — матушка Хильдегард утверждает, что собака. И мне бы не хотелось... спорить с ней по этому поводу.

Сойдясь ближе с монахинями, санитарам и приходящими докторами, мне довелось выслушать немало самых разнообразных мнений о Бутоне — от вполне терпимых до преисполненных суеверий. Никто не знал, как и почему оказался он у матери Хильдегард. В течение нескольких лет он являлся полноправным членом больничного штата, причем, по мнению своей хозяйки, рангом повыше, чем няньки и сестры, и почти равным рангу большинства приходящих врачей и аптекарей.

Последние по большей части смотрели на него с подозрением и отвращением, некоторые — с насмешливой симпатией. Один из хирургов называл его — разумеется, когда матушка Хильдегард не слышала — «мерзкой крысой», другой — «вонючим кроликом», а третий, коротконогий толстяк, изготовитель бандажей, в открытую именовал «Месье Мочалка». Монахини считали его неким промежуточным созданием между талисманом и тотемом, а молодой священник из местной церкви, которого Бутон умудрился укусить за ногу, когда тот пришел исповедовать больных, был твердо убежден, что пес есть не что иное, как маленький демон,

избравший собачье обличье для осуществления своих гнусных замыслов.

Несмотря на несогласие со столь нелестной характеристикой священника, я тем не менее считала, что доля истины в ней все же есть. Пронаблюдав в течение нескольких недель за этой парочкой, я пришла к выводу, что ближе Бутона для матери Хильдегард нет никого на свете.

Она часто разговаривала с ним, причем совсем не так, как обычно говорят с собаками — очень серьезно, на равных. Стоило ей остановиться возле койки, как Бутон тут же вспрыгивал на нее и начинал обнюхивать испуганного пациента. Затем он усаживался — чаще всего на ноги больного, — гавкал и вопросительно смотрел на хозяйку, словно спрашивая, какой диагноз она собирается поставить. И она тут же ставила этот диагноз.

Поведение для собаки довольно интересное, однако у меня не было времени пристально понаблюдать за этой необычной парочкой за работой, вплоть до одного хмурого и дождливого мартовского утра. Я стояла у постели пожилого извозчика и беседовала с ним, стараясь сообразить, что же неладно.

Он поступил к нам неделю назад. Нога у него попала в тележное колесо — несчастный имел неосторожность соскочить с телеги прежде, чем та остановилась. В результате он получил множественный перелом, травму, на мой взгляд, вполне излечимую. Я вправила кость, рана начала благополучно заживать. Ткани имели здоровый розовый цвет, с хорошей грануляцией. Ни дурного запаха, ни пресловутых красных полос, ни нагноения — ничего этого не наблюдалось. И я совершенно не могла понять, отчего у него никак не снижается температура, а моча имеет темный цвет и неприятный запах, что говорит о наличии в организме инфекции.

— Bonjour, мадам, — произнес низкий звучный голос у меня над головой, и, подняв глаза, я увидела матушку Хильдегард. Тут же под локтем у меня что-то прошмыгнуло, и Бутон грузно вспрыгнул на матрац, что заставило больного слегка поморщиться. — Что вы думаете по этому поводу? — спросила она. Я не была уверена, к кому именно она обращается, к Бутону или ко мне, однако все же решила высказать свое мнение.

— Очевидно, существует некий вторичный источник инфекции, — сказала я. — Но понять, где и откуда, я не в силах. Я уже начинаю думать, что это какая-то внутренняя инфекция, никак не связанная с раной. Возможно, вялотекущая форма аппендицита или воспаление мочевого пузыря, хотя, с другой стороны, при пальпировании ничего не

прощупывается.

Мать Хильдегард кивнула:

— Да, вполне возможно. Бутон! — Собака послушно повернула голову к хозяйке, та, в свою очередь, кивком указала на больного: — Ищи во рту, Бутон! — приказала она. Осторожными мелкими шажками пес приблизился к изголовью кровати, круглый черный кончик носа принюхивался. Мужчина с трудом приподнял отяжелевшие от жара веки, однако, заметив величественно возвышавшуюся над ним мать Хильдегард, жаловаться не осмелился. — Откройте рот! — властно приказала она, и снова больной не посмел послушаться, хотя Бутон уже дышал ему прямо в лицо. Несчастный безусловно не принадлежал к разряду тех, кто любит целоваться с собаками.

— Нет, — не сводя глаз с Бугона, мать Хильдегард задумчиво покачала головой, — нет, не то. Ну же, ищи, Бутон! Только осторожно. У человека нога сломана, помни это.

Словно понимая каждое ее слово, пес начал осторожно обнюхивать больного, суя нос под мышки, залезая на грудь, теребя складки одежды в паху. Добравшись до поврежденной ноги, он ловко переступил через нее лапами, прежде чем приблизить нос к повязке.

Вот пес снова вернулся к паху — а куда же еще, это естественно, подумала я, собака есть собака, — легонько потеревил верхнюю часть бедра, затем сел и гавкнул, преданно виляя хвостом.

— Вот оно, — сказала матушка Хильдегард, указывая на маленький коричневый струп над паховой складкой.

— Но рана почти зажила, — заметила я, — и воспаления нет.

— Вы уверены? — Высокая монахиня положила больному руку на бедро и сильно надавила. Сильные пальцы глубоко вошли в бледную плоть, и извозчик завопил как резаный. — Ага! — удовлетворенно буркнула она, рассматривая глубокие вмятины, оставшиеся после нажатия. — Гнойник!

Так и оказалось; струп разошелся с одного конца, оттуда вытекал желтый гной. Дальнейший осмотр с помощью матушки Хильдегард, которая держала больного за ногу и плечи, позволил узнать наконец, в чем же причина. Оказывается, глубоко в бедро вонзилась несчастному длинная заноза — осколок дерева, отщепившийся от колеса. Видимо, основная рана отвлекла внимание врачей к они не заметили занозы с самого начала, да и сам больной не заметил, тогда ему было не до того. Постепенно произошло заражение, рана воспалилась, вокруг занозы скопился гной, причем происходило все это глубоко в мышечных тканях и не было заметно на глаз.

Пришлось немного поработать скальпелем, почистить рану, затем с помощью специальных длинных щипцов я извлекла занозу и торжественно подняла ее вверх — трехдюймовую деревянную щепку, испачканную кровью и гноем.

— Молодец, Бутон! — похвалила я пса. Длинный розовый язык радостно высунулся из пасти, черный носик принюхивался ко мне.

— Да она умница! — сказала матушка Хильдегард. На сей раз никаких сомнений насчет того, к кому именно она обращалась, у меня не возникло. Ведь Бутон был как-никак мужского пола. Он приблизился и вежливо обнюхал мою ладонь, затем облизал тыльную ее сторону, словно в знак признания моих профессиональных заслуг. Я с трудом подавила желание немедленно вытереть ладонь о фартук.

— Поразительно! — заметила я вполне искренне.

— Да, — небрежно кивнула матушка, но в голосе ее звучала гордость. — У него безошибочное чутье на локальные подкожные опухоли. И хотя я не всегда могу понять, что именно он унюхивает в дыхании и моче больного, сам тон его лая безошибочно указывает на то, что данный человек страдает несварением желудка..

— Причин сомневаться в этом после того, что я видела, у меня не было. Я вежливо поклонилась Бутону и взяла пузырек с порошком для обработки раны.

— Рада, что ты помог мне, Бутон. Можешь и дальше работать со мной.

— Очень разумно с вашей стороны, — заметила матушка Хильдегард, обнажив белые крепкие зубы. — Большинство врачей и хирургов не проявляют особой склонности пользоваться его талантами.

— Э-э... — Мне не хотелось подвергать чью-либо репутацию сомнению, но взгляд, который бросила я через холл в сторону месье Валеру, был достаточно выразителен.

Мать Хильдегард рассмеялась:

— Что ж, мы подбираем все, что Бог пошлет, хотя порой я спрашиваю себя: а не посылает ли он их нам лишь с целью уберечь мир от еще больших несчастий? И все же иметь хотя бы таких врачей лучше, чем ничего. Вы... — Тут зубы ее снова блеснули, и она стала похожа на лошадь-тяжеловоза. — Вы же гораздо лучше, чем ничего, мадам.

— Благодарю.

— Хотя иногда меня удивляет, — продолжала она, наблюдая, как я накладываю на рану повязку, — почему вы занимаетесь лишь пациентами с ранами и переломами. И избегаете тех, у кого сыпь, или кашель, или лихорадка, хотя, казалось бы, ухаживать за такими больными дело для

женщины более естественное. Вот уж не думала, что встречу когда-нибудь даму-хирурга! Наши женщины-лекарки обычно не имеют лицензии, все они по большей части из провинций. Хорошо знают травы, припарки и приворотные зелья. Эти мудрые женщины-знахарки всегда были повитухами, так сказать, элитой народных целителей. Многие из них пользуются куда большим доверием и уважением, чем патентованные лекари, как раз их предпочитают люди низших сословий, поскольку они и достаточным умением обладают, да и услуги их недороги.

Я ничуть не удивилась, что она заметила мою склонность к хирургии.

— Дело вовсе не в отсутствии интереса с моей стороны, — уверила я ее. — Просто у меня будет ребенок, и не хотелось бы подвергать себя риску заражения. Сломанные кости не заразны.

— Иногда я задаю себе вопрос, — начала матушка Хильдегард, но тут взгляд ее упал на носилки, которые вносили в холл. — Истинное бедствие на этой неделе. Нет, не ходите. — Она жестом остановила меня. — Этим больным займется сестра Сесиль. Она позовет вас, если понадобится.

Маленькие серые глазки долго и с любопытством, в котором читалось еще и одобрение, изучали мое лицо.

— Так вы не только высокородная дама, вы еще и носите дитя... Удивительно, как это вас муж отпустил. Он, должно быть, совершенно необыкновенный человек.

— Э-э... Он шотландец, — ответила я, словно этим объяснялось все, не желая пересказывать ей возражения Джейми.

— Ах шотландец!.. — Матушка Хильдегард понимающе кивнула. — Ясно.

Постель вздрогнула — это Бутон соскочил на пол и затрусил к двери.

— Чует чужого, — заметила матушка. — Помогает не только врачам, но и сторожу, однако, боюсь, заслуживает при этом не больше благодарности.

Со стороны входной двери послышался громкий лай и чей-то высокий испуганный голос.

— О, снова этот отец Бальмен! Черт побери, ну почему нельзя стоять спокойно и не дергаться, пока Бутон обнюхивает его? — Мать Хильдегард поднялась, но перед уходом успела одарить меня широкой улыбкой. — Пойду успокою его немного, а потом, возможно, пришлю вам на подмогу, мадам. Он, несомненно, святой, однако не слишком понимает в работе профессионалов.

Она направилась к двери крупным неторопливым шагом, я же, попрощавшись с извозчиком, присоединилась к сестре Сесиль,

хлопочущей над новым пациентом.

Я вошла в гостиную и увидела, что Джейми лежит на ковре, а рядом с ним, на полу, сидит скрестив ноги маленький мальчик. В одной руке Джейми держал бильбоке, другой прикрывал один глаз.

— Ну конечно смогу, — говорил он, — в любой момент, и днем и ночью, и с закрытыми глазами. Смотри!

Крепко прикрыв глаз, он сжал рукоятку бильбоке и встряхнул стаканчик из слоновой кости. Шарик на веревочке выскочил из своего гнезда, описал в воздухе дугу и, словно направляемый радаром, с легким хлопком опустился в стаканчик.

— Ну, видал? — Он отнял руку от глаза, сел и протянул игрушку мальчику. — Давай теперь ты попробуй. — Он улыбнулся мне и, сунув руку под юбку, в знак приветствия сжал мою щиколотку, обтянутую зеленым шелковым чулком.

— Развлекаетесь? — спросила я.

— Пока еще нет, — ответил он и крепче сжал мою щиколотку. — Я так тебя ждал, Саксоночка. — Длинные теплые пальцы поползли вверх по ноге, игриво пощекотали икру, поднялись еще выше, и все это время он смотрел на меня своими прозрачными синими глазами с самым невинным выражением. На щеке виднелась полоса размазанной и высохшей грязи, на рубашке и килте тоже были грязные пятна.

— Вот как? — заметила я, стараясь вырваться из цепких пальцев. — А я было подумала, что тебе вполне хватает и этой компании.

Мальчик, не понимавший по-английски ни слова, пропустил эту фразу мимо ушей и отчаянно старался, прикрыв один глаз, повторить тот же трюк с бильбоке. Первые две попытки успехом не увенчались, тогда он открыл глаз и гневно уставился на игрушку, словно именно она была виновата. Попробовал закрыть другой глаз, но не до конца, скорее, прищурился, оставив маленькую щелочку, через которую сквозь длинные ресницы мерцал зрачок.

Джейми неодобрительно прищелкнул языком, и глаз тут же закрылся.

— Эй, Фергюс, давай-ка, дружок, без обмана! — сказал он. — Чтоб все по-честному! — Мальчик, очевидно, поняв смысл сказанного, робко улыбнулся, обнажив ряд крупных, белых, острых, как у белки, зубов.

Джейми притянул меня за ногу, вынуждая подойти поближе, и одновременно увернулся — я пыталась лягнуть его сафьяновым каблуком.

— О-о... — протянул он. — Фергюс — человек многих талантов и прекрасный компаньон, особенно когда брошенный женой человек вынужден проводить долгие часы в одиночестве и преодолевать искушение

пуститься в загул где-нибудь в городе, в кварталах, пользующихся дурной репутацией. — Пальцы проникли в ямочку под коленкой и игриво пощекотали меня. — Однако не годится в партнеры для занятий, которые у меня на уме...

— Фергюс? — Я рассматривала мальчика, игнорируя возню пальцев под юбкой. Ему было лет девять-десять, но для своего возраста он был мал ростом и хрупок, точно хорек. Одетый в чистое, хоть и поношенное платье, слишком для него просторное, он походил на типичное дитя парижской улицы с болезненно-бледной кожей и большими темными глазами.

— Вообще-то его зовут Клодель, но мы решили, что это имя звучит не слишком по-мужски, а потому теперь он зовется у нас Фергюсом. Самое подходящее имя для истинного воина. — Заслышав звук своего имени, вернее имен, мальчик поднял глаза и застенчиво улыбнулся мне.

— А это мадам, — объяснил Джейми, указав на меня свободной рукой. — Можешь называть ее миледи. Не думаю, что он в состоянии выговорить Брех Туарах или даже такую фамилию, как Фрэзер.

— Миледи вполне достаточно, — согласилась я и снова сделала попытку высвободить ногу из цепких пальцев. — Но почему, позвольте спросить?..

— Почему — что? Фергюс, ты имеешь в виду?

— Да, да, именно. — Боже, до чего же длинные у него руки! Теперь я чувствовала, как пальцы гладят бедро. — Джейми, прекрати сейчас же!

Пальцы дрогнули и переместились на шелковую подвязку, которая держала мой чулок. Она развязалась, и чулок соскользнул вниз, складками собравшись у щиколотки.

— Зверь! — Я замахнулась на Джейми, но он с хохотом увернулся.

— Ах зверь!.. Какой такой зверь? А ну, говори!

— Дворяшка! — огрызнулась я и нагнулась подтянуть чулок. Похоже, Фергюса мало интересовали наши игры, он снова занялся бильбоке.

— А что касается парнишки, — радостно заявил Джейми, — то я нанял его на службу.

— И что же он будет делать? — поинтересовалась я. — У нас уже есть мальчик, который чистит ножи и обувь, потом еще мальчик-конюшенный.

Джейми кивнул:

— Верно. Но карманника у нас нет. Вернее, не было, а теперь есть.

Я тихо ахнула:

— Понятно. Не сочти меня излишне любопытной, но могу ли я все же узнать: к чему нам в доме карманник?

— Красть письма, Саксоночка, — спокойно ответил Джейми.

— О-о... — Я начинала понимать.

— От его высочества проку сейчас никакого. Всякий раз, когда мы видимся, он начинает вздыхать о Луизе де ла Тур или же скрежетать зубами и чертыхаться, потому что они, видите ли, в очередной раз поссорились. И в том и в другом случае единственная его цель — побыстрее напиться. Мар уже потерял с ним всякое терпение от этих перепадов настроения. А от Шеридана ничего невозможно добиться.

Герцог Мар являлся самым уважаемым человеком в среде парижских якобитов. Это был стареющий мужчина с безупречными манерами; одним из первых поддержал он короля Джеймса в его неудавшейся попытке захватить власть в 1715 году, и после поражения под Шерифсмюром последовал за своим королем в ссылку. Я встречалась с герцогом, он нравился мне: приятный пожилой господин с отменными манерами и прямой, как сама его натура, спиной. Теперь он с тем же рвением поддерживал сына своего господина, без особой, впрочем, благодарности со стороны принца. Была знакома я и с Томасом Шериданом, наставником принца, тоже весьма преклонных лет господином, который вел всю переписку его высочества, переводя его полуграмотные и преисполненные нетерпения тирады на придворный французский и английский.

Я села и пристегнула чулок. Фергюс, для которого созерцание голых женских ног было, очевидно, не в новинку, не обратил на эти мои манипуляции ни малейшего внимания, целиком поглощенный бильбоке.

— Письма, Саксоночка, — сказал Джейми. — Мне нужны письма. Из Рима, с гербом Стюартов на печати. Письма из Франции, Англии, Испании. Можно добывать их в доме принца, Фергюс будет сопровождать меня туда в качестве пажа. Или же через папских посыльных, которые их доставляют. Желательно знать всю информацию заранее. И вот мы заключили сделку, — продолжал Джейми, кивком указав на своего нового слугу. — Фергюс будет раздобывать все, что меня интересует, я же взамен одевать и кормить его, а также платить по тридцать экю в год. Если его схватят, так сказать, с поличным, я сделаю все, что в моих силах, чтоб выручить его. Если это окажется невозможным и он потеряет ногу или, скажем, ухо, я обязан содержать его до конца дней, а если парнишку повесят, тогда в течение года я гарантирую ему отпевание в церкви. Думаю, сделка честная, как тебе кажется?

По спине у меня пробежали мурашки.

— Боже мой, Джейми... — только и смогла пробормотать я.

Он покачал головой и потянулся к бильбоке.

— Не нашему Богу надо молиться, Саксоночка. А святому Дисмасу.

Покровителю воров и шпионов.

Джейми взял бильбоке у мальчика. Резкий взмах руки — и шарик из слоновой кости, описав параболу, с хлопком опустился в стаканчик.

— Понимаю, — сказала я. И продолжала с интересом наблюдать за мальчиком, который, взяв у Джейми игрушку, снова стал упражняться. — Где ты его нашел?

— Встретил в публичном доме.

— Ах, ну да, конечно! Как же могло быть иначе... — Я не сводила глаз с пятен грязи на его рубашке. — Какой ты посетил, как я понимаю, по неким вполне уважительным причинам!..

— О да, — ответил он. Откинулся в кресле, обхватил руками колени и, усмехаясь, смотрел на меня. — Думаю, тебе доставило бы больше радости обнаружить меня в этом заведении, нежели в темной аллее с проломленным черепом.

Тут я увидела, как темные глаза Фергюса, оторвавшись от бильбоке, застыли на каком-то предмете. Я проследила за его взглядом — у стены на столике стояло блюдо с пирожными. Маленький острый язычок облизал нижнюю губу.

— Кажется, твой протеже голоден, — сказала я. — Почему бы не покормить его, а ты тем временем расскажешь, что, черт возьми, произошло с тобой сегодня.

— Шел я в доки, — послушно начал он, поднимаясь, — и как раз миновал Рю Эглентин, когда вдруг почувствовал на спине чей-то взгляд...

Джейми Фрэзер отслужил два года во французской армии, дрался и воровал с шайкой шотландских бродяг, затем его преследовали и гнали через болота и горы с родной земли. От всего этого у него выработалась чрезвычайная подозрительность, и ему часто казалось, что его преследуют. Он не мог объяснить, был ли то звук шагов за спиной, или же чья-то тень, подозрительно мелькнувшая поблизости, или что-либо еще, менее осязаемое, но предупреждением об опасности служили вставшие дыбом короткие волоски на затылке.

Повинуясь этому сигналу тревоги, он свернул на углу налево, а не направо, как обычно, обогнул лоток торговца горячими пирожками и еще один, со свежими овощами, затем нырнул в колбасную лавку.

Прижавшись спиной к стене у входа, осторожно выглянул на улицу — лицо его загораживали подвешенные к потолку утиные тушки. Буквально через секунду на улице появились двое мужчин, они шли рядом и озирались по сторонам.

Каждый ремесленник и работяга в Париже был отмечен характерным

для его профессии знаком, и Джейми без труда угадал в этих двоих моряков: Если маленькая золотая серьга в ухе одного из них, плотного коротышки, еще не внушала полной уверенности, то красновато-коричневый загар на лицах обоих говорил о том, что его обладатели — заправские моряки.

Привыкшие к качанию палубы под ногами, моряки редко ходят прямо. Эти же двое скользили сквозь толпу, как угри, огибающие подводные камни, а рыскающие глаза ощупывали прохожих — нищих, чиновников, домохозяек и торговцев. Словом, морские волки вышли на поиски крупной добычи.

— Я дал им пройти мимо лавки, — продолжал Джейми, — и уже собрался было выйти через черный ход на другую улицу, как вдруг увидел еще одного, совсем рядом, в проходе. Одет он был примерно так же, как и первые двое, длинные немытые волосы свисали до плеч, за пояс был заткнут нож для разделки рыбы с руку длиной. Низенький, крепкого телосложения человек этот загородил собой весь узкий проулок и стоял неподвижно, пока его обтекали людские волны. Очевидно, его оставили на стреме, пока двое сообщников продолжали поиски. Я не знал, что же делать дальше, — говорил Джейми, потирая нос, — конечно, в лавке я был в безопасности, но выйти оттуда не мог, меня тут же заметили бы. — Он нервно обернулся, разглаживая на коленях алую ткань килта.

— Ну и как же ты поступил? — спросила я. Фергюс, не прислушиваясь к нашей беседе, методично набивал карманы пирожными, изредка украдкой откусывая по кусочку. Джейми перехватил мой взгляд и пожал плечами.

— Мальчик не привык питаться регулярно, — заметил он. — Пусть себе ест на здоровье.

— Да, конечно, — согласилась я. — Но что же дальше?

— Я купил колбасу, — просто ответил он.

Точнее говоря, то был дьундин. Это лакомство готовили из утиного мяса с добавлением ветчины и оленины, все это варили, набивали в кишку и затем вялили на солнце. Получалась колбаса длиной дюймов в восемнадцать, твердая, словно древесина дуба.

— Не мог же я выйти с обнаженной шпагой, — продолжал Джейми. — С другой стороны, проходить без оружия мимо того парня в проулке тоже не хотелось.

Зажав в руке дьундин, Джейми наконец вышел из лавки в проулок и направился к дежурившему там незнакомцу, глядя ему прямо в глаза.

Незнакомец спокойно выдержал его взгляд, не выказывая ни

малейшего интереса или неприязни. Джейми мог бы подумать, что ошибся, не заметь он, как его страж быстро подмигнул кому-то, находившемуся у него за спиной. Повинуясь инстинкту, выработавшемуся в самых рискованных обстоятельствах, Джейми рванулся вперед, сбил незнакомца с ног и в тот же миг, поскользнувшись, сам упал лицом вниз на грязные камни мостовой.

Люди с криками разбегались в разные стороны. Почти немедленно Джейми вскочил на ноги, успев заметить пущенный в него нож — к счастью, бандит промахнулся, и нож вонзился в лоток, где торговали лентами.

— Стоило мне хоть капельку усомниться в их истинных намерениях, и твой муженек отмучился бы, — коротко добавил он.

Однако колбасы он во время падения из рук не выпустил и нашел ей применение — изо всей силы шарахнул ею нападавшего по лицу.

— Нос я ему точно сломал, — задумчиво произнес он. — Во всяком случае, этот подлец отпрянул, я же проскочил мимо него и пустился бежать по Рю Пеллетье.

Прохожие с воплями разбегались, точно стая испуганных гусей: вид несущегося по улице громадного шотландца в развевающемся килте способен был устроить кого угодно. Джейми не останавливался и не оборачивался — по возмущенным крикам, доносившимся сзади, было ясно, что преследователи все еще гонятся за ним.

Королевские гвардейцы редко патрулировали улицы этого района, да и от окружающих помощи ждать не приходилось, разве что суতোлка на улице могла немного задержать преследователей. Кому охота вмешиваться в уличные разборки, тем более ради какого-то иностранца.

— Улица там прямая, без всяких ответвлений, — говорил Джейми. — И мне непременно нужно было добежать до того места, где можно было бы обнажить шпагу и прижаться спиной к стене. На бегу я толкал запертые двери. Наконец повезло, одна оказалась открытой.

Ворвавшись в полутемную прихожую, Джейми промчался мимо опешившего портье, потом, отбросив штору, оказался в центре большой, хорошо освещенной залы. То был салон пресловутой мадам Элизы, он понял это, когда в ноздри ударил щекочущий запах духов.

— Понимаю, — сказала я и прикусила губу. — Надеюсь, что уж там шпагу вытаскивать тебе не пришлось?

Джейми слегка сощурился и ответил уклончиво:

— Полагаю, Саксоночка, у тебя достаточно развито воображение, чтобы представить, какой эффект возымело столь внезапное мое появление

в борделе, да еще с огромной колбасой в руке.

Воображение не подвело, я расхохоталась:

— Господи! Хотела бы я видеть эту сцену!

— Слава Богу, что не видела, — сухо ответил он. Щеки его зарделись от гнева.

Не обращая внимания на комментарии, следовавшие от изумленных обитательниц заведения, Джейми осторожно пробирался через целый строй «голых ляжек» — именно так он выразился, — пока вдруг не заметил у стены удивленно глазающего на него Фергюса.

Обрадованный, что увидел наконец представителя мужского пола, Джейми схватил мальчугана за плечо и стал с жаром умолять его показать, где находится черный ход, причем не медля ни секунды.

— В прихожей уже слышался топот и грохот, — объяснил он. — Это означало, что преследователи вот-вот настигнут меня. И мне вовсе не хотелось начать размахивать шпагой и драться не на жизнь, а на смерть среди целой толпы голых дамочек.

— Да, перспектива устрашающая, — согласилась я. — Так, значит, мальчик помог тебе?

— Да. Он не колебался ни секунды. Умница, молодец! «Сюда, месье!» — крикнул он, и мы взбежали вверх по лестнице, потом заскочили в какую-то комнату, выбрались через окно на крышу, а там и след наш простыл. — Джейми с нежностью посмотрел на своего нового слугу.

— Знаешь, — заметила я, — большинство жен не поверили бы ни единому твоему слову.

Джейми вытаращил глаза:

— Нет? Почему?

— Ну, вероятно, потому, — ответила я, — что они замужем не за тобой, а за кем-то другим. Я рада, что тебе удалось уцелеть, однако сейчас меня больше беспокоит другое. Кто же они были, эти твои преследователи?

— Тогда у меня не было времени как следует поразмышлять на эту тему, — ответил Джейми. — Теперь оно есть, однако я по-прежнему не имею ни малейшего представления, кто они и почему за мной гнались.

— Может, грабители? — Деньги, вырученные от торговли вином, переносили со складов Фрэзера на Рю Тремолин и далее — в банк, где их помещали на счет Джареда, в стальных коробках и под усиленной охраной. Тем не менее Джейми был очень заметной и известной фигурой в доках, о нем ходила молва, что он очень богатый купец. Богатый, разумеется, по понятиям обитателей тех кварталов.

Счищая с рубашки комочки грязи, он отрицательно покачал головой:

— Может быть... Но ведь они не пытались обобрать меня. Они хотели убить.

Произнес он это спокойным тоном, но коленки у меня подогнулись, и я опустилась на диван. Облизала внезапно пересохшие губы.

— Но кто... кто, как ты думаешь?

Он пожал плечами, снял с края тарелки кусочек крема, облизал палец.

— Единственно кто приходит на ум, так это граф Сент-Жермен, который мне угрожал. Но что он выигрывает, убив меня?

— Он конкурент Джареда, ты сам говорил.

— Да. Но вина из Германии его не интересуют. И потом, не думаю, чтоб он стал убивать меня только для того, чтобы вернуть Джареда в Париж и не дать ему начать новое дело. Это уж чересчур, — задумчиво добавил он, — даже для такого человека, как Сент-Жермен.

— А ты не думаешь... — От этой мысли мне стало уж совсем не по себе, и я два раза сглотнула слюну, прежде чем продолжить: — Не думаешь ли ты, что это... месть? За сожженную «Патагонию»?

Джейми озадаченно покачал головой:

— Возможно... Но для чего ему понадобилось выжидать так долго? Да и потом, почему понадобилось мстить именно мне? Это ведь ты вывела его из себя, Саксоночка. Почему тогда он не напал на тебя?

Мне стало уже совсем худо.

— Ты рассуждаешь слишком уж логично, — пробормотала я.

Он поднял на меня глаза, улыбнулся и обнял за плечи:

— Нет, *mon diuine*. Граф безусловно вспыльчив. Однако не думаю, чтоб он взялся за столь хлопотное и дорогостоящее дело, как заказное убийство из мести. Если бы это помогло ему вернуть корабль, тогда да, — добавил он. — Но влезать в такие расходы, нанимать троих головорезов... Нет, это только выбрасывать деньги на ветер.

Он похлопал меня по плечу и поднялся.

— Нет. Это скорее похоже на ограбление. Не думай больше об этом. С сегодняшнего дня буду брать с собой в доки Муртага.

Он наклонился, отряхнул засохшую грязь с килта.

— Надеюсь, вид у меня достаточно приличный, чтоб не переодеваться к ужину? — спросил он, критически оглядывая свое платье. — Все, должно быть, готово.

— Что готово?

Он распахнул дверь, и в комнату ворвался из столовой густой аппетитный аромат.

— Как это что? Колбаса, разумеется, — ответил он и усмехнулся. —

Неужели думаешь, я дал бы ей пропасть?

Глава 13

ОБМАН

— Листья барбариса, три горсти отвара из трав, смешать со столовой ложкой черной чемерицы. — Я отложила список ингредиентов, словно он был противным и скользким на ощупь. Этот рецепт дала мне мадам Руло. Она считалась одной из лучших местных травниц, однако предупредила, что это зелье опасно. — Ты все еще уверена, Луиза, что готова на это?

Круглое розовое лицо пошло красными пятнами, пухлая нижняя губка задрожала.

— У меня нет выбора. — Взяв со стола рецепт, она разглядывала его с ужасом и омерзением. — Черная чемерица... — пробормотала она и передернулась. — Уже одно название нагоняет страх.

— Да, смесь просто дьявольская, — согласилась я. — Будет такое ощущение, что все внутренности вываливаются наружу, заодно с ребенком. Правда, это не всегда срабатывает. — Я вспомнила предупреждение месье Раймона: «Затягивать опасно». Интересно, какой у нее срок? Наверняка не больше шести недель или около того, она ведь тут же поделилась со мной, как только заподозрила, что беременна. Луиза подняла на меня красные заплаканные глаза.

— А ты сама пробовала?

— Господи, нет, конечно! — В отрицании моем было столько пыла, что я тут же спохватилась и прикусила губу. — Нет. Но видела женщин, которые пробовали. В нашей больнице. — Подпольные абортеры обычно работали на дому и обслуживали лишь свой круг клиентов. Успешно прошедшие через эту операцию в больницу не попадали, но таковых было немного. Я инстинктивно прижала ладонь к животу, словно стремясь защитить сидевшее там беспомощное дитя. Луиза заметила этот жест и отвернулась. Свернувшись калачиком на диване, обхватила голову руками.

— О, лучше бы я умерла! — простонала она. — За что мне такое несчастье? Почему я не могу родить ребенка от любимого мужа? — Обеими руками она сдавила живот и уставилась на него, словно ожидая, что вот-вот выдавит из него ребенка. На этот вопрос у меня существовало сразу несколько ответов, однако я понимала, что ей вряд ли будет приятно выслушивать их. Глубоко вздохнув, я присела рядом с ней на диван и похлопала по вздрагивающему, обтянутому дамаском плечу.

— Луиза... — начала я. — А ты не хотела бы оставить этого ребенка?

Она подняла голову и уставилась на меня, потрясенная.

— Конечно хотела бы! — воскликнула она. — Ведь он... Он от Карла! Он... — Тут лицо ее исказилось, и она спрятала его в ладонях. — Он мой... — прошептала она. Потом после долгой паузы подняла мокрое от слез лицо и в отчаянной попытке успокоиться вытерла нос пышным рукавом платья. — Но это невозможно... Если я не сделаю этого, — она бросила взгляд на рецепт и громко всхлипнула, — Жюль со мной разведется. Он вышвырнет меня на улицу. Разразится грандиозный скандал... В обществе от меня отвернутся. Даже отец не сможет защитить меня!

— Да, — кивнула я. — Однако... — Долю секунды я колебалась, затем все же решилась: — А что, если попробовать убедить Жюля, что это его ребенок?

Она впала в глубокую задумчивость. Я потрясла ее за плечо.

— Но я не вижу, как... О! — Тут ее осенило, и она с ужасом уставилась на меня. — Разве что переспать с Жюлем? Но Карл будет в ярости!

— Карл, — сквозь зубы пробормотала я, — не беременный.

— Да, но он... Нет... я не могу! — Выражение ужаса исчезло, в глазах засветилась надежда.

Мне не хотелось давить на нее, с другой стороны, я не видела причин, по которым она должна была рисковать собственной жизнью ради спасения Карла Стюарта.

— Неужели ты думаешь, что Карл захочет, чтоб ты пошла на такой риск? — спросила я. — Кстати, а он знает о ребенке?

Она кивнула — розовый ротик слегка приоткрыт, руки, сжатые в кулаки, лежат на животе.

— Да. Из-за этого мы в прошлый раз и поссорились. — При этом воспоминании она немного поморщилась. — Он страшно разозлился. Сказал, что это целиком моя вина, что я должна была подождать, пока он не восстановит отца на троне. Ведь тогда он рано или поздно стал бы королем. И он обещал, что приедет и заберет меня от Жюля, и заставит отца аннулировать мой с ним брак, и наши сыновья смогут стать наследниками английского и шотландского тронов. — Тут нервы у нее снова не выдержали, и она зарыдала, уткнувшись носом в складки платья.

Я возвела глаза к потолку.

— Да успокойся же ты наконец, Луиза! — рявкнула я, чем напугала подругу в достаточной мере, чтоб слезы тут же прекратились, и я, воспользовавшись этой паузой, продолжала гнуть свое. — Послушай, — начала я как можно более убедительным тоном, — неужели ты всерьез

считаешь, что Карл согласится пожертвовать собственным сыном? Пусть даже пока незаконным? — Вообще-то я была почти уверена, что Карл обрадуется любому предлогу устранить это столь внезапно возникшее осложнение, вне зависимости от того, как это может повлиять на его или Луизино предполагаемое потомство. С другой стороны, принц — неисправимый романтик, возможно, его все же удастся убедить, что в каком-то смысле появление ребенка даже на пользу, что это укрепит его положение ссыльного монарха. Но для того, чтобы осуществить это, мне необходима помощь Джейми. При мысли о том, что мне придется выслушать от него в ответ на эту просьбу, я слегка поморщилась.

— Ну, я не знаю... — Луиза колебалась, однако я видела, как отчаянно ей хочется, чтоб ее убедили. На секунду мне даже стало жаль Жюля, принца Роанского, но тут перед глазами со всей отчетливостью встала ужасающая картина: молодая служанка, истекающая кровью, корчится в смертных муках на кушетке, в приемной «Обители ангелов».

Ушла я от де ла Туров уже на исходе дня, еле волоча ноги. Луиза, вконец изнервничавшаяся, сидела наверху в своем будуаре — горничная причесывала и наряжала ее в самый соблазнительный из имевшихся туалетов. Еще бы, ведь ей предстояло ужинать с супругом в интимной обстановке. Я и сама совершенно выбилась из сил и была на грани нервного срыва. Одна надежда, что Джейми не пригласил сегодня никого к ужину. Я тоже нуждалась в интимности и покое.

Он не пригласил. Войдя в кабинет, я увидела его за столом, склонившимся над листками мелко исписанной бумаги.

— Как ты думаешь, кто этот «купец-меховщик» — Людовик Французский или министр Дюверни? — спросил он не поднимая глаз. — А как ты себя чувствуешь?

— Спасибо, прекрасно, — ответила я. — А как ты?

— Хорошо, — рассеянно ответил он. Волосы на макушке стояли дыбом, скребя пятерней в затылке, он продолжал вглядываться в строки на бумаге.

— «Портной из Вандома»... Это, должно быть, не кто иной, как месье Гейер, да, несомненно, — продолжал он, водя по письму пальцем, — а «наш общий друг» — это или герцог Мар, или же папский посланник. Нет, судя по всему все же герцог. Хотя...

— Что это, черт возьми? — Я заглянула ему через плечо и тихо ахнула, увидев внизу подпись: «Джеймс Стюарт, милостью Божьей король Шотландии и Англии». — Господи! Так, значит, сработало? — Обернувшись, я заметила Фергюса. Сидя на табурете возле камина,

мальчик методично отправлял в рот сладости. — Молодец! — похвалила я его. Он усмехнулся, набитые щеки округлились, и в этот момент больше всего он походил на бурундучка.

— Добыли у папского посыльного, — объяснил Джейми. Только тут до него с запозданием дошло, что появилась я. — Фергюс вытащил у него из сумки, пока он ужинал в таверне. Потом посыльный остался там ночевать, так что до утра письма успеют вернуться на место. Проблем не возникло, Фергюс?

Мальчик наконец проглотил кусок и покачал головой:

— Нет, милорд. Ночует он один. Никому не доверяет, боится, как бы не сперли эти бумажки. — Он презрительно усмехнулся. — Второе окно слева, прямо над конюшней. — Он взмахнул худенькой ручкой, цепкие пальцы ухватили еще один пирожок. — Сущие пустяки, милорд.

Внезапно перед глазами у меня возникла картина: худенькая ручка зажата в тиски, над ней топор, занесенный палачом и готовый одним махом перерубить запястье. Я глубоко вдохнула воздух, стараясь укротить спазмы желудка. На шее на веревочке у Фергюса висел позеленевший от времени медный медальон с изображением святого Дисмаса. Оставалось лишь надеяться, что талисман защитит его.

— Понятно, — пробормотала я, изо всех сил стараясь успокоиться. — Так что они там пишут о торговце мехами?

У нас не было времени тщательно изучить послание. В конце концов я просто скопировала письмо, а оригинал мы аккуратно сложили и с помощью ножа, нагретого на свече, восстановили печать.

Иронически наблюдавший за этой операцией Фергюс покачал головой.

— У вас ловкие пальцы, милорд, — заметил он Джейми. — Жаль, что одна рука покалечена, а то бы из вас вышел толк.

Джейми равнодушно взглянул на свою правую руку. Ничего страшного: два пальца слегка искривлены, по всей длине среднего проходит широкий шрам. Сильнее всего был поврежден безымянный палец — он практически не разгибался, а второй сустав был расплюсчен почти полностью. Руку ему сломал Джек Рэндолл в Уэнтуортской тюрьме месяца четыре назад.

— Ничего, — с улыбкой ответил он и игриво ткнул пальцем в Фергюса. — Слишком уж здоровые у меня лапы, чтоб запускать их в чужой карман. — Вообще-то ему удалось на удивление быстро восстановить подвижность всей кисти. Он постоянно носил в кармане мягкий шарик из тряпок, специально изготовленный для него, чтоб упражнять пальцы, и делал эти упражнения по сотне раз на дню, бегая по делам. А если

переломанные кости ныли, никогда не жаловался.

— Ну, ладно, тогда беги, — сказал он Фергюсу. — А как вернешься, тут же доложишь мне, чтоб я не думал, что тебя сцапала полиция или хозяин таверны. — Фергюс слегка поморщился при мысли о столь прискорбной перспективе, однако кивнул, сунул письмо за пазуху, выбрался через черный ход на улицу и исчез в ночи, которая всегда была ему самым надежным другом и защитником.

Джейми долго смотрел ему вслед, затем обернулся ко мне. Только тут впервые за весь вечер он как следует разглядел меня, и брови у него поползли вверх.

— Господи, Саксоночка! — воскликнул он. — Да ты ж бледная, что моя рубашка! Как себя чувствуешь?

— Чувствую только голод, — ответила я.

Он тут же позвонил и велел подать ужин, и мы уселись с ним вдвоем у камина, и пока ели, я рассказывала ему о Луизе. К моему удивлению, он полностью согласился с изобретенным мной вариантом решения проблемы, хотя и мрачно насупил брови и пробормотал несколько нелестных слов в адрес Луизы и Карла Стюарта.

— Я думала, ты огорчишься, — заметила я, подчищая ароматный соус с тарелки корочкой хлеба. Я наелась, и тело обьял покой и приятная истома. На улице было холодно и темно, ветер, налетающий порывами, завывал в трубах, и как уютно и славно было сидеть рядом с Джейми у огонька.

— А что мне огорчаться? Тому, что Луиза собирается приписать прижитого на стороне младенца мужу? — Джейми хмуро смотрел в тарелку и водил пальцем по краю, собирая соус. — Знаешь, Саксоночка, если честно, я далеко не в восторге от всего этого. Довольно подло так обращаться с мужем, но, с другой стороны, что еще остается делать бедной женщине? — Он покачал головой, затем перевел взгляд на стол и сухо улыбнулся. — К тому же не мне рассуждать на темы морали и осуждать других... А воровать чужие письма, шпионить и пытаться свергнуть с трона человека, которого вся остальная моя семья признает королем, разве лучше? Я и сам не без греха, Саксоночка.

— Но ты поступаешь так, имея на то вполне веские причины! — возразила я.

Он пожал плечами. Отблески пламени освещали его лицо, оттеняя глубокие впадины под скулами и подглазья. От этого он казался старше своего возраста. Мне все время хотелось забыть, что ему не исполнилось еще и двадцати четырех.

— Ладно, что там говорить. У Луизы де ла Тур тоже веские причины поступать именно так, — произнес он. — Она хочет спасти одну человеческую жизнь, я — десятки тысяч. Но разве это оправдывает риск? Опасность, которой я подвергаю жизнь Фергюса и твою, а также благополучие Джареда. — Он обернулся и улыбнулся мне, огонь высветил прямую четкую линию носа, зажег сапфировым отблеском один глаз, обращенный к камину. — Впрочем, нет. Думаю, что могу не стыдиться того, что приходится вскрывать чужие письма, — сказал он. — Может статься, нам суждено будет совершать и худшие поступки, чтоб достичь своей цели, Клэр. И я не могу сказать заранее, выдержит это моя совесть или нет. Все же лучше не слишком испытывать ее. Что тут можно было возразить? Джейми был абсолютно прав. Я протянула руку и погладила его по щеке. Он перехватил мои пальцы, бережно сжал в ладони, потом наклонился и нежно поцеловал.

— Ладно, — вздохнув, заметил он. — Пора и за дело. — Теперь, когда мы поели, может, взглянем на письмо?

Письмо было зашифровано. С целью обмануть возможных перехватчиков, как объяснил Джейми.

— Но кто будет перехватывать почту его высочества? — спросила я. — Кому она нужна, кроме нас, разумеется?

При виде этой наивности Джейми фыркнул:

— Да кто угодно, Саксоночка! Шпионы Людовика или Дюверни, шпионы Филиппа, короля Испании. Хозяева якобитов и те, кто считает, что при благоприятных обстоятельствах можно этих якобитов обмануть. Торговцы информацией, которые не дадут за жизнь человека и фартинга. Сам Папа, наконец, священный папский престол, где поддерживают ссыльных Стюартов вот уже пятьдесят лет. Полагаю, Папа весьма пристально следит за всеми их деяниями. — Он постучал пальцем по копии письма короля Джеймса, адресованного сыну. — Уверен, что до меня это письмо вскрывали минимум раза три, — добавил он.

— Понимаю, — кивнула я. — Не удивительно, что Джеймс зашифровывает свои письма. Как думаешь, удастся нам разобрать, что он там пишет?

Джейми взял листки и нахмурился:

— Не знаю. Может, частично. Кое-чего я здесь вообще не понимаю. Думаю, что сумел бы разобрать, будь в моем распоряжении другие письма, отправленные королем Джеймсом. Надо попросить Фергюса предпринять что-то в этом плане. — Он аккуратно сложил листки, сунул в ящик стола и запер его на ключ. — Никому нельзя доверять, Саксоночка, — добавил он,

заметив, как я удивленно округлила глаза. — Не исключено, что и среди наших слуг есть шпионы. — Опустив ключ в карман камзола, он протянул мне руку, помогая подняться.

Я взяла свечу, и мы поднялись по ступеням. Дом был погружен во тьму, все слуги, кроме Фергюса, по всей очевидности, спали. При мысли, что один, а то и несколько из них могут оказаться вовсе не теми, за кого себя выдают, по спине у меня пробежали мурашки.

— А тебя не пугает, — спросила я Джейми, когда мы поднимались наверх, — что никому нельзя доверять?

— Что значит «никому», Саксоночка? Тебе-то уж можно. И Муртагу, и моей сестричке Дженни, и ее мужу Яну. За вас четверых я мог бы поручиться головой. И ручался, причем не однажды.

Он скинул с постели покрывала, и я зябко поежилась. Огонь в камине давно погас, и в комнате было холодно.

— Четверо — это еще далеко не все, — заметила я, расшнуровывая платье.

Стащив рубашку через голову, он бросил ее на стул, в слабом свете луны, льющемся из окна, шрамы на спине отливали серебром.

— А-а, ладно... — протянул он. — Пусть даже четверо. Все равно это больше, чем имеется у Карла Стюарта.

Еще задолго до рассвета за окном запела птица. Пересмешник, он повторял свои рулады снова и снова, на разные голоса, примостившись где-то в темноте на краю канавы.

Перевернувшись во сне, Джейми потерся щекой о гладко выбритую ямку у меня под мышкой, затем повернул голову и нежно поцеловал.

— М-м... — пробормотал он, нежно поглаживая меня по спине. — Я рад, что ты наконец избавилась от этой гусиной кожи, Саксоночка.

— Вот от этой? — спросила я и легонько пощекотала его, отчего кожа у него на спине тут же покрылась мурашками.

— Ага...

— А ты не избавишься, — тихо прошептала я и пощекотала сильнее.

— М-м-м... — Он со сладострастным стоном перекатился на бок и обхватил меня обеими руками. Я наслаждалась соприкосновением наших обнаженных тел. Он был такой восхитительно теплый, словно тлеющая зола, его жара вполне хватало, чтоб не замерзнуть ночью и отважно встретить холодное хмурое утро.

Он нежно коснулся губами моего соска, тут же я застонала и вся изогнулась, подалась навстречу этому его движению. Груды у меня располнели, стали более чувствительными, иногда днем соски чесались и

ныли под тесным платьем, словно просили, чтоб кто-то немедленно начал сосать из них молоко.

— А ты позволишь мне хоть немножко пососать тебя, ну не сейчас, а потом, чуть попозже? — пробормотал Джейми и легонько укусил меня за грудь. — Когда родится ребенок и они будут полны молока? Будешь кормить меня вот так, прижав к груди?

Я запустила пальцы в его шелковистые волосы и еще крепче прижала его голову к груди.

— Всегда, — прошептала я.

Глава 14

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПЛОТИ

Фергюс оказался настоящим мастером своего дела и почти каждый день исправно доставлял по новой порции корреспонденции его высочества — порой я едва успевала скопировать все до следующего его похода, когда он должен был вернуть на место украденные письма.

Некоторые из них являлись зашифрованными посланиями короля Джеймса из Рима, их Джейми складывал отдельно, чтоб на досуге поломать голову над ними. Большинство корреспонденции его высочества было вполне безобидного содержания — записки от итальянских друзей, счета на все более крупные суммы от местных торговцев — Карл испытывал пристрастие к модной одежде и изящной обуви, а также к бренди. Попадались и записки от Луизы де ла Тур, и отличить их было легко: по характерному — мелкому витиеватому — почерку и крошечным точкам, которыми они были испещрены, они напоминали следы, оставленные малюсенькой птичкой. Луиза душила свои письма духами с запахом гиацинта, а потому Джейми наотрез отказывался их читать.

— Не испытываю ни малейшего желания читать чужие любовные письма, — твердо заявил он. — Даже заговорщик должен хоть чем-то брезговать. — Он чихнул и опустил последнее послание в карман Фергюсу. — Кроме того, — добавил он рассудительно, — Луиза и так тебе все рассказывает.

Это было правдой: Луиза стала моей лучшей подругой и проводила в моем будуаре не меньше времени, чем в своем собственном, то ломая руки и оплакивая потерю Карла, то, напроць забывая о нем, начинала дивиться тому, как замечательно переносит беременность, — эту чертовку ни разу не тошнило по утрам! Я любила Луизу, несмотря на всю ее взбалмошность, однако всякий раз испытывала немалое облегчение, прощаясь с ней перед тем, как отправиться в больницу.

Сама Луиза категорически отказывалась сопровождать меня туда. Впрочем, это вовсе не означало, что я шла туда без компаньонки. Нисколько не обескураженная первым своим визитом в «Обитель ангелов», Мэри Хоукинс имела достаточно мужества снова присоединиться ко мне. А потом еще раз и еще. Правда, она до сих пор никак не могла заставить себя смотреть на раны, но и без дела не сидела: кормила больных с ложечки, подметала полы. По всей очевидности, для нее это тоже было приятным

разнообразием, отдохновением от великосветских приемов при дворе или в доме дядюшки.

Ее довольно часто приводили в смущение сцены, которые она наблюдала при дворе. Не то чтобы она видела слишком много, нет, просто смутить ее было легко, однако при встрече с виконтом Мариньи девушка не выказывала ни неприязни, ни страха, что позволяло сделать вывод, что переговоры о свадьбе еще не завершены, а потому ей ничего еще об этом не сообщили.

Впрочем, сей вывод был опровергнут однажды в конце апреля, когда вдруг утром, на пути в больницу, она, краснея, созналась мне, что влюблена.

— О, он так красив! — восклицала она, ни капельки не заикаясь. — И так... духовен.

— Духовен? — переспросила я. — Гм, да, очень мило... — Про себя я решила, что не поставила бы это качество на одно из первых мест в списке достоинств предполагаемого возлюбленного, однако, как известно, о вкусах не спорят.

— И кто же он, этот счастливчик? — спросила я. — Я его знаю?

Щеки запылали еще ярче.

— Нет, думаю, нет. — Она подняла на меня сверкающие словно звезды глаза. — Но... О, я не должна говорить вам об этом, но просто не в силах сдержаться! Он написал отцу. На следующей неделе он приезжает в Париж!

— Вот как? — Эта новость меня заинтересовала. — Я слышала, что на следующей неделе при дворе ждут графа де Палле. Так это он ваш избранник?

Мэри с ужасом отвергла это предположение:

— Француз?! Ну что вы, Клэр! Конечно нет. Как я могу выйти замуж за француза...

— А чем, собственно, плохи французы? — спросила я, немного удивленная такой реакцией. — Ведь вы говорите по-французски, не так ли? — Возможно, именно в этом крылась причина: Мэри действительно вполне сносно говорила по-французски, но заикалась при этом куда больше, чем когда говорила на родном языке. Как раз накануне я случайно услышала, как два маленьких поваренка передразнивали ее, называя при этом «маленькая английская неумеха».

— Вы и понятия не имеете, какие они, эти французы... — прошептала она с испуганно расширенными глазами. — Да и откуда вам знать. Ваш муж так добр и так нежен с вами. Уверена, он никогда не позволит се-б-бе обращаться с-с вами таким об-б-разом. — Тут уже все ее лицо запылало,

как пион, а заикание усилилось.

— Так вы хотите сказать, — начала я, пытаюсь подобрать самые что ни на есть тактичные и приличные слова для описания манер и привычек французов. Впрочем, помня то, что говорил мне мистер Хоукинс о планах, связанных с замужеством Мэри, я вдруг решила, что следует заставить Мэри выбросить из головы те понятия, которые она приобрела, слушая сплетни в гостиных и гардеробных. Мне вовсе не хотелось, чтоб эта девочка умерла от страха при одной только мысли о том, что ее могут выдать замуж за француза.

— В-вы знаете, что они п-п-проделывают в... в постели? — хрипло прошептала она.

— Гм. — Я старалась говорить как можно более непринужденным тоном. — В постели с мужчиной можно проделывать массу самых разнообразных вещей. А поскольку в городе полно ребятишек, можно предположить, что французы вполне умело пользуются и ортодоксальными способами.

— О!.. Дети... да, конечно, — рассеянно ответила она, словно не улавливая между этими выводами особой связи. — Н-но говорят... — Она смущенно потупила глаза и прошептала совсем уже еле слышно: — Что они... что эта ш-ш-штука у французов... ну, вы понимаете...

— Да, понимаю, — ответила я. — И насколько мне известно, эта «штука» у французов не сильно отличается от органа, которым Господь Бог наградил и всех остальных мужчин, в том числе и англичан, и шотландцев...

— Да, но они з-засовывают ее женщине м-м-между ног! Я хочу сказать, прямо в-внутрь! — выпалив наконец эту информацию, она перевела дух и, похоже, немного успокоилась, полыхавшие румянцем щеки побледнели. — Разве англичанин или шотландец когда-нибудь п-позволил себе такое? — Она прижала ладошку ко рту. — Разве порядочный человек, как в-ваш муж, к примеру, позволит себе так обращаться с ж-женой?..

Я приложила ладонь к округлившемуся животу и окинула девушку задумчивым взглядом. Теперь я начинала понимать, почему так называемая «духовность» занимает столь важное место в списке мужских добродетелей Мэри Хоукинс.

— Мэри, — сказала я, — мне кажется, мы с вами должны кое о чем серьезно потолковать.

Войдя в главное приемное отделение больницы, я все еще улыбалась про себя, вспоминая этот разговор с Мэри Хоукинс. Поверх платья на мне был халат из грубой полотняной ткани.

Большинство приходящих хирургов, уринологов, костоправов и терапевтов работали здесь безвозмездно, некоторые же являлись учиться или усовершенствовать свое мастерство. Беспомощные и по большей части безнадзорные пациенты были не в том положении, чтобы протестовать, когда на них ставились самые разнообразные медицинские эксперименты.

За исключением постоянно работавших тут монахинь, штат менялся почти ежедневно. Все же некоторые врачи приходили достаточно часто, чтобы я начала узнавать их в лицо и установила некоторую закономерность в их появлении.

Более других интересовал меня высокий сухопарый мужчина, который ампутировал ногу в первый день моего появления в больнице. В результате расспросов удалось выяснить, что звали его месье Форе. В основном он работал костоправом, но иногда пытался делать и более сложные операции, связанные с ампутацией, в особенности когда речь шла о целой конечности, а не об отдельных суставах. Монахини и санитары относились к месье Форе с неким благоговейным трепетом, они никогда не поддразнивали его и не обменивались на его счет грубыми шутками, как поступали обычно со всеми приходящими в больницу волонтерами.

Как раз сегодня месье Форе работал. Я потихоньку приблизилась — посмотреть, что он там делает. Пациент, молодой рабочий с белым как мел лицом, лежал на койке и слабо стонал. Он упал с лесов собора, который постоянно ремонтировался, и сломал руку и ногу. Я поняла, что для опытного костоправа рука серьезной проблемы не представляет. Нога же — совсем другое дело: сложный двойной перелом, затронувший среднюю часть бедренной кости и большую берцовую кость. На бедре из кожи выпирали острые осколки, почти вся верхняя часть ноги представляла собой сплошной синяк.

Мне не хотелось отвлекать внимание хирурга, — месье Форе, погруженный в глубокое раздумье, кружил возле пациента, присматриваясь к нему и прицеливаясь, словно огромный ворон, желающий убедиться, что намеченная им жертва еще жива. Он и впрямь очень похож на ворона, подумала я. Этот крупный нос с горбинкой, гладкие черные волосы, которые он не подрезал, а завязывал сзади в пучок. И одеяние на нем было под стать — черное и мрачное, хотя и из дорогой ткани. Очевидно, он имел выгодную практику где-то на стороне.

Наконец месье Форе решил приступить к более активным действиям. Он поднял голову и начал озиаться в поисках помощника. Взгляд его упал на меня, и он сделал знак подойти. На мне, как я уже говорила, был халат из грубого полотна, и он, целиком сосредоточенный на своих мыслях,

очевидно, не заметил, что я не ношу обычного для здешних сестер чепца.

— Вот, сестра, — сказал он, ухватив раненого за лодыжку, — держите крепко, вот здесь. Но не давите, пока я не скажу. Как только дам сигнал, будете тянуть ногу к себе. Тяните очень медленно, но сильно, понятно?

— Понятно. — Я ухватила за ногу там, где мне было указано, а месье Форе тем временем не спеша обошел койку, задумчиво взирая на искаленную ногу.

— У меня тут есть стимулирующее средство, — сказал он, вынимая из кармана и ставя в изголовье кровати небольшую фляжку. — Сужает кровеносные сосуды на поверхности тела и загоняет кровь внутрь, где от нее будет больше пользы нашему другу. — С этими словами он ухватил пациента за волосы и поднес флягу к его рту. Ему удалось перелить все содержимое раненому в рот, не пролив при этом ни капли. — Вот так... — с удовлетворением заметил он, когда молодой человек перевел дух. — Это вам поможет. Что касается боли... Полагаю, нам лучше провести обезболивание, тогда он не будет сопротивляться нашим усилиям вправить кость.

Месье Форе снова полез в свой емкий карман и на этот раз извлек оттуда небольшую медную булавку, примерно трех дюймов в длину, с широкой плоской шляпкой на одном конце. Крепкий костлявый палец тщательно прощупал плоть на бедре, возле паха, затем — тонкую линию вены под кожей. Цепкие пальцы помедлили, еще потыкали в кожу по кругу, затем, видимо, нащупали нужную точку. Глубоко погрузив ноготь указательного пальца в кожу, словно для того, чтобы отметить это место, месье Форе воткнул туда затем булавку. Еще одно путешествие в бездонный, полный чудес карман позволило извлечь на свет Божий маленький медный молоточек, которым он с одного удара загнал булавку глубоко в ногу.

Нога резко дернулась, потом, похоже, расслабилась. Видимо, сработало и средство из флакончика, введенное орально чуть раньше. Во всяком случае, крови из раны почти не было.

— Поразительно! — воскликнула я. — Что это вы сделали?

Месье Форе сдержанно улыбнулся, на иссиня-бледных щеках появилось даже некое подобие румянца.

— Ну, это далеко не всегда срабатывает, — честно признался он. — Сейчас просто повезло. — Затем, указав на шляпку булавки, он объяснил: — Тут находится целый узел нервных окончаний, сестра. Я слышал, что анатомы называют его «плексус». Если вам удастся точно попасть в него, вся нижняя часть тела практически полностью теряет чувствительность. —

Он резко выпрямился, внезапно осознав, что лишь напрасно теряет время на болтовню. — Сюда, сестра, — приказал он. — Займите свое место. Действие стимулирующего средства ограничено временем, надо немедленно приниматься за дело, пока кровотечение не возобновилось.

Почти полностью расслабленная нога легко выпрямилась, осколки кости ушли под кожу. Следуя указаниям месье Форе, я теперь держала молодого человека за торс, а сам костоправ манипулировал ступней и нижней частью голени, пока наконец мы не наложили швы.

— Достаточно, сестра. Теперь вам придется лишь немного подержать ногу в полной неподвижности. — Он подозвал санитаров и велел принести две плотные дощечки и тряпок для перевязки. Вскоре вся нога была аккуратно забинтована, а на открытые раны наложены плотные повязки.

Мы с месье Форе обменялись радостными улыбками по поводу столь успешного завершения операции.

— Хорошая работа, — заметила я, отбрасывая волосы, упавшие на лоб, и тут же увидела, как выражение лица месье Форе переменялось — только сейчас он заметил, что на мне нет чепца. В этот момент со двора донесся звон церковного колокола. Я, полуоткрыв рот, уставилась на высокое окно в конце палаты, одна створка его была приоткрыта, чтоб выветривались все неприятные запахи. Небо потемнело и приобрело глубокий синеватый оттенок, — это означало, что день на исходе.

— Простите, — я начала торопливо развязывать завязки халата, — мне уже давно пора домой, муж будет беспокоиться. Страшно рада, что мне выпала такая честь, помочь вам, месье Форе. — Высокий костоправ, онемев от удивления, наблюдал, как я раздеваюсь.

— Так вы... выходит, вы не монахиня? Мне следовало бы догадаться раньше. Однако скажите, кто же вы тогда? — с любопытством спросил он.

— Мое имя Фрэзер, — коротко ответила я. — Послушайте, я должна идти, иначе муж...

Он выпрямился во весь свой огромный рост и поклонился:

— Окажите мне такую любезность, мадам Фрэзер, позвольте проводить вас до дому.

— О... благодарю, — ответила я, тронутая его любезностью. — У меня есть провожатый. — Я оглядела холл, высматривая Фергюса, который в свободное от основных своих занятий время иногда сопровождал меня вместо Муртага. Мальчик был на месте — сидел привалившись к дверному косяку и весь так и изнывал от нетерпения. Интересно, как долго бедняге пришлось просидеть здесь? Сестры не пускали его ни в приемный покой, ни в палаты, настоятельно требуя, чтоб он ждал у дверей.

Месье Форе с сомнением оглядел этого провожатого, затем взял меня под локоток.

— Нет уж, мадам, я провожу вас до самого дома, — решительным тоном заявил он. — Бродить дамам по вечерам в этой части города довольно рискованно, не имея при этом лучшей защиты, чем какой-то ребенок.

Я заметила, как Фергюс весь надулся от злости, услышав, что его называли ребенком, и поспешила заверить месье Форе, что лучшего провожатого и пожелать нельзя. Но месье Форе, не обращая на мои слова никакого внимания, кивнул на прощанье сестре Анжелике и повел меня к выходу, через огромные двустворчатые двери больницы.

Фергюс трусил по пятам, цепляясь за мой рукав.

— Мадам, — твердил он настойчивым шепотом, — мадам, я обещал хозяину, что буду в целости и сохранности доставлять вас домой каждый вечер. И я вовсе не собираюсь позволять этому нахальному...

— О, ну вот мы и дошли. Вы, мадам, садитесь сюда, мальчик может устроиться рядом. — Игнорируя протесты Фергюса, месье Форе подхватил его под мышки и усадил в ожидавшую нас карету.

Карета была маленькая, с откидным верхом, но элегантная, с обитыми синим бархатом сиденьями и небольшим тентом, долженствовавшим защищать пассажиров от капризов погоды и нечистот, выплескиваемых из окон. Герба на дверцах не было, очевидно, месье Форе не отличался знатностью происхождения. Должно быть, просто богатый буржуа, подумала я.

По пути к дому мы поддерживали светский разговор, беседовали также на медицинские темы. Фергюс сидел молчаливый и угрюмый, забившись в уголок. Когда карета остановилась у дома на Рю Тремолин, он, перемахнув через борт, выпрыгнул из нее, не дожидаясь, пока кучер распахнет перед нами дверцу, и тут же шмыгнул за ворота. Я тупо смотрела ему вслед, удивляясь, что за муха его укусила, затем обернулась — поблагодарить месье Форе.

— Ну что вы, какие пустяки! — вежливо заметил он в ответ на поток благодарностей. — В любом случае нам было по пути, мой дом чуть дальше. К тому же разве я мог доверить этому персонажу сопровождать благородную даму по парижским улицам в столь поздний час. — Он помог мне выйти из кареты и только было собрался сказать что-то еще, как ворота распахнулись.

Я успела заметить на лице Джейми целую гамму эмоций — от легкого раздражения до сильнейшего изумления.

— О! — воскликнул он. — Добрый вечер, месье... — И поклонился месье Форе, который ответил на приветствие с мрачной сдержанностью.

— Ваша супруга оказала мне огромную честь, позволив доставить до дому, милорд. Что же касается столь позднего ее возвращения, то умоляю, вините в том только меня. Мадам была столь добра и благородна, что согласилась ассистировать при одной маленькой операции.

— Да уж... — недовольным тоном заметил Джейми. — И потом, — добавил он уже по-английски, обращаясь ко мне, — разве может случиться от страха за нее с ее супругом хоть что-нибудь страшнее несварения желудка или разлития желчи, не так ли? — Уголок его рта нервно дернулся, и я поняла, что он не то чтобы злился, а просто очень беспокоился за меня. И мне тут же стало стыдно за то, что я доставила ему столько переживаний.

Отвесив еще один поклон месье Форе, он схватил меня за руку и повел к двери.

— А где же Фергюс? — спросила я, едва она за нами захлопнулась, — На кухне. Ожидает наказания, я так полагаю.

— Наказания? Но за что? — удивилась я.

Тут он вдруг рассмеялся.

— Ладно, — сказал он. — Я сидел в гостиной и ломал голову над тем, куда ты подевалась, и уже готов был мчаться в эту проклятую больницу, как вдруг дверь распахнулась, ворвался юный Фергюс, упал передо мной на колени и стал умолять прикончить его на месте.

— Прикончить? За что?

— Тот же вопрос и я ему задал, Саксоночка. И еще подумал: на вас, должно быть, напали по дороге какие-нибудь разбойники, ты же знаешь, по улицам в поздний час шляются целые банды злодеев. И первой мыслью было: он потерял тебя, иначе бы ну с чего ему так убиваться? Но тут он заявил, что ты у ворот. Я помчался посмотреть, все ли с тобой в порядке, а Фергюс бежал по пятам, бормоча, что обманул мое доверие, нарушил клятву, данную мне как хозяину, и умолял заporоть его до смерти. Я был совершенно сбит с толку всеми этими причитаниями и просто ответил, что займусь им чуть позже и чтоб он дожидался меня на кухне.

— О, черт возьми! — воскликнула я. — Так он что же, действительно считает, что обманул твое доверие только потому, что я вернулась домой чуть позже обычного?

Джейми покосился на меня:

— Ну да. И еще потому, что позволил сопровождать тебя постороннему. Правда, при этом он клянется и божится, что чуть ли не под колеса кареты бросался, чтоб этого не допустить. — В голосе Джейми

звучал упрек. — Однако, похоже, ты в довольно хороших отношениях с этим господином...

— Ну разумеется, в хороших, почему бы нет, — ответила я, стараясь держаться с достоинством. — Я помогала ему вправить кость.

— М-м... — По-видимому, это объяснение показалось ему недостаточно убедительным.

— Ах, ну ладно, — нехотя признала я. — Наверное, все же не стоило так задерживаться. И принимать его предложение. Но с виду он вполне порядочный человек, к тому же я так торопилась домой... Я же понимала, что ты беспокоишься. — Теперь я уже жалела, что не обратила должного внимания на уговоры Фергюса и его цепляния за рукав. В те минуты мне просто хотелось добраться до дому как можно быстрее. — Ты что, действительно собираешься наказать его? — с тревогой спросила я. — Но ведь он не виноват, ни капельки! Я сама настояла, чтоб ехать с месье Форэ. Если уж кто и заслуживает наказания, так только я. Направлявшийся к кухне Джейми окинул меня ироническим взглядом.

— Да, это верно, — согласился он. — Но поскольку я поклялся никогда не поднимать на тебя руки, придется, видно, отыгаться на Фергюсе.

— Джейми! Не смей! — Я вцепилась ему в руку. — Джейми, ну пожалуйста! — Только тут я заметила, что он так и готов расплыться в улыбке, и с облегчением вздохнула.

— Нет, — сказал он, и улыбка засияла на лице. — Я вовсе не собираюсь ни убивать его, ни даже бить. Просто пойду и пару раз оттреплю за ухо, иначе разочарую бедняжку, — добавил он. — Ведь Фергюс полагает, что совершил страшное преступление, не исполнив моего приказа беречь и охранять тебя, а потому не выразить своего недовольствия этим происшествием я просто не имею права.

Остановившись у двери в кухню, он застегнул манжеты рубашки и поправил шейный платок.

— Ну, как я выгляжу, прилично? — спросил он, приглаживая густые непокорные волосы. — Может, пойти и надеть по такому случаю камзол?

— Ты выглядишь просто великолепно, — ответила я, сдерживая улыбку. — Ужасно суровым и грозным.

— Что ж, прекрасно. — Он расправил плечи и плотно сжал губы. — Остается лишь надеяться, что меня в самый ответственный момент не разберет смех. — С этими словами он распахнул дверь.

Атмосфера на кухне царила далеко не веселая. Как только мы вошли, болтовня тут же прекратилась и вся прислуга столпилась в одном углу

комнаты. Некоторое время они стояли неподвижно, затем произошло какое-то шевеление, и из-за спин двух посудомоек медленно вышел Фергюс.

Лицо мальчика было бледным как мел, на щеках виднелись следы слез. Правда, сейчас он не плакал. С необычайным достоинством поклонился сперва мне, потом Джейми.

— Мадам, месье, мне страшно стыдно, — произнес он тихо, но вполне отчетливо. — Я не достоин чести прислуживать вам и все же, умоляю, не выгоняйте! — При этих последних словах тоненький его голосок слегка дрогнул, и я закусила губу. Фергюс покосился на выстроившихся в ряд слуг, словно ища у них моральной поддержки, и получил одобряющий кивок от Фернана, кучера. Тогда, набрав в грудь побольше воздуха, мальчик обратился уже только к Джейми: — Теперь я готов понести наказание, милорд.

Тут, словно повинуясь некоему сигналу, из окаменевшей толпы выступил лакей, подвел мальчика к чисто выскобленному деревянному столу, взял за руки, заставил его лечь животом на столешницу и продолжал придерживать.

— Но... — начал Джейми, совершенно сбитый с толку таким оборотом событий. И не успел больше вымолвить и слова, как к нему подошел Магнус, старший лакей, и церемонно протянул хозяину кожаный ремень, используемый для точки кухонных ножей. — Э... — начал было Джейми, бросая в мою сторону беспомощные взгляды.

— Хм... — хмыкнула я и отступила на шаг. Тут глаза Джейми сузились, он схватил меня за руку и притянул к себе.

— Ну уж нет, Саксоночка, — продолжал он по-английски. — Раз уж мне предстоит сделать это, изволь наблюдать.

Какое-то время он переводил отчаянный взгляд с жертвы на инструмент экзекуции и обратно, затем, преодолев нерешительность, сдался.

— Да черт бы вас всех... — пробормотал он по-английски и выхватил ремень из рук Магнуса. Сложил пополам и взвесил в ладони — грозное то было оружие, дюйма два в ширину и четверть дюйма толщиной. И направился к расprostертому на столе Фергюсу, явно мечтая оказаться как можно дальше от этого места. — Ну, ладно, — сказал он, обводя присутствующих грозным взглядом. — Десять ударов — и чтоб я больше никогда не слышал об этой истории. — Несколько служанок заметно побледнели и еще теснее сбились в кучку, словно ища друг у друга поддержки.

Когда Джейми поднял ремень, в комнате царила мертвая тишина, и

звук первого удара заставил меня подпрыгнуть. Посудомойки жалобно ахнули, но Фергюс не издал ни звука. Маленькое тело содрогнулось, и Джейми на секунду прикрыл глаза, затем плотно сжал губы и принялся исполнять приговор, равномерно нанося удары. Меня затошнило, ладони стали влажными, и я вытерла их о юбку. И в то же время мне почему-то хотелось смеяться — уж очень походила вся эта сцена на некий чудовищный фарс. Фергюс вынес наказание, не проронив ни стона, и когда Джейми, закончив, отступил от стола, весь вспотевший и бледный, маленькое тельце осталось неподвижным, и на какую-то долю секунды я так и окаменела от страха, мне показалось, что он умер — не от порки, разумеется, а от шока. Но тут по телу пробежала дрожь, мальчик сполз со стола и встал на пол.

Рванувшись вперед, Джейми схватил его за руку и встревоженным жестом откинул вспотевшие пряди с маленького лба.

— Ты в порядке, малыш? — спросил он. — Господи, Фергюс, ну говори же: ты в порядке или нет?

Лицо мальчика было белым как простыня, глаза размером с блюдце, но, уловив в голосе хозяина неподдельную тревогу, он улыбнулся — ровные белые зубы так и сверкнули в свете лампы.

— О да, милорд, — ответил он. — Так я прощен?

— Господи Иисусе, — пробормотал Джейми и крепко прижал мальчика к груди. — Ну конечно, дурачок ты эдакий! — Потом он легонько встряхнул Фергюса. — И мне бы не хотелось снова наказывать тебя, понял?

Фергюс кивнул, глаза его сияли. Затем, оторвавшись от Джейми, упал передо мной на колени.

— Вы тоже прощаете меня, мадам? — спросил он, картинным жестом складывая ладошки вместе и доверчиво глядя мне прямо в глаза. В эти секунды он походил на бурундучка, выпрашивающего орехи.

Мне показалось, что сердце у меня сейчас разорвется от жалости и умиления, но, взяв себя в руки, я наклонилась и помогла Фергюсу подняться.

— Мне не за что прощать тебя, — самым решительным тоном заявила я, щеки мои горели. — Ты очень храбрый парнишка, Фергюс. Почему бы... э-э... почему бы тебе теперь не поужинать?

Тут атмосфера на кухне уже полностью разрядилась, — казалось, все присутствующие разом испустили вздох облегчения. Слуги проталкивались к Фергюсу, бормоча слова утешения и поздравления, и Фергюс тут же превратился в героя дня. Увидев это, мы с Джейми тихо ретировались и поднялись к себе наверх.

— О Господи, — взмолился Джейми, бессильно падая в кресло. — Господи Иисусе Христе, мать Пресвятая Богородица и все святые вместе взятые! Мне надо выпить! Не звони, — воскликнул он, заметив, что я потянулась к шнуру. — В данный момент я просто не в силах видеть кого бы то ни было из слуг.

Он встал и пошарил в буфете:

— Тут вроде бы завалялась у нас бутылочка...

Действительно, в буфете оказалась бутылка хорошего выдержанного виски. Вытащив пробку зубами, он отпил глоток, прямо из горлышка, потом протянул мне. Я не колеблясь последовала его примеру.

— Боже... — пробормотала я, с трудом переводя дух.

— Да... — протянул он, забирая бутылку, и отпил еще глоток. Затем, поставив ее на стол, затряс головой и взъерошил пальцами волосы. И тихонько рассмеялся. — В жизни еще не чувствовал себя таким полным идиотом! Таким отъявленным болваном и дураком!

— Я тоже, — ответила я и взяла бутылку. — Наверное, в еще большей степени, чем ты. В конце концов, ведь это я виновата во всем, Джейми. И мне ужасно стыдно, до того стыдно, что я просто сказать не могу...

— А-а, ладно, не переживай. — Напряжение спало окончательно, он нежно сжал мое плечо. — Откуда тебе было знать, что все так обернется? Да и мне тоже... — нехотя добавил он. — Парнишка, видно, страшно перепугался, что я уволю его, что ему снова предстоит жить на улице... Бедный маленький оборванец... Не удивительно, что порку он воспринял просто как благословение Господне.

Я слегка содрогнулась при мысли об улицах, по которым везла меня домой карета месье Форе. Нищие в рубище и язвах упрямо держались каждый своей территории, спали прямо на земле даже в самые холодные ночи. Дети еще младше, чем Фергюс, толпами шныряли по рынку, словно стая голодных мышей, выискивая глазами оброненную кем-нибудь крошку, оставленный без надзора карман. Жизнь тех, кто был слишком слаб, чтоб работать, или непривлекателен, чтоб продаться в бордель, была коротка и уж совсем невесела. Неудивительно, что перспектива лишиться такой роскоши, как трехразовое питание, чистая одежда и белые простыни, и быть выброшенным на улицу так напугала Фергюса.

— Наверное, — сказала я. И уже не пила виски глотками, а потягивала его медленно, по капле. Затем вернула бутылку Джейми, рассеянно отметив при этом, что она уже пуста больше чем наполовину. — Надеюсь, ты не сделал ему слишком больно?

— Ну... маленько все же было... — Шотландский акцент, обычно едва

уловимый, становился заметнее, когда он много пил. Он покачал головой, разглядывая бутылку на свет и пытаясь определить, сколько спиртного еще осталось. — Знаешь, Саксоночка, мне до сегодняшнего дня и в голову не приходило, что моему папаше, должно быть, тоже не доставляло радости пороть меня. Всегда казалось, что страдающей стороной при этом был я. — Запрокинув голову, он снова отпил из горлышка, затем отставил бутылку и, расширив глаза, стал глядеть в огонь. — Оказывается, быть отцом куда труднее, чем я предполагал. Над этим стоит призадуматься.

— Только не думай слишком напряженно, — предостерегла его я. — Ты для этого слишком много выпил.

— О, не беспокойся! — весело ответил он. — У нас в буфете еще бутылочка имеется.

Глава 15

ГДЕ СВОЮ РОЛЬ ИГРАЕТ МУЗЫКА

За второй бутылкой мы засиделись допоздна, перебирая последние письма шевалье Сент-Джорджа, известного также как его величество Джеймс III, и письма принцу Карлу от сторонников якобитов.

— Фергюс раздобыл большой пакет, адресованный его высочеству, — объяснил Джейми. — Так много всякой ерунды, и мы не успеем скопировать все достаточно быстро, а потому я решил кое-что отложить до следующего раза. Вот, — продолжал он, вынимая из стопки бумаг какой-то листок и кладя мне его на колени, — большинство писем зашифровано, это тоже. «Слышал, что перспективы охоты на куропаток на холмах Салерно в этом году самые благоприятные; охотники этого региона будут довольны результатами». Ну, это понятно, это намек на Мазетти, итальянского банкира, он из Салерно. Я узнал, что Карл обедал с ним и умудрился занять пятнадцать тысяч ливров, так что совет Джеймс дал ему правильный. Но вот это... — Порывшись в бумагах, он выдернул еще один листок. — Вот, взгляни. — И Джейми протянул мне бумагу, исписанную какими-то каракулями.

Я прилежно паялилась в нее, разбирая отдельные буквы, окруженные сетью каких-то стрелочек и вопросительных знаков.

— А на каком это языке? — спросила я. — Польском? Ведь покойная матушка Карла Стюарта Клементина Собески была, если мне не изменяет память, полячкой?

— Нет, это английский, — усмехнулся Джейми. — Ну что, можешь прочитать?

— А ты можешь?

— Конечно! — с гордостью ответил он. — Это же шифр, Саксоночка, причем не очень сложный. Вот, смотри. Все буквы следует разбить на группы по пять в каждой. Только Q и X не в счет. X означает паузу между предложениями, а Q вставляется просто так, чтобы запутать.

— Ну, раз ты так считаешь... — пробормотала я и вновь вгляделась в эту совершенно непонятную писанину, которая начиналась следующими словами: «Мрти окрути длопро квахтемин...», затем перевела взгляд на листок бумаги в руках у Джейми, исписанный рядами букв по пять в каждой и с отдельной, крупно выписанной буквой над каждым из таких рядов.

— Просто надо одну букву заменить другой, но в том же порядке, — объяснил Джейми. — И если у тебя имеется достаточно текста, над которым можно работать, и ты угадываешь то одно слово, то другое, тогда все, что необходимо, — это просто переводить из одного алфавита в другой, понятно? — И он помахал у меня перед носом листком бумаги, на котором один над другим были выписаны два алфавита.

— Более или менее, — ответила я. — Тебе, должно быть, понятно, а это самое главное. Ну и о чем же там речь?

Выражение живейшего интереса, присущее Джейми при разгадывании разного рода головоломок, немного потускнело, он уронил листок на колени. Потом поднял на меня глаза и прикусил нижнюю губу.

— Знаешь, — начал он, — все это очень странно. И все же не думаю, что допустил ошибку. Видишь ли, тон всех писем Джеймса весьма характерен, и даже это зашифрованное послание вполне его отражает.

Голубые глаза под густыми рыжеватыми бровями встретились с моими.

— Джеймс хочет, чтобы Карл снискал милость у Людовика, — медленно начал он. — Но эта поддержка нужна ему не для вторжения в Шотландию. Джеймс вовсе не заинтересован в возвращении трона.

— Что?! — Я выхватила из его рук пачку писем, пробежала глазами по неразборчивым строчкам.

Джейми оказался прав. В письмах сторонников отчетливо звучала надежда на неминуемую реставрацию, в письмах же Джеймса к сыну об этом не говорилось ни слова. Все они были пронизаны одной заботой: Карл должен произвести на Людовика благоприятное впечатление. Даже займ у Мазетти из Салерно целиком предназначался для того, чтоб принц мог жить в Париже, как подобает джентльмену, на военные нужды из них не предполагалось расходовать ни сентима.

— Знаешь, мне кажется, этот Джеймс хитер как лиса, — заметил Джейми, похлопывая ладонью по одному из писем. — Потому как собственных денег, Саксоночка, у него всего ничего. Правда, покойная жена владела крупным состоянием, но дядя Алекс говорил мне, что она завещала все церкви. Папа оказывал Джеймсу поддержку, ведь тот как-никак монарх-католик, однако и собственный интерес при этом соблюдал. — Он обхватил руками колено и сидел, задумчиво созерцая грудку бумаг на диване. — Филипп Испанский и Людовик, я имею в виду короля-отца, тридцать лет тому назад дали Джеймсу немного солдат и несколько кораблей, чтоб тот попытался восстановиться на троне. Но все с самого начала пошло наперекосяк: на море был шторм, часть кораблей

затонула, на остальных не оказалось умелых капитанов, и они причалили не там, где следовало, — одним словом, не заладилось. В конце концов французы просто отплыли с Джеймсом от берегов Шотландии, и нога его так и не ступила на родную землю. А потому с течением времени он, по-видимому, вовсе оставил мысль о восстановлении на троне. Однако у него подрастали два сына, надо было как-то устраивать их судьбу. И вот я спрашиваю себя, Саксоночка, — он откинулся назад, на спинку дивана, — как бы я поступил в подобной ситуации? А ответ получается один: я должен сделать все возможное, чтобы заставить своего кузена Людовика — а ведь он, заметь, не кто-нибудь, а король Франции — помочь хотя бы одному из моих сыновей занять подобающее ему положение. Пусть в среде военных. В конце концов, генерал французской армии — не такой уж плохой пост.

— Гм... — задумчиво кивнула я. — Да, конечно. Но будь я действительно умным человеком, то не стала бы обращаться к Людовику и выпрашивать у него милостей, словно бедная родственница. Я бы послала своего сына в Париж и устыдила бы Людовика самым его появлением при дворе. И старалась бы создать у него иллюзию, что активно ищу возможности восстановления на троне.

— Но как-то раз Джеймс во всеуслышанье заявил, что Стюарты более не будут править Шотландией, — возразил Джейми. — А потому для Людовика он в этом плане более интереса не представляет.

А без перспективы вооруженного вторжения якобитов и захвата ими Англии у Людовика нет причин проявлять к юному Карлу какие-либо чувства, кроме жалости, как того требуют правила приличия и нравы общества.

Впрочем, никакой определенности пока не было, письма, раздобытые Джейми, датировались прошлым январем, то есть временем прибытия Карла во Францию. К тому же все эти коды, шифры, недомолвки ничуть не способствовали прояснению ситуации. Однако в целом, похоже, мы были правы.

И если Джейми верно разгадал мотивы «шевалье», тогда нашу задачу можно уже считать выполненной. Вернее, она как бы не существовала вовсе.

Раздумывая о событиях прошлой ночи, я весь следующий день провела в беготне: сперва утренний визит в салон Мари д'Арбанвилль, где слушали стихи какого-то венгерского поэта, затем к травнику, живущему неподалеку, за валерианой и фиалковым корнем, затем, уже от него, на работу, в больницу.

К вечеру все дела там были переделаны, но ни Муртаг, ни Фергюс еще не явились за мной, чтобы сопровождать до дому, а потому, сняв халат, я уселась в пустующей приемной матери Хильдегард и стала ждать.

Я просидела там, наверное, с полчаса, когда вдруг услышала на улице лай.

Сторожа у дверей, как часто случалось здесь, не оказалось. Наверное, пошел купить себе еды или же его услала с каким-то поручением одна из монахинь. В его отсутствие охрана дверей больницы возлагалась на куда более надежную персону, Бутона.

За первым предупредительным взлаиванием последовало низкое злобное рычание, которым прищельцу давали понять, что он не смеет двигаться с места, иначе его разорвут на куски. Я поднялась и выглянула из-за двери — возможно, отец Бальмен снова искушает этого демона, препятствующего ему в осуществлении его священного долга. Но фигура, возвышавшаяся на фоне огромных стеклянных витражей вестибюля, ничуть не напоминала толстяка священника. Это был высокий мужчина в килте, картинно развевающимся вокруг его стройных ног, пока он отбивался от маленькой зубастой собачки, нападавшей на него.

Похоже, Джейми совершенно не ожидал подобного приема. Приложив ладонь ко лбу, он всматривался сквозь стекло в полумрак вестибюля.

— Привет, собачка! — вежливо сказал он и шагнул вперед, выставив кулаки. Рычание Бутона усилилось на несколько децибел, он отступил на шаг. — Ах вот ты как! — заметил Джейми. Глаза его грозно сузились. — Ладно, малышка, кончай, — посоветовал он и скосил глаза вниз. — Неужели не видишь, что я куда больше? На твоем месте я не стал бы рисковать.

Бутон отступил еще на дюйм, все еще издавая грозные звуки.

— И куда быстрее тебя. — И Джейми резко отскочил в сторону. Зубы Бутона щелкнули всего в нескольких дюймах от лодыжки Джейми, и тот торопливо отступил. Привалившись к стене, скрестил на груди руки и уставился на собаку сверху вниз.

— Да, тут ты силен, признаю. Когда дело доходит до зубов, тут ты победитель, это бесспорно... — Бутон, склонив голову набок, приподнял одно ухо, подозрительно прислушиваясь, затем снова издал сердитое низкое рычание.

Джейми скрестил ноги и напустил на себя самый беззаботный вид, словно показывал, что готов простоять так хоть весь день. Разноцветные стекла отбрасывали на его лицо голубоватые блики, отчего он стал походить на одну из мраморных статуй, украшавших портал кафедрального

собора, расположенного по соседству.

— Неужели у тебя нет других занятий, кроме как нападать на ни в чем не повинных посетителей? — спросил он как бы между прочим. — Кстати, я наслышан о тебе. Ты тот самый знаменитый пес, который унюхивает болезни, ведь так? Тогда скажи мне на милость, к чему тебе тратить время и нервы на столь неблагодарное занятие, как охрана дверей, вместо того чтоб приносить пользу, обнюхивая подагрические пятки и прыщавые задницы? А ну-ка, отвечай, коли сможешь!

Злобный лай был единственным ответом.

Тут за моей спиной послышалось шуршание юбок, и в вестибюль вышла матушка Хильдегард.

— Что происходит? — спросила она, заметив, что я высматриваю что-то на улице. — У нас гости?

— Похоже, у Бутона наметились кое-какие разногласия с моим мужем, — ответила я.

— Не думай, я не намерен мириться со всем этим, — решительно заявил Джейми. Рука потянулась к броши, скалывающей у плеча складки пледа. — Один бросок — и ты попался, как... о, bonjour, мадам! — При виде госпожи Хильдегард он тут же перешел на французский.

— Bonjour, месье Фрэзер. — Она склонила голову, как мне показалось, скорее не в приветствии, но чтоб скрыть за складками высокого чепца улыбку. — Вижу, вы уже познакомились с Бутоном. Вы, вероятно, разыскиваете жену?

Эти слова послужили мне своеобразным сигналом, и я вышла из дверей приемной. Мой преданный супруг переводил взгляд с Бутона на дверь, делая, по всей очевидности, вполне определенные выводы.

— И сколько ты простояла там, Саксоночка? — холодно спросил он.

— Достаточно долго, — ответила я. — А что бы, интересно, ты с ним сделал, накрыв пледом?

— Швырнул бы в окно, а сам бросился наутек, — ответил он и украдкой покосился на грозно возвышающуюся рядом матушку Хильдегард. — Она случайно не понимает по-английски?

— Нет, к счастью для тебя, нет, — ответила я и тут же перешла на французский: — Матушка, позвольте представить вам моего мужа, милорда Брок Туараха.

— Милорд... — К этому времени матушке Хильдегард уже удалось побороть приступ смеха, и она приветствовала Джейми с обычно присущей ей величавой сдержанностью. — Нам будет страшно не хватать вашей жены, но если вы настаиваете, тогда конечно...

— Я пришел сюда не за женой, — прервал ее Джейми. — Я пришел познакомиться с вами, матушка.

Усевшись в кабинете матушки Хильдегард, Джейми выложил на сияющий полировкой стол пачку бумаг. Бутон, не сводивший бдительного взора с незнакомца, улегся рядом, у ног хозяйки, положив морду ей на туфлю, но уши держал наострив, и верхняя губа была у него приподнята — на случай, если хозяйка призовет его на помощь.

Джейми, покосившись на него, предусмотрительно отодвинул ногу от черного приносящегося носа.

— Герр Гертсман посоветовал мне обратиться к вам, матушка, касательно этих документов. — Он развязал толстый сверток и разгладил бумаги ладонью.

Какое-то время матушка Хильдегард рассматривала Джейми, вопросительно приподняв одну густую бровь, затем перевела взгляд на бумаги и целиком сосредоточилась на них.

— Да? — спросила она наконец, и палец ее пробежал по нотным знакам, которыми были исписаны листки, пробежал легко и трепетно, словно она слышала звуки музыки через одно лишь прикосновение к этим знакам. Быстрое движение пальца — и листок перевернут, и перед ней уже следующий. — Что же вам хотелось бы узнать, месье Фрэзер? — спросила она.

— Сам толком не понимаю, матушка, — ответил Джейми, весь подавшись вперед. И, прикоснувшись к черным линиям на бумаге, слегка постучал по тому месту, где размазались чернила, — видимо, рука нетерпеливого творца перевернула лист прежде, чем они успели высохнуть. — Но есть в этой музыке что-то странное...

Губы монахини слегка раздвинулись, но это походило не на улыбку, а скорее на некое подобие ее.

— Вот как, месье Фрэзер? Однако, насколько я понимаю, — вы уж не обижайтесь, пожалуйста, — музыка для вас — это... нечто вроде замка, к которому не подобран ключ, верно?

Джейми громко расхохотался, и сестра, проходившая мимо по коридору, вздрогнула и обернулась, удивленная столь непривычными для больницы звуками. Там часто бывало шумно, но смех слышался редко.

— Вы весьма тактично охарактеризовали мои способности, матушка. И безусловно, не ошиблись. Услышав ту или иную мелодию, — его палец, куда более длинный и изящный, чем у матушки Хильдегард, постучал по пергаменту с мягким шуршащим звуком, — я не в силах отгадать, откуда она, из «Kyrie Eleison» или «La Dame fait bier», разве что по словам.

Тут уже настал черед матушки Хильдегард смеяться.

— Да, месье Фрэзер! — воскликнула она. — Ладно, хорошо, что вы хоть слова знаете... — Она взяла листок в руки, расправила его, и я увидела, как слегка набухло ее горло чуть выше воротника, пока она пробегала глазами ноты, словно молча, про себя, напевая их, а нога в огромном ботинке тихо отбивала такт.

Джейми сидел неподвижно, прикрыв здоровой ладонью искалеченную, и молча наблюдал за ней. Голубые глаза смотрели сосредоточенно, похоже, он вовсе не замечал шума, доносившегося из глубины помещения, где кричали больные, перекликались няньки и санитары и восклицали от ужаса и печали посетители, навещающие своих близких, а под древними каменными сводами потолка эхом отдавался лязг металлических инструментов, однако ни Джейми, ни матушка Хильдегард этого не замечали.

Наконец она подняла на Джейми глаза. Они сверкали, и она вдруг сделалась похожей на молоденькую девушку.

— Кажется, вы правы, — кивнула она. — Сейчас у меня нет времени как следует поразмышлять над всем этим, — она покосилась в сторону двери, в темном проеме которой мелькнула фигура санитара, тащившего мешок с корпией, — но здесь действительно есть что-то странное. — Она сложила листки бумаги на столе в аккуратную стопку. — Очень странное... — добавила она.

— Как бы там ни было, матушка, но не могли бы вы, обладая вашим даром, все же разъяснить, в чем тут фокус. Да, это сложно, я полагаю, это некий шифр, а язык, на котором составлено послание, английский, в то время как текст песен написан по-немецки.

Матушка Хильдегард издала тихий удивленный взглас:

— По-английски? Вы уверены?

Джейми покачал головой:

— Нет, далеко не уверен, а всего лишь предполагаю. По одной причине: песня прислана из Англии.

— Но, месье, — она слегка приподняла бровь, — ваша жена говорит по-английски, не так ли? Полагаю, вы вряд ли готовы пожертвовать ее обществом, если она согласится помочь мне сделать для вас это маленькое одолжение.

Джейми смотрел на нее с полуулыбкой на лице. Затем перевел взгляд вниз, к ногам, где расположился Бутон. Бакенбарды пса дрожали от еле сдерживаемого рычания.

— Предлагаю вам сделку, матушка, — сказал он. — Если ваша собачка

не откусит мне задницу, когда я буду выходить отсюда, моя жена в полном вашем распоряжении.

Итак, в тот вечер, вместо того чтобы отправиться домой на Рю Тремолин, я поужинала с сестрами в монастырской трапезной за длинным столом и вернулась в личные покои матушки Хильдегард.

У настоятельницы было три комнаты. Первая была обставлена как гостиная, достаточно роскошно — ведь именно здесь она принимала своих официальных гостей. Вторая же просто потрясла меня, очевидно потому, что я не ожидала увидеть ничего подобного. Сперва показалось, что обстановка этого небольшого помещения состоит всего лишь из одного предмета — огромного клавесина из блестящего, прекрасно отполированного орехового дерева, верх и крышка которого над клавишами из слоновой кости были украшены ручной росписью в виде мелких цветочков на изящно изогнутой лозе.

Осмотревшись по сторонам, я обнаружила в комнате и другие предметы, в том числе книжные полки, целиком занимающие одну из стен и забитые трудами по музыковедению, а также нотами, подобными тем, что матушка Хильдегард поставила сейчас на пюпитр клавесина.

Жестом она пригласила меня присесть в кресло, стоявшее возле маленького секретера у стены.

— Там есть бумага и чернила, миледи, — сказала она. — Теперь посмотрим, что может поведать нам этот маленький музыкальный отрывок.

Ноты были записаны на толстом пергаменте, линии четко расчерчивали бумагу. Сами ноты, ключи и знаки пауз были выписаны с невероятным тщанием, по всей видимости, перед нами был окончательный беловой вариант. В верхней части листа красовалось название: «Lied des Landes», или в переводе с немецкого «Сельская песня».

— Название, как видите, предполагает нечто простое, незамысловатое, — сказала матушка Хильдегард, уткнув длинный костлявый палец в страницу. — А форма композиции совсем иная. Вы умеете читать ноты? — Крупная правая рука с коротко подстриженными ногтями и утолщенными суставами неожиданно нежно коснулась клавиш.

Перегнувшись через ее плечо, я пропела три первые строчки отрывка, стараясь как можно правильнее произносить немецкие слова. Наконец она перестала играть и обернулась ко мне:

— Это основная мелодия. Затем она повторяется в вариациях, но каких вариациях!.. И знаете, это напомнило мне кое о ком. Об одном маленьком старичке немце по имени Бах, он иногда посылает мне свои сочинения. — Она небрежно махнула рукой в сторону полка с рукописями. — Он

называет их «изобретениями»; надо сказать, они действительно весьма изобретательны, одновременно наигрываются как бы сразу три вариации, они переплетаются между собой. А это, — и она бросила взгляд на нотный листок на пюпитре, — напоминает неуклюжую имитацию одного из его произведений. Я даже готова поклясться... — Что-то бормоча себе под нос, она отодвинула табурет из орехового дерева, встала и направилась к полкам. Пальцы торопливо перебирали ряды рукописей.

Наконец она нашла то, что искала, и возвратилась к клавесину с нотами.

— Вот произведения Баха. Довольно старые, не проглядывала их несколько лет... И все же я почти уверена... — Она погрузилась в молчание, быстро перелистывая ноты, лежавшие на коленях, и время от времени сверяясь с листком на пюпитре. — Ага! — Испустив этот победный клич, она выхватила один листок из нот Баха и протянула мне. — Вот, смотрите!

Произведение называлось «Вариации Голдберга» и было написано нетвердой небрежной рукой. Я с благоговением коснулась бумаги, затем перевела взгляд на «Lied». Понадобилась лишь секунда, чтобы понять, что она имеет в виду.

— Вы правы, это одно и то же! — воскликнула я. — То там, то здесь заменена нота, но в целом это просто копия с оригинала Баха. Как все же странно!..

— Разве? — с оттенком удовлетворения в голосе заметила она. — Теперь возникает вопрос: с какой целью этот анонимный композитор ворует мелодию и подает ее в столь необычной форме?

Вопрос был чисто риторический, а потому отвечать я не стала, а вместо этого задала свой собственный:

— Скажите, матушка, разве музыка Баха сейчас в моде? — Посещая салоны, я ни разу не слышала, чтобы там исполняли его произведения.

— Нет. — Она покачала головой. — Герр Бах мало известен во Франции. Кажется, лет пятнадцать — двадцать тому назад он пользовался определенной популярностью в Германии и Австрии, но даже там много поклонников его музыка не снискала. Боюсь, она довольно сложна для восприятия; сложна и изысканна, но в ней как бы нет сердца. Гм... Вот, видите? — Пальцы вновь принялись быстро листать нотные страницы. — Этот человек повторяет ту же мелодию, почти ту же, но всякий раз меняет ключ. Полагаю, именно это заметил ваш муж, это очевидно любому, даже тому, кто не умеет читать ноты, а с переменой ключа меняется и тональность. А вот и знак...

Да, так и есть, каждый ключ был отмечен двойной вертикальной черточкой, за которой следовал новый дискантовый ключевой знак с понижением или повышением на полтона.

— В таком коротком отрывке тональность меняется несколько раз! — заметила она, выразительно постукивая по нотам, — и изменения эти лишены какого-либо смысла, во всяком случае, с точки зрения теории музыки. Вот, глядите. Основной музыкальный материал тот же, но мы переходим из тональности с двумя бемолями, то есть из си бемоль мажора к ля мажору с тремя диезами в ключе. Еще удивительнее то, как он переходит в тональность с двумя диезами при ключе си бемоль, употребляя при этом соль диез как случайный знак.

— Да, весьма примечательно, — ответила я. Добавление соль диеза к части, где прежде был ре мажор, превращало эту строчку в идентичную той, что с ля мажором. Короче, причин менять тональность не было вовсе. — Я не знаю немецкого, — сказала я. — Вы можете прочитать слова, матушка?

Она кивнула, отчего колыхнулся ее чепец, маленькие глазки сосредоточились на рукописи.

— Совершенно отвратительные стихи! — пробормотала она себе под нос. — Кто бы мог ожидать от немцев, обычно они сильны в поэзии. Но это... Хотя... — Тут она сделала паузу и снова встряхнула чепцом. — Хотя следует признать, что если предположение вашего мужа о шифре верно, тогда слова поэтического значения не имеют. Они вообще не важны, сами по себе.

— Но о чем там говорится? — спросила я.

— «Моя пастушка резвится со своими овечками среди зеленеющих холмов...» — прочитала она. — Боже, грамматика просто чудовищна, хотя, конечно, при написании песен допустимы кое-какие вольности в пользу рифмы. Особенно если речь идет о любовной лирике.

— Вы знаете любовную лирику? — удивилась я. Да, этот вечер с матушкой Хильдегард был поистине полон сюрпризов.

— Любое хорошее музыкальное произведение есть по сути своей не что иное, как любовная лирика, — ответила она. — Что же касается вашего вопроса... да, я разбираюсь. Когда я была молоденькой девушкой, — тут крупные белые зубы обнажились в улыбке, как бы подтверждающей, сколь трудно представить ее в обличье молоденькой девушки, — я была довольно одарена, могла воспроизвести по памяти любую услышанную мелодию, а первое свое музыкальное сочинение написала лет в семь. — Она махнула рукой в сторону клавесина. — Семья моя была богата, и родись я

мальчиком, то, без сомнения, стала бы музыкантом. — Слова эти она произнесла просто, без всякого сожаления.

— Однако вы ведь могли выйти замуж и сочинять музыку? Почему же вы этого не сделали? — с любопытством спросила я.

Матушка Хильдегард картинно всплеснула руками. Я видела, как эти крупные сильные руки выдергивали топорик, застрявший в кости, вправляли поврежденный сустав, принимали запачканного кровью младенца, показавшегося между бедер роженицы. И еще я только что видела, как те же пальцы касались клавиш слоновой кости с нежностью и трепетностью, напоминая движения крылышек бабочки.

— Знаете, — ответила она после довольно долгой паузы, — во всем виноват святой Ансельм.

— Как это?

Она усмехнулась. Некрасивое лицо, утратив обычно присущую ему суровость, стало даже по-своему миловидным.

— О да... Мой крестный, а это был старый король, Людовик по прозвищу Солнце, — небрежно объяснила она, — как-то подарил мне на именины книгу «Жития святых». Мне тогда было восемь. О, это была такая замечательно красивая книга! — мечтательно протянула она. — С золотым обрезом, а переплет так искусно изукрашен драгоценными камнями, что она скорее походила на ювелирное украшение, а не на книгу. Однако, невзирая на это, я ее читала. И хотя мне очень нравились все истории, особенно о мучениках, была в повествовании о святом Ансельме одна фраза, которая нашла особенно глубокий отклик в моей душе...

Полузакрыв глаза и откинув голову на спинку кресла, она вспоминала:

— Святой Ансельм был человеком необычайной мудрости и учености, доктором теологических наук. Но также и епископом, священником, заботившимся о своей пастве и внимающим нуждам не только души, но и плоти. В рассказе перечислялись все его труды и деяния, а заканчивался он следующими словами: «Итак, он умер, завершив свой исполненный трудов и пользы земной путь, и обрел тем самым корону в раю». — Она замолкла и сидела какое-то время, легонько сжимая и разжимая пальцы. — Почему-то именно эти слова «исполненный трудов и пользы земной путь» нашли в моей душе сильный отклик. — Она улыбнулась мне. — Пожалуй, нет для человека лучшей эпитафии, чем эта, миледи. И вот я захотела быть полезной, — продолжила она, затем, вдруг резко сменив тему, обернулась к нотам на пюпитре. — Итак, очевидно, вся странность заключается в изменении ключа — tonique. Но что это означает?

Тут вдруг меня осенила догадка, и я едва удержалась от бурного

восклицания. До сих пор мы говорили по-французски. Но, наблюдая за матушкой Хильдегард и слушая ее историю, я думала по-английски, и тогда меня осенило.

— Что такое? — спросила Хильдегард. — Вам пришла в голову какая-то идея?

— Ключ! — Я почти смеялась. — По-французски музыкальный ключ *tonique*. А предмет, которым открываются замки, — я указала на большую связку ключей, которую она обычно носила на поясе, а сейчас положила на книжную полку, — называется у вас *passee-partout*, не так ли?

— Да, — ответила она, глядя на меня с недоумением, и дотронулась до одного из ключей, напоминавшего по форме отмычку. — Вот этот называют «*passee-partout*», а вот этот, — она указала на ключ с бороздками, — этот скорее «*clef*».

— *Clef*! — радостно воскликнула я. — Прекрасно! — И я ткнула пальцем в ноты. — Понимаете, матушка, в английском тоже есть такое слово, и оно тоже означает музыкальный ключ. А по-французски «*clef*» — это то, чем отпирают двери. И музыкальный ключ служит ключом к шифру. Недаром Джейми говорил, что это английский шифр! Его изобрел англичанин с дьявольски изощренным чувством юмора, — добавила я.

Уловив основную идею, нам уже не составляло труда расшифровать послание. Итак, раз автор зашифрованного послания англичанин, то немецкие слова в тексте песни используются лишь как источник букв. Уже научившись кое-чему у Джейми, я довольно быстро разгадала шифр.

— Два бемоля означают, что надо брать каждую вторую букву, — начала объяснять я, торопливо строча на листке бумаги. — А три диеза — каждую третью с конца. Думаю, он использовал немецкий, с одной стороны, для маскировки, а с другой, потому, что немецкие слова страшно длинные. Для того чтобы выразить ту же мысль, немцам требуется вдвое больше букв, чем англичанам.

— У вас нос в чернилах, — прозаически заметила матушка Хильдегард. И заглянула мне через плечо. — Но хоть какой-то смысл улавливается?

— Да, — ответила я, и внезапно во рту у меня пересохло. — Да, смысл есть.

Расшифрованное послание оказалось довольно простым и кратким. И весьма тревожным.

— «Преданные слуги его величества в Англии ждут восстановления законного короля на троне. В вашем распоряжении сумма в пятнадцать тысяч фунтов. Она будет передана из рук в руки лично его высочеству, как

только нога его ступит на землю Англии», — прочитала я. — И еще везде пропущена буква «S». Не знаю, с какой целью. Возможно, для того, чтобы получились немецкие слова.

— Гм... — Матушка Хильдегард с любопытством смотрела в исписанный листок, затем перевела взгляд на меня. — Итак, вы узнали все, что вам нужно, — заключила она. — Могу заверить вас и вашего мужа, что сохраню это в тайне.

— Он не стал бы прибегать к вашей помощи, если б не доверял вам, — поспешила заверить я.

Густые брови поползли вверх, она похлопала ладонью по бумаге.

— Раз уж ваш муж занимается такими делами, доверять кому бы то ни было крайне рискованно. Так что можете успокоить его: я имею представление о чести, — сухо добавила она.

— Хорошо, непременно передам, — ответила я с улыбкой.

— Боже, chere Madam! — воскликнула она вдруг. — Вы страшно бледны! Сама я порой засиживаюсь допоздна, совершенно забывая о времени, особенно когда работаю над новым произведением, но вы, должно быть, непривычны к такому режиму. — Она взглянула на часы-свечу, горевшую на маленьком столике возле двери. — Бог ты мой, уже совсем поздно! Наверное, надо послать за сестрой Мадлен, пусть отведет вас в келью.

Джейми хоть и с неохотой, но согласился, чтобы я провела ночь в монастыре, чтоб не возвращаться по темным улицам. Я покачала головой. Я действительно устала, и спина у меня ныла от долгого сидения на табурете, но спать совсем не хотелось. Слишком уж взволновало меня «музыкальное послание», все равно сразу не уснуть.

— Что ж, тогда давайте немного подкрепимся, отметим, так сказать, наши достижения. — Матушка Хильдегард поднялась и направилась в первую комнату, где, как я слышала, позвонила в колокольчик. Вскоре появилась сестра с подносом, на котором стояли стаканы с горячим молоком и пирожные. За ней следовал Бутон. Сестра взяла одно пирожное, положила его на маленькую фарфоровую тарелочку и поставила на пол перед Бутоном. Потом налила ему в миску молока.

Пока я потягивала горячее молоко, матушка Хильдегард аккуратно сложила наши бумаги и убрала манускрипты на полку. Затем поставила на пюпитр какие-то ноты.

— Я для вас поиграю, — объявила она. — Это поможет вам настроиться на сон.

Музыка была нежной и умиротворяющей, с плавными и довольно

сложными переходами от высоких тонов к низким, но без напора, присущего произведениям Баха.

— Ваше сочинение? — спросила я, воспользовавшись паузой.

Не оборачиваясь, она покачала головой:

— Нет. Моего друга. Жана Филиппа Рамо. Как теоретик он хорош, однако подлинной страсти в его произведениях нет.

Убаюканная мелодией, я, должно быть, задремала. Разбудило меня бормотание сестры Мадлен. Она подхватила меня под руки, помогая подняться, и увела.

Уже у двери я обернулась и увидела широкую спину матушки Хильдегард в черном и ее слегка сгорбленные под чепцом плечи — она продолжала самозабвенно играть, целиком отрешившись от окружающего мира. На полу у ее ног растянулся Бутон, уткнув нос в лапы. Маленькое тельце лежало ровно и неподвижно и напоминало стрелку компаса.

— Итак, — заметил Джейми, — стадия переговоров, по-видимому, завершилась.

— По-видимому? — откликнулась я. — Но сумма в пятнадцать тысяч фунтов — это уже определенность. — По тогдашним стандартам пятнадцать тысяч фунтов составляли годовой доход герцога.

Он насмешливо приподнял бровь, разглядывая ноты, которые я принесла из монастыря.

— Ладно. Как бы там ни было, это означает одно: Карл или Джеймс должны пожаловать в Англию. Находясь в Англии, Карл получит солидную финансовую поддержку, которая позволит ему добраться и до Шотландии. Да, — заметил он, задумчиво потирая подбородок, — самое интересное в этом послании то, что в нем впервые подтверждается намерение Стюартов, или хотя бы одного из них, всерьез предпринять попытку восстановиться на троне.

— Один из них? — удивилась я. — Так ты считаешь, Джеймс здесь может быть ни при чем? — И я с еще большим интересом стала разглядывать ноты.

— Послание адресовано Карлу, — напомнил мне Джейми. — И пришло оно из Англии, не через Рим. Фергюс выкрал его у обычного посыльного, оно хранилось в пакете с английскими печатями. Не у папского посыльного, заметь себе. — Он нахмурился и покачал головой. Он еще не Успел побриться, и в утренних лучах солнца щетина на подбородке отливала медью. — Пакет был вскрыт. Карл видел послание. На нем не значится даты, поэтому неизвестно, как давно оно попало к нему. Ну и конечно, мы не располагаем письмами, которые Карл посылал отцу. И

ни в одном из писем Джеймса нет ни малейшего намека на то, кем может быть автор этого послания. Не говоря уже о тех персонах в Англии, которые обещали ему поддержку. Я поняла, куда он клонит.

— И Луиза де ла Тур лепечет что-то насчет того, что Карл обещал аннулировать ее брак и жениться на ней, как только станет королем. Так ты думаешь, это не просто пустые обещания?

— Может, и нет, — ответил он. Потом налил из кувшина воды в тазик и ополоснул лицо, готовясь бриться.

— Тогда, возможно, Карл ведет какую-то свою игру? — заметила я, испуганная и одновременно заинтригованная подобной перспективой. — И Джеймс затеял весь этот маскарад, заставил сына притвориться, что тот готов повести борьбу за трон, чтоб убедить Людовика в потенциальной ценности Стюартов, в то время как...

— В то время как Карл вовсе не притворяется, — подхватил Джейми. — Да, похоже на то. Есть здесь полотенце, Саксоночка? — Зажмурился, он похлопал ладонью по столику. Я отодвинула бумаги, чтоб не замочить, и взяла полотенце, висевшее на спинке кровати.

Он окинул критическим взором лезвие, затем, решив, что сойдет, подошел к моему туалетному столику и, глядя в зеркало, начал намыливать щеки.

— Почему, интересно, брить ноги и подмышки — это варварство с моей стороны, а снимать щетину с лица с твоей стороны не варварство? — спросила я, наблюдая, как он осторожно скребет лезвием подбородок.

— Может, так оно и есть, — согласился он с улыбкой и принялся скрести щеку. — Но знаешь, стоит этого не сделать, и все лицо начинает чертовски чесаться.

— А ты когда-нибудь отращивал бороду? — поинтересовалась я.

— Специально — нет, — ответил он и снова улыбнулся. — Но иногда она отрастала, во время скитаний по Шотландии. Когда передо мной стоял выбор: бриться на холоде тупой бритвой или терпеть чесотку, я выбирал чесотку.

Я рассмеялась, наблюдая, как он одним плавным движением снял мыльную пену со скулы.

— Не представляю тебя с длинной бородой.

— В следующий раз, когда нас пригласят в Версаль, Саксоночка, я попрошу разрешения показать тебе королевский зоопарк. Какой-то моряк привез Людовику с Борнео удивительное животное. Называется орангутанг. Ты когда-нибудь видела?

— Да, — кивнула я. — До войны в Лондонском зоопарке жила

парочка.

— Ну, тогда ты знаешь, как я выгляжу с бородой, — сказал он, улыбаясь и заканчивая бритье. — Косматый, побитый молью. Похожий на виконта Мариньи, — добавил он, — только рыжий.

Тут, словно вспомнив что-то, он сменил тему беседы и, стирая с лица остатки мыла льняным полотенцем, сказал:

— Так что теперь, Саксоночка, думаю, мы должны держать под самым пристальным наблюдением каждого англичанина в Париже. — Подняв рукопись с постели, он задумчиво перелистывал страницы. — Если некто действительно желает оказать поддержку на таком уровне, к Карлу непременно должен прибыть посланник. Лично я не стал бы рисковать такой суммой, предварительно не убедившись, что пятнадцать тысяч фунтов пойдут на дело. Ты согласна?

— Да, — ответила я. — Что же касается англичанина... А ну-ка скажи, что, его высочество покупает спиртное только у тебя и Джареда или же пользуется еще услугами мистера Сайласа Хоукинса?

— Мистера Сайласа Хоукинса, которого так и разбирает желание узнать, каков политический климат в Шотландии? — подхватил Джейми и восхищенно уставился на меня. — А я-то думал, что женился на тебе только из-за хорошенького личика и ладной круглой попки. Ан нет, оказывается, у моей женушки имеются еще и мозги! — Он парировал удар, который я собралась нанести ему в ухо, и расплылся в улыбке. — Ладно, Саксоночка. Еще не вечер. К концу дня буду знать.

Глава 16

ПРИРОДА СЕРЫ

Как выяснилось, принц Карл действительно покупал вино у мистера Хоукинса. Однако, если не считать этого открытия, мы за последующие четыре недели мало продвинулись в своих изысканиях. Все шло своим чередом. Людовик продолжал игнорировать Карла Стюарта, Джейми — торговать вином и навещать принца Карла, Фергюс — красть письма. Луиза де ла Тур появлялась на людях с супругом и выглядела при этом меланхоличной, но цветущей. Меня же по-прежнему тошнило по утрам, днем я работала в больнице, а вечерами любезно улыбалась гостям за ужином.

Впрочем, имели место два события, несколько приблизившие нас к цели. Карл, утомленный одиночеством, стал вечерами приглашать Джейми в таверны. Мистер Шеридан, его наставник, был слишком стар для подобных эскапад.

— Господи, этот принц пьет как сапожник! — как-то воскликнул Джейми, вернувшись из одного из таких заведений. От него разило дешевым вином, спереди на рубашке красовалось большое пятно. — Ну вот, теперь придется новую рубашку заказывать.

— Дело того стоит, — заметила я. — Если он, конечно, говорит, когда пьет. О чем вы вообще разговариваете?

— Об охоте и женщинах, — кисло ответил Джейми и этим ограничился. Выходит, политика занимает принца куда меньше, чем Луиза де ла Тур, или же он скрытен и не склонен откровенничать даже в отсутствие своего наставника мистера Шеридана?..

Второе событие сводилось к следующему. Месье Дюверни, министр финансов, проигрывал Джейми в шахматы. Причем не раз или два, а постоянно. Как и предвидел Джейми, поражения лишь укрепляли месье Дюверни в намерении взять реванш, а потому нас часто приглашали в Версаль, где я бродила по залам, собирая сплетни и избегая альковов, а Джейми играл в шахматы, собирая вокруг себя толпу зрителей, хотя лично я отнюдь не считала этот вид спорта зрелищным.

Итак, Джейми и министр финансов, маленький кругленький человечек с сутулой спиной, сидели за шахматной доской настолько сосредоточившись, что не замечали ничего происходящего вокруг, их не отвлекали ни ропот голосов, ни даже звон бокалов за спиной.

— В жизни не видела ничего более утомительного и скучного, чем эти шахматы, — заметила одна дама другой. — И это называют развлечением! Для меня так куда веселей наблюдать, как служанка вылавливает блох у пажа. Они хоть при этом хихикают и визжат.

— А я бы не возражала, чтоб этот рыжий немного похихикал и поверещал, — ответила ее собеседница и послала Джейми очаровательную улыбку — как раз в этот момент он обернулся и обвел толпу рассеянным взглядом. Тут одна из дам заметила меня и ткнула товарку, приторную блондинку, локотком в бок.

Я приятно улыбнулась ей, одновременно со злорадством отметив, как она начала краснеть — снизу, с шеи, вскоре все лицо у нее пошло розовыми пятнами. Что до Джейми, то все ее прелести никак не могли отвлечь его от игры, разве только в том случае, если б она запустила свои пухленькие пальчики ему в шевелюру.

Интересно, подумала я, отчего это он так сосредоточен. Вряд ли только на игре — месье Дюверни предпочитал осторожную позиционную борьбу, часто использовал одни и те же гамбиты. Два средние пальца на правой руке Джейми потеряли бедро — знакомый мне признак еле сдерживаемого нетерпения, и я окончательно убедилась, что волнует его вовсе не игра. Еще какие-нибудь полчаса — и в руке его окажется король месье Дюверни.

Рядом со мной стоял герцог де Нев. Я заметила, как его маленькие черные глазки остановились на пальцах Джейми, затем он отвел взгляд. Секунду он стоял у доски, задумчиво созерцая ее, потом отошел — удвоить свою ставку.

Мимо меня прошел лакей и, отвесив почтительный поклон, предложил бокал вина. Я жестом отказалась, сегодня я уже выпила достаточно — голова слегка кружилась, в ногах ощущалась некоторая слабость.

Высматривая, где бы присесть, я вдруг заметила графа Сент-Жермена. Возможно, именно на него поглядывал Джейми. Граф же, в свою очередь, смотрел прямо на меня, скорее даже не смотрел, а пялился во все глаза и улыбался. Необычное для него выражение лица, и я сочла, что улыбка ему вовсе не идет. А впрочем, мне все равно, и, отвесив в его сторону наивозможно грациознейший поклон, я присоединилась к группе дам, болтая о том о сем и пытаясь, когда предоставлялась возможность, навести разговор на Шотландию и ссыльного короля.

Однако складывалось такое впечатление, что перспективы восстановления Стюартов на троне мало занимали французскую аристократию. Стоило упомянуть Карла Стюарта, и дамы в ответ лишь

закатывали глаза или недоуменно пожимали плечами. Несмотря на самые лестные рекомендации от герцога Мара и других парижских якобитов, Людовик по-прежнему упрямо отказывался принимать Карла при дворе. И почти нищий ссыльный, не являвшийся к тому же фаворитом короля, никак не мог рассчитывать на то, что его будут приглашать в общество и знакомить с состоятельными банкирами.

— Король был далеко не в восторге, что его кузен прибыл во Францию, даже не спросив у него разрешения, — заметила однажды графиня де Браман, когда я вдруг упомянула принца. — Поговаривают даже, будто бы он не против, чтобы Англия и впредь оставалась протестантской, — добавила она. — «Пусть эта Англия горит синим пламенем, а вместе с ней — и этот самый Георг из Ганновера», — процитировала она, затем, будучи по природе женщиной доброй, скорбно поджала губки. — Мне очень жаль. Знаю, вас и вашего мужа это огорчает, однако... — И она беспомощно пожала плечами.

В тот вечер я рассчитывала услышать еще кое-какие интересные сплетни, однако не слишком преуспела. Похоже, якобиты здесь давным-давно всем надоели.

— Ладьей на королевскую пешку!.. — пробормотал Джейми чуть позже тем же вечером, когда мы уже ложились спать. Мы снова остались ночевать во дворце. Поскольку игра в шахматы затянулась до полуночи, а министр и слышать не захотел о том, чтоб мы возвращались домой в столь поздний час, нам предоставили маленький «апартамент» — насколько я поняла, он располагался этажом или двумя выше первого. Там была пуховая перина и окно, выходящее на южную сторону сада.

— Ладьей? — сонно переспросила я, забравшись в постель, и со сладостным стоном потянулась. — Тебе что, всю ночь теперь будут сниться шахматы?

Джейми кивнул и так смачно, с хрустом зевнул, что на глаза у него навернулись слезы.

— Да уж наверняка. Надеюсь, что не разбужу тебя криком «шах» или «мат»...

Ноги у меня ныли от усталости и тесной обуви, позвоночник тоже, пока я устраивалась в постели поудобнее.

— Можешь хоть всю ночь на голове стоять, — ответила я и тоже зевнула. — Сегодня меня никто и ничто не сможет разбудить.

Если б я знала в тот миг, как ошибалась!..

Мне снился младенец. Он уже созрел и брыкался и кувыркался в моем раздутом животе. Я гладила живот, пытаюсь унять его. Но бурление

продолжалось, и внезапно я поняла, что это вовсе не младенец сидит у меня в животе, а змея. Я сложила пополам, подогнула колени, пытаясь утихомирить чудовище, затем стала нащупывать рукой голову гадины, что металась у меня под кожей. На ощупь кожа казалась страшно горячей, а все внутренности вдруг скрутились в клубок и сами превратились в змей, кусая и толкая меня изнутри.

— Клэр, девочка! Проснись! Что с тобой? — Тряска медленно вернула меня к реальности. Я была в постели, на плече лежала рука Джейми, а тело окутывали льняные простыни. Но змея продолжала крутиться в животе, и я застонала, да так громко, что испугала не только Джейми, но и саму себя.

Откинув простыни, он перевернул меня на спину, стараясь распрямить колени, прижатые к животу. Я упорно сопротивлялась, оставаясь скрученной в шарик, и пыталась унять чудовищной силы спазмы, сотрясавшие все мое тело.

Торопливо накинув на меня одеяло, он выбежал из комнаты, успев прихватить со стула лишь килт.

Тут боль обрушилась на меня уже со всей силой. В ушах звенело, лицо заливал холодный пот.

— Мадам? Мадам!

Приоткрыв глаза, я увидела приставленную к нам горничную, она склонилась над постелью, глаза испуганно расширены, волосы встрепаны. За ее спиной стоял полуголый и еще более взволнованный Джейми. Я со стоном закрыла глаза, успев, правда, заметить, как он схватил служанку за плечо и затряс с такой силой, что из-под ночного чепца вылетели уже все кудряшки.

— Она теряет ребенка, да?

Все признаки были налицо. Я корчилась на кровати, скрипела зубами и все плотнее сжималась в клубок, стараясь унять судороги.

В комнате зазвенели еще чьи-то голоса, в основном женские. Меня начали хватать и щупать чьи-то руки. Среди звона прорезался и мужской голос — не Джейми, какого-то француза. Он отдавал приказания, и, следуя им, руки схватили меня за щиколотки и плечи, распрямили и уложили лицом вверх.

Под рубашку влезли пальцы и пощупали живот. Я открыла глаза и увидела месье Флеше, придворного терапевта. Он стоял у постели на коленях и глубокомысленно хмурился. Мне была оказана огромная честь — мной занимался личный врач самого короля, но в те минуты мне было совершенно все равно. Характер болей изменился — спазмы стали сильнее, но реже и повторялись через регулярные промежутки времени, и

еще было такое ощущение, будто что-то сдвигается в животе и ползет к нижней его части.

— Нет, это не выкидыш, — утешил Джейми стоявший у него за спиной месье Флеше. — И не кровотечение. — Тут я заметила, что одна из дам, помогавших врачу, с ужасом уставилась на шрамы Джейми. И дернула подругу за рукав, привлекая ее внимание. — Возможно, воспаление желчного пузыря, — продолжал рассуждать месье Флеше. — Или же приступ печеночных колик...

— Идиот, — пробормотала я сквозь стиснутые зубы.

Скосив глаза вдоль длинного толстого носа, месье Флеше надменно уставился на меня, затем с запозданием нацепил пенсне, чтобы усилить эффект. А потом, опустив ладонь на мой влажный лоб, заставил закрыть глаза, чтоб больше не видеть моего укоризненного взгляда.

— Скорее всего печень, — сказал он Джейми. — Сжатие желчного пузыря приводит к накоплению в крови желчного сока, а это, в свою очередь, вызывает боль и... временные неудобства... — деликатно, но властно добавил он и еще сильнее надавил на живот, отчего я так и заметалась по постели. — Ей следует пустить кровь, причем безотлагательно! Плато, таз!

Я вырвалась и изо всей силы хлопнула по руке, лежавшей у меня на лбу:

— Отойдите от меня, вы, шарлатан несчастный! Джейми, не позволяй им ко мне прикасаться! — К постели с тазом и ланцетом приближался помощник месье Флеше — Плато. Дамы, находившиеся на заднем плане, хором ахнули и начали обмахивать друг друга веерами, не в силах равнодушно созерцать эту драму.

Джейми с побелевшим как мел лицом переводил исполненный отчаяния взгляд с меня на месье Флеше. Наконец, набравшись решимости, схватил злополучного Плато и оттащил от постели, затем одним толчком послал его к двери. Ланцет так и закувыркался в воздухе. Служанки и дамы с визгом отпрянули.

— Но месье! Месье!.. — завопил врач. Он успел натянуть на голову парик, однако остался полуодетым, и полы его халата смешно развевались и хлопали, когда он мчался вдогонку за Джейми по комнате, размахивая руками и страшно напоминая при этом обезумевшее пугало.

Боль снова усилилась, скрутила в клубок все внутренности, я застонала и скорчилась. Когда наконец немного отпустило, я, приоткрыв глаза, заметила, что на меня внимательно смотрит одна из дам. Затем по выражению ее лица я поняла, что ее осенило. Не сводя с меня глаз, она

наклонилась и что-то шепнула своей спутнице. В комнате было слишком шумно, чтобы расслышать слово, но я прочитала его по губам.

— Яд... — сказала она.

Внезапно боль резко сместилась ниже, и я наконец поняла, в чем причина. Не выкидыш, не аппендицит и тем более не приступ печени. И не совсем яд. Во всем виноват горький жостер.

— Вы! — кричала я, грозно надвигаясь на метра Раймона, который весь так и съежился за своим столом, под защитой нависающего над ним крокодильего чучела. — Вы, ничтожный жалкий червяк с лицом жабы!

— Я, мадонна? Но Бог ты мой, чем же я вас обидел?

— Мало того, что меня прохватил чудовищный понос на глазах тридцати с лишним человек, мало того, что я решила, что у меня выкидыш, и чуть ли не до смерти перепугала бедного моего мужа...

— Ах, так ваш муж тоже был там? — Тут метр Раймон уже не на шутку разволновался.

— Да, был, — уверила я его. Мне стоило немалого труда уговорить Джейми не вламываться вместе со мной в лавку метра Раймона, чтобы силой выбить из него необходимую нам информацию. Я убедила его подождать меня на улице, в карете.

— Но вы же не умерли, мадонна, — заметил торговец снадобьями. Бровей как таковых у него не было, но он умудрился пошевелить участком кожи над глазами, отчего на широком лбу собрались морщины. — А ведь вполне могли, заметьте себе...

В суматохе той сумбурной ночи у меня как-то вылетело из головы это обстоятельство.

— Так, значит, то была вовсе не шутка или недоразумение? — слабым голосом спросила я. — Кто-то действительно хотел отравить меня, и не умерла я только потому, что у вас были scruples?^[16]

— Возможно, вовсе не мои scruples были тому причиной и помогли вам выжить, мадонна. Возможно, это все же была шутка или недоразумение. Кроме того, уверен, что горький жостер можно приобрести не только в моей лавке. Не далее как в прошлом месяце я продал это средство двум лицам, причем и тот и другой просили совсем иное...

— Понимаю. — Глубоко вздохнув, я вытерла перчаткой выступивший на лбу пот. — Итак, у нас имеется два потенциальных отравителя, именно за этим мы сюда и явились. Кто они? — без обиняков спросила я. — Ведь в следующий раз они могут купить зелье у кого-то другого. И без этих ваших scruples.

Он кивнул, широкий лягушачий рот искривился.

— Вполне возможно, мадонна. Впрочем, не думаю, что моя информация сможет вам помочь. Это были слуги, и действовали они, повинаясь приказам своих господ. Служанка виконтессы де Рамбо, а второго человека я не знал.

Я нервно забарабанила пальцами по прилавку. Единственным человеком, который мне угрожал, был граф Сент-Жермен. Неужто он нанял анонимного слугу приобрести яд, чтобы затем уже самому подложить мне его в бокал? Что ж, учитывая нашу встречу в Версале, это вполне возможно. Бокалы с вином разносили на подносах слуги. Сам граф не приближался ко мне и на расстояние вытянутой руки, но разве так уж сложно подкупить кого-то из дворцовых слуг, чтобы подсунуть мне нужный бокал?..

Раймон не сводил с меня любопытных глазок.

— Могу ли я спросить, мадонна, не совершали ли вы какого-либо опрометчивого шага, могущего раздражить виконтессу? Она очень ревнива и не однажды прибегала к моей помощи, чтобы расправиться с соперницей. Хотя, как правило, эти приступы ревности у нее скоротечны. У виконтессы, знаете ли, ушки всегда на макушке, и вскоре появляется новая соперница, способная вытеснить из мыслей предыдущую.

Я села без приглашения.

— Рамбо? — спросила я, стараясь вспомнить. И наконец в памяти всплыл смутный образ. Постепенно он становился все отчетливей, и перед глазами возник напояженный и разодетый в пух и прах господин с круглым живым лицом. — Ах Рамбо! — воскликнула я. — Ну конечно же! Я встречала этого человека, но дело кончилось тем, что пришлось вlepить ему пощечину веером. Он укусил меня за палец на ноге.

— Что ж, уже одного этого достаточно, чтобы привести виконтессу в дурное расположение духа, — заметил метр Раймон. — А раз так, уверяю вас, дальше можете жить совершенно спокойно.

— Благодарю, — сухо ответила я. — Но что, если это вовсе не виконтесса?

Какое-то время аптекарь колебался, и без того маленькие глазки совсем сощурились в лучах утреннего солнца, проникающего сквозь оконные стекла. Затем, словно что-то решив для себя, поднялся и направился к каменному столу, на котором кипели снадобья, сделав мне знак следовать за ним:

— Прошу вас, пожалуйста, сюда, мадонна. Хочу показать вам кое-что.

К моему изумлению, он вдруг нырнул под стол и исчез. И не возвращался довольно долго, так что я нагнулась и стала всматриваться под

стол. Там, посредине, тлели окруженные решеткой угли, однако по обе стороны от жаровни оставалось достаточно места. А в стене, к которой был придвинут стол, зияло темное отверстие.

Я подобрала юбки и без долгих колебаний нырнула под стол вслед за Раймоном.

Там, за стеной, оказалась еще одна комната, совсем маленькая. Глядя на дом снаружи, никто не догадался бы о ее существовании.

Две стены сплошь занимали полки. На них, безусловно чистых и вытертых от пыли, были расставлены черепа каких-то животных. Сперва это зрелище заставило меня вздрогнуть и отшатнуться: из темноты взирали на меня пустые глазницы, острые зубы скалились в приветственной усмешке.

Затем наконец я разглядела метра Раймона: он стоял сгорбившись у одной из полок, напоминая при этом один из своих экспонатов. Я увидела, как, поймав мой взгляд, он нервно вскинул руку, видимо опасаясь, что я сейчас или закричу, или же наброшусь на него от страха. Но мне доводилось видеть зрелища и похлеще, чем ряды чисто выскобленных полок, уставленных костями, а потому кричать я не стала, а просто приблизилась, чтоб рассмотреть все как следует.

Чего только тут у него не было!.. Крошечные черепа летучей и простой мыши и землеройки с почти прозрачными косточками и мелкими острыми, как булавки, кровожадно оскаленными зубками. Черепа лошадей, от огромного першерона с массивными и изогнутыми точно турецкая сабля челюстями — такими можно было раздробить целый отряд филистимян — до ослиных черепов, упрямо повторяющих в миниатюре все их очертания.

Они были по-своему привлекательны, даже красивы, каждый из них нес отпечаток самой сути своего владельца, словно до сих пор очертания этих выбеленных временем костей хранили в себе намек на плоть и шерсть, некогда покрывавшие их.

Протянув руку, я дотронулась до одного из черепов. Вопреки ожиданиям кость оказалась на ощупь вовсе не холодной, но какой-то странно нейтральной, точно дух покинувшего ее тепла все еще витал где-то поблизости.

Доводилось мне видеть и человеческие останки, но хранились они далеко не в таком идеальном порядке: черепа первых христианских мучеников — они горами лежали в катакомбах щека к щеке, а берцовые кости, сложенные в отдельную кучу, издали напоминали бирюльки.

— Медведь? — тихо спросила я. Гигантский череп, острые клыки изогнуты, готовые рвать плоть, коренные же странно плоские по контрасту

с ними.

— Да, мадонна. — Видя, что страха я не испытываю, Раймон успокоился. Рука нежно поглаживала изгибы толстого лобастого черепа. — Видите, какие у него зубы? Он ест рыбу, мясо. — Палец скользнул по длинному, хищно изогнутому клыку, затем опустился на плоский коренной зуб. — А вот этим они перемалывают ягоды, листья, личинок. Медведь редко голодает, потому что всеяден.

Я переходила от полки к полке, прикасаясь к черепам.

— Красивые, — вздохнула я. Говорили мы тихо, словно опасаясь разбудить уснувших навеки животных.

— Да. — Руки Раймона тоже прикасались к черепам, нежно поглаживая длинные лобные кости, следуя изящным изгибам челюстей. — Они отражают характер животных, которым принадлежали. Ну вот, к примеру, тот, что слева...

Он обернулся к мелким черепам и указал на два утолщения в нижней части челюсти, напоминавшие два небольших тонкостенных шарика.

— Вот, видите? К ним подсоединен ушной канал, а потому любой, даже самый тихий звук эхом отдается во всем черепе. Вот почему крысы обладают таким тонким слухом, мадонна.

— Tympanic bullae, — кивнула я.

— Что? Я, знаете ли, в латыни не силен. Я даю всем им свои собственные прозвища.

— А вот эти. — Я указала вперед. — Смотрите, они ни на что не похожи!

— О да, мадонна. Это волчий. Очень древние волки... — Он осторожно взял с полки один из черепов. Морда длинная, по-собачьи заостренная, с тяжелыми клыками и широкими мощными коренными зубами. Из задней части черепа выдавался сагитальный гребень — свидетельство того, что некогда эту тяжелую голову поддерживали толстые мышцы шеи.

В отличие от прочих черепов серовато-белого цвета этот был в каких-то коричневых пятнах и сиял от полировки.

— Этих зверей больше нет в природе, мадонна.

— Нет? Вы хотите сказать, они вымерли? — Я замороженно коснулась черепа. — Но где же тогда вы его откопали?

— Откапывают из земли, мадонна, этот же достали из торфяного болота, с очень большой глубины.

Я пригляделась. И тут же заметила разницу между этим черепом и другими, более поздними и белыми, заполнившими противоположную

полку. Эти животные были гораздо крупнее обычных волков, такие челюсти могли с легкостью перекусить берцовую кость лосю, порвать горло любому самому крупному оленю.

Я слегка содрогнулась при воспоминании о волке, которого мне пришлось убить у стен Уэнтуортской тюрьмы, и его стае, что подстерегала меня тогда, поздним вечером, около шести месяцев назад.

— Смотрю, вы не слишком любите волков, мадонна? — спросил Раймон. — А вот медведи и лисы вас, похоже, не пугают. Они ведь тоже охотники, тоже хищники.

— Да, волки не принадлежат к числу моих любимцев, — ответила я, откладывая в сторону потемневший от времени череп. — Мне куда симпатичнее наши друзья лоси. — И я нежно похлопала по длинному горбатуому носу.

— Симпатичны? — Круглые черные глазки с любопытством уставились на меня. — Сколько чувства, однако, вы вкладываете уже в одно прикосновение к этим костям, мадонна.

— Гм... да, пожалуй, — немного смущенно призналась я. — Для меня это не просто кости, знаете ли. Дело в том, что по ним можно очень многое сказать о животном, лучше понять его. Для меня они не просто неодушевленные предметы.

Беззубый рот Раймона растянулся в улыбке, словно в моих словах таилось нечто особенно для него приятное, однако он не произнес ни слова.

— А зачем они вам? — спросила я, внезапно осознав, что подобная коллекция в лавке аптекаря — явление довольно необычное. Чучела крокодилов — еще куда ни шло, но черепа, и тем более в таком количестве...

Он добродушно пожал плечами:

— Ну... все какая-никакая, а компания, работаешь и чувствуешь себя не так одиноко. — Он указал на заваленный бумагами стол в углу. — Они могут рассказать так много разных интересных вещей, не производя при этом шума, не привлекая внимания соседей... Идите сюда. — Он резко сменил тему. — Хочу вам кое-что показать.

Я последовала за ним к высокому шкафу, стоявшему у стены.

Разумеется, метр Раймон не был натуралистом, ученым в строго смысле этого слова. Он не вел записей, не делал рисунков, по которым можно было учиться. И все же в глубине души я почему-то была совершенно уверена, что он жаждет поделиться со мной своими знаниями. Возможно, оттого, что я «симпатизировала» костям.

Весь шкаф был изрисован странными знаками, хвостатыми и

извилистыми, но попадались среди них и пятиугольники, и круги — кабалистические символы. Один или два были мне знакомы благодаря моему дядюшке Лэмбу, историку по профессии.

— Интересуетесь кабалистикой? — спросила я, с любопытством разглядывая знаки. Вот почему в эту комнату вел потайной ход. Интерес к оккультным наукам в среде французской интеллигенции и аристократии был в ту пору очень велик, однако его старались не афишировать, опасаясь проклятия церкви.

К моему удивлению, Раймон рассмеялся. Короткие толстые пальцы скользили по шкафу, прикасаясь то к центру одного знака, то к хвостику другого.

— Да нет, мадонна. Настоящие кабалисты — люди бедные, я не часто ищу их компании. Но эти символы способны отпугнуть любого, страдающего избытком любопытства человека. А чтоб нарисовать такой знак, много уменья, как вы понимаете, не требуется. Поэтому, возможно, кабалисты и правы, утверждая, что определенной силой эти знаки все же обладают.

Он улыбнулся мне озорной улыбкой и распахнул дверцу шкафа. Я тут же поняла, что шкаф с секретом — на тот случай, если прищелец окажется настолько любопытен, что его не отпугнут даже мистические знаки, или слишком недоверчив, чтоб удовольствоваться лишь созерцанием бутылочек и пузырьков на полках. Стоило в определенной последовательности нажать на потайные хитроумные защелки, как полки отодвигались и за ними открывалась весьма вместительная ниша.

Он выдвинул один из ящичков, находившихся в этой нише, и взял его в руку. Покопался в нем и извлек большой белый кристалл. И протянул мне:

— Это вам. Для защиты.

— Что? Магия? — насмешливо спросила я, перекаывая кристалл в ладони.

Раймон рассмеялся. Затем протянул руку к столику и, набрав пригоршню мелких цветных камушков, начал пропускать их сквозь пальцы, позволяя падать на блокнот с промокательной бумагой.

— Что ж, можно и так сказать, мадонна. А раз так, то вот за такой, к примеру, можно запросить и побольше. — Кончиком пальца он отделил от разноцветной кучки один зеленоватый кристалл. — В них не больше магии, чем в черепах. Однако и не меньше. Назовем их костями земли. Они, подобно скелету, несут на себе ее плоть. А уж какой силой обладают, можно проверить хоть сейчас. — И он подтолкнул ко мне какую-то желтоватую друзу. — Сера... Стоит размолоть ее с кое-какими другими

веществами, поднести спичку — и будет взрыв. Порох... Разве это магия? Или же это просто природа серы?

— Ну, наверное, зависит от того, кто ваш собеседник, — заметила я, и лицо его расплылось в довольной улыбке.

— Если вы когда-нибудь расстанетесь с мужем, мадонна, — посмеиваясь, начал он, — будьте спокойны: с голоду вы не умрете. Я ведь, кажется, говорил, вы — профессионал.

— С мужем? — воскликнула я и побледнела. Только тут до меня дошло, что издалека, из магазина, доносятся какие-то невнятные звуки. Послышался громкий стук, словно на прилавок бросили что-то тяжелое, затем — рокот голосов, среди которых отчетливо выделялся глубокий и низкий мужской. — Господи Боже! Я же совсем забыла о Джейми!..

— Так ваш муж здесь? — Глаза Раймона расширились. Если бы лицо его не отличала постоянная бледность, я бы могла сказать, что и он тоже побледнел.

— Я оставила его ждать снаружи, — пролепетала я и пригнулась, готовая лезть обратно в проход. — И он, наверное, уже устал ждать.

— Подождите, мадонна! — Раймон ухватил меня за локоть. Затем притянул за руку, в которой был зажат белый кристалл. — Кристалл, мадонна! Я говорил, он для защиты.

— Да, да, — нетерпеливо отмахнулась я и услышала, как из магазина меня окликают по имени, причем все громче и громче. — Но какая от него польза?

— Он чувствителен к ядам, мадонна. Меняет цвет в присутствии некоторых опасных ингредиентов.

Это меня сразу остановило. Я выпрямилась и уставилась на него.

— К ядам? — переспросила я. — Но тогда...

— Да, мадонна. Возможно, вам до сих пор угрожает опасность. — Лягушачье личико Раймона омрачилось. — Не могу сказать наверняка, какая именно и откуда, ибо не знаю. Но будьте уверены, как только узнаю, тут же сообщу. — Тут глазки его беспокойно забегали, в стену загрохотали чьи-то кулаки. — Надеюсь, вы сумеете объяснить мужу...

— Не беспокойтесь, — ответила я и нырнула в проход под столом. — Джейми не кусается.

— Меня не зубы его пугают, мадонна, — донеслось мне вслед, пока я пролезала под столом.

Джейми уже занес было рукоятку кинжала, чтобы продолжить барабанить им в стену, но вдруг увидел меня, вылезающую из-под каменного стола.

— Ах вот ты где... — заметил он и опустил руку. Склонив голову набок, он наблюдал, как я отряхиваю юбку от пыли и золы, затем нахмурился: из-под стола опасливо выглядывал Раймон. — А-а, и наша жаба тоже здесь! Или он немедленно объяснится, Саксоночка, или я пришпилю его к стенке рядом с его сородичами! — Не отрывая глаз от Раймона, он указал на одну из стен лавки, где к длинному полотнищу из сукна были приколоты высушенные жабы и лягушки.

— Нет, нет, — поспешно заметила я, увидев, что Раймон уже собрался снова нырнуть в свое убежище. — Он все мне объяснил. И очень-очень помог.

Джейми нехотя опустил кинжал, а я подала руку метру Раймону, помогая выбраться из-под стола. Он по-прежнему с опаской поглядывал на Джейми.

— Этот человек и есть ваш муж, мадонна? — спросил он, и в голосе звучала слабая надежда, что ответ будет отрицательный.

— Да, конечно, — кивнула я. — Мой муж, Джеймс Фрэзер, милорд Брок Туарах... — И я махнула рукой в сторону Джейми. Затем указала на Раймона: — А это метр Раймон.

— Это я уже понял, — сухо ответил Джейми. Потом поклонился и протянул Раймону руку. Голова аптекаря не доставала ему и до пояса. Раймон коснулся протянутой руки и, слегка передернувшись, быстро отпрянул. Я с изумлением наблюдала за ним.

Джейми лишь приподнял бровь, затем отошел и присел на край стола. Скрестил на груди руки.

— Ну, ладно, — сказал он. — Так что здесь происходит?

Я пустилась в объяснения. Раймон лишь бормотал какие-то односложные слова в знак подтверждения. Похоже, аптекарь напрочь лишился обычно присущей ему говорливости и остроумия и, устало ссутулив плечи, сидел на табурете возле огня. Лишь когда я закончила повествование, упомянув напоследок о белом кристалле и подчеркнув необыкновенную его для меня ценность, он наконец шевельнулся и снова ожил.

— Сушая правда, милорд, — сказал он Джейми. — Не знаю, кто из вас в опасности, вы или ваша жена, а возможно — и оба. Ничего подозрительного на этот счет пока не слышал, разве что однажды имя Фрэзер упоминалось в таком месте, где благодеяниями и не пахнет.

Джейми резко поднял голову:

— Вот как? И часто вы посещаете такие места, месье Раймон? Эти люди... они что, ваши сообщники?

Раймон ответил ему немного мрачной улыбкой:

— Я бы скорее назвал их соперниками по бизнесу, милорд.

— М-м... — промычал Джейми. — Что ж, ясно. Но пусть они знают: на всякое их «благодаяние» найдется достойный ответ. — Он демонстративно коснулся ладонью кинжала и поднялся. — Все же спасибо за предупреждение, метр Раймон. — Он поклонился аптекарю, однако руки на этот раз не подал. — Что же касается того, другого дела, — он скосил на меня глаза, — могу сказать одно: раз моя жена считает, что вас винить не в чем, разговор на этом закончен. Впрочем, — добавил он, — хотел бы напоследок дать вам один совет: не стоит нырять в свою нору, если в следующий раз вас удостоит своим посещением сама виконтесса. Нам пора, Саксоночка.

На всем пути до Рю Тремолин Джейми хранил молчание и, рассеянно глядя в окно кареты, барабанил пальцами по бедру.

— Место, где благодаяниями и не пахнет... — задумчиво пробормотал он, когда карета свернула на Рю Гамбо. — Интересно, что ж это за место такое?..

Я вспомнила кабалистические знаки на дверцах шкафа Раймона, и по спине у меня пробежал холодок. Потому что одновременно вспомнились сплетни нашей горничной Маргериты о Сент-Жермене и предостережение мадам де Рамаж. И я рассказала Джейми о них и о том, что говорил мне Раймон.

— Сам он, возможно, считает эти знаки просто украшением, — закончила я, — однако знаком с людьми, которые придерживаются иного мнения. Иначе кого тогда он стал бы отпугивать от своего шкафа?

Джейми кивнул:

— Ага. Кое-какие сплетни на этот счет я слышал при дворе. Но тогда не обратил должного внимания... счел обычными глупостями. Теперь же... Это меняет дело. — Тут он вдруг рассмеялся и крепко прижал меня к себе. — Попрошу-ка я Муртага немного пошпионить за этим самым Сент-Жерменом...

Глава 17

ОБЛАДАНИЕ

Муртаг прилежно наблюдал за всеми перемещениями и встречами Сент-Жермена, но если не считать того, что граф принимал в доме несметное число посетителей обеих полов и из всех слоев общества, ничего особенно интересного или интригующего сообщить о нем не мог. Правда, один любопытный визитер у него все же побывал — Карл Стюарт. Приехал днем, побыл с час и уехал.

Карл все чаще приглашал Джейми сопровождать его во время скитаний по тавернам и разного рода подозрительным местам. Лично я считала, что связано это скорее не с графом, но с Жюлем де ла Туром, который уже на весь город объявил о том, что его супруга ожидает ребенка, и готов был до бесконечности отмечать это радостное событие.

Порой эти походы затягивались допоздна. Я уже привыкла ложиться спать без Джейми и просыпаться от того, что он лез ко мне под одеяло насквозь продрогший от ночной сырости, с волосами и кожей, насквозь пропитанными запахом табачного дыма и спиртного.

— Он настолько помешан на этой женщине, что, уверен, порой забывает, что является наследником трона Шотландии и Англии, — заметил как-то Джейми, возвратившись после очередного загула.

— Уж прямо убивается, бедняжка, — саркастически заметила я. — Остается лишь надеяться, что он не переменится к ней.

Неделю спустя, проснувшись как-то на рассвете, я вдруг обнаружила, что постель рядом со мной пуста, а покрывала и одеяла не смяты.

— Что, милорд Брок Туарах у себя в кабинете? — спросила я, перегнувшись через перила, чем страшно напугала Магнуса, как раз проходившего внизу через холл. Возможно, Джейми засиделся допоздна за бумагами и лег спать там, на диване, не желая беспокоить меня.

— Никак нет, миледи, — ответил Магнус. — Я пошел отпереть входную дверь и увидел, что ее, оказывается, на ночь никто не запирает. Милорд еще не вернулся.

Ноги у меня подкосились, и я тяжело опустилась на верхнюю ступеньку. И должно быть, выглядела при этом совсем скверно, потому что дворецкий с тревогой бросился ко мне.

— Мадам! — воскликнул он и схватил меня за руку. — Мадам, вам плохо?

— Могло быть и лучше, но это неважно, — ответила я. — Магнус, немедленно пошлите кого-нибудь из лакеев к принцу Карлу, на Монмартр. Пусть узнает, возможно, муж там.

— Сию минуту, миледи. А к вам я тотчас же пришлю Маргериту. — И он опрометью бросился вниз по лестнице, мягко хлопая подошвами фетровых шлепанцев, которые надевал утром, чтобы не разбудить господ.

— И Муртага! — крикнула я ему вдогонку. — Немедленно пришлите ко мне Муртага! Пожалуйста! — Первой мыслью было, что Джейми заночевал у Карла, второй — что с ним случилось что-то страшное. Или же просто несчастный случай, или же это дело рук некоего недоброжелателя.

— Где он? — раздался снизу хриловатый голос Муртага. Он, очевидно, только что проснулся — лицо измятое, в волосах и складках одежды клочки соломы.

— Откуда мне знать?! — воскликнула я. Муртаг всегда взирал на окружающий мир несколько мрачно и подозрительно, а то, что его разбудили столь бесцеремонным образом, доброжелательности ему не прибавило. Тем не менее при виде его я немного успокоилась — уж на кого-кого, а на Муртага всегда можно было положиться. — Ушел вчера вечером с принцем Карлом и до сих пор не вернулся. Вот и все, что мне известно. — Держась за перила, я поднялась и расправила складки шелковой ночной рубашки. Камин уже затопили, но дом был слишком велик и нагревался не сразу, а потому я вся так и дрожала от холода.

Муртаг сосредоточенно почесал в затылке:

— Гм... А на Монмартр кого посылали?

— Да.

— Тогда я обожду, пока не вернутся и скажут. Если Джейми там, все в порядке. Если нет, узнают, когда и где он расстался вчера с принцем и кто еще с ними был.

— А что, если они оба пропали? Что, если принц тоже не вернулся? — спросила я. Ведь помимо якобитов в Париже проживало немало людей, которым претила сама идея восстановления Стюартов на троне. И если устранения одного Карла Стюарта могло показаться недостаточным для полного провала попытки шотландского восстания, у принца имелся еще и младший брат, Генри, и попытка расправиться хотя бы с одним из них могла в значительной мере охладить энтузиазм старого короля, в том случае если он решился на какие-либо активные действия, рассеянно размышляла я.

Мне живо вспомнилась история, произошедшая с Джейми в тот день, когда он повстречался с Фергюсом, — попытка покушения на его жизнь.

Уличные убийства случались здесь довольно часто, с наступлением темноты парижские кварталы наводняли шайки злодеев.

— Ты бы лучше оделась, девочка, — заметил Муртаг. — Мурашки даже отсюда видны.

— О!.. Да, наверное, надо одеться. — Только тут я почувствовала, что вся совершенно закованна, зубы так и стучали от холода.

— Вы же простудитесь, мадам! — Маргерита торопливо взбежала по ступенькам, и я последовала за ней в спальню. Уже на пороге, обернувшись, я увидела, что Муртаг, стоя внизу, задумчиво рассматривает кончик своего кинжала, прежде чем сунуть его в ножны.

— Вам следует быть в постели, мадам! — корила меня Маргерита. — Это же и для ребенка вредно! Сейчас принесу вам грелку. А где ваш халат? А ну-ка влезайте в него, побыстренько!.. Вот так...

Я, слегка поживаясь, накинула поверх легкой шелковой рубашки толстый шерстяной халат и, не обращая внимания на кудахтанье Маргериты, подошла к окну и подняла шторы.

На улице было почти совсем светло, лучи восходящего солнца уже коснулись крыш каменных домов. Несмотря на ранний час, жизнь на Рю Тремолин уже кипела: служанки и лакеи подметали ступени перед входом, драили медные таблички на воротах, лоточники торговали фруктами, овощами и свежей рыбой, во весь голос расхваливая свой товар. На их крики выскакивали из домов повара. Телега, груженная углем, медленно катила по улице, влекомая совсем древней лошадкой, которой уже давно было пора на покой. Но Джейми видно не было.

В конце концов я позволила не на шутку разволновавшейся Маргерите уложить себя в теплую постель, но заснуть так и не смогла. Каждый звук, доносившийся снизу, заставлял вздрагивать, каждый шаг по мостовой возле дома пробуждал надежду, что вот сейчас я услышу внизу, в прихожей, голос Джейми. К тому же перед глазами все время возникало лицо графа Сент-Жермена. Он единственный из французской знати был как-то связан с Карлом Стюартом. И вполне вероятно, что именно по его наущению произошло то, первое покушение на жизнь Джейми... и мою тоже. Это был человек с сомнительными связями. А что, если он решил разом разделаться и с Карлом, и с Джейми? И неважно, какие мотивы двигали им при этом, политические или личные...

Когда наконец снизу донесся звук шагов, я была настолько поглощена представшим перед моим мысленным взором страшным видением: Джейми лежит в канаве с перерезанным горлом, что не поняла, что это он, пока дверь в спальню не распахнулась.

— Джейми! — радостно воскликнула я и села в постели.

Он улыбнулся, а потом зевнул — широко, во весь рот. Даже издали было видно, что горло у него в целости и сохранности. С другой стороны, выглядел он далеко не лучшим образом. Он прилег рядом со мной, с наслаждением потянулся, испустив при этом тихий стон.

— Что случилось? — спросила я.

Он приоткрыл один налитый кровью глаз.

— Мне нужно принять ванну. — Глаз снова закрылся.

Я подвинулась ближе и принялась. Да, действительно, пахло от него довольно скверно: спертым воздухом прокуренной комнаты, сырой шерстью и целой смесью спиртных паров — эля, вина, виски и бренди. Об этом же наборе свидетельствовали и пятна на рубашке. Но над всеми этими многообразными ароматами превалировал один — острый, зловонный, омерзительный запах дешевого одеколона.

— Да, надо бы, — согласилась я. И, выбравшись из постели, вышла на площадку и, перегнувшись через перила, кликнула Маргериту. Велела ей приготовить горячую ванну. От брата Амброза я в свое время получила редкостный по тем временам подарок — несколько кусков хорошего твердого мыла с запахом роз. Я приказала Маргерите принести и мыло.

Служанка занялась тасканием наверх огромных медных ведер с горячей водой, я же переключила свое внимание на Джейми, неподвижно распростертого поверх покрывала.

Сняла с него туфли и чулки, расстегнула пряжку пояса. Он начал было сопротивляться, но тут глаза мои привлекло нечто совсем необычное.

— Что с тобой произошло, черт побери?! — возопила я.

На бедрах виднелось несколько длинных красных царапин, отчетливо выделявшихся на фоне бледной кожи. А на внутренней стороне одного бедра красовались следы укуса — отпечатки зубов были отчетливо различимы.

Горничная, выливая горячую воду в ванну, с любопытством воззрилась на эти свидетельства бурно проведенной ночи и не преминула внести свою лепту в объяснение их происхождения:

— Unpetite chien? — спросила она. — Маленькая собачка? Или что-то еще? — В ту пору я еще не владела местным жаргоном в должной степени, однако знала, что *petites chiens* частенько разгуливают по улицам на двух ногах и с размаляванными лицами.

— Вон! — сказала я по-французски, подкрепив приказ истинно королевским жестом. Горничная подхватила ведра и вышла, надув губки. Я обернулась к Джейми. Он приоткрыл один глаз, однако, увидев выражение

моего лица, тут же быстро закрыл.

— Ну? — потребовала я.

Вместо ответа он передернул плечами, затем сел и крепко растер ладонями лицо, потом уставился на меня, вопросительно приподняв одну рыжеватую бровь.

— Сроду бы не подумал, что столь воспитанной и благородной даме, как ты, известен подспудный смысл подобных выражений.

— Слышала этот термин, — небрежно заметила я и, скрестив руки на груди, продолжала сверлить его подозрительным взором. — Однако нельзя ли узнать, где ты подцепил эту столь интригующую цифру?

— Ну, мне предложили, вернее, навязали, чуть ли не силой. Одна дама, с которой я случайно встретился вчера...

— Случайно не та ли самая дама, которая укусила тебя за ляжку?

Он опустил глаза и задумчиво потер место укуса:

— Гм, нет... Эту даму не волновали столь большие цифры. Думаю, она бы удовлетворилась одной шестеркой.

— Джейми, — начала я, нервно притопывая ногой, — где ты был всю ночь?

Зачерпнув воды из ванной, он плеснул ее в лицо, струйки сбегали вниз, по покрытой рыжеватыми волосками груди.

— М-м-м... — пробормотал он, — дай-ка вспомнить... Сначала ужин в таверне. Там мы встретили Гленгэрри и Мильфлера. — Месье Мильфлер был парижским банкиром, а Гленгэрри, один из молодых якобитов, — членом клана Макдоннеллов. По словам Джейми, он лишь наезжал в Париж время от времени и его часто видели в компании с Карлом. — А после ужина отправились играть в карты к герцогу де Кастеллоти.

— Ну а потом?

— Еще одна таверна. И еще одна. И наконец, заведение, которое тоже можно было бы считать таверной, если бы не приятное добавление в лице нескольких дамочек весьма занимательной внешности и разнообразных талантов.

— Ах вот как, талантов? — заметила я, покосившись на отметину на ноге.

— Бог ты мой, да они занимаются этим прямо на людях! — сказал он и брезгливо передернулся при одном только воспоминании. — А две из них — так прямо на столе! Между седлом барашка и вареной картошкой. Прямо в айвовом желе.

— Бог мой! — ахнула вернувшаяся горничная и, подлив в ванну горячей воды, перекрестилась.

— А ты помалкивай! — огрызнулась я и снова обратилась к мужу: — Ну и что же дальше?

А дальше события приняли довольно обыденный в подобных случаях оборот, хотя и свершались они прямо на глазах у публики. Щадя чувства Маргериты, Джейми дождался, пока она не выйдет из комнаты за новой порцией горячей воды.

— И тогда Кастеллоти взял толстуху с рыжими волосами и еще одну, маленькую блондинку, отвел их в уголок и...

— Ну а ты что делал все это время? — перебила я это захватывающее повествование.

— Наблюдал, — ответил он, словно сам себе удивляясь. — Все это было не слишком прилично, конечно, но чего еще ожидать, в подобных-то обстоятельствах...

Пока он рассказывал, я пошарила в его кожаной сумке и выудила оттуда не только маленький кошелек, но и толстое металлическое кольцо, украшенное гербом. С любопытством нацепила на палец — оно оказалось слишком широким и болталось на нем, как обруч на палочке.

— А это чье? — спросила я. — Похоже на герб герцога Кастеллоти, но у владельца его пальцы, должно быть, толстые, как сосиски... — Кастеллоти же, по описанию Джейми, походил на бледный и сморщенный стручок итальянской фасоли, с личиком худеньким и изможденным, точно у больного ребенка. Только подумать, айвовый соус!..

Я подняла глаза и увидела, что Джейми покраснел — от пупка до корней волос.

— Э-э... — проблеял он, с повышенным интересом разглядывая пятно грязи на колене. — Оно вообще-то не для... пальца предназначено.

— Тогда за... О!.. — Я взидала на кольцо уже совершенно замороженная. — Бог ты мой! Я слыхала о подобных вещах, но...

— Слыхала?! — Джейми был совершенно шокирован.

— Да, но не видела. А тебе оно подходит? — И я протянула руку, примерить. Он инстинктивно прижал ладони к причинному месту.

Тут появившаяся с водой Маргерита поспешила заверить его:

— Не беспокойтесь, монсеньор. Я уже видела такое.

Переводя взгляд с меня на служанку, он подтянул килт повыше.

— Стоило весь вечер отбиваться и защищать свою добродетель, — с горечью заметил он, — чтоб поутру, вернувшись домой, выслушивать все эти комментарии.

— Так, значит, ты защищал свою добродетель? — Я перекидывала кольцо с ладони на ладонь, придерживая указательными пальцами. — А

это что, подарок? Или же ты взял его напрокат?

— Подарок. И не стоит больше об этом, Саксоночка. — Он поморщился. — Наводит на неприятные воспоминания.

— Ах, ну да, конечно! — Я не спускала с него глаз. — Кстати, о воспоминаниях...

— Ну сколько же можно! — взмолился он. — Неужели ты думаешь, что я способен на такое? Я, женатый мужчина!..

— А разве месье Мильфлер не женат?

— Не только женат, имеет двух любовниц, — ответил Джейми. — Но он француз, а это меняет дело...

— Но герцог Кастеллоти вроде бы не француз. Он итальянец...

— Да, но он герцог. И это тоже меняет дело.

— Вот как? Интересно, какого мнения придерживается на этот счет герцогиня?

— Думаю, там все в порядке. Герцог сам рассказывал, что жена его многому научила. А что, ванна еще не готова?

Поплотнее завернувшись в одеяло, он слез с кровати, подошел к ванной, над которой поднимался пар, и ступил в воду. Затем скинул одеяло и быстро присел. Но, видно, недостаточно быстро.

— Ну и громадина! — воскликнула горничная и перекрестилась.

— Хватит, — строго заметила я. — Большое спасибо.

Она опустила глаза, залилась краской и выскользнула из комнаты.

Как только дверь за ней затворилась, Джейми расслабился. По мере того как он все глубже погружался в горячую воду, на лице его отражалось полное блаженство, а обычно бледная кожа покраснела. Глаза были закрыты, на высоких скулах и вокруг глаз выступили и заблестели мелкие капельки пота.

— Мыло... — пробормотал он и с надеждой приоткрыл один глаз.

— Да, конечно. — Я протянула ему кусок мыла, затем присела на табуретку рядом с ванной. И стала наблюдать, как он тщательно намыливает и трет тело, затем подала ему кусок пемзы, которым он принялся скоблить ступни и локти.

— Джейми... — вымолвила я наконец.

— Ау?

— Мне не хотелось бы спорить о методах, — осторожно начала я, — и потом, мы с самого начала договорились, что ты можешь чувствовать себя свободным, относительно, конечно, однако... Неужели тебе действительно пришлось...

— Пришлось что, Саксоночка? — Он перестал мыться и

выжидательно смотрел на меня, склонив голову набок.

— Ну... пришлось... это... — Я чувствовала, что тоже краснею, хотя горячая вода была здесь ни при чем.

Из воды вынырнула большая рука и опустилась мне на плечо. Пар, исходящий от нее, прожигал тонкую ткань рубашки.

— Саксоночка, — начал он, — неужели ты всерьез думаешь, что я мог...

— Ах, ну ладно, оставим это!.. — сказала я, однако не успела отвести глаз от отметины на бедре. Он рассмеялся, хоть смех получился и не слишком веселый.

— Да, маловато в тебе веры! — с горечью заметил он.

Я отстранилась, избегая его прикосновения.

— Знаешь ли, — сказала я, — когда муж является домой утром весь в укусах и царапинах, воняет духами и не отрицает, что провел всю ночь в публичном доме...

— И откровенно рассказывает жене, что он только смотрел и не действовал... — подхватил он.

— Ты хочешь сказать, что все эти отметины возникли сами по себе, от одних лишь наблюдений?! — огрызнулась я, затем поджала губы. Я понимала, что выгляжу сейчас обыкновенной ревнивицей, но мне было наплевать. Некогда я поклялась себе воспринимать все спокойно и с достоинством, как подобает настоящей светской даме, и всегда верить Джейми. И потом, разве можно приготовить омлет, не разбив яиц? Пусть даже там что-то и было...

Я расправила клочок влажной ткани на рукаве, чувствуя, как сквозь шелк проникает холод, затем взяла себя в руки и продолжила, стараясь говорить как можно более спокойным тоном:

— Или же эти шрамы — свидетельство сражения, в котором ты одержал победу, защищая свою честь и невинность? — Однако спокойный тон не получился. Следовало признать, что голос мой звучал визгливо и истерично. Ладно, тоже наплевать...

В толковании интонаций Джейми был далеко не промах. Он сощурил на меня глаза и уже приготовился было ответить. Набрал в грудь воздуха, затем, видно, передумал и отделался лаконичным:

— Да... — Пошарив в ванной, выудил кусочек мыла и протянул мне. — Не поможешь помыть мне голову? В карете его светлость вырвало прямо на меня, кажется, я весь до сих пор так и воняю...

Секунду я колебалась, затем приняла эту «оливковую ветвь».

Под густыми намыленными волосами прощупывался крутой изгиб

черепа и длинный шрам, сбегавший от макушки к шее. Я крепко впила пальцами ему в загривок и почувствовала, как весь он расслабился.

Мыльные пузырьки стекали по мокрым блестящим плечам, пальцы мои скользили следом, поглаживая и растирая кожу.

Он действительно очень большой, подумала я. Находясь с ним рядом, я порой как-то забывала об этом, но лишь до того момента, пока вдруг не видела издали, как он возвышается над целой группой мужчин, и меня всякий раз заново поражала грация и сила, исходящие от этой мощной фигуры. Теперь же он сидел скорчившись, подогнув колени чуть ли не к самому подбородку и упираясь плечами в края ванной. Он слегка наклонился вперед, и взору открылись эти ужасные шрамы на спине. Толстые красные рубцы, рождественский подарок Джека Рэндолла, они легли поверх тонких белых линий, следов предшествующей порки.

Я нежно касалась шрамов, и сердце мое сжималось от жалости. Я видела эти раны, когда они были еще свежими, видела его, доведенного почти до безумия, пытками и унижениями. Но я вылечила его, а он со всей отвагой, присущей его благородному сердцу, сражался за то, чтоб снова стать самим собой, вернуться ко мне... Растроганная всеми этими воспоминаниями, я убрала хвостик мокрых волос с шеи и наклонилась поцеловать.

И тут же отпрянула. Он почувствовал резкость моего движения и поднял голову.

— Что такое, Саксоночка? — разнеженно спросил он, голос звучал низко и приглушенно.

— Ничего — ответила я, не сводя глаз с темно-красных отметин на шее. Наши сестры из больницы в Пемброуке скрывали их, игриво повязывая вокруг шеи шарфики, когда поутру являлись на работу после свиданий с солдатами с военной базы, находившейся поблизости. Но мне всегда казалось, что истинной их целью было продемонстрировать свои успехи, а вовсе не скрыть следы поцелуев.

— Нет, ничего особенного, — снова сказала я и потянулась за кувшином. Он стоял на подоконнике и был на ощупь ледяным. Я взяла кувшин и вылила все его содержимое Джейми на голову.

И тут же приподняла подол шелковой ночной рубашки — увернуться от волны, выплеснувшейся из ванной. Он весь дрожал и был слишком потрясен, чтобы вымолвить что-то членораздельное. Я только видела, как он шевелит губами.

— Так, значит, только смотрел? — холодно спросила я. — Или все же урвал капельку удовольствия, бедняжка?

Джейми с такой силой опустился в ванну, что вода так и хлестнула через края на каменный пол.

— Что ты хочешь услышать от меня, Саксоночка? — спросил он. — Что я хотел их? Да, хотел! Так, что яйца ныли! Так, что меня тошнило при одной лишь мысли о том, что мужчина может дотронуться до любой из этих шлюх!

Он откинул со лба пряди мокрых волос и гневно сверкнул глазами.

— Это ты хотела бы услышать?! Теперь довольна?

— Не совсем, — ответила я. Лицо у меня горело, и я прижалась щекой к холодному оконному стеклу, впившись пальцами в подоконник.

— По-твоему, выходит, что смотреть на женщину с вожделением — уже значит совершать с ней прелюбодеяние, так?

— А по-твоему, нет?

— Нет, — коротко ответил он. — Я не совершал. А что бы ты сделала, Саксоночка, если б узнала, что я лег с шлюхой? Влепила бы мне пощечину? Выгнала бы из спальни? Не пускала бы меня в кровать?

Я обернулась.

— Я бы тебя убила... — тихо произнесла я сквозь зубы.

Брови его удивленно взлетели вверх, рот недоверчиво приоткрылся.

— Убила бы? Меня?! Господи!.. Если б я застал тебя с другим мужчиной, то убил бы его, а не тебя. — Уголок рта у него нервно дернулся. — Так что учти, — продолжил он после паузы, — от этого твоего поступка я тоже был бы не в восторге, но убил бы его, не тебя.

— Типично мужской подход, — заметила я. — Всегда мимо цели.

Он насмешливо фыркнул:

— Мимо цели, говоришь? Выходит, ты мне не веришь, ждешь, чтоб я доказал, что не ложился ни с кем в течение последних часов? — Он выпрямился во весь рост, вода струями стекала с длинных ног. Свет, проникающий из окна, зажег красновато-золотистые искры в волосах на груди, от кожи поднимался пар. Он напоминал только что отлитую из золота статую. Я торопливо отвела глаза.

— Ха! — иронически воскликнула я, вкладывая в это междометие как можно больше иронии.

— Вода горячая, — прозаически заметил он, выходя из ванной. — Не беспокойся, все это сущие пустяки.

— Это ты так думаешь, — возразила я.

Он покраснел еще больше, руки сжались в кулаки.

— Ты что, окончательно разум потеряла, а?! — воскликнул он. — Боже, если б ты только знала, что за ночь это была! Сплошное отвращение

и мерзость. Да еще мои спутники подливали масла в огонь, твердя, что я веду себя не по-мужски. И вот являюсь домой, а здесь уже ты донимаешь и мучишь меня, обвиняя в измене!

Он стал озиаться, затем увидел свою одежду, брошенную на пол возле постели, и потянулся за ней.

— Ну, давай! — крикнул он, хватая пояс. — Вот! Раз я тебе изменяю, а ты за измену убиваешь, валяй, убивай! — И он протянул мне кинжал — полоску темной стали длиной дюймов в десять. Затем расправил плечи и выпрямился, подставляя мне широкую грудь и воинственно сверкая глазами. — Давай! — настаивал он. — Не будешь ведь ты нарушать своего слова, а? Раз честь для тебя превыше всего!

Искушение было велико. Сжав руки в кулаки и прижав их к бокам, я стояла и вся так и дрожала, с трудом подавляя неукротимое желание схватить кинжал и всадить ему между ребер. От этой попытки меня уберегла, наверное, одна лишь мысль: он никогда не позволит заколоть себя. Стоило ли дальше унижаться, выставя себя на посмешище? Я с шелестом юбок повернулась к нему спиной.

Секунду спустя услышала, как звякнул упавший на пол кинжал. Я стояла совершенно неподвижно, глядя из окна на задний двор. Затем услышала за спиной какое-то шуршание и присмотрелась к смутному отражению в стекле. Размытый овал моего лица в ореоле спутанных после сна каштановых кудряшек и обнаженная фигура Джейми на заднем плане. Она слабо отсвечивала белизной и напоминала кадры подводной съемки. Он искал полотенце.

— Полотенце внизу, на полке, где кувшин, — сказала я и обернулась.

— Спасибо. — Он бросил на пол грязную рубашку и, по-прежнему не глядя на меня, потянулся за полотенцем.

Вытер лицо, затем, похоже, принял какое-то решение. Опустил полотенце и взглянул на меня. Я видела, как на лице его отражается целая гамма чувств, и мне почему-то показалось, что я по-прежнему смотрю на его отражение в оконном стекле. И тут мы оба наконец опомнились.

— Прости меня, — сказали мы с ним одновременно. И одновременно рассмеялись.

Ночная рубашка тут же промокла от прикосновения к его еще влажному телу, но мне было все равно.

Минуту спустя он что-то пробормотал мне в волосы.

— Что?

— Совсем рядом, — повторил он. — Черт возьми, это было совсем близко, Саксоночка! И это меня напугало...

— Напугало? Вот уж не заметила никакого испуга, ну просто ни капельки! Ты прекрасно знал, что я этого никогда не сделаю.

— Ах это... — Он усмехнулся. — Нет, не думаю, чтоб ты меня убила, как бы тебе того не хотелось. Нет, дело не в том... А что касается тех женщин... Я вовсе не хотел их, честное слово, нет!..

— Знаю. — Я потянулась к нему, но он отстранился.

— Что же касается желания, так ты, кажется, это называешь... да, схожие чувства я испытывал к тебе и... и стыдился их. Мне казалось это неправильным, недостойным...

Он отвернулся, вытирая волосы, и голос приглушенно доносился из-под льняного полотенца:

— Я всегда думал, что с женщиной жить просто, — тихо сказал он. — И в то же время... гм... мне так часто хотелось вдруг упасть к твоим ногам и боготворить тебя. — Уронив полотенце, он потянулся ко мне, взял за плечи. — И вместе с тем мне хотелось поставить тебя на колени, держа за волосы, прижать к себе ртом... и все это одновременно, Саксоночка...

Он провел ладонью по моим растрепанным волосам, крепко сжал в ладонях мое лицо.

— Я сам себя, наверное, не понимаю, Саксоночка... А может, и понимаю... — Отпустив меня, он отвернулся. Лицо уже давно высохло, однако он подобрал полотенце и стал тереть им подбородок. Отросшая за ночь щетина еле слышно шуршала по тонкой ткани. Голос был тих и тоже еле слышен, даже с расстояния в несколько футов. — Знаешь, кое-какие вещи... я понял их только после Уэнтуорта...

Уэнтуорт... То место, где он отдал свою душу в обмен на спасение моей жизни и претерпел нечеловеческие страдания, чтоб снова стать самим собой.

— Сперва мне казалось, что Джек Рэндолл отнял какую-то часть моей души. Потом я понял, что все обстоит гораздо хуже... Она была цельной и неразделимой, моя душа, а он смог показать ее мне, словно в зеркале. И я узнал о себе такое, о чем прежде и не подозревал. Именно этого я никогда не прощу ему. И его собственная душа будет гореть в аду в отместку за это!

Он опустил полотенце и глянул на меня — лицо измученное после ночных походов и всех переживаний, но глаза сияют.

— Клэр... Какое это счастье, чувствовать эти маленькие косточки под своими пальцами, ласкать эту гладкую тонкую кожу на груди и плечах... Господи, ты жена моя, которую я буду лелеять и обожать всю свою жизнь, и в то же время мне хочется целовать тебя крепко и больно, чтоб на этих нежных губках выступили синяки, чтоб видеть на этих плечиках отпечатки

своих пальцев...

Он бросил полотенце на пол. Воздел кверху руки — пальцы слегка дрожали. Потом очень медленно опустил их мне на голову, словно благословляя.

— Мне хочется сунуть тебя под рубашку и носить за пазухой, точно котенка, *mo duinne*, и в то же время хочется раздвинуть тебе ноги и трахать тебя, как обезумевший от желания бык. — Пальцы впились мне в волосы. — Я сам себя не понимаю...

Я откинула голову, высвободилась и отступила на полшага. Вся кровь закипела у меня в жилах, и одновременно сотрясал озноб — стало так холодно, как только я отделилась от него.

— Думаешь, я устроена по-другому? Думаешь, не чувствую того же? — спросила я. — Думаешь, мне не хочется иногда укусить тебя, да так, чтоб почувствовать вкус крови, или запустить в тебя когти, глубоко-глубоко, чтоб ты закричал?..

И я медленно потянулась к нему. Кожа на груди была влажной и теплой. Я дотронулась до нее кончиком ногтя, чуть пониже соска. Легко, едва касаясь, провела пальцем вверх, потом вниз и вокруг, пока крошечный розовый сосок не затвердел и не стал торчком среди курчавых рыжих волос.

Ноготь нажал крепче, скользнул вниз, оставляя тонкую розовую полоску на белой коже. Я вся дрожала, но остановиться была не в силах.

— Иногда мне хочется скакать на тебе, как на необъезженном коне, и укрощать тебя, знаешь ли ты это? Знаешь... Я умею это, умею довести тебя до края, измучить, иссушить. Я довожу тебя до полного изнеможения, Джейми, и знаешь, мне это жутко нравится. Да! Но еще мне часто хочется, — тут голос мой дрогнул, и я перевела дух, чтоб продолжить, — хочется... прижать твою голову, к груди и баюкать, точно малого ребенка, пока ты не уснешь...

Глаза мои были полны слез, и я видела его лицо смутно, как в тумане, и не поняла, плачет он тоже или нет. Он крепко обнял меня, и я погрузилась в его объятия, словно в струи влажного и теплого муссона.

— Клэр, ты меня убиваешь, даже без ножа... — пробормотал он мне в затылок. Затем наклонился, подхватил и понес к постели. Уложил среди смятых простыней, а сам опустился на колени рядом. — Ты ляжешь со мной, и я буду иметь тебя, как только могу. И если в этом будет твоя месть, давай, мсти. А я буду счастлив этим, потому как моя душа принадлежит твоей, она твоя до самого своего темного уголка...

Плечи его все еще были теплыми после ванной, но он весь так и

задрожал, когда я обняла его за шею и привлекла к себе.

И я, наконец, отомстила ему, а потом, держа в объятиях и поглаживая густые, все еще мокрые пряди волос, стала баюкать.

— А иногда, — шепнула я ему на ухо, — мне хочется, чтоб ты весь... был во мне. Чтоб я могла держать тебя в себе и защищать.

Большая теплая рука приподнялась с постели, ладонь мягко опустилась на мой округлившийся живот, поглаживая его и лаская.

— Я с тобой, милая, — сказал он. — Я там...

Впервые я почувствовала это на следующее утро, когда, проснувшись, смотрела, как одевается Джейми. Легкое трепетание внутри — совершенно новое и одновременно как будто знакомое ощущение. Джейми стоял ко мне спиной и влезал в рубашку длиной по колени, потом стал расправлять складки белой ткани на плечах.

Я лежала совершенно неподвижно, надеясь, что это придет снова. И оно пришло: на этот раз целая серия легких быстрых толчков, напомнивших мне почему-то лопа-нье пузырьков газа, поднимающегося на поверхность со дна бутылки с газированным напитком.

Вдруг вспомнилась кока-кола, странный темный густой американский напиток. Я попробовала его однажды за ужином с одним американским полковником, который подал его в качестве деликатеса. Чем во время войны кола, очевидно, и являлась. Ее подавали в зеленых бутылках толстого стекла со сглаженными гранями. Бутылки были запечатаны металлической пробкой и слегка напоминали по форме очертания женской фигуры: одно утолщение прямо под горлышком, другое, более заметное, — ниже.

Я вспомнила, что, когда бутылку открыли, в узкое горлышко рванулись миллионы пузырьков, совсем крошечных, меньше и тоньше пузырьков шампанского, и стали весело лопаться в воздухе. Я осторожно прижала ладонь к животу.

Да, так и есть. Вопреки моим ожиданиям, его или ее тельца прощупать не удалось, но полное ощущение, что там кто-то есть, сохранялось.

— Джейми, — тихо окликнула я.

Он завязывал сзади волосы в толстый пучок, обматывая пряди кожаным ремешком. Склонив голову, обернулся и с улыбкой глянул на меня исподлобья:

— Что, проснулась? Еще рано, *mo duinne*. Давай поспи еще чуток.

Я уже хотела сказать ему, но что-то меня остановило. Он бы все равно не почувствовал, пока... И потом, в этом первом движении было нечто очень личное, интимное, словно некий секрет, который я должна

была разделить со своим ребенком, знак, который он подал мне, объявляя о своем существовании. Это знание, эта тайна связывали нас, как общая кровь, бежавшая по нашим жилам.

— Хочешь, я заплету тебе волосы? — предложила я. Иногда, отправляясь в доки, он просил меня заплести свою густую гриву в плотную косичку, это защищало волосы от пыли и ветра. И все поддразнивал меня, что когда-нибудь по примеру моряков обязательно обмакнет ее в деготь и все проблемы с прической будут решены, и надолго.

Он покачал головой и потянулся за килтом:

— Нет. Сегодня к вечеру я собираюсь заглянуть к его высочеству принцу Карлу. И хоть дом его сквозит как решето, все же ветер там не такой сильный, чтоб растрепать мою гриву. — Он подошел к постели. Увидел, что рука моя лежит на животе, и положил поверх свою.

— Как чувствуешь себя, Саксоночка, нормально? Уже не так сильно тошнит?

— Да, гораздо лучше. — Действительно, теперь по утрам меня почти совсем не тошнило, хотя легкие приступы дурноты охватывали порой в самый неподходящий момент. К тому же я вдруг обнаружила, что совершенно не в силах выносить запах жареного рубца с луком, а потому это пользующееся такой популярностью у слуг блюдо готовить отныне было запрещено, ибо его всепроникающий аромат поднимался с кухни наверх, готовый, словно дух или привидение, ворваться ко мне в гостиную, стоило только отворить дверь.

— Ну и прекрасно. — Он поднес мою руку к губам и поцеловал на прощание пальцы. — Поспи еще, *mo duinne*.

Дверь за ним тихо затворилась, и я осталась одна в утренней тишине обитой деревом спальни, нарушали которую лишь слабые звуки какой-то хозяйственной возни, доносившиеся снизу.

Квадраты блеклого солнечного света проникали сквозь оконные створки и отпечатывались на противоположной стене. Похоже, день сегодня будет чудесный. Весенний воздух становился теплее с каждым днем, в садах Версаля уже распустились бело-розовые цветы слив, и вокруг них с жужжаньем вились пчелы. Наверное, все придворные выйдут сегодня в сад насладиться прелестями весны.

Я же наслаждалась теплом и покоем и была одна и не одна.

— Привет, — тихо сказала я и снова ощутила под рукой легкое трепетание бабочкиных крыльев.

Часть третья

НАПАДЕНИЕ

Глава 18

УЖАСНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ В ПАРИЖЕ

В начале мая в здании Королевского Арсенала прогремел взрыв. Позже я узнала, что охранник оставил факел в неподобающем месте и через минуту самый большой в Париже склад пороха и боеприпасов взлетел на воздух с таким грохотом, что спугнул голубей с крыш Нотр-Дама.

Занятая работой в «Обители ангелов», я не слышала самого взрыва, но мне пришлось столкнуться с его последствиями. Несмотря на то что больница находилась в противоположной от Арсенала стороне города, пострадавших было столько, что в окрестных больницах не хватило места и многие попали к нам. Искалеченных, обгоревших и громко стонущих, их привозили на телегах или несли на носилках через весь город.

Было уже совсем поздно, когда мы приняли последнего пострадавшего и осторожно уложили забинтованное тело среди прочих по большей части грязных и безымянных пациентов «Обители ангелов».

Увидев, сколько работы ждет наших сестер, я послала Фергюса домой передать, что освобожусь поздно. Теперь он вернулся, и вдвоем с Муртагом они коротали время у входа в больницу, ожидая, когда можно будет проводить нас домой.

Наконец мы с Мэри, усталые, вышли из двойных дверей. Муртаг в это время демонстрировал Фергюсу свое искусство метания ножей.

— Ну давай, — говорил он, стоя к нам спиной. — Как можно быстрее, на счет «три». Раз... Два... Три!

Фергюс держал в руке большую белую луковицу. На счет «три» он метнул ее, и она покатилась, крутясь и подпрыгивая, по неровной дорожке.

Муртаг застыл, готовый к броску, с отведенной назад рукой, зажав в пальцах кончик кинжала. Когда луковица вдруг подскочила на ухабе, он сделал резкое и быстрое движение одной лишь кистью. При этом он оставался неподвижным, разве что слегка шелохнулись складки его килта, но луковица, пронзенная кинжалом и смертельно раненная, медленно покатилась в пыли к его ногам.

— Bravo, мистер Муртаг! — крикнула Мэри, улыбаясь. Застигнутый врасплох Муртаг обернулся, его бледные щеки вспыхнули.

— М-м-м... — только и мог сказать он.

— Извините, что задержались, — оправдывалась я. — Очень много работы.

— Все в порядке, — лаконично ответил маленький клансмен. Он повернулся к Фергюсу. — Постараемся найти экипаж. Женщинам не следует ходить пешком в столь поздний час.

— Поблизости ни одного нет, — пожал плечами Фергюс. — Я почти час ходил взад-вперед по улице, все свободные экипажи в Ситэ отправились к Арсеналу. Может, удастся что-нибудь найти на улице Фобург-Сент-Оно-рэ. — Он указал на темную узкую щель между домами, служившую, по-видимому, проходом на следующую улицу. — Так будет быстрее.

Нахмурившись, Муртаг засомневался, но затем кивнул:

— Ладно, парень. Пойдем.

В переулке было холодно. Несмотря на темноту безлунной ночи, я видела, как маленькие белые облачка пара вырываются изо рта. Даже в самую темную ночь в Париже всегда откуда-нибудь пробивался свет; отсветы от ламп и свечей просачивались сквозь щели в ставнях, свет горел в палатках уличных торговцев, он струился из маленьких рожков и железных фонарей, прилаженных позади повозок и карет.

На следующей улице жили торговцы. Владельцы всевозможных лавчонок обычно вывешивали над входом фонари с железными абажурами, а для защиты собственности зачастую на паях нанимали ночных сторожей. Когда я увидела одинокую фигуру возле лавки корабельных снастей, сгорбившуюся на груде свернутых парусов, я решила, что это как раз один из таких сторожей, и кивнула в ответ на его хриплое:

— Добрый вечер, дамы и господа!

Однако едва мы миновали лавку, как раздался неожиданно тревожный вскрик сторожа:

— Месье, мадам!

Муртаг, выхватил шпагу из ножен, молниеносно принял боевую позу. Обладая не столь быстрой реакцией, я едва успела повернуть голову, как он уже сделал бросок вперед. Вдруг глаз мой уловил легкое движение в дверном проеме за его спиной. Удар настиг Муртага прежде, чем я успела крикнуть, и он распростерся ничком на мостовой, раскинув руки и ноги. Шпага и кинжал упали, звякнув о камни.

Я наклонилась за кинжалом, отскочившим прямо к моей ноге, но тут сзади кто-то схватил меня за руки.

— Займитесь этим мужчиной, — приказал голос у меня за спиной. — Живее!

Я попыталась вырваться из рук схватившего меня человека, но он сжал мне запястья и резким рывком вывернул их, так что я вскрикнула. В

темноте улицы взметнулось что-то белое, похожее на привидение, и, волоча кусок белой парусины, «сторож» подошел и склонился над неподвижным телом Муртага.

— Помогите! — пронзительно закричала я. — Не трогайте его! На помощь! Бандиты! Убийцы! На помощь!

— Заткнись! — От сильного удара в ухо у меня все так и поплыло перед глазами. Когда я пришла в себя и смогла различать предметы вокруг, я заметила в сточной канаве что-то длинное, белое, напоминавшее по форме колбасу. Это был Муртаг, туго, как в саван, завернутый в парусину.

Мнимый сторож поднялся усмехаясь, и я заметила, что он в маске — темная ткань закрывала лицо от лба до нижней губы.

Когда этот человек выпрямился, тонкая полоска света из ближайшей лавки осветила его фигуру. Несмотря на холодный вечер, на нем была только изумрудно-зеленая рубашка, цвет которой мне удалось разглядеть в мимолетном луче света. На ногах были перехваченные у колен бриджи и, что меня поразило, шелковые чулки и кожаные туфли вместо босых ног или сабо, которые я ожидала увидеть. Значит, то были не простые бандиты.

Я бросила быстрый взгляд на Мэри. Человек в маске крепко держал ее сзади, одной рукой обхватив за талию, другая его рука шарила под юбками, как роющий нору зверь.

Бандит в маске, заломивший мне руки назад, теперь схватил меня за шею и притянул к себе. Он сунул мне в рот свой пахнувший перегаром и луком язык. Я задыхнулась от отвращения, укусила его и сплюнула, едва мне удалось выпихнуть его. Тут же тяжелый удар сбил меня с ног, и я оказалась на коленях в сточной канаве.

Нога Мэри в туфельке с серебряной пряжкой едва не ударила меня в нос, когда схвативший ее негодяй бесцеремонно задрал ей юбку выше пояса. Послышался треск разрываемого шелка и громкий вскрик, — несмотря на отчаянное сопротивление Мэри, ему удалось всунуть ей пальцы между бедер.

— Девственница! Мне попалась девственница! — заорал он. Другой издевательски поклонился Мэри:

— Мадемуазель, мои поздравления! Ваш муж будет иметь все основания выразить нам благодарность в первую брачную ночь, так как не найдет никаких преград, препятствующих его удовольствию. Мы — люди самоотверженные, мы не ждем благодарностей за исполнение наших обязанностей. Исполнение долга — само по себе награда.

Его речь сопровождалась взрывами хохота, и если бы я нуждалась в других подтверждениях того факта, что наши противники не просто

уличные бандиты, кроме шелковых чулок на ногах одного из них, то эта речь служила бы таким подтверждением. Предстояло еще выяснить имена людей, скрывавшихся под масками.

Руки, схватившие меня за плечи, чтобы поставить на ноги, были наманикюрены, с маленькой родинкой на кисти между большим и указательным пальцами. Нужно это запомнить, подумала я, если мы останемся в живых, это может пригодиться.

Кто-то другой схватил меня сзади, заломив руки с такой силой, что я вскрикнула. Грудь едва не выскочила из низкого выреза платья.

Человек, который, по всей видимости, руководил «операцией», был в просторной рубашке какого-то бледного цвета с темными полосами на груди — судя по всему, это была вышивка. Она скрадывала очертания его фигуры, не давая возможности разглядеть ее как следует. Он подошел и тронул пальцем мою грудь. От темных волос исходил сильный запах помады. Уши были большие, словно для того, чтоб лучше держались завязки маски.

— Не волнуйтесь, дамы, — обратился к нам мужчина в вышитой рубашке. — Мы вам вреда не причиним. Так, всего лишь несколько приятных упражнений — ваши женихи и мужья об этом никогда не узнают, — и мы вас отпустим. Для начала, милые дамы, можете наградить нас сладким поцелуем. — Он отступил и начал развязывать тесемки своих панталон.

— Только не эта, — возразил тип в зеленой рубашке. — Она кусается.

— Не будет, если хочет сохранить зубки, — ответил его сообщник. — На колени, мадам, прошу вас. — Он с силой надавил мне на плечи. Я отпрянула.

Не давая мне убежать, он ухватил меня за плащ, стянув с головы накидку. Шпильки выскочили, волосы рассыпались по плечам. Ночной ветер взвил их, как знамя, закрывая мне лицо и ослепляя.

Я бросилась в сторону и выскользнула из рук моего преследователя, стараясь откинуть волосы с лица. На улице стояла тьма, но кое-что все же удалось разглядеть в слабом отсвете магазинных фонарей и мерцании звезд, пробивающемся сквозь ночной сумрак.

Я видела, как сверкают серебряные пряжки на туфлях Мэри, пока она отчаянно боролась с одним из нападавших, повалившим ее на спину. Он грязно ругался, пытаясь спустить с себя штаны и одновременно удерживая девушку. Послышался треск рвущейся ткани, и его белые ягодички замелькали в луче света из ворот торгового двора.

Чьи-то руки обхватили меня за талию и оттащили назад, оторвав от

земли. Я лягнула его каблуком в голень, мужчина взвыл от боли.

— Держи ее! — приказал тип в вышитой рубашке, выступая из темноты.

— Сами держите! — Все еще скуля, бандит бесцеремонно препроводил меня в руки своих сообщников. В этот момент в лицо мне ударил свет, на секунду полностью ослепив.

— Матерь Божья! — Руки, державшие меня, разжались. Освободившись, я отступила и увидела, что челюсть под маской так и отвисла от удивления, смешанного с ужасом. Он, крестясь, стал пятиться назад.

— Во имя Отца и Сына и Святого Духа! — бормотал он, продолжая креститься. — Это же Белая Дама!

— Белая Дама! — эхом откликнулись остальные, и в голосах их звучал панический страх.

«Вышитая рубашка» все еще отступала, жесты этого типа носили уже менее христианский характер и не походили на осенение себя крестом, хотя цель, очевидно, преследовали ту же. Он тыкал в меня мизинцем и указательным пальцем, расставив их наподобие рога — старинный знак защиты от дьявола, — и вспоминал всех святых подряд, от Троицы до значительно менее могущественных, так быстро бормоча латинские имена, что они сливались в сплошной поток.

Я стояла посреди улицы совершенно ошарашенная, пока новый ужасный и пронзительный крик не вернул меня к реальности. Слишком занятый своим делом, чтоб замечать, что происходит вокруг, бандит, насильовавший Мэри, удовлетворенно хмыкнул и начал ритмично двигать бедрами под аккомпанемент сдавленных криков девушки.

Я рванулась вперед, подбежала к нему, занесла ногу и изо всей силы пнула в ребра. Воздух вырвался из его легких с испуганным «уф», и он завалился на бок.

Один из сообщников метнулся к нему, схватил за руку и заорал:

— Вставай, вставай! Это Белая Дама! Бежим!

Но насильник, весь во власти обуревавших его животных инстинктов, лишь тупо пялился на приятеля и снова сделал попытку навалиться на Мэри, которая неистово крутилась и корчилась, пытаясь высвободить свои юбки.

Наконец «вышитой рубашке» и «зеленому» удалось поднять негодяя на ноги. Штаны у него были спущены, испачканный в крови член, дрожа от неудовлетворенного желания, торчал между болтающимися завязками рубашки.

Топот приближавшихся шагов наконец отрезвил его. Друзья бросили его на произвол судьбы и пустились наутек. Изрыгая проклятия, он затрусил в ближайшую подворотню, спотыкаясь и на ходу натягивая штаны.

— На помощь! На помощь! Жандармы! — донесся из подворотни испуганный голос, обладатель которого пробирался в темноте, спотыкаясь о кучи мусора. Никогда не слышала, чтобы разбойник или злодей ползал бы в подворотне, призывая жандармов на помощь, впрочем, в моем теперешнем шоковом состоянии меня уже почти ничто не могло удивить.

И все же я удивилась, когда черная тень, выбежавшая из переулка, оказалась Александром Рэндаллом. Он был в черном плаще и широкополой шляпе. Я стояла у стены, вся дрожа. Он бросил взгляд на белый куль — это был завернутый в брезент Муртаг, — затем перевел его на еле заметную тень Мэри, почти неотличимую от других теней. С минуту он стоял в нерешительности, затем встряхнулся и вскарабкался на железные ворота, из-за которых появились напавшие на нас лица, и снял фонарь, висевший на балке.

Я сразу приободрилась: фонарь давал не так много света, но по крайней мере разгонял тени, грозившие в любой момент превратиться в новую опасность.

Мэри, скорчившись, стояла на коленях. Она закрыла лицо руками, плечи ее сотрясались в беззвучных рыданиях. Одна из туфелек валялась на булыжной мостовой, серебряная пряжка блестела в неверном свете фонаря.

Словно птица, несущая дурную весть, Алекс бросился к ней:

— Мисс Хоукинс! Мэри! Мисс Хоукинс! С вами все в порядке? — Мэри застонала и отстранилась от него.

— Не задавайте дурацких вопросов, — резко заметила я. — Как она может быть в порядке, если ее только что изнасиловали?

Я с трудом оторвалась от стены, о которую опиралась, и пошла к ним, с бесстрастностью врача отметив, как подгибаются у меня колени.

Они совсем подогнулись, когда огромная, похожая на летучую мышь тень опустилась вдруг передо мной, с глухим стуком приземлившись на булыжную мостовую.

— Ну и ну! Посмотрите-ка, кто свалился! — воскликнула я и истерически рассмеялась. Пара больших сильных рук обхватила меня и хорошенько встряхнула.

— Успокойся, Саксоночка! — сказал Джейми. В свете фонаря синие глаза его казались черными и грозно сверкали. Он выпрямился, встал на цыпочки и ухватился за край крыши, с которой только что спрыгнул. Полы

синей бархатной накидки свесились на спину.

— Ну давай, спускайся! — нетерпеливо приказал он, глядя вверх. — Ставь ногу мне на плечо и вниз. — Маленькая черная фигурка съехала по его спине, точно обезьянка по шесту.

— Молодчина, Фергюс! — Джейми похлопал мальчика по плечу, и даже в темноте я различила румянец удовольствия, разлившийся по щекам ребенка. Джейми окинул поле битвы взглядом опытного стратега и послал Фергю-са в конец переулка предупредить о появлении жандармов. Приняв необходимые меры предосторожности, он снова наклонился ко мне.

— Ты в порядке, Саксоночка? — спросил он.

— Как мило, что ты об этом спрашиваешь, — светским тоном ответила я. — Да, спасибо. Хотя с ней далеко не все в порядке. — Я указала на Мэри. Она все еще сидела скорчившись и дрожала, словно осинový листик, отвергая неуклюжие попытки Алекса приободрить ее.

Джейми бросил на нее взгляд:

— Да, вижу. А где, черт побери, Муртаг?

— Там, — ответила я. — Помоги мне подняться.

Мы подошли к белому свертку, который извивался, точно бешеная гусеница, глухо изрыгая ругательства на трех языках сразу.

Джейми достал кинжал и резко, одним махом, разрезал мешок сверху донизу. Муртаг выскочил из него, словно игрушечный Джек из коробки. Волосы у него были выпачканы в какой-то зловонной жиже, в которой валялся мешок, и воинственно торчали дыбом, что в сочетании с быстро наливающимися синяками на лбу и под глазами придавало ему довольно свирепый вид.

— Кто меня ударил? — гневно спросил он.

— По крайней мере не я, — ответил Джейми, приподняв бровь. — Идем, парень, не оставаться же тут на всю ночь.

— Ничего не получится, — пробормотала я, закалывая волосы шпильками, украшенными бриллиантами. — Ей нужна медицинская помощь. Ей нужен врач!

— Он у нее есть. — Джейми поднял подбородок и посмотрел на меня, затем снова уставился в зеркало, завязывая шейный платок. — Это ты.

Наконец платок был завязан, и он взял расческу и быстро провел ею по густым рыжим волосам.

— Нет времени заплетать, — сказал он, придерживая одной рукой сзади хвост, а другой шаря в ящике. — Есть у тебя какая-нибудь лента, а, Саксоночка?

— Позволь мне. — Я встала за его спиной, собрала концы волос и

обвязала их зеленой лентой. После всех событий этой кровавой ночи — и вдруг званый обед!

И не просто званый. В качестве почетного гостя был приглашен герцог Сандрингемский с небольшой, но изысканной свитой. Месье Дюверни должен был прийти со своим старшим сыном, известным банкиром. Будут еще Луиза и Жюль де ла Тур, а также д'Арбанвилли. Но особую пикантность вечеру должно было придать присутствие графа Сент-Жермена.

— Сент-Жермен? — удивленно воскликнула я, когда Джейми сообщил мне об этом на прошлой неделе. — Это еще зачем?

— Я веду дела с этим человеком, — возразил Джейми. — Он уже приходил сюда прежде, к Джареду. Хочу понаблюдать, как он будет разговаривать с тобой за обедом. Если судить по тому, как он ведет дела, он не из тех, кто скрывает свои мысли. — Джейми взял белый кристалл, подаренный мне метром Раймоном, и задумчиво взвесил его на ладони.

— Довольно красивый... — медленно проговорил он. — Я сделал для него золотую оправу, чтобы ты могла носить на шее. Поиграй им во время обеда, пока кто-нибудь не спросит тебя об этом камне, Саксоночка, расскажи, для чего он нужен, и обязательно понаблюдай за выражением лица Сент-Жермена, когда будешь рассказывать. Если это он подсыпал тебе яду в Версале, он себя выдаст.

Сейчас мне хотелось только мира, покоя и никаких посторонних. Спрятаться, забиться в норку, как кролик. Но я должна быть на этом званом обеде с герцогом, который может оказаться якобитом или английским шпионом, с графом, который может оказаться моим отравителем. А в это время наверху, в комнате для гостей, будет скрываться жертва изнасилования. Руки у меня так дрожали, что никак не удавалось застегнуть цепочку, на которой висел кристалл в золотой оправе. Джейми подошел и защелкнул застежку одним движением пальца.

— У тебя что, нервы железные? — спросила я. Он соорудил мне гримасу в зеркале и прижал руки к животу.

— Отчего же, нервы как нервы. Только расположены в животе, а не в руках. У тебя еще есть то снадобье от колик?

— Вон там. — Я указала на аптечку, которая так и осталась на столе после того, как я взяла оттуда лекарство для Мэри. — В маленькой зеленой бутылочке. Прими одну чайную ложку.

Он обошелся без ложки. Откупорил пузырек и отпил несколько глотков, после чего стал рассматривать наполнявшую его жидкость.

— Боже, ну и гадость! Ты уже готова, Саксоночка? Гости будут с

минуты на минуту.

Мэри тем временем лежала в комнате для гостей на втором этаже. Внимательно осмотрев ее — сильных повреждений не обнаружилось, если не считать нескольких синяков и шока, — я дала ей макового сиропа, который действовал успокаивающе.

Алекс Рэндолл пресек все попытки Джейми отправить его домой и остался охранять Мэри. Я велела ему позвать меня тут же, как только она проснется.

— Каким образом этот идиот там оказался? — спросила я, шаря в тумбочке в поисках коробочки с пудрой.

— Я задавал ему этот вопрос, — ответил Джейми, — похоже, бедняга влюблен в Мэри Хоукинс. Он таскался за ней по всему городу, понурившись, как увядший цветок, он ведь знает, что она собирается замуж за Мариньи.

Я уронила пудреницу.

— Так он влюблен в нее? — выдавила я, отгоняя поднявшееся облачко пудры.

— Так он говорит, и я не вижу причин сомневаться в этом. — Джейми смахнул пудру с моего платья. — Он был совершенно подавлен, когда говорил мне об этом.

— Представляю... — К различным противоречивым чувствам, которые переполняли меня, добавилась жалость к Алексу Рэндоллу. Он наверняка даже не поговорил с Мэри, считая, что простой секретарь не может конкурировать с Гасконским Домом. И что он теперь чувствует, видя, как она стала жертвой грубого насилия почти у него на глазах?

Почему, черт побери, он не поговорил с ней? Она бы тотчас согласилась убежать с ним. Я догадалась, что английский викарий должен быть, без сомнения, тем «духовным» объектом безмолвной преданности Мэри, о котором она мне говорила.

— Рэндолл — джентльмен, — возразил Джейми, подавая мне пуховку и коробочку румян.

— Ты хочешь сказать, он глупый осел, — безжалостно констатировала я.

Джейми пожал плечами.

— Возможно, — согласился он. — К тому же он еще и беден, у него нет никаких доходов, чтобы содержать жену, если семья откажется от нее, что они, несомненно, и сделают, если она сбежит с ним. И здоровье у него слабое, да и другого места ему не найти, ведь герцог наверняка уволит его без всякой жалости.

— Кто-то из слуг может случайно наткнуться на нее. — Я сменила тему, стараясь отвлечься от недавних трагических событий.

— Нет, не наткнется. Все слуги будут заняты. А к утру ей станет лучше, и она сможет вернуться в дом своего дяди. Я послал ему записку, — добавил он, — предупредить, что племянница осталась ночевать у друзей, потому что было очень поздно возвращаться. Не хотел, чтоб они искали ее.

— Да, но...

— Саксоночка. — Не дав мне продолжить, он взял меня за плечи и заглянул в зеркало, чтоб встретиться со мной взглядом. — Ее никто не должен видеть, пока она не начнет разговаривать и вести себя как обычно. Если узнают о том, что с ней произошло, ее репутации конец.

— Ее репутации! Но разве она виновата в том, что ее изнасиловали?! — Голос у меня слегка дрожал, и Джейми еще крепче сжал мои плечи.

— Это несправедливо, Саксоночка, но так уж оно повелось на белом свете. Если станет известно, что она больше не девственница, ни один мужчина не женится на ней. Ее будут презирать, и она останется старой девой до конца своих дней. — Он снова сжал мне плечи, затем поднял руку и помог заколоть волосы шпилькой.

— Это все, что мы можем сделать для нее, Клэр, — добавил он. — Не дать причинить ей большего вреда, постараться исцелить ее... И найти того грязного подонка, который над ней надругался. Неужели, думаешь, я не понимаю, каково сейчас ей?

Я нежно сжала его пальцы. Он ответил мне столь же нежным пожатием моей руки, потом поднес ее к губам и поцеловал.

— Господи, Саксоночка! Пальцы у тебя как ледышки. — Он заглянул мне в лицо. — Ты хорошо себя чувствуешь, девочка?

Выражение моего лица заставило его снова выдохнуть: «Господи!», опуститься на колени и прижать меня к накрахмаленному жабо рубашки. Остатки мужества покинули меня, и я припала к его груди, уткнувшись в нее лицом.

— Боже мой, Джейми! Я так испугалась! Я и сейчас боюсь. Боже, как я хочу, чтоб ты взял меня прямо сейчас!..

Он засмеялся, но прижал меня к себе еще крепче:

— Ты думаешь, поможет?

— Да.

Я и в самом деле считала, что не буду чувствовать себя в безопасности, пока не окажусь с ним в постели, в тишине нашего дома, ощущая его тепло и силу рядом и внутри меня. Радость соединения вернет мне храбрость,

взаимное обладание поможет избавиться от ужасного чувства беспомощности перед насильниками.

Он держал в ладонях мое лицо и целовал, и на какое-то мгновение страх перед будущим и все кошмары прошлой ночи улетучились. Затем он отстранился и улыбнулся. Тень тревоги омрачала каждую черточку его лица, но в глазах виднелось лишь мое собственное маленькое отражение.

— Я это учту, — нежно произнес он.

Мы благополучно перешли ко второму блюду, и я почти совсем успокоилась, хотя руки, когда я пробовала консоме, все еще слегка дрожали.

— О, как увлекательно! — воскликнула я, едва молодой Дюверни закончил рассказывать какую-то историю, которой я почти не слышала, так как настороженно прислушивалась к тому, что происходит на втором этаже. — Пожалуйста, расскажите еще!

Я перехватила взгляд Магнуса. Как раз в этот момент он обслуживал графа Сент-Жермена, сидевшего напротив меня, и одобрительно улыбнулась ему, насколько это было возможно с ртом полным рыбы. Отлично вышколенный, приученный всегда улыбаться, он почтительно склонил голову и принялся обслуживать других гостей.

Я дотронулась до цепочки на шее и нарочно качнула кулон с кристаллом. Лицо графа осталось бесстрастным, он потянулся к вазочке с миндалем.

Джейми и Дюверни-старший сидели рядом на другом конце стола и были увлечены беседой. Они не обращали внимания на еду, а Джейми левой рукой выводил на клочке бумаги какие-то цифры. «Шахматы или подсчеты?» — подумала я.

Почетный гость, герцог, сидел во главе стола. Он смаковал первые блюда с наслаждением истинного француза, а сейчас был вовлечен в оживленный диалог с мадам д'Арбанвилль, которая сидела по правую руку от него. Так как герцог был в настоящее время самым влиятельным англичанином в Париже, Джейми считал, что стоит поддерживать с ним добрые отношения в надежде получить хотя бы какую-нибудь информацию, могущую навести на след отправителя музыкального послания Карлу Стюарту. Мое же внимание было направлено на господина, сидящего против герцога. На Сайласа Хоукинса.

Я так и обмерла, когда герцог, входя в гостиную, указал пальцем через плечо и спросил:

— Вы ведь знакомы с мистером Хоукинсом, миссис Фрэзер?

Маленькие веселые голубые глазки герцога встретились с моими,

выражая полную уверенность, что все его прихоти будут исполнены, и мне ничего не оставалось, как улыбнуться и кивнуть, а затем попросить Магнуса подать еще один прибор.

Джейми, заведя мистера Хоукинса в двери гостиной, скорчил такую гримасу, словно ему понадобилась новая порция желудочного лекарства, но, справившись с собой, подал гостю руку и завел разговор о достоинствах разных гостиниц по пути в Кале.

Я взглянула на часы над камином. Сколько еще ждать, пока они все уйдут? Какие блюда уже принесли и что еще осталось? Еще сладкое. Затем салат и сыр. Бренди и кофе, портвейн для мужчин, ликер для дам. Час или два оживленных разговоров. Не слишком оживленных. Боже, прошу тебя, помоги, иначе они никогда не разойдутся.

Разговор зашел о жестокостях уличных бандитов. Я отодвинула рыбу и взяла кусочек мясного рулета.

— Я слышал, что некоторые из этих банд состоят не из черни, как следовало бы ожидать, а из молодых отпрысков знати! — Генерал д'Арбанвиль скривил губы, настолько ужасающей ему показалась эта мысль.

— Они делают это из спортивного интереса — подумать только! Словно это не ограбление достойных граждан и не надругательство над женщинами, а петушинные бои!

— Просто поразительно, — изрек герцог с невозмутимостью человека, который нигде никогда не появляется без внушительного эскорта. Блюдо с закусками проплыло вблизи его подбородка, и он сгреб с полдюжины креветок к себе в тарелку.

Джейми взглянул на меня и встал из-за стола.

— Прошу вашего внимания, дамы и господа, — сказал он с поклоном. — У меня есть нечто особенное, совершенно особенный портвейн — я бы хотел, чтобы его сиятельство отведал его. Сейчас он будет доставлен прямо из погреба.

— Это, должно быть, «Бель Руж», — сказал Жюль де ла Тур, блаженно прищмокивая губами. — Вам предстоит испытать редкое удовольствие, ваше сиятельство. Я больше нигде не пробовал такого вина.

— Скоро попробуете, *monsieur le Prince*, — вмешался граф Сент-Жермен. — Даже кое-что получше.

— Не может быть ничего лучше «Бель Руж!» — воскликнул генерал д'Арбанвиль.

— Может, — самодовольно заявил граф. — Я нашел новый портвейн, изготовленный на острове Гостос, недалеко от побережья Португалии. У

него такой насыщенный рубиновый цвет и такой вкус, что «Бель Руж» в сравнении с ним покажется вам просто подкрашенной водой. Я заключил контракт на покупку всего урожая в августе.

— В самом деле, граф? — Сайлас Хоукинс поднял свои густые с проседью брови. — Значит, вам удалось найти нового партнера для инвестиций? Насколько я понял, ваши собственные ресурсы... скажем так, исчерпаны? Вследствие печальной гибели «Патагонии»... — Он взял с тарелки кусочек сыра и ловко отправил его в рот.

Граф стиснул зубы, на лице его заиграли желваки. На нашей стороне стола повеяло холодом. По тому, какой взгляд мистер Хоукинс бросил в мою сторону, и по легкой усмешке, скривившей его губы, стало ясно, что он все знает о моей роли в гибели несчастной «Патагонии».

Я снова дотронулась до кристалла на шее, но граф не смотрел на меня. Кровь бросилась ему в лицо, и он уставился на Хоукинса с откровенной враждебностью. Джейми был прав — этот человек не умел скрывать своих эмоций.

— К счастью, — сказал граф, не без труда обуздывая свой гнев, — я действительно нашел партнера, изъявившего желание финансировать эту покупку. Кстати, это земляк нашего гостеприимного хозяина. — Он сардонически кивнул в сторону дверей. Как раз в это время появился Джейми. За ним следовал Магнус с огромным графином портвейна «Бель Руж» в руках.

Хоукинс перестал жевать и открыл рот от удивления:

— Шотландец? Кто же он? Я не знал, что в Париже есть другие шотландцы, занимающиеся виноторговлей, кроме Дома Фрэзера.

Глаза графа заблестели от удовольствия. Он перевел взгляд с Хоукинса на Джейми:

— Я думаю, это спорный вопрос, можно ли моего инвестора считать шотландцем в данный момент. Так или иначе, он земляк милорда Брок Туараха. Его имя — Карл Стюарт.

Эта новость произвела эффект, на который граф и рассчитывал. Сайлас Хоукинс едва не подавился. Джейми, приготовившись что-то сказать, молча сел, задумчиво глядя на графа. Жюль де ла Тур затараторил, брызжа слюной, а вместе с ним и пораженная новостью чета д'Арбанвиллей. Даже герцог оторвал взгляд от тарелки и уставился на графа с нескрываемым интересом.

— В самом деле? — спросил он. — Насколько мне известно, Стюарт беден как церковная крыса. Вы уверены, что он не обманывает вас?

— Я не хотел бы кого-либо оклеветать или возбудить по отношению к

кому-то подозрение, — вступил в разговор Жюль де ла Тур, — но при дворе хорошо известно, что у Стюартов нет денег. Я слышал, что некоторые сторонники якобитов действительно пытались последнее время собрать какие-то средства, но безуспешно.

— Так оно и есть, — вмешался молодой Дюверни, подавшись вперед. — Карл Стюарт лично беседовал с двумя моими знакомыми банкирами, но ни один из них не захотел ссудить ему сколько-нибудь значительную сумму в его теперешних обстоятельствах.

Я быстро переглянулась с Джейми. Это были хорошие новости. Но как быть с сообщением графа об инвестировании?

— Тем не менее я говорю правду, — с воинственным видом заявил тот. — Его высочество получил заем в пятнадцать тысяч ливров в Итальянском банке и отдал всю сумму в мое распоряжение, чтобы нанять корабль и закупить вино на Гостосе. Вот здесь у меня подписанное им письмо. — Он многозначительно похлопал себя по груди, затем откинулся на спинку стула и с победоносным видом обвел взглядом всех сидящих за столом, остановив его на Джейми.

— Ну-с, милорд, — он указал на графин, который стоял на белой скатерти перед Джейми, — вы все еще собираетесь дать нам попробовать вашего знаменитого вина?

— Да, конечно, — пробормотал Джейми и механически взял бокал.

Луиза, не проронившая ни слова на протяжении всего ужина, заметила состояние Джейми. Верный друг, она повернулась ко мне, делая попытку перевести разговор на нейтральную тему.

— Какой красивый камень у вас на шее, моя дорогая, — сказала она, показывая на кристалл. — Где вы его достали?

— Ах это? — ответила я. — Это...

Вдруг раздался прерывистый стон. Его хрупкое эхо зазвенело в подвесках канделябров у нас над головами.

— Боже мой, — промолвил граф Сент-Жермен в полной тишине. — Что это?

Стон повторился снова и снова. Он доносился с лестницы.

Гости, вскочившие из-за стола, словно вспорхнувшая стая уток, бросились в холл. Там они увидели Мэри Хоукинс. В разорванной одежде, на виду у всех она стояла на верхней площадке лестницы. Как будто для пущего эффекта, она стояла с широко раскрытым ртом, скрестив руки на груди, едва прикрытой обрывками материи.

Ее расширившиеся зрачки при свете канделябров казались скованными ужасом озерами. Она смотрела вниз, но не видела ни ступеней,

ни стоящих в холле людей.

— Нет! — закричала она. — Нет! Пустите меня! Пожалуйста, прошу вас! Не трогайте меня!

Ослепленная наркотическим лекарством, она, видимо, почувствовала какое-то движение сзади, потому что быстро обернулась и стала колотить по рукам Алекса Рэндолла, пытавшегося успокоить ее.

К несчастью, снизу его попытки выглядели скорее как продолжение атаки отвергнутого соблазнителя.

— Во имя Господа Бога! — гневно закричал генерал Д'Арбанвилль. — Мерзавец! Немедленно отпустите ее!

Старый солдат взбежал по ступенькам вверх, забыв свой возраст, хватаясь на ходу за шпагу, которую он, к счастью, оставил в прихожей.

Я преградила своими юбками путь графу и молодому Дюверни, которые имели намерение последовать за генералом, но ничего не могла поделать с дядей Мэри, Сайласом Хоукинсом. С выкатившимися из орбит глазами, виноторговец минуту стоял неподвижно, затем, наклонив голову, медленно, как разъяренный бык, пошел вперед, расталкивая других.

Взглядом, полным отчаяния, я отыскала Джейми и подняла брови в немом вопросе. Он кивнул мне, затем огляделся. На секунду его взгляд остановился на маленьком столике у стены. На нем стояла ваза с хризантемами. Джейми прикинул расстояние, на мгновение закрыл глаза, как бы полагаясь на милость Божью, и прыгнул.

Вскочив на столик, он ухватился за перила, перевалился через них и очутился на лестнице, на метр опередив генерала. Это был истинно акробатический трюк. Несколько дам вскрикнули не то от ужаса, не то от восхищения.

Когда Джейми одним махом преодолел последние ступеньки, ропот внизу усилился. Он встал между Мэри и Алексом, взял Алекса за плечо, хорошенько примерился и нанес ему увесистый удар в челюсть.

Юноша, удивленно взиравший на герцога, стоявшего в толпе внизу, медленно опустился на колени и рухнул на пол. Глаза его все еще были широко открыты, но неожиданно стали пустыми и бессмысленными, как у Мэри.

Глава 19

КЛЯТВА ПРИНЕСЕНА

Часы на камине громко и раздражающе тикали. Это был единственный звук в доме, не считая скрипа половиц и шарканья ног где-то далеко внизу в служебных помещениях. С меня достаточно было сегодня шума. Мне хотелось тишины, чтобы успокоить натянутые до предела нервы. Я открыла дверцу часов, вынула гири, и тиканье сразу прекратилось.

Вечер, несомненно, стал гвоздем сезона. Те, кому не удалось присутствовать на нем, еще долго будут сожалеть об этом. Им оставалось лишь удовлетворять свое любопытство, слушая сплетни и разноречивые описания.

Мне наконец удалось влить в рот Мэри еще одну довольно большую дозу макового сиропа. Она забылась в жалких, окровавленных обрывках своей одежды, предоставив мне наконец возможность услышать, о чем говорят Джейми, генерал и мистер Хоукинс.

Алексу хватило благоразумия оставаться без сознания, и я уложила его на полу возле Мэри. Они лежали рядом, как пара мертвых макрелей, и напоминали Ромео и Джульетту, тоже некогда лежавших у всех на виду и являвших собой укор родственникам. Эту иллюзию разрушил мистер Хоукинс.

— Она погибла! — вскричал он. — Вы погубили мою племянницу! Виконт теперь ни за что не женится на ней! Грязный шотландец! И твоя проститутка. — Он указал на меня. — Шлюха! Сводница! Заманили невинную девушку в свое логово, чтобы удовлетворить похоть какого-то мерзавца! Да вы просто...

Долго сдерживающий себя Джейми взял мистера Хоукинса за плечо, повернул его лицом к себе и ударил прямо в мясистую челюсть. И теперь стоял, задумчиво потирая кисть, глядя, как закатываются глаза толстого виноторговца. Мистер Хоукинс отлетел к стене и медленно сполз по ней на пол.

Джейми направил холодный взгляд синих глаз на генерала д'Арбанвилля. Тот, увидав, какая судьба постигла Хоукинса, благоразумно опустил винную бутылку, которой было замахнулся, и отступил назад.

— Ну, давайте, продолжайте! — раздался голос за моей спиной. — Почему вы остановились, Туарах? Бейте всех троих! Громите всех! — И генерал, и Джейми, оба с неприязнью посмотрели на говорившего.

— Убирайтесь, Сент-Жермен, — сказал Джейми. — Это не ваше дело. — Его голос звучал спокойно, но громко. Он говорил так, чтобы слышали все стоящие и внизу и наверху. В плечах его камзол лопнул по швам, и сквозь Дыры виднелась белая льняная рубашка.

Сент-Жермен скривил губы в вежливой усмешке. Ему нравилось быть в центре внимания.

— Не мое дело? Как подобные происшествия могут не быть делом любого общественно мыслящего человека? — Его довольный взгляд скользнул по толпе, стоявшей внизу. — В конце концов, если гость его величества имеет такое превратное представление о гостеприимстве, что устраивает бордель в своем доме, разве это не... Нет! Вы этого не сделаете! — закричал он, едва Джейми сделал шаг в его сторону.

Неожиданно в руке графа блеснул клинок, как по волшебству появившийся из накрахмаленных манжет рубашки. Я увидела, как у Джейми сжались губы, напряглись и поднялись плечи под разорванной одеждой — он был готов к бою.

— Сейчас же прекратите! — раздался властный окрик, и оба Дюверни, старший и младший, стали проталкиваться на лестничную площадку. Молодой Дюверни повернулся, чтобы люди на лестнице могли его слышать.

— Вы! — обратился Дюверни-старший к Сент-Жермену. — Если вы хоть немного общественно мыслящий человек, как вы утверждаете, лучше займитесь делом и постарайтесь сделать так, чтобы толпа внизу разошлась.

С минуту Сент-Жермен и банкир сверлили друг друга взглядом, затем смелость Сент-Жермена куда-то улетучилась. Он молча повернулся и пошел вниз, расталкивая всех и призывая разойтись.

Несмотря на все усилия, гости, привлеченные скандалом, разошлись, только когда явились королевские гвардейцы.

Очнувшийся к этому времени мистер Хоукинс выдвинул против Джейми сразу два обвинения: в похищении его племянницы и сводничестве. Какой-то момент мне казалось, что Джейми снова ударит его. Мышцы под тонким бархатом камзола напряглись, но, поразмыслив, он не стал этого делать.

После долгих объяснений Джейми дал согласие ехать в управление охраны, которое находилось в Бастилии, видимо, чтобы самому дать там объяснения по поводу того, что произошло у него в доме.

Алекса Рэндолла, бледного, обессиленного и абсолютно не понимавшего, что происходит, тоже увели. Герцог этого не видел, он поспешно сел в свою карету и уехал еще до появления гвардейцев. Какова

бы ни была его дипломатическая миссия, причастность к скандалу могла только навредить.

Бедную Мэри Хоукинс, которая все еще была без сознания, завернули в одеяло и увезли в дом ее дяди.

Меня тоже хотели забрать в управление, но Джейми решительно воспротивился, и, учитывая мое положение, меня оставили дома. Видя, что Джейми настроен серьезно и вот-вот опять пустит в ход кулаки, гвардейский капитан отступился, но с условием, что я не уеду из города. Хотя в идее покинуть Париж были свои привлекательные стороны, я все равно не смогла бы уехать без Джейми и без колебаний дала слово чести.

Пока гости толпились в прихожей, разыскивая свои шляпы и плащи, Муртаг стоял у дверей. На его лице была написана решимость. Определенно, он собирался следовать за Джейми всюду, куда бы ни пришлось. И я облегченно вздохнула. Мой муж по крайней мере не будет один. А он наклонился и шепнул мне на ухо:

— Не волнуйся, Саксоночка, я скоро вернусь. Если что-нибудь случится... — Мгновение он колебался, а затем твердо сказал: — Нет, в этом не будет необходимости, но если тебе понадобится друг, иди к Луизе де ла Тур.

— Хорошо. — У нас хватило времени лишь обменяться поцелуем, и его увели.

Двери были открыты настежь, и я увидела, как Джейми оглянулся, перехватил взгляд Муртага и сделал ему знак. Муртаг, держась за пояс, на котором висела шпага, стал протискиваться к Джейми, толкнув молодого Дюверни так, что тот едва не упал на мостовую. Последовала короткая, безмолвная дуэль взглядов. Джейми пожал плечами и развел руками, не сумев переубедить Муртага.

Джейми вышел на улицу, не обращая внимания на гвардейцев, следующих за ним по пятам, но у двери заметил маленькую фигурку Фергюса и остановился, чтобы что-то сказать. Расправив плечи, он обернулся и послал мне улыбку, которую я явственно различила в свете фонарей. Затем, кивнув старшему месье Дюверни, сел в ожидавшую его карету и уехал. Муртаг успел вскочить на запятки экипажа.

Фергюс стоял на улице, провожая глазами карету, пока она не скрылась из виду. Затем, поднявшись по ступенькам, взял меня за руку и повел за собой:

— Идемте, миледи. Милорд велел, чтобы я о вас позаботился, пока он не вернется.

Фергюс скользнул в гостиную, бесшумно закрыв за собой дверь.

— Я обошел дом, миледи, — сказал он шепотом. — Все закрыто. — Он так старался подражать интонациями Джейми, что я, несмотря на волнение, улыбнулась. Его кумир возложил на него ответственность, и он совершенно серьезно будет выполнять свои обязанности.

Проводив меня в гостиную, Фергюс решил обойти вокруг дома, как это всегда делал по вечерам Джейми, проверить, хорошо ли закрыты двери и ставни, погашены ли камины. Одна щека у него была выпачкана в саже. Он потер пальцем глаз, и тот теперь белел на темном фоне, как у маленького енота.

— Вам нужно отдохнуть, миледи, — сказал он. — Не волнуйтесь, я буду рядом.

Я не засмеялась, только улыбнулась ему:

— Не смогу я уснуть, Фергюс. Немного посижу здесь. Тебе, наверное, лучше все-таки пойти поспать. У тебя был трудный день.

Нелегко было отослать его спать, не ущемляя чувства его ответственности за дом. Но видно было, что он еле держится на ногах. Маленькие худые плечи ссутулились, а круги под глазами были темнее, чем сажа на лице.

Он непрестанно зевал, но все-таки отказался:

— Нет, миледи. Я останусь с вами... Если вы не возражаете, — добавил он поспешно.

— Не возражаю.

Он слишком устал, чтобы разговаривать или шалить в своей обычной манере, и его сонное присутствие в комнате успокаивало, словно присутствие кошки или собаки.

Я сидела, глядя на тлеющие угли, и старалась достичь хоть какого-то душевного равновесия. Пыталась представить себе тихие озера, лесные просеки, даже тишину и полумрак церкви в аббатстве — ничего не помогало. Все эти мирные образы затмевали события сегодняшнего вечера. Перед глазами стояли грубые руки и ухмыляющиеся рты, темнота, наполненная страхом, белое, искаженное лицо Мэри, такое же — у Алекса Рэндолла, ненависть в свинячьих глазках мистера Хоукинса, подозрение на лицах генерала и Дюверни, злоба, которой так и веяло от Сент-Жермена, его нездоровая радость от участия в скандале. И в довершение всего — улыбка Джейми. Какая-то неуверенность чувствовалась в ней в мерцающем свете фонарей.

Что, если он не вернется? Вот мысль, которую я старалась отогнать от себя с той минуты, как его увели. Что, если он не сможет оправдаться и снять с себя обвинения? А если судья один из тех, кто с подозрением

относится к иностранцам — я имею в виду, с большим подозрением, чем обычно? — тогда Джейми запросто смогут упрятать в тюрьму на неопределенный срок. И хуже опасений, что эти непредвиденные обстоятельства способны свести на нет всю проделанную за последние несколько недель работу, была мысль о том, что Джейми может оказаться в камере, подобной той, в которой я нашла его в Уэнтвортской тюрьме. В свете последних событий новость о том, что Карл Стюарт вкладывает деньги в виноторговлю, казалась малозначительной.

Сейчас, в одиночестве, у меня было достаточно времени для раздумий, но на многие вопросы я не могла найти ответа. Кем или чем была La Dame Blanche? Что за Белая Дама и почему одно упоминание о ней обратило нападавших в бегство?

Перебирая в памяти события этого вечера, я вспомнила рассказ генерала о бандах преступников, орудующих на улицах Парижа. О том, что в этих бандах есть молодые люди из высшего общества. На эту мысль наводили и речь и одежда главаря бандитов, которые напали на нас с Мэри, хотя его сообщники выглядели намного проще. Я старалась определить, не напоминает ли этот человек кого-нибудь из знакомых, но воспоминания были неясными, темнота и состояние шока делали их расплывчатыми.

В общих чертах он чем-то напоминал Сент-Жермена, хотя голос явно был не его. Однако, если это был Сент-Жермен, он мог изменить свой голос так же, как и замаскировать лицо. В то же время с трудом верилось, что граф мог принять участие в таком нападении, а затем, двумя часами позже, спокойно сидеть напротив меня и есть суп.

Я сжала виски. До утра ничего нельзя было сделать. Если утро наступит, а Джейми не вернется, я обойду друзей и знакомых. Кто-нибудь из них может знать новости или предложит помощь. Но сейчас, ночью, я бессильна, словно стрекоза, замурованная в янтаре.

Мои пальцы теребили одну из шпилек в волосах. Я нетерпеливо дернула ее и укололась:

— Ох!

— Сейчас, миледи. Я достану ее.

Я не слышала, как он подошел сзади, но почувствовала, как маленькие, проворные пальцы Фергюса коснулись моих волос. Он вытащил шпильку, украшенную орнаментом, и положил ее на столик. Затем, помявшись, спросил:

— А другие вынуть, миледи?

— Спасибо, Фергюс, если тебе не трудно.

Он легко и уверенно вытаскивал шпильки, и густые локоны падали

мне на плечи. Понемногу я успокаивалась.

— Вы волнуетесь, миледи? — спросил тонкий, ласковый голосок за моей спиной.

— Да, — ответила я, слишком устав, чтобы храбриться.

— Я тоже, — просто сказал он.

Последняя шпилька оказалась на столе, и я откинулась на спинку стула, закрыв глаза. Тут снова почувствовала, как кто-то касается моих волос, и поняла, что Фергюс расчесывает их, аккуратно расправляя локоны.

— Вы позволите, миледи? — спросил он, почувствовав, что я напряглась. — Женщинам это обычно помогает, если они волнуются или расстроены.

Я снова расслабилась и закрыла глаза.

— Позволю, — сказала я. — Спасибо. — Потом вдруг спросила: — Каким женщинам, Фергюс?

Последовало минутное колебание, будто потревожили паука, плетущего сеть, затем он снова осторожно начал перебирать пряди волос.

— Это там, где я когда-то жил, миледи. Я не мог выходить, пока там клиенты, но мадам Элиза разрешала мне спать в чулане под лестницей, если я буду вести себя тихо. К утру, когда все мужчины расходились, я вылезал оттуда, и женщины иногда давали мне что-нибудь поесть, а я помогал им: застегивал белье — они говорили, что я лучше всех это делаю. — В голосе его звучала гордость. — Ну и волосы им расчесывал, когда просили.

— М-м... — Легкий, равномерный звук расчески гипнотизировал. Часы стояли, времени я не знала. Но тишина за окном свидетельствовала о том, что действительно было очень поздно.

— Как ты попал к мадам Элизе, Фергюс? — спросила я, с трудом подавляя зевок.

— Я там родился, миледи, — ответил он.

Расческа стала двигаться медленнее, и его голос сделался грустным.

— Я всегда хотел узнать, кто из женщин моя мама, но так и не узнал.

Дверь в гостиную распахнулась, и я очнулась от сна. В сером утреннем свете стоял Джейми, бледный, с покрасневшими от усталости глазами, но с улыбкой на лице.

— Я боялась, что ты не вернешься, — прошептала я, сжимая его в объятиях. Его волосы пахли дымом и свечным жиром, одежда была в беспорядке. Но он был такой теплый и надежный, что мне стало безразлично, чем пахнет голова, которую я прижимала к груди.

— Я тоже боялся, — сказал он приглушенным голосом. Я

почувствовала, что он улыбается. Его руки еще крепче сжали мою талию, затем разжались. Он слегка отстранился, чтобы рассмотреть мое лицо, и убрал волосы у меня со лба.

— Боже, какая ты красивая, — тихо сказал он. — Усталая и невыспавшаяся, с распущенными волосами. Милая моя. Ты просидела здесь всю ночь?

— Я была не одна. — Я кивнула на Фергюса, который спал на ковре у моих ног, свернувшись калачиком и подложив под голову диванную подушечку. Он пошевелился во сне. Розовые, пухлые губы приоткрылись, как у ребенка. Он, в сущности, и был еще ребенком.

Джейми положил свою большую руку ему на плечо.

— Молодец, парнишка. Ты хорошо защищал свою госпожу. — Он поднял мальчика на руки. — Ты хороший парень, Фергюс, и ты заслужил отдых. Я отнесу тебя в кровать.

Глаза Фергюса удивленно открылись. Затем он кивнул Джейми и, успокоившись, опять закрыл их.

Когда Джейми вернулся в гостиную, я уже успела раздвинуть занавески и разжечь огонь в камине. Он сбросил рваный плащ. На нем все еще был вчерашний вечерний костюм.

— Возьми. — Я подала ему бокал вина, и он стоя выпил его в три глотка. Затем опустил на маленький диван и протянул мне пустой бокал.

— Не налью ни капли, пока не расскажешь, что происходит. Ты не в тюрьме — я могла бы предположить, что все в порядке, но...

— Не все в порядке, Саксоночка, — прервал он меня. — Но могло быть и хуже.

Выслушав мнения за и против, большая часть которых состояла из повторения мистером Хоукинсом своих первоначальных впечатлений, судья, которого вытащили по такому случаю из теплой постели председательствовать на этом процессе, с раздражением вынес следующее постановление. В связи с тем, что Алекс Рэндолл является одним из обвиняемых, он не может рассматриваться как непредвзятый свидетель. То же самое можно сказать и обо мне, как о жене и возможной сообщнице другого обвиняемого. Муртаг, по его собственным показаниям, был в бесчувственном состоянии во время нападения, а ребенок Клодель не мог быть признан в качестве свидетеля ввиду его малолетства.

Таким образом, заключил судья, устремив злобный взгляд на гвардейского капитана, единственной персоной, способной пролить свет на происшествие, является Мэри Хоукинс, которая в настоящее время, ввиду своего состояния, не может этого сделать. Следовательно, все обвиняемые

должны быть отправлены в Бастилию и оставаться там до той поры, когда можно будет взять показания у мадемуазель Хоукинс. Месье капитан мог бы догадаться об этом и сам.

— Тогда почему же ты не в Бастилии? — спросила я.

— Месье Дюверен-старший поручился за меня, — ответил Джейми, притягивая меня к себе. — Во время всего представления он сидел в углу, ощетинившись как еж. После того как судья вынес решение, он встал и заявил, что ему довелось несколько раз играть со мной в шахматы и он считает невероятным мое участие в таком бесчестном деянии. — Джейми прервал свой рассказ и пожал плечами. — Ну, ты знаешь, как он бывает красноречив. Его идея состояла в том, что человек, который может обыграть его в шахматы шесть раз из семи, не станет заманивать девушек в свой дом и бесчестить их.

— Очень логично, — заметила я. — Думаю, на самом деле он опасался, что, если тебя упекут в тюрьму, ты больше не сможешь играть с ним в шахматы.

— Наверное, так оно и есть, — согласился Джейми. Потом потянулся, зевнул и, с улыбкой глядя на меня, добавил: — Как бы то ни было, а я дома, и меня не так уж волнует, почему это стало возможным. Иди ко мне, Саксоночка.

Он усадил меня к себе на колени и удовлетворенно вздохнул.

— Знаешь, чего мне хочется? — прошептал он мне на ухо. — Сбросить эту грязную одежду и улечься с тобой на коврик перед камином. Положить голову тебе на плечо и спать так до утра.

— Рисуем помешать слугам, — заметила я. — Им придется мести вокруг нас.

— К черту слуг, — сказал он умиротворенно. — Для чего существуют двери?

— Конечно, для того, чтобы в них стучать, — ответила я, так как именно в этот момент раздался легкий стук.

Джейми помедлил, уткнувшись лицом в мои волосы, затем вздохнул, поднял голову и посадил меня на диван рядом с собой.

— Всего на полминуты, — пообещал он мне, понизив голос, затем крикнул: — Войдите!

Дверь отворилась, и в комнату вошел Муртаг. Я хорошо помнила, какой жалкий вид был у него прошлой ночью, и теперь подумала, что выглядит он, пожалуй, еще хуже.

Он, как и Джейми, провел бессонную ночь. Подбитый глаз совсем затек. Второй глаз потемнел и приобрел цвет подгнившего банана. Над

бровью красовалась пурпурная шишка величиной с гусиное яйцо с кровавой коркой посередине. Это был след от удара по голове.

Маленький клансмен произнес едва ли несколько слов с тех пор, как его освободили из парусинового свертка прошлой ночью. Коротко осведомившись у Фергюса, где его кинжал и шпага — Фергюс, обладая нюхом ищейки, тут же нашел их за кучей мусора, — Муртаг угрюмо молчал всю обратную дорогу, пока мы поспешно шагали по мрачным парижским улицам. А дома достаточно было одного взгляда его здорового глаза, чтобы предупредить все вопросы слуг.

Я надеялась, что в суде он постарается защитить своего хозяина, хотя понимала, что на месте французского судьи вряд ли прислушалась бы к его словам. Сейчас он молчал, как химеры на соборе Парижской Богоматери, одну из которых он, кстати, удивительно напоминал.

Как бы ужасно ни выглядел Муртаг, он, казалось, никогда не терял чувства собственного достоинства. Не потерял он его и сейчас. Выпрямившись, словно аршин проглотил, он прошел по ковру и преклонил колено перед Джейми. Последнего этот жест привел в некоторое замешательство.

Невысокий и жилистый, Муртаг отстегнул от пояса свою шпагу и, выдвинув ее наполовину из ножен, протянул Джейми. Сделал он это просто, без рисовки, но явно с чувством облегчения. Изуродованное лицо было бесстрастно, единственный глаз смотрел не мигая прямо на Джейми.

— Я предал тебя, — тихо произнес он. — И я прошу тебя, как своего господина, возьми мою жизнь, потому что я не могу больше жить с таким позором.

Джейми подался вперед и, забыв об усталости, внимательно смотрел на своего слугу. С минуту молчал, положив руку на колено. Затем встал и осторожно опустил ладонь Муртагу на голову.

— Потерпеть поражение в битве — это не позор, друг мой, — мягко возразил Джейми. — Самые великие воины могут быть побеждены.

— Нет, — покачал головой маленький шотландец, — меня победили не в битве. Ты мне доверился. Доверил охранять твою жену и неродившегося ребенка, а также юную английскую девушку. И я так плохо выполнил это поручение, что не смог нанести удара, когда пришла опасность. Честно говоря, я даже не видел руки, которая сбила меня с ног.

— Послушай, — начал Джейми. Но Муртаг не дал ему досказать.

— И вот что из этого вышло. — Никогда раньше, за все время, что знала его, я не слышала, чтобы он был так многословен. — Твое доброе имя запятнано, на твою жену напали, а юная леди... — Его тонкие губы на

мгновение сомкнулись, к горлу подкатил комок. — Я не нахожу себе места от горя.

— Да... — тихо заговорил Джейми, кивая. — Да, я это понимаю и сам испытываю то же самое.

Он приложил руку к сердцу. Мужчинам явно надо было остаться наедине. Они стояли склонившись друг к другу. Я сидела опустив руки на колени, не говорила ни слова и не двигалась. Я не хотела вмешиваться.

— Но я не твой господин, — снова заговорил Джейми. — Ты не давал мне клятвы, и у меня нет власти над тобой.

— Нет, она у тебя есть... — В голосе Муртага звучала твердость. Полуобнаженная шпага в его руках даже не дрогнула.

— Но...

— Я дал тебе клятву, Джейми Фрэзер, когда тебе не было еще и недели от роду. Когда твоя мать еще держала тебя у груди.

Глаза Джейми широко открылись, и в них мелькнуло удивление.

— Я склонялся к ногам Эллен, как склоняюсь теперь к твоим. — Маленький шотландец гордо поднял подбородок. — Я поклялся ей именем триединого Бога, что последую за тобой повсюду, буду выполнять твои приказания и охранять тебя, когда ты станешь взрослым. — Его голос дрогнул, и веко закрыло единственный здоровый глаз. — Я заботился о тебе как о собственном сыне, и вот я предал тебя.

— Ты никогда меня не предавал и не мог сделать этого. — Джейми положил руки Муртагу на плечи. — Послушай, я не хочу лишать тебя жизни, потому что ты все еще нужен мне. Но я возьму с тебя еще одну клятву, и ты исполнишь ее.

Какое-то время Муртаг колебался, затем молча кивнул.

Джейми еще больше понизил голос, но не до шепота. Сложив вместе три средних пальца правой руки, он прижал их к эфесу шпаги.

— Я поручаю тебе, во исполнение клятвы, данной мне и моей матери, найти этих людей. Выследи их и, когда найдешь, отомсти за честь моей жены и за поруганную невинность Мэри Хоукинс.

Он замолчал, затем убрал руку со шпаги. Шотландец поднял ее, держа прямо за лезвие. Внезапно, заметив мое присутствие, он поклонился и произнес:

— Как сказал господин, я так и сделаю. Я отомщу за вас.

Я провела языком по пересохшим губам, не зная, что сказать. Ответ, похоже, был не нужен. Муртаг поднес шпагу к губам и поцеловал ее. Затем решительно выпрямился и вложил ее в ножны.

Глава 20

БЕЛАЯ ДАМА

Пока мы переодевались, уже совсем рассвело. Из кухни принесли завтрак.

— Хотелось бы знать, — сказала я, наливая в чашку шоколад, — кто такая, черт побери, эта Белая Дама? — Белая Дама? — Магнус, склонившийся за моим плечом с корзинкой горячего хлеба, выпрямился так резко, что одна булочка выпала из корзины. Я подняла ее и оглянулась на дворецкого. Он выглядел потрясенным.

— Да, именно, — сказала я. — Вы слышали это имя, Магнус?

— Да, миледи, — ответил старик. — Белая Дама — это колдунья.

— Колдунья? — удивленно переспросила я.

Магнус пожал плечами, не глядя на меня, и с преувеличенным старанием стал накрывать булочки салфеткой.

— Белая Дама, — пробормотал он, — говорят, она мудрая женщина, целительница. А еще... ее взгляд пронзает человека насквозь и может испепелить его душу, если увидит в ней дьявола. — Он затряс головой, повернулся и поспешно удалился в кухню. Я видела со спины, как подпрыгивает его локоть. Очевидно, он крестился на ходу.

— Господи Иисусе. — Я повернулась к Джейми. — Ты когда-нибудь слышал о Белой Даме?

— Кто, я? Слышал там разные истории. — Джейми склонился над чашкой с шоколадом. Его глаза были прикрыты густыми ресницами, но слишком яркий румянец на щеках был вызван явно не горячим паром из чашки.

Я откинулась на спинку стула, скрестила на груди руки и внимательно посмотрела на него:

— Ах, так слышал? И не удивишься, если узнаешь, что бандиты, которые напали на нас с Мэри прошлой ночью, называли меня Белой Дамой?

— Правда? — Он встревоженно посмотрел на меня.

Я кивнула:

— Они только глянули на-меня при свете, закричали:..»Белая Дама!..» — и бросились врассыпную, как от чумы.

Джейми перевел дыхание. Краска сошла с его лица, и оно стало белым, как тарелка китайского фарфора на столе перед ним.

— Боже милостивый, — забормотал он себе под нос. — Боже... милостивый...

Я перегнулась через стол и взяла чашку у него из рук.

— Расскажи мне, пожалуйста, что ты знаешь о Белой Даме, — попросила я.

— Ну... — Какое-то время он колебался, затем поднял на меня робкий взгляд. — Просто я как-то сказал Гленгэрри, что ты Белая Дама.

— Что ты сказал Гленгэрри? — Я поперхнулась кусочком булки, который только что откусила.

Джейми похлопал меня по спине.

— Ну, это были Гленгэрри и Кастеллоти... Что было, то было, — оправдывался он. — Я имею в виду, что они не ограничиваются только игрой в карты и в кости. Они находили забавным, что я сохраняю верность жене. Они говорили... Ну, они много чего говорили, и я... мне это надоело. — Он смотрел в сторону. Кончики его ушей горели.

— М-м... — Я отпила чаю. Я знала, как хорошо у Кастеллоти подвешен язык. Представляю, как они довели Джейми.

Он осушил свою чашку одним глотком и принялся внимательно рассматривать ее, избегая встречаться со мной взглядом.

— Не мог же я просто уйти от них, — сказал он. — Мне нужно было весь вечер оставаться с его высочеством. Я не мог допустить, чтобы он думал, что я не настоящий мужчина.

— Так ты сказал им, что я Белая Дама? — Я едва не прыснула со смеху. — И, если ты будешь развлекаться с другими женщинами, я сделаю так, что все твои мужские достоинства отсохнут?

— Примерно так...

— Боже мой, и они поверили в это? — Я старалась сдержаться, но чувствовала, что лицо мое горит не меньше, чем у Джейми. Уголок его рта дрогнул.

— Я это сказал очень убедительно, поклялся жизнями их матерей.

— А сколько вы все перед этим выпили?

— О, довольно много. Я продержался до четвертой бутылки.

Я не выдержала и захохотала.

— О, Джейми! Ты мой дорогой! — Я перегнулась через стол и поцеловала его в щеку.

— Ты знаешь, — смущенно сказал он, намазывая маслом кусок хлеба, — это было первое, что пришло в гоЛо-ву. И они перестали подсовывать мне проституток.

— Хорошо. — Я взяла бутерброд у него из рук, намазала его медом и

вернула. — Я никак не могу тебя осуждать, — заключила я, — так как в дополнение к твоей верности эта выдумка, похоже, спасла меня от изнасилования.

— Слава Богу. — И он взял меня за руку. — Если бы что-нибудь с тобой случилось, Саксоночка, я бы...

— Да, — перебила я его, — но если человек, который на нас напал, знал, что я — Белая Дама...

— Да, Саксоночка. — Он кивнул. — Это никак не могли быть ни Гленгэрри, ни Кастеллоти, потому что они находились со мной в доме, когда на вас напали и Фергюс прибежал за помощью. Но это должен быть кто-то, кому они рассказали.

Я не смогла сдержать дрожь, вспомнив человека в маске и его издевательский голос. Джейми со вздохом выпустил мою руку.

— Это значит, что мне необходимо пойти к Гленгэрри и узнать, скольких людей он посвятил в тайны моей супружеской жизни. — Он досадливо провел по волосам. — А затем я должен связаться с его высочеством и узнать, что, черт побери, это за соглашение с графом Сент-Жер-меном.

— Я тоже так думаю, — задумчиво проговорила я. — Хотя Гленгэрри такой человек, что об этом наверняка знает уже половина Парижа. Мне тоже надо кое-кого повидать сегодня.

— Да? И кого же ты собираешься повидать, Саксоночка? — спросил он, сузив глаза.

Я глубоко вздохнула, собираясь с духом, — очень уж сложна была задача, которую я перед собою поставила.

— Во-первых, метра Раймона, а во-вторых, Мэри Хоукинс.

— Может быть, лаванда подойдет? — Раймон поднялся на цыпочки, чтобы достать баночку с полки. — Принимать не надо, запах действует успокаивающе, успокаивает нервы.

— Зависит от того, чьи это нервы, — возразила я, вспомнив, как реагирует Джейми на запах лаванды — любимый запах Джека Рэндолла. Действие этой травы на Джейми никак нельзя назвать успокаивающим. — Однако в данном случае может помочь. По крайней мере вреда не принесет.

— Не принесет вреда... — задумчиво повторил он мои слова. — Очень разумный принцип.

— Это первые строки Клятвы Гиппократы, — сказала я, наблюдая, как он роется в ящиках и корзинках. — Клятвы, которую дают врачи: «Главное — не навреди».

— Да? И вы давали такую клятву, мадонна? — Его лягушачьи глазки

сверкнули поверх высокого прилавка.

Мои щеки вспыхнули под этим немигающим взглядом.

— В общем-то нет. Я не настоящий врач. Пока еще нет. — Я не могла объяснить, почему я добавила это «пока».

— Нет? Однако вы хотите сделать то, что «настоящий» врач никогда бы и не пытался, зная, что вернуть утраченную девственность невозможно. — Он не скрывал иронии.

— Вы так думаете? — сухо возразила я. Фергюс успел мне кое-что рассказать о том, что творится в доме у мадам Элизы. — А как же быть с мочевыми пузырями, наполненными куриной кровью, а? Или вы считаете, что такие вещи в компетенции аптекаря, а не врача?

Тяжелая складка на его безбровом лице поползла вверх, это означало, что сентенция моя его позабавила.

— А кому от этого плохо, мадонна? Ясное дело, не продавцу. Да и не покупателю — он получит за свои деньги больше удовольствия, чем реального товара. Даже сама девственность не пострадает! Вполне морально и в духе Гиппократов, в таком деле любому врачу будет приятно принять участие.

Я рассмеялась:

— Думаю, вы знаете довольно много таких врачей. Я подниму этот вопрос на следующем медицинском совете. Однако оставим в стороне чудеса. Что можно сделать в данном конкретном случае?

Он достал прозрачную коробочку и положил в нее горсть хорошо высушенных измельченных листьев. От маленькой кучки серо-зеленых травинков распространился острый приятный запах.

— Это сарацинский рецепт. Помогает при кожном зуде, плохо заживающих ранах и применяется для лечения половых органов. Пригодится, я думаю!

— Да. В виде настоя или отвара?

— Настоя. В теплом виде. — Он повернулся к другой полке и достал одну из больших белых фарфоровых банок. На ней была надпись: «Челидониум». — А это снотворное, — объяснил он. Тонкие губы растянулись в улыбке. — Я думаю, настойку опиумного мака лучше не применять. На этого пациента она оказывает непредсказуемое действие.

— Уже слышали? — вздохнула я, хотя надежды на то, что слухи до него не дойдут, было мало. Я знала, что, кроме всего прочего, он торговал информацией и его маленькая лавка была местом, куда стекались слухи из дюжины источников — от уличных продавцов до придворных из королевских покоев.

— Из трех независимых источников, — ответил Раймон. Он выглянул в окно, вытянув шею, чтобы увидеть огромные часы на стене соседнего здания. — Почти два. Думаю, до наступления темноты я услышу еще несколько версий о событиях в вашем доме. — Он приоткрыл свой большой бесформенный рот и захихикал. — Особенно мне понравилась версия, по которой ваш муж вызвал генерала д'Арбанвилля на дуэль, пока вы деловито предлагали графу насладиться бесчувственным телом девушки в обмен на отказ от намерения вызвать королевских гвардейцев.

— М-м-м... — Я невольно скопировала шотландскую манеру. — А вы не хотите узнать, что произошло на самом деле?

Маковая настойка, которую он наливал в пузырек, заискрилась в солнечных лучах, подобно светлому янтарю.

— Правда всегда полезна, мадонна, — ответил он, уставившись на тонкую струйку настойки. — Она ценна, потому что редка. — Он поставил фарфоровую банку на прилавок с легким стуком. — В обмен на нее можно со многим расстаться, — добавил он.

Деньги за купленные мной лекарства лежали на прилавке. Монеты блеснули на солнце. Я пристально посмотрела на него, но он лишь невинно улыбнулся, словно никогда не слышал о лягушачьих лапках в чесночном соусе.

Часы на соседнем доме пробили два. Я мысленно прикинула расстояние до дома Хоукинсов на Рю Мальори. Если удастся взять экипаж, я доберусь туда за полчаса. Время есть.

— В таком случае, — предложила я, — не заглянуть ли нам ненадолго в вашу заднюю комнату?

— Вот как оно было, — завершила я свой рассказ и сделала большой глоток шерри-бренди. Запах в рабочей комнате был такой же дурманящий, как и у содержимого моего бокала, и мне казалось, что голова от этого дурмана расширяется и превращается в большой веселый красный шар. — Они отпустили Джейми, но мы все еще под подозрением. Это не может продолжаться долго, как вы считаете?

Раймон покачал головой. От сквозняка закачался подвешенный под потолком крокодил, и он поднялся закрыть окно.

— Нет. Это досадно, но не более того. У месье Хоукин-са есть деньги и связи, и он обезумел от горя, однако... Ведь вы с мужем виновны лишь в излишней доброте, в попытке скрыть несчастье, которое постигло девушку. — Он отпил большой глоток из своего кубка. — И сейчас вас больше всего беспокоит девушка, ведь так?

Я кивнула:

— Я, конечно, не могу помочь ей спасти репутацию, но должна помочь исцелиться.

Черные глазки иронически уставились на меня поверх края металлического кубка.

— Большинство моих знакомых врачей сказали бы так: «Я могу попытаться исцелить ее». Вы же хотите помочь ей исцелиться. Хорошо, что вы чувствуете разницу, мадонна. Впрочем, я это и предполагал.

Я поставила бокал на стол, полагая, что выпила достаточно. Щеки пылали, казалось, что и нос у меня тоже порозовел.

— Повторяю: я не настоящий врач. — Я прикрыла глаза, опять подумав, что не могу сейчас объяснить ему, почему это так. — Кроме того, мне приходилось... сталкиваться со случаем изнасилования раньше. С точки зрения чистой физиологии очень трудно помочь. Вы ведь тоже не можете оказать достаточную помощь? — добавила я и, передумав, снова взяла бокал.

— Наверное, нет, — согласился Раймон. — Но если кто-то и может проникнуть внутрь пациента, то это, конечно, Белая Дама.

Я поставила бокал и внимательно посмотрела на него. Мой рот непроизвольно открылся. Мысли, подозрения, разные соображения роились у меня в голове, выстраиваясь в разного рода предположения. Чтобы потянуть время и подумать, я ухватила за вторую часть его высказывания:

— Внутрь пациента?

Он достал из открытой банки на столе щепотку белого порошка и бросил к себе в кубок. Янтарный цвет бренди немедленно превратился в кроваво-красный, содержимое кубка закипело.

— Кровь дракона, — заметил он, кивнув на кипящую жидкость. — Это действует только в посуде, оправленной в серебро. Сосуд, конечно, будет испорчен, но это средство наиболее эффективно при определенных обстоятельствах.

Я сглотнула слюну.

— Ах да, внутрь пациента, — сказал он так, словно мы уже говорили об этом много дней назад. — Да, конечно. Исцеление происходит, если удастся проникнуть... как бы это назвать? В душу? Сущность?.. Ну, скажем, внутрь. Если проникнуть внутрь пациента и побудить его самого себя исцелить. Вы, конечно, знаете это, мадонна. Некоторые пациенты так больны или изранены, что определенно должны умереть, а они не умирают. Или иначе, кто-то страдает легким недугом и должен поправиться, но умирает, несмотря на все ваши усилия.

— Каждый, кто ухаживал за больными, сталкивался с подобными явлениями, — заметила я.

— Да, — согласился он. — И чаще всего врач винит себя в смерти умершего и гордится спасением выздоровевшего. И только Белая Дама видит сущность человека и приводит его к исцелению... или к смерти. Поэтому-то одержимый дьяволом и боится взглянуть ей в лицо.

Он поднял свой кубок за меня и залпом осушил его кипящее содержимое. На губах остался розовый след.

— Благодарю, — сказала я сухо. — Выходит, не только Гленгэрри столь легковерен.

Раймон пожал плечами, явно довольный собой.

— Это придумал ваш муж, — скромно заметил он. — И в самом деле, отличная идея. Похоже, он неплохой психолог, когда речь заходит об обычных людях, подобных ему, однако в том, что касается явлений сверхъестественных, таинственных, он явно не смыслит.

— Зато вы, видно, смыслите.

Его массивные плечи слегка поднялись под серым бархатным камзолом. На рукаве виднелось несколько маленьких дырочек, как будто прожженных крошечными угольками. Неосторожно смешивал растворы, подумала я.

— Вас видели в моей лавке, — заметил он. — Ваше происхождение окутано тайной. И, как заметил ваш муж, моя собственная репутация тоже под сомнением. Я возвращаюсь... в определенных, так сказать, кругах, — узкие губы растянулись в усмешке, — где рассуждения о том, кто вы есть на самом деле, могут быть восприняты с неподобающей серьезностью. Вы ведь знаете, как люди болтливы, — добавил он с неодобрением.

Это меня рассмешило.

Он поставил кубок и подался всем корпусом вперед.

— Итак, вас беспокоит здоровье мадемуазель Хоукинс, мадонна. А что еще?

Я снова глотнула бренди:

— Полагаю, вы наслышаны о том, что происходит в Париже, не так ли?

Он улыбнулся одними хитрыми глазками.

— О да, мадонна. Что вы хотите узнать?

— Вы слышали что-нибудь о Карле Стюарте? Вы знаете, что он из себя представляет?

Это его удивило. Складки на лбу поползли вверх. Он взял со стола стеклянную бутылочку и задумчиво стал катать ее в ладонях.

— Да, мадонна, — ответил он. — Его отец — король Шотландии. Или должен быть королем. Ведь он не король?

— Это как посмотреть. Либо он король Шотландии в изгнании, либо претендент на трон, но не это меня интересует. Я бы хотела знать... делает ли Карл Стюарт нечто такое, что наводило бы на мысль, что он планирует военные действия в Шотландии или в Англии?

Он громко рассмеялся:

— Царица Небесная! Вы совершенно необыкновенная женщина, мадонна. Вы знаете, сколь редко встречается такая прямота?

— Да, согласна, но ничего не могу с собой поделать. Не люблю ходить вокруг да около.

Я взяла у него из рук бутылочку.

— Вы что-нибудь слышали?

Он инстинктивно оглянулся на приоткрытую дверь. Его помощница была занята приготовлением ароматической смеси для какого-то толстяка.

— Совсем немного, мадонна, только случайное упоминание в письме от друга, но ответ совершенно определенный — да.

Я видела, что он не может решить, стоит ли мне рассказывать все. Я разглядывала бутылочку в руках, давая ему время решиться. Содержимое пузырька приятно перекачивалось, когда я поворачивала его в ладонях. Сосуд был странно тяжелым для такого маленького размера. Казалось, пузырек наполнен жидким металлом.

— Это ртуть, — ответил метр Раймон на мой безмолвный вопрос. Очевидно, что по зрелом размышлении он все же решил пойти мне навстречу, потому что он взял у меня из рук бутылочку, вылил часть ее содержимого на стол, образовав сверкающую серебряную лужицу, снова сел и стал рассказывать о том, что ему было известно. — Один из агентов его высочества наводил справки в Голландии, — начал он. — Человек по имени О'Брайен. Никуда не годный работник, я бы никогда такого не нанял. Что за секретный агент, который пьет без меры?

— Все окружающие Карла Стюарта пьют без меры, — заметила я. — Чем занимался этот О'Брайен?

— Он собирался вести переговоры о доставке по морю партии оружия. Две тысячи палашей намеревались закупить в Испании и переправить через Голландию, чтобы скрыть источники их приобретения.

— Зачем ему это понадобилось? — спросила я. То ли я в самом деле глупа, то ли шерри-бренди мне ударило в голову, но затея показалась мне совершенно бессмысленной, даже если автором ее был Карл Стюарт.

Раймон пожал плечами, трогая пальцем ртуть на столе.

— Можно только догадываться, мадонна. Ведь король Испании двоюродный брат короля Шотландии, не так ли? Так же, как и наш добрый король Людовик.

— Да, но...

— Возможно, он хочет помочь Стюартам, но не в открытую.

Дурман в моей голове понемногу рассеивался.

— Возможно.

Раймон хлопнул пальцем по ртутной лужице, отчего она рассыпалась на мелкие шарики, которые раскатились по всему столу.

— Говорят, — он понизил голос, следя глазами за капельками ртути, — что король Людовик встречается в Версале с английским герцогом. Говорят также, что герцог приедет туда, чтобы заключить какое-то торговое соглашение. Однако редко когда удастся узнать абсолютно все, мадонна.

Я смотрела на дрожащие капельки ртути, стараясь составить полную картину из обрывочных сведений. До Джейми тоже дошел слух, что посредничество Сандрин-гема касается не только торговли. На самом деле визит герцога означает возможность заключить соглашение между Францией и Англией. Вероятно, также речь пойдет о Брюсселе. И если Людовик вел секретные переговоры с Англией, с целью добиться поддержки его вторжения в Брюссель, то что будет вынужден предпринять Филипп Испанский, если бедный кузен предоставит ему возможность надолго отвлечь внимание англичан от заморской торговли?

— Три бурбонских кузена, — бормотал Раймон себе под нос. Он подгонял капельки ртути одну к другой, и они, как по волшебству, сливались в единое целое. — Кровь у них одна, а интересы?

Палец снова ударил по лужице, и блестящие шарики снова раскатились в разных направлениях.

— Я думаю, что разные, мадонна, — спокойно досказал Раймон.

— Понимаю. — Я глубоко вздохнула. — А что вы думаете об этом новом партнерстве Карла Стюарта с графом Сент-Жерменом?

Лягушачья улыбка стала еще шире.

— Я слышал, что его высочество последние дни частенько наведывается в доки поговорить со своим новым партнером. Он посматривает на корабли, стоящие на якоре, такие красивые и быстрые... но такие дорогие. Земля Шотландии все-таки за морем, не так ли?

— Да, это так, — ответила я. Луч света вспыхнул на ртутных шариках, напомнив мне о том, что солнце клонится к закату. Мне было пора уходить. — Спасибо, — поблагодарила я. — Вы пришлете мне весточку, если что-нибудь еще услышите?

Он грациозно склонил большую голову, при этом волосы заблестели на солнце, как ртуть, затем резко откинул ее назад.

— Не трогайте ртуть, мадонна! — закричал он, едва я наклонилась, чтобы откатить шарик, попавший на мой край стола. — Она немедленно соединяется с любым металлом, к которому прикасается. — Он перегнулся через стол и собрал ртутные шарики. — Вы же не хотите испортить такие красивые кольца.

— Вы правы, — ответила я. — Никогда не забуду, как вы помогли мне. Больше никто не пытался меня отравить. Не думаю, чтоб вы, и Джейми тоже, позволили бы сжечь меня за колдовство на площади Бастилии.

Я говорила спокойно, но воспоминания о ворах и тюрьме Крэйнсмуир были еще свежи.

— Конечно нет, — сказал он с достоинством. — В Париже никто не был сожжен за колдовство за последние... по крайней мере лет двадцать. Здесь вы в полной безопасности. Пока не убьете кого-нибудь, — добавил он.

— Буду стараться, — пообещала я и поднялась, чтобы уйти.

Фергюс без труда нашел мне экипаж, и всю недолгую дорогу до Хоукинсов я размышляла о полученных сведениях. Я считала, что Раймон действительно оказал мне важную услугу, распространив придуманную Джейми небылицу среди наиболее суеверных клиентов, хотя мысль о том, что мое имя упоминалось на сеансах черной магии, вызывала некоторое беспокойство.

Мне также пришло в голову, что, занятая размышлениями о королях, саблях и кораблях, я не успела спросить у метра Раймона, каким образом граф Сент-Жермен добился такого влияния.

Общественное мнение, казалось, поместило графа едва ли не в центр тех таинственных «кругов», о которых говорил Раймон. Но в качестве участника или конкурента? И достигают ли волны от этих «кругов» королевских палат? Поговаривали об интересе Людовика к астрологии. Могла ли существовать какая-либо связь между Людовиком, графом и Карлом Стюартом в том, что касается таких темных дел, как мистика и колдовство?

Я нетерпеливо тряхнула головой, чтобы освободиться от паров бренди и вопросов, которые оставались без ответа. Единственно, что можно было сказать наверняка, это то, что граф вступил в опасное партнерство с Карлом Стюартом и что в настоящее время довольно сильно заинтересован в нем.

Дом Хоукинсов на Рю Мальори представлял собой внушительного вида особняк в три этажа, но то, что внутри он нуждается в ремонте, было

очевидно для любого случайного наблюдателя. Несмотря на теплый день, все ставни были наглухо закрыты от посторонних глаз. Ступеньки утром не мыли, и на белом камне виднелись отпечатки грязных подошв. Из дверей особняка не появлялись ни повар, ни кто-либо из прислуги, чтобы купить свежего мяса и поболтать с уличным торговцем. Это был дом, наглухо закрытый от надвигающейся катастрофы.

Абсолютно не чувствуя себя предвестницей беды, несмотря на свое довольно яркое желтое платье, я все же послала Фергюса вперед доложить о себе. Состоялся какой-то диалог между Фергюсом и тем, кто открыл дверь, при этом проявилась одна из лучших черт характера Фергюса — он не признавал «нет» в качестве ответа, и, таким образом, вскоре я очутилась лицом к лицу с женщиной, которая оказалась хозяйкой дома, то есть госпожой Хоукинс, тетей Мэри.

Мне пришлось самой об этом догадываться, так как женщина выглядела слишком подавленной, чтобы снабдить меня нужной информацией, такой, например, как ее имя.

— Но мы никого не принимаем! — продолжала твердить она, с опаской поглядывая через плечо, как будто ожидая, что грузная фигура мистера Хоукинса неожиданно материализуется у нее за спиной. — Мы... у нас... то есть...

— Я пришла не к вам, — тихо сказала я, — я хочу видеть вашу племянницу, Мэри.

Это имя вызвало у нее новый приступ тревоги.

— Она... но... Мэри? Нет! Она... Она плохо себя чувствует!

— Я знаю об этом, — сказала я спокойно и подняла корзинку к ее глазам. — Я принесла ей лекарства.

— О! Но... но... она... Вы же не?..

— Глупости, — вмешался Фергюс. Он с неодобрением наблюдал за этой сценой. — Служанка говорит, что молодая барышня наверху, в своей комнате.

— Раз так, — сказала я, — вперед, Фергюс.

Без дальнейших понуканий он нырнул под вытянутую руку, которая загораживала дверь, и исчез в мрачной глубине дома. Миссис Хоукинс повернулась ему вслед, неуверенно крича что-то. Я воспользовалась этим и проскользнула мимо нее.

Перед дверью в комнату Мэри дежурила полная девушка в полосатом переднике, но она не стала возражать, когда я заявила, что намерена войти в комнату. Она сокрушенно покачала головой:

— Я ничего не могу с ней поделать, мадам. Может, у вас получится.

Это звучало не слишком многообещающе, но выбора не было. Во всяком случае, хуже ей от моего визита не будет. Я оправила платье и толкнула дверь.

Внутри было мрачно, как в пещере. Тяжелые коричневые бархатные шторы на окнах были плотно задернуты и не пропускали дневного света, а если слабые лучи и пробивались, то немедленно тонули в дыму, поднимавшемся из камина.

Я глубоко вздохнула и закашлялась. Фигурка на кровати не двигалась, маленькая скорченная фигурка под пуховым одеялом. Снотворное, конечно, уже не действовало, и она не могла спать после шума, который мы устроили в вестибюле. Вероятно, она притворялась спящей, на случай, если вернется тетя и опять начнет свои вздорные речи. Я бы на ее месте делала то же самое.

Я повернулась и закрыла дверь прямо перед самым носом у миссис Хоукинс, затем подошла к кровати:

— Это я, Мэри. Почему бы тебе не выбраться оттуда, пока ты не задохнулась?

Одеяло вдруг зашевелилось, и Мэри выглянула из простыней, как дельфин из воды. Она бросилась мне на шею:

— Клэр! О, Клэр! Слава Богу! Я думала, что больше никогда тебя не увижу! Дядя сказал, что ты в тюрьме! Он сказал, что ты...

— Отпусти. — Я с трудом разжала ее руки и заглянула ей в лицо. Оно было красным, разрумянившимся от пребывания под одеялом, но свежим и красивым. Большие карие глаза сверкали, в них не было ни следа опиумной интоксикации, и, хотя она выглядела возбужденной и встревоженной, определенно ночной отдых вместе с жизненной силой, свойственной молодости, залечили почти все ее физические раны. Но меня больше беспокоили другие раны.

— Нет, я не в тюрьме, — сказала я, предвосхищая ее вопрос. — Хотя это вовсе не благодаря усилиям твоего дяди.

— Но я говорила ему, — начала она, затем запнулась и закрыла глаза, — во всяком случае, я п-пыталась ему сказать, но он... Но я...

— Не беспокойся об этом, — заверила я ее. — Он так расстроен, что не будет слушать, что бы ты ему ни говорила. Это не важно. Важно, как ты себя чувствуешь. — Я откинула тяжелые темные пряди с ее лба и внимательно заглянула ей в глаза.

— Все в порядке, — ответила она и всхлипнула. — У меня... было кровотечение, но прошло. — Кровь хлынула к ее щекам, но глаз она не закрыла. — У меня... болит. Это пройдет?

— Да, пройдет, — нежно сказала я. — Я принесла тебе травы. Их нужно заварить в кипятке, и, когда настой остынет, намочи тряпочку и прикладывай или принимай ванночки. Это поможет. — Я достала связки трав и положила на столик у кровати.

Она кивнула, закусив губу. Определенно она хотела сказать что-то еще, ее природная застенчивость боролась с необходимостью с кем-то поделиться.

— Что? — спросила я участливо.

— У меня будет ребенок? — выпалила она испуганно. — Ты говорила...

— Нет, — заверила я ее как можно мягче. — Не будет. Он не смог... закончить. — Спрятав руки в складках юбки, я скрестила пальцы на обеих руках, горячо желая, чтобы я оказалась права. Вероятность этого и в самом деле была мала, однако такие вещи иногда случаются. Не было никакого смысла тревожить ее еще больше из-за очень маленькой вероятности. От этой мысли мне стало плохо. Возможно, рождение Фрэнка произошло как раз в результате такого же случая. Я отбросила сомнения — время покажет. — Здесь жарко, как в духовке, — заметила я, развязывая шарф на шее, чтобы можно было дышать. — И дымно, точно в преисподней, как говаривал мой дядюшка. — Придумывая, что бы ей еще сказать, я встала и прошлась по комнате, отдергивая шторы и открывая окна.

— Тетя Элен говорит, что я никому не должна позволять видеть меня, — сказала Мэри, сидя в постели. — Она говорит, что я опозорена и люди будут тыкать в меня пальцами на улице, если я выйду.

— От этих вампиров всего можно ждать. — Я закончила проветривание и подошла к ней. — Но это не означает, что ты должна похоронить себя заживо и потакать им.

Я села рядом с ней на стул, чувствуя, как прохладный свежий воздух шевелит мне волосы и выдувает из комнаты дым.

Она довольно долго молчала, перебирая пучки травы на столике. И наконец взглянула на меня, храбро улыбаясь, хотя ее нижняя губа все же слегка дрожала.

— Зато мне не придется выходить замуж за виконта. Дядя говорит, что теперь он ни за что на мне не женится.

— Надеюсь, что нет.

Она кивнула, глядя на свое забинтованное колено. Ее пальцы теребили конец бинта, несколько ниточек упали на одеяло.

— Я... много думала о том, что ты рассказывала мне, о том, как мужчина... — Она замолчала, к горлу ее подступил комок, и слезинка

упала на бинт. — Я думала, что не смогу позволить виконту делать это со мной. Теперь это произошло... С этим ничего не поделаешь, и у меня больше никогда не будет... и... и... о, Клэр, Алекс больше не будет со мной разговаривать! Я больше никогда его не увижу, никогда!

Она поникла в моих объятиях, истерически всхлипывая и рассыпая травы. Я прижала ее голову к своему плечу и старалась успокоить, слегка похлопывая по спине, хотя и сама уронила несколько незаметных слезинок ей на волосы.

— Ты увидишь его, — шептала я. — Конечно, увидишь. Для него это не важно. Он хороший человек.

Но я знала, что это не совсем так. Я видела, какой мукой было искажено лицо Алекса Рэндолла в ту ночь, то же бессильное сожаление, что и на лице Джейми и Муртага. Но теперь я знала, что Алекс влюблен в Мэри, и понимала, насколько глубоки и остры были его страдания, его боль и гнев.

Наверное, он хороший человек. Но он был также младшим сыном из бедной семьи и со слабым здоровьем и с очень маленькой надеждой на продвижение по службе. Его карьера целиком и полностью зависела от расположения герцога. Вряд ли герцог благосклонно принял бы идею союза своего секретаря с обесчещенной девушкой, у которой не было теперь ни связей в обществе, ни приданого, чтобы связать себя с кем-то узами брака.

И даже если Алекс, несмотря ни на что, найдет в себе мужество жениться на ней, что они будут делать без денег, отвергнутые обществом? Да еще и сам факт изнасилования будет омрачать их взаимоотношения.

Мне оставалось только сжимать ее в объятиях, плакать и грустить о том, что было безвозвратно потеряно.

Когда я вышла из дома Хоукинсов, было уже темно, в небе зажглись первые звезды и над печными трубами струились легкие дымки. У меня в кармане лежало письмо, написанное Мэри и должным образом заверенное. В нем излагалась ее версия событий вчерашнего вечера. Если передать это письмо в соответствующие инстанции, мы будем, по крайней мере, избавлены от дальнейших преследований со стороны закона. Хотя помимо этой было еще много других проблем.

Миссис Хоукинс неохотно предложила нам с Фергюсом ехать домой в их фамильном экипаже. Позабывшись на этот раз о своей безопасности, я не стала отказываться от этого предложения.

Я положила шляпу на картонный столик в вестибюле и бросила взгляд на серебряный поднос с записками и букетиками цветов. Определенно, мы

еще не стали париями, хотя весть о скандале должна уже была широко распространиться в парижских кругах.

Я не стала отвечать на расспросы слуг, а сразу поднялась наверх в спальню, сбрасывая на ходу верхнюю одежду. Я была слишком измождена, чтобы заботиться о бытовых мелочах.

Но едва я открыла дверь и увидела Джейми, раскинувшегося в кресле у огня, моя апатия мгновенно улетучилась, смытая волной нежности. Его глаза были закрыты, а волосы разметались в беспорядке — верный знак усиленных раздумий. Он приоткрыл глаза, заслышав мои шаги, и улыбнулся. Его ясные синие глаза засияли в теплом свете свечей.

— Все в порядке, — прошептал он и обнял меня. — Ты дома.

Мы молча раздели друг друга и нырнули в постель, найдя долгожданное убежище в объятиях друг друга.

Глава 21

НЕСВОЕВРЕМЕННОЕ ВОСКРЕШЕНИЕ

Я все еще думала о банкирах, когда наша карета въехала в резиденцию герцога на улице Святой Анны. Это был большой красивый дом с большим двором. К нему вела длинная мощеная аллея, обсаженная тополями. Богатый человек этот герцог.

— Как ты думаешь, Карл инвестировал в дело Сент-Жермена заем, полученный от Манцетти? — спросила я.

— Думаю, что да, — ответил Джейми. Он надевал кожаные перчатки, приличествующие официальному приему, и слегка поморщился, натягивая тугую кожу на негнувшийся безымянный палец правой руки. — Это деньги, которые дал ему отец на жизнь в Париже.

— Значит, Карл действительно старается раздобыть денег на армию, — заключила я, чувствуя, что начинаю испытывать восхищение Карлом Стюартом. Карета остановилась, и кучер соскочил с козел, чтобы открыть дверцу.

— По крайней мере, он старается раздобыть денег, — поправил меня Джейми, помогая мне выйти из кареты. — Насколько я знаю, они нужны ему, чтобы сбежать с Луизой де ла Тур и своим внебрачным ребенком.

Я покачала головой:

— Не думаю. Это не совпадает с тем, что сказал мне вчера метр Раймон. К тому же Луиза говорит, что не видела принца с тех пор, как она и Жюль... ну...

Джейми коротко вздохнул:

— Тогда, по крайней мере, она имеет некоторое понятие о чести.

— Не уверена, что суть в этом. — Я опиралась на его руку, пока мы поднимались по ступенькам. — Луиза сказала, что Карл пришел в ярость, когда узнал, что она спала со своим мужем. Он удалился, хлопнув дверью, и с тех пор она его не видела. Он время от времени пишет ей страстные письма и клянется приехать и забрать ее с ребенком, как только обоснуется в принадлежащем ему по праву месте. Но она не хочет, чтобы он приезжал, боится, что Жюль узнает правду о ребенке.

Джейми неодобрительно хмыкнул, как это делают шотландцы.

— Боже, существует ли мужчина, которому не грозит участь рогоносца?

Я взяла его за руку:

— Некоторым это грозит намного меньше, чем остальным.

— Ты так думаешь? — спросил он и улыбнулся.

Дверь открыл лысый дворецкий небольшого роста в безупречно чистой ливрее, весь исполненный достоинства.

— Милорд. — Он кивнул Джейми. — Миледи. Вас ждут.

Пожалуйста, входите.

Герцог был само очарование. Он принимал нас в парадной гостиной.

— Чепуха, ерунда, — сказал он, отвергая извинения Джейми за то, что обед был прерван. — Чертовски возбудимые ребята эти французы, суетятся по всякому поводу. Теперь давайте-ка рассмотрим все эти заманчивые предложения. А наша дама пока... посмотрит что-нибудь... а?

Он обвел гостиную широким жестом, оставляя на мое усмотрение, заняться ли разглядыванием больших картин на стенах, шкафов, уставленных книгами в роскошных переплетах, или стеклянных табакерок из обширной герцогской коллекции.

— Спасибо. — Я лучезарно улыбнулась и проследовала к стене, притворяясь поглощенной созерцанием большой картины Бучера, на которой была изображена довольно толстая обнаженная женщина, сидящая на скале среди деревьев. Если эта картина отражала современные представления о женской красоте, то нет ничего удивительного в том, что Джейми так высоко ценил мою фигуру.

— Ха, — вырвалось у меня, — и почему нынче корсеты?

— Что-что? — Джейми и герцог уставились на меня, оторвавшись от инвестиционных бумаг, которые, собственно, и составляли цель нашего визита.

— Не обращайтесь на меня внимания, — ответила я и сделала грациозный жест в сторону картины. — Просто наслаждаюсь искусством.

— Я очень рад, мадам, — вежливо сказал герцог и снова углубился в бумаги. Джейми приступил к делу, начал выуживать у герцога информацию, которой тот мог поделиться ввиду своих симпатий или антипатий к делу Стюартов.

У меня были свои планы. Когда мужчины увлеклись обсуждением дел, я потихоньку подошла к двери, притворившись, что разглядываю книжные полки. Я решила, улучив момент, проскользнуть в холл и попытаться разыскать там Алекса Рэндолла. Я сделала все, что в моих силах, чтобы смягчить ущерб, нанесенный Мэри Хоукинс. Дальнейшее зависело от него. Следуя правилам этикета, он не мог появляться в доме ее дяди, она тоже никак не могла встретиться с ним. Но в моих силах было устроить им встречу на улице Тремолин.

Диалог за моей спиной перешел в доверительное перешептывание. Я выглянула в холл, поблизости не было никого из лакеев. Однако они могли оказаться недалеко; в таком огромном доме должно быть не менее дюжины слуг. Я не знала, где искать Алекса Рэндолла, наудачу выбрала Направление и пошла через холл в поисках слуги, которого можно было бы расспросить.

Заметив движущуюся фигуру в конце холла, я окликнула:

— Послушайте...

Кто бы это ни был, мой зов остался без ответа — послышался звук удаляющихся шагов по паркету.

Такое поведение показалось мне странным для слуги. Я остановилась в конце холла и осмотрелась. Направо шел другой коридор, по одну сторону которого располагался ряд дверей, а по другую — окна, выходящие на подъездную аллею и сад. Почти все двери были закрыты, кроме одной.

Тихо приблизившись, я приложила к ней ухо. Ничего не было слышно. Я взялась за ручку, осторожно нажала ее и открыла дверь.

— Боже мой, что ты тут делаешь? — Моему удивлению не было границ.

— О, как ты напугала меня! Господи, помилуй, я думала, что умру. — Мэри Хоукинс схватилась за сердце. Ее лицо побелело, а глаза расширились от ужаса.

— Уходи немедленно, — сказала я, — пока твой дядя не узнал, что ты здесь. Да он убьет тебя! Или он знает?

Она покачала головой:

— Нет. Я никому не сказ-зала. Взяла фиакр.

— Но, Господи, зачем?

Она озиралась, как испуганный кролик, который ищет норку и не находит.

— Мне нужно было увидеть Алекса. Поговорить с ним. Узнать, что он... что он... — Руки ее судорожно сжались, и я видела, каких усилий ей стоит каждое слово.

— Постой, — прервала я ее. — Я все понимаю. Но твой дядя не поймет, и герцог тоже. Его светлость еще не знает, что ты здесь?

Она молча покачала головой.

— Ну ладно, — сказала я, подумав. — Первое, что мы должны сделать, это...

— Мадам, могу я вам чем-нибудь быть полезен?

Мэри вздрогнула, как испугнутый кролик, а у меня сердце ушло в пятки. Чертов лакей, вечно некстати.

Предстояло как-то выкручиваться из этого положения. Лакей стоял в дверях, высокомерно выпрямившись, будто шомпол проглотил, и подозрительно смотрел на нас. Я повернулась к нему.

— Да, — ответила я со всей надменностью, которую можно было вместить в это короткое слово. — Будьте любезны сообщить мистеру Алексу Рэндоллу, что его ожидают посетители.

— Сожалею, мадам, но не могу этого сделать, — сухо произнес лакей.

— Почему нет?

— Потому что, мадам, — ответил он, — мистер Алекс Рэндолл больше не работает у его светлости. Он уволен.

Лакей бросил взгляд на Мэри, опустил свой нос на дюйм ниже и снисходительно добавил:

— Насколько я понял, месье Рэндолл отплыл на корабле обратно в Англию.

— Нет, он не мог уехать, он не мог!

Мэри бросилась к дверям и едва не налетела на входящего Джейми. Она испуганно остановилась, а он удивленно уставился на нее.

— В чем дело? — начал было он, затем увидел меня. — А, это ты, Саксоночка. Я извинился и пошел тебя разыскивать. Его светлость только что сообщил мне, что Алекс Рэндолл...

— Я знаю. — Я не дала ему досказать. — Он уехал.

— Нет! — застонала Мэри. — Нет! — Она метнулась к двери и прежде, чем кто-либо из нас мог остановить ее, побежала по коридору, стуча каблучками по паркету.

— Что она делает? — Я сбросила туфли, подобрала юбки и пустилась за ней. В чулках я бежала гораздо быстрее, чем она в туфлях на высоких каблуках. Я надеялась остановить ее прежде, чем она наткнется на кого-нибудь еще и ее схватят со всеми вытекающими из этого скандальными последствиями.

Юбка Мэри мелькнула за поворотом коридора, и я побежала туда. Там пол бы застелен ковром, если я не поспешу, то на развилке потеряю ее, так как стука каблучков не будет слышно. Я наклонила голову, завернула за угол и угодила головой прямо в чей-то живот.

Раздалось тяжелое «уф!», и меня схватили за руки.

— Извините, — начала я, задыхаясь. — Я думала, что вы... о Господи, черт побери!

Увидев красиво очерченный рот, я подумала, что наткнулась на Алекса Рэндолла. Но в этом заблуждении я пребывала не более доли секунды. Губы были совсем как у Алекса, не считая глубоких складок вокруг них. Но

эти холодные глаза могли принадлежать только одному человеку.

Шок был такой сильный, что какое-то мгновение все, как ни странно, выглядело нормально. Я собиралась извиниться, обойти его и продолжать гнаться за Мэри: он остался бы стоять в коридоре и я забыла бы о нем, как о случайном встречном. Мои железы выбросили в кровь такое количество адреналина, что сердце сократилось подобно сжатому кулаку.

Он перевел дух, и, похоже, утраченное было самообладание вернулось к нему.

— Я испытываю сходные чувства, мадам, хотя и не одобряю способ их выражения. — Все еще удерживая меня за локоть, он отклонился, стараясь заглянуть мне в лицо. Как только ему это удалось и он узнал меня, черты его лица дико исказились. — Черт побери, вы! — воскликнул он.

— Я думала, что вы умерли! — Я отдернула руки, стараясь освободить их из железной хватки Джонатана Рэндолла.

Он отпустил одну мою руку, чтобы потереть себе поясницу, холодно взирая на меня. Его лицо с тонкими, изящно очерченными чертами выглядело здоровым и загорелым. Не было никаких внешних признаков того, что пять месяцев назад он был истоптан тридцатью двухсот пятидесятикилограммовыми животными. Остался только отпечаток копыта на лбу.

— Еще раз позвольте заверить, мадам, разделяю ваши чувства. Я также пребывал в заблуждении относительно состояния вашего здоровья. Вы, наверное, ведьма. Что вы делали, обратившись в волка? — Неприязнь, отразившаяся на его лице, смешивалась с суеверным ужасом. В конце концов, если человек остается в центре волчьей стаи холодным зимним вечером, вполне можно ожидать, что его съели с потрохами.

Сердце у меня стучало, как барабан, ладони онемели. Еще бы! Считаешь человека мертвецом, а он вдруг предстает перед тобой живой и невредимый! Думаю, он тоже ощущал легкую тошноту.

— Хотите узнать об этом? — Острое желание раздражить его, поколебать это ледяное спокойствие было первым отчетливым желанием в клокочущей буре чувств, которые овладели мной при виде этого лица. Его, пальцы крепче ухватили мою руку, губы сжались. Я видела, что он напряженно обдумывает разные варианты.

— Если не ваше, чье же тогда тело достали люди сэра Флетчера из подземелья? — спросила я, стараясь перехватить инициативу. Свидетели описывали мне, как тело Рэндолла, напоминавшее «тряпичную куклу, измазанную в крови», уносили с арены. Бой быков был устроен, чтобы отвлечь внимание от побега Джейми из тюрьмы.

Рэндолл невесело улыбнулся. Если он и был напуган, подобно мне, то, во всяком случае, не показывал виду. Он дышал лишь чуть-чуть чаще, чем обычно, и складки в углах рта и глаз были чуть глубже, чем всегда. В отличие от меня он не хватал воздух ртом, как вытасщенная на берег рыба. Я вдыхала как можно глубже и старалась дышать носом.

— Это был мой ординарец, Марли. Хотя, если вы не отвечаете на мои вопросы, почему я должен отвечать на ваши. — Он оценивающе осмотрел меня с головы до ног: шелковое платье, украшения в волосах, драгоценности и... ноги в чулках. — Вышли замуж за француза, не так ли? — спросил он. — Я всегда подозревал, что вы — французская шпионка. Вижу, новый муж содержит вас лучше, чем...

В коридоре послышались шаги, и слова застряли у него в горле. Мне хотелось вывести его из равновесия, и вот сейчас это будет сделано наилучшим образом. Даже на лице Гамлета при появлении призрака не был написан такой ужас, как на этом утонченном аристократическом. Рука, все еще сжимавшая мою, глубоко впилась мне в плоть, он весь передернулся, точно от электрического разряда.

Я знала, кого Рэндолл увидел позади меня, и боялась обернуться. В коридоре наступила мертвая тишина, даже шум тополиных веток за стеклом казался частью этой тишины, словно шум моря в раковине, которую прикладываешь к уху. Мало-помалу я высвободила кисть из его хватки, и его рука бессильно повисла.

За моей спиной не слышно было ни звука, хотя в конце коридора раздавались голоса. Я молилась о том, чтобы никто сюда не пришел, и отчаянно старалась припомнить, какое оружие было у Джейми с собой.

Все поплыло у меня перед глазами. Я вспомнила, что шпага Джейми висит на ремне в шкафу. Кроме этого у него, конечно, был кинжал и небольшой нож, который он обычно держал в чулке. Зная это, я ясно понимала, что достаточно малейшего повода — и одно из этих средств окажется у него в руках. Никто бы не захотел оказаться на моем месте — между этими двумя мужчинами. Я облизнула пересохшие губы и медленно повернулась.

Джейми стоял совершенно спокойно примерно в метре от меня. Одно из высоких окон с витражами около него было открыто, и темные тени тополей колыхались над ним, как волны над подводной скалой. Он был невозмутим, как эта скала. Что за чувства бушевали у него в душе, видно не было.

Ничего не говоря, он протянул мне руку. Я с трудом ухватила за нее. Она была твердой и прохладной, и я приникла к ней, как к спасательному

кругу.

Не говоря ни слова, с тем же непроницаемым выражением лица он повел меня за собой. Когда мы дошли до поворота коридора, Рэндолл вдруг заговорил.

— Джейми, — произнес он дрожащим от потрясения голосом, в котором звучала и мольба, и недоверие.

Джейми остановился и обернулся. Лицо Рэндолла было совершенно белым, с маленькими красными пятнами на щеках. Он снял парик и держал его в руке. Потные пряди темных волос прилипли к вискам.

— Ко мне следует обращаться: лорд Брок Туарах, соблюдая все формальности. — Голос, звучавший над моей головой, был почти бесстрастным. Я подняла глаза и увидела, что лицо его сохраняет спокойный вид, хотя жилка на шее быстро пульсирует, а маленький треугольный шрам над воротничком налился кровью. — Но даже соблюдая все формальности, вы никогда больше не заговорите со мной. Пока вам не придется просить пощады у моего кинжала. Тогда можете произнести мое имя — и это будет ваше самое последнее слово.

Он повернулся с неожиданной резкостью, полы его накидки взлетели и закрыли от меня Рэндолла, оставшегося стоять на месте.

Экипаж все еще ждал у ворот. Опасаясь взглянуть на Джейми, я села в него и стала усиленно подбирать желтый шелк моих юбок. Услышав щелчок закрывшейся дверцы, я быстро подняла глаза, и, прежде чем успела схватиться за ручку, карета резко тронулась, а я повалилась на сиденье.

Я приникла к окну, но Джейми не увидела. На аллее не было никакого движения, кроме колышущихся теней кипарисов и тополей.

Я нетерпеливо застучала в крышу кареты, но кучер только прикрикнул на лошадей и погнал их быстрее. В это время суток дороги были свободны, и мы неслись по узким улицам, как будто сам черт гнался за нами.

Едва мы остановились на Рю Тремолин, я выпрыгнула из кареты в гнев и одновременно в панике.

— Почему вы не остановились? — закричала я на кучера. Он пожал плечами, сидя в безопасности на своих козлах.

— Хозяин приказал мне доставить вас домой как можно быстрее, мадам. — Он поднял кнут и слегка тронул им лошадь.

— Подождите! — крикнула я. — Я хочу назад!

Но он только втянул голову в плечи, как черепаха, и сделал вид, что ничего не слышит. Карета уехала.

Задыхаясь от бессилия, я повернулась к дому. В дверях появилась маленькая фигурка Фергюса. Его тонкие брови поднялись в немом вопросе.

— Где Муртаг? — отрывисто спросила я. Маленький клансмен был сейчас единственный, кто мог, во-первых, разыскать Джейми, а во-вторых, остановить его.

— Я не знаю, мадам. Может быть, вон там. — Мальчик кивнул в направлении улицы Гамбож, где располагалось несколько таверн. Некоторые из них представляли собой вполне приличные заведения, где путешествующая леди могла бы пообедать со своим мужем. Большинство остальных были просто забегаловки у реки, куда даже вооруженный мужчина не стал бы заходить в одиночку.

Я положила руку Фергюсу на плечо:

— Беги и найди его. Как можно быстрее!

Встревоженный моим тоном, он сбежал по ступенькам и исчез, прежде чем я успела добавить: «Будь осторожен!» Впрочем, он знал парижское дно гораздо лучше меня. Когда-то он был воришкой-карманником и ориентировался в толпе посетителей таверн как рыба в воде.

Но сейчас меня волновало другое. Мысль о том, что Фергюса схватят и повесят, все его проделки меркли в сравнении с последней фразой Джейми, обращенной к Рэндоллу.

Нет, конечно, он не вернулся в дом герцога! Нет, уговаривала я себя. У него нет с собой шпаги. Каковы бы ни были его чувства — а у меня вся душа переворачивалась при мысли об этом, — он не станет действовать необдуманно. Я уже видела, как он сражается: разум работает холодно и четко, эмоции никогда не затуманивали его рассудок. Значит, невзирая ни на что, он будет придерживаться формальностей. Ему нужны были строгие правила, формула удовлетворения чести. Это помогало ему преодолевать приливы гнева, бороться с неиссякаемой жаждой крови и мести.

Я остановилась в прихожей, механически сняла плащ. Взглянув в зеркало, поправила прическу. «Думай», — безмолвно просила я свое бледное отражение. Если он собирается драться на дуэли, то что ему понадобится в первую очередь?

Шпага? Вряд ли. Его собственная висела наверху в спальне, на дверце шкафа. Хотя он легко мог одолжить шпагу, я не могла себе представить, чтобы главную дуэль своей жизни он провел с чужим оружием в руке.

Шпагу ему подарил дядя Дугал Макензи, когда Джейми было семнадцать лет. Дядя научил его обращаться с ней и показал несколько эффектных приемов для левой руки. Они тренировались в фехтовании левой рукой против левой по несколько часов в день. Наконец Дугал сказал мне, что теперь испанский клинок стал продолжением руки Джейми. Да и сам Джейми как-то признался, что чувствует себя без шпаги голым. А это

был не тот бой, на который он вышел бы голым.

Нет, если бы ему нужна была шпага, он бы немедленно пошел домой и взял ее. Я нетерпеливо провела рукой по волосам, напряженно размышляя. Черт побери, каковы правила дуэли? Что должно происходить, прежде чем дойдет до шпаг? Вызов, конечно. Являлись ли слова Джейми в доме герцога вызовом?

В голову лезли какие-то сцены из фильмов, когда мужчины хлещут друг друга по лицу перчатками. Но я не представляла себе, бывает ли так на самом деле или это плоды фантазии режиссеров.

Потом мне пришло на ум, что вслед за вызовом должно быть найдено подходящее место для дуэли, вдали от случайных прохожих и от королевской гвардии. Ах вот куда он пошел — найти место. Муртаг...

Даже если Джейми нашел Муртага раньше, чем Фер-гюс, ему еще предстояло уладить кое-какие формальности. Мне стало немного лучше на душе, хотя сердце продолжало колотиться, и тесемки на корсете показались затянутыми слишком туго. Никого из слуг не было поблизости. Я распустила тесемки и глубоко вздохнула.

— Не знал, что вы имеете привычку раздеваться в прихожей, а то бы остался за дверью, — раздался иронический голос с шотландским акцентом.

Сердце у меня екнуло. В дверях, расставив руки и уперев их в дверные косяки, стоял высокий, ростом почти с Джейми, мужчина с такими же гибкими движениями и таким же выражением холодного самообладания на лице. Хотя волосы у него были темные, а глубоко посаженные глаза туманно-зеленые. Дугал Макензи появился в нашем доме, будто вызванный моими мыслями. Если только не самим чертом.

— Бога ради, что вы здесь делаете? — Я стала потихоньку приходить в себя от испуга, хотя сердце еще неровно билось. Я ничего не ела с утра и ощутила неожиданный приступ тошноты. Он подошел, взял меня за руку и потянул к креслу.

— Садись, детка, — сказал он, — тебе будет лучше.

— Вы очень наблюдательны, — ответила я. Черные точки плясали у меня перед глазами. Я извинилась перед ним и уткнулась лицом к себе в колени.

Джейми... Фрэнк... Рэндолл... Дугал. Лица проходили чередой перед глазами, имена звенели в ушах. Ладони у меня вспотели, и я прижала их к плечам, стараясь остановить дрожь. Джейми не пойдет к Рэндоллу немедленно — вот что важно. Еще есть время подумать, принять какие-то меры. Но какие? Оставив этот вопрос звучать в подсознании, я заставила

себя успокоить дыхание и сосредоточить внимание на другом.

— Я повторяю свой вопрос, — сказала я, поднимаясь и откидывая назад волосы. — Что вы здесь делаете?

Его черные брови поднялись.

— А что, нужна особая причина, чтобы повидаться с родственником?

Во рту у меня еще оставался желчный привкус, но с дрожью в руках справиться удалось.

— При сложившихся обстоятельствах да, — не обращая никакого внимания на развязанные тесемки, я подошла к подносу с бренди. Опережая меня, Дугал схватил стакан и налил мне не больше чайной ложки. Затем внимательно посмотрел мне в лицо и удвоил дозу.

— Спасибо, — сухо поблагодарила я, принимая стакан.

— Обстоятельства, значит? И какие же это обстоятельства? — Не дожидаясь ответа или разрешения, он спокойно наполнил другой стакан для себя и поднял его. — За его величество! Короля!

Мои губы растянулись в улыбке.

— За короля Джеймса, полагаю? — Я сделала маленький глоток и почувствовала, как горячая ароматная волна поднялась до самой макушки. — Вы в Париже. Значит ли это, что вам удалось переубедить Колама?

Хотя Дугал Макензи был якобитом, во главе клана Макензи стоял его брат Колам. Ноги Колама были изуродованы болезнью, и он не мог вести свой клан в бой, поэтому военачальником был Дугал. Битвой руководил Дугал, хотя вопрос о том, быть ли битве, решал Колам.

Дугал оставил без внимания мой вопрос и, осушив стакан, налил себе новую порцию. Он смаковал первый глоток, перекаывая его во рту, затем, проглотив, слизнул языком с губ оставшиеся капельки.

— Неплохо, — сказал он, — нужно взять с собой для Колама. Ему необходимо что-нибудь покрепче вина, чтобы спать по ночам.

Это был косвенный ответ на мой вопрос. Значит, состояние Колама ухудшается. Измученный болезнью, он постоянно испытывал сильную боль и вынужден был пить крепленое вино по вечерам, чтобы уснуть. Теперь он перейдет на бренди. Как долго он еще протянет, не прибегая к опиуму как болеутоляющему средству?

Потому что как только Колам начнет принимать опиум — это будет конец его правления кланом. Лишенный физических сил, он руководил людьми исключительно за счет силы воли. Но если состояние Колама будет зависеть от наркотиков, во главе клана встанет новый лидер — Дугал.

Я пристально посмотрела на него. Он выдержал мой взгляд без тени

смущения, с легкой улыбкой. Лицом он сильно напоминал брата и племянника — оно было широким и сильным, с высокими скулами и прямым, как лезвие ножа, носом.

Поклявшись в восемнадцать лет верно служить брату, он был верен этой клятве вот уже тридцать лет и, я знала, будет верен ей впредь, пока Колам не умрет или будет не в состоянии руководить кланом. И только тогда мантия главы клана покроет плечи Дугала и люди из клана Ма-кензи последует за ним в бой за Шотландию, под знаменем короля Джеймса, ведомые Красивым Принцем Чарли.

— Вы спрашиваете, какие обстоятельства? — переспросила я. — Являетесь в дом к человеку, которого бросили умирать в тюрьме и чью жену вы пытались соблазнить. И считаете это хорошим тоном?

Это был Дугал Макензи — вместо того чтобы прийти в замешательство, он рассмеялся. Я не могла себе представить, чем можно было бы смутить этого человека, но если такое возможно, хотелось бы увидеть его лицо в этот момент.

— Соблазнить? — Он удивленно растянул губы. — Я предлагал тебе руку и сердце.

— Вы хотели изнасиловать меня, насколько я припоминаю, — отрезала я. Он в самом деле хотел жениться на мне прошлой зимой с помощью силового давления — отказавшись помочь мне освободить Джейми из Уэнту-ортской тюрьмы. Хотя истинным мотивом было захватить имение Джейми Лаллиброх, которое перешло бы мне в случае смерти мужа, он не склонен был отказываться и от других удовольствий этого брака, в частности, от наслаждения моим телом.

— Что касается тюрьмы, — продолжил он, как обычно игнорируя мои замечания. — Я не видел путей освободить Джейми оттуда и не видел смысла рисковать людьми ради бесплодных попыток. Он бы и сам это понял. Моим долгом родственника было предложить покровительство его жене в случае его смерти. Ведь я был ему как отец, не так ли? — Он запрокинул голову и осушил стакан.

Я тоже сделала большой глоток. В груди разлилось тепло. Он был прав: Джейми не обвинял его за отказ проникнуть в Уэнтуортскую тюрьму, он и от меня этого не ожидал. Только чудом мне удалось это сделать. Однако, рассказывая Джейми о намерении Дугала жениться на мне, я не стала скрывать коварства его замыслов. В надежде никогда больше не встретиться с Дугалом Макензи.

Этот человек не любил упускать возможностей. Не дожидаясь, пока Джейми повесят, он старался завладеть мной и моим будущим

наследством. Если нет, поправила я себя, тогда, когда Колам умрет или будет не в состоянии управлять кланом, Дугал за какую-нибудь неделю захватит всю власть. И, если Карлу Стюарту понадобится помощь, Дугал поддержит его — военный опыт у него имеется.

Я вертела в руках стакан. У Дугала, несомненно, были коммерческие интересы во Франции — в основном вино и лесоматериалы. Это служило поводом для визита Дугала в Париж, возможно даже — главной причиной. Но я была уверена, что у него имелись и другие причины. Присутствие в городе принца Карла Эдуарда Стюарта тоже, вероятнее всего, одна из причин его приезда.

Так или иначе, встреча с Дугалом стимулировала мыслительный процесс, если отвлечься от необходимости выяснить, что он собирался делать в данный момент. Под влиянием его присутствия и под действием хорошего португальского бренди меня осенила неплохая идея.

— Ну, ладно, пусть все будет как есть, я рада, что вы здесь, — сказала я, поставив пустой стакан на стол.

— В самом деле? — Он удивленно вскинул густые черные брови.

— Да. — Я поднялась и направилась в прихожую. — Подержите мой плащ, пока я завяжу тесемки. Я хочу, чтобы вы пошли со мной в полицию.

Его отвисшая челюсть вызвала во мне прилив надежды. Уж если удалось удивить Дугала Макензи, то, возможно, мне под силу будет и остановить дуэль.

— Вы не хотите рассказать мне о своих намерениях? — спросил Дугал, когда карета обогнула Цирк Мирей, объезжая повозки и тележки с овощами.

— Нет, — коротко ответила я. — Но когда-нибудь, возможно, скажу. Вы знаете, что Джек Рэндолл жив?

— Я не слышал о том, что он умер, — заметил Дугал.

Я удивилась. Впрочем, он был прав: нам сказали о смерти Рэндолла только потому, что сэр Маркус Макраннох принял изувеченное тело ординарца за самого Рэндолла. Естественно, весть о его смерти не распространилась в Шотландии, раз он остался жив. Я старалась бороться с мыслями.

— Он не умер, — сказала я. — Он в Париже.

— В Париже? — Это сообщение заинтересовало Дугала. Затем еще одна мысль пришла ему в голову, брови поднялись, глаза расширились. — Где Джейми? — резко спросил он.

Я обрадовалась — быстро он понял, в чем дело. Не подозревая того, что произошло между Джейми и Рэндоллом в Уэнтуортской тюрьме —

никто не знал об этом, кроме Джейми, Рэндолла и меня, — он слышал достаточно о других делах Рэндолла, чтобы догадаться, каким будет первый импульс Джейми, если он встретит этого негодяя здесь, вдали от Англии.

Мы проезжали мимо базарной площади, и запах рыбы ударил мне в нос. Я вытащила надушенный платочек и закрыла им нос и рот. Сильный запах хвои, исходивший от платка, не мог полностью перебить рыбный запах, но стало немного легче. Я говорила сквозь платок:

— Мы неожиданно встретили сегодня Рэндолла у герцога Сандрингема. Джейми отправил меня домой в карете, и с тех пор я его не видела.

Дугал не замечал ни запахов, ни криков торговцев, расхваливавших свой товар. Он уставился на меня:

— Джейми, конечно, собирается убить этого человека?

Я покачала головой и объяснила свои соображения по поводу шпаги в шкафу.

— Я не могу допустить, чтобы эта дуэль состоялась. — Пришлось убрать платок, чтобы голос звучал громче. — Я не допущу!

Дугал неопределенно кивнул.

— Да, это было бы очень опасно. Конечно, мой племянник справится с Рэндоллом играючи, я ведь сам обучал его, — добавил он не без гордости. — Но наказание за дуэли...

— Знаю, — сказала я.

— Ну ладно. — Он помедлил. — Но при чем здесь полиция? Вы ведь не хотите, чтобы его схватили? Вашего собственного мужа?

— Не Джейми, — ответила я, — Рэндолла.

На его лице появилась широкая улыбка, хотя не без доли скептицизма.

— Ах так! И как же вы собираетесь это сделать?

— Я и моя подруга... на нас напали на улице несколько дней назад. — Я вздрогнула при воспоминании об этом. — Нападавшие были в масках, я не знаю, кто они. Но один из них был такого же роста и сложения, как Джонатан Рэндолл. Я скажу, что встретила Рэндолла сегодня и опознала его как одного из бандитов.

Дугал поднял брови, а затем нахмурил их. Он окинул меня холодным взглядом. Затем новая догадка отразилась на его лице.

— Боже, у вас чертовски крепкие нервы. Это было ограбление? — мягко спросил он. Против моей воли щеки у меня вспыхнули.

— Нет. — Слова застряли в горле.

— Ах... — Он откинулся на спинку сиденья, все еще разглядывая

меня. — Но вам не причинили вреда?

Я смотрела из окна кареты на улицы, по которым мы проезжали, но чувствовала, что он так и общаривает меня глазами от воротничка платья до складок юбки на коленях.

— Мне нет, но моей подруге...

— Понимаю. — Он помолчал минуту. Затем задумчиво спросил: — Слыхали о «Последователях зла»?

Развалившись в углу кареты, как кот, он, прищурившись, разглядывал меня.

— Нет. Кто они?

Он пожал плечами и выпрямился, глядя на приближающиеся громады д'Орфевр, которые казались серыми и мрачными рядом со сверкающей Сеной.

— Своего рода сообщество. Молодые люди из благополучных семей, интересующиеся вещами... скажем, недозволенными.

— Что вы еще знаете о «последователях»?

— Только то, что слышал в таверне Ситэ, — ответил он. — Что сообщество много требует от своих членов и начальный взнос очень велик по некоторым меркам...

— То есть?

Я сверлила его взглядом. Он довольно мрачно улыбнулся, прежде чем ответить:

— Девственность, во-первых. И соски замужней женщины, во-вторых. — Он бросил быстрый взгляд на мою грудь. Ваша подруга — девственница? Была ею?

Меня бросало то в жар, то в холод. Я вытерла лицо платком и сунула его в карман плаща. С первого раза мне не удалось попасть в карман — так дрожали руки.

— Да, была. Что еще вы слышали? Вы знаете, кто состоит в «Последователях зла»?

Дугал покачал головой. Седые пряди в каштановых волосах сверкали в лучах солнца.

— Только по слухам. Возможно, виконт де Вуска, младший из сыновей Чармисса. Граф Сент-Жермен. Эй! Да что с вами?

Он наклонился и с беспокойством посмотрел на меня.

— Все хорошо, — ответила я, глубоко вдыхая через нос. — Чертовски хорошо. — Мне пришлось снова вытащить платок и стереть холодный пот со лба.

«Мы не причиним вам вреда, милая дама», — звучал из глубин памяти

ироничный голос. Мужчина в зеленой рубашке был худощав, строен и узкоплеч. Это описание подходило как к графу Сент-Жермену, так и к Джонатану Рэндоллу. Узнала ли я его голос? Мог ли нормальный человек спокойно сидеть напротив меня за обедом, есть суп из лосося и поддерживать вежливый разговор менее чем через два часа после инцидента на улице Фобург Сент-Онорэ?

Хотя почему бы и нет? Ведь я могла! К тому же у меня не было причин считать графа нормальным, по моим понятиям, человеком, если слухи верны.

Карета остановилась, я лихорадочно размышляла. Если я добьюсь того, что злейший враг Джейми будет схвачен, не значит ли это, что мерзавец, изнасиловавший Мэри, останется на свободе? Я тяжело вздохнула. Проклятый выбор! Главное сейчас — жизнь, справедливость немного подождет.

Кучер соскочил на землю и взялся за ручку дверцы. Я закусила губу и посмотрела на Дугала Макензи. Он встретил мой взгляд с некоторым недоумением. Чего я хочу от него?

— Вы подтвердите мой рассказ?

Он посмотрел на башни д'Орфевр. Мягкий послеполуденный свет лился в открытую дверь кареты.

— Вы уверены, что это необходимо? — спросил он.

— Да. — Во рту у меня пересохло.

Он протянул мне руку:

— Тогда молитесь Богу, чтобы мы оба не оказались в тюрьме.

Часом позже мы вышли из полицейского участка. Я отослала карету домой, чтобы никто из знакомых не увидел ее на набережной д'Орфевр. Дугал предложил мне руку, и я оперлась на нее. Было трудно идти по мощеной мостовой на высоких каблуках.

Мы двинулись вдоль Сены по направлению к Нотр-Даму.

— Вы в самом деле думаете, что граф Сент-Жермен мог быть одним из тех, которые... кто остановил вас на улице Фобург Сент-Онорэ? — Голова кружилась от напряжения и усталости, а также от голода. Я ничего не ела с утра, и у меня сосало под ложечкой. Допрос в полиции отнял у меня много энергии. Сейчас не было необходимости напряженно думать, да и сил не осталось.

Я опиралась на сильную руку Дугала, но не могла поднять на него глаз. Приходилось смотреть под ноги, чтобы не упасть. Мы очутились на Рю Элиз, где влажные булыжники были испачканы разными нечистотами. Носильщик с огромной корзиной замешкался у нас на пути, прокашлялся и

звучно сплюнул на мостовую прямо мне под ноги. Зеленоватая жижа шлепнулась на булыжник и медленно сползла в грязную лужицу, образовавшуюся на месте недостающего булыжника.

— М-да. — Дугал, нахмутив брови, озирался по сторонам в поисках экипажа. — Одно могу сказать: я слышал много плохого об этом человеке, но я не имел чести его знать. — Он посмотрел на меня. — Вы так убедительно все представили. Не пройдет и часа, как Джек Рэндолл окажется в Бастилии. Но рано или поздно его выпустят. И я не уверен, что пыл Джейми к тому времени остынет. Хотите, я поговорю с ним? Чтобы убедить его не делать глупостей.

— Нет! Ради Бога, не вмешивайтесь!

Колеса проезжавшего мимо экипажа громко стучали по булыжникам, и я так повысила голос, что Дугал удивленно поднял брови.

— Ну ладно, — сказал он миролюбиво. — Разбирайтесь с ним сами. Он упрям как осел... но, вероятно, у вас есть свои методы, не так ли? — Это было сказано с понимающей улыбкой.

— Я все улажу. — Я это сделаю. Я должна. Потому что все, о чем я рассказала Дугалу, было правдой. Чистой правдой. И все-таки далеко от истины.

Я бы с радостью послала к черту Карла Стюарта и дело его отца, пожертвовала бы любой надеждой остановить его безумные планы, даже допустила бы, чтобы Джейми снова попал в тюрьму, лишь бы облегчить удар, который нанесло Джейми воскресение Рэндолла из мертвых. Я бы с радостью помогла ему убить Рэндолла, если бы не одно «но». Некоторое довольно значительное обстоятельство имело вес гораздо больший, чем уязвленное самолюбие Джейми, его душевный покой. Это был Фрэнк.

Только эта идея поддерживала мои силы в течение дня, не давая упасть от усталости. Несколько месяцев я думала, что Рэндолл умер бездетным, и опасалась за жизнь Фрэнка. Но все эти месяцы на безымянном пальце левой руки я продолжала носить золотое кольцо.

В дополнение к серебряному кольцу Джейми на правой, это служило талисманом в темные ночные часы, когда сомнения не давали уснуть. Если я все еще ношу это кольцо, то мужчина, надевший мне его, все еще жив. Я повторила себе это тысячу раз. Не имело значения, что я не представляла, каким образом умерший человек может дать начало роду, одним из потомков которого будет Фрэнк; кольцо было на месте, значит, Фрэнк будет жить.

Теперь я знала, почему кольцо все еще блестит на моем пальце, который сейчас был холодным как металл, из которого оно сделано.

Рэндолл остался жив, мог жениться и иметь ребенка, который даст жизнь Фрэнку. Если Джейми не убьет его прежде.

Я прикинула, какие шаги я могла предпринять в данный момент, но перед глазами вновь и вновь стояла сцена в коридоре герцогского дома. Ради жизни Фрэнка приходилось пожертвовать душой Джейми. Как я могла выбирать?

Фиакр, не обращая внимания на крики Дугала, промчался мимо, обдав грязью его шелковые чулки и подол моего платья.

Ругаясь по-гэльски, Дугал погрозил кулаком вслед карете.

— Ну, и что теперь? — спросил он риторически.

Слизистый комок серой слюны плавал в луже у моих ног. Мне стало плохо, я схватила твердую, как ветка платана, руку Дугала. Несмотря на твердость, она куда-то вдруг понеслась, увлекая меня, поднимая над холодной, мокрой, пахнущей рыбой землей.

Перед глазами заплясали черные пятна. «Теперь, — прошептала я, — я теряю сознание».

Солнце клонилось к закату, когда я вернулась на улицу Тремолин. Колени подгибались, и мне стоило труда переставлять ноги по ступенькам. Я сразу поднялась в спальню и сбросила плащ, спрашивая себя, вернулся ли Джейми.

Остановившись в дверях, я обвела взглядом комнату. Мой сундучок с лекарствами стоял открытый на столе. Ножницы, которые я обычно использовала, чтобы обрезать бинты, лежали полуоткрытые на моем туалетном столике. Это была замечательная вещица, подаренная мне одним мастером, который изредка работал в «Обители ангелов»: ручки в виде голов аистов, их клювы служили лезвиями. Серебряные ножницы поблескивали в лучах заходящего солнца, на кучке красно-золотых шелковистых нитей.

Я сделала несколько шагов к туалетному столику, и от движения воздуха легкие шелковые нити разлетелись по крышке столика.

— Господи Иисусе! — вырвалось у меня. Он был здесь. Шпаги на месте не было. Повсюду, на столе, на стуле, на полу, лежали блестящие пряди его волос. Я взяла золотистый локон со стола, нежные, мягкие волосы скользили в моих пальцах, как шелк для вышивания. Мурашки побежали у меня по спине. Я вспомнила, как Джейми, сидя у фонтана перед домом Роана, рассказывал мне о своей первой дуэли в Париже: «Лента, связывавшая мои волосы, порвалась, и на ветру волосы совсем закрыли мне лицо. Я с трудом мог видеть, что делаю».

Он не хотел, чтобы это случилось снова. Зажав мягкий и как будто все

еще живой локон в ладони, я представляла себе хладнокровие, с которым он стриг волосы; щелканье металлических лезвий вокруг головы, срезающих мягкие пряди, чтобы они не закрывали обзора.

Все еще держа в руке его локон, я подошла к окну и выглянула, словно надеясь увидеть его на улице. Но Рю Тремолин была пустынна — никакого движения, кроме колыхания тополиных теней во дворе и пары слуг, беседующих у ворот.

В доме было спокойно. Внизу шли приготовления к обеду. Сегодня гостей не ждали, обычной суматохи не было. Мы не любили излишнего шума, когда обедали вдвоем.

Я присела на кровать, закрыла глаза и прижала локон к груди. Как будто могла таким образом оградить Джейми от опасности.

Успела ли я? Нашла ли полиция Джека Рэндолла прежде, чем это сделал Джейми? Что, если они приехали одновременно или как раз застали Джейми вызывающим Рэндолла на дуэль? Если так, то, по крайней мере, они оба будут живы. Возможно, попадут в тюрьму, но это будет меньшее из зол.

А если Джейми нашел Рэндолла первым? Я посмотрела на улицу: там быстро темнело. Дуэли обычно проводились на рассвете, но я сомневалась, что Джейми дотерпит до утра. Возможно, сейчас они дерутся где-нибудь в пустынном месте, где звон стали и крики смертельно раненного не привлекут внимания.

Потому что схватка должна быть смертельной. То, что произошло между этими двумя мужчинами, могло быть искуплено только смертью. Чьей смертью? Джейми? Или Рэндолла, а вместе с ним Фрэнка? Джейми владел шпагой явно лучше своего противника. Но, как принимающий вызов, Рэндолл имел право выбора оружия. Успех же дуэли на пистолетах гораздо менее зависел от мастерства стреляющего, чем от случая. Попасть можно было только из очень хорошего пистолета, да и то случались осечки и другие неполадки. Я вдруг представила себе Джейми, неподвижно лежащего на траве с простреленным глазом, и запах пороха, перебивающий все весенние запахи Булон-ского леса.

— Клэр, что ты делаешь, черт побери?

От неожиданности я прикусила язык. Оба его глаза были на своем месте и смотрели на меня. Я никогда раньше не видела его с коротко подстриженными волосами. Он выглядел незнакомцем.

— Что я делаю? — эхом отозвалась я. Во рту у меня пересохло. — Что я делаю? Я сижу здесь с пучком твоих волос и гадаю, жив ты или уже нет! Вот что я делаю!

— Я жив. — Он открыл шкаф и выдвинул ящик. На ремне у него висела шпага. Он переоделся после нашего визита в дом Сандрингема. Сейчас он был одет в старую одежду, которая не стесняла движений.

— Да, я заметила. Мило с твоей стороны прийти и сказать мне об этом.

— Я пришел взять одежду. — Он вынул две рубашки и длинный плащ и бросил их на спинку стула, а затем стал искать в шкафу чистое белье.

— Одежду? А куда ты собираешься? — Я не знала, чего ждать, когда увижу его снова, но такой встречи, конечно, вовсе не ожидала.

— В гостиницу. — Он подумал немного и решил, что я все-таки достойна хоть какого-то объяснения. — Когда я в карете отправил тебя домой, я немного прошелся, чтобы прийти в себя. Зашел домой за шпагой, а потом вернулся в дом герцога, чтобы вызвать Рэндолла на дуэль. Дворецкий сообщил мне, что Рэндолл арестован.

Он остановил на мне свой глубокий как океанские глубины взгляд.

— Я поехал в Бастилию. Там мне сказали, что ты дала показания против Рэндолла, утверждая, что это он напал на тебя и Мэри Хоукинс. Зачем ты это сделала, Клэр?

Руки у меня дрожали, локон выпал и рассыпался на моих коленях.

— Джейми. — Голос тоже дрожал. — Джейми, ты не можешь убить Джека Рэндолла.

Уголок его рта слегка дернулся.

— Я не знаю, должен ли я быть тронут твоей заботой о моей безопасности или обидеться за недоверие. Но в обоих случаях можешь не беспокоиться. Я могу убить его. Очень легко. — Последние слова он произнес спокойно, со злобным удовлетворением.

— Я совсем не то имею в виду, Джейми!

— К счастью, — продолжил он, как будто не слыша моих возражений, — у Рэндолла есть доказательства, что в ночь, когда было совершено нападение, он находился в доме герцога. Как только полиция опросит гостей, присутствовавших на приеме, и убедится, что Рэндолл невиновен, по крайней мере, в этом, его немедленно отпустят. Я останусь в гостинице до его освобождения, а затем найду его. — Джейми смотрел на шкаф, но глаза его явно видели что-то другое. — Он от меня не уйдет, — тихо добавил он.

Джейми сложил рубашки и белье в дорожную сумку и повесил на руку плащ. Я соскочила с кровати, бросилась за ним и ухватила за рукав:

— Джейми! Ради Бога, Джейми, выслушай меня! Ты не можешь убить Джека Рэндолла потому, что я тебе не позволю!

Он озадаченно посмотрел на меня.

— Из-за Фрэнка. — Я выпустила его рукав и отступила назад.

— Из-за Фрэнка... — повторил он, слегка потрянув головой, как будто освобождаясь от звона в ушах. — Фрэнка...

— Если ты сейчас убьешь Джека Рэндолла, тогда Фрэнк... не будет существовать. Он не родится. Джейми, ты не можешь убить невинного человека!

Пока я говорила, его лицо, обычно слегка смуглое, стало белым. Теперь краска снова начала заливать его лицо, появившись на щеках и на кончиках ушей.

— Невинного человека?

— Невинный человек — это Фрэнк! Меня не волнует Джек Рэндолл!

— А меня волнует! — Он подхватил сумку и направился к двери. — Боже, Клэр! Ты пытаешься остановить мою месть человеку, который обращался со мной, как со шлюхой? Он заставлял меня, стоя на коленях, сосать его член, измазанный моей собственной кровью. О, Клэр! — Он с шумом распахнул дверь и вышел в коридор прежде, чем я успела остановить его.

К этому часу уже совсем стемнело, слуги зажгли свечи, и коридор был озарен мягким светом. Я схватила его за руку и закричала:

— Джейми! Прошу тебя!

Он нетерпеливо вырвал руку. Едва сдерживая слезы, я уцепилась за сумку и выхватила ее у него из рук.

— Прошу тебя, Джейми! Подожди хотя бы год! Ребенок Рэндолла должен родиться в следующем декабре. После этого ничто тебе не помешает его убить. Но до этого — ради меня, Джейми, — подожди!

Он стоял со сцепленными руками на груди, его огромная тень на стене казалась безликим грозным гигантом, с которым ему предстояло сразиться.

— Да, — прошептал он сам себе. — Я большой парень. Большой и сильный. Я многое могу вынести. Да, я могу вынести и это. — Он повернулся ко мне и закричал: — Я могу вынести многое! Но если я могу, разве это значит, что я должен? У всех есть слабости. Могу я тоже иметь слабости?

Он стал расхаживать взад-вперед по коридору. Гигантская тень молча следовала за ним.

— Ты не можешь просить меня об этом! Ты ведь знаешь, что... что... — Он задохнулся от ярости.

Каждый раз, проходя мимо стены, он ударял по ней кулаком. Стена бесстрастно принимала удары.

Тяжело дыша, он повернулся ко мне лицом, я замерла, боясь шелохнуться или заговорить. Он быстро кивнул раз или два, словно что-то для себя решив, затем достал из ножен кинжал и потряс им перед моим носом. Сделав над собой усилие, он заговорил спокойно:

— Ты должна выбрать, Клэр. Он или я. — Пламя свечей плясало на стальном клинке. — Я не могу жить, пока он жив. Если ты не хочешь, чтобы я убил его, тогда убей меня сама, сейчас! — Он схватил мою руку и сунул в нее рукоятку кинжала. Разорвав воротник, оголил шею и, сжав мою руку с кинжалом, поднес ее к своему горлу.

Я резко отпрянула назад, но он силой поднес острие кинжала к мягкой ямочке под ключицей, чуть выше следа, оставленного несколько лет назад ножом Рэндолла.

— Джейми, остановись! Сейчас же остановись! — Свободной рукой я схватила его за кисть и сжала изо всех сил, стараясь высвободиться. Кинжал со стуком упал на пол и, отскочив, очутился на уголке абиссинского ковра. Замечая малейшие детали, как это случается в самые ужасные моменты жизни, я увидела, что лезвие легло как раз на ветку крупного зеленого винограда, вытканного на ковре. Как будто для того, чтобы снять плоды и бросить их к нашим ногам.

Он неподвижно стоял передо мной, с бледным лицом и горящими глазами. Я схватила его за руку:

— Пожалуйста, поверь мне! Прошу тебя! Я никогда не сделала бы этого, если бы был хоть какой-нибудь другой выход. — Я глубоко вздохнула, чтобы успокоить кровь, пульсирующую в висках. — Ты обязан мне жизнью, Джейми. Даже дважды. Я спасла тебя от казни в Уэнтуорте и от лихорадки в аббатстве. Ты обязан мне жизнью, Джейми!

Он долго смотрел на меня, прежде чем ответить. Когда он заговорил, в его голосе слышалась горечь:

— Я так понимаю, теперь ты требуешь вернуть долг? — Его глаза сверкали ярким синеватым отблеском, какой бывает в самом сердце пламени.

— Я вынуждена! Я не могу заставить тебя увидеть истину другим способом!

— Истину. Ах, истину. Я не могу сказать, что вижу какую-то истину. — Он опустил голову, заложил руки за спину и медленно стал удаляться по бесконечному коридору, стены которого были разрисованы танцующими тенями. Джейми медленно двигался между ними, как в галерее.

Коридор, застеленный ковром, тянулся во всю длину второго этажа. В

обоих его концах располагались огромные витражи. Джейми доходил до самого конца, затем, повернувшись, как солдат на параде, медленно шел обратно. Туда-обратно, туда-обратно, снова и снова.

Ноги у меня дрожали, и я опустилась в кресло, стоявшее у лестницы. Один из слуг хотел подойти, видимо намереваясь спросить, не желает ли мадам вина или печенья. Со всей вежливостью, на которую была только способна в этот момент, я жестом отослала его.

Наконец Джейми подошел и встал передо мной, широко расставив ноги в туфлях с серебряными пряжками, все еще держа руки за спиной. Лицо его было спокойно, никаких следов волнения, только складки в уголках глаз сделались глубже.

— Значит, год, — только и сказал он. Резко повернувшись, он отошел на несколько футов. Я с трудом поднялась из глубокого кресла, обитого зеленым бархатом. Мне едва удалось устоять на ногах, когда он неожиданно повернулся и пронесся мимо меня к окну. Правой рукой он сильно ударил в стекло.

Окно было сделано из тысяч кусочков разноцветного стекла, скрепленных свинцовыми перегородками. На нем была изображена мифологическая сцена суда над Парисом. Хотя все окно задрожало от удара, в нем образовалась лишь небольшая дыра у ног Афродиты, основная же масса витража осталась цела. В дыру сразу хлынул свежий весенний воздух.

Джейми некоторое время стоял прижав руки к груди. Красное пятно расплывалось по разорванной кружевной манжете. Я бросилась к нему, но он прошел мимо, не говоря ни слова.

Я бессильно упала в кресло, так что из плюшевой обивки поднялось небольшое облачко пыли. Я лежала вытянув ноги, с закрытыми глазами, ощущая дуновение свежего ночного воздуха. Влажные волосы прилипли к вискам, пульс был частый, как у птицы.

Простит ли он меня когда-нибудь? Сердце сжималось, когда я вспоминала его глаза, полные боли от сознания, что его предали. «Как ты можешь просить об этом? — сказал он, — ты ведь знаешь...» Да, я знала, и я боялась, что это знание может оторвать меня от Джейми, как я была оторвана от Фрэнка.

Но независимо от того, простит меня Джейми или нет, я бы никогда не простила сама себя, если бы лишила жизни невинного человека, особенно того, которого когда-то любила.

«Грехи отцов, — пробормотала я себе под нос. — Детей нельзя судить за грехи отцов».

— Мадам?

Я подскочила, открыла глаза и увидела перепуганную горничную, которая пятилась назад. Я приложила руку к сердцу и стала хватать ртом воздух.

— Мадам, вам плохо? Может, вызвать?..

— Нет, — сказала я как можно спокойнее. — Все в порядке. Хочу посидеть здесь немного. Пожалуйста, идите.

Девушка была встревожена, но повиновалась. «Да, мадам!» — сказала она и исчезла в конце коридора. Я бездумно смотрела на стену, на которой висела картина с изображением любовной сцены в саду. Мне стало холодно, я запахнула полы плаща, который так и не успела снять, и снова закрыла глаза.

Было уже за полночь, когда я наконец добралась до нашей спальни. Джейми сидел за маленьким столиком, разглядывая пару мотыльков, которые летали в опасной близости от единственной свечи, освещавшей комнату. Я уронила накидку на пол и подошла к нему.

— Не трогай меня. Ложись спать, — сказал он как-то рассеянно. Я остановилась.

— Но твоя рука... — начала я.

— Не важно. Ложись спать, — повторил он.

Пальцы его правой руки были в крови, рукав рубашки тоже был весь пропитан кровью, но я не рискнула трогать его, опасаясь, что он может воткнуть кинжал себе в грудь. Я оставила его наблюдать за танцем смерти мотыльков и легла в постель.

Я проснулась на рассвете, когда в свете нового дня можно различить еще только контуры предметов в комнате. Сквозь дверь в смежную комнату было видно, что Джейми по-прежнему сидит за столом в той же позе. Свеча догорела, мотыльки улетели, и он сидел уронив голову на руки, запустив пальцы в безжалостно обкромсанные волосы. В слабом утреннем свете все цвета поблекли, и его волосы, обычно яркие, как языки пламени, выглядели как сгоревший пепел.

Я выскользнула из кровати в легкой кружевной рубашке. Когда я подошла к нему сзади, он не повернулся, хотя знал, что я здесь. Я дотронулась до его руки, и он, уронив ее на стол и отклонившись назад, прижался головой к моему животу. Я погладила его по голове, он глубоко вздохнул, и я почувствовала, как нечеловеческое напряжение выходит из него. Я погладила его по плечам, ощущая их прохладу сквозь тонкую ткань. Наконец я обогнула кресло и встала перед ним. Он подался вперед и, обхватив меня за талию, уткнулся лицом в мою ночную рубашку, прямо над

местом, где находился наш не родившийся еще ребенок.

— Мне холодно, — сказала я очень тихо. — Ты согреешь меня?

Он молча кивнул и, качаясь как слепой, встал с кресла. Я отвела его в постель, раздела и накрыла одеялом. Он обнял меня, прижал к себе, постепенно его кожа стала теплой. Мы лежали в уютном мягком тепле, прижавшись друг к другу.

Я положила руку ему на грудь и стала нежно гладить ее. Соски стали твердыми, в нем проснулось желание. Но он вдруг остановил мою руку. Я испугалась, что он отодвинет меня, и он действительно это сделал, но только затем, чтобы повернуться ко мне.

В комнате стало светлее, и он долго смотрел мне в лицо, проводя рукой от виска до подбородка, вниз вдоль шеи в сторону ключицы.

— Боже, как я тебя люблю! — Он поцеловал меня и нежно сжал мне грудь.

— Но твоя рука... — воскликнула я второй раз за эту ночь.

— Это не важно, — во второй раз ответил он.

Часть четвертая

СКАНДАЛ

Глава 22

КОРОЛЕВСКИЕ КОНЮШНИ

Карета медленно тряслась по дороге, совершенно разбитой от зимних морозов и весенних дождей, од выдался дождливый, даже сейчас, в начале лета, земля под кустами крыжовника, росшего по сторонам дороги, была влажной.

Джейми сидел рядом со мной на узкой скамейке, которая служила сиденьем в этой карете. Спящий Фергюс свернулся калачиком в уголке другого сиденья, и от толчков его голова болталась, как у механической куклы. В карете было жарко, и маленькие золотистые струйки пыли проникали через окна.

Мы непринужденно болтали сперва о природе, о королевских конюшнях в Аржентане, куда держали путь, о некоторых слухах, которые составляют предмет ежедневных разговоров при дворе и в деловых кругах. Я, кажется, даже задремала, убаюканная мерным покачиванием кареты и теплым летним днем, но из-за моего положения мне было неудобно сидеть в одной и той же позе, и от тряски болела спина.

Ребенок начал довольно активно двигаться в утробе, и слабые начальные движения плода превратились в настоящие толчки, которые были приятны сами по себе, но доставляли неудобства в дороге.

— Пожалуй, лучше было бы тебе остаться дома, Саксоночка, — сказал Джейми, когда я в очередной раз сменила позу.

— Все хорошо, — улыбнулась я. — Просто толкается. И было бы жаль не увидеть всего этого. — Я показала на широкие зеленые поля, которые блестели, как изумруды, между рядами темных стройных тополей. Хотя и несколько пыльный, деревенский воздух был свеж и чист после тяжелой дымной атмосферы города и запаха лекарств в «Обители ангелов».

Людовик в качестве дружеского жеста по отношению к английским дипломатам любезно позволил герцогу Сандрингему купить четырех першеронских кобыл Королевского конного завода в Аржентане. Эти кобылы предназначались для улучшения породы небольшого табуна лошадей, который его сиятельство держал в Англии. По этому случаю его сиятельство ехал сегодня в Аржентан и пригласил с собой Джейми, чтобы получить квалифицированный совет при выборе лошадей. Приглашение последовало на приеме у герцога, и прием плавно перешел в поездку-пикник, в которой приняли участие несколько придворных,

разместившихся в четырех каретах.

— Это хороший знак, ты как считаешь? — спросила я, бросив взгляд на нашего спящего спутника. — То, что Людовик дал герцогу разрешение купить лошадей. Если он делает жест доброй воли по отношению к Англии, значит, вероятнее всего, он не симпатизирует Джеймсу Стюарту, во всяком случае в открытую.

Джейми покачал головой. Он категорически отказался носить парик или шиньон. В настоящее время короткая стрижка имела свои преимущества: хотя его длинный нос был покрыт испариной, он не страдал от жары, как я.

— Нет, я почти уверен, что Людовик не станет помогать Стюартам, во всяком случае, пока речь идет о реставрации трона. Месье Дюверни заверил меня, что совет не одобряет таких шагов; хотя Людовик может иногда уступать просьбам Папы и делать Карлу небольшие поблажки, он не расположен оказывать Стюартам слишком большое внимание во Франции, в то время как Георг Английский заглядывает ему через плечо.

На Джейми был шотландский плед, заколотый брошью на плече, — красивая вещь, присланная ему сестрой. Брошь была сделана в форме двух бегущих оленей, головы и хвосты которых соприкасались, замыкаясь в круг. Он подобрал полу пледа и вытер ею лицо.

— Я разговаривал со всеми парижскими банкирами за последние несколько месяцев, и никто из них не проявил интереса к этому делу, — улыбнулся он. — Жаль бросать деньги на поддержку чьей-то сомнительной затеи, вроде реставрации Стюартов.

— Но остается еще Испания, — заметила я, с легким стоном распрямляя спину.

Джейми кивнул.

— Испания. И Дугал Макензи, — добавила я.

Джейми с интересом посмотрел на меня:

— У тебя есть от него известия?

Несмотря на свою подозрительность, Дугал считал Джейми преданным якобитом и присылал ему из Испании зашифрованные письма. Подразумевалось, что Джейми их прочтет и передаст Карлу Стюарту.

— Да, они у меня и в самом деле есть. — По выражению лица Джейми было ясно, что это хорошая новость, она и в самом деле была хорошей, но не для Стюартов.

— Филипп отказался предоставить какую-либо помощь Стюартам, — сказал Джейми. — Он получил известия от Папы и будет держаться в стороне от всех дел, связанных с шотландским троном.

— А почему?

Недавно было перехвачено несколько писем от Папы, но все они были адресованы Джеймсу или Карлу Стюартам, поэтому в них не было ничего о переговорах Папы с Испанией.

— Дугал считает, что знает ответ, — засмеялся Джейми. — Он просто возмущен. Около месяца обивал пороги в Толедо и не добился ничего, кроме туманных обещаний помощи «в свое время, даст Бог». — Он передал голосом ханжеские интонации испанца, и я рассмеялась.

— Бенедикт хочет избежать ухудшения отношений между Испанией и Францией; он не хочет, чтобы Филипп истратил деньги, которые Людовик сам мог бы использовать, — цинично добавил он. — Папе не пристало говорить такое, но он сомневается, сможет ли католический король и дальше править в Англии. У шотландцев есть свои католические вожди в кланах горцев, но с тех пор, как в Англии появился король-католик, они скорее согласятся на черта — Бог даст, — добавил он, усмехаясь.

Он провел рукой по стриженным волосам.

— Это выглядит довольно бесперспективно для Стюартов, Саксоночка, и это хорошая новость. Не будет помощи и от Бурбонов. Единственное, что меня сейчас беспокоит, это инвестиции, сделанные Карлом Стюартом с графом Сент-Жерменом.

— Значит, ты не думаешь, что это просто торговая сделка?

— В принципе, это выглядит как торговая сделка, — сказал он, нахмурившись. — Но что-то за этим стоит. Я кое-что слышал.

Хотя банкирские семьи Парижа не имели серьезных намерений посадить молодого претендента на шотландский трон, такое положение дел могло с легкостью измениться, если у Карла неожиданно появятся деньги для инвестиций.

— Его высочество утверждает, что разговаривал с Гоблинами, — продолжал Джейми. — Его представил им Сент-Жермен; иначе они бы его не приняли. Старый Гоблин нашел его никудышным болваном, то же думает и один из Гоблинов-сыновей. Хотя другой обещал, что подождет и посмотрит; если Карлу удастся эта сделка, тогда, возможно, он предоставит ему и другие возможности.

— Не все так хорошо, — заключила я.

Джейми покачал головой:

— Деньги к деньгам, сама знаешь. Если ему повезет с одной или двумя сделками, банкиры изменят свое отношение к нему. Этот человек не слишком умен, но у него есть обаяние, он умеет переубеждать людей. Он не продвинется к своей цели без достаточного капитала, но если сделка

будет иметь успех, он этот капитал получит.

— М-м-м... — Я снова повернулась на сиденье и пошевелила пальцами ног, которым было жарко в тесной кожаной темнице. Раньше эти туфли были мне впору, но теперь ноги немного отекли, а шелковые чулки намокли от пота. — Что мы можем сделать в связи с этим?

Джейми пожал плечами:

— Молиться, чтобы в Португалии была плохая погода. По правде говоря, кроме кораблекрушения я не вижу других путей помешать этой сделке. У Сент-Жермена уже есть контракт на продажу всего груза. И он, и Карл Стюарт собираются нажить на нем капитал.

Я слегка вздрогнула при упоминании имени Сент-Жермена и невольно вспомнила слова Дугала. Я не рассказала Джейми ни о его визите, ни о его соображениях насчет ночной деятельности графа.

Я не держала секретов от Джейми, но Дугал потребовал от меня обещания молчать в обмен на свою помощь в деле с Джонатаном Рэндоллом, и мне пришлось согласиться.

Джейми неожиданно улыбнулся мне и протянул руку:

— Я тут подумал кое о чем, Саксоночка. Дай мне, пожалуйста, твои ноги. Дженни говорила мне, что это помогает, если массировать ступни, когда ждешь ребенка.

Я не стала спорить и, сбросив туфли, положила ноги ему на колени. У меня вырвался вздох облегчения, когда ветерок из окна охладил шелк на пальцах ног.

У Джейми были большие руки, а пальцы сильные и одновременно нежные. Он ласково провел большим пальцем по моей ступне, и я откинулась назад с легким стоном. Несколько минут мы ехали молча. Я лежала в состоянии полного блаженства.

Склонив голову к моим ногам, Джейми задумчиво заметил:

— Это ведь не было долгом на самом деле, да?

— Что не было? — Расслабившись от теплого солнышка и массажа, я не сразу поняла, что он имеет в виду.

Не прекращая поглаживать ступни, он посмотрел мне в глаза. Выражение его лица было серьезным, хотя легкая улыбка мелькнула во взгляде.

— Ты сказала, что я обязан тебе жизнью, Саксоночка, потому что ты спасла меня. — Он нежно водил рукой вокруг моего большого пальца. — Но я тут подумал и не уверен, что это так. Мне кажется, что если учесть все, то получится полное равенство.

— Что значит равенство? — Я попыталась опустить ноги, но он

крепко их держал.

— Если ты спасла мне жизнь, — а ты действительно спасла, — то ведь и я спас твою, по крайней мере столько же раз. Я спас тебя от Джека Рэндолла в Форт-Уильяме, ты ведь помнишь. И я спас тебя от толпы в Крэйнсмуире, не так ли?

— Да, — ответила я, не понимая, куда он клонит, но чувствуя, что это не пустой разговор. — Я, конечно, благодарна тебе за это.

— Это не повод для благодарности, Саксоночка, с твоей стороны или с моей. Я считаю, что это не подразумевает никаких обязательств. — Улыбка исчезла с его лица, и он стало вполне серьезным. — Я не давал тебе жизнь Рэндолла в обмен на свою собственную — во-первых, это был бы неравноценный обмен. Закрой рот, Саксоночка, — деловито добавил он. — Мухи могут влететь.

В карете и в самом деле было несколько мух. Три из них сидели на рубашке Фергюса, не обращая внимания на то, что грудь мальчика мерно вздымалась и опускалась.

— Тогда почему ты согласился? — Я перестала сопротивляться, и он, зажав обеими руками мои ступни, медленно водил пальцами по пяткам.

— Ни по одной из причин, которые ты мне привела. Что касается Фрэнка, — вздохнул он, — ну, есть доля правды в том, что я увел у него жену, и мне жаль его, иногда больше, чем других, — добавил он, вскинув бровь. — Однако это все равно как если бы он был моим соперником здесь. У тебя был свободный выбор, и ты выбрала меня, даже несмотря на то, что на его стороне был такой весомый аргумент, как горячая ванна в доме. Уф!

Я высвободила одну ногу и пнула его в ребра. Он снова поймал ее, как раз вовремя, чтобы не получить второй удар.

— Сожалеешь о своем выборе, да?

— Пока нет, — сказала я, вырываясь, — но могу пожалеть в любой момент. Если не замолчишь.

— Ну ладно. Я не мог понять, почему тот факт, что ты выбрала меня, означает, что надо так переживать по поводу Фрэнка Рэндолла. Кстати, — сказал он доверительно, — я учту, что надо очень ревновать тебя к этому мужчине.

Я пнула его другой ногой. Он ловко поймал ее за щиколотку.

— Что касается спасения его жизни, — продолжал он, не обращая внимания на мои попытки вырваться, — на этот вопрос брат Ансельм в аббатстве мог бы ответить лучше меня. Я бы, конечно, не стал хладнокровно убивать невинного человека. Однако я убивал людей в бою. Есть ли разница?

Я вспомнила солдата и мальчика на снегу, которых убила, спасаясь от Уэнтуорта. Я больше не изводила себя воспоминаниями об этом, но знала, что никогда не избавлюсь от них.

Джейми покачал головой:

— Можно найти много всяких аргументов, но, в конце концов, в этих случаях есть один выбор: ты убиваешь, если должен убить, и потом ты живешь с этим. Я помню лицо каждого человека, которого убил, и всегда буду помнить. Но дело в том, что я жив, а они нет. И это мое единственное оправдание.

— Но к данному случаю это не подходит, — заметила я. — Вопрос так не стоит: убить или быть убитым.

Он покачал головой, смахивая муху, которая села ему на волосы.

— Тут ты ошибаешься, Саксоночка. То, что стоит между мной и Джеком Рэндаллом, может быть решено, только когда один из нас умрет. Есть разные способы убийства, не только с помощью ножа или ружья, и есть вещи похуже, чем физическая смерть. — В голосе его звучали ласковые нотки. — В аббатстве Святой Анны ты спасла меня не только от физической смерти, *mo duinne*, и не думай, что я этого не понимаю. — Он вздохнул. — Наверное, ты все же чаще спасала мне жизнь, чем я тебе... — Он отпустил мои ноги и выпрямился. — Поэтому надо еще разобраться. Ведь ты не знала, что произойдет, когда делала свой выбор. Одно дело — отвергнуть мужчину, и совсем другое — обречь его на смерть.

Мне вовсе не нравилась такая интерпретация моих поступков, но отрицать факты я не могла. Я действительно отвергла Фрэнка и, хотя не жалела о своем выборе, все же жалела и всегда буду жалеть о необходимости этого выбора. Джейми словно продолжил мои мысли:

— Если б ты знала, что выбор твой будет означать, ну, допустим, смерть Фрэнка, возможно, он был бы иным. И, если уж ты выбрала меня, вправе ли я вынуждать тебя на поступки, имеющие куда худшие последствия?

Поглощенный своими размышлениями, он сперва не заметил, какое впечатление произвели на меня эти последние слова. Но, увидев мое лицо, сразу же замолчал, и какое-то время мы ехали молча среди зеленых полей.

— Не понимаю, каким образом твой поступок, Клэр, может оказаться грехом, — сказал он наконец, положив руку мне на ногу. — Ведь я тебе законный муж, каким и он был когда-то или будет. Ведь ты даже не знаешь, вернешься ли к нему. Возможно, попадешь еще дальше в прошлое или, наоборот, в будущее время. Ты поступала так, как считала должным, это самое лучшее решение. — Он посмотрел мне в глаза, и взгляд этот проник

до самой глубины души. — Я достаточно честен, чтобы признать: меня не волнует, что правильно, а что нет, Клэр, пока ты со мной, — тихо добавил он. — И если считаешь, что, выбрав меня, совершила тяжкий грех... Что ж, тогда пойду к самому дьяволу и благословлю его за то, что склонил тебя к этому. — Он поднял мою ногу и нежно поцеловал кончики пальцев.

Я положила руку ему на голову; короткие волосы были жесткими и мягкими одновременно, как иголки у молодого ежика.

— Я не думаю, что сделала что-то плохое, — мягко сказала я. — Но если это так... тогда я пойду к дьяволу с тобой вместе, Джейми Фрэзер.

Он закрыл глаза и уткнулся лицом мне в ногу. Я не пыталась высвободить ее.

— Тогда почему, Джейми? Почему ты решил оставить Джека Рэндолла в живых?

Он еще сжимал мою ногу, но открыл глаза и улыбнулся.

— Я много передумал в тот вечер, Саксоночка, пока ходил взад-вперед. Я понимал, что ты будешь страдать, если я действительно убью этого грязного подонка. И потом, что должно перевесить: твоя совесть или моя честь? Так нельзя. — Он снова покачал головой. — Каждый из нас отвечает только за то, что он сам сделал, только за свою совесть. То, что я делаю, не может быть отнесено на твой счет, независимо от последствий. — Он заморгал от попавшей в глаза пыли и провел рукой по волосам, тщетно пытаясь их пригладить. Хохолок на макушке продолжал торчать.

— Тогда почему? — потребовала я ответа, подавшись корпусом вперед. — Ты перечислил мне все причины, по которым нужно его убить. Что же тебя остановило?

Он несколько мгновений колебался, потом посмотрел мне прямо в глаза.

— Все из-за Карла Стюарта, Саксоночка. Мы вроде бы перекрыли все пути, но эта сделка... из-за нее он, возможно, еще возглавит армию. И если это случится... Ты сама хорошо знаешь, что может случиться, Саксоночка. — Я знала, и мысль об этом наполняла меня ужасом. Я без конца вспоминала описание поражения горцев при Каллодене, сделанное одним из историков: «Окровавленные трупы громоздились в четыре яруса под проливным дождем...»

Горцы, голодные и неорганизованные, но сражающиеся до конца, будут разбиты за какие-нибудь полчаса. Они будут брошены окровавленные под холодным апрельским дождем. Дело, за которое они боролись в течение ста лет, умрет вместе с ними.

Джейми взял меня за руку:

— Я думаю, этого не случится, Клэр. Мы его остановим. Даже если нет, то я не думаю, что со мной что-нибудь случится. Но если все же... — Он был очень серьезен, говоря горячо и убежденно: — Если это случится, я хочу, чтоб ты была обеспечена. Я хочу, чтобы кто-то позаботился о тебе, если я... не смогу заботиться о тебе. Если не я, то я бы хотел, чтобы это был мужчина, который тебя любит. — Он крепче сжал мои пальцы, и оба кольца вонзились мне в плоть. — Клэр, ты знаешь, чего мне стоит сохранить жизнь Рэндоллу? Я это делаю для тебя. Обещай мне, что, если время придет, ты вернешься назад к Фрэнку. — Он смотрел мне в лицо, его глаза были синими, как небо в окошке кареты. — Я уже дважды пытался отправить тебя обратно. Слава Богу, что ты не ушла. Но если наступит третий раз, обещай мне, что вернешься к нему — вернешься к Фрэнку. Вот почему я дал Джеку Рэндоллу отсрочку на год — ради тебя. Обещай мне, Клэр!

— Но-о! Пошли! — кричал кучер сверху, щелкая кнутом. Мы подъезжали.

— Хорошо, — ответила я наконец. — Обещаю.

Конюшни в Аржентане были чистые и просторные. В них пахло летом и лошадьми. В открытом стойле Джейми как слепень кружил вокруг першеронской кобылы:

— О! Какая красивая девочка! Иди сюда, милая, дай-ка мне посмотреть на твой красивый круп. М-м-м, да, это великолепно!

— Хотела бы я, чтобы мой муж говорил мне то же, — заметила герцогиня де Нев, вызвав смешки других дам.

— Он бы, наверное, так и говорил, если б ваш задик вызывал у него те же чувства. Но, возможно, мнение вашего мужа не совпадает с понятиями нашего дорогого лорда Брех Туараха о красиво очерченном крупе. — Граф Сент-Жермен позволил себе окинуть взором мою фигуру, явно получая от этого удовольствие. Я старалась представить те же глаза, глядящие на меня сквозь прорези в маске, и почти преуспела в этом. К сожалению, оборки рукава закрывали его кисть и я не могла увидеть отметину у большого пальца.

Услышав его слова, Джейми перегнулся через широкую спину лошади, так что над массивным корпусом першеронской кобылы виднелись теперь лишь его голова и плечи.

— Наш дорогой лорд Брех Туарах ценит красоту во всем, господин граф, в животных и женщинах. Но в отличие от кое-кого я все же делаю различие между теми и другими. — Он с холодной вежливостью

улыбнулся Сент-Жермену и похлопал лошадь по холке. Дамы у изгороди засмеялись.

Джейми взял меня за руку и повел в другую конюшню. Все присутствующие медленно потянулись за нами.

— Ах! — Он глубоко вдохнул запах лошадей, навоза и сена, словно это был фимиам. — Как я люблю запах конюшни! Всегда вспоминаю Шотландию...

— Не очень-то похоже на Шотландию, — заметила я, щурясь от яркого солнечного света, когда мы вышли из конюшни на воздух.

— Ты права, но это деревня. Здесь чисто, зелень вокруг, в воздухе нет дыма, а под ногами — нечистот. Если не считать конского навоза, а я его нечистотами не считаю.

Летнее солнце золотило крыши домов Аржентана, раскинувшегося на живописных зеленых холмах. Королевские конюшни располагались за городом и представляли собой гораздо более солидные строения, чем дома королевских подданных. Они были построены из камня, крыты черепицей и содержались в идеальной чистоте, превосходившей в каком-то смысле даже чистоту «Обители ангелов».

Тут из-за угла конюшни послышались громкие крики. Из-за поворота, словно выпущенный из пращи, на нас вылетел Фергюс, за ним по пятам неслись двое парнишек-конюхов, оба намного старше. На лице одного из них красовалась зеленая полоса от свежего навоза, что, видимо, и составляло причину преследования.

Фергюс, сообразив, где искать убежище, шмыгнул в середину толпы и спрятался за шотландскую юбку Джейми. Видя, что их намерениям не суждено сбыться, преследователи испуганно посмотрели на надвигающиеся ряды придворных в роскошных нарядах, повернули назад и удрали.

Убедившись, что они удаляются, Фергюс высунул голову из-за юбки и выкрикнул им вдогонку что-то по-французски, за что Джейми щелкнул его по уху.

— Хватит, — строго сказал он. — И ради Бога, не бросай конских яблок в людей, которые больше и сильнее тебя. А сейчас ступай и держись от них подальше. — Он сопроводил свой совет хорошим шлепком и подтолкнул мальчика в сторону, противоположную той, куда побежали его преследователи.

Я сомневалась, разумно ли будет брать Фергюса с нами в эту поездку, но большинство дам взяли с собой мальчиков-пажей — бегать по поручениям и носить корзины с едой. К тому же Джейми хотелось, чтобы

парнишка побывал в деревне, устроить ему каникулы. Все бы хорошо, но Фергюс, который никогда в жизни не выезжал из Парижа, совсем ошалел от свежего воздуха, солнечного света и огромных красивых лошадей и постоянно доставлял нам беспокойство.

— Одному Богу известно, что он еще натворит, — мрачно предрекала я, глядя на удаляющуюся фигурку мальчика. — Наверное, подожжет стог сена.

Джейми не был обеспокоен моим предположением:

— Ничего не натворит. Все мальчишки кидаются навозом.

— Правда? — Я повернулась и стала разглядывать Сент-Жермена, в одежде из белого льна, белой саржи и белого шелка. Он вежливо выслушивал герцогиню, медленно прогуливавшуюся по сенному двору. — Ты, может быть, и кидался, — сказала я. — Но не он. И не епископ, я полагаю.

Я спрашивала себя, стоило ли ехать на эту экскурсию, во всяком случае мне. Джейми прекрасно разбирался в першеронских лошадях, и герцог явно нуждался в нем, что было нам на руку. У меня же от тряски в карете ужасно разболелась спина, а туфли безжалостно жали.

Джейми посмотрел на меня, улыбнулся и сжал мне руку:

— Не долго осталось, Саксоночка. Нам хотят показать помещения, в которых ведется селекционная работа. А затем ты вместе с другими дамами сможешь пойти посидеть на лужайке и закусить, пока мужчины будут горячо обсуждать размеры своих мужских достоинств.

— Это что, обычная тема для разговоров после наблюдений за селекционной работой? — удивленно спросила я.

— У мужчин — да. Уж не знаю, как это действует на женщин. Навостри ушки, потом расскажешь мне, о чем они говорят.

Среди участников пикника действительно повеяло каким-то сдержанным возбуждением, когда мы все втиснулись в отгороженную часть сарая. Сложенный из камня, как и другие конюшни, этот сарай имел не отдельные стойла по обе стороны, а одно большое перегороженное решетками, которые можно было поднимать и опускать, как ворота. Само здание было светлым и просторным благодаря огромным окнам с двух сторон, сквозь которые виднелись загон, поросшие зеленой травой. В загоне паслись несколько больших першеронских кобыл. Они вели себя беспокойно, то пускаясь в галоп, то снова переходя на рысь или шаг, трясли гривами и пронзительно ржали. В ответ на их ржание из закрытого стойла донеслось громкое ответное ржание, и перегородка затряслась от мощных ударов копытами.

— Он готов, — пробормотал кто-то за моей спиной. — Кто же эта счастливица?

— Та, что ближе всего к воротам, — предположила герцогиня, всегда готовая держать пари. — Ставлю пять ливров на эту кобылу.

— Ошибаетесь, мадам. Она слишком спокойна. Это будет вон та малышка, что стоит под яблоней и стреляет глазами, как заправская кокетка. Смотрите, как она трясет гривой! Я ставлю на нее.

Заслышав крик жеребца, все лошади остановились, затрепетали ноздрями, стали нервно прядать ушами. Две беспокойные кобылы затрясли головами, одна из них вытянула шею и пронзительно заржала.

— Вот эта, — убежденно произнес Джейми, кивая на нее. — Слыхали, как она зовет его?

— И что же она говорит, милорд? — спросил епископ насмешливо, сверкнув глазами.

Джейми лишь покачал головой:

— Это песня, милорд, но существа, носящие платье, не могут, да и не должны ее слышать.

Естественно, выбор пал на кобылу, на которую указал Джейми. Оказавшись в сарае, она остановилась как вкопанная с поднятой головой и стала принюхиваться, раздувая ноздри. Жеребец почуял ее и так громко заржал, что звуки эти, эхом отдававшиеся под крышей, моментально заглушили все разговоры.

Впрочем, в этот момент никому и не хотелось говорить. Даже я, несмотря на плохое самочувствие, ощутила замирание в груди, когда кобыла снова ответила на призыв жеребца.

Першероны — очень крупные лошади. Они достигают пяти футов в холке. А круп хорошо откормленной кобылы шириной почти в ярд. Серые в яблоках или вороные, они украшены пышной гривой и хвостом в руку толщиной.

Тут жеребец так неожиданно и мощно рванулся к кобыле из стойла, что все отпрянули от перегородки. Он взбивал копытами тучи пыли, изо рта брызгала пена. Наконец жених вырвался из стойла и прыгнул в загон.

Кобыла заметалась и тревожно заржала. Он налег на нее сзади, схватил зубами за шею, заставляя покорно склонить голову. Ее хвост высоко взметнулся, оставляя ее незащищенной и предоставленной его желанию.

— Господи, — прошептал месье Прюдом.

Все произошло очень быстро, но казалось, что мы бесконечно долго наблюдали, как вздымались и опускались темные бока, как играли

солнечные лучи в развевающихся гривах и мускулы напрягались в гибкой агонии соития.

Все молчали, выходя из конюшни. Наконец герцог рассмеялся, слегка подтолкнул локтем Джейми и сказал:

— Вы ведь не раз видели подобные сцены, милорд Брох Туарах?

— Так и есть, — ответил Джейми. — Я видел их много раз.

— Правда? — воскликнул герцог. — Тогда скажите, милорд, что вы чувствуете, глядя на такие сцены?

Джейми улыбнулся уголком рта, вторая половина лица, обращенная к герцогу, сохраняла серьезное выражение:

— Свою неполноценность, ваше сиятельство, — ответил он.

— Вот это зрелище! — воскликнула герцогиня де Нев. Она отломил кусочек бисквита и стала медленно жевать. — Так возбуждает!

— Какой грандиозный член, хотите вы сказать, — довольно грубо возразила мадам Прюдом, — хотела бы я, чтобы у Филибера был такой. А то у него... — Она повела бровью в сторону тарелки с тонкими сосисками, каждая длиной дюйма с два, и дамы, сидевшие на коврике для пикника, дружно захихикали.

— Поль, пожалуйста, кусочек курицы, — обратилась графиня Сент-Жермен к пажу. Она была молода, и фривольные разговоры старших дам смущали ее.

Я задавала себе вопрос, какого рода отношения были у нее с мужем. Он никогда не вывозил ее в свет, кроме тех случаев, когда присутствие епископа не позволяло ему появиться с одной из своих любовниц.

— Какая ерунда! — возразила мадам Монтрезор, одна из придворных дам, чей муж был другом епископа. — Размер это еще не все. Если член встает только один раз, да и то не больше чем на две минуты, что толку, если у него размеры, как у жеребца? — Она двумя пальцами взяла корнишон и стала высасывать его бледно-зеленый сок, усиленно работая кончиком розового языка. — Не важно, что у них в штанах, важно, как они могут этим распорядиться.

Мадам Прюдом прыснула:

— Если вы найдете кого-нибудь, кто знает, как этим распорядиться, кроме как сунуть в ближайшую дырку, тогда покажите мне его. Интересно было бы посмотреть, что еще можно с этим делать.

— Ваши мужья, по крайней мере, хоть что-то с этим делают, — вставила герцогиня де Нев. Она бросила презрительный взгляд на своего мужа, стоявшего вместе с другими мужчинами возле загона, в который пустили только что осемененную кобылу. — «Только не сегодня, моя

дорогая. — Она очень похоже изобразила сонные интонации своего мужа. — Я так устал. — Она приложила руки к бровям и закатила глаза. — Занятия так изматывают».

Ободренная одобрительными смешками, она продолжала передразнивать мужа, расширив глаза, как бы от ужаса, и закрывая руками низ живота: — «Что, опять? Ты же знаешь, что частое расходование мужской энергии может привести к расстройству здоровья. Мало того, что из-за твоих домогательств я совсем исхудал, ты что, хочешь, чтобы меня хватил удар?»

Дамы снова весело рассмеялись. Так громко, что привлекли внимание епископа. Он посмотрел в нашу сторону. На его лице появилась виноватая улыбка, вызвавшая новый взрыв веселья.

— Он, по крайней мере, не расходует свою мужскую энергию в борделях или где-либо еще, — сказала мадам Прюдом, с жалостью посмотрев на графиню Сент-Жермен.

— Нет, — сказала погрузневшая Матильда. — Он трясется над тем, как будто он у него золотой. Можно подумать, что он... О, ваше сиятельство! Не желаете ли вина? — с очаровательной улыбкой обратилась она к герцогу Сандрингему, который незаметно подошел сзади. Он стоял и улыбался дамам, слегка подняв одну бровь. Если он и слышал, о чем они говорили, то не подал виду.

Усевшись рядом со мной на подстилке, его сиятельство поддерживал живой остроумный разговор с дамами, его странно высокий голос совсем не контрастировал с их голосами. Казалось, он был увлечен беседой, но я заметила, что время от времени он поглядывает на группу мужчин, стоявших у изгороди. Килт Джейми выделялся своей яркой расцветкой среди пестрых бархатных и шелковых одежд.

Я испытывала некоторую нерешительность перед встречей с герцогом, ведь наш последний визит к нему закончился арестом Джонатана Рэндолла по моему обвинению в нападении. На этом пикнике герцог был само очарование и любезность. Ни разу не упомянул даже о братьях Рэндолл. Не было и ни единого упоминания о самом аресте. Герцог, как дипломат высокого класса, в полной мере владел искусством хранить молчание.

Я обрадовалась появлению герцога. Хотя бы потому, что его присутствие избавило меня от обычных дурацких вопросов, что шотландцы носят под килтом. Учитывая игривое настроение дам, я сомневалась, что моего обычного ответа: «О, то, что носят все» — будет достаточно.

— Ваш муж прекрасно разбирается в лошадях. — Герцог повернулся

ко мне, как только его соседка с другой стороны, герцогиня де Нев, заговорила с мадам Прюдом, сидевшей напротив. — Он сказал мне, что его отец и дядя держали небольшие, но очень хорошие конюшни в горах.

— Да, это так. — Я глотнула вина. — Но вы ведь были у Колама Макензи в замке Леох и имели возможность видеть его конюшню. — Я впервые встретила герцога в Леохе год назад, хотя встреча была краткой. Он уехал на охоту незадолго до того, как меня арестовали за колдовство. Он, конечно, должен был знать об этом, но не выдал себя ни единым намеком.

— Да, я видел. — Синие пронизательные глазки герцога блуждали по сторонам, он смотрел, не наблюдают ли за нами. — Ваш муж говорил мне, что не может жить в своей собственной стране из-за ошибочного смертного приговора, вынесенного ему английской короной. Скажите, миледи, этот приговор все еще действует?

— Да. За его голову обещано вознаграждение, — мрачно подтвердила я.

Выражение вежливого интереса на лице герцога не изменилось. Он потянулся за сосиской.

— Это поправимо, — спокойно сказал он. — После встречи с вашим мужем в Леохе я навел справки — о, очень осторожно, моя дорогая леди, уверяю вас. И я думаю, что это дело можно уладить без больших хлопот, шепнув нужное слово в нужное ухо.

Я внимательно слушала. Джейми когда-то рассказал герцогу Сандрингемскому о своем приговоре — так посоветовал ему Колам Макензи — в надежде, что герцог сможет вмешаться и помочь. Так как Джейми действительно не совершал никакого преступления и против него не было улик, казалось вполне возможным, что герцог, имеющий вес в высших кругах Англии, и в самом деле сможет поспособствовать отмене приговора.

— Но почему? Что вы хотите взамен?

Его светлые брови подпрыгнули, и он улыбнулся, продемонстрировав маленькие ровные белые зубы.

— Как вы, однако, прямолинейны! Может, я просто ценю помощь вашего мужа в выборе лошадей и хотел бы видеть его возвратившимся туда, где его знания и опыт можно было бы применить с пользой.

— Может быть, но это не так, — возразила я холодно. Заметив, что мадам Прюдом наблюдает за нами, я вежливо улыбнулась герцогу. — Почему?

Он отправил сосиску целиком себе в рот и медленно жевал ее. На его

круглом лице не отражалось ничего, кроме наслаждения едой и солнечным днем. Наконец он дожевал и аккуратно вытер рот накрахмаленной салфеткой.

— Ну, хорошо, — начал он. — Только в качестве предположения. Вы меня понимаете?

Я кивнула, и он продолжал:

— Таким образом, в качестве предположения, мы могли бы допустить, что дружба вашего мужа с некоторым лицом, недавно прибывшим из Рима?.. Вы меня понимаете? Да. Предположим, что эта самая дружба интересует определенные круги, которые бы предпочли, чтобы это лицо благополучно вернулось в Рим. Или хотя бы обосновалось во Франции. Хотя Рим был бы предпочтительнее. Безопаснее, знаете ли.

— Понимаю. — Я взяла с тарелки сосиску. Они были сильно сдобрены специями, и запах чеснока ударял мне в нос всякий раз, как я откусывала кусочек. — Значит, эти круги придают такое большое значение дружбе моего мужа с этим лицом, что предлагают отмену приговора в обмен на разрыв этих отношений? Но почему? Мой муж не такая уж влиятельная персона.

— Пока нет, — согласился герцог, — но может стать ею в будущем. У него есть связи в среде французских банкиров и торговцев. Его принимают при дворе, и он имеет некоторый доступ к королю Людовику. Короче, если даже сейчас он и не располагает крупными суммами и известностью, то вскоре все это может обрести. К тому же он член одного из двух самых влиятельных шотландских кланов. Круги, которые желают возвращения вышеупомянутого лица в Рим, не без оснований опасаются, что влияние вашего мужа может быть направлено в нежелательное русло. Таким образом, будет лучше, если ваш муж вернется на родину и его доброе имя будет восстановлено. Вы так не считаете?

— Надо подумать, — ответила я. Это была взятка, и очень заманчивая взятка. От Джейми требовалось разорвать все отношения с Карлом Стюартом и свободно, без риска быть повешенным, вернуться в Шотландию, в Лаллиброх. Отъезд человека, поддерживающего Стюартов, при минимальных затратах с их стороны, был бы очень желателен для англичан.

Я внимательно смотрела на герцога, пытаясь понять, какую выгоду он преследует. Формально являясь послом Георга II, выборщиком Ганновера и короля Англии — ведь пока Джеймс Стюарт остается в Риме, герцог вполне мог иметь двойную цель своего пребывания в Париже. Начать с Людовиком осторожный обмен любезностями и изменить сложившийся

баланс сил, одновременно сужая размах новой волны якобитского движения? Несколько групп, поддерживающих Карла, со временем куда-то исчезли под предлогом неотложных дел за границей. Их или подкупили, или испугали, думала я.

Невозмутимое лицо герцога не выдавало его мыслей. Он сдвинул парик и бессознательно почесал лысину под ним.

— Подумайте об этом, моя милая, — настаивал он, — а когда подумаете, поговорите со своим мужем.

— Почему вы сами с ним не поговорите?

Он пожал плечами и взял еще одну сосиску, уже третью.

— Я считаю, что мужчины чаще прислушиваются к словам, сказанным в домашней обстановке человеком, которому доверяют. В противном случае они воспринимают совет как давление извне. — Он улыбнулся. — К самолюбивым людям нужен деликатный подход. А кто может быть деликатнее женщины?

Я не успела ответить. Из главной конюшни раздался крик, и все головы повернулись туда. По узкой аллее между главной конюшней и длинным открытым сараем, в котором была кузница, неслась лошадь. Это был молодой першерон, не старше двух-трех лет, судя по его неровной окраске. Даже молодые першероны крупны, а этот был просто огромный. Он бежал взад-вперед легкой рысью, размахивая хвостом. Определенно этот жеребец еще не был приучен к седлу. Он резко метался из стороны в сторону, пытаясь сбросить маленькую фигурку, обеими руками вцепившуюся ему в гриву.

— Черт побери, это Фергюс! — Дамы, встревоженные криками, повскакивали на ноги и с интересом наблюдали за происходящим.

Я даже не заметила, что мужчины присоединились к нам, пока одна из женщин не сказала:

— Однако это довольно опасно. Мальчик может ушибиться!

— Если не ушибется сам, свалившись с лошади, я отшлепаю его, едва этот паршивец попадет мне в руки, — послышался сердитый голос. Я повернулась и увидела Джейми, наблюдающего поверх моей головы за быстро приближающейся лошадью.

— Ты хочешь снять его? — спросила я.

Он покачал головой:

— Нет, пусть лошадь сама об этом позаботится.

Лошадь же, казалось, была больше удивлена, чем испугана странным грузом на спине. Серая пятнистая холка напрягалась и вздрагивала, словно сгоняя мух. Жеребец удивленно поворачивал голову, как будто хотел

посмотреть, что происходит.

Фергюс, растопырив ноги, намертво вцепился в гриву першерона и только благодаря этому держался на его широкой спине. Таким образом, у него был шанс соскользнуть с лошади или отлететь в сторону, не попав ей под копыта, если бы жертвы «навозной войны» не привели в исполнение свой план мести.

Два или три грума следовали за лошадей, блокируя ей дорогу. Одному из них удалось забежать вперед и открыть ворота пустого загона. Эти ворота находились недалеко от того места, где стояли мы. Грумы намеревались загнать лошадь в загон, где она сбросит с себя Фергюса или нет, как ей заблагорассудится, но по крайней мере успокоится и сама избежит травм.

Вдруг из слухового окошка, расположенного высоко над землей, высунулась голова. Все смотрели на лошадь, и никто, кроме меня, этого не заметил. Мальчишка выглянул из окна, исчез и почти тотчас же вновь появился, держа большую охапку сена. Улучив момент, когда лошадь с Фергюсом проносилась под окном, он бросил сено вниз.

Эффект был такой, будто бросили бомбу. Жеребец истерически заржал, взрыл копытами землю и понесся, как победитель дерби, прямо на группку кузнецов. Те с криком бросились врассыпную.

Джейми рванулся вперед, оттолкнув меня с дороги так, что я отлетела в сторону и оказалась на земле. Он поднял меня, ругаясь по-гэльски, и, даже не извинившись, понесся вдогонку за Фергюсом.

Лошадь металась и вертелась как безумная, вставала на дыбы, приводя в ужас грумов и конюхов, которые быстро утратили свою профессиональную сдержанность при мысли, что одна из королевских лошадей может пораниться у всех на глазах.

Каким-то чудом, то ли благодаря упрямству, то ли из чувства страха, Фергюс все-таки продолжал держаться на лошади, — соскальзывая то вправо, то влево, подпрыгивая и обдирая кожу тощих ног. Конюхи что-то кричали ему, но он не слышал их, крепко зажмурил глаза и вцепившись в лошадиную гриву так, словно от этого зависела его жизнь. Один из конюхов схватил вилы и стал угрожающе размахивать ими, чем до смерти испугал мадам Монтрезор, решившую, очевидно, что он собирается заколоть ребенка.

Пронзительный крик мадам Монтрезор никак не подействовал на жеребца. Он продолжал пугливо пританцовывать, пятясь от приближавшихся к нему людей.

В какой-то момент конюх попытался снять Фергюса с лошади, и тут

возникла реальная опасность, что ребенок упадет с лошади и будет неминуемо растоптан ею. Я не могла себе представить, как спасти мальчика от верной гибели. Но тут лошадь сделала неожиданный рывок в сторону купы невысоких деревьев и кустарника возле самого паддока^[17], то ли желая спрятаться от надвигавшихся на нее людей, то ли сбросить чудовище, громоздившееся у нее на спине.

Когда лошадь проносилась мимо кустов, я заметила мелькнувшего там человека в красном шотландском костюме, а вслед за тем нечто красное обрушилось с дерева вниз. Это был Джейми. Забравшись на дерево, он всей своей массой обрушился на жеребца, и тот рухнул на землю. Мелькнули голые ноги, и зрителям стало ясно, что этот необычный человек ничего не носит под своей шотландской юбкой. Группа придворных бросилась к упавшему лорду Брох Туараху, а конюхи погнались за быстро удаляющейся лошадью.

Джейми неподвижно лежал на спине под буковым деревом. Его лицо было мертвенно-бледным, глаза и рот — широко открыты, а руки крепко обнимали прильнувшего к нему Фергюса. Когда я подбежала к ним, Джейми подмигнул мне и через силу улыбнулся. Он с трудом переводил дыхание, но я успокоилась — ему нужно было лишь отдышаться.

Осознав наконец, что он больше никуда не мчится, Фергюс осторожно поднял голову, а затем уселся прямо на живот своего спасителя и воскликнул:

— Как замечательно, милорд! Не повторить ли нам все это снова?

Спасая ребенка в Аржентане, Джейми растянул мышцы бедра и сильно хромал, когда мы вернулись в Париж. Он послал Фергюса, который ничуть не пострадал ни от своей шальной выходки, ни от скандала, последовавшего за этим, на кухню поискать себе чего-нибудь на ужин, а сам рухнул на стул возле камина, потирая опухшую ногу.

— Очень больно? — сочувственно спросила я.

— Не очень. Просто ноге требуется покой.

Он поднялся со стула и с удовольствием потянулся, почти коснувшись руками почерневших дубовых потолочных балок над камином.

— Терпеть не могу эти длительные поездки в экипаже. Мне больше по душе ездить верхом.

— Мне тоже. — Я слегка потеряла затекшую от долгого сидения поясницу. Боль, казалось, отдавала в низ живота и в ноги, утратившие, как я думала, былую выносливость в связи с беременностью.

Я провела рукой по ноге Джейми, затем указала на кровать:

— Ложись на бок. Я натру тебе ногу. У меня есть хорошая мазь,

которая немного облегчит боль.

— Ну, если ты настаиваешь...

Он с трудом поднялся и лег на левый бок, при этом шотландская юбка задралась выше колен.

Я открыла свой медицинский саквояж и стала перебирать баночки и коробочки: репейник, скользкий ильм, плющ... А, вот наконец! Я взяла небольшую стеклянную баночку, полученную от месье Форе, и, отвинтив крышку, осторожно понюхала. Целебные мази быстро портятся, но в эту для лучшей сохранности было добавлено значительное количество соли. У мази был приятный запах и красивый бледно-желтый цвет — цвет свежего крема.

Я подцепила лопаточкой немного целебной мази и осторожно нанесла ее на мышцы бедра, еще более приподняв при этом шотландскую юбку Джейми. Нога была теплой, но не горячей, как при воспалении. Она излучала обычное тепло молодого, крепкого и здорового мужского тела. Я осторожно втирала крем в кожу, ощущая выпуклость твердых мускулов, крепость мышц и сухожилий.

Джейми слегка застонал, когда я надавила посильнее.

— Больно? — спросила я.

— Да, немного, но продолжай, — ответил он. — Уже становится легче. Я не признался бы в этом никому, кроме тебя, Саксоночка, но это было великолепно. Мне никогда не доводилось испытывать нечто подобное.

— Рада, что ты остался доволен собой, — сухо ответила я, беря вторую порцию крема. — Я тоже интересно провела время.

Не прекращая массажа, я рассказала ему о предложении герцога Сандрингема. Морщась от боли, так как я надавливала на больное место, он промычал в ответ:

— Значит, Колам был прав, говоря, что этот человек мог помочь избавиться от обвинений, выдвинутых против меня.

— Судя по всему, да, но я думаю, вопрос в том, захочешь ли ты принять его покровительство?

В ожидании ответа я старалась ничем не выдать своего волнения. Я заранее знала, каким он будет. Семейство Фрэзеров известно своим упрямством, и хотя мать Джейми была Макензи, сам он был Фрэзером до кончиков ногтей.

Вбив себе в голову, что он должен во что бы то ни стало остановить Карла Стюарта, он вряд ли откажется от этой мысли. И все же мне казалась весьма соблазнительной возможность вернуться домой, в Шотландию, к спокойной жизни.

Словно прочитав мои мысли, Джейми фыркнул:

— Ну, хорошо, я скажу тебе, Саксоночка. Если бы я был уверен, что Карл Стюарт сможет добиться успеха и избавить Шотландию от власти англичан, я отдал бы все свои земли, свободу и даже жизнь, чтобы помочь ему. Но, будучи отпрыском королевского рода, он всего лишь — напыщенный глупец. У меня нет иного выхода, как только остаться здесь. И я обязан с благодарностью отвергнуть предложения его светлости.

— Я знала, что ты ответишь именно так, — сказала я, слегка надавив на бедро.

Он улыбнулся, затем взглянул на мою руку, измазанную желтоватой мазью:

— Что это за снадобье?

— Месье Форе дал мне его. Он не сказал, как оно называется. Я не думаю, что оно содержит какие-нибудь активные ингредиенты, но это замечательный жирный крем.

Тело Джейми у меня под руками напряглось, и он взглянул через плечо на голубую баночку.

— Тебе дал ее месье Форе? — спросил он.

— Да, — удивленно ответила я. — А в чем дело?

Вместо ответа он отвел в сторону мои вымазанные кремом руки и, свесив ноги с кровати, потянулся за полотенцем.

— А на крышке баночки есть изображение геральдической лилии? — спросил он, вытирая мазь.

— Да, есть. Что-то не так с этой мазью?

На лице у него появилось необычное выражение, нечто среднее между испугом и радостью.

— Я бы не сказал, что здесь что-то не так, Саксоночка, — наконец ответил он. Растерев ногу так, что рыжеватые кудрявые волосики поднялись на ней дыбом, он отбросил полотенце в сторону и задумчиво посмотрел на банку. — Месье Форе, должно быть, очень ценит тебя, Саксоночка. Это очень дорогая мазь.

— Но...

— Нет, конечно же, я отдаю должное этому снадобью, — заверил он меня. — Но сознание того, что я мог бы стать одним из его ингредиентов, вызывает у меня какое-то странное чувство.

— Джейми. — Я вдруг почувствовала, что у меня сорвался голос. — Что представляет собой эта мазь? — Я схватила полотенце, торопливо вытирая руки, покрытые ценной мазью.

— Жир повешенного, — неохотно ответил он. Я пребывала в полной

растерянности, но, постепенно придя в себя, продолжила:

— Ты имеешь в виду... — По телу у меня побежали мурашки, а волосы на голове зашевелились.

— Именно так. Жир, вытопленный из повешенных преступников. — Он говорил весело, быстро овладев собой, в то время как я совершенно утратила самообладание. — Говорят, очень помогает при ревматизме и болях в суставах.

Я вспомнила, с какой тщательностью месье Форе собирал извлеченные в ходе операции частицы организма пациентов в «Обители ангелов» и многозначительный взгляд, которым Джейми одарил хирурга в тот вечер, когда тот проводил меня до дома.

Ноги мои сделались ватными, внутри все похолодело.

— Джейми, черт возьми, да кто же такой этот месье Форе? — вскричала я.

На лице Джейми появилось еще более веселое выражение.

— Он — палач, Саксоночка. Я думал, ты знаешь.

С конюшенного двора, куда Джейми отправился отмываться, он вернулся дрожа от холода. Но ему необходимо было более основательное омовение, чем можно позволить себе в раковине спальни.

— Не волнуйся, все в порядке, — заверил он меня, скинув рубашку и скользнув обнаженным под одеяло. Тело его было покрыто гусиной кожей, и он все еще продолжал дрожать, обнимая меня. — Ну как, Саксоночка, от меня больше не пахнет этой гадостью, а? — спрашивал он, в то время как я, затаив дыхание, лежала под одеялом, крепко обхватив себя руками.

— Нет, — сказала я. — Джейми, боюсь, у меня кровотечение.

— Иисусе, — тревожно прошептал он, и я почувствовала, как его захлестнула волна страха. Он прижал меня к себе, гладил мне волосы и спину, но мы оба чувствовали полную беспомощность перед лицом физической опасности, грозившей мне.

Сильный человек, он не мог защитить меня; страстно желал помочь мне, но был не в состоянии сделать это. Впервые я не чувствовала себя защищенной его объятиями, и сознание этого угнетало нас обоих.

— Ты думаешь... — начал было он, но сразу же умолк и сглотнул. Я чувствовала, как он судорожно старался подавить свой страх. — Это опасно, Саксоночка? Ты можешь сказать мне?

— Нет, — сказала я, еще плотнее прижимаясь к нему и стараясь успокоиться. — Я не знаю. Кровотечение не сильное. Во всяком случае пока. — Свеча пока еще продолжала гореть.

Он взглянул на меня потемневшими от тревоги глазами:

— Может, мне лучше позвать кого-нибудь к тебе, Клэр? Кого-нибудь из женщин, работающих в больнице?

Я покачала головой и облизнула пересохшие губы.

— Нет, не надо. Не думаю, что они способны чем-нибудь помочь мне.

У меня не было желания разговаривать. Хотелось лишь, чтобы рядом находился кто-то, кто может помочь мне, если в этом возникнет необходимость. Из головы не шли слова врача, услышанные мною в один из первых дней обучения на курсах медсестер. Он отошел от кровати пациентки, которой угрожал выкидыш, и сказал, пожимая плечами: «В данном случае ничего нельзя предпринять. Если ей суждено потерять ребенка, она потеряет его, что бы вы ни делали. Покой и постельный режим — единственное средство, но даже это редко помогает».

— Может быть, все обойдется, — сказала я, стараясь успокоить нас обоих. — Иногда у женщины во время беременности случаются незначительные кровотечения.

Это не столь необычная вещь в первые три месяца. Но у меня уже было больше пяти. Сейчас нельзя было считать кровотечение явлением обычным. И все же существует множество причин, способных вызвать кровотечение, и не все они кончаются выкидышами.

— Все еще может наладиться, — сказала я, положив руку на живот и слегка нажав на него. Немедленно последовал ответный импульс в виде слабого, вялого толчка, от которого мне сразу же сделалось лучше, на глазах у меня появились слезы радости.

— Саксоночка, чем я могу помочь? — прошептал Джейми. Его рука нашла мою руку на животе. Я накрыла наши руки ладонью другой руки и так держала.

— Просто молись. Молись за нас, Джейми.

Глава 23

ХИТРОУМНЫЙ ПЛАН

К утру кровотечение остановилось. Я осторожно поднялась с постели — да, все было в порядке. Тем не менее я отчетливо поняла, что пора прекращать работу в «Обители ангелов», и немедленно отправила Фергюса с письмом к матери Хильдегард. Она в свою очередь выразила добрые пожелания и обещала молиться за меня, а также прислала бутылочку коричневого эликсира, «весьма почитаемого, как было сказано в сопроводительном письме, добропорядочными замужними дамами для предупреждения выкидышей». После мази Форе у меня возникло твердое решение не принимать никаких лекарств, приготовленных кем бы то ни было; тщательно понюхав его, я пришла к выводу, что все ингредиенты этого снадобья по крайней мере имели растительное происхождение.

После некоторых колебаний я выпила столовую ложку эликсира. Жидкость была горьковатой на вкус и оставляла неприятное ощущение во рту, но уже одна только содержащаяся в письме матери Хильдегард рекомендация лекарства, возможно совершенно бесполезного, принесла мне облегчение. Теперь я проводила большую часть дня лежа в шезлонге у себя в комнате. Я читала, размышляла, шила или просто смотрела в пустоту, сложив руки на животе.

Но это когда я оставалась одна. Если же Джейми был дома, он проводил все время со мной. Мы беседовали о повседневных делах или обсуждали последние письма якобитов. Королю Джеймсу, по-видимому, сообщили о предполагаемых вложениях Карла в винную торговлю, и он всей душой одобрял действия сына, считая их весьма удачными и способными помочь ему обосноваться во Франции, чего, как подчеркивает в своем письме Джеймс, он «желал бы всей душой».

— Итак, Джеймс считает, что деньги помогут Карлу стать джентльменом и обеспечат ему положение в Париже, — сказала я. — Ты думаешь, что он только это имеет в виду? Луиза навестила меня сегодня и рассказала, что Карл на прошлой неделе приезжал сюда. Она поначалу отказывалась принять его, но в конце концов согласилась. Она говорит, что держался он очень напыщенно и был чем-то явно взволнован, но чем именно, ей не сказал. Просто намекнул, что намерен осуществить некую грандиозную акцию. По ее словам, он назвал это «величайшим предприятием». Это не похоже на простое капиталовложение, не так ли?

— Действительно, не похоже, — мрачно отозвался Джейми.

— Гм, — продолжала я. — Если собрать все эти факты воедино, можно побиться об заклад, что Карла не слишком-то заботят доходы от его предприятия и он не собирается стать добропорядочным парижским купцом.

— Если бы я был азартным человеком, я бы и впрямь побился об заклад, — заметил Джейми, — но сейчас главный вопрос в том, как остановить его.

Все прояснилось спустя несколько дней, после многочисленных дебатов и бесполезных предположений. Муртаг был у нас в спальне. Он принес мне из дока несколько рулонов ткани.

— Говорят, в Португалии вспышка оспы, — сообщил он, сваливая дорогой скользкий шелк на кровать, как будто бы это была груда старой мешковины. — Утром из Лиссабона пришел корабль с железом. Начальник порта с тремя помощниками отправились туда с обыском, но ничего не нашли. — Заметив бутылку бренди у меня на столе, он налил полстакана и выпил, как воду, большими, жадными глотками. Я была так поглощена этим зрелищем, что отвлеклась от разговора и очнулась, только когда Джейми воскликнул:

— Оспы?

— Да, — подтвердил Муртаг, сделав паузу между глотками, — именно оспы. — И продолжал пить.

— Оспы, — пробормотал чуть слышно Джейми. — Оспы.

Постепенно мрачное выражение исчезло с лица Джейми, а вертикальная морщина между бровями разгладилась. Он откинулся к спинке своего кресла, сцепив руки на затылке, и пристально посмотрел на Муртага. Уголки его большого рта раздвинулись, словно от улыбки.

Муртаг наблюдал за реакцией Джейми с достаточной долей скептицизма. Он допил свой стакан и сидел развалившись на табурете, в то время как Джейми вскочил на ноги и начал кружить вокруг своего низкорослого клан-смена, что-то насвистывая сквозь зубы.

— Кажется, у тебя родилась идея? — спросила я.

— О да, — ответил он и засмеялся.

Он повернулся ко мне, глаза его светились озорством и вдохновением.

— Нет ли в твоём медицинском саквояже чего-нибудь, что может вызвать у человека озноб, или понос, или сыпь?

— Ну, есть, — медленно проговорила я, поразмыслив. — Есть розмарин, красный стручковый перец и слабительное. А зачем тебе?

Он взглянул на Муртага, усмехнулся, а затем от полноты чувств

взъерошил волосы своего соплеменника так, что они стали похожи на иголки у ежа. Муртаг был явно озадачен и с любопытством озирался по сторонам, что делало его похожим на маленькую домашнюю обезьянку Луизы.

— Послушайте, — сказал Джейми таинственным шепотом. — А что, если корабль компании Сент-Жермена вернется из Португалии с оспой на борту?

Я уставилась на него:

— Ты что, рехнулся? — И вежливо поинтересовалась: — А что будет, если это действительно случится?

— Если это случится, — перебил меня Муртаг, — они лишатся своего груза. Он будет сожжен или утоплен в гавани, как велит закон. — В его маленьких глазках вспыхнул интерес. — А как ты собираешься это устроить, парень?

Радостное настроение Джейми слегка померкло, хотя глаза продолжали светиться.

— Пока я еще не все обдумал, но для начала...

Мы ломали головы над этим в течение нескольких дней, и наконец решение было принято. В травах, полученных мною от господина Раймона, мне удалось отыскать средство, вызывающее понос. Теперь у нас было все необходимое для осуществления замысла Джейми. Мы вручили Муртагу сумку, наполненную экстрактом розмарина, соком крапивы, корнем марены. В конце недели он отправится в Лиссабон, побродит по портовым тавернам, отыщет корабль, зафрахтованный компанией Сент-Жермена, попытается сесть на него, а нам сообщит название корабля и дату отплытия в Париж.

В ответ на мой вопрос, не покажется ли капитану корабля появление Муртага подозрительным, Джейми ответил, что скорее всего нет, поскольку почти все грузовые корабли берут пассажиров, более того, им иногда разрешается пребывать на палубе, а у Муртага будет достаточно денег, чтобы заплатить, даже если ему предложат каюту капитана.

Он, улыбаясь, подмигнул Муртагу:

— И ты бери капитанскую каюту, слышишь? Не важно, сколько она будет стоить. Ведь тебе нужно будет где-то надежно хранить травы, и ты не должен спать в гамаке, подвешенном в трюме. — Он окинул своего крестного отца критическим взглядом. — А у тебя есть приличное пальто? Если ты отправляешься за границу, а одет словно нищий, тебя высадят в первом же порту, даже не поинтересовавшись содержимым твоей кожаной сумки.

— Мм, — промычал Муртаг.

Этот скромный клансмен редко принимал участие в обсуждении проблем фрэзеровского клана, но то, что он говорил, всегда звучало убедительно и весомо.

— А когда мне начать принимать эту дрянь? — спросил он.

Я протянула ему листок с указанием последовательности приема соответствующих снадобий и их дозировки.

— Сначала две столовые ложки розовой марены. — Я указала на маленькую бутылочку из прозрачного стекла, наполненную жидкостью розового цвета. — Это надо принять за два часа до того, как продемонстрировать первые симптомы заболевания. И продолжать принимать по одной столовой ложке каждые два часа ровно столько времени, сколько потребуется, чтобы сохранять этот симптом. — Затем я вручила ему бутылочку из зеленого стекла с темно-пурпурной жидкостью. — Это концентрированная эссенция из листьев розмарина. Она действует мгновенно. Прилив крови у тебя начнется через полчаса. Однако действует она очень недолго, поэтому тебе нужно будет принимать ее чаще. Делай это незаметно. — Я вытащила следующий пузырек, поменьше. — Поскольку у тебя появятся все признаки лихорадки, вотри сок крапивы в кожу лица и рук, чтобы появились волдыри. Возьмешь этот листок с собой?

Муртаг решительно покачал головой:

— Нет, я запомню. Лучше перепутать, как и что принимать, чем держать при себе такую инструкцию. — И, обращаясь к Джейми, уточнил: — А ты встретишь корабль в Орвиэто?

Джейми кивнул:

— Да. Все суда, перевозящие вино, делают там остановку, чтобы пополнить запас питьевой воды. Если почему-либо они не остановятся там, я найму лодку и постараюсь догнать вас. Хорошо, если я догоню вас до того, как мы достигнем Гавра, но лучше, если это произойдет у берегов Испании. Я не намерен провести в море больше времени, чем нужно. — Он кивнул на бутылку в руке Муртага. — А тебе лучше всего не торопиться принимать снадобье до тех пор, пока я не появлюсь на борту. Вполне возможно, что при отсутствии свидетелей капитан может просто попытаться избавиться от тебя и выбросить за корму.

Муртаг, по обыкновению, промычал в ответ:

— М-мм, да, он может попытаться. — Тут он коснулся рукоятки своего кинжала и иронически усмехнулся.

Джейми нахмурился:

— Не забывайся. Подразумевается, что ты заболел оспой. Они будут

опасаться подходить к тебе, и все-таки дождись, пока я появлюсь.

Я переводила взгляд с одного на другого и думала: если капитан корабля убедится, что один из его пассажиров инфицирован оспой, он ни при каких обстоятельствах не поведет свой корабль в Гавр, где французские власти непременно потребуют его уничтожения. Столкнувшись с необходимостью плыть со своим грузом назад в Лиссабон и лишиться всего предполагаемого заработка, а кроме того, потерять две недели в Орвиэто, пока сообщение будет отправлено в Париж, не предпочтет ли капитан продать свой товар богатому шотландскому купцу, только что вступившему на борт его корабля?

В этом спектакле главная роль будет принадлежать тому, кто согласится играть роль мнимой жертвы оспы. Джейми сразу же вызвался стать подопытным кроликом для опро-бывания трав, и они оказали на него отличное действие. Через несколько минут его светлая кожа сделалась темно-красной, а сок крапивы немедленно вызвал появление волдырей, которые легко мог принять за оспу даже врач, не говоря уж о запаниковавшем капитане. И чтоб уж не было никаких сомнений, моча, окрашенная мареной, создавала полную иллюзию того, что человек писает кровью, как это обычно бывает при оспе.

— Боже! — воскликнул Джейми, совершенно растерявшись, как только начали действовать травы.

— Прекрасно! — сказала я, заглядывая через его плечо в белый фарфоровый ночной горшок с ярко-розовым содержимым. — Лучше, чем я ожидала.

— Да? А как долго это будет продолжаться? — спросил Джейми. Вид у него был довольно беспокойный.

— Думаю, несколько часов. А что? У тебя какие-нибудь неприятные ощущения?

— Ничего особенного, но я чувствую зуд, правда небольшой.

— Это не от трав, — уверенно заявил Муртаг. — Это естественно для парня в твоём возрасте.

Джейми усмехнулся:

— Вспоминаешь давно забытое?

— Вспоминаю то, что было задолго до твоего рождения и раньше, чем ты думаешь.

Теперь маленький клансмен укладывал пузырьки в свою кожаную сумку, тщательно заворачивая каждый в мягкую кожу, чтобы не разбить.

— Я сообщу название корабля и маршрут, как только представится возможность. И жду тебя в Испании через месяц. У тебя будут деньги к

тому времени?

Джейми кивнул:

— Думаю, даже раньше, на следующей неделе.

Дела Джареда шли превосходно благодаря Джейми, но для приобретения всех товаров, доставляемых в порт, их было недостаточно, хотя отдельные покупки для дома Фрэзеров все же совершались. Этому помогали шахматные игры, да и месье Дюверни — молодой преуспевающий банкир — гарантировал достаточный заем другу своего отца.

— Жаль, что мы не сможем доставить груз в Париж, — заметил Джейми, когда мы разрабатывали план действий, — но Сент-Жермен должен узнать правду. Думаю, будет лучше, если мы продадим товар через брокера в Испании. Я знаю такого человека в Бильбао. Доход будет, конечно, поменьше, чем можно было бы получить во Франции, да и налоги большие, но...

— Но я смогу вернуть долг Дюверни, — сказала я. — И раз уж речь зашла о долгах, какие действия может предпринять синьор Манзетти в отношении Карла Стюарта, который занял у него кругленькую сумму?

Джейми весело хохотнул:

— Думаю, только забыть о них. Да еще подмочить репутацию Стюарта в глазах всех банкиров континента.

— Даже немного жаль старого Манзетти, — сказала я.

— Ничего не поделаешь. Нельзя сделать омлет, не разбив при этом яиц, как говорит моя старенькая бабушка.

— У тебя нет никакой старенькой бабушки, — парировала я.

— Нет, — согласился он. — Но если бы была, то именно так и сказала бы.

Джейми помолчал немного, затем продолжал:

— Конечно, это не совсем честно по отношению к Стюартам. Действительно, если бы лорды-якобиты узнали, что я делаю, они назвали бы это предательством, и были бы правы. — Он потер рукой лоб, как всегда делал в минуты тревоги или волнения, покачал головой, и я увидела, как глубокая озабоченность сменила радостное выражение на его лице.

— Тут ничего не поделаешь, Саксоночка. Сейчас приходится делать выбор между честолюбивыми устремлениями Карла Стюарта и жизнью множества шотландцев. Я не испытываю ни малейшей симпатии к королю Георгу после того, как он назначил цену за мою голову, но не вижу другого выхода. — Джейми нахмурился. — Если бы Карл смог осуществить задуманное... О, тогда совсем другое дело. Это был бы благородный риск.

Но твоя история подтверждает, что он не добьется успеха. Да я и сам уверен в этом, потому что хорошо знаю принца. А Шотландия... Там мой народ, и если жизнь моего народа зависит от золота банкира, то лучше принести в жертву золото, чем собственную честь. — Он весело пожал плечами. — Давай представим себе, что золото его высочества было похищено грабителями из банка или пиратами на море. Вот и все.

Он помолчал с минуту, разглядывая лежащие на столе крепко сжатыми в кулаки свои сильные руки, потом повернулся ко мне и сказал, улыбаясь:

— Когда я был ребенком, мне очень хотелось стать пиратом, жаль, что сейчас мне нельзя носить саблю.

Я лежала на кровати, сложив руки на животе, и размышляла. После той тревожной ночи кровотечение почти полностью прекратилось, и я чувствовала себя хорошо, хотя любое кровотечение на данной стадии беременности могло служить серьезной причиной для тревоги. Я раздумывала над тем, что будет, если случится беда во время отсутствия Джейми. Однако в любом случае он должен быть в Испании. На том корабле с вином. И, если его замысел осуществится, он благополучно вернется домой еще до рождения ребенка.

Поэтому все личные соображения должны быть отодвинуты на задний план. Не в состоянии скрыть волнение, Карл признался Джейми, что вскоре ему понадобятся два корабля, а может быть, и больше. Он просил у Джейми совета, как перестроить корабль, чтобы можно было установить на нем пушки. Последние письма Джеймса Стюарта из Рима изобиловали вопросами. Он чувствовал что-то неладное и подозревал, что это так или иначе связано с политикой. По всей видимости, он был недостаточно информирован о действиях своего сына. Простудировав зашифрованное письмо, Джейми пришел к выводу, что скорее всего король Испании, Филипп, пока не сделал Карлу никаких официальных предложений. Не упоминалось в них и о Папе Римском, но было ясно, что у Джеймса Стюарта свои шпионы.

Через некоторое время я интуитивно почувствовала какую-то перемену в настроении Джейми. Глянув в его сторону, я увидела, что книга, лежащая у него на коленях, раскрыта, но он перестал переворачивать страницы и даже смотреть в нее. Его глаза были устремлены на меня, а точнее, на то место, где кончалась моя ночная рубашка, на несколько дюймов ниже, чем могла диктовать простая скромность, которую едва ли необходимо соблюдать в присутствии мужа. Взгляд его был напряженным, потемневшим от желания, и я поняла, что следовать соображениям стыдливости в постели с мужем не всегда целесообразно, если нет для

этого каких-то особых причин. Хотя, конечно, могут существовать и другие мнения на этот счет.

Заметив, что я наблюдаю за ним, Джейми покраснел и с видимым интересом снова углубился в чтение. Я повернулась на бок и положила руку ему на бедро.

— Интересная книга? — спросила я, ласкаясь.

— Мм... О да. — Он еще больше покраснел, но не отрывал глаз от страницы. Смеясь про себя, я просунула руку под простыню. Книга выпала у него из рук. — Саксоночка, ты знаешь, тебе нельзя.

— А тебе можно. Значит, можно и мне.

Он решительно отвел мою руку в сторону:

— Нет, Саксоночка, это нечестно.

— Нечестно? — удивилась я. — Это еще почему?

Он сильно смутился, избегая моего взгляда.

— Ну, потому, что я получу от тебя удовольствие, а сам буду не в силах доставить его тебе. Нет, так я не могу.

Я прыснула от смеха и положила голову ему на бедро:

— Джейми, как ты мил!

— Не мил, но и не настолько эгоистичен... Клэр, прекрати!

— Ты собираешься ждать несколько месяцев? — спросила я.

— Я могу, — ответил он с той твердостью, какая только возможна в подобных обстоятельствах. — Я ждал двадцать два года, и я могу...

— Нет, не можешь, — сказала я, стянув простыню и любуясь тем, что ясно проступало сквозь его ночную рубашку. Я дотронулась до него рукой, и тут же он живо отозвался на мое прикосновение. — Не знаю, кем еще тебе суждено быть в будущем, но монахом ты не был никогда. — Уверенной рукой я задрала его ночную рубашку.

— Но... — начал было он.

— Двое против одного, — сказала я, ложась навзничь. — Ты проиграл.

Джейми много работал в последующие несколько дней, принимая необходимые меры для успешного осуществления коммерческих дел в его отсутствие. Все же он находил время подняться ко мне, чтобы хоть немного посидеть со мной после обеда. Так было и в этот день. Мы приятно коротали время за беседой, когда нам доложили о приходе гостя. Гости не были для нас редкостью. Почти каждый день ко мне навещалась Луиза — поболтать о моей беременности или поплакаться из-за своей разбитой любви, хотя мне лично казалось, что сейчас она обожает Карла больше, чем когда он был ее любовником. Она обещала мне принести сладких засахаренных фруктов по-турецки, и я ждала, что сейчас приоткроется

дверь и я увижу именно ее круглое личико. Но, к моему удивлению, гостем оказался месье Форе. Магнус сам провел его ко мне в комнату, приняв от него шляпу и плащ с почти суеверным почтением.

Джейми был не менее меня удивлен такому визитеру, но вежливо поднялся навстречу палачу и предложил угощение.

— Обычно я не пью спиртного, но не хочу обижать свою уважаемую коллегу. — Он церемонно поклонился в сторону кровати, где лежала я. — Надеюсь, вам лучше, мадам Фрэзер.

— Да, спасибо большое.

Я поинтересовалась, чем мы заслужили честь видеть его у себя. Несмотря на то что месье Форе пользовался значительной известностью, а его работа делала его состоятельным человеком, я не думаю, что он часто получает приглашения на обед. Вдруг мне в голову пришла мысль: а есть ли у палача какая-нибудь собственная личная жизнь, о которой можно было бы поговорить?

Он пересек комнату и положил мне на кровать большой сверток. Месье Форе был похож на самца-грифа, принесшего пищу своим птенцам. Вспомнив о подаренном им мне креме, я подняла пакет и взвесила его на руке. Он был легким и источал слабый аромат.

— Маленький подарок от матери Хильдегард, — объяснил он. — Думаю, это — излюбленное средство почтенных замужних женщин. Она написала, как рекомендуется его принимать. — Из внутреннего кармана он вытащил запечатанный конверт и протянул его мне.

Я понюхала пакет. От него исходил запах малиновых листьев, камнеломки и чего-то еще. Я надеялась, что мать Хильдегард указала в письме ингредиенты, входящие в состав ее эликсира.

— Пожалуйста, поблагодарите мать Хильдегард от моего имени, — сказала я. — А как поживают все остальные в больнице?

Я очень скучала по своей работе, а также по монахиням и всему медицинскому персоналу.

Некоторое время мы болтали о больнице. Джейми время от времени вставлял несколько фраз, но больше слушал с вежливой улыбкой или, когда разговор заходил о сугубо медицинских проблемах, прихлебывал из стакана вино.

— Как жаль, — искренне сказала я, когда месье Форе закончил свою краткую лекцию по поводу лечения раздробленной лопатки плеча. — Я никогда не видела, как это делается. Я действительно скучаю по хирургии.

— Да, и я тоже буду скучать. — Месье Форе кивнул, потягивая вино маленькими глотками. Стакан по-прежнему оставался полон почти

наполовину. Палач не шутил, когда говорил о своей нелюбви к спиртным напиткам.

— Вы покидаете Париж? — удивленно спросил Джейми.

Месье Форе пожал плечами:

— Только на время. Однако не меньше чем на два месяца. И это, мадам, основная причина моего визита к вам.

— Правда?

— Да, я собираюсь в Англию, и мне подумалось, что, если вы пожелаете отправить кому-нибудь из живущих там весточку, мне не составит никакого труда ее доставить. Если, конечно, там есть кто-нибудь, с кем вы хотели бы поддерживать связь, — уточнил он.

Я взглянула на Джейми. Лицо его, выражавшее вежливый интерес, мгновенно превратилось в маску, скрывавшую под улыбкой все его сокровенные мысли. Посторонний не уловил бы этой перемены, но я хорошо знала Джейми.

— Нет, — медленно произнесла я. — У меня нет в Англии ни друзей, ни родных. Боюсь, что у меня не осталось там никаких привязанностей с тех пор, как я овдовела. — Я почувствовала привычную острую боль, как всегда при упоминании о Фрэнке, но подавила ее.

Если это и показалось странным месье Форе, он никак этого не обнаружил. А просто кивнул и поставил на стол свой так и не допитый стакан вина.

— Понятно. К счастью, у вас есть друзья здесь. — Тон, каким это было сказано, казался, таил в себе предостережение, предупреждал о чем-то. А когда месье Форе наклонился, чтобы поправить чулок, перед тем как встать, он как-то особенно проницательно посмотрел на меня. — Я загляну к вам, когда вернусь, и надеюсь снова застать вас в добром здравии.

— По какому же делу вы едете в Англию? — робко осведомился Джейми.

Месье Форе повернулся к нему со слабой улыбкой.

— А какое еще может быть дело у человека моей профессии, месье Фрэзер? — спросил он. — Меня вызывают для выполнения моей служебной обязанности в Смитфилд.

— По весьма важному делу, однако, — заметил Джейми. — Если принять во внимание ваше мастерство. — Взгляд его казался прежним, но в нем появилось что-то еще, кроме выражения обычной вежливости.

Взгляд месье Форе сделался пронзительным. Он медленно выпрямился, глядя сверху вниз на Джейми, сидящего возле окна.

— Вы правы, месье Фрэзер, — мягко произнес он. — Многое зависит

от мастерства. Здесь вы не ошиблись. Задушить человека при помощи веревки сможет каждый. Но чтобы сломать шею аккуратно, одним быстрым движением, требуется особое мастерство. Нужно уметь рассчитать силу удара в зависимости от веса субъекта и правильно расположить веревку. Ну а для того, чтобы правильно привести приговор в исполнение, когда дело касается предателя, уж и впрямь необходимо великое мастерство.

— Предателя? — Неожиданно у меня пересохло во рту, и я потянулась за стаканом. — Казни предателя? — повторила я, желая, чтобы на этот вопрос не последовало ответа.

— Повешение, потрошение и четвертование, — коротко произнес Джейми. — Именно это вы имели в виду, месье Форе?

Палач кивнул. Как бы вопреки своей воле Джейми поднялся, представ лицом к лицу перед своим гостем — человеком в мрачной черной одежде. Они были одного роста. Месье Форе шагнул навстречу Джейми, и на лице у него появилось такое выражение, словно он собирается провести некий медицинский эксперимент.

— О да. Это называется казнью предателя. Вначале человек должен быть повешен, но по милостивому решению суда так, чтобы шея его не была сломана, а дыхательное горло раздроблено. Ведь удушение здесь не самая главная цель, понимаете?

— О, понимаю. — Голос Джейми звучал мягко, почти насмешливо, и я с недоумением посмотрела на него.

— Понимаете, сеньор? — вкрадчивым тоном спросил месье Форе, не переставая улыбаться. — Затем главное — не упустить время. Вы должны уметь определить его на глаз. Лицо потемнеет от крови почти тут же, особенно если у субъекта светлая кожа, а язык вывалится изо рта. Вот что особенно приводит в восторг толпу. Да еще выпученные глаза. Но вы наблюдаете за уголками глаз и ждете, когда в них лопнут мелкие кровеносные сосуды. После этого вы должны подать сигнал своему ассистенту — немедленно освободить субъекта. Весьма немаловажно иметь при этом хорошего помощника. — Он слегка обернулся, как бы вовлекая и меня в беседу, и я против своей воли кивнула, — Потом, — продолжал он, снова повернувшись к Джейми, — вы должны распорядиться, чтобы ему немедленно дали какое-нибудь возбуждающее средство, дабы оживить на тот момент, пока с субъекта будут снимать рубашку. Вы должны потребовать, чтобы рубашка была расстегнута заранее, часто ее бывает трудно снять через голову. — Длинный тонкий палец приблизился к груди Джейми, указывая на среднюю пуговицу его

рубашки, однако не касаясь свеженакрахмаленной ткани.

— Можно себе представить, — сказал Джейми.

Одобрительно кивнув, месье Форе убрал палец.

— Очень хорошо. Ассистент разводит огонь заранее. Заниматься этим ниже достоинства палача. А потом наступает очередь ножа.

В комнате царила мертвая тишина. Лицо Джейми по-прежнему оставалось непроницаемым, но на шее выступили капельки пота.

— Вот где нужно обладать непревзойденным мастерством, — провозгласил месье Форе, предостерегающе подняв палец. — Вы должны действовать быстро, иначе субъект умрет прежде, чем вы довершите свое дело. Дав субъекту необходимую дозу стимулянта, вы заставите сокращаться мелкие сосуды, и у вас появятся несколько минут, не больше.

Заметив на столе серебряный нож для распечатывания писем, он проворно схватил его и, зажав в правой руке рукоятку, указательным пальцем левой коснулся кончика лезвия и нацелил нож в сверкающую поверхность орехового стола.

— Именно сюда, — произнес он мечтательным тоном. — В основание грудины. И быстро рассекь тело до самого паха. Тут вы увидите кости. — Лезвие ножа для распечатывания писем мелькало в воздухе легко и быстро, подобно порхающей по ветвям колибри. — Это ребра. Вы не должны погружать нож глубоко, чтобы не повредить сумку, в которой находятся внутренности. Но кожу, жировой слой и мышцы вы должны одолеть одним махом. Это, — с удовлетворением произнес он, рассматривая свое отражение в полированной столешнице, — считается мастерством высшего класса.

Осторожно положив нож на прежнее место, он повернулся к Джейми.

— В конце концов успех зависит от вашей сноровки, если точно следовать методике, тут нет особых сложностей. Внутренности заключены в мембрану, напоминающую сумку. Если вы нечаянно не повредите ее, то вам потребуется лишь небольшое усилие, чтобы просунуть руку под мембрану, быстро надрезать у желудка и заднего прохода и весь мешок с внутренностями можно бросать в огонь.

Теперь, — он опять предостерегающе воздел палец, — если вы действовали достаточно быстро и ловко, у вас появится минута для отдыха, так как крупные сосуды еще не повреждены.

Я была близка к обмороку. Хотя я сидела, я была уверена, что лицо мое было таким же бледным, как и у Джейми. Джейми улыбнулся, как бы подшучивая над собеседником:

— Ну а субъект... он... может прожить немного дольше?

— Именно так, месье. — Блестящие черные глаза палача скользнули по крепкой фигуре Джейми, задержались на широких плечах и мускулистых ногах. — Трудно ответить точно, но мне приходилось сталкиваться с сильными людьми, которые оставались живыми в таком состоянии еще более четверти часа.

— Но самому субъекту, наверное, эти четверть часа казались бесконечностью, — сухо прокомментировал Джейми.

Месье Форе сделал вид, что не слышал этих слов. Он снова взял нож для распечатывания писем и, продолжая свой рассказ, принялся им размахивать:

— К моменту приближения смерти вы должны проникнуть в полость грудной клетки и вынуть сердце. Тут опять требуется великое мастерство. Видите ли, сердце расположено удивительно глубоко, к тому же оно очень скользкое. — Он вытер руку о свою одежду. — Но самая большая трудность заключается в том, чтобы правильно отсечь крупные сосуды, расположенные выше. Это нужно сделать очень быстро, чтобы сердце еще продолжало несколько секунд биться. Это для развлечения толпы. От этого в значительной мере зависит и вознаграждение за подобный труд. Что же касается остального... — Он пожал острыми, худыми плечами. — То эта работа больше подходит мяснику. После того, как жизнь субъекта иссякла, никакого мастерства больше не требуется.

— И в самом деле не требуется, — чуть слышно выговорила я.

— Но вы бледны, мадам! Я слишком утомил вас долгой беседой, — воскликнул месье Форе.

Он прикоснулся губами к моей руке, и я испытала жгучую потребность отдернуть ее. Его собственная рука была холодна, но губы оказались неожиданно теплыми. Он чуть заметно, словно тайком, пожал мою руку и сделал официальный поклон в сторону Джейми:

— Мне нужно идти, месье Фрэзер. Надеюсь на скорую встречу с вами и вашей очаровательной женой и... при таких же приятных обстоятельствах, как сегодня. — Глаза обоих мужчин на мгновение встретились. И тут месье Форе наконец, видимо, вспомнил о серебряном ноже для распечатывания писем, который он продолжал держать в руке. Удивленно ахнув, он протянул его Джейми на раскрытой ладони. Джейми нахмурился и осторожно взял нож за лезвие.

— Счастливого пути, месье Форе, — рот его искривился, — и огромная благодарность за вашу весьма поучительную беседу. — Он решил сам проводить нашего гостя до дверей. Оставшись одна, я встала и подошла к окну, где обычно проделывала дыхательные упражнения. В эту

минуту я дышала особенно глубоко, следуя взглядом за темно-синей коляской, медленно сворачивающей за угол:

Дверь у меня за спиной открылась, и вошел Джейми. Он все еще держал в руке нож. Он медленно прошел к огромной розовой вазе — семейной реликвии, — стоящей возле камина, и опустил в нее нож. Я услышала стук ножа, упавшего на дно. Джейми повернулся ко мне, изо всех сил стараясь улыбаться.

— Хорошо то, что хорошо кончается, — весело сказал он.

Я вздрогнула и тихо спросила:

— Ты считаешь, что на этом все и закончилось?

— Как ты думаешь, кто послал его? — вместо ответа спросил Джейми. — Мать Хильдегард?

— Думаю, она. Когда мы с ней расшифровывали ту злополучную партитуру, она предупредила меня, что то, чем ты занимаешься, чревато серьезной опасностью. — Однако насколько велика эта опасность, я осознала по-настоящему только сейчас, после визита палача. До прихода месье форе я чувствовала себя нормально, не испытывая тошноты, но в эту минуту мои страдания возобновились. Я вспомнила фразу, сказанную недавно мне Джейми: «Если лорды-якобиты узнают, чем я занимаюсь, они назовут это предательством». А что они сделают, какие предпримут шаги, если действительно узнают?

В обществе Джейми был известен как откровенный сторонник якобитов, и как таковой он посещал принца Карла, развлекал графа Марешаля за обедом и бывал при дворе. И всегда и везде, состязаясь ли в шахматной игре, посещая ли таверны или дружеские вечеринки, он оставался противником Стюартов, хотя внешне ничем этого не выдавал. Кроме нас двоих, о нашей решимости помешать Стюарту поднять восстание знал только Муртаг, но даже он не знал почему — просто привык во всем доверять своему хозяину. Нам необходимо было вести себя именно таким образом, пока мы находились во Франции. Но доведись Джейми оказаться в Англии, такое его поведение будет квалифицировано как предательство.

Я это знала, конечно, но по своему неведению считала, что быть повешенным как преступник и казненным как предатель — одно и то же. Визит месье Форе позволил мне понять, по крайней мере, наивность моих суждений.

— Твое спокойствие мне кажется чертовски странным, — сказала я. Мое сердце продолжало тревожно биться в груди, ладони покрылись холодным потом. Я зажала их между коленями, чтобы хоть немного

согреть.

Джейми слегка пожал плечами и ободряюще улыбнулся:

— Существует много неприятных способов умереть, Саксоночка. И если какой-нибудь из них выпадет на мою долю, он вряд ли придется мне по вкусу. Вопрос лишь в том, способен ли страх перед смертью заставить меня изменить свои взгляды? — Он сел на кровать рядом со мной и взял мою руку. Его ладони были теплыми, и уже одно то, что он находился рядом, вселяло в меня уверенность. — Я думал об этом, и немало. Еще тогда, на одре болезни в аббатстве. И позже, когда мы приехали в Париж и встретились с Карлом Стюартом. — Он покачал головой, склонившись над нашими сплетенными руками. — Да, я могу представить себя стоящим на эшафоте. Я видел виселицы в Уэнтурте, — я ведь рассказывал тебе об этом?

— Нет, не рассказывал.

Он кивнул, глаза его потемнели, от печальных воспоминаний.

— Они привели нас всех, находившихся в камере смертников, во внутренний двор. Велели построиться в ряд, чтобы наблюдать за готовившейся казнью. В тот день они повесили шестерых человек. И это все были люди, которых я знал. Я смотрел, как один за другим, со связанными за спиной руками, они поднимаются по ступенькам к виселице. Ступенек было двенадцать. Когда им накидывали на шею петлю, они смотрели во двор, на нас. А я стоял и думал: как бы я повел себя, оказавшись на их месте? Стал бы я плакать и молиться, подобно Джону Саттеру, или смог бы стоять прямо, как Вилли Маклеод, и улыбаться товарищам, находившимся во дворе?

Вдруг он потряс головой, словно собака, отряхивающаяся от воды, и вновь улыбнулся мне:

— Короче говоря, месье Форе не поведал мне ничего такого, чего бы я не знал, о чем бы не думал много раз. Но уже слишком поздно, *mo duinne*. — Он накрыл своей ладонью мою руку. — Да, мне страшно. Если я не могу отречься от своих убеждений ради семейного счастья и благополучия, то тем более не поступлюсь ими из чувства страха. Ни за что, *mo duinne*. Уже слишком поздно.

Глава 24

ДУЭЛЬ В БУЛОНСКОМ ЛЕСУ

Визит месье Форе был первым в ряду необычных происшествий.

— К вам какой-то итальянец, — доложил Магнус. — Но он не желает назвать свое имя. — Дворецкий явно с трудом сдерживал гнев. Я тотчас же догадалась, что если посетитель отказался назвать свое имя, то наверняка произнес немало резких слов в адрес дворецкого. Подобная манера поведения, да еще в сочетании со словом «итальянец», не оставляла сомнений в том, кто этот визитер, поэтому я не очень удивилась, когда, спустившись вниз, увидела Карла Стюарта, стоящего у окна.

Он резко повернулся при моем появлении и страшно удивился, обнаружив именно меня. Несколько секунд он стоял разинув рот, затем спохватился и отвесил мне короткий, быстрый поклон.

— Милорда Брок Туараха нет дома? — поинтересовался он, недовольно хмурясь.

— Совершенно верно, его нет. Не хотите ли выпить чего-нибудь, ваше высочество?

Он осмотрел богато обставленную гостиную с интересом, но отказался. Насколько мне было известно, прежде ему довелось побывать в этом доме лишь однажды, когда он вынужден был по крышам удирать из дома своей любовницы Луизы. И Джейми и Карл прекрасно отдавали себе отчет в неуместности приглашения младшего претендента на обеды в наш дом; коль скоро Людовик официально не признал Карла таковым, французская знать относилась к нему весьма пренебрежительно.

— Нет, благодарю вас, мадам Фрээр. У меня много дел. Мой слуга ждет меня на улице. Да и живу я далеко. Я хотел только попросить моего друга Джейми об одной небольшой услуге.

— Я уверена, что мой муж был бы счастлив оказаться вам полезным, если это в его силах... — проникновенным тоном сказала я, судорожно соображая, в чем могла заключаться эта просьба. Скорее всего ему нужны были деньги. В последнее время, среди писем, которые Фергюсу удалось заполучить, было немало повторных напоминаний от портных, сапожников и прочих кредиторов.

Карл любезно улыбнулся:

— Не могу выразить, мадам, как высоко я ценю преданность вашего мужа. Возможность общения с ним скрашивает мое тоскливое

одинокчество.

— О, — только и могла произнести я.

— Моя просьба отнюдь не обременительна, — заверил он меня и продолжал: — Дело в том, что я вложил небольшой капитал в партию разлитого в бутылки портвейна.

— Вот как! — воскликнула я. — Это очень интересно. — Муртаг только сегодня утром уехал в Лиссабон с соком крапивы и корнем марены в сумке.

— Это не столь уж значительное предприятие. И я бы желал, чтобы мой друг Джеймс проследил за размещением груза, когда он прибудет. Вы же понимаете, — тут он расправил плечи и слегка вздернул нос, — не годится, чтобы человек в моем положении занимался торговлей.

— Понимаю, ваше высочество, — сказала я, закусив губу, чтобы не рассмеяться. Интересно, делился ли он своими мыслями на этот счет со своим деловым партнером Сент-Жерменом, который, вне всякого сомнения, считал молодого претендента на шотландский трон человеком менее достойным, нежели любой из французской знати, которая вся поголовно занималась торговлей. — Ваше высочество один занимается этим делом? — с невинным видом поинтересовалась я.

Он слегка помрачнел:

— Нет, у меня есть партнер, но он француз. А я хотел бы иметь доверенным лицом соотечественника. Кроме того, я слышал, что мой дорогой Джеймс к тому же самый предприимчивый и удачливый купец. Возможно, он сумеет приумножить, благодаря умению, сумму моего капиталовложения.

«Кто же мог ему сказать такое о Джейми?» — подумала я. Ведь по моим сведениям, в Париже не было другого торговца вином, к которому Сент-Жермен питал бы такую же неприязнь, как к Джейми. Тем не менее, если осуществится наш замысел, это не будет иметь никакого значения. А если нет, возможно, Сент-Жермен решит все наши проблемы, изгнав Карла Стюарта, как только обнаружит, что тот вверил доставку половины исключительного гостосского портвейна его самому ненавистному конкуренту.

— Я уверена, что мой муж сделает все, что в его силах, чтобы предприятие, в которое вы вложили капитал, было выгодно всем, — заявила я совершенно искренне.

Его высочество любезно поблагодарил меня, как и подобает наследному принцу поступать со своими преданными подданными. Он поклонился, церемонно поцеловал мне руку и удалился. Магнус, на

которого королевский визит не произвел никакого впечатления, закрыл за ним дверь.

В тот вечер, когда вернулся Джейми, я уже спала и только утром за завтраком рассказала ему о визите Карла и его просьбе.

Подкрепившись порцией лосося, Джейми перешел к французскому завтраку, состоящему из булочек с маслом и горячего шоколада. Прихлебывая горячий напиток, он усмехался, представляя себе реакцию графа Сент-Жермена.

— Любопытно, осмелится ли уязвленный граф объявить наследного принца несостоятельным должником? Если нет, надеюсь, когда Сент-Жермен узнает обо всем, рядом с его высочеством будет Шеридан или Болхейлди.

Дальнейшие наши рассуждения были внезапно прерваны громкими голосами в прихожей. Через минуту в дверях появился Магнус с письмом на серебряном подносе.

— Простите, милорд, — сказал он, кланяясь. — Посыльный, который принес это письмо, очень просил, чтобы вы ознакомились с ним как можно скорее.

Брови Джейми удивленно поползли вверх, как только он вскрыл письмо и начал читать.

— Черт побери! — раздраженно воскликнул он.

— В чем дело? Неужели послание от Муртага?

Джейми покачал головой:

— Нет, это от десятника из пакгауза.

— Какие-нибудь неприятности в доках?

На лице у Джейми появилось смешанное выражение раздражения и веселья.

— Не совсем так. Видно, этот человек попал в переплет в борделе. Он слезно просит простить его, но в то же время умоляет меня о помощи. Другими словами, — продолжал он, раздраженно комкая салфетку, — суть послания проста — не оплачу ли я его счет.

Мне стало весело.

— Ну и как, оплатишь?

Он по обыкновению фыркнул и смахнул крошки с колен.

— Придется. Иначе я вынужден буду сам отправиться на склад. — Он все больше хмурился, перебирая в уме дела, которыми ему предстояло заняться немедленно. Кроме того, его безотлагательного внимания требовали заказы, скопившиеся у него на столе, капитаны кораблей, стоящих на пристани, и бочки с вином, поступившие на склад. — Я,

пожалуй, возьму с собой Фергюса в качестве курьера для доставки срочных депеш. К тому же его можно будет послать с письмом в Монмартр, если я не успею навестить туда сам.

— Доброе сердце важнее короны, — сказала я Джейми, стоящему возле своего стола и перебирающего внушительные пачки документов.

— Неужели? А чьи это слова? — поинтересовался он.

— Кажется, лорда Альфреда Теннисона^[18] — поэта. У дяди Лэмба был сборник стихотворений известных английских поэтов. Там были и стихи шотландца Бернса^[19], — объяснила я. — «Свобода и виски неразлучны».

Джейми фыркнул:

— Я не знаю, был ли он поэтом, но то, что он шотландец, — это точно. — Он улыбнулся, наклонился ко мне и поцеловал в лоб. — Буду дома к ужину. Веди себя хорошо.

Я закончила свой завтрак, доела поджаренный ломтик хлеба, оставленный Джейми на тарелке, и поднялась в свою комнату с намерением немного подремать. После той первой тревоги у меня время от времени случались незначительные кровянистые выделения, но в последние несколько недель все было в порядке.

Тем не менее большую часть времени я проводила в шезлонге или в кровати, спускаясь в салон только для того, чтобы принять гостей, или в столовую, чтобы пообедать вместе с Джейми. Сейчас, спустившись к ленчу, я обнаружила, что стол накрыт для меня одной.

— Милорд еще не вернулся? — в некотором замешательстве спросила я.

Пожилой дворецкий покачал головой:

— Нет, миледи.

— Ну, я думаю, он скоро будет. Проследите, чтобы все было готово к его приходу. — Я была слишком голодна и не стала дожидаться Джейми. Меня начинало снова тошнить, если я долго не ела.

После ленча я опять легла отдохнуть. Коль скоро супружеские отношения были теперь под запретом, чем еще можно заниматься в постели? Спать да читать — этим я главным образом и занималась. Однако спать на животе не разрешалось, да и было невозможно, на спине — тоже, поскольку ребенок начинал отчаянно барахтаться. Поэтому я лежала на боку, свернувшись наподобие креветки, подаваемой к коктейлю, кольцом вокруг каперса. Я редко спала крепко, большей частью дремала, прислушиваясь к движениям ребенка.

Иногда мне снилось, что Джейми находится рядом со мной, но когда я

открывала глаза и не обнаруживала его в комнате, снова закрывала их, как бы плывя в невесомости вместе с моим будущим ребенком.

День клонился к вечеру, когда я проснулась от легкого стука в дверь.

— Войдите, — сказала я, с трудом открыв глаза. Это был дворецкий Магнус. Извинившись, он объявил о прибытии гостей:

— Принцесса де Роган, мадам. Принцесса хотела подождать, пока вы проснетесь, но когда пожаловала еще и мадам д'Арбанвиль, я решил, что, может быть...

— Вы решили правильно, Магнус, — произнесла я, спуская ноги с кровати. — Я сейчас выйду к ним.

Я была рада гостям. С прошлого месяца мы не устраивали приемов и сами тоже не выезжали, и я уже начала скучать по суете и беседам, большею частью пустым. Луиза частенько навещала меня, чтобы развлечь меня и поделиться последними светскими новостями, но я давно не видела с Мари д'Арбанвиль. Интересно, что привело ее ко мне сегодня.

Я стала довольно неуклюжей и потому спускалась по лестнице медленно, при каждом шаге ступеньки, казалось, прогибались под тяжестью моего потучневшего тела. Дверь гостиной была закрыта, но я отчетливо расслышала фразу: «Ты думаешь, она знает?»

Вопрос был задан приглушенным голосом, каким обычно сообщаются тайны, но именно в тот момент, когда я готова была открыть дверь гостиной. Но не успела. И замерла на месте.

Говорила Мари д'Арбанвиль. Чрезмерно общительная даже по французским стандартам, Мари была принята во всех знатных парижских домах благодаря высокому положению, которое занимал в свете ее престарелый муж. Она была в курсе всех парижских событий.

— Знает о чем? — спросила Луиза.

Я безошибочно определила, кому принадлежит этот высокий уверенный голос прирожденной аристократки, нисколько не заботящейся о том, что кто-то сможет ее услышать.

— О, а ты не слышала? — Мари сразу насторожилась, словно кошка, готовящаяся схватить мышь, чтобы поиграть с ней. — Боже мой! Конечно, я сама узнала об этом только час назад.

«И тут же бросилась ко мне, чтобы рассказать что-то, — пронеслось у меня в голове. — Что же это может быть?» Я решила, что мне лучше постоять под дверью и послушать.

— Это касается лорда Туараха, — продолжала Мари, и мне не нужно было видеть ее, чтобы представить себе, как она шепчет, закатывая

блестящие от удовольствия зеленые глаза. — Только сегодня утром он вызвал на дуэль англичанина из-за проститутки!

— Что?! — воскликнула Луиза, и я почувствовала, как у меня перехватило дыхание. Я вцепилась в край маленького столика, стоявшего рядом, чтобы удержаться на ногах. У меня перед глазами закружились черные круги, и казалось, почва уходит из-под ног.

— Это правда! — быстро говорила Мари. — Жак Венсан присутствовал при этом. Он все и рассказал моему мужу. Это произошло в публичном доме, который находится возле рыбного базара. Представь себе, пойти в публичный дом в такой час! Мужчины такие непредсказуемые! Жак сидел за стаканчиком вина с мадам Элизой, которой принадлежит это заведение, как вдруг услышал крики наверху и топот ног.

Для большего эффекта Мари сделала небольшую паузу, а я услышала бульканье наливаемой жидкости, затем продолжала:

— Жак бросился к лестнице, так, по крайней мере, он говорит, но скорее всего он залез под диван, ведь он такой трус. Крики и топот ног продолжались еще некоторое время, потом раздался странный треск, и с лестницы скатился английский офицер, — но в каком виде! — полураздетый, парик сдвинут набок. Он скатился с лестницы и врезался головой прямо в стену. И как ты думаешь, кто появился в образе бога мщения? Наш милый Джейми!

— Не может быть! Я могу поклясться, что... но продолжай! Что было потом?

Чайная чашка тихо звякнула о блюдце, и снова послышался голос Мари:

— Скатившись с лестницы, незадачливый офицер каким-то чудом мгновенно вскочил на ноги, резко обернулся и посмотрел вверх, на лорда Туараха. Жак говорит, что этот офицер выглядел слишком уверенно для человека, только что спущенного с лестницы, да еще со спущенными штанами. Он улыбнулся, но, конечно, не обычной улыбкой, а очень ехидной и сказал: «Не нужно так негодовать, Фрэзер. Ты мог бы подождать своей очереди. И вообще, я думал, что тебе достаточно того, что у тебя есть дома. Хотя многие мужчины предпочитают платить за удовольствие».

Луиза страшно возмутилась:

— Какой ужас! Каналья! Но, конечно, это не может служить оправданием для лорда Туараха, но... — Я услышала напряженные нотки в ее голосе, как будто дружеские чувства боролись со страстью к сплетням. Неудивительно, что страсть к сплетням победила. — Милорд Туарах не может пользоваться ласками своей супруги в настоящее время. Она ждет

ребенка, и беременность не очень легкая. Поэтому он, конечно, удовлетворяет свои потребности в борделе, ведь он такой здоровый мужчина, не так ли? Такой горячий на вид! И какой мужчина поступил бы иначе?.. Ну а что было потом?

— Потом? — Тут Мари перевела дух, так как приближалась к кульминации своего рассказа. — Милорд Туарах спрыгнул вниз, схватил англичанина за горло и тряхнул, словно крысу.

— Невероятно!

— О да! Трем слугам мадам Элизы с трудом удалось оттащить лорда. Вначале, как рассказывает Жак, англичанин слегка смутился, но затем взял себя в руки и сказал лорду: «Ты уже второй раз пытаешься убить меня, Фрэзер». Тогда милорд Туарах выругался на своем ужасном шотландском наречии. Я ни слова не понимаю у него. А ты? Он разбросал людей, державших его, влепил пощечину англичанину и сказал: «Завтра на рассвете ты умрешь!» Затем повернулся и взбежал вверх по лестнице, а англичанин остался. Жак говорит, что лицо его было абсолютно белым, и неудивительно! Только представь себе!

Я представила.

— Вам плохо, мадам? — Взволнованный голос Магнуса заглушил последнее восклицание Луизы. Я протянула руку, ничего не видя перед собой, и Магнус сразу же ухватился за нее другой рукой, поддерживая меня за локоть.

— Да, мне нехорошо. Пожалуйста, скажите дамам... — Я слабо махнула рукой в сторону гостиной.

— Конечно, мадам. А пока позвольте мне проводить вас в вашу спальню. Сюда, дорогая мадам. — Он вел меня вверх по лестнице, поддерживая под руку и что-то сочувственно бормоча. С его помощью я добралась до кровати, и он удалился, пообещав срочно прислать служанку.

Я не стала ждать прихода служанки, мне удалось справиться с шоком. Я была в состоянии передвигаться самостоятельно, поэтому встала и прошла к столику, где находилась моя коробка с медикаментами. Я не опасалась упасть в обморок, но решила на всякий случай иметь под рукой пузырек с нашатырным спиртом.

Открыв крышку, я молча уставилась в коробку. С минуту я недоуменно взирала на аккуратно сложенный белый лист бумаги, зажатый между разноцветными пузырьками. Пальцы мои дрожали, когда я брала бумагу. Мне потребовалось немало усилий, чтобы развернуть ее.

«Прости меня». Слова были написаны четко, буквы располагались строго посередине. И ниже еще два слова. Эти были написаны торопливо,

как будто в отчаянии: «Я должен».

— Ты должен, — пробормотала я про себя, и мои колени подкосились. Лежа на полу и глядя на резные панели потолка, я поймала себя на мысли, что размышляю о том, почему женщины восемнадцатого века часто теряли сознание. Раньше я думала, что из-за тесных корсетов, а сейчас поняла — из-за идиотизма своих мужей.

Где-то неподалеку слышались испуганные возгласы, потом заботливые руки подняли меня, и я поняла, что лежу на мягком, набитом шерстью матрасе, а на лбу прохладная ткань, смоченная уксусом.

Вскоре я пришла в себя, но говорить не хотелось, беспорядочные мысли сверлили мозг. Что могло заставить Джейми нарушить обещание? Снова и снова возвращаясь к тому, что рассказала Мари — а это были новости из третьих рук, — я пришла к выводу, что за поступком Джейми кроется нечто большее, нежели просто нежелательная случайная встреча. Я знала капитана и знала его лучше, чем мне того хотелось бы. И в чем я была совершенно уверена, так это то, что причиной подобного поведения Джейми явились отнюдь не утехы, ради которых посещает заведения подобного рода большинство мужчин. Его привлекали наслаждения иного рода — боль, унижения, страх слабых. Наслаждение такого рода стоили немало, но их можно было купить.

Работая в «Обители ангелов», я слышала, что существуют путаны, которые зарабатывают необычным, особым способом. Они выставляют на продажу не сокровенную часть своего тела, а именно само тело с нежной кожей, на которой особенно заметны кровоподтеки и рубцы от ударов хлыста.

Если Джейми, на нежной коже которого запечатлелись следы нежной симпатии Рэндолла, застал капитана, развлекающегося с одной из женщин подобным образом, эта сцена наверняка заставила его забыть не только о данном мне обещании, но и об элементарной сдержанности. На груди Джейми, с левой стороны, чуть пониже соска был маленький белый шрам. Это он сам срезал кусочек кожи с клеймом, выжженным на его теле раскаленной печаткой Джонатана Рэндолла. Ярость, которая заставила его терпеть боль, но во что бы то ни стало удалить позорное клеймо, могла толкнуть его на дальнейшие действия — уничтожить наследника Джонатана Рэндолла.

— Фрэнк, — прошептала я, и моя рука с обручальным кольцом непроизвольно сжалась. — О Господи, Фрэнк. — В представлении Джейми Фрэнк был неким призраком, каким-то странным образом связанным с моим прошлым. Для меня же Фрэнк — человек, бывший моим мужем, с

которым я жила, делила постель и кров до того, как стала женой Джейми. — Не могу, — прошептала я, обращаясь к маленькому существу, беспомощно барахтающемуся внутри меня и тоже обеспокоенному моими переживаниями. — Я не могу позволить ему сделать это.

Дневной свет постепенно поглощали серые сумерки, и казалось, комната наполнялась отчаянием уходящего дня. «Завтра на рассвете ты умрешь». Никакой надежды на то, что я увижу Джейми сегодня, у меня не оставалось. Я была уверена, что сегодня он уже не вернется домой. Если бы он намеревался вернуться, он не оставил бы записку. Нет, он не смог бы лежать рядом со мной, зная, что ему предстоит завтра. Несомненно, он найдет приют в какой-нибудь таверне или гостинице, чтобы подготовиться к осуществлению акции возмездия, назначенной им на завтра. Джейми ни за что не нарушит свою клятву.

Я догадывалась, где может это возмездие свершиться. Нынешнее его поведение схоже с тем, предшествовавшим его первой дуэли, — он подстриг волосы. Инстинктивно я чувствовала, что он выберет и то же самое место для дуэли, — Булонский лес, у тропинки Семерых Святых. Именно здесь свершались запрещенные законом дуэли. Густые деревья надежно укрывали дуэлянтов от нежелаемых свидетелей. Завтра на одной из тенистых полянок там состоится встреча Джейми Фрэзера с Джеком Рэндоллом. И со мной.

Я легла на кровать, не раздеваясь и не укрывшись одеялом, сложив руки на животе. Я наблюдала, как густеют сумерки, надвигается ночь, и знала, что уснуть не смогу. Единственным утешением сейчас мне служили робкие движения обитателя моего чрева и звучавшие в ушах слова Джейми: «Завтра на рассвете ты умрешь».

Эта почти девственная часть леса находилась на окраине Парижа. Говорили, что в его чаще до сих пор обитали волки, лисы и барсуки. Но это ничуть не пугало влюбленных, находивших приют под кустами на густой лесной траве. Это место было прибежищем отдохновения и райского наслаждения для обитателей Парижа, уставших от его шума и грязи. Только его удаленность от столицы мешала парижской знати превратить это великолепное предместье в место увеселений. В основном сюда устремлялись жители близлежащих селений, чтобы отдохнуть в тени могучих дубов и стройных берез. Но и обитатели отдаленных районов нередко оказывались здесь в поисках тишины и покоя.

Это был небольшой лесок, но и не настолько маленький, чтобы его легко можно было обойти пешком в поисках площадки для дуэлянтов. Ночью начался дождь, и рассвет наступал неохотно, с трудом пробиваясь

сквозь темное, затянутое облаками небо. Лес о чем-то невнятно шептал, одновременно прислушиваясь к шелесту листьев, склоняющихся под тяжестью дождевых капель.

Коляска остановилась на дороге, ведущей в лес. Неподалеку находилось несколько ветхих построек. Следуя моим указаниям, кучер привязал лошадей и направился к этим постройкам. Люди, жившие здесь, наверняка знали немало подходящих мест для дуэли. Я сидела, укутавшись в плащ, и дрожала от холода. После бессонной ночи самочувствие у меня было хуже некуда. От страха сосало под ложечкой. Но гнев, владевший мною, был сильнее страха. Снова и снова в ярости я спрашивала себя: «Как он мог так поступить?» Мне не место здесь. Я должна сейчас находиться дома, в тишине и покое, рядом со своим мужем. Я не должна, преодолевая боль и гнев, следовать за ним, чтобы помешать ему совершить задуманное. От длительной езды в экипаже разболелась спина у основания позвоночника. Да, он мог выйти из себя, — это я способна понять. Но сейчас на карту поставлена жизнь человека. Как он мог позволить своей гордыне взять верх над всеми другими чувствами и оставить меня в полном неведении? Почему я должна узнавать о случившемся от посторонних лиц?!

— Ты обещал мне, Джейми, ты обещал мне, будь ты проклят! — шептала я, едва переводя дыхание. Лес стоял безмолвный, мокрый, утопая в тумане. Интересно, они уже здесь? Да и здесь ли состоится дуэль? Может, вовсе и не здесь.

Тем временем появился кучер в сопровождении паренька лет четырнадцати. Парень молча плюхнулся на сиденье рядом с кучером и помахал рукой, указывая вперед и налево. Щелкнув кнутом, кучер пустил лошадей медленной рысью. Вскоре мы свернули с дороги под сень деревьев. Дважды мы останавливались, ждали, пока паренек, спрыгнув с козел, исчезал среди деревьев, но через минуту-две возвращался и отрицательно качал головой. На третий раз он вернулся, и на лице у него было такое волнение, что я заранее открыла дверь кареты и приказала кучеру ехать. Протянув ему приготовленные заранее деньги, я теребила его за рукав и не переставала выкрикивать:

— Быстрее!

Я не замечала, как ветки царапают мне лицо и руки, а одежда моментально промокла. Тропинка была мягкой, покрытой опавшей листвой, поэтому я и мои проводники двигались совершенно бесшумно.

Я слышала дуэлянтов раньше, чем увидела. Звон металла заглушался мокрыми кустами, но тем не менее был ясно различим на слух. Все птицы

смолкли, и только могильный голос поединка звучал у меня в ушах.

Это была большая просека в чаще леса, достаточно большая, чтобы на ней можно было свободно разойтись двум дуэлянтам для смертельной схватки. Шел дождь, противники были в одних рубашках, и намокшая ткань прилипла, обрисовывая их крепкие спины и плечи. По словам Джейми, он из всех видов оружия лучше всего владел шпагой. Может, это и так, но Джонатан Рэндолл, без сомнения, был великолепным фехтовальщиком. Он извивался, изворачивался как змея, шпага его разила словно молния. Джейми тоже двигался быстро и ловко для такого крупного человека. Мои ноги приросли к земле, я боялась нечаянно вскрикнуть и тем самым отвлечь внимание Джейми. Но вот противники вновь сошлись, едва касаясь земли, словно танцуя. Я замерла на месте. Я решилась пройти сквозь ночь, чтобы остановить их. А сейчас не смела вмешаться, боясь приблизить печальный конец поединка. Мне оставалось ждать, кто же выйдет из него победителем. Рэндолл взмахнул своим клинком, чтобы нанести решающий удар, но не достаточно быстро, и Джейми выбил шпагу из рук противника. Она отлетела далеко в сторону. Я набрала воздуха в легкие, собираясь крикнуть. Мне хотелось остановить Джейми, не дать прикончить безоружного противника. И я действительно крикнула, но крик мой оказался слишком слаб и не был услышан. Я стояла не шевелясь. Невыносимая боль сжимала спину словно стальной кулак. Через минуту я почувствовала, как внутри у меня словно бы что-то сломалось, и хватка ослабла. Я пошла вперед ощупью, хватаясь за кусты. Я видела лицо Джейми, оно выражало ликование, и я поняла, что он ничего не слышал. Он ничего не должен видеть и слышать, пока поединок не закончится. Рэндолл, рванувшийся за шпагой, поскользнулся на мокрой траве и упал. Он пытался подняться, но трава была скользкой. Ворот его мундира распахнулся, голова запрокинулась назад, темные волосы были мокрыми и липли к скальпу, шея оказалась незащищенной, вытянутой, словно у волка, молящего о пощаде. Но мести чужда жалость, и занесенный над Рэндоллом клинок не спешил опуститься на его оголенную шею.

Сквозь окутывающий меня туман я видела шпагу Джейми, неумолимую и холодную, как сама смерть. Конец ее коснулся пояса бриджей из оленьей кожи, пронзил живот, шпага вспорола живот Рэндолла, и темно-красная кровь залила бежевую кожу.

Ужасный холод пробирал меня до костей, а по ногам текла горячая кровь. Я испытывала невероятную боль в том месте, где таз соединялся с позвоночником. Боль снова и снова обрушивалась на меня, подобно ударам молнии. Мне казалось, что низ живота вот-вот разлетится на части, а

вместе с тем я лишусь и чувств. Я не видела ничего вокруг, не понимая, закрыты у меня глаза или нет. Меня окружила сплошная тьма, и в этой тьме что-то черное кружилось и мелькало — знакомое с детства ощущение, если закрыть глаза и изо всех сил нажать на них пальцами.

Крупные капли дождя били меня по лицу и плечам, подобно маленьким льдинкам, потом они таяли и мелкими струйками стекали по моей помертвевшей от холода коже. Я ощущала это вполне отчетливо, невзирая на приступы адской боли. Я старалась сконцентрировать свое внимание на боли, отвлечься от звучащего в голове голоса, произносившего знакомые фразы клинического диагноза: «У вас, несомненно, кровотечение. Возможен разрыв плаценты. Это обычно приводит к летальному исходу. Потеря крови вызывает оцепенение рук и ног, а затем слепоту. Считается, что последним угасает слух». И это, кажется, правильно.

Не знаю, было ли это и впрямь мое последнее ощущение, но я пока еще слышала. Я слышала французскую речь, возбужденные голоса, убеждавшие кого-то не волноваться. При этом без конца повторялось одно и то же слово. Это было мое собственное имя. Голос Джейми доносился откуда-то издалека:

— Клэр! Клэр!

— Джейми! — пыталась произнести я, но мои губы словно одеревенели от холода. Потом суматоха вокруг меня поутихла. Кажется, прибыл кто-то, кого все ждали, и, кажется, он знал, что нужно делать. Действительно знал. Между ног мне положили свернутую простыню, промокшую юбку заменили сухой. Чьи-то умелые руки положили меня на левый бок, подтянув колени к груди.

— Везите ее в больницу, — произнес чей-то голос.

— Она долго не протянет, — пессимистично заметил другой. — Может, подождать несколько минут, а потом послать за фургоном?

— Нет, — настаивал другой, — кровотечение уменьшилось. Она может выжить. Кроме того, я знаю ее. Видел ее в «Обители ангелов». Везите ее к матери Хильдегард.

Я собрала все оставшиеся силы и прошептала:

— К матери Хильдегард. — После этого темнота поглотила меня.

Глава 25

ЕРЕТИК РАЙМОН

Надо мной был высокий сводчатый потолок — неотъемлемый признак архитектуры четырнадцатого века. Четыре острых края поднимаются от вершины колонны и соединяются в сдвоенные арки.

Моя окруженная ширмой из прозрачной ткани кровать стояла под одной из них, на несколько футов сдвинутая от центра. Это раздражало меня, когда я смотрела вверх. Мне хотелось во что бы то ни стало подвинуть ее, как будто бы после этого у меня появятся силы и на все остальное. Тело у меня болело так, словно меня избили. Суставы ныли, словно зубы, разрушенные цингой. Несколько толстых одеял, укрывавших меня, не могли согреть меня, их тепло было обманчивым. Холод дождливого рассвета прочно укоренился во мне.

Свое физическое состояние я оценивала вполне объективно, как если бы речь шла не обо мне, а о постороннем человеке. Разум все еще повиновался мне, но чувства, которыми он управляет, исчезли. Я ничего не сознавала, ни о чем не думала. Я находилась в «Обители ангелов» уже пять дней.

Длинные пальцы матери Хильдегард неустанно ощупывали меня сквозь ткань ночной рубашки, проникали в глубь моего живота. Плоть была мягкой, как спелый фрукт, и болезненной на ощупь. Я застонала, когда руки матери Хильдегард проникли чуть глубже, и она нахмурилась, бормоча что-то похожее на молитву.

Мне послышалось, что она произнесла какое-то имя, и я переспросила:

— Раймон? Вы знаете господина Раймона? — Я могла бы понять, если бы она упомянула в данной ситуации кого угодно, но только не этого монаха с устрашающей внешностью, карлика, живущего в пещере с черепами.

Мать Хильдегард удивленно подняла свои широкие брови:

— Ты говоришь о господине Раймоне? Об этом еретике и шарлатане? Боже, упаси нас.

— А мне показалось, что вы сказали «Раймон».

— Ну нет. — Пальцы матери Хильдегард продолжали ощупывать складки в моем паху в поисках набухших лимфоузлов, что могло служить признаком инфекции. Они были. Я и сама это знала, нащупала их на своем

теле. Где-то очень глубоко внутри я чувствовала жар, боль и холод, которые вскоре прорвутся наружу и испепелят мое тело. — Мне приходилось обращаться к Святому Раймону Ноннатусу, — объяснила мать Хильдегард, смачивая тряпку холодной водой. — Он помогает будущим матерям.

— Каковой я больше не являюсь. — Я заметила, как лицо матери Хильдегард исказилось, словно от внезапной острой боли, но тут же приняло свое обычное, спокойное выражение, и она продолжала привычными движениями вытирать мне лицо и потную шею.

Я внезапно содрогнулась от прикосновения холодной влажной салфетки. Мать Хильдегард тут же отняла салфетку и участливо положила руку мне на лоб.

— Нет нужды обращаться к Раймону, — укоризненно произнесла она. — Я сама смогу помочь вам и назначу курс лечения.

— Мм. — Я закрыла глаза, окунаясь в спасительный серый туман. Мне виделись какие-то огоньки в тумане, короткие вспышки, похожие на летнюю зарницу. Я слышала постукивание бусинок янтарных четок матери Хильдегард и голос одной из сестер, позвавшей ее. Мать Хильдегард направилась к двери, но вдруг будто какая-то мысль осенила ее. Она вернулась, шелестя тяжелыми юбками, и, указывая на кровать, твердым голосом произнесла:

— Бутон, сюда!

Собака, такая же проворная, как и ее хозяйка, прыгнула на кровать и стала устраиваться у меня в ногах. Она перебирала лапами постельное белье, перекувырнулась три раза через голову, как бы стряхивая какое-то проклятие с моего ложа, и только потом улеглась, тяжело вздохнув и уткнувшись носом в лапы.

Довольная мать Хильдегард пробормотала слова молитвы и исчезла. Сквозь сгущающийся туман и ледяной холод, окутывающий меня, я по достоинству оценила ее поступок. Собака была для нее самым дорогим существом на свете. Приятная тяжесть в ногах внушала какое-то успокоение моему телу. Бутон лежал неподвижно, подобно собакам, покоящимся у ног королей, изображенных на надгробиях в Сен-Дени. Его тепло изгоняло ледяной холод из моих ног, само его присутствие согревало меня. Бутон издал какой-то специфически собачий звук и уснул. Я натянула одеяла себе на нос и попыталась уснуть тоже.

Я спала и грезилась во сне. Лихорадочные грезы усталости и отчаяния сменяли друг друга. Не освобождая от боли, они уносили меня в серую даль, наполненную густым туманом, сквозь который горечь утраты преследовала меня словно демон в ночи.

Вдруг я проснулась, почувствовала, что Бутона нет рядом, но я не одна. Волосы на голове у Раймона росли необычно. Казалось, что линия волос на лбу была прочерчена строго по линейке. Густые седеющие волосы были зачесаны назад и ниспадали на плечи. Возможно, поэтому его массивный лоб был подобен каменной глыбе, нависающей над остальной частью лица. Он как каменное изваяние склонился надо мной, вглядываясь в мои лихорадочно блестящие глаза.

Глубокие морщины и складки на его лице двигались, когда он разговаривал с сестрами. Они напоминали мне буквы, написанные у основания вросшего в землю старинного надгробия. Они пытались выбраться на поверхность, чтобы можно было прочесть имя умершего. Я представила себе, что скоро и мое имя будет написано на такой же белой плите, и поняла, что и в самом деле умираю. У меня вырвался невольный крик.

— Теперь ты убедился, отвратительный старик! Она не нуждается в твоей помощи! Твой вид пугает ее! Уходи сейчас же! — Мать Хильдегард схватила Раймона за руку и оттащила от моей кровати. Он сопротивлялся, упирался, подобно каменному истукану, но сестра Селеста бросилась помогать матери Хильдегард. Они подхватили его под руки с обеих сторон и понесли. При этом один башмак свалился у него с ноги. Деревянный башмак так и остался лежать на боку, прямо посередине исцарапанной напольной плиты. По какой-то не поддающейся объяснению причине я не могла оторвать от него глаз. Я всматривалась в темноту, стараясь удержать башмак в своем поле зрения, решив про себя, что, если я сдамся, темнота тут же поглотит мою душу. Когда мои глаза останавливались на этом предмете, я слышала голос каменных столбов, зовущий меня в будущее. В поисках спасения я отчаянно вцепилась руками в одеяло.

Вдруг ширма раздвинулась, красная, натруженная рука схватила башмак и исчезла. Не в силах осознать происходящее, мое разгоряченное болезнью сознание яростно металось среди непонятных образов, затем, подчиняясь какой-то рациональной силе, я погрузилась в сон. Сон был тревожный — спотыкаясь и падая, я пробиралась через лабиринт бесконечных преград и непонятных символов. Увидев наконец человеческое лицо, я почувствовала огромное облегчение. Черты лица были неправильные, вид свирепый. Почувствовав, как чья-то рука зажала мне рот, я поняла, что не сплю. Некое существо, похожее на горгулью^[20], приблизилось к моему уху:

— Тише, ma chère! Если они снова обнаружат меня здесь, я пропал! — Большие темные глаза бегали из стороны в сторону, настороженно следя за

ширмой.

Я медленно кивнула, и он убрал руку, слабо пахнущую нашатырем и серой. Он где-то отыскал, а скорее украл, как мне показалось, старую, рваную монашескую сутану, под которой виднелся грязный аптекарский халат. Большой капюшон скрывал седые волосы и уродливый лоб. Лихорадочные иллюзии медленно отступили, уступив место остаткам присущего мне любопытства. У меня едва хватило сил спросить: «Что...», как он снова приложил мне палец к губам и отбросил одеяла, которыми я укрывалась. Не обращая внимания на мой ошеломленный вид, он распустил завязки моей рубашки до самого пояса. Движения его были быстрыми и деловитыми, лишенными какой-либо нескромности. Я не могла себе представить, что кто-то может поступить со мной подобным образом, и никто, даже мать Хильдегард, ничего не услышит. Но у меня было такое ощущение, будто все это происходит не со мной, а с кем-то другим и я всего лишь сторонний наблюдатель. Вот он положил свои корявые руки мне на груди. Руки были широкими, почти квадратными. Все пальцы, кроме большого, имели одинаковую длину. Большие пальцы обеих рук были необычно длинными и гибкими. С удивительной осторожностью они обхватили мои груди. Наблюдая за их действиями, я вспомнила слова Мэриан Дженкинсон — девушки, с которой я вместе проходила практику в Пемброкском госпитале. Она рассказывала нам, что размер и форма большого пальца мужчины свидетельствует о многих его качествах.

— Клянусь, это правда, — говорила она, театрально встряхивая своими светлыми волосами. Но когда ее просили объяснить поподробнее, она только хихикала, стреляя глазками в сторону лейтенанта Хейнли, похожего на гориллу. В его больших пальцах не было ничего необычного.

Большие пальцы его рук сдавливали мне грудь осторожно, но достаточно настойчиво, и я почувствовала, как мои набухшие соски вздымаются под его твердыми, холодными по сравнению с моим телом, ладонями.

— Джейми, — сказала я, и дрожь сотрясла мое тело.

— Тише, мадонна, — произнес Раймон. Голос был тихим, добрым, но абсолютно бесстрастным, совершенно не соответствующим его действиям. Мое тело снова пронзила дрожь, и мне показалось, что болезненный жар моего тела перетекает в него, но от этого руки у него не становились теплее. Его пальцы оставались холодными, и мне стало холодно, я начала дрожать — лихорадочный жар покидал мое тело.

Плотная ткань ширмы затеняла дневной свет, и оттого руки Раймона казались особенно темными на моей белой груди. Однако тени между

толстыми, неуклюжими пальцами не были темными. Они показались мне... голубыми. Я прикрыла веки, и тут же у меня перед глазами закружилась разноцветная карусель. Когда я открыла их снова, голубой свет, исходящий от рук Раймона, не исчез.

В голове у меня просветлело, я попыталась подняться, чтобы получше рассмотреть, что он делает.

Раймон легким движением руки заставил меня лечь. Я опустила голову на подушку, искоса наблюдая за ним. Я не бредила. Во всяком случае, так мне казалось. По мере того как руки Раймона медленно скользили по моему телу, вокруг них возникало какое-то розовое и бледно-голубое свечение, озарявшее мое тело. В груди у меня потеплело, и это было естественное здоровое тепло, а не лихорадочный жар. Легкая воздушная волна, проникшая за ширму, шевельнула волосы у меня на висках, но мне не было холодно.

Раймон пребывал все время в одной позе — стоял склонившись надо мной. Лица, скрытого под капюшоном чужой сутаны, почти не было видно. Спустя некоторое время, показавшееся мне бесконечно долгим, он очень медленно перенес руки с моей груди мне на плечи, затем еще медленнее перешел к моим рукам, задержавшись на плечевом и локтевом суставах, запястьях и суставах пальцев. Боли заметно поубавились, и мне казалось, что я вижу мерцающий свет, излучаемый моим телом.

Ни на минуту не отнимая рук от моего тела, он все так же медленно поводил ими по моим ключицам и двинулся вниз, слегка нажимая ладонями на ребра.

Но самым удивительным было не столько то, что я не испытывала ни малейшей неловкости от его прикосновений, но также и то, что мое измученное тело полностью отдалось во власть его рук, сделавшись послушным, словно расплавленный воск. Только кости оставались твердыми.

Я ощущала все более интенсивное тепло, исходящее от этих больших, сильных рук. Они неустанно скользили по моему телу, и я почти физически чувствовала, как гибнут бактерии у меня в крови, а значит, организм очищается от инфекции. Более того, я опять-таки почти физически ощущала каждый орган в его естественных размерах и видела его так же явственно, как если бы он лежал у меня на ладони. Вот совершенно пустой желудок, увеличенная, острая печень, кишки, причудливо переплетающиеся между собой, аккуратно упакованные в плотную мышечную ткань, напоминающую сумку. Тепло проникало в каждый орган, согревая его подобно маленькому солнцу.

Раймон замер, обхватив обеими руками мой разбухший живот. Мне показалось, что он нахмурился, но трудно сказать с полной уверенностью. Раймон насторожился, прислушиваясь к характерным больничным звукам, доносившимся издали. Никаких шагов поблизости также не было слышно. Я невольно содрогнулась, когда его рука скользнула вниз и очутилась у меня между бедрами, но легшая на живот вторая рука тут же успокоила меня. В следующее мгновение его грубоватые пальцы проникли внутрь. Я зажмурилась и замерла от страха, но мои внутренние органы спокойно отреагировали на вторжение.

Пальцы скользнули дальше и достигли матки. Стенки матки судорожно сжались, причинив мне острую боль.

Я застонала, но он укоризненно покачал головой, и я, сделав над собой усилие, немедленно умолкла. Одна рука Раймона мягко нажимала время от времени на живот сверху, в то время как пальцы другой продолжали исследовать мою матку. Вдруг он замер, бережно, словно хрупкий стеклянный сосуд, держа обеими руками мою матку с заключенным в ней плодом.

— Ну а теперь, — мягко проговорил он, — зови его. Зови своего рыжего молодца.

Пальцы его обеих рук, одной внутри, другой снаружи, надавливали с такой силой, что я уперлась ногами в кровать, чтобы удержаться в нужном положении. Но я для этого была слишком слаба. А он все продолжал сдавливать этот хрупкий сосуд.

Мое сознание помутилось, сделалось хаотичным. Горе, отчаяние и страх переполняли меня, и я отчетливо ощутила запах смерти.

Мысленно взывая о помощи, я вновь услышала тот же голос, повторяющий терпеливо, но твердо: «Зови же его». И я закричала изо всех сил:

— Джейми! Джейми!

Словно электрическая искра пронзила мой живот, и горячая волна прокатилась по моему телу. Мертвая хватка Раймона ослабла, чувство покоя и гармонии наполнило меня. Кровать задрожала, когда он нырнул под нее, и как раз вовремя.

— Миледи, с вами все в порядке? — осведомилась сестра Анжелика, появившаяся возле меня. В ее сочувственном взгляде читалась готовность к худшему. Сестры знали, что я должна умереть, и дежурившей сейчас Анжелике предстояло позвать ко мне священника.

Она осторожно провела рукой по моей щеке и лбу, затем снова по щеке... Простыня лежала скомканной у моих ног, рубашка была

распахнута. Руки Анжелики скользнули мне под мышки, растерянно задержались там на мгновение.

— Слава Богу! — воскликнула она, давая волю слезам. — Жар прошел! — Она вновь наклонилась ко мне, желая получше удостовериться, что жар отступил не потому, что я умерла...

Я слабо улыбнулась ей:

— Скажите матери Хильдегард, что все в порядке.

Сестра кивнула, заботливо поправила на мне простыню и выбежала из палаты. Едва складки ширмы сомкнулись, Раймон вылез из-под кровати.

— Мне нужно идти, — сказал он, пощупав мой лоб. — Поправляйся, мадонна.

Несмотря на слабость, я приподнялась и схватила его за руку. Я провела рукой по его предплечью, как будто что-то искала, но не могла найти. Его кожа была совершенно гладкой, без каких-либо шрамов. Он удивленно посмотрел на меня:.

— Что это значит, мадонна?

Я откинулась назад, разочарованная. Я была слишком слаба и не задумывалась над своими словами:

— Я хотела проверить, если ли у вас шрам от прививки.

— Прививки? — Судя по его лицу, он совершенно не понимал, о чем идет речь.

Я уже обладала достаточным жизненным опытом, чтобы уметь читать по лицу.

— Почему вы продолжаете называть меня мадонной? — спросила я. Руки мои задержались на моем опавшем животе, как бы боясь потревожить его зыбкую пустоту. — Я же потеряла своего ребенка.

Он выглядел слегка удивленным:

— Я называл вас мадонной не потому, что вы были с ребенком, миледи.

Уставшие, совершенно без сил, мы ощущали себя так, будто оказались в замкнутом пространстве, где время остановилось и не существовало будущего; единственное, что там оставалось, это — правда.

— Тогда почему же? — В сущности, я не ждала от него ответа, но он ответил:

— Вокруг каждого человека существует некое поле, окружающее его подобно облаку. И каждому человеку присущ свой цвет. Ваше облако голубого цвета, такого же, как покрывало Святой Девы Марии, и такого же, как у меня.

Мягкая ткань ширмы сомкнулась за ним.

Глава 26

ФОНТЕНБЛО

Я спала несколько дней. Не знаю, чем это было вызвано, то ли физической слабостью, то ли стремлением уйти от существующей реальности, но я просыпалась только для того, чтобы немного поесть, и снова погружалась в забытие, словно чашка бульона у меня в желудке становилась своеобразным якорем, удерживающим меня в постели.

Несколько дней спустя я проснулась от шума голосов, звучавших у меня над самым ухом, а затем чьи-то сильные руки подняли меня с кровати. Я внезапно почувствовала радость, затем продолжала бодрствовать еще какое-то время, борясь с запахом табака и дешевого вина. Наконец я осознала, что меня несет на руках Хьюго, слуга Луизы де ла Тур.

— Опустите меня на пол! — сказала я, слабо отталкивая его.

Он не ожидал такой прыти от умирающей и от растерянности чуть не уронил меня. Однако высокий, властный голос мгновенно все расставил по местам:

— Клэр, моя дорогая подруга! Не бойся, все в порядке. Я везу тебя в Фонтенбло. Свежий воздух, хорошее питание — вот что тебе сейчас необходимо. И отдых. Тебе необходим отдых.

От яркого света я заморгала глазами, словно только что родившийся ягненок. Лицо Луизы, круглое и розовое, плыло рядом со мной подобно херувиму на облаке. Мать Хильдегард шествовала за ней следом. Высокая и стройная, она напоминала ангела у ворот Эдема. Иллюзия усугублялась тем, что обе они стояли на фоне цветного стекла витражей в вестибюле «Обители ангелов».

— Это действительно вам будет очень полезно, — сказала мать Хильдегард. Эти простые слова, произнесенные матерью Хильдегард, звучали более весомо, чем щебетание Луизы.

После этого, не имея ни сил, ни желания протестовать, я безропотно позволила перенести меня в карету Луизы.

Карета то и дело подпрыгивала на рытвинах и ухабах, и это не позволяло мне уснуть на протяжении всего пути в Фонтенбло. Ну, и еще безостановочная болтовня Луизы, конечно. Поначалу я пыталась что-то ей отвечать, но вскоре поняла, что она не нуждается в этом.

После дней, проведенных в холодных, мрачных каменных покоях «Обители ангелов», я чувствовала себя непривычно и вздрагивала от

яркого света и красочного мира за окном кареты. Я предпочла не вглядываться в окружающий меня мир. Так было спокойнее. Избранная мною стратегия очень помогала мне, пока мы не добрались до небольшого леса рядом с Фонтенбло. Стволы дубов были темными и толстыми, огромная крона дарила благодатную тень. От слабого ветра тени ветвей на земле начинали двигаться, и оттого казалось, что лес тоже не стоит на месте, а куда-то движется. Я долго любовалась этим эффектом, и вдруг мне стало казаться, что деревья и впрямь двигаются, вернее, раскачиваются из стороны в сторону и поворачиваются при этом.

— Луиза! — вскрикнула я, схватив ее за руку и прервав болтовню на полуслове. Луиза умолкла и, приподнявшись с сиденья, посмотрела в окно, находившееся рядом со мной. В следующую же минуту она отпрянула от окна и закричала на кучера.

Мы подъехали к грязной площадке на опушке леса и увидели висящие на деревьях три трупа. Двое мужчин и одна женщина. Высокий властный голос Луизы все еще продолжал звучать, то увещевая, то спрашивая о чем-то. Изредка можно было различить робкий голос кучера, что-то пытавшегося объяснить извиняющимся тоном, но я ни на что не обращала внимания. Несмотря на то что трупы раскачивались, а одежда развевалась на ветру, они казались более неподвижными, застывшими и инертными, чем деревья, на которых они висели. Лица почернели от удушья. Зрелище потрясло меня. В моем замутненном сознании всплыл образ месье Форэ. Он не одобрил бы такую работу. Казнь была проведена не профессионально. Подул ветер, и на нас пахнуло страшным зловонием.

Луиза пронзительно взвизгнула и неистово заколотила руками по раме, лошади рванули, и она повалилась на сиденье кареты.

— Дерьмо! — воскликнула она, обмахиваясь носовым платком. — И надо же было этому идиоту остановиться в таком месте! Какое безрассудство! Я уверена, это плохо скажется на ребенке и на тебе, моя дорогая... о дорогая, моя бедная Клэр! О моя дорогая!.. Прости меня! Я не хотела напоминать тебе... О, я такая бестактная! Сможешь ли ты простить меня!

К счастью, причитания Луизы по поводу того, что она расстроила меня, помогли ей в конце концов забыть о трупах, но мне они порядком надоели, и в полном отчаянии, не видя другого способа положить этому конец, я вернулась к разговору о повешенных.

— Что это были за люди? — спросила я. Мой замысел удался. Луиза закрыла глаза, вспомнив потрясшее ее зрелище, поспешно вытаскала пузырек с нашатырным спиртом, глубоко вдохнула его и с облегчением

чихнула.

— Гуге... пчхи! Гугеноты, — пояснила она, морщась и чихая. — Еретики-протестанты. Так сказал кучер.

— Их вешают? До сих пор? — Мне казалось, что преследования на почве религии остались далеко в прошлом.

— Ну конечно, не только за то, что они протестанты. — Она осторожно коснулась носа вышитым платком, внимательно оглядела его и, снова поднеся к носу, с удовольствием высморкалась.

Она спрятала платок в карман и со вздохом откинулась на спинку сиденья:

— Наконец-то я пришла в себя. Какой все-таки ужас! Если их нужно было повесить, ради Бога, пожалуйста! Но зачем это делать в таком месте, где могут оказаться дамы? Ты заметила, какая от них вонь? Фу! Это владения графа Медарда. Я непременно напишу ему гневное письмо по поводу всего этого, вот увидишь!

— Но за что все-таки повесили этих людей? — спросила я, резко оборвав болтовню Луизы, так как знала, что только таким образом можно остановить поток ее красноречия.

— Скорее всего за колдовство. Ты видела, что там была женщина. Если в том или ином деле замешана женщина — значит, оно так или иначе обязательно связано с колдовством. Если замешаны только мужчины, речь может идти о еретических проповедях и призывах к мятежу, но женщины ведь не читают проповедей. А ты обратила внимание на ее уродливую старую одежду такого темного цвета? Ужасно! До чего же надо дойти, чтобы носить такую темную одежду все время? И какая нормальная религия может заставить своих приверженцев носить подобную одежду? Сразу видно, это дьявольский промысел, не иначе. Дело в том, что они боятся женщин, и поэтому...

Я закрыла глаза и прислонилась к спинке сиденья, ища утешения в том, что до загородного дома Луизы осталось недалеко.

Кроме обезьянки, с которой Луиза не расставалась, в ее загородном доме было еще немало вещей, свидетельствовавших о сомнительном вкусе хозяйки. На убранстве парижского дома Луизы несомненно сказался вкус ее отца и мужа, комнаты были обставлены богато, и каждая выдержана в своем, изысканном, стиле. Но Жюль редко навещался в загородный дом, будучи слишком занят в столице, так что здесь вкус Люси проявился во всем своем великолепии.

— Это мое новое приобретение. Разве он не прекрасен? — ворковала она, любовно поглаживая рукой резное темное дерево игрушечного домика,

висевшего на стене и выглядевшего совершенно нелепо рядом с золоченой бронзовой фигуркой Эвридики, служившей подсвечником.

— Это похоже на кукушкин дом, — бесцеремонно заявила я.

— Ты уже видела такой? Не думаю, что в Париже найдется второй такой же дом.

Луиза слегка надула губы при мысли о том, что она не является единственной обладательницей уникальной игрушки, но сразу спохватилась и стала переводить стрелки стоящих тут же часов. Она отступила назад, горделиво разглядывая маленькую птичку, вырезанную из дерева, высунувшую голову из часов и прокричавшую несколько раз «ку-ку!».

— Ну а это разве не прелесть? — спросила Луиза, коснувшись головы птицы, прежде чем та спряталась. — Мне удалось заполучить их через БERTУ, мою экономку. Ее брат привозит такие вещишки из Швейцарии. Что бы ты ни говорила о шведах, но они прекрасные резчики по дереву, разве нет?

Мне хотелось ответить «нет», но вместо этого я пробормотала что-то совершенно обратное.

Куриные мозги Луизы неожиданно заработали в другом направлении, возможно, при упоминании о швейцарских слугах.

— Знаешь, Клэр, — проникновенным тоном сказала она, — тебе придется ходить в церковь каждое утро.

— Почему?

Луиза кивнула в сторону двери, где в это время проходила одна из служанок с подносом в руках.

— Мне это безразлично, но слуги... Они здесь, в сельской местности, ужасно суеверны. А один из лакеев нашего парижского дома настолько глуп, что сказал повару, будто ты — Белая Дама. Я объяснила им, что все это глупость, конечно, и пригрозила, что уволю любого, кто будет распространять подобные сплетни, однако при всем при том было бы неплохо, если бы ты ходила в церковь. Или хотя бы громко молилась, и как можно чаще, чтобы они могли слышать.

Помимо того, что я была неверующей, мне казалось, что церковь находится довольно далеко, но с некоторой долей юмора согласилась сделать все, что смогу, чтобы рассеять страхи слуг. Итак, весь следующий час мы провели с Луизой, громко читая псалмы по очереди и молитвы в один голос. Не представляю, какое воздействие это оказало на слуг, но я совершенно обессилела и отправилась в свою комнату вздремнуть, где и проспала без всяких снов до следующего утра.

У меня часто возникали трудности со сном, возможно потому, что бодрствование мало чем отличалось от тяжелого забытья. Я лежала, уставившись в белый потолок, расписанный цветами и фруктами. В темноте он казался нависшим над головой серым пологом, олицетворявшим депрессию, которая затуманивала мое сознание днем. Но если все-таки мне удавалось ночью сомкнуть веки, перед моим мысленным взором возникали видения, причем яркие, не приглушенные мнимым серым пологом. Так что можно считать, что изредка я спала.

Ни от самого Джейми, ни от кого-либо о нем не было слышно ни слова. Не знаю, что не позволило ему навестить меня в «Обители ангелов» — чувство вины или обида? Но он не появился ни там, ни в Фонтенбло. А сейчас, возможно, находится в Орвиэто.

Иногда я ловила себя на мысли о том, увидимся ли мы снова и когда и что сможем сказать друг другу. Но большей частью я старалась не думать об этом. Дни шли за днями, и я предпочитала не думать о будущем, не вспоминать прошлое, а жить только настоящим.

Фергюс в отсутствие своего кумира совсем пал духом. Когда бы я ни выглянула в окно, я видела его сидящим под кустом боярышника с отсутствующим взглядом, устремленным на дорогу, ведущую в Париж. Наконец я заставила себя выйти к нему. Я спустилась с лестницы и прошла по садовой дорожке.

— Тебе что, нечего делать, Фергюс? — спросила я. — Не может быть, чтобы никому из конюхов не требовался помощник.

— Да, миледи, — неуверенно отвечал он, яростно почесывая ягодицы. Я заподозрила неладное.

— Фергюс, — продолжала я, удерживая его за руку, — у тебя что, вши?

Он вырвал руку, словно обжегшись:

— О нет, миледи.

Я наклонилась, чтобы поднять его, и одновременно запустила палец ему за воротник, обнажив темную грязную шею.

— Немедленно в ванну, — строго приказала я.

— Нет. — Он рванулся в сторону, но я удержала его за плечо.

Меня удивила его горячность. Он всегда ненавидел ванну, но все-таки регулярно залезал в нее, а сейчас я просто не узнавала его. Обычно послушный ребенок отчаянно вырывался у меня из рук, отказываясь повиноваться. Когда ему наконец удалось вырваться из моих рук, раздался треск рвущейся материи, и он бросился бежать, не разбирая дороги и сокрушая кусты на своем пути, словно кролик, преследуемый лаской.

Послышался шорох веток и грохот осыпающихся камней. Фергюс перемахнул через стену и был таков.

Я пробиралась через лабиринт ветхих надворных построек, расположенных на задворках дома Луизы, содрогаясь при виде грязи и ощущая не совсем приятные запахи. Вдруг я заметила впереди какую-то кучу мусо. Туча мух взлетела с кучи, оглашая воздух отвратительным жужжанием. Я находилась достаточно близко к этой, видимо, навозной куче и поняла, что мух спугнул кто-то другой, успевший нырнуть в темный проем двери, ведущей в такой же темный сарай.

— Ага, — громко крикнула я. — Вот ты где! Выходи, бездельник! Немедленно!

Однако никто не появлялся на мой зов, но в сарае явно происходило какое-то движение, и мне показалось, что я заметила мелькнувшую там тень. Зажав нос, я перешагнула через зловонную кучу и вошла в сарай.

Мы оба стояли разинув рот от удивления, не двигаясь. Я с замиранием сердца взидала на человека, похожего на дикаря с острова Борнео, а он — на меня. Солнечный свет, проникающий сквозь щели между досками, позволил нам получше разглядеть друг друга. Когда мои глаза немного привыкли к темноте, я увидела, что он не такой страшный, каким показался мне поначалу, хотя и симпатичным его трудно было назвать. Борода его была такой же грязной и спутанной, как и волосы, достающие до плеч и спадающие на рубашку, грязную и рваную, как у нищего. В довершение ко всему он был бос. Я не испугалась, потому что воочию убедилась, что он сам страшно напуган. Он так плотно приник к стене, словно хотел вжаться в нее.

— Не бойтесь, — спокойно сказала я. — Я не сделаю вам ничего плохого.

Но вместо того чтобы успокоиться, он резко повернулся вправо, вытащил из-за пазухи деревянный крест, висящий на кожаном шнурке, направил его прямо на меня и начал читать молитву дрожащим от волнения голосом.

— О Боже. — Я с трудом перевела дыхание. Глаза у него стали безумными, он продолжал держать крест, но по крайней мере перестал молиться.

— Аминь, — сказала я, подняла обе руки и помахала ими у него перед лицом. — Видите, ничего со мной не произошло. И пальцы мои не скривились и не склеились. Значит, я не ведьма, не так ли?

Человек медленно опустил крест и стоял с изумленным видом.

— Ведьма? — переспросил он. У него был такой вид, как будто он

принял меня за сумасшедшую, что было нетрудно при таких обстоятельствах.

— Так вы не думали, будто я ведьма? — спросила я, чувствуя нелепость своего положения.

Его клочковатая борода задвигалась, как если бы он пытался улыбнуться.

— Нет, мадам, — сказал он. — Я привык к тому, что люди принимают меня за колдуна.

— Вас? — Я получше присмотрелась к нему. Кроме того, что он был грязен и весь в лохмотьях, ясно было, что этот человек давно не ел. Его запястья и шея, выглядывающая из воротника рубашки, были тощими, как у ребенка. В то же время он говорил на хорошем французском языке, хотя и с небольшим акцентом, что выдавало в нем человека образованного. — Если бы вы были колдуном, то наверняка не очень удачливым. Но кто вы на самом деле?

Тут его снова охватил страх. Он стал озираться по сторонам в поисках лазейки, через которую можно было бы улизнуть, но сарай был новым, добротным, и у него была только одна дверь, где стояла я. Наконец, собрав последние силы и остатки мужества, он выпрямился во весь свой рост примерно дюйма на три меньше моего и с усилием произнес:

— Я — преподобный Вальтер Лоран из Женевы.

— Так вы священник? — Я была в шоке. Я не могла представить себе, как мог священник, будь то швейцарский или какой-либо другой, дойти до такого состояния. Отец Лоран казался потрясенным не меньше меня.

— Священник? — повторил он словно эхо. — Папист? Нет, никогда.

Вдруг меня осенила догадка.

— Гугенот! Значит, вы — протестант, не так ли? — Я вспомнила тела повешенных, увиденные мною в лесу. Это объясняло многое.

Губы его искривились, но он на мгновение крепко сжал их, прежде чем ответить:

— Да, мадам. Я — пастор. В течение месяца проводил здесь богослужение. — Тут он быстро облизнул губы, не сводя с меня глаз. — Простите, мадам, мне кажется, что вы не француженка...

— Я — англичанка, — сказала я, и он вздохнул с облегчением, как будто огромная тяжесть упала с его плеч.

— Великий Боже, — воскликнул он. — Значит, вы тоже протестантка?

— Нет, я католичка, — ответила я, — но я не питаю никакой ненависти к протестантам, — торопливо добавила я, заметив выражение тревоги, вновь появившееся в его глазах. — Не беспокойтесь, я никому не скажу, что

вы здесь. Вы, наверное, пробрались сюда, чтобы украсть немного еды? — сочувственно спросила я.

— Воровать грешно! — в ужасе воскликнул он. — Нет, мадам. Но... — Он снова крепко сжал губы, но взгляд, брошенный в сторону дома, выдал его.

— Значит, кто-то из прислуги приносит вам еду, — продолжала я. — И вы позволяете им для этого воровать. А потом, видимо, снимаете с них грехи. Не очень-то прочны ваши моральные устои, как мне кажется. Но это, в сущности, меня не касается.

В глазах его засветилась надежда.

— Значит, я могу не опасаться ареста, мадам?

— Нет, конечно же нет. У меня у самой нелады с законом. Меня самое едва не сожгли на костре.

Сама не понимаю, почему это я так разболталась в тот момент. Может быть, потому, что впервые за долгое время встретила умного, образованного человека. Луиза была милым, добрым и преданным существом, но у нее в голове было примерно столько же мозгов, сколько у кукушки в часах, находившихся у нее в гостинной. Вспомнив о швейцарских часах, я вдруг поняла, кто был таинственным благодетелем пастора.

— Знаете, — сказала я, — если вы хотите остаться здесь, я вернусь в дом и скажу Берте или Марице, где вы.

У этого бедного человека были кожа да кости, ну и еще глаза. Все, о чем он думал, отражалось в этих больших, мягких глазах. Сейчас он, наверное, подумал о том, что тот, кто намеревался сжечь меня на костре, вряд ли был прав.

— Я слышал, — медленно проговорил он, вновь коснувшись своего креста, — об англичанке, которую парижане называют Белой Дамой. Она — коллега Раймона-еретика.

У меня вырвался тяжелый вздох.

— Да, это я. Хотя я вовсе не являюсь коллегой господина Раймона. Он просто мой хороший знакомый. — Заметив, что пастор опять взглянул на меня недоверчиво, я принялась читать молитву.

— Не надо, не надо, мадам, пожалуйста. — К моему удивлению, он опустил крест и улыбнулся. — Я тоже знаком с мистером Раймоном и знал его еще в Женеве. Там он слыл известным целителем и отменным знатоком трав. Ну а сейчас, боюсь, он занялся темными делами, хотя это только слухи и ничего не доказано.

— Не доказано? А что именно? И что вообще вы имеете в виду, когда говорите о Раймоне-еретике?

— Вы не знаете? — Широкие брови высоко поднялись над карими глазами. — Значит, действительно не сотрудничали с мистером Раймоном и незнакомы с его деятельностью. — Он заметно оживился.

— Деятельностью? — В моем представлении это слово не выражало и в самой незначительной мере того чуда, которое он сотворил со мной. Его руки исцелили меня, поэтому я покачала головой. — Я ничего не знаю, но хочу, чтобы вы рассказали мне обо всем. О, да что же я стою здесь и болтаю, вместо того чтобы прислать сюда Берту с едой.

Он махнул рукой с некоей долей достоинства:

— Это не срочно, мадам. Телесные страдания — ничто в сравнении со страданиями душевными. Католичка вы или нет, но вы были добры ко мне. Если вы не участвуете в оккультной деятельности мистера Раймона, то необходимо вас предостеречь заранее, пока не поздно.

Не обращая внимания на грязь и скользкие доски пола, он уселся, прислонившись к стене, и грациозным жестом пригласил меня последовать его примеру. Заинтригованная, я присела с ним рядом, подобрав юбки, чтобы не испачкать.

— Не доводилось ли вам слышать о человеке по имени дю Карафур, мадам? — спросил пастор. — Нет? Его имя хорошо известно в Париже, но вам лучше не упоминать его. Этот человек был организатором и вдохновителем неслыханных злодейств и преступлений, проводимых под видом оккультных церемоний. Я не в силах заставить себя даже упомянуть о тех действиях, которые тайно совершались с его благословения, — и кем? Родовой знатью! И это они называют меня колдуном, — пробормотал он, с трудом переводя дыхание.

Он поднял свой костлявый перст, как бы желая удержать меня от готовых сорваться с языка возражений.

— Я отдаю себе отчет, мадам, в том, что многие слухи не имеют под собой реальных оснований — кому это должно быть известно лучше, чем нам с вами, деятельность же дю Карафура и его последователей известна буквально всем, потому что за нее он был предан суду, заключен в Бастилию и недавно сожжен на костре.

Я вспомнила слова, недавно сказанные Раймоном как бы между прочим: «Ни один человек не был сожжен в Париже в течение самое малое двадцати лет». Меня охватила дрожь, невзирая на теплую погоду.

— И вы считаете, мистер Раймон был связан с этим дю Карафуром?

Пастор нахмурился, с задумчивым видом почесывая свою лохматую бороду. «Не исключено, что у него есть и вши и гниды», — подумала я.

— Не берусь утверждать. Никто не знает, откуда появился этот самый

мистер Раймон. Он говорит на нескольких языках и почти без акцента. Весьма загадочный человек, этот мистер Раймон, но я могу поклясться именем Бога, он — хороший человек.

— Я тоже так думаю, — улыбнулась я.

Он кивнул, тоже улыбаясь, но потом сразу же сделался серьезным.

— И все же, мадам. Находясь в Женеве, он переписывался с дю Карафуром. Он сам мне рассказывал об этом. Он посылал ему травы, эликсиры, высушенные шкуры животных. И даже какую-то редкостную рыбу, которую вылавливают в темных глубинах морей. Эта рыба на редкость страшная — огромная зубастая пасть и почти никакой плоти, а вместо глаз два крошечных, словно фонарики, огонька.

— В самом деле? — завороченно спросила я.

Пастор Лоран пожал плечами:

— Все это может оказаться вполне невинным занятием, конечно. Но он исчез из Женевы, как только дю Карафур попал под подозрение. После казни дю Карафура я услышал, что мастер Раймон основал дело в Париже, а также продолжил нелегальную деятельность дю Карафура.

Я хмыкнула, вспомнив, что жилище Раймона и его кабинет были расписаны каббалистическими знаками. Для отпугивания тех, кто верит в них.

— Расскажите еще что-нибудь.

Брови преподобного Лорана поползли кверху.

— Нет, мадам, — произнес он довольно неуверенно. — Больше я ничего не знаю.

— Мне тоже нечего сказать, — заверила я его.

— Правда? Это хорошо. — Он помолчал немного, затем, как бы решившись, доверительно наклонился ко мне. — Простите, если я затрону болезненную для вас тему, мадам. Берта и Марица рассказывали мне о вашей утрате. Примите мои соболезнования, мадам.

— Благодарю, — ответила я, рассматривая полосы света на полу.

После небольшой паузы в разговоре пастор деликатно осведомился:

— А ваш муж, мадам? Он не с вами?

— Нет, — ответила я, не сводя взгляда с пола. Мухи продолжали роями сновать вокруг нас.

Я не собиралась говорить больше ничего, но что-то заставило меня поднять глаза на пастора.

— Он больше заботился о своей чести, чем обо мне или о своем ребенке, — горько произнесла я. — Мне неинтересно, где он сейчас. И я не желаю больше его видеть.

Я тут же умолкла, потрясенная только что сорвавшимися с языка словами. У меня этого не было и в мыслях. Но слова прозвучали вполне искренне. Мы во всем доверяли друг другу, и вдруг Джейми солгал мне ради того, чтобы отомстить за нанесенное ему оскорбление. Я все понимала; знала, что месть неотвратима, но просила лишь, чтобы он подождал несколько месяцев. И он обещал, а потом нарушил обещание, разрушив тем самым все, что было между нами. Я могу это понять, но простить не могу.

Пастор Лоран положил свою ладонь на мою руку. Она была темной от въевшейся грязи, под обломанными ногтями — чернота, но я не отстранила своей руки. Я ожидала каких-нибудь банальных слов или нравоучений, но он молчал, продолжая бережно держать мою руку. Лучи солнца скользили по полу, мухи монотонно жужжали у нас над головами, а мы все сидели.

Наконец он опустил мою руку и сказал:

— Вас могут хватиться. Вам пора идти.

— Вы правы, мне пора. — Я глубоко вздохнула, чувствуя себя если не лучше, то по крайней мере спокойнее. Затем пошарила в кармане платья. Там у меня был кошелек. Боясь обидеть его, я некоторое время медлила. В конце концов, в его глазах я была еретичкой, если не ведьмой. — Разрешите мне предложить вам немного денег, — осторожно произнесла я.

Он подумал минуту, затем улыбнулся, светло-карие глаза засияли.

— При одном условии, мадам. Если вы разрешите мне молиться за вас.

— Договорились, — сказала я и протянула ему кошелек.

Глава 27

АУДИЕНЦИЯ У ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА

После короткого пребывания в Фонтенбло я почувствовала, что силы постепенно возвращаются ко мне, но разум мой по-прежнему находился в дремотном состоянии, не желая ни предаваться воспоминаниям, ни думать о настоящем. Здесь меня почти никто не навещал. Загородный дом был для меня убежищем, где сумасшедшая парижская жизнь казалась одним из тех кошмаров, которые преследовали меня по ночам. Поэтому я очень удивилась, когда горничная сообщила, что внизу меня ждет гость. Но вдруг мне пришла в голову мысль, что это может быть Джейми, и я почувствовала сильное головокружение. Я принялась разубеждать себя. Ведь Джейми должен был находиться в Испании. Он вернется не раньше августа. А вдруг?.. Я отгоняла от себя эти мысли, но мои руки дрожали, когда я затягивала тесемки на платье, чтобы спуститься вниз.

К моему величайшему изумлению, посетителем оказался Магнус, дворецкий из парижского дома Джареда.

— Простите, мадам, — низко кланяясь, сказал он. — Простите, что я осмелился вас побеспокоить, но я не мог, я подумал... дело может оказаться срочное, а хозяин в отъезде... — Степенный и представительный в привычной обстановке, пожилой человек выглядел сейчас смущенным и растерянным. Потребовалось некоторое время, чтобы хоть немного разговорить его, и наконец мне было вручено письмо. — Почерк месье Муртага, — сказал Магнус. В тоне его ощущалась антипатия.

Я поняла, что этим и объясняется его нерешительность. Наши парижские слуги относились к Муртагу, так сказать, с почтительной неприязнью, которая подогревалась слухами о событиях на Рю дю Фобур Сент-Оноре.

— Письмо пришло в Париж две недели назад, — объяснил Магнус. Не зная, что с ним делать, слуги очень волновались, и наконец он решил доставить его мне. — Ведь хозяин в отъезде, — снова повторил он. На этот раз до меня дошел-таки смысл его слов.

— В отъезде? — переспросила я. За время долгого пути письмо помялось и приобрело неопрятный вид. И было легким как пушинка. — Ты хочешь сказать, что Джейми уехал еще до того, как пришло письмо? — Я не могла этому поверить. Ведь в письме Муртага должна быть указана дата отплытия из Лиссабона и название корабля с грузом Карла Стюарта.

Чтобы удостовериться, я сломала печать и вскрыла письмо. Оно было адресовано мне, так как Джейми считал, что так надежнее. Мало кому могло прийти в голову заинтересоваться письмом, адресованным мне. Письмо было отправлено из Лиссабона месяц назад, подписи в нем не было, да она в данном случае и не потребовалась.

«Саламандра» отправляется из Лиссабона 18 июля» — вот и все содержание письма. Я подивилась мелкому аккуратному почерку Муртага. Во всяком случае, я ожидала увидеть какие-нибудь каракули.

Подняв глаза от письма, я заметила, что Магнус и Луиза обменялись многозначительными взглядами.

— Что это значит? Где же Джейми? — строго спросила я. Я считала, что он не появлялся в «Обители ангелов», потому что испытывал угрызения совести и стыд за свои безрассудные действия, в результате чего погиб наш ребенок, погиб Фрэнк, да и моя собственная жизнь была под угрозой. Последнее меня уже не волновало. И тем не менее я не хотела его видеть. Теперь я стала подозревать другую, более низменную причину его отсутствия. Но тут наконец вмешалась Луиза, приняв всю тяжесть объяснений на себя.

— Он в Бастилии, — со вздохом сообщила она. — Из-за дуэли.

У меня подкосились колени, и я опустилась на первый попавшийся стул.

— Какого же черта ты молчала? — Не могу в точности объяснить, что я испытала, услышав эту новость: шок, ужас, страх или какое-то странное удовлетворение?

— Я не хотела тебя огорчать, дорогая, — бормотала Луиза. — Ты была такая слабая, все равно ничего не смогла бы предпринять. К тому же ты о нем не спрашивала, — поспешно добавила она.

— Но... и какой же вынесен приговор? — сурово продолжала я. Луиза же принялась отдавать приказания слугам — принести вино, нашатырный спирт, жечь птичьи перья, и все это одновременно, — видно, выглядела я неважно.

— Его арестовали за нарушение приказа короля, — сбивчиво от волнения объяснила Луиза. — Ему предстоит находиться там до тех пор, пока король не решит освободить его.

Я принялась шептать молитву, хотя с удовольствием прибегла бы к более крепким выражениям.

— Хорошо еще, что Джейми не убил своего противника, — поспешно добавила Луиза. — В этом случае наказание оказалось бы гораздо более суровым... ой! — Она подхватила края своей полосатой юбки, и как раз

вовремя, так как я нечаянно опрокинула поднос, и стоявшие на нем угощения — бисквиты, печенье разных сортов и какао — полетели на пол. Туда же последовал и поднос. Я застыла на месте, вперив взгляд в Луизу. Мои руки были плотно прижаты к груди, пальцы правой крепко сжимали золотое кольцо, которое жгло как огонь.

— Так значит, он жив? — спросила я словно в бреду. — Капитан Рэндолл жив?

— Конечно, жив, — ответила Луиза, с подозрительным любопытством оглядывая меня. — Ты не знала об этом? Он тяжело ранен, но, говорят, поправляется. С тобой все в порядке, Клэр? Ты выглядишь...

Звон, начавшийся у меня в ушах, заглушил ее последние слова.

— Слишком много всего на тебя сразу свалилось, — сочувственно проговорила Луиза, задерживая занавески. — Ты слышишь меня?

— Кажется, да. — Я села, свесив ноги с кровати, осторожно проверяя свое состояние после обморока. Голова больше не кружится, в ушах не звенит, в глазах не двоится, ноги не подкашиваются. Основные показатели состояния организма в норме.

— Мне нужно мое желтое платье, и пошли, пожалуйста, за каретой, Луиза, — попросила я.

Луиза в полном отчаянии уставилась на меня:

— Ты собираешься ехать куда-то? Это безумие! Месье Клюзо сейчас придет. Я срочно послала за ним.

То, что ко мне вызван из Парижа известный врач, пользующийся представителями высшего света, уже служило гарантией того, что скоро я встану на ноги, а они были мне ох как нужны.

До восемнадцатого июля оставалось десять дней. Если не жалеть себя, иметь хорошую лошадь, от Парижа до Орвиэто можно добраться за шесть. Чтобы освободить Джейми из тюрьмы, у меня оставалось четыре дня. На месье Клюзо времени нет.

— Хм, — задумчиво произнесла я. — Все равно, вели горничной одеть меня. Я не хочу предстать перед ним в таком безобразном виде.

Мои слова прозвучали вполне убедительно, хотя Луиза все еще продолжала подозрительно смотреть на меня. Ведь большинство дам способно подняться со смертного одра, чтобы прилично одеться и выглядеть подобающим образом в такой ситуации.

— Хорошо, — согласилась Луиза. — Но ты не вставай с постели, пока не придет Ивонна, чтобы одеть тебя, слышишь?

Это было мое лучшее платье — свободное, элегантное, сшитое по последней моде, с широким, круглым воротником, пышными рукавами и

расшитое жемчугом спереди. Наконец, одетая, причесанная, напудренная и надушенная, я уже собралась было надеть туфли, предложенные Ивон-ной, но вдруг нахмурилась и отвела ее руку:

— Нет, не эти. Я лучше надену те, другие, с красными каблуками. — Горничная с сомнением посмотрела на мое платье, словно прикидывая, как будут выглядеть туфли на красных каблуках с желтым шелковым платьем, но послушно повернулась к огромному шкафу. Подкравшись к ней сзади на цыпочках, я толкнула ее в шкаф, захлопнула дверцу и повернула торчавший в замке ключ. Я опустила ключ в карман и мысленно похвалила себя: «Прекрасная работа, молодец, Саксоночка! Все эти политические интриги научили тебя таким вещам, о каких ты и не помышляла, обучаясь в медицинской школе».

— Не волнуйся, — мягко сказала я содрогающемуся шкафу. — Думаю, кто-нибудь скоро сюда придет. И ты можешь сказать принцессе, что не позволяла мне уходить.

Среди воплей, раздававшихся изнутри, я разобрала имя месье Клюзо.

— Скажи ему, чтобы он осмотрел обезьянку, — бросила я через плечо. — У нее чесотка.

То, что я так успешно разделалась с Ивонной, окрылило меня. Но как только карета тронулась и помчалась в сторону Парижа, мое настроение заметно ухудшилось.

Хотя я уже не так сердилась на Джейми, все же видеть его мне не хотелось. Чувства мои смешались, и у меня не было желания разбираться в них. Слишком велика была обида. Горькое чувство утраты не покидало меня, а сейчас к нему добавилась еще и боль предательства. Он не имел права ехать в Булонский лес, и я не должна была ехать за ним. Но мы поступили именно так, и оба виноваты в смерти нашего ребенка. У меня не было никакого желания встречаться с ним и спорить о том, кто больше виноват. Я избегала воспоминаний о том хмуром утре в Булонском лесу. Я старалась вычеркнуть из памяти лицо Джейми, упивающегося жадой мести, которая погубила его собственную семью. И по сей день стоит мне подумать об этом, как в животе у меня начинаются, спазмы — отголоски недавней трагедии. Пальцы царапали голубой бархат кареты, а я приподнималась, пытаясь таким образом смягчить воображаемую боль в спине. Я выглянула в окно, надеясь отвлечься, но картины природы не волновали меня, и мысли снова и снова обращались к цели моего путешествия. Каковы бы ни были мои нынешние чувства в отношении Джейми, я невольно задавалась вопросом, увидимся ли мы с Джейми или нет, сохранились ли наши чувства друг к другу и будем ли мы снова вместе,

я не могла забыть и о том, что он сейчас в тюрьме. А я как никто другой знала, что значит тюрьма для Джейми.

Но самыми главными были проблемы, связанные с Карлом, долг месье Дюверни и Муртаг, готовящийся ступить на корабль, следующий из Лиссабона в Орвиэто. Ставки были слишком высоки, и я не могла позволить своим чувствам взять верх над разумом. Ради блага многочисленных шотландских кланов, в том числе и клана Джейми, во имя тысяч шотландцев, которые погибли у Каллодена и после него, стоит постараться. А для этого Джейми должен быть на свободе. Одной, без него мне не справиться.

Во что бы то ни стало я должна вытащить его из Бастилии.

Так что же мне следует предпринять?

Я видела нищих, тянувших руки к окнам моей кареты, въехавшей в Париж, и решила просить помощи у сильных мира сего.

Я постучала в переднюю стенку кареты, и через минуту усатое лицо кучера Луизы повернулось ко мне.

— Что вам угодно, мадам?

— Налево, — приказала я, — в «Обитель ангелов».

Мать Хильдегард задумчиво постукивала грубоватыми пальцами по тетради с нотами, как бы выбивая тревожную мелодию. Она сидела за столом, украшенным мозаикой, в своем кабинете. Напротив сидел маэстро Герстман, который консультировал нас.

— Ну, хорошо, — задумчиво произнес маэстро Герстман. — Думаю, что смогу устроить вам встречу с его величеством. Но одно дело вы, мадам, другое — ваш муж... да...

Известный музыкант, казалось, с трудом подыскивал слова для ответа; это заставило меня предположить, что обращение к королю с просьбой об освобождении Джейми — дело гораздо более сложное, чем я думала. Мать Хильдегард подтвердила мое подозрение в свойственной ей манере.

— Йоган, — взволнованно воскликнула она, — мадам Фрэзер не является придворной дамой. Она целомудренная женщина.

— О, благодарю вас, — вежливо ответила я. — Но, если не возражаете, я хотела бы знать, что может грозить моему целомудрию, если я встречусь с королем и попрошу его освободить Джейми?

Монахиня и маэстро обменялись взглядами, свидетельствующими, что они в ужасе от моей наивности и не знают, как исправить положение. Наконец мать Хильдегард, как более решительная, принялась объяснять:

— Если вы явитесь к королю одна и станете просить его о милости, он истолкует это как вашу готовность переспать с ним, — резко сказала она.

После всего, что мне довелось слышать, я не удивилась словам матери Хильдегард, но в ожидании подтверждения взглянула на маэстро Герстмана, и он слабо кивнул.

— Его величество чрезвычайно чувствителен к просьбам красивых дам, — деликатно сообщил он, внезапно углубившись в изучение орнамента столешницы.

— А это плата за выполнение подобных просьб, — добавила мать Хильдегард уже не столь деликатно. — Большинству придворных только льстит, когда их жены пользуются благосклонностью короля. Выгода, приобретенная ими в таком случае, стоит добродетели их жен. — Толстые губы презрительно искривились при одном упоминании об этом, затем приняли свое привычное насмешливое выражение. — Однако ваш муж вовсе не похож на услужливого рогоносца. — Тяжелые брови вопросительно поднялись, и я в ответ покачала головой:

— Думаю, что нет.

Слово «услужливый» меньше всего подходило Джейми Фрэзеру. Я попыталась представить себе, как Джейми повел бы себя, что сказал бы, а главное — сделал, если бы узнал, что я позволила себе интимные отношения с каким-нибудь другим мужчиной, даже если бы им оказался сам король Франции.

Это заставило меня вспомнить о доверии, которое установилось между нами с первого дня супружества, и меня захлестнуло чувство одиночества. На мгновение я закрыла глаза, борясь со слабостью, но тут же взяла себя в руки — я не имела права забывать о деле.

— Итак, — глубоко вздохнув, сказала я, — есть ли какой-нибудь другой выход?

Мать Хильдегард посмотрела на маэстро Герстмана из-под нахмуренных бровей, давая ему возможность ответить. Маэстро пожал плечами и тоже нахмурился:

— Есть ли у вас какой-нибудь друг, занимающий высокое положение, который мог бы ходатайствовать перед королем за вашего мужа?

— Нет, скорее всего нет.

Я и сама уже думала об этом, по пути сюда, и пришла к выводу, что обратиться за помощью мне больше не к кому. Из-за скандальной окраски, которую получила дуэль, и сплетен, распространяемым Мари д'Арбанвиль, никто из наших французских знакомых не осмелится взять на себя эти хлопоты. Месье Дюверне, который согласился встретиться со мной, был добр, но трусоват. «Надо подождать, — единственное, что он мог посоветовать. — Через несколько месяцев, когда скандал немного

забудется, можно будет обратиться к его величеству, а пока...»

Герцог Сандрингем также остался безучастным к моей просьбе. Он так заботился о безупречности собственной репутации, что предусмотрительно отправил своего личного секретаря куда-то с поручением, дабы тот не догадался о цели моего визита. О том, что он станет обращаться к королю по поводу Джейми, не могло быть и речи.

Я смотрела на мозаичную поверхность стола, едва различая переплетения узора. Пальцы рисовали петли, кружки и закорючки, следуя неистовой работе мысли. Чтобы предупредить вторжение якобитов в Шотландию, было необходимо освободить Джейми из тюрьмы, и я должна была это сделать во что бы то ни стало и невзирая на любые последствия.

Наконец я оторвала взгляд от орнамента и посмотрела в упор на маэстро.

— Я пойду на это, — мягко сказала я. — У меня нет другого выхода.

Наступило тягостное молчание. Потом маэстро Герстман взглянул на мать Хильдегард.

— Она останется здесь, — твердо заявила мать Хильдегард. — Ты сообщишь мне о времени аудиенции, когда все устроишь, Йоган.

Она повернулась ко мне.

— В конце концов, если ты действительно решила так поступить, моя дорогая... — Она сурово поджала губы и помолчала, прежде чем произнести: — Наверное, грешно помогать тебе в подобном деле, но я все же помогу. Я знаю, что у тебя есть веские причины поступать именно так, и какими бы они ни были... И может быть, грех этот будет не столь уж велик по сравнению с твоим самопожертвованием.

— О, матушка. — Я чувствовала, что сейчас разрыдаюсь, поэтому молча прижалась щекой к большой, грубой руке, лежавшей у меня на плече. Потом я бросилась в ее объятия, зарывшись лицом в черную ткань монашеской блузы. Она обняла меня за плечи и повела в розарий.

— Я буду молиться за тебя, — сказала она, улыбаясь, несмотря на то, что улыбка мало шла ее суровому лицу, словно высеченному из камня.

Вдруг выражение ее лица изменилось и стало задумчивым. Как бы обращаясь к самой себе, она проговорила:

— А я все думаю, кого именно из святых покровителей следует просить о помощи в данной ситуации.

«Марию Магдалину», — подумала я. Я высвободила руки из рукавов, вознес их вверх, словно для своеобразной молитвы, и платье соскользнуло с груди, повиснув на бедрах. Или Мату Хари^[21]. Но я была уверена, что эта уж точно никогда не будет причислена к лику святых. По поводу

Магдалины у меня такой уверенности не было, но, видимо, именно эта раскаявшаяся блудница, единственная из сонма святых, сочувственно и с пониманием отнеслась бы к тому, что я намеревалась предпринять.

Я подозревала, что в монастыре никогда прежде не видели такого одеяния. При том, что на церемонию посвящения, в монахини послушницы одеваются нарядно, как невесты Христовы, — ни красного шелка, ни рисовой пудры, я думаю, нет и в помине.

«Весьма символично», — думала я, надевая платье, когда дорогой красный шелк коснулся моего лица. — Белое — белый цвет — символ... непорочности, красный — символ неизвестно чего.

Сестре Минерве, юной девушке из богатой, знатной семьи, было поручено помочь мне одеться. Умело и с большим вкусом она причесала меня, украсив прическу страусиным пером, увитым мелким жемчугом. Затем аккуратно причесала мне брови, подвела их графитовым карандашом, а губы подкрасила пером, обмакнув его в румяна. Легкие касания пера щекотали губы, вызывая неудержимую потребность смеяться, но не от веселого настроения, а близкого к истерике. Сестра Минерва потянулась за зеркальцем, но я жестом остановила ее. Я не хотела смотреть в глаза самой себе. Переведя дыхание, я кивнула ей:

— Посылай за каретой. Я готова.

Я никогда раньше не была в этой части дворца. После долгих блужданий по зеркальным коридорам, залитым ярким светом свечей, я уже с трудом осознавала, где нахожусь. Молчаливый джентльмен, прислуживающий королю в спальных покоях, подвел меня к филенчатой двери. Он постучал, затем поклонился мне и ушел, не дожидаясь ответа. Дверь растворилась, и я оказалась лицом к лицу с королем.

Как оказалось, король был в брюках, и я расценила это как добрый знак, поскольку по крайней мере сердце мое замедлило свой бешеный бег и прошла тошнота.

Не могу с уверенностью сказать, что я ожидала увидеть, но картина, представшая моему взору, действовала успокаивающе. Король был одет непривычно — в рубашку и брюки, на плечи накинут халат из коричневого шелка. Я присела в глубоком реверансе. Его величество, улыбаясь, поспешил поднять меня. Его ладони были теплыми, хотя я инстинктивно ожидала, что его прикосновение должно быть холодным и липким. В ответ я признательно улыбнулась ему. Моя попытка выглядеть как можно более благодарной удалась, так как он дружелюбно потрепал меня по плечу и сказал:

— Вы не должны бояться меня, дорогая мадам. Я не кусаюсь.

— Нет, конечно же нет, — произнесла я в ответ.

Он держался более раскованно, чем я. «Ну, конечно, — думала я, — он только этим и занимается». Я глубоко вздохнула и попыталась расслабиться.

— Немного вина, мадам?

Мы были одни, без прислуги, но вино уже было налито в два бокала, стоявшие на столе, и сверкало рубиновым цветом при свете свечей. Королевские покои были невелики по размеру, но поражали своим богатейшим убранством. В стороне от стола и двух стульев с овальными спинками стоял изящный зеленый бархатный диван. Поднимая бокал и бормоча слова благодарности, я старалась не смотреть на его величество.

— Садитесь, пожалуйста. — Людовик опустил на один из стульев и жестом пригласил меня сесть на другой. — А сейчас расскажите мне, чем я могу быть вам полезен.

— М-мой муж, — начала я, слегка заикаясь от волнения. — Он в Бастилии.

— Конечно, — пробормотал король. — За дуэлянтство, насколько мне известно. — Он взял меня за руку, чуть выше кисти. — Чего бы вы желали от меня в данном случае, дорогая мадам? Ваш муж совершил очень серьезный проступок. Он нарушил мой указ. — Говоря это, он одним пальцем поглаживал мне запястье с внутренней стороны руки.

— Д-да. Я понимаю. Но его... спровоцировали. — Тут меня осенило, и я продолжала: — Вы знаете, он — шотландец, а мужчины этой страны, — я старалась найти подходящий синоним для слова «безумец», — бывают несдержанны, когда дело касается их чести.

Людовик кивнул, ниже склонившись при этом к моей руке, которую продолжал держать. Я хорошо видела его жирную пористую кожу и чувствовала запах его духов. Запах фиалки. Сильный, сладковатый запах, но не достаточно сильный, чтобы перебить его собственный мужской запах. Он допил свое вино двумя большими глотками и, отставив бокал в сторону, обхватил мою руку двумя ладонями и принялся поглаживать. Пальцем с коротко подстриженным ногтем он водил по моему обручальному кольцу.

— Понимаю, мадам, — говорил он, как бы пытаясь поближе рассмотреть мою руку. — Однако, мадам...

— Я буду вам очень признательна, очень.

У него были тонкие губы и плохие зубы. Я чувствовала исходящий у него изо рта запах гнилых зубов и лука. Я пыталась задержать дыхание, но так не могло продолжаться все время.

— Видите ли, — медленно заговорил он, словно бы тщательно подбирая слова, — я был бы счастлив проявить милосердие, но... — Я затаила дыхание в ожидании ответа, а его пальцы крепче сжали мою руку. — Существуют некоторые обстоятельства...

— Обстоятельства? — переспросила я упавшим голосом.

Он пристально взглянул на меня и кивнул. Его пальцы продолжали поглаживать мою руку.

— Англичанин, который имел неосторожность вызвать гнев милорда Брок Туараха... Словом, он находился в услужении у одного важного господина, принадлежащего к английской знати.

Сандрингем. При упоминании о нем у меня сжалось сердце.

— Этот знатный господин... скажем так... ведет важные переговоры, что предполагает определенный статус для него? — позволила я себе спросить.

Тонкие губы скривились в улыбке.

— Этого высокопоставленного господина заинтересовало, что послужило поводом к дуэли вашего мужа с английским капитаном Рэндоллом. Боюсь, он потребует, чтобы ваш муж был наказан по всей строгости закона.

«Мерзавец, — подумала я. — После того как Джейми отказался решить дело миром и настоял на дуэли, лучший способ выкрутиться из щекотливого положения — засадить Джейми в Бастилию на несколько лет. Надежно и недорого. Способ, достойный герцога».

Между тем дыхание короля становилось все более взволнованным, и это позволяло надеяться, что не все еще потеряно. Если он не собирался выполнить мою просьбу, вряд ли он мог надеяться, что я лягу с ним в постель.

Я предприняла еще одну попытку:

— Разве ваше величество находится в подчинении у англичан? — не обинуясь, спросила я.

Глаза короля широко открылись от неожиданности. Но он тут же криво улыбнулся, видимо разгадав мою тактику. Все же я коснулась его больного места. Я заметила, как он едва заметно передернул плечами, возвращая себе, подобно съехавшей с плеча мантии, уверенность в собственной власти.

— Нет, мадам, — сухо произнес он. — Но принимая во внимание некоторые обстоятельства... — Тяжелые веки на мгновение скрыли глаза, но он не отпустил моей руки. — Я слышал, ваш муж проявляет участие к делам моего кузена.

— Ваше величество хорошо информированы, — вежливо заметила я. — Но коль скоро это так, да будет вам известно, что мой муж не поддерживает притязаний Стюартов на шотландский трон.

Я была уверена, что именно это он и хотел услышать. Потому что он улыбнулся, поднес мою руку к губам и поцеловал.

— Правда? — спросил он. — А я слышал... весьма противоречивые истории о вашем муже.

Я глубоко вздохнула и едва удержалась, чтобы не выдернуть руку.

— Все эти слухи связаны с бизнесом, — старалась я говорить как можно естественнее. — Кузен моего мужа Джаред Фрэзер — общепризнанный якобит. Мой муж не может всенародно объявить о своих истинных взглядах, так как связан с Джаредом деловыми узами. — Заметив, что тень сомнения, появившаяся было на лице короля, начинает исчезать, я воодушевилась и продолжала уже более уверенным тоном: — Спросите месье Дю-верни. Он хорошо осведомлен об истинных симпатиях моего мужа.

— Я уже спрашивал. — Людовик выдержал долгую паузу, рассматривая свои толстые, короткие пальцы, выписывающие узоры на моей ладони. — Какая белоснежная, — бормотал он. — Какая прекрасная. Мне кажется, что я вижу, как кровь бежит под этой нежной кожей.

Наконец он отпустил мою руку и стал разглядывать меня оценивающим оком. Я отлично умею читать по лицу, но лицо короля Людовика в эту минуту было совершенно непроницаемым. И неудивительно — ведь он стал королем в возрасте пяти лет. Привычка прятать свои чувства стала неотъемлемым свойством его натуры, таким же обязательным, как бурбонский нос или сонные карие глаза. Эта мысль пробудила другие, и у меня засосало под ложечкой. Ведь он король. Парижане не будут восставать еще лет сорок или около того, и все это время он будет пользоваться во Франции абсолютной властью. Одного его слова достаточно, чтобы казнить Джейми или — помиловать. Он может и со мной поступить как угодно. Один кивок его головы — и сундуки с золотом Франции откроются, чтобы вознести Карла Стюарта на трон Шотландии.

Он король и волен поступать, как ему заблагорассудится. Я следила за выражением его темных глаз, в которых читалось тягостное раздумье, и с волнением и страхом ждала, какое решение ему заблагорассудится принять.

— Послушайте меня, моя дорогая мадам, если я выполню вашу просьбу и освобожу вашего мужа... — Он снова окунулся в задумчивость.

— Я слушаю...

— Ему придется покинуть Францию, — сказал Луи, предостерегающе подняв одну бровь. — Только на этом условии он может быть освобожден, — Сердце мое сильно забилося, и я чуть не разразилась слезами. Так вот чего они хотят — выдворить Джейми из Франции.

— Но... ведь он изгнан из Шотландии.

— Полагаю, — продолжал король, — что этот вопрос удастся как-нибудь решить.

Я помедлила, но у меня не было выбора, и я согласилась.

— Вот и прекрасно, — кивнул король с довольным видом.

Затем его взгляд снова обратился ко мне, задержавшись на лице, скользнул вниз по шее, груди...

— Я желал бы в ответ попросить вас об одной услуге, мадам, — мягко произнес он.

На секунду наши глаза встретились, и я кивнула:

— Я в полном распоряжении вашего величества.

— О! — Он поднялся и движением плеч сбросил халат, небрежно кинув его на спинку стула, улыбнулся и протянул мне руку. — Идемте же со мной, дорогая.

Я закрыла глаза, думая только об одном — чтобы удержаться на ногах. «Ради Бога, перестань, — уговаривала я себя, — ведь ты дважды была замужем. Нечего ломать комедию».

Я поднялась и подала ему руку. К моему большому удивлению, он не повел меня к бархатному дивану, а направился в дальний угол комнаты, где была небольшая дверь.

«Будь ты проклят, Джейми Фрэзер, — подумала я. — Будь ты проклят!»

Я стояла на пороге и щурилась. Мои размышления по поводу услышанной от Джейми церемонии одевания короля сменились полнейшим удивлением.

В комнате было абсолютно темно, смутный свет излучали лишь коричневые масляные светильники в углублениях стен. Комната имела круглую форму, равно как и расположенный в центре стол. В темной полированной столешнице отражалось мерцание светильников. За столом сидели люди, в темноте походившие на бесформенные тени горбунов. При моем появлении они загомонили, но при виде ступавшего следом короля сразу же затихли.

По мере того как мои глаза привыкли к темноте, с чувством глубокого потрясения я поняла, что головы людей, сидящих за столом, скрыты капюшонами. Человек, сидящий ближе других к двери, повернулся ко мне,

и я заметила, как блеснули его глаза в прорезях капюшона. Мне показалось, что я попала на сборище палачей.

Совершенно ясно, что они собрались здесь ради меня. Что им нужно от меня?

В моем сознании возникали картины, навеянные рассказами Раймона и Маргариты об оккультных церемониях — принесении в жертву младенцев и прочих сатанинских ритуалах.

— Мы слышали о вашем великом мастерстве, мадам, и о вашей... репутации. — Людовик улыбался, но казалось, отнюдь не был убежден в моих способностях. — Мы были бы весьма обязаны вам, дорогая мадам, если бы вы продемонстрировали нам свои необычные способности сегодня вечером.

Я кивнула. «Обязаны мне?» Прекрасно. Я очень хотела бы, чтобы он был чем-то обязан мне. Чего именно он желал? Слуга поставил на стол большую свечу и зажег ее. Свеча была украшена знаками, похожими на те, что я видела в комнате мистера Раймона.

— Пожалуйста сюда, мадам. — Король, поддерживая меня под локоть, повел к столу. Свеча разгорелась сильнее, и я смогла различить фигуры двух мужчин, молча стоявших среди мерцающих теней. Я вздрогнула при виде их, а рука короля крепко сжала мой локоть.

Это были граф Сент-Жермен и мистер Раймон. Они стояли рядом на расстоянии шести футов от стола. Раймон не подавал вида, что знаком со мной. Он стоял спокойно, лишь время от времени поводя вокруг темными лягушачьими глазами.

Граф увидел меня, его глаза расширились от удивления, и он, как мне показалось, злобно уставился на меня. Он был одет, как всегда, великолепно и, как всегда, во все белое. Камзол из белого плотного атласа и кремовые бриджи. Ворот и манжеты расшиты жемчугом, сверкающим в тусклом свете светильников. Но если не принимать во внимание портняжное искусство, можно было сказать, что граф выглядит неважно: лицо напряженное, кружева, украшающие его одежду, поникли, а ворот взмок от пота. Раймон же, напротив, выглядел спокойным, он стоял, спрятав руки в широкие рукава своей потертой сутаны, широкое, плоское лицо было невозмутимо.

— Эти два человека обвиняются, мадам, — произнес Людовик, указывая на Раймона и графа. — Они обвиняются в чародействе, колдовстве, использовании разумных знаний в колдовских целях. — Голос короля был холодным и угрюмым. — Такие занятия процветали во времена правления моего деда. Но мы не потерпим подобной дикости.

Король указал перстом на одну из фигур в колпаках, перед которой на столе лежала стопка бумаг.

— Читайте обвинение, — приказал он.

Человек в колпаке покорно поднялся с места и начал читать бесстрастным, угрюмым голосом:

— Обвиняются в содомии, убиении невинных, профанации священных ритуалов церковной службы и осквернении святого алтаря.

У меня мелькнула догадка: то, что проделал со мной в «Обители ангелов» мистер Раймон, благополучно меня исцелив, при желании вполне можно квалифицировать именно как осквернение священных установлений, и порадовалась, что никто этого не видел.

Я услышала имя Карафура и подавила внезапно охватившее меня волнение. Что же говорил по этому поводу пастор Лоран? Колдун Карафур был сожжен в Париже всего лишь двадцать лет назад за совершение тех самых обрядов, о которых речь шла сейчас, — «за то, что был связан с демонами и злыми силами тьмы, за то, что насылал на людей болезни и смерть». Я бросила быстрый взгляд на графа, но лицо его оставалось непроницаемым, губы плотно сжаты.

Раймон держался совершенно спокойно, серебристые пряди волос ниспадали на плечи, казалось, что он слушает не приговор, а нечто совершенно иное, скажем пение дрозда в кустах. Я видела каббалистические знаки, изображенные на стенах его кабинета, но никак не могла ассоциировать этого человека, практикующего лекаря и аптекаря, со списком прочитанных здесь злодейств.

Наконец чтение обвинительного акта было завершено. Человек в колпаке по знаку короля сел.

— Было проведено тщательное расследование, — сказал король, обращаясь ко мне. — Собрано множество доказательств, опрошены свидетели, и стало ясно, — он бросил холодный взгляд в сторону обвиняемых, — что эти двое занимались изучением древних философов и прорицанием, основываясь на положении небесных тел. И все же... — Он пожал плечами. — Сами по себе эти действия еще не являются преступлением. Мне объяснили, что они не противоречат учению церкви. Даже благословенный Святой Августин пытался проникнуть в тайны астрологии.

Я смутно припомнила, что Святой Августин действительно интересовался астрологией, но затем отверг это занятие как ненужную трату времени. Я сомневалась, что Людовик читал «Исповедь» Августина, но этот аргумент несомненно говорил не в пользу обвинения; изучение

движения небесных тел несомненно выглядело вполне невинным занятием по сравнению с приношением в жертву младенцев некоей, не обозначенной четко содомией. Я невольно задавалась вопросом: зачем я нахожусь здесь? Неужели кто-нибудь видел меня с мистером Раймоном в «Обители ангелов»?

— Мы не против знаний и мудрости, — продолжал между тем король назидательным тоном. — Из книг древних философов можно многое почерпнуть, если читать их с добрыми намерениями. Но не для кого не секрет, что наряду с пользой по ним можно научиться и злу. Почерпнутая в них мудрость может быть обращена на достижения высот власти и богатства. — Он вновь бросил взгляд в сторону обвиняемых, как бы намереваясь решить, кто из них более заслуживает такого обвинения. С графа по-прежнему пот лил градом. Его белая шелковая рубашка окончательно промокла.

— Нет, ваше величество, — сказал он, отбросив назад свои темные волосы и устремив горящий взгляд на мистера Раймона. — Это вернб, в мире существуют темные силы. Они проникают всюду. Но эти злые силы никогда не найдут поддержки в среде преданных вашему величеству людей. — И как бы в подтверждение своих слов он ударил себя в грудь. — Вам следует искать тех, кто пользуется знаниями в своих корыстных целях, среди придворных. — Он конкретно никого не обвинял, но взгляд его был устремлен на Раймона.

Король остался безучастным к горячей речи графа.

— Такая мерзость процветала во времена правления моего деда, — мягко заметил он. — Но мы искоренили ее, исключив всякие предпосылки для возникновения подобного зла. Чародеи, колдуны, те, кто извращает учение церкви... Мы не потерпим, чтобы они вновь появились. Итак, — он оперся обеими руками о стол и выпрямился, — у нас здесь находится свидетель. Бескорыстный судья с чистой душой, — произнес он, указывая на меня. — Белая Леди. Белая Дама не может лгать. Она видит сердце и душу человека и может безошибочно отделить правду от лжи. Она может сделать так, что правда послужит спасению или уничтожению.

Атмосфера нереальности происходящего мгновенно рассеялась. Легкое опьянение прошло, и я была трезва как никогда. Я открыла было рот, но тут же закрыла, осознав, что, в сущности, мне нечего сказать.

Меня пронзил страх и затаился, свернувшись в клубок у меня в желудке, когда король объявил о своем намерении. На полу будут начерчены две пентаграммы. На каждую из них должен будет ступить подозреваемый в колдовстве и рассказать Белой Леди о своих поступках и

их мотивах. А она определит, правду ли они говорят.

— Господи Иисусе, — шептала я.

— Месье граф, прошу сюда. — Король жестом указал на первую пентаграмму, начерченную мелом на ковре. Только король мог позволить себе столь пренебрежительный тон с представителем знатного рода.

Граф, проходя совсем близко мимо меня, зловеще шепнул:

— Берегитесь, мадам, я работаю не один. — Он занял указанное ему место, повернулся ко мне лицом и отвесил иронический поклон.

Ситуация была ясна. Я обвиняю его, и его сторонники отрезают мне соски и сжигают склады Джареда. Я провела сухим языком по губам, проклиная Людовика. Почему он просто не воспользовался моим телом?

Раймон осторожно ступил на указанную ему пентаграмму и почтительно кивнул мне. Его круглые черные глаза оставались бесстрастными. Я не представляла себе, что делать дальше. Король велел мне стать напротив него, между двумя пентаграммами. Человек в капюшоне подошел к королю и стал за его спиной, а за ним — целая толпа со скрытыми капюшонами лицами. Воцарилась мертвая тишина. Копоть от свечей поднималась к расписанному золотом потолку. Все взоры были устремлены на меня. Наконец стряхнув с себя оцепенение, я повернулась к графу и кивнула:

— Можете начинать, месье.

Он улыбнулся, во всяком случае так мне показалось, и начал с объяснения возникновения Каббалы, потом пустился в толкование двадцати трех букв древнееврейского алфавита, символике всего этого вместе взятого. Его объяснения звучали вполне научно, невинно, но и ужасно скучно. Король откровенно скучал, зевая.

Тем временем я судорожно перебирала в уме различные варианты своего поведения. Этот человек угрожал мне, пытался убить Джейми, неважно по каким — политическим или личным мотивам. Он был главарем шайки, которая преградила путь мне и Мэри. Кроме того, я слышала о нем и многое другое. Он был главной помехой в попытках остановить Карла Стюарта. Могла ли я дать ему возможность спастись?

От волнения и страха тело мое напряглось как струна, но я превозмогла себя и в упор взглянула в физиономию графа.

— Одну минуту, месье. Все сказанное вами — чистейшая правда, но за вашими словами я вижу какую-то темную тень.

У графа отвисла челюсть. Людовик внезапно заинтересовался. Я закрыла глаза, прижала кончики пальцев к вискам, изображая погружение в себя.

— Вы никак не можете отвлечься и забыть одно имя, — произнесла я, едва дыша. Потом уронила руки и сказала: — Это имя — Лес Дисциплины ду Мал. Что связывает вас с ним, месье граф?

Своих эмоций граф скрывать не умел. Глаза его округлились, лицо побелело, а я почувствовала, что уже не боюсь его. Имя Лес Дисциплины было известно и королю. Его темные, сонные глаза превратились в щелчки. Несомненно, граф был плутом и шарлатаном, но трусом его назвать было нельзя. Собрав все свое мужество и гордо подняв голову, он заявил:

— Эта женщина лжет. — Голос его звучал так же уверенно, как и тогда, когда он объяснял, что буква «алеф» является символом крови Христовой. — Она вовсе не Белая Леди, а служанка сатаны. Она действует заодно со своим хозяином — печально знаменитым колдуном и учеником Карафура. — Театральным жестом он указал на Раймона, который выглядел чрезвычайно удивленным. Один из присутствующих перекрестился, и я услышала, как все, присутствующие здесь, зашептали слова молитвы. — Я могу это доказать, — воскликнул граф, не дав никому возразить, и запустил руку себе за пазуху. Я вспомнила, как точно так же он вытащил кинжал из рукава на званом вечере.

Но на сей раз это был не кинжал.

— Библия гласит, — продолжал он, — что они могут держать змею в руках, и змея их не ужалит. И это верный признак того, что перед вами истинный слуга Господа Бога.

По-видимому, в руках у него был небольшой питон — около трех футов длины, гладкий, золотисто-коричневый, скользкий, как смазанный маслом канат. Желтые глаза питона печально взирали на присутствующих.

Люди в капюшонах ахнули, а двое стоящих впереди отпрянули назад. Людовик не только отскочил назад, он стал опасливо озираться по сторонам в поисках телохранителей, стоявших у дверей с выпученными от страха глазами.

Змея раз или два высунула кончик языка, пробуя воздух на вкус. Запах расплавленного воска и фимиама, видно, пришелся ей не по вкусу, и, решив, что пожить здесь нечем, она попыталась снова вернуться в теплую пазуху, откуда ее так бесцеремонно вынули.

Граф схватил ее за голову и направил прямо на меня.

— Вот видите, — торжествующе воскликнул он. — Женщина отпрянула в испуге. Значит, она ведьма.

В действительности же, по сравнению с одним из судей, который поспешно укрылся за колонной, я выглядела воплощением стойкости и крепкого духа, хотя и должна признаться, что при виде змеи я и в самом

деле невольно сделала шаг назад. Теперь я вернулась на свое место, намереваясь взять змею из рук графа. В конце концов, эта тварь была неядовита. Все убедятся, что она совершенно безвредна, если я оберну ее вокруг шеи графа. Но прежде чем я приблизилась к графу, раздался голос мистера Раймона. Оказывается, во время всех этих перипетий я совершенно забыла о нем.

— Библия гласит не совсем так, уважаемый месье граф. — Раймон говорил ровным голосом, и лицо его оставалось незыблемо спокойным, словно пудинг. И все же гул голосов стих, и король повернулся в сторону Раймона.

— Мы слушаем вас, месье, — сказал король. Раймон вежливо кивнул в благодарность за разрешение говорить и сунул обе руки в карманы своей сутаны, вытащив из одного фляжку, а из другого — чашу. Фляжку он держал в наклонном положении, готовясь что-то вылить из нее.

— Поскольку миледи Брех Туарах и я сам подверглись обвинению, — при этом он быстро взглянул на меня, — предлагаю посмотреть, как каждый из нас выдержит следующее испытание. С вашего разрешения, ваше величество?

Такой неожиданный поворот событий несколько ошеломил короля, но все же он кивнул, и густая янтарная жидкость полилась в чашу. Она тут же забурилась и стала рубиново-красной.

— Это — кровь дракона, — пояснил Раймон, указав глазами на чашу. — Совершенно безвредная для невинных и чистых душою. — Он улыбнулся беззубой, ободряющей улыбкой и протянул чашу мне.

Мне ничего не оставалось, как выпить ее содержимое. Кровь дракона представляла собой не что иное, как двууглекислый натрий. На вкус она была похожа на бренди с содовой. Я сделала три небольших глотка и вернула чашу. Раймон сделал то же. Он опустил чашу, показав окружающим свои ярко-красные губы, и повернулся к королю.

— Могу я попросить Белую Даму вручить чашу месье графу? — осведомился он, указывая рукой на линию, проведенную мелом у его ног, — он не имел права выходить за границы пентаграммы.

После того, как король изъявил согласие, я взяла чашу и машинально протянула ее графу. Для этого мне нужно было проделать шесть шагов по ковру. Я сделала шаг, второй... Ноги дрожали сильнее, чем когда я оказалась в маленькой прихожей наедине с королем.

Белая Дама способна распознать сущность человека. Но так ли это? Знала ли я что-либо об этих людях, Раймоне и графе?

Могла ли я остановить это действие? Сотни и тысячи раз я задавалась

этим вопросом позже. Могла ли я поступить по-иному?

Я вспомнила случайную мысль, явившуюся мне при встрече с Карлом Стюартом, а именно: всем было бы лучше, если бы Карл умер. Но нельзя лишать человека жизни за убеждения, если даже эти убеждения приводят к смерти невинных.

Я пребывала в полном неведении. Я не могла сказать, что граф виновен, а Раймон — нет. Я все еще не была уверена, что ради достижения благородной цели можно воспользоваться грязными средствами. Я не знала, какова цена одной жизни и какова — тысячи. Я не знала истинной цены мести.

Я не знала, что чаша, которую я держала в руке, таила в себе смерть. У меня на шее висел медальон с белым кристаллом, я вспомнила о его назначении. Я не видела, чтобы Раймон добавил туда что-нибудь. И никто не видел, я была в этом уверена. Но мне не нужно было погружать в чашу свой медальон, чтобы узнать о ее содержимом.

Граф все прочел у меня на лице. Белая Дама не умеет лгать. Он помедлил, глядя на бурлящую красную жидкость.

— Пейте же, месье, — сказал король. Его глаза, по обыкновению, ничего не выражали. — Вы боитесь?

Граф обладал множеством отвратительных черт, но трусости среди них не числилось. Его лицо было бледным, но он встретил взгляд короля спокойно, даже слегка улыбнулся.

— Нет, ваше величество, — сказал он.

Он взял чашу из моих рук и выпил до дна. Глаза его были устремлены на меня. Он продолжал смотреть на меня, даже когда его глаза стали подергиваться пеленой смерти. Белая Дама способна спасти мужчину или его погубить.

Тело графа, корчась, рухнуло на пол. Послышался хор изумленных голосов. Люди в капюшонах замерли на месте, с напряженным вниманием следя за телом графа. Каблуки его туфель некоторое время выбивали дробь, неслышную из-за ковра, тело изогнулось дугой, но сразу же обмякло, превратившись в бесформенную грудку. Разгневанная змея выбралась из вороха белого атласа и быстро уползла, найдя убежище где-то у ног Людовика.

Все присутствующие пребывали в полном смятении чувств.

Глава 28

ПРОБЛЕСК СВЕТА

Я вернулась из Парижа к Луизе в Фонтенбло. Мне не хотелось ехать на Рю Тремолин или еще куда-нибудь, где Джейми мог найти меня, хотя у него не было времени, чтобы разыскивать меня. Ему нужно было немедленно ехать в Испанию, иначе лопнула бы вся затея.

Добрая моя подруга Луиза простила мне мое бегство и, к ее чести, не докучала расспросами о том, куда я ездила и зачем. Я почти ни с кем не разговаривала, редко выходила из своей комнаты, ела очень мало и лежала, разглядывая лепнину на потолке.

Иногда у меня появлялась мысль съездить в Париж, но никаких важных дел у меня там не было, и я все откладывала поездку, предоставив всему идти своим чередом. Тем не менее порой мне приходилось для этого сделать над собой усилие. По просьбе Люси я спускалась к обеду или соглашалась попить чаю в кругу ее друзей. В то же время я старалась хоть как-то заботиться о Фергюсе — единственном человеке, за которого я чувствовала ответственность.

Однажды, когда я совершала свою ежедневную принудительную прогулку, я услышала его голос. Я сочла себя обязанной пойти проверить, в чем там дело.

Он стоял лицом к лицу с одним из конюших, мальчиком гораздо крупнее его, широкоплечим и угрюмым.

— Заткнись ты, жаба! — говорил тот. — Ты не знаешь, что болтаешь!

— Я знаю больше, чем ты, потому что твоим отцом был хряк! — Фергюс засунул два пальца в ноздри, задрал нос кверху и, пританцовывая, повторял: — Хрю-хрю!

Конюший, лицо которого странным образом напоминало вышеназванное животное, не стал больше терять времени на объяснения, но сложил вместе кулаки обеих рук и занес их над головой Фергюса. Через несколько минут мальчики покатались по грязной земле, завывая словно коты и разрывая одежду друг на друге.

Пока я размышляла над тем, стоит ли вмешиваться, конюший уселся верхом на Фергюса, схватил его за волосы обеими руками и принялся колотить головой о землю. Я понимала, что Фергюс заслужил такое отношение, но его лицо налилось кровью и потемнело, а у меня еще живы были воспоминания о том, как он чуть не умер в своей кровати. Не

уверенная, что поступаю правильно, я тем не менее подошла к дерущейся паре.

Конюший придавил Фергюса коленом и изо всех сил колошматил его, так что зад парня оказался прямо передо мной. Я подняла ногу и ударила его в то место, где проходил шов от брюк. Беспомощно балансируя, парень с криком перелетел через своего поверженного врага, распластался на земле, но тут же вскочил на ноги, а увидев меня, бросился бежать.

— Чем же ты тут занимаешься? — спросила я, рывком подняв упирающегося Фергюса и отряхивая его грязную одежду от грязи и сена. — Смотри, у тебя порвана не только рубашка, но и брюки. Придется просить Берту починить их. — Повернув его спиной, я принялась рассматривать порванные брюки. Конюший так рванул их сбоку, что одна из ягодиц оголилась.

Вдруг я замолчала и уставилась на тело мальчика. Но меня заинтересовала не сама плоть, а небольшой красный знак, запечатленный на ней. Размером он был в полупенсовую монету и красного цвета, как только что начавший затягиваться ожог. Я машинально коснулась его пальцем, отчего Фергюс сильно встревожился. Края знака-клейма были особенно четко обозначены, как будто то, чем они были оставлены, с силой вдавливали в тело. Я вцепилась в руку мальчика, чтобы не дать ему убежать, и принялась рассматривать клеймо. Оно было овальной формы, в середине испещрено какими-то знаками, напоминающими буквы.

— Кто это сделал, Фергюс? — спросила я. Голос мой звучал непривычно даже для моего уха. Он был слишком спокойным и бесстрастным. Фергюс рванулся, пытаясь убежать, но я удержала его. — Кто, Фергюс? — строго спросила я и даже встряхнула его.

— Никто, мадам. Это я сам поранился, когда перелезал через забор. Это просто ссадина. — Его большие черные глаза бегали туда-сюда, ища, куда бы лучше ринуться от меня.

— Это не ссадина, Я знаю, что это такое, Фергюс. Но я спрашиваю: кто это сделал? — Я видела нечто подобное только однажды, но тогда это было свежее выжженное клеймо, а это уже немного зажило. Но несомненно и то и это были нанесены раскаленным железом.

Осознав, что я все поняла, Фергюс перестал вырываться. Он прижался ко мне и затих, но плечи его продолжали вздрагивать.

— Это англичанин, мадам. Перстнем.

— Когда?

— Давно, мадам. В мае месяце.

У меня перехватило дыхание, когда я стала соотносить некоторые

события по времени. Три месяца... Три месяца минуло с тех пор, как Джейми в сопровождении Фергюса отправился в бордель в поисках своего помощника, работающего на складе. Три месяца прошло с тех пор, как он встретил Джека Рэндолла в заведении мадам Элизы. Эта встреча заставила его забыть о всех своих обещаниях и вынудила его принять решение убить Рэндолла. Три месяца прошло с тех пор, как он ушел, чтобы никогда не вернуться.

Мне потребовалось немало терпения, чтобы наконец заставить Фергюса рассказать правду. И вот что я услышала.

Когда они пришли в заведение мадам Элизы, Джейми велел Фергюсу ждать его внизу, пока он поднимется наверх, чтобы решить кое-какие финансовые проблемы. Зная по прежнему опыту, что это может занять немало времени, Фергюс отправился в большой салон, где несколько знакомых ему молодых женщин «отдыхали», непринужденно болтая и поправляя друг у друга прически в ожидании гостей.

— По утрам у них не очень много работы, — объяснил он мне. — Но по вторникам и пятницам прибывают рыбаки, чтобы с утра пораньше продать свой улов на рынке. Тогда у них бывает много денег, что приносит немалую выгоду мадам Элизе, поэтому девушки должны быть готовы принимать гостей сразу после завтрака.

«Девушки» были уже отнюдь не молодыми обитательницами заведения мадам Элизы. Но рыбаки не считались разборчивыми клиентами, поэтому довольствовались любыми проститутками. Среди них было немало приятельниц Фергюса, и с четверть часа он провел в салоне, болтая с ними. Клиенты приходили, делали свой выбор и поднимались в верхние комнаты.

— И тут появился англичанин с мадам Элизой. — Фергюс прервал свой рассказ и судорожно вздохнул.

Фергюсу, которому приходилось видеть мужчин в различной стадии опьянения, стало ясно, что англичанин изрядно пьян. Лицо англичанина было багровым и опухшим, глаза налиты кровью. Не обращая внимания на мадам Элизу, которая хотела подвести его к одной из «девушек», он прошел через всю комнату и вдруг заметил Фергюса.

— Он сказал: «Ты пойдешь со мной». И взял меня за руку. Я отказывался, мадам. Упирался. Говорил, что мой хозяин здесь, наверху, но он не слушал. Мадам Элиза шепнула мне на ухо, чтобы я шел с ним и что потом она поделится со мной деньгами. — Фергюс поежился и беспомощно посмотрел на меня... — Я знал, что те, кому нравятся маленькие мальчики, обычно занимаются этим недолго. Я думал, что он

закончит раньше, чем милорд соберется уходить.

— Милостивый Боже, — прошептала я. Пальцы мои разжались и нервно заскользили по его рукаву. — Ты хочешь сказать, что занимался этим и раньше, Фергюс?

Он посмотрел на меня так, словно собирался заплакать. Я кусала губы, едва сдерживая слезы.

— Очень редко, мадам, — сказал он. — Есть такие дома, где дети занимаются этим специально, и мужчины, которым это нравится, ходят туда. Но иногда какой-нибудь клиент замечал меня, и ему приходило в голову... — У него потекло из носа, и он принялся вытирать его тыльной стороной ладони.

Я достала из кармана платок и протянула его Фергюсу.

Он начал рыдать при воспоминании о том утре.

— Он был намного больше, чем я думал, — продолжал он, громко рыдая. — Я сомневался, смогу ли взять его в рот, но он хотел, он захотел...

Я прижала Фергюса к себе, заглушая его голос. Его худые лопатки словно птицы затрепетали у меня под рукой.

— Не рассказывай больше ничего, — повторяла я. — Не надо, прошу тебя. Я на тебя не сержусь.

Это было запоздалое приказание. Он не мог сдерживаться после стольких дней молчания и страха.

— Но это я во всем виноват, мадам! — снова зарыдал он. Его губы дрожали, слезы заливали лицо. — Мне надо было вести себя тихо. Не кричать. Но я не мог терпеть, и милорд услышал мой голос. Он ворвался в комнату, и я так обрадовался, что бросился к нему и спрятался у него за спиной, а милорд ударил англичанина по лицу. Англичанин вскочил с пола, схватил табуретку и бросил ее в милорда. Я так испугался, что выбежал из комнаты и спрятался в туалете. И даже там были слышны крики и шум. А потом милорд нашел меня, открыл дверь и помог мне одеться, потому что руки у меня так дрожали, что я не мог застегнуть пуговицы. — Он теребил мои юбки обеими руками и прятал в них лицо, пытаясь заставить меня поверить в свое раскаяние. — Это моя вина, мадам! Но я не знал! Я не думал, что милорд будет драться с англичанином! А теперь милорд пропал и уже никогда не вернется, и в этом виноват только я.

Безутешно рыдая, он упал на землю у моих ног. Он плакал так громко, что скорее всего не слышал моих слов, когда я наклонилась над ним, чтобы поднять его и сказать:

— Это не твоя вина, Фергюс. Не твоя и не моя. Но ты прав, наверное. Он пропал навсегда.

После разговора с Фергюсом я впала в еще большую апатию. Серое облако, окутывавшее мое сознание с того момента, как я потеряла ребенка, становилось все плотнее и гуще, лишая возможности видеть свет рождающегося дня. Звуки внешнего мира едва доходили до меня, подобно легкому звону колокола сквозь нависший над морем туман.

Луиза стояла надо мной и тревожно хмурилась.

— Ты ужасно похудела. И такая бледная. Нельзя так себя вести, — укоряла она меня. — Ивонна говорит, ты опять не завтракала.

Я не могла припомнить, когда в последний раз мне хотелось есть. Задолго до дуэли в Булонском лесу? Задолго до путешествия в Париж? Я устремила свой взгляд на каминную полку, затем перевела его на причудливой формы мебель в стиле рококо. Голос Луизы доносился словно откуда-то издалека, и я не обращала на него внимания. Он воспринимался мною не более чем шум, подобный постукиванию ветвей деревьев о стенку дома или жужжанию мух, привлеченных запахом завтрака, поданного на стол. Я наблюдала за одной такой мухой, слетевшей с яйца, после того как Луиза хлопнула в ладоши. Она назойливо жужжала и кружила неподалеку, чтобы улучшить минуту и снова усесться на лакомый кусочек. Затем я услышала звук торопливых шагов, властный голос Луизы и короткий ответ служанки: «Сейчас, мадам!», а затем — хлоп! Это служанка била мух одну за другой. Она смахивала их маленькие черные трупики себе в карман, сметала их на пол и вытирала оставшийся от них след краем фартука.

Луиза наклонилась, неожиданно попав в поле моего зрения.

— Твое лицо осунулось — кожа да кости. Если ты не хочешь есть, то по крайней мере пойдем погуляем, — нетерпеливо сказала она, — дождь прекратился, давай посмотрим, не осталось ли орехов на мускатном дереве. Может быть, тебе захочется их съесть.

Мне было безразлично, где находиться — в доме или на улице. Туманная пелена все еще окутывала меня, сглаживая очертания окружающих предметов и делая их неотличимыми друг от друга. Но я считала себя обязанной Луизе, поэтому встала, оделась, и мы вышли.

У дверей, ведущих в сад, ее остановил повар и обратился со множеством вопросов по поводу званого обеда для гостей. Гости были приглашены, чтобы хоть немного развлечь меня, и дом охватила обычная в таких случаях лихорадка.

Луиза тоскливо вздохнула, затем, коснувшись моей спины, сказала:

— Ты иди, а я пришлю слугу с твоим плащом.

Это был необычно прохладный для августа день, тем более что накануне прошел дождь. На покрытых гравием дорожках стояли лужи, а

капли дождя, падающие с деревьев, были не менее холодными, чем сам дождь.

Небо все еще оставалось хмурым, но уже освободилось от черных туч. Я обхватила себя руками. Казалось, вот-вот выглянет солнце, но все равно было достаточно прохладно, и хотелось накинуть плащ.

Я услышала шаги позади себя, обернулась и увидела слугу Луизы — Фрэнка, но плаща у него в руках не было. И вид был весьма озабоченный.

— Мадам, — сказал он. — К вам посетитель.

Это известие огорчило меня, поскольку я совсем не была расположена к каким-либо встречам.

— Скажите, что вы не нашли меня, а когда визитер отбудет, принесите мне, пожалуйста, плащ.

— Но, мадам, это сеньор Брех Туарах — ваш супруг.

Крайне удивленная услышанным, я обернулась взглянуть на дом. Это был действительно Джейми. Я сразу узнала его высокую фигуру, но отвернулась, притворившись, что не узнала его, и пошла по направлению к кустарнику. Он был довольно густым и высоким, чтобы спрятаться в нем.

— Клэр!

Притворяться было бесполезно. Он тоже увидел меня и уже спешил по тропинке ко мне. Я ускорила шаг, но мне было бесполезно состязаться с ним. На полпути к кустарнику меня одолела одышка, и я вынуждена была замедлить шаг. Я давным-давно утратила свою спортивную форму.

— Клэр, подожди!

Я полуобернулась. Он почти догнал меня. Мягкая серая пелена, окутывающая меня, заколыхалась, и я почувствовала озноб от мысли о том, что встреча с Джейми совсем лишит меня этой зыбкой защиты от внешнего мира. Если это произойдет, я погибну, словно червяк, вытащенный из земли и брошенный на каменную скалу, голый и беспомощный под палящими лучами солнца.

— Нет! — отчаянно завопила я. — Я не желаю говорить с тобой. Уходи!

Он замедлил шаг, а я отвернулась от него и быстро пошла вниз по тропинке, по направлению к ореховому дереву. Я слышала его шаги по гравию тропинки, но продолжала идти все быстрее и быстрее, я уже почти бежала. Когда я уже собралась нырнуть под крону дерева, он настиг меня и схватил за руку, я пыталась вырваться, но он крепко держал меня.

— Клэр! — снова произнес он. Я пыталась бороться с ним, не поворачивая к нему лица. Если я не увижу его, то смогу убедить себя, что его здесь нет. И таким образом спасу себя.

Он отпустил мою руку, но вместо этого ухватил за плечи так, что мне пришлось поднять голову, чтобы сохранить равновесие. Лицо его было худым и загорелым, у рта пролегли резкие морщины, глаза потемнели от боли.

— Клэр, — произнес он более мягким тоном, увидев, что я смотрю на него. — Клэр, ведь это был и мой ребенок тоже.

— Да, был, но ты убил его.

Я вырвалась из его рук и нырнула под узкую арку. словно испуганная собачонка, я остановилась внутри миниатюрной, причудливо украшенной беседки, увитой виноградом. Кружевные стены беседки окружали меня со всех сторон — я оказалась в западне. В беседке сделалось темно, когда он заслонил собою вход в нее.

— Не трогай меня. — Я отступила назад, не отрывая глаз от пола.

«Уходи же! — фанатично повторяла я про себя. — Пожалуйста, ради Бога, оставь меня в покое!»

Я чувствовала, как серое покрывало, окутывающее меня, начинает спадать и острые стрелы пронзают мое тело, подобно молниям, пронзающим облака.

Он замер в нескольких шагах от меня. Я отвернулась от него и то ли села, то ли упала на деревянную скамеечку. Глаза мои были закрыты, и я вся дрожала. Несмотря на то, что дождь прекратился, было холодно, влажный ветер проникал сквозь резные стены беседки.

Джейми не приближался ко мне, но я чувствовала его присутствие, слышала его прерывистое дыхание.

— Клэр! — В его голосе звучало отчаяние. — Клэр, разве ты не видишь... Клэр, ты должна поговорить со мной! Ради Бога, Клэр! Ведь я даже не знаю, был ли это мальчик или девочка!

Я сидела словно замороженная, вцепившись руками в грубое дерево скамьи. Вдруг я услышала какой-то шум рядом. Я заставила себя открыть глаза и увидела, что он сидит на земле, на мокром гравии, у моих ног, низко опустив голову. Капли дождя поблескивали у него в волосах.

— Простишь ли ты меня когда-нибудь? — прошептал он.

— Это была девочка, — спустя минуту ответила я. Мой голос звучал хрипло, я говорила через силу. — Мать Хильдегард покрестила ее и дала ей имя. Вера. Вера Фрэзер. Ты знаешь, что матери Хильдегард присущ юмор...

Он продолжал некоторое время сидеть с опущенной головой. Потом спросил:

— Ты видела ребенка?

Теперь мои глаза были открыты. Я сидела уставившись в свои колени. Капли дождя, время от времени залетающие в беседку, оставляли темные пятна на моей шелковой юбке.

— Да, видела. Акушерка, самая лучшая из лучших мадам Бонэр, оказывающая «Обители ангелов» услуги на благотворительной основе, сказала, что я должна взглянуть на младенца, поэтому я это сделала.

Я даже слышала, как она говорила: «Дайте ей ребенка. Лучше, когда мать видит своего мертворожденного младенца, тогда у нее не остается никаких иллюзий». У меня их и не осталось. Я все помню.

— Она была само совершенство, — продолжала я как бы про себя, — такая маленькая. Ее головка помещалась у меня на ладони. Ушки были слегка оттопырены. Они просвечивали на солнце. И все ее тельце мягко светилось, особенно на округлостях щек и ягодиц. Мать Хильдегард завернула ее в кусок белого шелка. — Я сидела, глядя на свои руки, лежащие на коленях, сжатые в кулаки. — Глаза были закрыты. Ресничек еще не было, но глазки слегка косили. Я сказала, что ее глазки похожи на твои, но мне ответили, что у всех младенцев такие глаза. Десять пальчиков на руках и столько же на ногах. Ногтей еще не было. Но сквозь нежную кожу просвечивали суставы пальцев, коленные суставы, локтевые косточки...

Я вспомнила свое пребывание в больнице и то, как мать Хильдегард и мадам Бонэр шепотом переговаривались о том, что надо позвать священника, чтобы он по просьбе матери Хильдегард провел специальное богослужение. Я вспомнила я выражение лица мадам Бонэр, после того как она осмотрела меня. Видно, она посчитала, что я отправлюсь вслед за младенцем, потому что заговорила с матерью Хильдегард совсем тихо. Возможно, они шептались о том, что придется отслужить не одну, а уже две панихиды.

И из праха ты не воскреснешь.

Но я воскресла из мертвых. Власть Джейми надо мной и моим телом оказалась достаточно сильной, чтобы вырвать меня из небытия, и мистер Раймон знал об этом. Я знала, что только Джейми мог вернуть меня к жизни. Вот почему я бежала от него, гнала его прочь. Я не хотела возвращаться в этот мир, не хотела вновь познать любовь, а вместе с ней и страдания. Но было уже поздно. Я знала это, хотя и пыталась удержать эту серую пелену. Цепляясь за нее, я лишь способствовала ее разрушению; это было подобно попытке удержать в руке частичку облака, тающего в холодной мгле. Я уже чувствовала приближение света. Он время от времени озарял меня и согревал своими лучами.

Джейми поднялся и стоял рядом со мной. Его тень упала мне на колени. Несомненно, это означало, что пелена разорвана, тень не может существовать без света.

— Клэр, — прошептал он. — Позволь мне утешить тебя.

— Утешить? А каким образом? Ты можешь вернуть мне моего ребенка?

Он опустился передо мной на колени, но я не подняла головы. Я сидела, устремив взгляд на свои руки, бессильно опущенные на колени. Я почувствовала, как он протянул ко мне руку, но не посмел коснуться меня, отвел ее в сторону, потом снова протянул.

— Нет, — сказал он чуть слышно. — Нет, не могу. Но... с Божьей помощью... я мог бы подарить тебе другого.

Его ладонь легла на мои руки, и я ощутила ее тепло. Я ощущала также обуревавшие его горе, и гнев, и страх. И мужество, которое позволяло ему при этом еще и говорить. Я тоже собрала все свое мужество, взяла его за руку и подняла голову навстречу солнцу.

Мы сидели на скамейке, тесно прижавшись друг к другу и взявшись за руки, неподвижные и молчаливые. Казалось, прошла целая вечность, а холодный ветер все продолжал шептаться с листьями винограда у нас над головой, осыпая каплями дождя.

— Ты замерзла, — прошептал наконец Джейми и накинул мне на плечи полу своего плаща, делясь со мной теплотой своего тела. Я прижалась к нему, больше дрожа от этой близости, чем от холода.

Я положила руку ему на грудь, трепеща от мысли, что прикосновение к нему обожжет меня, и мы еще долго сидели так, прислушиваясь к шепоту виноградных листьев.

— Джейми, — нежно прошептала я. — О Джейми, где ты так долго был?

Он обнял меня, но ответил не сразу.

— Я думал, что ты умерла, *mo duinne*, — сказал он так тихо, что я едва расслышала. — Я видел тебя там, неподвижно лежащей на земле. Боже! Ты была бледная как мел, а твои юбки насквозь промокли от крови. Я хотел сразу же броситься к тебе, но меня схватил патруль.

Он судорожно сглотнул. Я почувствовала, как по всему его телу прошла дрожь.

— Я вырывался, даже дрался с ними, но они оказались сильнее. Меня увезли в Бастилию и заперли в камере там... Я думал, что ты умерла, Клэр, и что виной тому — я.

Дрожь снова стала сотрясать его тело, и я поняла, что он плачет, хотя и

не видела его лица. Сколько времени он просидел в Бастилии, совершенно один?

— Все в порядке, — сказала я, крепче прижимая руку к его груди, как бы желая успокоить его неистово бьющееся сердце. — Джейми, успокойся. Ты ни в чем не виноват.

— Я пытался разбить голову о стену — только ради того, чтобы избавиться от мыслей, снедавших меня, — продолжал он почти шепотом. — Тогда они связали меня по рукам и ногам. А на следующий день Роган пришел ко мне и сказал, что ты жива, хотя, по-видимому, долго не проживешь.

Какое-то время он молчал, но я чувствовала, что его терзает боль, острая как осколки льда.

— Клэр, — наконец прошептал он. — Прости меня.

«Прости меня» — были последние слова, обращенные ко мне и начертанные на листе бумаги перед тем, как мир развалился на куски. Но теперь я относилась к этим словам иначе.

— Я знаю, Джейми, я все знаю. Фергюс мне рассказал.

Он глубоко, прерывисто вздохнул.

— Ну, ладно... — произнес он и умолк. Я положила руку ему на бедро. Его брюки для верховой езды были грубы на ощупь.

— Они сказали тебе, когда отпускали, почему тебя освободили? — Я старалась говорить спокойно, но мне это не удавалось. Бедро его напряглось под моей рукой, но голос звучал твердо:

— Нет. Разве только то, что это доставляет удовольствие его величеству. — Слово «удовольствие» было произнесено с еле сдерживаемой яростью, из чего следовало, что он и сам догадывался о причине своего освобождения, независимо от того, сообщили ему ее или нет.

Я закусила нижнюю губу, стараясь сосредоточиться и решить, как лучше рассказать ему обо всем.

— Мне рассказала об этом мать Хильдегард. После того, как меня освободили, я сразу же поехал в «Обитель ангелов» и отыскал мать Хильдегард. Она передала мне твое письмо. И все рассказала.

— Да, я ездила, встречалась с королем.

— Я знаю. — Он стиснул мою руку, и по его прерывистому дыханию я поняла, что он с трудом сдерживает гнев.

— Но, Джейми... когда я поехала...

— Боже! — сказал он и, отстранившись от меня, впился в меня взглядом. — Да знаешь ли ты, Клэр, что я... — Он закрыл глаза и глубоко

вздохнул. — Всю дорогу, пока я ехал в Орвиэто, эта картина стояла у меня перед глазами. Я видел его руки на твоём белом теле, его губы у тебя на шее, а его... его член... нацеленный тебе между бедер... и как потом этот мерзкий обрубок вынырнул из тебя... О Боже, Клэр! Сидя в тюрьме, я думал, что ты умерла, а когда ехал в Испанию, я молил Бога, чтобы так и было!

Костяшки его пальцев, сжимавшие мне руку, побелели, и я почувствовала, как хрустнули мои пальцы. Я вырвала руку:

— Джейми, послушай!

— Нет, я не хочу слушать...

— Да послушай же, черт тебя побери!

Этого эмоционального моего восклицания оказалось достаточно, чтобы заставить Джейми на миг замолчать, а потом сразу же начать рассказывать об аудиенции у короля, о его спальнях, о людях в колпаках, о схватке между колдунами и о смерти графа Сент-Жермена.

Постепенно, по мере того как я рассказывала, его багрово-красное лицо обретало нормальный цвет, а ярость сменялась сначала недоумением, а в конце — радостным удивлением.

— Господи Иисусе, — наконец вымолвил он.

— Теперь ты понимаешь, что у тебя на уме были сплошные глупости? — Я была необычайно взволнованна, но старалась говорить спокойно. — Итак, граф мертв. А коль скоро он мертв...

Он кивнул, улыбаясь:

— Все в порядке. Наше дело выгорело.

Я почувствовала огромное облегчение:

— Слава Богу. Ты хочешь сказать, что лекарства хорошо подействовали на Муртага?

— Вовсе нет. Я хочу сказать, что они хорошо подействовали на меня.

Освободившись от страха и гнева, я почувствовала себя обновленной. Запах омытого дождем винограда был терпок и сладок, а благословенное тепло тела Джейми согревало меня, пока он рассказывал мне о пиратстве на море.

— Некоторые люди словно рождены для моря, Саксоночка, — говорил он. — Но боюсь, я к таковым не отношусь.

— Я знаю. Тебя укачивало?

— Ужасно, — уверял он меня.

Возле Орвиэто штормило, и через час стало ясно, что Джейми не сможет выполнить отведенную ему роль в задуманной операции.

— Я ни на что не был способен, только лежал в гамаке и стонал. Вот

тогда-то я и решил, что мне тоже следует заболеть оспой.

Он и Муртаг быстро поменялись ролями, и через двадцать четыре часа капитан «Саламандры», к своему ужасу, обнаружил у себя на борту оспу.

Джейми энергично почесал шею, как будто бы снова почувствовал выступившие на ней волдыри.

— Когда они обнаружили у меня «оспу», первым их побуждением было выбросить меня за борт, и надо сказать, что в тот момент я был бы этому только рад. Ты когда-нибудь страдала морской болезнью, Саксоночка?

— Слава Богу, нет, — содрогнулась я при мысли об этом. — А что Муртаг? Надеюсь, он остановил их?

— О да. Он ужасно свирепый, наш Муртаг. Он спал на полу у порога двери, держа руку на эфесе кинжала. И так было всю дорогу до Бильбао.

Оказавшись перед выбором: плыть в Гавр и лишиться всего груза или вернуться в Испанию и там продать вино, капитан предпочел второе.

— Однако он не сразу согласился на эту сделку, — продолжал Джейми, почесывая руку. — Целых полдня он донимал меня, писающего кровью и погибающего от рвоты. Но все же сделка состоялась. Вино и больной оспой были доставлены в Бильбао. И, хотя моча у меня все еще оставалась красной, я быстро шел на поправку. Мы продали вино перекупщику там, в Бильбао. И я немедленно послал Муртага в Париж — вернуть долг месье Дюверни, а затем... я тоже вернулся сюда.

Он посмотрел на свои руки и продолжал:

— Я долго не мог решиться, ехать мне сюда или нет. И решил хорошенько поразмыслить. Я шел от Парижа до Фонтенбло пешком всю дорогу. Или почти всю. Я шел, но потом возвращался назад, и снова шел и возвращался — и так не менее пяти раз. Я клеймил себя дураком и убийцей. И я еще точно не знал, что сделаю, когда встречу тебя. Может быть, убью тебя или себя.

Он вздохнул и посмотрел мне в глаза. В них отражались трепещущие на ветру виноградные листья.

— Я должен был прийти сюда, — просто сказал он. Я ничего не ответила, только накрыла ладонью его руку.

Упавшие виноградины наполняли воздух пьянящим запахом вина. Заходящее солнце проглянуло сквозь перья облаков, и темный силуэт Хьюго на золотистом фоне появился у входа в беседку.

— Простите, мадам. Моя госпожа желает знать, останется ли месье ужинать?

Я взглянула на Джейми. Он сидел спокойно, ожидая моего ответа.

Сквозь виноградные листья солнце золотило его волосы, придавая им тигровый окрас, по лицу скользили причудливые тени.

— Думаю, тебе следует остаться. Ты такой худой.

Он взглянул на меня с улыбкой.

— Ты тоже, Саксоночка. — Он поднялся и протянул мне руку. Я приняла ее, и мы вместе отправились ужинать, предоставив листьям винограда и дальше вести свою неторопливую беседу.

Я лежала рядом с Джейми. Его рука покоилась на моем бедре, а сам он крепко спал. Я всматривалась в темноту спальни, слушала мирное дыхание спящего рядом мужа и вдыхала свежий ночной воздух, наполненный запахом глициний.

Кончина графа Сент-Жермена знаменовала конец приема. Как только компания начала расходиться, взволнованно переговариваясь между собой, Людовик взял меня за руку и повел к той самой двери, через которую я вошла несколько минут назад. Красноречивый в нужную минуту, сейчас он не тратил времени впустую. Он подвел меня к дивану, уложил на спину и задрал мне юбки, не дав мне вымолвить ни слова. Он не целовал меня и не требовал этого от меня. Это было частью соглашения, заключенного между нами. Луи был настоящим дельцом, не склонным прощать долги кому бы то ни было. Неважно, представлял ли этот долг какую-нибудь ценность для него или нет. В его приготовлениях часть волнения была заменена страхом. И в самом деле, кто, кроме короля, осмелится заключить в объятия Белую Даму?

Я была скованна и совершенно не готова. В нетерпении он схватил со стола флакон с розовым маслом и быстро намазал мне между ног. Я лежала неподвижно, не произнося ни звука, чувствуя прикосновение его пальца, затем чего-то большего по размеру, и не испытывала ничего — ни боли, ни унижения. Это была обыкновенная сделка. Я ждала, затем после нескольких быстрых толчков он был уже на ногах, лицо покраснело от напряжения, руки торопливо застегивали брюки. Он никогда не посмел бы вести себя подобным образом с кем бы то ни было, и тем более с мадам de La Tourell, которая с готовностью, со значительно большей готовностью, чем я, разделит с ним ложе. Она ждет его внизу, в своих собственных спальнях покоях.

Я исполнила свою часть договора. Теперь и ему предстояло честно исполнить свое обещание. К счастью, никаких дальнейших притязаний с его стороны не последовало. Я ответила поклоном на его почтительный поклон, он под руку проводил меня до двери. Таким образом, в кабинете для аудиенций я находилась всего лишь несколько минут, выслушав

королевское обещание, что приказ об освобождения Джейми будет отдан завтра утром. Тот же самый господин ждал меня за дверью. Он поклонился мне, я поклонилась ему в ответ, а затем последовала за ним в Зеркальный зал, чувствуя удушливый аромат розового масла и липкую жидкость на внутренней стороне бедер.

Когда ворота закрылись за мной, я зажмурила глаза и подумала, что больше никогда не увижу Джейми, а если случайно встречу, то ткну его носом в розовое масло и не отпущу до тех пор, пока он не задохнется от его запаха и не умрет.

А сейчас вместо всего этого я лежала рядом с ним, и его рука покоилась у меня на бедре, а я прислушивалась к его глубокому и ровному дыханию. И дверь в кабинет для аудиенций его величества захлопнулась для меня навсегда.

Глава 29

ПУЧОК КРАПИВЫ

— Шотландия. — Я вздохнула, вспомнив прохладные реки и зеленые сосны Лаллиброха, имения Джейми. — Неужели мы действительно поедem домой?

— Думаю, что нам придется поехать туда. В указе короля о помиловании нам предписано покинуть Францию к середине сентября, иначе меня снова заточат в Бастилию. По-видимому, его величество согласовал свое решение с правительством Англии, поэтому меня не повесят сразу же, как только я сойду с трапа корабля.

— Может, нам лучше поехать в Рим или в Германию?.. — предложила я, внезапно разволновавшись. Более всего я желала вернуться домой, в Лаллиброх, и спокойно пожить в живописной Шотландии. Однако мое сердце замирало при мысли о дворцовых кознях и интригах. Но если Джейми говорит «нам придется»...

Он встряхнул головой, рыжие волосы упали ему на лицо.

— Да, Шотландия или Бастилия. Для большей верности и дата нашего отъезда определена, и проезд оплачен. — Он выпрямился и, криво усмехнувшись, отбросил волосы со лба. — Представляю, насколько безопаснее кажется герцогу Сандрингему или королю Георгу держать меня дома, и постоянно у себя на глазах, чем шпионить за мной где-нибудь в Риме или Германии. А три недели отсрочки даны в угоду Джареду, чтобы он успел вернуться домой до моего отъезда.

Я сидела у окна своей спальни, любуясь зеленым лесом Фонтенбло. Горячий, влажный воздух действовал угнетающе, подавляя волю и энергию.

— Не могу сказать, что твое сообщение обрадовало меня, — вздохнула я, прижимая прохладный стакан к щеке. После вчерашнего дождя воздух был насыщен влагой, отчего одежда и волосы казались липкими. — Ты действительно думаешь, что так будет безопаснее? Что Карл откажется от своей затеи, когда узнает, что граф мертв, а деньги, полученные от Манцетти, пропали?

Джейми нахмурился, пробуя рукой щетину на подбородке.

— Хорошо бы узнать, получал ли он письма из Рима за последние две недели. И, если получал, каково их содержание. Думаю, мы сможем это узнать. Ни один банкир в Европе не ссудит и сантима кому-либо из

Стюартов. Разве что им решатся помочь король Испании Филипп или Людовик. — Он опять брезгливо усмехнулся и пожал плечами. — Надежды же Карла Стюарта на месье Дюверни или герцога Сандрингема совершенно беспочвенны. Как ты думаешь, мне нужно бриться?

— Думаю, что нет. — Интимность этого вопроса внезапно смутила меня. Мы провели ночь в одной постели, но оба были слишком изнурены, и та ниточка, которая связала нас в беседке, была еще слишком тонка, чтобы побудить нас к проявлению страсти. Я провела ночь, наслаждаясь его теплым присутствием, но не могла позволить себе сделать первый шаг к близости. Я наблюдала за игрой света и тени у него на плечах, и, когда он повернулся, чтобы взять рубашку, меня вдруг охватило желание прикоснуться к нему, почувствовать его снова рядом с собой.

Он просунул голову в ворот рубашки, и его глаза вдруг встретились с моими. Он с минуту молча смотрел на меня. Привычные утренние звуки наполняли дом. Это были голоса слуг, высокий голос Луизы, то отдающий приказания, то распекающий кого-то.

Не здесь, сказали глаза Джейми. Когда вокруг столько народу. Затем он опустил глаза, старательно застегивая пуговицы рубашки.

— Не держит ли Луиза лошадей для верховой езды? — спросил он. — В нескольких милях отсюда — прекрасные горы. Мы могли бы прокатиться туда. Там наверняка гораздо прохладнее.

— Кажется, держит. Пойду спрошу.

Мы достигли гор как раз перед полуднем. Здесь не было гор в обычном понимании этого слова — скал, вздымающихся вверх подобно гигантским колоннам. Это были в основном известняковые кряжи в окружении холмов, поросших травой, пожухшей от солнца. Горы скорее походили на развалины древнего города, подвергшегося неумолимому воздействию времени и непогоды. Кое-где в распадах гор нашли прибежище какие-то странные низкорослые растения.

Мы оставили лошадей пастись на траве, а сами взобрались на широкую площадку из известняка, заросшую жесткой густой травой. Над площадкой нависал каменный козырек. Немногочисленные кусты, растущие здесь, дарили спасительную тень.

— Боже, как жарко! — воскликнул Джейми. Он расстегнул застёжки своей шотландской юбки, и она соскользнула на землю, вслед за тем он стал расстегивать рубашку.

— Что ты делаешь, Джейми? — посмеиваясь, спросила я.

— Раздеваюсь, — ответил он. — А ты почему не раздеваешься, Саксоночка? Ты вспотела еще больше, чем я, а здесь никого нет, кто бы мог

нас увидеть.

Помедлив немного, я последовала его совету. Здесь было совершенно безлюдно. Слишком крутое и скалистое место для овец. И вряд ли сюда мог забрести какой-нибудь пастух в поисках пропавшей овцы. Здесь мы были совершенно одни, вдали от Луизы и ее бдительных слуг. Пока я освобождалась от своей одежды, Джейми расстелил на земле свой сложенный в несколько раз плед. Сам же растянулся рядом, прямо на земле, закинув руки за голову. Казалось, он не испытывал никакого неудобства ни от потревоженных муравьев, ни от острых камешков, ни жесткой травы.

— Как ты можешь лежать прямо на голой земле? — вопрошала я, укладываясь на пледе, который он предусмотрительно прихватил с собой. Он пожал плечами, щурясь от яркого полуденного солнца.

— Все нормально, — сказал он и замолчал. Я слышала рядом его сонное дыхание, которое не мог заглушить шум ветра, проносящегося над окружающими нас холмами.

Я перевернулась на живот и уткнулась подбородком в сцепленные пальцы рук, наблюдая за Джейми. Он был широк в плечах и узок в бедрах, с длинными сильными ногами. Мускулы ног были хорошо развиты и были отчетливо видны, даже когда он отдыхал вот так, как сейчас. Слабый ветерок шевелил золотистые волосы под мышками и развеивал густые волосы цвета золота и меди, венчающие его голову. Легкий прохладный ветерок казался желанным в эту минуту, так как яркое солнце ранней осени припекало довольно сильно, обжигая мне плечи и спину.

— Я люблю тебя, — сказала я, чтобы просто насладиться смыслом и звучанием этих слов. Но он услышал, и тень улыбки скользнула по его широкому рту. Через минуту он тоже перекатился на живот и оказался рядом со мной на пледе. Несколько травинок прилипло к его спине и ягодицам. Я смахнула одну из них, и его кожа затрепетала от моего прикосновения. Я потянулась, чтобы поцеловать его в плечо, наслаждаясь запахом его теплой кожи и ощущая ее солоноватый привкус.

Вместо того чтобы тоже поцеловать меня, он отодвинулся и приподнялся на локте, глядя на меня. В выражении его лица появилось что-то необычное, неведомое мне прежде, и я почувствовала себя неуютно.

— О чем ты думаешь? — спросила я, проводя пальцем по его позвоночнику.

— Ну, мне интересно, — начал он и тут же умолк. Теперь он смотрел куда-то вдаль, играя маленьким цветком, который только что сорвал.

— Что тебе интересно?

— Как у тебя это было с Людовиком?

Мне показалось, что сердце мое остановилось. Я знала, что кровь отхлынула у меня от лица, потому что я почувствовала, как оцепенели мои губы, когда я с трудом вымолвила:

— Как было — что?

Он повторил свой вопрос, криво и неестественно улыбаясь.

— Ну, во-первых, он король. И тебе могло показаться, что с ним будет как-то иначе. Может быть, по-другому.

Лицо его сделалось таким же белым, как и мое. Он избегал моего взгляда.

— И мне хотелось бы знать, отличается ли он от меня чем-нибудь?

Я видела, как он закусил губу, желая вернуть сказанное, но было уже поздно.

— Как ты узнал, черт возьми?

Он покачал головой, по-прежнему не отпуская губу, а когда наконец отпустил, на ней остался глубокий красный след.

— Клэр, — нежно сказал он. — Ты отдала мне всю себя. Целиком и без остатка. Когда я просил тебя быть всегда честной со мной, я сказал, что ты никогда не должна мне лгать. Когда я прикасался к тебе вот так... — Его рука легла мне на ягодицу, и я вздрогнула от неожиданности. — Как давно я люблю тебя? — спросил он совершенно спокойно. — С того самого момента, как увидел впервые. Сколько раз мы были близки? Тысячу раз или больше?

Он коснулся меня пальцем, провел им по руке и плечу, затем спустился вниз к груди... Я задрожала и повернулась к нему лицом.

— Ты никогда не вздрагивала от моего прикосновения. И даже в тот самый первый раз. Но сейчас... — сказал он, убирая руку, — я подумал, что, может быть, это оттого, что ты потеряла ребенка, или, может быть, ты стеснялась меня после столь долгой разлуки, но потом понял, что дело не в этом.

Последовало долгое молчание. Я слышала, как тяжело бьется мое сердце, ветер колышет верхушки сосен далеко внизу, маленькие птички щебечут в кустах. Как мне хотелось сейчас стать одной из этих птичек.

— Почему? — мягко спросил он. — Почему ты солгала мне?

— Если бы... — начала было я, но тут же умолкла. — Если бы я рассказала, что у меня произошло с Людовиком, ты никогда бы не забыл об этом. Может быть, простил бы, но забыть — не забыл бы. И это всегда стояло бы преградой между нами. — И я снова умолкла.

Несмотря на жару, руки мои были холодны как лед, и сердце мое тоже заледенело. Но если я начала говорить, то должна сказать ему всю правду.

— Если бы ты спросил, я бы рассказала тебе все как есть, но сама начинать боялась. — У меня перехватило дыхание, я была не в силах говорить, но он не собирался приходить мне на помощь. — Боялась сказать тебе, почему я это сделала. Джейми, я должна была вызволить тебя из Бастилии. Я была готова на все, лишь бы ты был на свободе. Но я была и зла на тебя из-за дуэли и из-за ребенка. И за то, что ты вынудил меня искать встречи с Людовиком. Я хотела совершить что-нибудь такое, после чего уже не смогу видаться с тобой. Я сделала это отчасти и потому, что хотела причинить тебе боль.

— И причинила. — Он стиснул зубы и какое-то время молчал. Наконец он повернул голову и в упор посмотрел на меня. Я старалась отвести глаза, но не могла. — Клэр, — мягко сказал он. — Что ты чувствовала, когда я отдал свое тело Джеку Рэндоллу, когда я позволил ему взять меня в Уэнтуорте?

Меня словно пронзило током. Такого вопроса я не ожидала от него. Прежде чем ответить, я несколько раз то открывала, то закрывала рот.

— Я... я не знаю. Я не думала об этом. Гнев, конечно. И ярость. И боль. А потом я испугалась за тебя и жалела тебя.

— А ревность? Ревновала ли ты, когда я сказал тебе, правда позже, что он возбуждал меня, хотя я этого и не хотел?

Я перевела дыхание, чувствуя, как травинки колют мне грудь.

— Нет. По крайней мере, я так не думаю. В конце концов, я не думаю, что ты желал этого. — Я закусила губу, не смея поднять глаз.

Его голос звучал спокойно, когда он произнес:

— Я тоже не думаю, что тебе хотелось лечь в постель с Людовиком, не так ли?

— О, конечно же нет!

— Вот и хорошо, — сказал он. Он ухватил большими пальцами обеих рук травинку и вырвал ее с корнем. — Я тоже негодовал и сожалел. Когда это произошло, — продолжал, он почти шепотом, — мне казалось, ты не сможешь вынести этого. Я был уверен, что ты отвернешься от меня. Чтобы не видеть боли и разочарования на твоём лице, я попытался заставить тебя уехать. — Он закрыл глаза, поднял травинку и принялся водить ею по губам. — Но ты не уехала. Вместо того чтобы покинуть меня, ты нежно прижала меня к своей груди, ты любила и жалела меня. — Джейми глубоко вздохнул, глаза его подернулись влагой, он с трудом сдерживал слезы. — И я решил, что сейчас должен поступить по отношению к тебе так же, как тогда поступила ты. Вот почему я оказался в Фонтенбло.

Он моргнул несколько раз, и глаза его прояснились.

— Потом, когда ты сказала мне, что между вами ничего не было, сначала поверил, потому что мне хотелось, чтоб все было именно так, но потом... Больше я не мог прятаться сам от себя и понял, что ты солгала мне. Мне показалось, что ты больше никогда не полюбишь меня, что он стал желанным для тебя, но ты боишься это показать.

Травинка выпала из его рук, а голова поникла.

— Ты говоришь, что хотела сделать мне больно. Мысль о том, что ты лежала рядом с королем, причиняет большую боль, чем раскаленное железо, чем удары хлыста по обнаженной спине. Но мысль о том, что ты больше не позволишь мне любить тебя, страшнее ножа палача, вонзенного в живот. Клэр... — Он намеревался сказать еще что-то, но умолк, собираясь с силами, чтобы продолжить. — Я не знаю, смертельна ли эта рана или нет, но я чувствую, как сердце мое останавливается, когда я смотрю на тебя.

После этих слов Джейми в воздухе повисло тягостное молчание. Лишь было слышно жужжание мелких насекомых. Джейми был неподвижен как скала, его лицо было лишено какого-либо выражения. Мне очень хотелось нарушить это молчание, разделяющее нас. Нужно было немедленно что-нибудь предпринять, чтобы вернуть его утраченное доверие. Лучше смерть, чем это молчание.

— Джейми, — прошептала я. — Пожалуйста.

Он медленно повернулся ко мне. Лицо его казалось спокойным, хотя кошачьи глаза сузились еще больше, когда он взглянул на меня, затем потянулся ко мне и схватил за руку.

— Ты хочешь, чтобы я побил тебя? — мягко спросил он. Он все крепче сжимал мою руку, так, что я невольно вскрикнула, пытаюсь отнять ее. Он силой удержал меня, затем положил на траву. Я чувствовала, что во мне все дрожит, тело покрылось гусиной кожей, и я еле выдавила из себя:

— Да.

Не спуская с меня глаз, одной рукой придерживая меня за руку, другой он сорвал кустики крапивы — один, два... десять...

— Крестьяне Гаскони стегали своих неверных жен крапивой, — сказал он. Он опустил пучок крапивы мне на грудь, я задохнулась от неожиданности и боли, а на груди, словно по волшебству, выступили красные пятна. — Ты хочешь, чтобы я продолжал? Ты хочешь, чтобы я на казал тебя таким образом?

— Если... если тебе так хочется. — Губы мои так сильно дрожали, что я с трудом могла разговаривать. Несколько кусочков земли с корней крапивы упали мне на грудь, один кусочек скатился вниз. «Это от толчков сердца», — подумала я. Грудь продолжала пылать огнем от крапивы. Я

закрыла глаза и живо представила, что будет дальше со мной, но вдруг рука Джейми, сжимающая мою руку, ослабла. Я открыла глаза и увидела Джейми, сидящего возле меня, скрестив ноги. Пучок крапивы валялся далеко в стороне. Жалкая улыбка блуждала на его губах.

— Когда я выпорол тебя первый раз — вполне заслуженно, — ты поклялась, что выпустишь мне кишки моим же собственным кинжалом. Теперь ты хочешь, чтобы я отхлестал тебя крапивой. — Он медленно покачал головой в некоторой растерянности: — Значит, ты так высоко чтишь мое мужское достоинство?

— Значит, чту, черт тебя побери! — Я села, обхватила его за плечи и, к нашему обоюдному удивлению, крепко поцеловала его, хотя и неумело. Я почувствовала, как он невольно восторженно, крепко прижал меня к себе, отвечая на мой поцелуй. Потом всем телом навалился на меня, так прижав к земле, что я лишь с трудом могла перевести дух. Его широкие плечи заслонили от меня яркое солнце. Я не могла пошевелить ни рукой, ни ногой. Я была целиком в его власти.

— Вот так, — прошептал он. Его взгляд пронзил меня насквозь, так что я вынуждена была зажмуриться. — Как ты и хотела, я накажу тебя.

Его бедра властно заявили о себе, и я почувствовала, как мои ноги покорно раздвигаются под натиском его страсти.

— Никогда! Скажи, что никогда ни один мужчина не будет обладать тобой. Смотри мне в глаза! Обещай! Вот, смотри на меня! Клэр! — Он стремительно, с силой, вошел в меня. Я застонала и отвернула бы от него голову, но он крепко держал мое лицо ладонями, заставляя смотреть ему в глаза, видеть его большой сладострастный рот, кривившийся от боли. — Никогда! — произнес он более мягко. — Потому что ты принадлежишь только мне. Ты жена моя, сердце мое, душа моя.

Я не могла пошевелиться под тяжестью его тела, но соприкосновение нашей плоти было так сладостно, что мне хотелось этого снова и снова. Еще и еще.

— Моя, только моя, — шептал он, тяжело дыша и давая мне то, чего я так страстно желала. Я извивалась под ним, словно желая ускользнуть, изгибалась дугой, устремляясь ему навстречу. Он распластывался на мне, вытянувшись во весь свой рост, и оставался несколько мгновений неподвижным.

Трава подо мной была жесткой и колючей, запах сломанных стеблей был таким же терпким, как запах мужчины, овладевшего мной.

Груды мои расплющились под ним, я чувствовала легкое покалывание волос на его груди, когда наши тела, сомкнувшись, двигались в

размеренном ритме взад-вперед. Я извивалась, уворачиваясь от него, разжигая в нем неистовую страсть. Я чувствовала, как напрягаются и дрожат его бедра, когда он наконец входил в меня.

— Никогда, — шептал он.

— Никогда, — вторила я и закрывала глаза, не в силах вынести его пронзительный взгляд.

Ласковые, властные прикосновения заставляли меня снова устремляться ему навстречу.

— Нет, моя Саксоночка! — нежно сказал он. — Открой глаза. Смотри на меня! Вот оно, твоё наказание, и мне тоже. Посмотри, что ты сделала со мной, как я вижу, что сделал с тобой. Посмотри на меня.

И я смотрела, словно пленница, прикованная к нему. Смотрела и видела на его лице страдания и боль его души, и силу страсти, и любовь ко мне. Но его глаза не давали мне возможности заплакать. Они притягивали мой взгляд и делали его бездонным, как солёное море. Его тело держало меня в плену, заставляя покоряться его силе, подобно тому как западный ветер надувает паруса баркаса.

Я устремлялась в него, как он — в меня, пока последние вспышки страсти не начинали сотрясать меня. Тогда он вскрикнул, и мы вместе закачались на волнах счастья, не отрывая глаз друг от друга.

Жаркое полуденное солнце раскалило белые известняковые горы. Я поискала глазами и вскоре нашла то, что искала. В одной из трещин огромного известнякового валуна росло нужное мне сейчас растение — алоэ. Я сорвала его, оторвала один листок и выдавила несколько капель на обожжённую крапивой ладонь Джейми.

— Лучше теперь? — спросила я.

— Намного. — Джейми сжал пальцы, морщась от боли. — Здорово кусается и жжется эта крапива.

— Конечно. — Я оттянула ворот своей блузы и выжала несколько капель алоэ себе на грудь. Прохладный сок тут же принес облегчение. — Я рада, что ты не исхлестал меня всю, — сказала я, искоса взглянув на пучок крапивы, валявшийся неподалёку.

— Не говори так, Саксоночка, не нужно меня искушать, — сказал Джейми, наклоняясь и нежно целуя меня. — Дорогая моя, клянусь, что я никогда ни в горе, ни в ярости не подниму на тебя руку. В конце концов, — мягко добавил он, — я и так причинил тебе немало боли.

От внезапно нахлынувших воспоминаний у меня на глазах выступили слезы, но мне хотелось хоть как-то облегчить его боль.

— Джейми, — сказала я дрожащим голосом. — Ребенок... Тут не было

твоей вины. Поначалу именно так я считала, но потом поняла, что ошибалась. Я думаю, что так бы случилось независимо от того, убил ты Джека Рэндолла или нет.

— Ты так думаешь? Возможно. — Он прижал мою голову к своей груди. — Мне стало немного легче от твоих слов, хотя ребенок значил для тебя не меньше, чем Фрэнк. Ты простишь меня за это? — В глядевших на меня глазах была тревога.

— Фрэнк... — встрепелась я. — Но... тут нечего прощать. — Неожиданно мне пришла в голову мысль, что, возможно, он не знает о том, что Джек Рэндолл жив. Ведь Джейми заключили под стражу немедленно после дуэли. Но если он не знает... Я с трудом перевела дыхание. Лучше, если он узнает об этом от меня.

— Ты не убил Джека Рэндолла, Джейми.

К моему большому недоумению, он не казался удивленным или потрясенным. Он покачал головой, и солнце заиграло в его рыжих волосах. В тюрьме они основательно отросли, и ему приходилось постоянно отбрасывать их назад.

— Я это знаю, Саксоночка, — сказал он.

— Знаешь? Но... тогда... — Я растерялась.

— А больше тебе ничего не известно? — медленно произнес он.

У меня похолодели руки, невзирая на жаркий день.

— Не знаю... что?

Он закусил нижнюю губу, стараясь не встречаться со мной глазами. Наконец он тяжело вздохнул:

— Я не убил его. Но ранил.

— Да, Луиза говорила, что ты его тяжело ранил. Но она также сказала, что он поправляется.

Вдруг в моей памяти всплыла та последняя сцена в Фонтенбло. Последняя, перед тем как темнота поглотила мое сознание. Острый конец шпаги пронзает покрытую каплями дождя оленью кожу. Кожу, из которой были сшиты брюки Джека Рэндолла. Огромное красное пятно на брюках у пояса и шпага, стремительнодвигающаяся от пояса к низу живота.

— Джейми, — воскликнула я, с ужасом глядя на него, — Джейми, что ты сделал?!

Он сидел, опустив глаза и потирая обожженную крапивой ладонь о подол шотландской юбки. Он покачал головой, как бы сам удивляясь содеянному.

— Я был таким глупцом, Саксоночка. Я бы не считал себя мужчиной, если бы позволил ему уйти неотомщенным за то, что он сотворил с

мальчиком. И все-таки... я все время мысленно повторял себе: «Ты не должен его убивать, ты же обещал! Ты не должен его убивать». — Он горько улыбнулся, глядя на свою ладонь. — У меня внутри бушевало пламя, но я по-прежнему продолжал твердить про себя: «Ты не должен его убивать». И я до поры до времени сдерживал данное тебе обещание. Но я пребывал в бешенстве, в ушах у меня звенела кровь... и в какой-то момент я вспомнил Уэнтуорт и Фергюса, и эти воспоминания затмили твою просьбу, и лезвие моей шпаги... — Он внезапно умолк.

Я почувствовала, как кровь отхлынула у меня от головы, и тяжело опустилась на камень.

— Джейми, — прошептала я. Он беспомощно пожал плечами.

— Мне нечего сказать тебе, Саксоночка, — продолжал он, избегая моего взгляда, — кроме того, что я ранил его в это самое дьявольское место.

— Боже. — Я сидела, не в силах пошевелиться, а он внимательно разглядывал свои руки. На одной из них, на правой, сохранился небольшой розовый шрамик. След от гвоздя, который Джек Рэндолл вогнал в нее. Там, в Уэнтуорте.

— Ты ненавидишь меня за это, Клэр? — спросил он тихо, чуть слышным голосом.

Я закрыла глаза и покачала головой:

— Нет, — а когда открыла их снова, увидела взволнованное лицо Джейми. — Я не знаю, что я сейчас думаю, Джейми. Правда не знаю. Но в одном я уверена: я не испытываю к тебе ненависти. — Я взяла его руку, нежно пожала и добавила: — А сейчас, прошу тебя, дай мне побыть одной несколько минут, хорошо?

Джейми ушел, а я надела свою успевшую высохнуть одежду и теперь сидела на валуне, разглядывая кольца у себя на руках — одно серебряное, другое золотое. Я носила оба обручальных кольца и не знала почему.

Итак, Джек Рэндолл никогда не сможет стать отцом. Джейми был уверен в этом, а я не была склонна расспрашивать его о причине такой уверенности. И все же я носила кольцо Фрэнка. Я все еще помнила человека, который был моим первым мужем, все, что было связано с ним и чего больше нет. Как же он может не существовать?

Я не знала. Возможно, я никогда не узнаю, так ли это. Я потрянула головой, отбросив назад растрепанные ветром кудри. Если мы порой можем повлиять на наше будущее, во всяком случае пытаемся это сделать, то наше недавнее прошлое изменить мы не в силах. Что сделано, то сделано. И что бы я ни предпринимала, ничего изменить нельзя. Джек

Рэндолл никогда не сможет зачать ребенка.

По склону позади меня скатился камешек, подпрыгивая я увлекаю за собой водопад гравия. Я повернулась и взглянула вверх, где Джейми, уже одетый, внимательно смотрел куда-то вдаль.

Ярко-белая поверхность известнякового холма свидетельствовала о том, что коричневый грязный слой его под влиянием скорее всего непогоды разрушился и сполз вниз. Там виднелись малюсенькие, только что проклюнувшиеся из земли растения, нашедшие приют на этом свежем участке почвы. Они резко контрастировали с густым кустарником, покрывающим остальные участки горы. Джейми брел по склону, хватаясь за валуны руками. Я видела, как он обогнул гигантский валун, и среди полуденной тиши услышала звон его кинжала, ударившегося о камень.

Потом он исчез из моего поля зрения. В ожидании, когда он появится с другой стороны скалы, я сидела, блаженно жмурясь и подставляя плечи горячему солнцу. Он все не появлялся. Через несколько минут я забеспокоилась. А что, если он поскользнулся и упал или ударился головой о скалу? Минуты казались вечностью. Я стянула с ног сапоги, подоткнула юбки и стала взбираться вверх по холму, осторожно ступая ногами по белым теплым камням.

— Джейми!

— Я здесь, Саксоночка! — Голос его прозвучал прямо у меня за спиной, и я от неожиданности чуть не потеряла равновесие. Он схватил меня за руку и помог подняться на маленькую площадку между двумя валунами.

Потом он повернул меня к стене известняка со следами ржавчины от стекавшей когда-то по ней воде.

— Смотри, — тихо произнес он.

Я посмотрела, куда он указывал, и увидела нарисованные на стене, словно мчавшиеся прямо на нас стада бизонов и оленей, а над ними кружили стаи птиц. Картина была написана в черно-красных и желтых тонах и свидетельствовала о незаурядном мастерстве художника. Оно проявилось и в том, как он использовал естественные трещины и неровности камня. Когда-то это картина, сотворенная безымянным художником при свете костра, украшала стены пещеры. Со временем стены пещеры разрушились, и она предстала на всеобщее обозрение, такая же прекрасная и при свете солнечного дня.

— Саксоночка! Иди сюда, пожалуйста! — Голос Джейми звучал как-то непривычно, и я поспешила на его зов. Он стоял у входа в одну из небольших пещер, словно выстроившихся в ряд, заглядывая внутрь.

Они лежали за выступом скалы, как будто бы укрывшись здесь от ветра. Их было двое. Они лежали рядом, как бы обнявшись, на твердом полу пещеры. В сухом воздухе их кости сохранились, хотя плоть давным-давно истлела. На одном черепе уцелел небольшой кусочек коричневой кожи с волосами, порыжевшими от времени. Они слегка шевелились под легкими порывами ветерка.

— Бог мой, — тихо произнесла я, как бы боясь потревожить их покой. Джейми обнял меня и привлек к себе. — Наверное... их... убили? По-видимому, ритуальное убийство?

Джейми покачал головой, внимательно вглядываясь в небольшую грудку хрупких костей.

— Нет, — ответил он. Он тоже говорил тихо, как обычно принято говорить в церкви. Он повернулся и показал рукой на картину за нашей спиной, на которой были изображены скачущие олени и курлыкающие журавли, нарисованные на камне. — Нет, — повторил он. — Люди, которые рисовали эти картины, не могли так поступить. — Он вновь повернулся к двум скелетам, сплетенным у наших ног. Он склонился над ними, прослеживая пальцем линию их костей, но стараясь не касаться их мраморной поверхности. — Видишь, как они лежат? Они не упали здесь, и никто не принес их откуда-то сюда. Они сами легли здесь. — Его рука скользила над длинными костями рук более крупного скелета. — Он обнимает ее. Он обхватил ее ногами и крепко прижал к себе. Его голова покоится на ее плече. — Рука Джейми мелькала то тут, то там, как бы озаряя бранные останки силой своего воображения, и мне казалось, что я вижу их живыми, обнявшимися последний раз и навсегда. Мелкие фаланги пальцев разрушились, но хрящи уцелели, и благодаря этому поза скелетов сохранилась в первозданном виде. Влюбленные встретили свой смертный час в объятиях друг друга.

Наконец Джейми поднялся и осмотрел внутренность пещеры, лучи заходящего солнца окрасили стены в розовато-желтый цвет.

— Взгляни туда. — Он указал на площадку возле входа в пещеру. Камни здесь были коричневого цвета от вековой пыли, но на них не было ржавчины от воды и эрозии, как в самой пещере. — Здесь когда-то был вход в пещеру, но однажды камни упали и замуровали его. — Он обернулся и потрогал рукой каменный выступ, закрывший для влюбленных белый свет. — Они, должно быть, шли по пещере, взявшись за руки, искали выход. Да, так оно и было. — Джейми прижался лбом к камню и закрыл глаза. — Но свет померк для них навсегда. Они это поняли и решили умереть в объятиях друг друга.

По его щекам, покрытым пылью, потекли слезы, оставляя на них светлые дорожки. Я тоже терла глаза руками. Потом взяла его за руку. Наши пальцы сплелись. Джейми повернулся ко мне и, не говоря ни слова, так крепко прижал к себе, что у меня перехватило дыхание.

notes

Примечания

Оксфэм — организация в Великобритании, оказывающая слаборазвитым странам не только помощь в развитии сельского хозяйства, но и гуманитарную.

Красивый Принц Чарли — одно из прозваний принца Карла Стюарта (1720-1788), или Младшего Претендента, возглавлявшего якобитское восстание 1745-1746 гг.; якобиты — сторонники короля Якова II (правил в 1685-1688 гг.) и его наследников.

Престон — место сражения 13 ноября 1715 г. якобитов во главе с генералом Форстером и отрядом королевских войск.

Престонпанс — место сражения 21 сентября 1745 г. между отрядом королевской армии и отрядом якобитов под командованием Карла Эдуарда Стюарта.

Старые добрые времена (шотл.).

6

Сокр. от «макинтош», по имени изобретателя этого вида плаща.

Брюс Роберт (1274 — 1329), шотландский король с 1306 г.

Георг II (1683-1760), английский король с 1727 г.

Пиктские камни — то есть установленные пиктами, составлявшими древнее население Шотландии; в IX веке пикты были завоеваны скоттами (шотландцами) и смешались с ними.

Килт — клетчатая юбка, национальный костюм шотландского горца

Я ГОТОВ (фр.).

Стоун — мера веса, равная 6, 35 кг.

Моя королева (шотл.).

Пан — в греческой мифологии первоначально бог стад, покровитель пастухов, затем всей природы. Изображался в виде человека с козлиными рогами, копытами и бородой.

Дословно: служанка для мелких услуг (фр.).

Скрупула — аптекарская мера, равная 20 гранам.

Паддок — загон для лошадей.

Теннисон Альфред (1809 — 1892) — английский поэт, автор цикла поэм «Королевские идиллии», драмы «Королева Мария».

Бернс Роберт (1759 — 1796) — шотландский поэт.

Горгулья — в готической архитектуре — рыльце водосточной трубы в виде фантастической фигуры, обычно звериной.

Мата Хари, настоящее имя Гертруд Маргарета Зелле (1876 — 1917) — голландская танцовщица, во время Первой мировой войны — агент немецкой разведки во Франции.